ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 5.

МАЙ, 1914.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 5-я.—МАЙ, 1914.

	стран.
I.—ЗАБЫТЫЯ СЛОВА.—Стихотвореніе.—**А.**	5
II.—НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ М. Е. САЛТЫКОВА. — I. Господа ташкентцы. II. Ташкентцы приготовительнаго класса. III. Благопамѣренная повѣсть.	6
III.—ИЗЪ ДЖОВАННИ ПАСКОЛИ.—**Семена Астрова**	35
IV.—ВОЗВРАЩЕНІЕ.—Романъ.—Окончаніе.—**Евгенія Чирикова**	39
V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. В. Е. Ивановой. II. Е. Ю. К.—**Конст. Эберга**	72
VI.—БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ.—**С. Аникина**	74
VII.—ЗОВЫ.—Стихотвореніе.—**Влад. Фишера**	108
VIII.—ЗЕМНЫЕ СТРАННИКИ.—Повѣсть.—**К. и О. Ковальскихъ**	109
IX.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Вѣры С.**	133
X.—ВИДѢНІЯ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.—**Д. Успенскаго**	134
XI.—ИНДИВИДУАЛИЗМЪ ВЪ НОВѢЙШЕМЪ ИСКУССТВѢ.—**К. Залевскаго**	172
XII.—РУССКІЙ КАНДИДЪ.—Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Достоевскаго.—**Леонида Гроссмана**	192
XIII.—ВОПРОСЫ ВРЕМЕНИ. — III. Подъ игомъ словесности. — **Д. Овсянико-Куликовскаго**	204
XIV.—БѢЛЫЯ НОЧИ. Романъ Іогана Бойера.—Съ норв. пер. **З. Журавской**	210
XV.—ПАМЯТИ М. Е. САЛТЫКОВА.—**Нестора Котляревскаго**	254
XVI.—САЛТЫКОВЪ ВЪ ПАМЯТИ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ.—**К. Арсеньева**	264
XVII.—ХРОНИКА.—ПИСЬМО ИЗЪ СОФІИ.—**А. Деренталя**	271
XVIII.—ОРГАНИЗАЦІЯ ВОДНАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.—**Ор. Шкапскаго**	280
XIX.—ПРАКТИКА И ТЕОРІЯ ОДНОЙ ОБРАЗЦОВОЙ АНГЛІЙСКОЙ ФАБРИКИ.—**П. Мижуева**	302
XX.—КРУЖКИ ФЕРМЕРШЪ ВЪ БЕЛЬГІИ.—**Е. Чарнолуской**	317
XXI.—БУНИНЪ, КАКЪ ХУДОЖНИКЪ-ПОВѢСТВОВАТЕЛЬ. **Е. Колтоновской**	327
XXII.—ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ФРЕЙСИНЭ.—**Л. Слонимскаго**	342
XXIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Памятники міровой литературы. Античные писатели. Маркъ Аврелій. Наединѣ съ собой. Размышленія. Переводъ съ греческаго и примѣчанія С. Роговина; вступительный очеркъ С. Котляровскаго.—**Б. Л. Иванова.** — Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго. Т. I. Подъ ред. и съ примѣч. М. Л. Гофмана. Изданіе Разряда изящной словесности Имп. Академіи Наукъ.—**Н. Лернера.**—Георгій Гребенщиковъ. Въ просторахъ Сибири. Разсказы. Издательское Т-во Писателей.—**М. К—каго.** — Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова. Т. I.—**П. Ст.** — Сѣровы, Александръ Николаевичъ и Валентинъ Александровичъ. Воспоминанія В. С. Сѣровой. — **М. Славинскаго.**—Гр. Павелъ Толстой. Земская Россія о реформѣ продовольственнаго законодательсва въ 1909—1910 г. — **В. В.** — Владиміръ Розенбергъ. Лѣтопись русской печати. (1907 — 1914). — **М. Славинскаго.** — Петръ Струве — Крѣпостное хозяйство. Изслѣдованіе по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.—**В. З.** — Léon Duguit. Les transformations du droit public.—**П. Е. Михайлова.**—Die wirtschaftlichen Kräfte Deutschlands. Berlin.—Dr. W. Preyer. Die Arbeits und Pachtgenossenschaften Italiens. **К. Л.**	347
XXIV.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Кооперація и многочисленныя надежды на нее.—Стремительный ростъ кооперації.—Роль кооперації въ Сибири—Экономическія и просвѣтительныя функціи кооперації.—Громадное значеніе кооперації для деревни.—Изгнаніе народныхъ учителей изъ кооперативовъ.—Борьба циркуляра съ жизнью.—Неизбѣжная побѣда жизни.—**И. Жилкина**	367
XXV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Франко-британская дружба и тройственное согласіе.—Письмо Лависса и вопросъ о союзѣ. — Парламентскіе выборы во Франціи.—Внѣшнія и внутреннія дѣла Австро-Венгріи.—Политическій кризисъ въ Англіи.—Политика Соединенныхъ Штатовъ и мексиканскія дѣла	380
XXVI.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Привлеченіе къ судебной отвѣтственности члена Госуд. Думы Н. С. Чхеидзе.—Чего «не понимаетъ» князь Мещерскій?—Звенья одной цѣпи и ея концы.—Моральная и финансовая стороны въ вопросѣ о пьянствѣ.—Опредѣлившіяся «серьезныя мѣропріятія»—Безпримѣрное особое мнѣніе.—**В. Кузьмина-Караваева.**—† К. П. Михальчукъ —**М. Сл.**	392
XXVII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ	409
XXVIII.—НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ	415
XXIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ	419

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

1 4эк.

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.

МАЙ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1914.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ на 1914 г.

(Сорокъ-девятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ, подъ редакціей К. К. АРСЕНЬЕВА, Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО и А. С. ПОСНИКОВА,

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТІИ:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. Если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса,* оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“.

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЯТАЯ—МАЙ.

		стран.
I.	«ЗАБЫТЫЯ СЛОВА.—Стихотвореніе.—**А.**	5
II.	НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ М. Е. САЛТЫКОВА.—I. Господа ташкентцы. II. Ташкентцы приготовительнаго класса. III. Благонамѣренная повѣсть	6
III.	ИЗЪ ДЖОВАННИ ПАСКОЛИ. — **Семена Астрова**	35
IV.	ВОЗВРАЩЕНІЕ.—Романъ.—Окончаніе.—**Евгенія Чирикова.**	39
V.	СТИХОТВОРЕНІЯ.—**Конст. Эберга**	72
VI.	БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ.—**С. Аникина**	74
VII.	ЗОВЫ.—Стихотвореніе.—**Влад. Фишера**	108
VIII.	ЗЕМНЫЕ СТРАННИКИ.—Повѣсть.—**К.** и **О. Ковальскихъ**	109
IX.	СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Вѣры С.**	133
X.	ВИДѢНІЯ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.—**Д. Успенскаго**	134
XI.	ИНДИВИДУАЛИЗМЪ ВЪ НОВѢЙШЕМЪ ИСКУССТВѢ.—**И. Залевскаго**	172
XII.	РУССКІЙ КАНДИДЪ.—Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Достоевскаго.—**Леонида Гроссмана**	192
XIII.	ВОПРОСЫ ВРЕМЕНИ. — III. Подъ игомъ словесности. — **Д. Овсянико-Куликовскаго**	204
XIV.	БѢЛЫЯ НОЧИ.—Романъ Іогана Бойера. — Съ норв. пер. **З. Журавской**	210
XV.	ПАМЯТИ М. Е. САЛТЫКОВА.—**Нестора Котляревскаго**	254
XVI.	САЛТЫКОВЪ ВЪ ПАМЯТИ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ.—**К. Арсеньева**	264
XVII.	ХРОНИКА.—ПИСЬМО ИЗЪ СОФІИ.—**А. Деренталя**	271
XVIII.	ОРГАНИЗАЦІЯ ВОДНАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.—**Ор. Шкапскаго**	280
XIX.	ПРАКТИКА И ТЕОРІЯ ОДНОЙ ОБРАЗЦОВОЙ АНГЛІЙСКОЙ ФАБРИКИ.—**П. Мижуева**	302
XX.	КРУЖКИ ФЕРМЕРШЪ ВЪ БЕЛЬГІИ.—**Е. Чарнолуской**	317
XXI.	БУНИНЪ, КАКЪ ХУДОЖНИКЪ-ПОВѢСТВОВАТЕЛЬ.—**Е. Колтоновской**	327
XXII.	ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ФРЕЙСИНЭ.— **Л. Слонимскаго**	342
XXIII.	ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Памятники міровой литературы. Античные писатели. Маркъ Аврелій. Наединѣ съ собой. Размышленія. Переводъ съ греческаго и примѣчанія С. Роговина, вступительный очеркъ С. Котляровскаго.—**Б. П. Иванова.**—Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго. Т. I. Подъ ред. и съ примѣч. М. Л. Гофмана. Изданіе Разряда изящной словесности Имп. Академіи Наукъ.—**Н. Лернера.**—Георгій Гребенщиковъ. Въ просторахъ Сибири. Разсказы. Издательское Т-во Писателей.—**М. К—наго.** — Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова. Т. I. — **П. Ст.** — Сѣровы, Александръ Николаевичъ и Валентинъ	

стран.

Александровичъ. Воспоминанія В. С. Сѣровой. — **М. Славинскаго.** — Гр. Павелъ Толстой. Земская Россія о реформѣ продовольственнаго законодательства въ 1909—1910 г. — **В. В.** — Владиміръ Розенбергъ. Лѣтопись русской печати. (1907 — 1914). — **М. Славинскаго.** — Петръ Струве. Крѣпостное хозяйство. Изслѣдованіе по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.— **В. В.** Léon Duguit. Les transformations du droit public.—**П. Е. Михайлова.**—Die wirtschaftlichen Kräfte Deutschlands. Berlin.— Dr. W. Preyer. Die Arbeits und Pachtgenossenschaften Italiens. Iena.—**К. Л.** 347

XXIV. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Кооперація и многочисленныя надежды на нее.—Стремительный ростъ кооперації.—Роль кооперації въ Сибири.— Экономическія и просвѣтительныя функціи кооперації. — Громадное значеніе кооперації для деревни.—Изгнаніе народныхъ учителей изъ кооперативовъ. — Борьба циркуляра съ жизнью. — Неизбѣжная побѣда жизни.—**И. Жилкина** 365

XXV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Франко-британская дружба и тройственное согласіе.—Письмо Лависса и вопросъ о союзѣ.—Парламентскіе выборы во Франціи. Внѣшнія и внутреннія дѣла Австро-Венгріи. — Политическій кризисъ въ Англіи. — Политика Соединенныхъ Штатовъ и мексиканскія дѣла 380

XXVI. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Привлеченіе къ судебной отвѣтственности члена Государственной Думы Н. С. Чхеидзе.—Чего «непонимаетъ» князь Мещерскій?—Звенья одной цѣпи и ея концы.—Моральная и финансовая стороны въ вопросѣ о пьянствѣ.—Опредѣлившіяся «серьезныя мѣропріятія». — Безпримѣрное особое мнѣніе. — **В. Кузьмина-Караваева.**—† К. П. Михальчукъ.—**М. Сл.** 392

XXVII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 409

XXVIII. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 415

XXIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ 419

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: А. С. Посникова — по субботамъ отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ)

„ЗАБЫТЫЯ СЛОВА“.

«Забытыя слова»—завѣтъ прощальный
Того, чью память чтитъ проснувшійся народъ.
Отрады не несетъ съ собой ихъ звонъ печальный,
Не наступилъ еще побѣдный ихъ восходъ.

Свободы свѣтъ блеснулъ мгновенными лучами,
И голосъ совѣсти въ отвѣтъ имъ зазвучалъ,
И правды ликъ святой тогда передъ глазами
Полуослѣпшими призывно возсіялъ.

Коротокъ былъ моментъ воскреснувшей надежды,
Надвинулася вновь знакомой ночи тьма,
И думалось порой—опять сомкнутся вѣжды,
Опять забудутся священныя слова.

Но нѣтъ! Глубокій слѣдъ оставили стремленья
Всѣхъ тѣхъ, кто мысль будилъ и истину искалъ,
И онъ не зарастетъ глухой травой забвенья,
Пока въ сердцахъ живетъ завѣтный идеалъ.

А.

НЕИЗДАННЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ М. Е. САЛТЫКОВА.

I.

ГОСПОДА ТАШКЕНТЦЫ.

(Изъ воспоминаній одного просвѣтителя) [1]).

Я принадлежу къ очень хорошей фамиліи. Одинъ изъ моихъ предковъ ѣздилъ въ Тушино (кажется, онъ былъ не прочь поволочиться за хорошенькою Маринкою), другой кому-то цѣловалъ крестъ, потомъ еще кому-то цѣловалъ крестъ и, наконецъ, и еще кому-то цѣловалъ крестъ. За всѣ эти поцѣлуи ему

---

[1]) Печатаемые очерки М. Е. Салтыкова найдены въ архивѣ М. М. Стасюлевича.

Изъ нихъ очеркъ «Господа Ташкентцы» имѣетъ въ рукописи два варьянта, при чемъ второй является прямымъ продолженіемъ перваго; но во второмъ—начало разсказа приведено лишь въ очень сокращенномъ видѣ. Въ печатаемомъ текстѣ оба варьянта сведены вмѣстѣ, для чего понадобилось опустить нѣсколько строкъ совпадающаго текста въ обоихъ варьянтахъ. Отдѣльныя мѣста этого очерка использованы М. Е. Салтыковымъ въ другихъ произведеніяхъ (сцены между матерью и сыномъ, слова: «*кто* меня любилъ» и пр.); въ общемъ же очеркъ этотъ самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ къ извѣстнымъ щедринскимъ очеркамъ о ташкентцахъ.

Очеркъ: «Параллель пятая и послѣдняя» «Ташкенцевъ приготовительнаго класса» является внутреннимъ продолженіемъ извѣстныхъ «четырехъ параллелей», посвященныхъ этому разряду ташкенцевъ. По внѣшней характеристикѣ главный герой этого очерка Лифашка отчасти сближается съ однимъ изъ персонажей очерка «Отецъ и сынъ» въ «Благонамѣренныхъ рѣчахъ» — Антошкой, иначе Антономъ Валеріяновичемъ Стрѣловымъ. Но сближеніе это чисто внѣшнее, касающееся способа дѣйствій обоихъ героевъ; внутренне они противоположны: Антошка—удачливъ во всемъ, Лифашка—полный неудачникъ.

Сблизить «Благонамѣренную повѣсть» съ какимъ-либо извѣстнымъ уже произведеніемъ М. Е. Салтыкова не представляется возможнымъ.

Ред.

выщипали бороду и сослали въ Чердынскій острогъ, гдѣ онъ и скончался. Третій предокъ одно время соперничалъ съ Бирономъ въ красахъ, но какъ-то оплошалъ и былъ вслѣдствіе того обвиненъ въ измѣнѣ и битъ кнутомъ.

Стало быть, съ этой стороны, я обезпеченъ достаточно.

Съ матеріальной стороны, обстановка моя далеко не столь привлекательна.

Предки мои жили весело. Ни мало не стѣсняясь, они наказывали на тѣлѣ и даже травили собаками живыхъ людей, но такъ какъ и въ то отдаленное время насчетъ этого существовали довольно строгіе законы, то весьма естественно, что отъ отвѣтственности приходилось откупаться очень дорогою цѣною. Мой дѣдушка просудилъ саратовское имѣніе (около 800 душъ) за то, что въ бочкѣ скатилъ съ горы попа. Моя прабабушка просудила свое пензенское имѣніе (около 600 душъ) за то, что высѣкла капитанъ - исправника и потомъ, вымазавъ его медомъ, держала въ этомъ видѣ нѣсколько дней на солнечномъ припекѣ. Но всѣхъ проказъ и не перескажешь. Очевидно, между общественнымъ мнѣніемъ и законами существовалъ разладъ. Что первое называло только проявленіемъ веселонравія, то второе признавало чуть не злодѣйствомъ. Жертвою этого разлада сдѣлались чуть-чуть не всѣ наши имѣнія, такъ что когда мнѣ пришлось вступать во владѣніе, то передо мною предстало почти неуловимое село Прахово, при которомъ значились какія-то странныя земли: по болоту покосъ, да по мокрому мѣсту покосъ, да камню съ песчанымъ мѣстомъ часть, да лѣсу не настоящаго часть. Даже мужики были какіе-то странные, не настоящіе. Или совсѣмъ дряхлые, или подростки съ огромными выпяченными впередъ животами.

— Какъ же вы живете, любезные, коли у васъ даже настоящей земли нѣтъ?—удивлялся я, когда они пересказали мнѣ свои обстоятельства.

— А такъ и живемъ, что настоящей жизни не имѣемъ, отвѣчали мнѣ они, и казалось, что животы у нихъ при этомъ не то, чтобы колыхались, а словно плескались, какъ будто они созданы были изъ студня.

Разумѣется, я сейчасъ же всю эту чушь побоку и, получивъ кушъ (послѣдній кушъ!), отправился съ нимъ въ Петербургъ. Но будемъ продолжать по порядку.

Воспитаніе я получилъ очень изящное, но долженъ сознаться откровенно: свѣдѣніями похвалиться не могу. Въ томъ закрытомъ заведеніи, гдѣ протекли годы моей юности, науки намъ

преподавались коротенькія—тетрадки въ двѣ, въ три, не больше. Приводились примѣры рыцарскихъ чувствъ и утонченной вѣжливости, но примѣровъ чувствъ нерыцарскихъ, равно какъ и примѣровъ невѣжливости, мы не знали. Говорятъ, что это пропускъ значительный, и что мы довольно много потеряли, утративъ возможность проводить сравненія и параллели. Я собственно не знаю, право, какъ и сказать объ этомъ. Кажется, впрочемъ, что и самое знаніе, если оно извѣстнымъ образомъ сервировано, можетъ способствовать невѣжеству, укрѣпляя въ дѣтяхъ инстинкты рыцарства и, объясняя имъ, о чемъ тутъ собственно идетъ рѣчь. А то нѣкоторые изъ насъ и тогда уже сомнѣвались, дѣйствительно ли слѣдуетъ видѣть утонченную вѣжливость въ томъ обдираніи различныхъ manants, которому предавались рыцари. Вотъ если бы намъ разсказали, что эти manants были люди гнусные, завистливые и безпокойные, что они были заражены язвой соціализма, коммунизма (какъ я узналъ впослѣдствіи), тогда, конечно, мы поняли бы, что даже въ обдираніи можетъ заключаться своего рода—положимъ, не то чтобы вѣжливость,—а мѣропріятіе...

Итакъ, мы были воспитаны въ чувствахъ рыцарства и утонченной вѣжливости. Никто лучше насъ не умѣлъ держать корпусъ нѣсколько наклоненнымъ впередъ, никто изящнѣе насъ не умѣлъ пробѣгать цѣлыя пространства на цыпочкахъ, никто не угадывалъ быстрѣе мановенія глазъ, движенія руки и т. д.

По субботамъ, а очень часто и въ простые дни (нынѣче начальство очень либерально насчетъ праздниковъ: оно понимаетъ, что истинное воспитаніе дѣлается не въ школѣ, а за стѣнами ея), насъ отпускали къ родителямъ. Но родители у насъ были милые, и точно такъ же, какъ и мы, воспитывались въ чувствахъ рыцарства и въ правилахъ утонченной вѣжливости. Ничего буржуазнаго, ничего такого, что̀ напоминало бы скучный семейный очагъ (à la Dickens), —не было въ поминѣ. Когда мы являлись домой, насъ очень любезно осматривали, давали цѣловать ручку (всегда со вложеніемъ), произносили: amusez-vous!—и уѣзжали въ гости. Собственно у меня, maman была настоящая конфетка или севрская куколка, и всякій разъ, какъ я пріѣзжалъ изъ школы (особливо когда я былъ уже въ высшемъ курсѣ), то въ какомъ-то дѣтскомъ страхѣ закрывала себѣ глаза и восклицала: «ахъ! какой большой! ахъ! какой большой!» Казалось, она готова была расплакаться.

— Но нельзя же, ma chère,—утѣшалъ ее papa,—таковъ

законъ природы: молодое растетъ, старое старится (онъ отлично зналъ наши прекрасныя русскія поговорки)!

— Ахъ, нѣтъ! ахъ, нѣтъ! я хочу, чтобъ онъ былъ маленькій! всегда, всегда маленькій!—повторяла maman, а затѣмъ бросала послѣдній взглядъ на свой туалетъ и уѣзжала въ гости.

Милая maman! какъ легко она огорчалась! съ какою граціозною раздражительностью она принимала всякое противорѣчіе, всякій отказъ въ ея маленькихъ, почти дѣтскихъ желаніяхъ!

Не могу забыть, напримѣръ, слѣдующей сцены, происходившей между papa и maman.

— Я вамъ отдала все, говорила maman:—все! и молодость, и красоту, и блестящее положеніе (вспомните, *кто* меня любилъ!), а вы не хотите сдѣлать мнѣ малиноваго бархатнаго платья!

Сверхъ своего обыкновенія, papa въ этотъ разъ заупрямился и ушелъ въ кабинетъ. Но черезъ полчаса maman была уже тамъ и говорила:

— Я вамъ отдала все: и молодость, и красоту, и блестящее положеніе (вспомните, *кто* меня любилъ!), а вы не хотите сдѣлать мнѣ малиноваго бархатнаго платья!

До трехъ или четырехъ разъ повторялась эта сцена.

Maman раздѣлась и объявила, что никогда (au grand jamais!) не выйдетъ изъ своей комнаты и не поѣдетъ въ гости. Наконецъ, малиновое бархатное платье было принесено...

Я потому такъ живо помню эти подробности, что чуть-чуть было, благодаря упрямству papa, не остался дома наслаждаться прелестями семейнаго очага.

Другой случай былъ тоже довольно оригинальный.

Однажды папа какъ-то расчувствовался (я въ то время ужъ понималъ это выраженіе), подсѣлъ къ мамашѣ и назвалъ ее... балаболкой!

Maman, которая тоже готова была расчувствоваться, услышавъ это странное слово, вдругъ взглянула на него удивленными глазами.

— Гдѣ вы такимъ словамъ выучились? спросила она papa.

Папа сконфузился и что-то такое пробормоталъ, въ родѣ того, что онъ слышалъ это слово сначала въ Александринскомъ театрѣ, потомъ въ томъ совѣтѣ, гдѣ онъ по вторникамъ присутствуетъ. Однимъ словомъ, совершенно спутался въ своихъ показаніяхъ.

Maman цѣлый вечеръ плакала.

— Вы ходите въ русскій театръ! Въ какія онъ мѣста ходитъ!—говорила она, ломая въ отчаяніи руки.

— Ma chère! но теперь всѣ русскіе литераторы такъ пишутъ! оправдывался papa:—какъ членъ совѣта, долженъ же я слѣдить за выраженіями, которыя нынѣче въ ходу.

— Въ какія мѣста онъ ходитъ! какія онъ книги читаетъ! упорствовала maman:—я отдала ему все: и молодость, и красоту, и блестящее положеніе (онъ знаетъ, *кто* меня любилъ!), а онъ... онъ читаетъ какія-то русскія книги... русскія!.. русскія!

Это былъ единственный вечеръ, въ который maman такъ-таки и не ѣздила въ гости, и это было особенно памятно для меня, который долженъ былъ ухаживать за бѣдной больной, вмѣсто того, чтобы наслаждаться обществомъ очаровательной Леокади!

Леокади!

Съ этимъ именемъ связано воспоминаніе о моемъ грѣхопаденіи. Мы, воспитанники закрытаго заведенія, жили тогда очень весело. У насъ была особенная комната за кулисами въ театрѣ Берга, въ которой разыгрывалось, такъ сказать, въ сыромъ видѣ, все то, что должно было затѣмъ происходить на сценѣ. Мы были мальчики, лѣтъ по шестнадцати и по семнадцати, и ничего не знали, кромѣ чувства рыцарства. Но здѣсь я позволю себѣ небольшое отступленіе...

Наконецъ, maman примирилась съ мыслью, что я «большой», и я такъ подружился съ нею, что даже почти не считалъ ее своей матерью. Когда мы встрѣчались дома, то обыкновенно ходили обнявшись по залѣ и разсказывали другъ другу свои маленькіе секреты. Въ числѣ этихъ секретовъ, я разсказалъ однажды и о нашихъ похожденіяхъ у Берга. Надо было видѣть, какъ заискрились глаза у бѣдной maman!

— Возьми меня къ Бергу!—говорила она.

— Но, chère maman, тамъ происходятъ такія вещи...—отвѣчалъ я.

— Возьми меня къ Бергу!—твердила она.

Наконецъ, я вынужденъ былъ шепнуть ей на ухо одно словечко, послѣ котораго она только закрыла руками свое личико и убѣжала въ свою комнату...

Милая maman!.. оставимъ этотъ эпизодъ и будемъ продолжать повѣсть о моемъ грѣхопаденіи.

Въ числѣ участниковъ по найму и устройству комнатъ былъ одинъ графъ, Поль Безпалый, котораго я полюбилъ безъ памяти. Это былъ именно беззавѣтно веселый малый, который съ рыцарской беззаботностью тратилъ состояніе своихъ предковъ и въ то же время съ самою, если можно такъ выразиться, святою довѣрчивостью глядѣлъ на будущее.

— Mon cher!—говорилъ онъ мнѣ:—будемъ жить, покуда живется! Потомъ, à trente ans, когда мы сдѣлаемся губернаторами, еще достаточно найдется времени и для абракадабры, и для хиромантіи (такъ называлъ онъ скучную, но полезную арену мѣропріятій), а теперь... buvons, chantons et dansons!

Итакъ, Поль Безпалый познакомилъ меня съ Леокади.

Это была удивительная особа; казалось, у нея не существовало ни одного мѣстечка, которое не представляло бы рессурса. Только француженка можетъ *воспитать* въ себѣ этотъ молочный бюстъ, эти волнующіяся бедра, эту очаровательную ножку, эти стильныя икры! Посмотришь на нашихъ россійскихъ женщинъ...

Какъ въ лугу весной бычка,
Пляшутъ дѣвицы россійски
Подъ свирѣлью пастушка...

Кувалды—и больше ничего! Иная и хорошенькая, даже очень, очень хорошенькая, а все ничего изъ этого не выходитъ. Наша не умѣетъ показать въ своемъ видѣ, ничѣмъ не умѣетъ возбудить любопытство! Толчется на мѣстѣ, ни нервовъ, ни мускуловъ у нея нѣтъ—такъ, точно кисель трясется. Какъ будто говоритъ: кто захочетъ, тотъ на меня и наступитъ! То ли дѣло Леокади! Она не была даже красавицей, но именно *воспитала* въ себѣ то, что неудержимо привлекаетъ мужчину. Росту она была болѣе средняго, не толста, но худощава настолько, чтобъ дать возможность чувствовать тѣло и въ то же время имѣть смутное ощущеніе кости. Бюстъ она имѣла великолѣпный; не было ничего похожаго на гималайскія горы, а было нѣчто эѳирное, напоминавшее самую легкую, чистую морскую пѣну. Les hanches—приводили въ изумленіе; она не шла, а плыла... нѣтъ, и не плыла, а какъ-то покачивалась, такъ что почти нельзя было замѣтить никакого движенія. Ножка, икры...

Когда она меня въ первый разъ потрепала по щекѣ и сказала: oh, le joli garçon!—я весь зардѣлся и въ первый разъ почувствовалъ себя юношей...

Съ тѣхъ поръ я не разъ присутствовалъ при ея туалетѣ вмѣстѣ съ Полемъ и живо помню, какъ билось у меня сердце, какъ глупо я таращилъ глаза.

И вотъ, въ одну изъ субботъ я забрался къ ней, когда Поля еще не было: онъ долженъ былъ пріѣхать черезъ часъ, чтобы вмѣстѣ отправиться къ Бергу. Она только-что начала одѣваться, хотя была уже причесана. Какъ и всегда, я сѣлъ въ

уголъ, но, должно быть, таращилъ глаза болѣе обыкновеннаго, такъ что даже она, привыкшая къ пантомимѣ глазъ, замѣтила это.

— Что вы такъ вертите глазами, Vassià (Вася)?—спросила она меня, смотрясь въ зеркало, въ которомъ, по всей вѣроятности, отражались мои дурацкіе взоры.

Я не отвѣчалъ; я буквально задыхался.

— Да отвѣчайте же!—сказала она, дѣлая полуоборотъ ко мнѣ.

Но я продолжалъ молчать. Я ощущалъ въ себѣ какую-то дикую силу и въ то же время не смѣлъ, буквально не смѣлъ, двинуться съ мѣста.

— Вы очень меня любите, бѣдный мальчикъ?

Что было послѣ этого, я не помню. Помню только, что я плакалъ (мнѣ было всего шестнадцать лѣтъ!), что я съ трудомъ удерживалъ крикъ, который вдругъ созрѣлъ въ моей груди. Казалось, что она нѣсколько изумилась этому.

— Будетъ,—сказала она: не надо плакать. Если узнаетъ Поль, нельзя будетъ...

И, говоря это, прижимала меня къ груди, цѣловала въ лобъ, гладила по головѣ, и какъ-то такъ глядѣла на меня, что мнѣ показалось, что и въ ней въ первый разъ дрогнуло что-то такое, что дрожитъ только однажды въ жизни, что только однажды наводняетъ грудь почти невмѣстимымъ потокомъ счастья, а потомъ тихо-тихо разливается по всему организму. А теперь мнѣ довольно часто приходится говорить: «madame! permettez moi de goûter de ce bonheur ineffable!»—но я чувствую, что все это только фраза, и что собственно такъ называемый bonheur ineffable бываетъ только разъ въ жизни.

И, этотъ моментъ, эта сладчайшая минута жизни дается намъ... кокотками!

Какой урокъ!

Спрашивается, однакожъ, лучше ли было бы, если бы мы получали эту минуту отъ нашихъ крѣпостныхъ психей? Вопросъ этотъ я отдаю на разрѣшеніе господъ московскихъ публицистовъ, съ такой горячностью защищающихъ наше національное варварство.

Такимъ образомъ произошло мое первое грѣхопаденіе. Теперь разскажу, какъ я въ первый разъ напился пьянъ.

Мнѣ было тогда тринадцать лѣтъ; но въ закрытомъ заведеніи мальчикъ всегда развивается быстрѣе, чѣмъ на волѣ. Мы собрались въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ и отправились въ трактиръ. У насъ была одна цѣль: напиться пьяными; мы даже

хорошенько не знали, чѣмъ можно напиться приличнѣе. Къ несчастью, трактиръ, въ который мы пришли, былъ русскій, и половой на наше требованіе вина подалъ водки. Я помню, первая проглоченная рюмка какъ будто переломила меня надвое; мнѣ показалось и горько, и скверно, но я все-таки похвалилъ и кряду проглотилъ другую. Эта вторая рюмка хотя уже не была такъ отвратительна на вкусъ, однако, послѣ нея въ головѣ моей поселился какой-то неясный шумъ, или что-то въ родѣ нашего родного петербургскаго тумана. Я сталъ нехорошо слышать, что говорили мои товарищи, и вынужденъ былъ по нѣскольку разъ переспрашивать. Говорятъ, что я много смѣялся и притомъ безъ всякой причины. Послѣ третьей рюмки я былъ то, что называется пьянъ.

На другой день, проснувшись, я увидѣлъ у своего изголовья maman, которая примачивала мнѣ голову уксусомъ. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не бывало мнѣ такъ скверно. Мнѣ казалось, что я совершилъ какое-то преступленіе, что я совсѣмъ—совсѣмъ погибъ! Во рту было сухо, голова и все тѣло горѣли, глаза помутились...

— Maman! maman! какъ я нахлестался!—вскрикнулъ я въ ужасѣ.

— Фи, мой другъ! какія у тебя выраженія! развѣ мы мужики, чтобы говорить о себѣ: нахлестался!—съ упрекомъ сказала мнѣ maman.

И больше я не слышалъ отъ нея ни одного упрека, ни одного слова. Мнѣ показалось даже, что мое поведеніе не столько огорчило, сколько поразило ее. Странно было, что все это такъ рано и такъ быстро случилось—но вотъ и все. Что оно должно было рано или поздно случиться—это подразумѣвалось само собою.

Но я сказалъ правду: я дѣйствительно *нахлестался*. Позднѣе я узналъ, что когда люди напиваются водкой, то это называется *нахлестаться*, когда же напиваются шампанскимъ и другими порядочными винами, то это называется *быть навеселѣ*.

Бѣдная maman! она и не воображала, что я именно въ то время нахлестался!

Годы летѣли мимо меня съ такой быстротой, что я даже не чувствовалъ ихъ. Умеръ рара, скончалась maman; я поплакалъ. Сѣрые рысаки смѣнились караковыми, караковые—воронными. Леокади уступила мѣсто Армансѣ, Арманса—Жозефинѣ

(не француженкѣ, а шведкѣ). Даже Марья Петровна какая-то была... изъ русскихъ. Все это плыло и плыло, и заставляло вслѣдъ за собой уплывать тѣ тысячи, которыя были выручены черезъ продажу села Прахова съ ненастоящей землею и ненастоящими мужиками. Я возмужалъ, а въ карманѣ у меня оставалась только одна тысяча... на всю жизнь!

Когда я убѣдился въ этомъ, то мнѣ показалось, какъ будто я сейчасъ только родился. Я понялъ, что покуда у меня были деньги въ карманѣ, я ихъ расходовалъ; что теперь у меня нѣтъ денегъ въ карманѣ, и я не могу расходовать. Что такое: нѣтъ денегъ? почему я не могу расходовать?.. Я думалъ, что я съ ума сойду! Весь міръ представился мнѣ въ какомъ-то новомъ свѣтѣ; всѣ эти портные, прачки, квартира, лакеи, все, что прежде представлялось какъ во снѣ, вдругъ приняло какіе-то живые образы, заговорило, запротестовало... я положительно думалъ, что сойду съ ума.

Но ежели у меня нѣтъ ни имѣній, ни капиталовъ, если предки мои проживали свое достояніе, какъ они выражались: «ради вящшаго россійской имперіи блеску и авантажа»—ужели я не долженъ быть за это вознагражденъ? Рыцарскія чувства! утонченная вѣжливость!—tout ça est bel et bon, messieurs! но мнѣ нуженъ пирогъ, настоящій пирогъ, который я могъ бы кушать à belles dents! Я желаю его! я требую его! я требую моей доли, на которую мнѣ даютъ право мои рыцарскія чувства, мои правила утонченной вѣжливости! И вотъ, въ эту критическую минуту въ умѣ моемъ созрѣла мысль о мѣстѣ въ провинціи.

Я рвался въ провинцію, потому что жизнь уже поистрепала меня. Борьба съ кокотками подорвала мои силы; опасеніе встрѣтиться съ портнымъ (которому я много лѣтъ не платилъ) убило во мнѣ всякую предпріимчивость. Въ Петербургѣ я рѣшительно не годился; Петербургъ требуетъ, чтобъ человѣкъ разглядывалъ свою добычу издалека и налеталъ на нее съ увѣренностью. Я никогда не могъ достичь этой виртуозности. Я былъ хищникъ второго разряда; я не нападалъ, а просилъ, и вслѣдствіе этого очень скоро поступилъ въ разрядъ пикъ-ассьетовъ. Съ тѣхъ поръ, никто не хотѣлъ смотрѣть на меня серьезно.

Самые, что называется, шалопаи изъ шалопаевъ—и тѣ легкомысленно улыбались при упоминаніи моего имени. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда мнѣ поручалось какое-нибудь дѣло по службѣ—это считалось анекдотомъ, который, съ разными прибаутками, ходилъ по городу, услаждая всеобщіе досуги. Когда у меня появлялись деньги, то говорили, что я придумалъ

новый способъ поддѣлывать духовныя завѣщанія, или, что я вступилъ въ компанію съ нѣкоей Адольфиной и выписалъ, по ея порученію, женщину съ усами...

Каждый мой поступокъ истолковывался самымъ непозволительнымъ образомъ, а нѣкоторые утверждали, что у меня даже совсѣмъ нѣтъ поступковъ... Меня кормили обѣдами и поили шампанскимъ и въ то же время вымещали на мнѣ каждый съѣденный кусокъ. Внутренно иногда это оскорбляло меня. Ужели я въ самомъ дѣлѣ гороховый шутъ? спрашивалъ я себя и за каждую выпитую бутылку давалъ себѣ слово проучить перваго шалопая, который позволитъ себѣ назвать меня этимъ именемъ. Но самый гнѣвъ выходилъ у меня какъ-то странно, и вмѣсто того, чтобъ устрашать, пробуждалъ еще большій взрывъ веселости...

Несмотря на все это, я продолжалъ жить. Я чувствовалъ, что еще одна минута—и все будетъ кончено. Голова наполнялась какимъ-то туманомъ, въ глазахъ мелькалъ хаосъ, въ ушахъ звенѣло. Я вставалъ утромъ съ постели и спрашивалъ себя: скоро ли? Я цѣлый день куда-то спѣшилъ, самъ не отдавая себѣ отчета, куда спѣшу, а только спрашивалъ себя: скоро ли?

Провинція! не тамъ ли тихая гавань, въ которой должно навсегда погрузиться мое прошлое, въ которой, въ первый разъ въ жизни, сказанное мною слово не будетъ встрѣчено ни хохотомъ, ни щелчками!

Но тутъ, на первыхъ же порахъ, я былъ озадаченъ совершенно неожиданнымъ образомъ.

— Ваши принципы?—спросили меня, едва я успѣлъ заикнуться о предметѣ моихъ вожделѣній.

Я смутился; я думалъ, что меня хотятъ испытать.

— Никакихъ принциповъ я никогда не имѣлъ!—отвѣчалъ я съ негодованіемъ.

— Подумайте и придите въ другой разъ.

Собесѣдникъ мой улыбнулся (онъ нѣкогда видалъ меня у Леокади) и прошелъ далѣе.

— Ваши принципы?—вторично раздался въ ушахъ моихъ вопросъ, обращенный уже къ слѣдующему соискателю.

— Священное исполненіе предписаній начальства... до послѣдней капли крови... Ваше превосходительство.

Съ говорившимъ сдѣлалось дурно.

Я вышелъ, словно ошеломленный. Принципы! Я не могу сказать, чтобъ это слово было мнѣ совершенно неизвѣстно. Я знаю, что принципы существуютъ, но при этомъ словѣ, въ во-

ображеніи моемъ всегда рисовалось что-то лохматое, неумытое, тайнодѣйствующее. И вдругъ я слышу это самое слово... гдѣ? когда? по какому случаю?

Какъ зародилось это нововведеніе? какой былъ процессъ его развитія? Повидимому, тутъ не было ни зарожденія, ни развитія, а было только внезапное помраченіе. Принципы явились на сцену жизни, какъ являются непомнящіе родства на сцену полицейскаго дѣйствія. Откуда? какъ? гдѣ ночевалъ? гдѣ днемъ шатался? кто былъ пристанодержателемъ?—никто ничего не знаетъ, никто ничего объяснить не можетъ. Приходитъ откуда-то нѣкто и требуетъ, чтобъ его взяли въ острогъ. Острогомъ оказалась чья-то голова. Вотъ и все.

...Мой пріятель, Поль Безпалый, одинъ могъ объяснить мнѣ все это. Онъ служилъ сначала въ гусарахъ, потомъ опредѣлился къ штатскимъ дѣламъ, потомъ прошелъ огонь и воду и имѣлъ одинъ недостатокъ: терпѣть не могъ, когда его называли дѣйствительнымъ статскимъ кокодессомъ.

— Mon cher!—сказалъ я ему:—ты, который знаешь все, ты долженъ объяснить мнѣ, что такое принципы!

Мнѣ показалось, что на лицѣ его выразилось моментальное изумленіе! По крайней мѣрѣ, онъ не тотчасъ отвѣтилъ мнѣ, а ущипнулъ меня разомъ за обѣ щеки и сказалъ:

— Душка!

— Но, мой другъ, мнѣ предложенъ вопросъ, имѣю ли я принципы, и я завтра же, въ одиннадцать часовъ утра, долженъ дать отвѣтъ!

— И ты меня спрашиваешь объ этомъ! Ты, который съ низу до верху преисполненъ самыми лучшими принципами! Нѣтъ, это какое-то недоразумѣніе!—весело смѣялся Поль.

— Да не смѣйся же, Поль! Скажи, что долженъ я отвѣчать?

— Во-первыхъ, ты ничего отвѣчать не долженъ; во-вторыхъ, ты долженъ приложить руку къ сердцу, въ-третьихъ, слегка закатить глаза и, въ-четвертыхъ, что-нибудь пробормотать. «Смѣю увѣрить»... «безграничная преданность»... «святое исполненіе долга»... что-нибудь въ этомъ родѣ. Чѣмъ невнятнѣе, тѣмъ лучше, потому что это докажетъ, что въ тебѣ говоритъ не умъ, а чувство. Скажи, пожалуйста, вѣдь ты... не *очень* уменъ?

Вопросъ этотъ былъ такъ неожиданъ, что я невольно сконфузился.

— Виноватъ, мой другъ, — продолжалъ Поль:—но этотъ

вопросъ намъ необходимо очистить, чтобъ имѣть подъ ногами совершенно твердую почву.

Какъ я ни привыкъ къ веселонравію моихъ друзей, но отвѣтъ былъ такъ щекотливъ, что просто-напросто не срывался съ моего языка.

— Хорошо; будемъ говорить яснѣе,—вновь началъ Поль.— Возьмемъ, для примѣра, хоть наши теперешнія взаимныя отношенія. Я тебя искренно люблю, и ты меня искренно любишь — это несомнѣнно; но почему же мы любимъ другъ друга?—спрашиваю я тебя. А потому, душа моя, что мы оба: и ты, и я—оба *не очень* умны. Понимаешь: оба, не ты одинъ! Ты разскажешь мнѣ какой-нибудь проектъ — и намъ обоимъ... не стыдно! Тогда какъ еслибъ ты былъ *очень*, а я *не очень* уменъ, то мнѣ было бы постоянно совѣстно, и я кончилъ бы тѣмъ, что возненавидѣлъ бы тебя... понялъ?

— Такъ; но вѣдь я могу, наконецъ, скрыть свой умъ?

— Нѣтъ, это уже не то! Человѣкъ, который скрываетъ свой умъ, хоть невзначай да обмолвится. Нѣтъ, если ты хочешь успѣть, то лучше не скрывай, а прямо такъ, какъ есть. Итакъ, этотъ вопросъ очищенъ...

— Позволь, тутъ могутъ встрѣтиться еще нѣкоторыя подробности, которыя тоже необходимо предусмотрѣть... Напримѣръ, можетъ понадобиться мой взглядъ, мое мнѣніе!

— Ну да, и взгляды, и мнѣнія... все это ты обязанъ! Ахъ, да пойми же, душа моя, что ты самъ весь состоишь изъ взглядовъ и мнѣній, и только не подозрѣваешь, что все это называется взглядами и мнѣніями...—Поль сдѣлалъ нѣсколько туровъ по комнатѣ, какъ бы желая наглядно объяснить, въ чемъ заключаются взгляды и мнѣнія.

— Всѣ взгляды извѣстны, всѣ мнѣнія составлены,—продолжалъ онъ, останавливаясь передо мною: — разумѣется *не очень* умные. И чѣмъ больше ты будешь высказывать такихъ взглядовъ и мнѣній, тѣмъ лучше! Ты не повѣришь, мой другъ, какъ это развязываетъ языкъ, когда знаешь навѣрное, что не скажешь ничего... *очень* умнаго! У насъ въ клубѣ случился на-дняхъ поразительный примѣръ въ этомъ родѣ. Сорокъ лѣтъ сряду прожилъ Пьеръ Накатниковъ на бѣломъ свѣтѣ, и сорокъ лѣтъ нельзя было разобрать, говоритъ онъ или молчитъ. Говорятъ, будто онъ боялся сказать что-нибудь *очень* умное. И вдругъ этотъ человѣкъ убѣдился, что онъ хоть и уменъ, но не *очень*... и заговорилъ! И что жъ! мы цѣлый часъ слушали и,

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

право, слушали не безъ удовольствія... Потому что онъ дѣйствительно говорилъ не *очень* умныя вещи!

— Но Накатниковъ вѣдь былъ басней цѣлаго города!

— А теперь онъ сдѣлался чуть не геніемъ. Ахъ, ты не повѣришь, душа моя, какъ это освѣжаетъ, когда вдругъ заговоритъ передъ тобой нѣчто такое, что десятки лѣтъ сряду сидѣло противъ тебя и молча предлагало тебѣ рюмку вина! Наплывъ какой-то чувствуешь... радость какую-то! Такъ бы и вырядилъ его въ одежды златотканныя и пустилъ бы на всѣ четыре стороны: лопай кого угодно!

По мѣрѣ того, какъ Поль говорилъ, я чувствовалъ, что дѣлается легче и легче. За чтожъ они меня называли шалопаемъ? спрашивалъ я себя.

— Понимаю,—сказалъ я послѣ нѣкотораго размышленія:— но вѣдь это почти то же самое... Ну да, это совсѣмъ то же самое, что я всегда...

— Вотъ то-то и есть, что мы часто создаемъ себѣ затрудненія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ не существуетъ. Но резюмируемъ наши дебаты. Ты хочешь знать, въ чемъ состоятъ наши принципы: вотъ они. Принципъ первый: вездѣ... всегда... куда угодно. Принципъ второй: мыслей не имѣю, чувствовать—могу. Если ты усвоишь эти два принципа, то можешь дерзать совершенно свободно!

Поль обнялъ меня съ нѣжностью. Очевидно, роль ментора была для него еще вновѣ, и я былъ чуть ли не первымъ ученикомъ его въ дѣлѣ искусства пріобрѣтать успѣхи...

II.

ТАШКЕНТЦЫ ПРИГОТОВИТЕЛЬНАГО КЛАССА.

Параллель пятая и послѣдняя [1]).

Василій Поротоуховъ провелъ цвѣтущіе дни своей юности въ кабакѣ. Тамъ онъ узналъ тайну обращенія съ сильными

---

[1]) Изслѣдованіе о „Ташкентцахъ“ распадается на двѣ части: „Ташкентцы приготовительнаго класса“ и „Ташкентцы въ дѣйствіи“. Настоящею параллелью заканчивается первая часть. Я отнюдь не имѣю претензіи утверждать, что въ пяти представленныхъ вниманію читателя параллеляхъ исчерпано все, что могло бы подойти подъ эту рубрику; но ежели бы я пошелъ еще далѣе въ воспроизведеніи различныхъ типовъ „ташкентства“, то работѣ моей, пожалуй, не было бы конца. Притомъ же, въ намѣреніяхъ моихъ было написать ежели не романъ въ собственномъ значеніи этого

міра сего, тамъ же получилъ и первоначальныя понятія о наукѣ финансовъ.

Отецъ его, Вонифатій Семеновъ Поротоуховъ, въ просторѣчіи Волифантій, проще Лифантій, а еще проще Лифашка, былъ цѣловальникомъ въ бѣдномъ уѣздномъ городишкѣ Чернолѣсьѣ, въ одной изъ сѣверо-восточныхъ русскихъ губерній.

Кабакъ стоялъ на выѣздѣ изъ города и, за исключеніемъ базарныхъ дней, былъ малопосѣщаемъ; зато, въ базарные дни, ни одинъ мужикъ не проѣзжалъ мимо, чтобы не зайти въ длинное одноэтажное зданіе, почернѣвшія стѣны котораго имѣли въ себѣ притягивающую силу магнита. Въ эти дни кабакъ былъ набитъ биткомъ, ренское лилось рѣкою, и пьяныя пѣсни съ утра до поздней ночи оглашали окрестность.

Поротоуховъ-отецъ принадлежалъ къ той породѣ расторопныхъ мѣщанъ-кулаковъ, которые съ утра до ночи бѣгаютъ, высуня языкъ, машутъ руками, торопятся, суетятся, проталкиваются впередъ, пускаютъ въ ходъ локти—и все затѣмъ, чтобы къ концу дня получить грошъ барыша. Какъ тѣ «кулаки», которые съ наступленіемъ базарнаго дня, чуть свѣтъ, начинали шнырять около кабака, перехватывая за заставой мужиковъ, везущихъ на базаръ сельскій припасъ, и которые выбивались изъ силъ, галдѣли, кряхтѣли и потѣли, чтобы, въ концѣ концовъ, предоставить знатный барышъ толстому купчинѣ, а самимъ воротиться на ночь въ холодный и голодный домъ, Поротоуховъ каждое утро начиналъ изнурительную работу сколачиванья грошей и каждый вечеръ ложился спать съ тѣмъ грузомъ, съ какимъ и утромъ вставалъ. Всталъ—грошъ, и легъ—все тотъ же грошъ. Посмотритъ—посмотритъ Лифашка на свой извѣчный, заколдованный грошъ, помнетъ его промежъ пальцевъ, щелкнетъ язы-

---

слова, то болѣе или менѣе законченную картину нравовъ, въ которой читатель могъ бы видѣть какъ источники „ташкентства“ (первоначальная домашняя обстановка, впечатлѣнія дѣтства, формальное и дѣйствительное воспитаніе и т. д.), такъ и выраженіе этого явленія въ дѣйствительной жизни. Первую часть я посвящаю біографическимъ подробностямъ героевъ „ташкентства“, во второй—на сцену самое „ташкентское дѣло“, въ созданіи котораго примутъ участіе дѣйствующія лица первой части. Поэтому привлеченіе слишкомъ большого количества элементовъ, хотя и однородныхъ по своему цѣлому, но крайне разнообразныхъ въ своихъ проявленіяхъ, могло бы загромоздить мой трудъ множествомъ лицъ, связь между которыми, быть-можетъ, представилась бы читателю не вполнѣ ясною. Тѣмъ не менѣе, я сознаю, что отсутствіе нѣкоторыхъ типовъ (какъ напр. ташкентца-педагога, ташкентца-благотворителя и т. п.) составляетъ очень примѣтный пропускъ. Но я надѣюсь познакомить читателя съ этими типами во второй части, выводя ихъ постепенно въ роли эпизодическихъ лицъ.

Авторъ.

комъ и полѣзетъ спать на полати, съ тѣмъ, чтобы завтра опять чуть свѣтъ пустить тотъ грошъ въ оборотъ. Да чтобы не зѣвать—Боже сохрани!—а то вѣдь, пожалуй, и послѣдній грошъ прахомъ пойдетъ.

И нельзя сказать, чтобы Поротоуховъ не радѣлъ о себѣ. Напротивъ того, объ немъ даже сложилась пословица, что онъ «родного отца на кобеля промѣнялъ», а такая аттестація, какъ извѣстно, прилагается только къ самымъ прожженымъ и, слѣдовательно, очень радивымъ людямъ. Но у него не было той «задачи», въ которую такъ вѣритъ русскій человѣкъ, и которая впослѣдствіи дѣйствительно сослужила службу, только не ему, а его сыну. Эта «задача» есть нѣчто мистическое, не поддающееся никакому опредѣленію, и тѣмъ не менѣе совершенно ясное для всякаго истинно русскаго человѣка.. Скажите ему: «незадача», и онъ отвѣтитъ, что это та самая вещь, при которой, будь человѣкъ хоть семи пядей во лбу, ничего не подѣлаетъ. Скажите: «задача»,—и онъ отвѣтитъ, что это такая вещь, благодаря которой самый мизерный человѣчишка со дна морского всплываетъ наверхъ, достигаетъ берега и, не успѣвъ еще обсушиться, запускаетъ лапу въ карманъ первому встрѣчному и благополучно вынимаетъ оттолѣ сокровище. «Незадача» кладетъ сразу свое клеймо на человѣка, и что бы онъ впослѣдствіи ни предпринималъ, чтобъ освободиться отъ этого клейма, оно навсегда преградитъ ему пути къ будущему.

— Что, торопыга, маешься?—ласково спроситъ какой-нибудь жирный купчина, взирая, какъ у «торопыги» разгораются глаза на чужой грошъ.

— Маюсь, ваше степенство!

— Ну, майся, братецъ, трудись! Богъ труды любитъ.

Только и словъ въ поощреніе бѣдному торопыгѣ.

Какъ будто ему на роду писано: заниматься моціономъ, облизываться на чужой грошъ и никогда не заполучать его....

Вотъ эта-то самая «незадача» и взлюбила Поротоухова. Не то, чтобы онъ былъ черезчуръ простъ или имѣлъ какіе-нибудь необчные взгляды на хозяйскую выручку, или на достояніе пьянаго потребителя—отнюдь! Былъ онъ человѣкъ радѣтельный, какъ и всѣ человѣки, да только радѣніе-то, благодаря «незадачѣ», не на пользу служило ему. Другіе и кабаки поджигали, и выручку похищали, и потребителя грабили—и все благополучно сходило имъ съ рукъ. А Лифашка чуть задумаетъ планъ пограндіознѣе,—смотришь, анъ тутъ же его и накрыли. Либо ревизоръ, либо повѣренный, либо дистаношный, а не то, такъ

и самъ откупщикъ. И сейчасъ раздѣнутъ раба божьяго до нитки: ступай, и начинай маяться сызнова.

Можетъ быть, Поротоухову отъ того не везло, что онъ ужъ черезчуръ радѣтеленъ и даже талантливъ былъ. У него былъ очень вѣрный и даже очень блестящій взглядъ на воровство, но не доставало коммерческой выдержки. Каждое его дѣйствіе, разсматриваемое само по себѣ, несомнѣнно свидѣтельствовало, что онъ и родного отца на кобеля готовъ промѣнять, но, взятыя въ совокупности, эти дѣйствія не представляли ни малѣйшей солидности. Это былъ какой-то коммерческій фельетонистъ, у котораго нервная воспріимчивость замѣняла разсудокъ. При всякомъ случаѣ, у него разбѣгались во всѣ стороны глаза, дрожали руки отъ волненія, стучало сердце и даже появлялась одышка. Онъ не понималъ, что жадность слѣдуетъ ограничивать, что очень хорошо постигли тѣ Парамонычи и Сидорычи, которые, пользуясь «задачей», благополучно похищали хозяйскія выручки, и на нихъ заводили свои собственныя хозяйства. Замотается—засуетится Лифашка, разомъ хочетъ во всѣ мѣста лапу запустить;—запуститъ, вынетъ, анъ въ лапѣ по-прежнему нѣтъ ничего. «Незадача»! завопитъ онъ въ огорченіи и пойдетъ опять колотиться, бѣгать и махать руками...

Въ городѣ на Поротоухова смотрѣли какъ на бахвала, который только другимъ руку портитъ. Взглядъ этотъ раздѣляли всѣ: и чиновники, и собственно такъ называемые торговые люди. Торговцамъ онъ сбивалъ цѣны, на чиновниковъ вчужѣ производилъ впечатлѣніе досады. Вотъ Иванъ Парамонычъ, напримѣръ, сидѣлецъ кабака на базарной площади—тотъ и достаокъ имѣлъ, и въ то же время пользовался репутаціей мужика убстоятельнаго и даже богобоязненнаго. Между тѣмъ, радѣнія В него, противъ Лифашкинова, и на десятую долю не было. тъ чемъ же тутъ штука однакожъ? А въ томъ просто, что амъ, гдѣ Лифашка радъ былъ душу свою за грошъ продать, Иванъ Парамонычъ цѣнилъ свою отнюдь не меньше рубля серебромъ. Вотъ секретъ, котораго никакъ не хотѣлъ постичь Поротоуховъ, хотя Иванъ Парамонычъ, по христіанству, не разъ принимался наставлять его.

—А ты не торопись, другъ! говорилъ онъ ему:— не во всѣ стороны глаза-то кидай, а въ одну точку гляди! за грошъ нашему брату христіанскій законъ отмѣнять тоже не приходится.

Но все тщетно. Уйдетъ Поротоуховъ отъ Ивана Парамоныча утѣшенный и какъ будто съ твердой рѣшимостью «гля-

дѣть въ одну точку», но воротится домой, увидитъ въ чьей-нибудь рукѣ грошъ,—не утерпитъ и продастъ душу.

Даже городничій, вообще благоволившій къ откупу и ограждавшій его интересы (въ тѣ времена это былъ единственный вопросъ внутренней политики, считавшійся важнымъ)—и тотъ не иначе называлъ Поротоухова, какъ мерзавцемъ. Несправедливость эта, конечно, до глубины души возмущала Лифашку. Онъ—мерзавецъ! онъ, у котораго грошъ въ карманѣ, да блоха на арканѣ! онъ!

— Да вы, ваше высокородіе, на одежду мою взгляните!—протестовалъ онъ:—такъ ли мерзавцы-то нынѣче ходятъ.

Но протестъ этотъ ни мало не разубѣждалъ городничаго, и потому, при всякомъ удобномъ случаѣ, Лифашка испытывалъ на своихъ бокахъ всю силу этого городническаго убѣжденія. Случится ли въ городѣ пропажа, сейчасъ квартальному приказъ:

— Идите къ мерзавцу Лифашкѣ! у него! навѣрное, онъ, мерзавецъ, краденое за косушку принялъ!

Идутъ—и дѣйствительно находятъ у Лифашки не только искомое, но и множество другого хлама, котораго хотя никто не искалъ, но происхожденіе котораго онъ не умѣетъ объяснить. Почему не умѣетъ объяснить?—потому что ему некогда думать объ объясненіяхъ; потому что онъ въ попыхахъ беретъ и въ попыхахъ же суетъ куда попало. Затѣмъ, ему надо опять спѣшить брать, и все брать и совать, покуда, наконецъ, рука квартальнаго не ухватитъ его.

Окажется ли на выгонѣ мертвое тѣло—опять таки первое слово:

— Это Лифашка! Это его, мерзавцево, дѣло!

Идутъ—и дѣйствительно сразу убѣждаются, что тутъ пахнетъ Поротоуховымъ. Тотъ видѣлъ, какъ Лифашка покойнаго за ноги изъ кабака тащилъ, другой—какъ онъ съ покойнаго полушубокъ снималъ...

Раскошеливайся, Лифашка!

И не выходитъ, такимъ манеромъ, Поротоуховъ изъ-подъ слѣдствія и суда. Но и оставленный по десяти дѣламъ въ подозрѣніи, обруганный, обобранный, онъ не въ силахъ измѣнить своей натурѣ. По-прежнему продолжаетъ онъ торопиться и разомъ запускаетъ во всѣ мѣста лапу, и по-прежнему ничего не можетъ ухватить, а если и ухватитъ что-нибудь одною лапой, другою неожиданно вручитъ ухваченное квартальному надзирателю...

Ни бѣдность, ни «незадача», ни вѣчное нахожденіе подъ судомъ не могли угомонить Поротоухова. Бахвалъ по природѣ,

онъ не пронимался даже въ такихъ случаяхъ, когда другой, на его мѣстѣ, давно бы свѣта не взвидѣлъ. Бѣды соскальзывали съ него, какъ вода съ гуся, и повидимому давали ему даже новыя силы.

— Мы еще свой пробѣлъ сыщемъ! хвастался онъ въ самыя горькія минуты жизни:—подит-ко ужо что будетъ!

И когда онъ начиналъ хвастаться, ничто такъ не раздражало его, какъ напоминаніе о какомъ-нибудь Иванѣ Парамонычѣ, который безъ блеску, но навѣрняка созидалъ свое благополучіе.

— Барановъ потрошить... важность! Нѣтъ, ты найди волка, выпотрошь, вотъ когда я тебѣ въ ножки поклонюсь!

— Зачѣмъ тебѣ волка? Бараны-то, сказываютъ, смирнѣе! урезонивала его жена.

— Я намеднись, какого волка-то зарѣзалъ,—видѣла? Иванъ Парамоновъ—нашла съ кѣмъ сравнивать! Да Ивану Парамонову въ семь лѣтъ того не сдѣлать, что я сейчасъ... сею минутою... Деньги-то—вотъ онѣ.

Однимъ словомъ, еслибъ Лифашка не умѣлъ «валяться въ ногахъ», давно бы онъ пропалъ.

И откупу надоѣло слѣдить за непрерывными проявленіями его «радѣнія», да и полиціи онъ значительно опротивѣлъ. Нѣсколько разъ было рѣшено, чтобъ его доконать совсѣмъ, но тутъ-то именно и пускалось въ ходъ то «валянье въ ногахъ», которое во многихъ случаяхъ служитъ единственнымъ ограждающимъ средствомъ отъ вѣрной погибели. Русскій человѣкъ вообще довольно охотно «валяется въ ногахъ».

Три причины способствовали укорененію и развитію этого прискорбнаго явленія: во-первыхъ, привычка, ведущая свое начало чуть ли не со временъ Гостомысла, во-вторыхъ, твердое убѣжденіе въ несокрушимости спинного хребта, и въ третьихъ, надежда, что человѣкъ, валяющійся въ ногахъ сегодня, быть можетъ, завтра сочтетъ себя въ правѣ потребовать такихъ же знаковъ почитанія отъ другихъ. Всѣ мы валялись, валяемся и будемъ валяться—это сознаніе не только смягчаетъ процедуру факта, но и способствуетъ установленію снисходительныхъ отношеній къ нему. Но Поротоуховъ валялся въ ногахъ какъ никто. Онъ валялся, а въ то же время причиталъ и метался какъ въ предсмертной агоніи...

Нельзя было не тронуться при видѣ человѣка, который такъ искренно проклиналъ часъ своего рожденія, который

бодро призывалъ во свидѣтели сатану и всѣхъ его ангеловъ и, такъ сказать, живой умиралъ. Часъ тому назадъ, этотъ человѣкъ гордо запускалъ руку въ карманъ своему ближнему, теперь—онъ былъ ничтожнѣе той пыли, которую вздымаетъ его простертое на землѣ тѣло. Чье начальственное сердце не забьется при видѣ столь поразительнаго перехода? Лифашка понималъ это отлично и сообразно съ этимъ устраивалъ планъ кампаніи. Былъ ли начальникъ налицо—онъ валялся въ предсмертныхъ корчахъ передъ его глазами; уходилъ ли начальникъ въ дальнюю комнату,—онъ и тамъ слышалъ, какъ корчится и клянетъ свою душу Лифашка; выводили ли, наконецъ, Лифашку на улицу, онъ и тамъ отыскивалъ мѣсто, гдѣ-нибудь подъ начальническимъ окномъ, и корчился и вопилъ.

Казалось, всѣмъ онъ говорилъ: видали вы, какъ разстается у человѣка душа съ тѣломъ? не видали? такъ смотрите! И ежели были сердца черствыя и безучастныя, то, съ другой стороны, находились и такія, которыя не могли выносить зрѣлища страданій столь неслыханныхъ. И Лифашка почти всегда выходилъ изъ бѣды сухъ. Его терпѣли съ трудомъ, но терпѣли; его оставляли въ подозрѣніи, но не осуждали. Всякій чувствовалъ, что только одно можетъ освободить его отъ этого человѣка—это твердая рѣшимость раздавить его. Но какъ сохранить эту рѣшимость при видѣ человѣка, и безъ того уже находящагося въ предсмертной агоніи? И вотъ, навалявшись досыта, Лифашка всегда возвращался домой и вновь гордо запускалъ руку въ карманъ своему ближнему.

Въ такой-то обстановкѣ росъ сынъ Поротоухова, Василій. Покуда отецъ день-денской былъ около потребителя или на базарѣ, употребляя всѣ силы—мѣры, чтобъ затравить лишнюю копейку, Васька копался въ навозѣ, полоскалъ ноги въ лужахъ, валялся въ грязи на улицѣ и весь измокшій, иззябшій и, словно . . . . . [1]), вбѣгалъ въ горницу, чтобъ схватить корку хлѣба, и опять убѣгалъ изъ дому. Жена Поротоухова была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя могутъ присмотрѣть за ребенкомъ. Это была рыхлая, лѣнивая, заспанная баба, помнившая лучшіе дни, когда она жила у родителей, содержавшихъ почтовую станцію, и безпечно щелкала у воротъ подсолнухи. На губахъ у нея словно застыла слезоязвительная улыбка, появившаяся на нихъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ къ Лифашкѣ съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ привязалась его «незадача». Эта несходящая съ

[1]) Не разобрано слово.

лица улыбка выражала безмолвный протестъ, который, по временамъ, доводилъ Поротоухова до остервенѣнія. Измученный неудачами, навалявшись досыта въ ногахъ, онъ возвращался домой и первое, что встрѣчало его тутъ—это безсмысленная улыбка, сопровождаемая какимъ-то беззвучнымъ хихиканьемъ. Тогда онъ бросался на жену очертя голову и билъ ее куда попало. И чѣмъ чаще сыпались побои, тѣмъ язвительнѣе и язвительнѣе рисовалась улыбка, а хихиканье постепенно обращалось въ хохотъ...

III.

БЛАГОНАМѢРЕННАЯ ПОВѢСТЬ.

Вступленіе.

Среди массы «Благонамѣренныхъ Рѣчей» странно было бы не встрѣтить благонамѣренной повѣсти. Благонамѣренныя рѣчи далеко не исчерпываютъ всего благонамѣреннаго міросозерцанія, существуетъ еще цѣлая область благонамѣреннаго искусства,—которую также необходимо изслѣдовать, чтобы картина была вполнѣ ясна.

Я не могу сказать ничего рѣшительнаго на счетъ того, какимъ образомъ выражается благонамѣренность въ живописи, ваяніи, музыкѣ и т. д. Я не компетентный судья въ этомъ случаѣ. Думаю, однако жъ, что, напримѣръ, такого рода дѣятельности, которой образцы представляютъ художники—Тютрюмовъ и Микешинъ, можетъ быть безпрепятственно усвоено названіе благонамѣренной. И еще думаю, что такіе романсы, какъ напримѣръ, «Ach, mein lieber Augustin», «Ah! vous dirai-je, maman», «J'ai du bon tabac dans ma tabatière» — тоже безъ неудобства могутъ быть названы вполнѣ благонамѣренными, и не только по содержанію, но и по самому сочетанію звуковъ. Но нигдѣ, въ области искусства, благонамѣренность не можетъ себѣ найти болѣе полнаго и вразумительнаго выраженія, какъ въ искусствѣ словесномъ, и, по преимуществу, въ высшей его формѣ—повѣсти.

Главное удобство повѣсти заключается въ томъ, что она не имѣетъ дѣла до отвлеченныхъ идей, а прямо вводитъ читателя въ міръ живыхъ образовъ, поступковъ и дѣйствій. Каковы стремленія этихъ живыхъ образовъ? Каково содержаніе ихъ поступковъ и дѣйствій? На вопросы эти романическія традиціи

отвѣчаютъ совершенно опредѣленно однимъ словомъ: «любовь». Любовь—это чувство человѣческое по преимуществу. Человѣкъ можетъ оставаться чуждымъ проявленіямъ разума, фантазіи, вкуса и т. д., но онъ не можетъ не ощущать на себѣ подавляющаго дѣйства любви. Это чувство интернаціональное, всесословное. Это нейтральная почва, на которой подаютъ другъ другу руку и дикій аборигенъ Патагоніи, и цивилизованный берлинскій уланъ, и первой гильдіи купецъ, и мѣщанинъ. Всѣхъ, кромѣ мѣнялъ, призываетъ она къ пріятнѣйшему провожденію времени, всѣмъ внушаетъ мысль о безсмертіи души и о томъ, что человѣкъ рожденъ «для звуковъ сладкихъ и молитвъ». Что же мудренаго, что повѣсть, имѣющая своимъ предметомъ исключительно человѣка, посвятила всю себя толкованію того чувства, которое составляетъ преобладающую стихію его жизни.

Таковы чистыя, здоровыя традиціи, на почвѣ которыхъ обязывается держаться повѣсть, ежели не хочетъ измѣнить самой себѣ, своей задачѣ. Но, къ сожалѣнію, я долженъ сознаться, что повѣствовательная литература послѣдняго времени очень значительно въ этомъ отношеніи замутилась. Современные повѣствователи, за очень малыми исключеніями, совершенно извратили первоначальный, чистый типъ повѣсти, привлеченіемъ въ нее разныхъ примѣсей, которыя не только ослабляютъ, но отчасти даже совсѣмъ прекращаютъ любви дѣйство. Конечно, я не знаю, покуда, ни одного романиста, который вполнѣ отрѣшился бы отъ такъ называемой любовной интриги, но одно то, что интрига эта безъ нужды и самымъ непріятнымъ образомъ замедляется совершенно неклеющимися съ нею экскурсіями въ область философскихъ умозрѣній, административныхъ мѣръ и т. д.—одно это уже составляетъ ересь, къ которой благонамѣренный читатель долженъ отнестись съ недоумѣніемъ. Нѣкоторые писатели, напримѣръ, ищутъ заинтересовать читателя описаніемъ борьбы консервативныхъ идей съ сюбверсивными; другіе отъ благоухающихъ сценъ любви внезапно переходятъ къ изложенію административныхъ мѣръ по взиманію недоимокъ; третьи, наконецъ, ухитряются сочетать любовь съ сыровареніемъ, да сверхъ того, тутъ же приплетаютъ артельное начало и вопросъ о допущеніи женщинъ къ слушанію медицинскихъ курсовъ.

Мнѣ кажется, что корень этого зла кроется въ современной дѣйствительности. Современный человѣкъ сдѣлался серьезенъ, озлобленъ, и, по правдѣ сказать, даже скучноватъ. Прежней внутренней цѣльности, прежняго исключительнаго стремленія къ процессамъ питанія и любви—нѣтъ и въ поминѣ.

Современный человѣкъ не любитъ, а подъ видомъ любви разрабатываетъ женскій вопросъ. Но даже и этому послѣднему онъ отдаетъ себя не вполнѣ, а поминутно отъ него отрывается ради иныхъ занятій. Такъ: одни занимаются распространеніемъ сюбверсивныхъ идей, а другіе—пресѣченіемъ ихъ. Проходятъ мѣсяцы, годы, десятки лѣтъ, не давая никакого питанія любовному свѣточу и въ то же время ни мало не содѣйствуя торжеству консервативныхъ идей надъ сюбверсивными. И гдѣ все это происходитъ?—въ той самой интеллигентной средѣ, которая такъ еще недавно, по всей справедливости, считала любовное дѣло своей спеціальностью! Что же сказать о прочихъ, менѣе интеллигентныхъ сословіяхъ, какъ, напримѣръ, о сословіи земледѣльческомъ? Зимой ему предстоятъ отхожіе промыслы, лѣтомъ пахота, молотьба, косьба, бороньба, наконецъ, во всякое время, т. е. и зимой и лѣтомъ,—заботы объ уплатѣ недоимокъ. Какую роль можетъ играть здѣсь любовный вопросъ? Какое средство, при подобной обстановкѣ, провести поэму любви черезъ всѣ фазисы, начиная съ томнаго анданте, переходя въ бурное аллегро и кончая сладостнымъ адажіо, въ которомъ и небо, и земля, и всѣ стихіи разомъ сливаются въ одинъ высокоторжественный, полный небесныхъ гармоній, аккордъ?

Очевидно, что для современнаго человѣка процессъ любви и отношенія, которыя изъ него вытекаютъ, уже не представляютъ достаточнаго разнообразія. Очевидно, что даже великолѣпныя описанія природы, этой обязательной свидѣтельницы всѣхъ любовныхъ изліяній, не могутъ придать живости и сочности тощему содержанію этихъ послѣднихъ. Очевидно, что даже самый центръ тяготѣнія любовнаго дѣла долженъ быть перенесенъ въ какой-нибудь болѣе подходящій міръ, нежели міръ человѣческихъ отношеній...

Все это очевидно, ясно и справедливо—и въ то же время въ высшей степени прискорбно. Почему же прискорбно? спроситъ меня читатель. А потому, что прискорбно—и все тутъ. Заставьте философа-физіолога препираться съ философомъ-спиритуалистомъ, заставьте перваго доказывать послѣднему, что и т. д.—что изъ этого выйдетъ?—А то, что спиритуалистъ выслушаетъ физіолога и скажетъ: все это совершенно справедливо и очевидно,—и все-таки я не перестану повторять: *нѣчто* есть! Такъ точно и въ настоящемъ случаѣ: правда, что въ человѣческомъ обществѣ любовь приходитъ въ умаленіе, правда, что при современныхъ условіяхъ развитія человѣка это не можетъ и быть иначе, правда, наконецъ, и то, что ощутительнаго вреда отъ этого нѣтъ,—и все-таки это прискорбно!

Да, прискорбно, что уже не видится тѣхъ порывовъ, тѣхъ восторженныхъ движеній души, которые заставляли человѣка забираться въ ночное время въ сады и парки, перелѣзать черезъ заборы и изгороди, выскакивать изъ окошекъ, дрожать по цѣлымъ часамъ на холодѣ и дождѣ, обжигать руки въ крапивѣ, словомъ, производить тысячи мучительныхъ операцій—для чего?—для того только, чтобъ имѣть нѣсколько минутъ сладостнаго разговора съ любимой женщиной, при трепетномъ мерцаніи луны, среди задумчиво рокочущихъ старыхъ липъ, а иногда (ежели любящіеся не боятся простуды) и на берегу заглохшаго, тихо дремлющаго пруда. Что за ощущенія испытывались среди этой чарующей обстановки! Шелестъ, вздохи, полуслова...

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Соннаго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,
Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы—
И заря, заря!

И ни одного глагола на цѣлыхъ двѣнадцать строкъ! И поцѣлуи, поцѣлуи, поцѣлуи—безъ конца! *Онъ* сорвалъ вѣтку сирени, всю покрытую сверкающими каплями росы, и брызнулъ ею въ ея лицо... «Возьми меня!» прошептала она, склоняясь, словно подрѣзанный цвѣтокъ, на его плечо...

Куда все это дѣвалось?!....

И не потому только прискорбно, что нѣтъ больше подвиговъ любви, но и потому, что повѣсть, допустивъ вторженіе элементовъ политическихъ и соціальныхъ, любовь же поставивъ на задній планъ, совершенно утратила свою прежнюю благонамѣренность. Соціально-политическій элементъ вреденъ самъ по себѣ, хотя бы онъ былъ окутанъ несомнѣнно радужными консервативными красками. Пускай романистъ посвятилъ весь свой талантъ торжеству благонамѣренныхъ идей, все-таки онъ достигнетъ своей цѣли не иначе, какъ указавъ и оборотную сторону медали, то-есть изложивъ и сюбверсивныя идеи и сопоставивъ ихъ съ благонамѣренными. Но какъ только онъ сдѣлаетъ это, такъ сейчасъ же хоть частичка этихъ идей непре-

мѣнно пристанетъ къ нему самому. Ибо, ежели онъ дѣйствительный художникъ, а не заурядный суздальскій богомазъ, то онъ даже въ наиболѣе сюбверсивномъ субъектѣ непремѣнно отыщетъ такую общечеловѣческую область, плевать въ которую положительно неудобно. Но этого мало: необходимость сопоставленій и изложеній фаталистически приведетъ и къ другому неожиданному результату. Увы! въ массѣ читателей непремѣнно всегда найдется такой прозорливецъ, который ловко сумѣетъ разобраться среди хаоса плевковъ и изложеній, который плевки выброситъ въ лохань, а изложенія комментируетъ и распространитъ. Что будетъ тогда? Что станетъ со всей этой хитро нагроможденной массой благонамѣренныхъ инсинуацій?

Да, любовь именно тѣмъ и хороша, что все въ ней благонамѣренно и политически благонадежно. Это единственное чувство, которое не терпитъ превратныхъ толкованій. Даже питаніе—и то можетъ навести на мысль: отчего у однихъ изобиліе, а у другихъ скудость? Одна любовь исключаетъ всѣ другого рода помыслы, все, что сѣетъ между людьми рознь, что заставляетъ ихъ ненавидѣть другъ друга, любовь—это воплощенная благонамѣренность, это оплотъ, къ которому ни одинъ квартальный надзиратель не смѣетъ отнестись иначе, какъ съ почтеніемъ и приложивъ руку къ козырьку. И я положительно признаю фальшивою и недальновидною ту политику, которая стѣсняетъ г-жу Филиппо въ разъясненіи «L'amour—ce n'est que ça», и приглашаетъ г-жу Бланшъ Гандонъ къ мировому судьѣ за какіе-то жесты, смыслъ которыхъ означаетъ лишь торжество любовнаго начала и, слѣдовательно, не заключаетъ въ себѣ ни малѣйшаго политически-неблагонадежнаго элемента. Правда, что и любовь иногда сѣетъ раздоры, бывающіе источникомъ кровавыхъ столкновеній. Недаромъ, старинная басня говоритъ:

Deux coqs vivaient en paix, une poule survint,—
Et voici la guerre allumée...

Но, во-первыхъ, внутренней политикѣ нѣтъ дѣла до этихъ столкновеній. А, во-вторыхъ, подобныя столкновенія не только не разрываютъ цѣльности повѣствованія, но, напротивъ того, составляютъ такія кульминантныя точки, около которыхъ сосредоточиваются всѣ лучи драмы, и дѣлаютъ еще болѣе яркими. Вѣдь «курица» во всякомъ случаѣ свое возьметъ, и ежели бы ходъ драмы временно и усложнился нѣкоторыми столкновеніями, то конецъ ея все-таки приведетъ къ прямому или косвенному

освященію принципа любви. Гдѣ бы ни послѣдовало разрѣшеніе: въ уединеніи ли пустыни (трагедія), въ сельцѣ ли Отрадномъ, на берегу заглохшаго пруда (легальная комедія), или, наконецъ, въ зимнемъ саду г Егарева (фарсъ)—смыслъ его будетъ одинъ: торжество «курицы». Еслибъ даже эта послѣдняя и не воспользовалась плодами торжества, то личная ея неудача ни въ какомъ случаѣ не нанесетъ ущерба принципу. Напротивъ того, послѣдній получитъ еще больше лучезарности, пройдя сквозь горнило любовныхъ неудачъ и любовныхъ ошельмованій.

Все изложенное выше заставило меня взяться за перо, чтобы возстановить тотъ наивно-рыцарскій характеръ, который составляетъ отличительную черту истинно благонамѣренной повѣсти. Но я знаю, что было бы совершенно безполезно обращаться за повѣствовательнымъ матеріаломъ къ современному человѣку. Онъ дрябль и изношенъ, онъ столь же мало способенъ къ перенесенію подвиговъ любви, сколько мудръ и изворотливъ въ устройствѣ акціонерныхъ обществъ и другихъ предпріятій, направленныхъ къ всеобщему надуванію. Нынѣче, даже едва выпущенный изъ корпуса фендрикъ—и тотъ не рискнетъ перелѣзть черезъ изгородь или выпрыгнуть изъ окошка въ крапиву, а норовитъ, какъ бы въ cabinet particulier, посреди тепла и свѣта, сложить тяготѣющее надъ нимъ бремя любви. Что можетъ дать подобный разслабленный организмъ? Какія перипетіи могутъ представить его теплая шуба и калоши, въ которыхъ онъ отправляется на любовное свиданіе, сперва на уголъ Вознесенской и Мѣщанской, а потомъ въ Зимній садъ г. Егарева?

Нѣтъ, не человѣкъ представляетъ современный центръ любовнаго тяготѣнія, а такъ называемый низшій организмъ, который одинъ сохранилъ любовную отвагу во всей ея полнотѣ и беззаботности. И ни cabinets particuliers представляютъ собой современную арену любви, а скотный дворъ, птичникъ, пастбище, водопой. Тамъ развертывается дѣйствительная, здоровая любовная драма, тамъ, передъ лицомъ всей природы, раздается немолчный гимнъ оплодотворенію и любви. Мои герои живутъ между собою мирно, не занимаются ни консервативными, ни сюбверсивными идеями, никого не травятъ, ничего не пресѣкаютъ. Правда, по временамъ, имъ бываетъ скучно, и, можетъ-быть, отъ скуки они не хуже другихъ могли бы заняться устройствомъ гастрономическихъ обѣдовъ, опредѣленіями, увольненіями и даже обложеніемъ другъ друга сборами, но вотъ въ ту минуту, когда, скука, повидимому, начинаетъ уже одолѣвать,—

. . . . . une poule survint,

и начинается драма . . .

Оговорившись такимъ образомъ, я прошу читателя не удивляться тому, что предлагаемая ему повѣсть носитъ слѣдующее не вполнѣ освященное ходячими эстетическими теоріями, но, въ сущности, совершенно подходящее заглавіе:

Мои любовныя радости и любовныя страданія.

(Изъ записокъ солощаго быка).

I.

Я деревенскій быкъ. «Быкъ»—это званіе, или лучше сказать, сельская должность. Въ іерархіи должностей она стоитъ нѣсколько ниже сельскаго старосты, но несравненно выше сотскаго. „Быкъ“ пользуется извѣстнымъ почетомъ, чему служитъ доказательствомъ то, что онъ получаетъ содержаніе отъ всего деревенскаго общества, а квартиру имѣетъ, по отводу, наравнѣ съ квартирующими войсками. Занятія «быка» не разнообразны, но сопровождаются нѣкоторыми выгодами, которыя, до извѣстной степени, умѣряютъ это однообразіе. Во-первыхъ, «быкъ» большую часть года находится лицомъ къ лицу съ природой, что доставляетъ ему множество истинно поэтическихъ минутъ. Во-вторыхъ, крестьяне, понимая, что благополучіе «быка» тѣсно связано съ благополучіемъ всего крестьянскаго стада, кормятъ его самымъ отборнымъ хлѣбнымъ ухвостьемъ, какое, быть-можетъ, во всей деревнѣ употребляютъ въ пищу лишь староста да кабатчикъ.

Предки мои были «быками» изстари. Дѣдъ мой разсказывалъ, что его прадѣдъ помнилъ еще моздокскія степи. Вотъ откуда мы родомъ. Судя по разсказамъ, мой пращуръ былъ прекрасный, рослый бычина, который, по достиженіи десяти лѣтъ (роковой возрастъ для должностного быка!), едва не сдѣлался жертвою своекорыстія прасола, уже предназначавшаго его въ волы. Къ счастію, въ это время, мимо стада, въ которомъ онъ пасся, проѣзжала вдова помѣщица и была поражена статьями моего пращура. Немедленно была совершена сдѣлка, вслѣдствіе которой онъ былъ переведенъ въ сельцо Отрадное Воронежской губерніи. Тамъ, его усиліями, было немедленно сформировано стадо въ сто головъ, а года черезъ три, одинъ изъ его сыновей, на лебедянской сельско-хозяйственной выставкѣ

удостоился получить большую серебряную медаль съ надписью—«за полезное».

Очень возможно, что мои дяди и внучатные братья и поднесь фигурируютъ съ честью на сельско-хозяйственныхъ выставкахъ, но что касается до того фамильнаго отпрыска, отъ котораго я происхожу непосредственно, то слава его очень скоро померкла. Родной мой дѣдъ помнитъ себя уже въ Смоленской губерніи, въ званіи деревенскаго быка. Въ этой безхлѣбной мѣстности, онъ въ самомъ непродолжительномъ времени до того спалъ съ тѣла, что никто уже не называлъ его иначе, какъ «простымъ русскимъ быкомъ», и съ тѣхъ поръ эта странная кличка осталась за нами навсегда.

Что касается до моего отца, то это былъ мученикъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Неурожаи и недоимки преслѣдовали его во всю жизнь. Во-первыхъ, онъ былъ зачатъ въ голодный годъ, когда моя бабка не знала другого корма, кромѣ гнилой соломы съ крышъ. Затѣмъ, когда онъ пришелъ въ законный возрастъ и былъ опредѣленъ къ должности, послѣдовало упраздненіе крѣпостного права, первымъ плодомъ котораго было накопленіе недоимки. За недоимку отецъ мой былъ проданъ въ другое сельское общество, откуда, за недоимку же,—въ третье и т. д. Однимъ словомъ, въ сопровожденіи недоимки, онъ исходилъ всю Смоленскую и часть Калужской губерніи, покуда, наконецъ, судьба не привела его въ ливенскій уѣздъ, въ опалихинское деревенское общество. Тутъ-то я и увидѣлъ свѣтъ.

Отецъ мой былъ робкій быкъ и совершенно демократъ по убѣжденіямъ. Пастухъ не любилъ его за это, и часто я видѣлъ его съ исполосанными кнутомъ боками. Но что всего страннѣе, крестьяне, которыхъ онъ такъ любилъ и нуждамъ которыхъ такъ сочувствовалъ, не только не понимали его демократическихъ стремленій, но даже поощряли пастуха криками: «накаливай его! шибче! валяй во всю!»

II.

На мое счастье, я родился во дворѣ довольно зажиточнаго крестьянина, который кормилъ меня хорошо, потому что имѣлъ на меня виды. А именно онъ разсчитывалъ, что, современемъ, съ выгодой уступитъ меня обществу, когда должность деревенскаго быка сдѣлается вакантною.

Воспитаніе я получилъ домашнее, то-есть не классическое и не реальное. Но былъ одинъ моментъ, когда я сильно опасался,

что меня засадятъ за латинскіе глаголы, такъ какъ на этомъ сильно настаивалъ стоявшій въ нашей деревнѣ съ ротой капитанъ Балаболкинъ.

Это былъ очень жалкій человѣкъ, который подъ именемъ классицизма разумѣлъ не столько классическую древность, сколько всякаго рода поскудства. Кажется, онъ не зналъ ни одного древняго языка, но, взамѣнъ того, имѣлъ довольно вѣрныя свѣдѣнія объ аѳинскихъ вечерахъ, которыя почерпалъ изъ романа «Жертва вечерняя». Онъ по цѣлымъ днямъ читалъ этотъ романъ: сидитъ, бывало, да облизывается, перечитывая одну и ту же страницу сряду по десяти разъ. Не понимаю даже, когда онъ находилъ время для разныхъ ученій! Царство домашнихъ животныхъ и птицъ пользовалось особеннымъ его расположеніемъ. Онъ любилъ смотрѣть на быковъ и жеребцовъ, любилъ подстерегать птицъ и даже посѣщалъ тетеревиныя таковища. И называлъ это классицизимомъ и опрятностью.

Хозяинъ мой, однакожъ, не поддался настояніямъ Балаболкина. Это былъ одинъ изъ тѣхъ разумныхъ мужиковъ, которые твердымъ опытомъ убѣдились, что въ жизни гораздо легче прожить безъ наукъ, нежели съ науками.

— Ни какой ему науки не надобно! говорилъ онъ про меня:—придетъ его время, онъ и безъ складовъ читать начнетъ. Потому, наука у него—природная.

Только благодаря этой твердости, я избавился отъ «Жертвы вечерней» и не растратилъ безвременно своихъ силъ.

Мнѣ было съ небольшимъ два года, когда мой отецъ умеръ. Въ послѣднее время его все били палками, думая хотя этимъ способомъ пробудить въ немъ чувство собственнаго достоинства, но добились только того, что онъ потерялъ жвачку. Тогда, всѣ взоры съ надеждою устремились на меня.

Я былъ невеликъ ростомъ, но молодъ и проворенъ.

Помню, было прелестное, солнечное весеннее утро. Уже три недѣли стадо гоняли въ поле безъ быка; оно ходило какъ сонное, не наѣдаясь, а только оглашая окрестность призывнымъ мычаніемъ. Казалось, надъ стадомъ повисла одна изъ тѣхъ весеннихъ грезъ, которыя такъ любитъ описывать поэтъ Фетъ. Коровы, облитыя лучами веселаго солнца, поголовно лежали на пару, зажмуривъ глаза и задумчиво жуя жвачку. То былъ не сонъ и не бдѣніе. Не сонъ,—потому что по стаду, неперемежаясь, изъ конца въ конецъ проносилось томное мычаніе. Не бдѣніе,—потому что стадо представлялось словно застывшимъ подъ игомъ трепетнаго ожиданія.

Хозяинъ вышелъ ко мнѣ въ хлѣвъ, обмоталъ мою шею обрывкомъ веревки и вывелъ меня на улицу. Крестьянская сходка была въ полномъ сборѣ; бабы стояли у воротъ и выглядывали изъ оконъ своихъ избъ. Нѣсколько поодаль бекпокойно расхаживалъ Балаболкинъ, для котораго отсутствіе быка въ стадѣ представляло несносное лишеніе.

Начали осматривать меня; одни одобряли, говоря, что я настоящій русскій, простой быкъ; другіе сомнѣвались. Я рылъ копытами землю, уставлялся рогами и взмахивалъ хвостомъ, изъ всѣхъ силъ стараясь показать, что, не хуже любого адвоката, поступлю по точному смыслу довѣренности. Но мужики галдѣли, ругались и предлагали моему хозяину такія условія, отъ которыхъ мнѣ самому становилось неловко.

Прошелъ цѣлый мучительный часъ. Наконецъ, бабы не выдержали и сбѣжались къ мѣсту сходки.

— Вы тутъ галдите,—говорили онѣ,—а коровы безъ быка ходятъ!

Тутъ же, кстати, кто-то напомнилъ, что день праздничный и не худо бы выпить. Хозяинъ мой горячо ухватился за эту мысль и предложилъ ведро водки.

Тогда, всѣ закричали, засуетились, и я, пользуясь суматохой, вырвалъ изъ рукъ хозяина веревку и стремглавъ понесся въ поле...

Я скакалъ такъ, что только копыта мои сверкали. Духъ у меня занимало, глаза налились кровью, ноздри раздувались, шея сама собой выгнулась...

Слѣдомъ за мной во всѣ лопатки летѣлъ Балаболкинъ.

При нашемъ появленіи, все стадо вдругъ, какъ бы по манію волшебства, поднялось на ноги и оглушительно звонко заревѣло.

И кто бы могъ подумать!—началъ Балаболкинъ, приписавъ этотъ внезапный порывъ себѣ, своему появленію...

ИЗЪ ДЖОВАННИ ПАСКОЛИ.

1.

Рубашка смерти.

Ребенокъ умеръ, плачетъ неустанно
И днемъ и ночью горестная мать;
И льются слезы, слезы... Но нежданно
Предъ ней дитя опять.
Въ одной рубашкѣ, блѣдный, какъ отъ страха,
Онъ шепчетъ ей:—Зачѣмъ ты плачешь, мать?
Отъ слезъ твоихъ мокра моя рубаха,
И не могу въ землѣ я мирно спать...
И въ грусти одинокой мать застыла—
И больше ни слезы не проронила.

---

[1]) Джованни Пасколи—одинъ изъ величайшихъ лириковъ Италіи,—„величайшій поэтъ Италіи послѣ Петрарки“,—по выраженію Габріеля д'Аннунціо. Пасколи родился въ Романьи, щедрой природой и великими людьми, въ селеньи Санъ-Мауро, въ 1855 году. Когда Джованни минуло 17 лѣтъ, отецъ его, скромный фермеръ, былъ убитъ неизвѣстными разбойниками, имени которыхъ сынъ не узналъ до смерти. Это печальное событіе юности трагически повліяло на всю жизнь Пасколи. Оставшись съ семьею безъ средствъ къ жизни, онъ рѣшилъ добиться ученой степени. Въ Болоньѣ, гдѣ тогда былъ профессоромъ литературы великій Джозуэ Кардуччи, окончилъ онъ университетъ; затѣмъ нѣсколько лѣтъ учительствовалъ въ городахъ Сѣверной Италіи. Преподавалъ онъ словесность и латинскій языкъ, знатокомъ котораго не безъ основанія считался. 16 разъ получалъ онъ преміи за лучшее латинское стихотвореніе на интернаціональномъ амстердамскомъ конкурсѣ. Послѣ смерти Д. Кардуччи, онъ занялъ его мѣсто въ Болонскомъ университетѣ, гдѣ читалъ любимый предметъ—литературу—почти до самой смерти. Вся жизнь его, тихая и безбурная внѣшними событіями, если не считать юношескій періодъ борьбы за освобожденіе Италіи, періодъ мятежа, въ которомъ онъ принималъ горячее и близкое участіе,—была однимъ свѣтлымъ трудовымъ днемъ. Онъ всецѣло, любовно былъ преданъ литературѣ,—много перевелъ съ иностранныхъ языковъ на итальянскій, ревностно изучалъ старую итальянскую и латинскую словесности, особенно Данте, въ изученіе котораго внесъ много новаго и яркаго. Какъ поэтъ,

2.

Сирота.

Снѣгъ хлопьями летитъ-летитъ-летитъ...
Качается такъ тихо-тихо зыбка;
Сося свой пальчикъ, въ ней дитя кричитъ,—
И бабушка надъ нимъ поетъ съ улыбкой.
Поетъ ему:—вокругъ твоей постели,—
Ты видишь?—садъ, въ немъ всѣ цвѣты поспѣли...
И чудится—въ саду ребенокъ спитъ...
Снѣгъ хлопьями летитъ-летитъ-летитъ.

3.

Упавшій дубъ.

Поверженъ мощный дубъ; раскидистъ, густъ и теменъ,
Гдѣ тѣнь отбрасывалъ, онъ замертво упалъ...
И шепчутся вокругъ:—О, какъ онъ былъ огроменъ!..

выступилъ онъ позднѣе—съ книжкой небольшихъ лирическихъ, полныхъ изумительной нѣжности и свѣжести, стихотвореній. Даже въ итальянской литературѣ, гдѣ лирика занимаетъ одно изъ крупнѣйшихъ мѣстъ, Пасколи возвышается своей непревзойденной, нѣжнѣйшей музой. Его стихи, то мягко буколическіе, то солнечно-яркіе, то серебристо-звонкіе, какъ дѣтскій смѣхъ, который онъ такъ любилъ и воспѣвалъ,—всегда ласкающіе и радующіе своей великой простотой, удивительны той скульптурной сжатой выразительностью, что̀ свойственна только большимъ талантамъ. Въ нихъ преобладаетъ свѣтлая цѣломудренная сердечность большой мудрой и младенчески довѣрчивой простой души. Много—и едва-ли не лучшее, что̀ онъ написалъ—посвящено имъ дѣтямъ. Передать его стихи на другой языкъ чрезвычайно трудно: въ нихъ такъ твердо, такъ сложно и тонко отпечатлѣна характерная легкая и чуткая лиричность и нѣжность итальянскаго языка, что малѣйшее измѣненіе къ текстѣ, структурѣ и порядкѣ образовъ можетъ нарушить гармоническую цѣльность всей обаятельной картины. Очень жаль, что у насъ мало знаютъ этого замѣчательнаго поэта, какъ и его геніальнаго собрата, Кардуччи. Джованни Пасколи умеръ въ 1912 году, на рукахъ сестры, съ которой прожилъ всю жизнь, отказавшись отъ радостей семейной жизни. Честь хранить его останки оспаривали три коммуны, чьи имена тѣсно связаны съ его творчествомъ. Селенье Санъ-Мауро, готовясь итти войной и силой отнять дорогое тѣло у Болоньи, указывало на то, что мѣсто рожденія должно и быть мѣстомъ вѣчнаго успокоенія для ихъ великаго поэта. Болонья возстала, ссылаясь на то, что умершій былъ много лѣтъ учителемъ старѣйшаго въ Италіи университета, и мѣсто его рядомъ съ могилами его собратьевъ—Феррари и Кардуччи. Но другъ поэта, сестра его, рѣшила его похоронить въ Кастельвеккіо, гдѣ былъ домъ Пасколи.

Если не ошибаемся, до сихъ поръ переводовъ на русскій языкъ стиховъ Джованни Пасколи не было. С. А.

И гнѣзда ласточекъ, что̀ милостиво далъ
Онъ свить веснѣ въ вѣтвяхъ, разбиты, погибаютъ...
И шепчутся вокругъ:—какъ дивно онъ стоялъ!

Всѣ хвалятъ старый дубъ и быстро разбираютъ,
Рвутъ вѣтви... Вотъ онъ голъ. И ночь къ нему идетъ...
Ушли всѣ... Тихо вкругъ... Лишь ласточка летаетъ
Надъ нимъ, ища гнѣздо, что̀ больше не найдетъ.

4.

Осенній вечеръ.

Ты видишь—вдоль тихихъ садовъ, межъ аллей,
Плоды золотые горятъ—улыбаются,
Стада запоздалыя съ тучныхъ полей
Домой возвращаются.

Вдоль улицы нищій средь листьевъ бредетъ,
И носятся жалобы листьевъ вечернія,—
И дѣвушка грустную пѣсню поетъ:
—О, терніи, терніи!..

5.

Когда вечерній блескъ разлился ярко-ало,
И темный кипарисъ озолотилъ закатъ,
Глядя на свѣтъ, предъ сномъ ребенку мать шептала: —
Такъ свѣтелъ и красивъ на небѣ райскій садъ!—

И видитъ сонъ дитя: предъ нимъ деревья рая,
И листья, и цвѣты —всѣ въ блескѣ золотомъ.—
И кипарисъ межъ нихъ, предъ бурею рыдая,
Тоскливо мечется и вѣтру бьетъ челомъ

6.

Годовщина.

Такъ много лѣтъ прошло, съ тѣхъ поръ какъ скорбь твоя
Дала мнѣ жизни свѣтъ, и далеко мгновенье,
Когда мой первый плачъ и первое томленье
Сильнѣй, чѣмъ скорбь твоя, печалили тебя.

Ростила юный духъ въ заботѣ неугасной,
И, чутко нѣжная, склонялась надо мной,
И въ часъ, когда своей ты свѣтлою душой
Въ моей душѣ была, ты умерла безгласно.

Такъ много дней и лѣтъ прошло-прошло съ тѣхъ поръ,—
И очи матери я смутно вспоминаю,
И все блѣднѣй-блѣднѣй твой ненаглядный взоръ.

Тебя какъ будто бы ужъ больше я не знаю,—
И больше надо мной никто и никогда
Не склонится, какъ ты, въ тѣ давніе года.

Семенъ Астровъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Романъ.

(*Окончаніе*) [1]).

XXVII.

Не вѣрилось, что мать приснилась: такъ жизненно и реально было это видѣніе склонившейся надо мною матери... Сонъ или галлюцинація?

— Мама, мама... Должно быть, чувствуетъ твое материнское сердце, что глупая и жестокая судьба слѣпой рукою беретъ жребій, рѣшающій вопросъ о моей жизни!

Съ испугомъ осмотрѣлся вокругъ. Лежу одѣтый въ постели и никакъ не могу понять, утро или вечеръ. Стараюсь припомнить, какъ было дѣло и что я долженъ предпринять. И никакъ не проходитъ это странное ощущеніе близости матери. Въ окно смотритъ розоватый отсвѣтъ, должно быть, утра... Да, конечно, утра! Теперь вспомнилъ протекшую мучительную ночь... Кто тамъ ходитъ за дверями, въ сосѣдней комнатѣ? Такіе мягкіе тревожные шаги, женскіе шаги. Должно быть, пришла въ контору Вѣра Петровна. Странно: быть-можетъ, я живу послѣдній день, а жизнь, какъ заведенная машина, вертится и работаетъ все такъ же, по часамъ, холодно и безстрастно, словно желаетъ показать, что ей нѣтъ никакого дѣла до того, что случится со мною... Посмотрѣлъ на часы: только восемь. Почему такъ рано пришла въ контору Вѣра Петровна?..

Отворилъ дверь въ контору и чуть не закричалъ отъ ужаса: мнѣ почудилось, что за конторскимъ столомъ сидитъ съ опущенной на руки головою моя мать...

---

[1]) См. апрѣль стр. 5.

— Мама!—закричалъ я, застывъ на мѣстѣ.

Женщина въ темномъ поднялась и превратилась въ Зою. Скорбное, измученное лицо, побѣлѣвшія губы, испуганные глаза въ синеватыхъ кругахъ. Нѣсколько мгновеній мы молча стояли другъ противъ друга...

— Вы, Зоя...

— Да.

Снова нѣсколько мгновеній глубокаго молчанія, потомъ пристальный пронизывающій взглядъ въ упоръ и холодный, безстрастный, какой-то стальной, голосъ изъ подергивающихся губъ:

— Я знаю все, Геннадій... Я пришла не для того, чтобы разсказывать вамъ о своихъ страданіяхъ, и не для того, чтобы сказать, кого изъ васъ я предпочитаю...

— Зоя!.. Ради Бога не волнуйтесь... Сядьте... вы такая измученная!..

— Не безпокойтесь о пустякахъ... Я пришла сказать вамъ только одно... то, что вы должны непремѣнно знать, прежде чѣмъ будете... убивать другъ друга: знайте, что тотъ изъ васъ, кто сдѣлается убійцей, убьетъ не только того, кого онъ ненавидитъ, но и того, кого онъ... думаетъ, что любитъ... Я не останусь жить, если вы убьете Дмитрія... И не останусь жить, если онъ убьетъ васъ... Поняли вы это? Для меня это безразлично, кто кого убьетъ... Я прошу васъ объ одномъ: вѣрить, что будетъ именно такъ...

— Зоя... Но что жъ мнѣ дѣлать? Что же мнѣ дѣлать!

— Я не знаю, Геннадій. Я только сказала вамъ, что должна была сказать...

— Я не могу понять... я... Вы требуете, чтобы я отказался отъ вызова... Если бы я его сдѣлалъ! Но вѣдь...

— Вамъ мѣшаетъ гордость? Вы боитесь, какъ бы васъ не сочли трусомъ? Такъ? Вы имѣете мужество умереть, убить, но не имѣете мужества для отказа?

— Но, поймите, я далъ уже согласіе! Господи, что же мнѣ дѣлать!.. Зоя! Понимаете, мнѣ остается только самому...

— Хорошо. Я согласна... Если вы такъ рѣшаете, я первая сдѣлаю это...

— Зоя! Нельзя такъ! Вы должны жить... Развѣ я могу, если... Вѣдь, вы знаете... знаете, что... Какая мука! За что такая мука!.. Господи, что же мнѣ дѣлать?..

— Перестаньте, Геннадій Николаевичъ... Богъ говоритъ только съ тѣми, кто въ Него вѣритъ... Нѣтъ, вы меня... не любите!

Крѣпко прижавшись къ оконному косяку, я долго глоталъ слезы и боролся со спазмами въ горлѣ; Зоя подошла ко мнѣ и тихо, кротко и ласково коснулась рукою моей головы...

— Бѣдный... милый мой!.. Развѣ мужество и гордость въ томъ, чтобы умереть или убить? Развѣ не больше надо мужества побороть свою гордость, которую не можетъ побѣдить даже ваша любовь?! Во имя требованій толпы порядочныхъ людей, которыхъ вы... не уважаете, вы соглашаетесь убить или быть убитымъ!.. Что сталось съ Геннадіемъ Тархановымъ!.. Тогда... и мнѣ надо... умереть, потому что *я* сдѣлала васъ звѣремъ... Развѣ я могу тогда не только любить, но даже жить? Нѣтъ... не могу и... не хочу. И объ этомъ я пришла сказать вамъ. Прощайте, милый! . . . . .

— Нѣтъ, нѣтъ... Не уходите! Ради Бога побудьте еще со мной! Я боюсь остаться одинъ.

— Если бы я имѣла прежнюю юношескую вѣру, я сказала бы вамъ: если вамъ не жаль своей и чужой жизни и если не страшно передъ совѣстью и Богомъ,—отдайте свою жизнь, принесите ее въ жертву освобожденію нашей родины... Но теперь я сомнѣваюсь и не могу вамъ сказать этого... Теперь я думаю, что вы должны жить, принося безкровныя жертвы родинѣ... Вы—писатель, честный, талантливый писатель... Не такъ ужъ много ихъ у нашей родины и у насъ, читателей...

— Зоя! Зоя! Не говорите мнѣ такъ!.. Не надо!.. Я не хочу... Зачѣмъ вы такая разсудительная?... Я хочу знать, я хочу сейчасъ знать и слышать только одно, только одно: любите вы меня или нѣтъ?... Только это! Мнѣ все равно остальное...

— Я вамъ сказала уже... Только мнѣ кажется, что вы-то меня не любите...

— Я?.. Милая!.. Чистая моя! Святая моя! Что же мнѣ сдѣлать, чтобы вы не сомнѣвались?..

— Вы знаете. Я вамъ сказала...

— Но тогда... Какъ же намъ быть?..

— Если вы поборете гордость и предразсудки и всѣ мы останемся жить, я уѣду и, быть-можетъ, надолго... Я хочу учиться... Я не могу больше такъ жить. Я поѣду...

— Куда? Куда же?..

— Не знаю. Все равно...

— Но вѣдь я долженъ это знать! Я буду знать? Да? Конечно?

— Нѣтъ, пока вы этого не будете знать... Я еще и сама не знаю... Можетъ-быть, въ Италію...

— Не понимаю...

— Что?

— Когда люди любятъ другъ друга, то...

— Что?

— Мы должны быть вмѣстѣ!

— Можетъ-быть... Когда-нибудь... Только не теперь и... едва-ли скоро. Пока я не могу строить новаго дома...

— Но, вѣдь, стараго нѣтъ? Старый разрушенъ!

— Да. И потому я ухожу съ его развалинъ. Но вы опять забыли, что есть еще человѣкъ, страданія котораго мѣшаютъ мнѣ быть съ вами вмѣстѣ. И потомъ... я хочу доучиться... Развѣ для васъ самое главное какъ можно скорѣе сдѣлаться... моимъ мужемъ?.

— Люди любятъ такъ, какъ они умѣютъ любить...

— Но вы—не какъ всѣ: вы умѣете еще поклоняться чистотѣ...

— Зоя! Я не могу васъ не видѣть, не слышать, не быть около васъ!

— Вы говорили мнѣ, что не переставали любить меня и въ разлукѣ... когда не видѣли, не слышали и были очень далеко... И ту вашу любовь я храню, какъ мою единственную драгоцѣнность... Не знаю, Геннадій, какъ объяснить... Я боюсь вашей настоящей любви... Она похожа на ту, которой меня любитъ мужъ... Въ ней есть что-то пугающее и отталкивающее... А впрочемъ, я не знаю, я сама не знаю... Быть-можетъ, это пройдетъ, и я сама, первая, приду къ вамъ и скажу: я люблю васъ такой же жестокой любовью, какой любите вы меня... И тогда мы будемъ жить, какъ всѣ, растрачивая драгоцѣнность нашей любви, пока не превратимся въ нищихъ... А мнѣ такъ хотѣлось бы сохранить свою драгоцѣнность!.. Хотя въ воспоминаніи! Вы меня не понимаете? Да?.. Я вамъ напишу... потомъ... когда-нибудь. Пока прощайте! Помните: я васъ люблю, я хочу, чтобы вы жили, чтобы ваши руки не были въ крови... и сама хочу жить... Ну, будетъ, будетъ! Дайте руку!.. Нѣтъ, я хочу васъ поцѣловать... Теперь я могу это... мы разстаемся и...

Зоя склонилась и поцѣловала меня въ голову. Я схватилъ ея руки и, покрывая ихъ слезами и поцѣлуями, торопливо говорилъ:

— Зоя! Свѣтлый, чистый ангелъ моей юности! всей моей жизни! Я люблю тебя больше всѣхъ и всего на свѣтѣ! Прости меня, что я запутался, опустился, сдѣлался звѣремъ, оскорбилъ твою душу, твою свѣтлую любовь... Но развѣ ты можешь ду-

мать, что я принесу тебя и твою жизнь въ жертву своей гордости? Вѣдь, ты этому не вѣрила, ни на одну минуту не вѣрила!.. Ты шла и знала... Правда? Ты знала?..

— Да... я знала, но...

— Ты сомнѣвалась?..

— Ты хорошій... Я люблю тебя...

— Благодарю тебя... Я хочу, я могу побѣдить въ себѣ звѣря! Я это сдѣлаю... Я запутался, опустился, но я хочу быть другимъ, я не хочу сдаваться пошлости, которая насъ окружаетъ... Я клянусь тебѣ, что вырвусь изъ ея лапъ!.. Погоди, не уходи! Побудь еще со мною!.. Мнѣ такъ много хочется сказать тебѣ, а не умѣю...

— Не могу, милый... Прощай! Дай тебѣ Богъ силъ и мужества! Мы будемъ, мы должны жить!

Зоя выпрямилась, перекрестилась на образъ Спасителя и проворно вышла изъ комнаты. Я рванулся, было, за ней, но, увидавъ упрекъ въ ея горящихъ кроткимъ и ласковымъ свѣтомъ глазахъ, обращенныхъ ко мнѣ, остановился и остался посреди комнаты въ какомъ-то свѣтломъ, радостномъ экстазѣ прозрѣвшаго неожиданно слѣпца...

— Мать! Ты, это ты прислала ко мнѣ моего свѣтлаго ангела!..

Бросился къ окну: въ розовыхъ и синихъ огняхъ разгорается зимнее морозное утро, въ бѣлоснѣжныхъ ажурныхъ кружевахъ деревья, крыши домовъ, лошади, окна...

— Милая!.. Вонъ она! Такъ близко...

Твердо похрустываетъ досчатый тротуаръ подъ ея ногами. Гордая походка, прямая и плавная, торжествующая, во что-то крѣпко вѣрующая... Прекрасная, чистая русская женщина, съ огромной бѣлой, какъ кружево инея, душой, съ переполненнымъ материнской любовью къ людямъ чуткимъ сердцемъ!.. Смотрю и люблю ее сейчасъ, какъ умѣютъ любить и боготворить дѣти!..

Скрылась, и стало грустно-грустно... Вотъ такъ же бывало грустно въ дѣтствѣ, когда куда-то уѣзжала мама...

Скорбное, измученное лицо и такой теплый, кроткій и ласковый взглядъ любви и состраданія! Это лицо стоитъ предо мною и освѣщаетъ мою любовь какимъ-то новымъ свѣтомъ. Этого свѣта въ моей любви къ женщинѣ еще никогда не было. Что она мнѣ сказала? Развѣ я не зналъ раньше всего, что она говорила? Я, вѣдь, все это давно зналъ и говорилъ когда-то самъ. Почему же эти простыя, ясныя слова и мысли въ ея устахъ свершили какой-то переворотъ въ моей душѣ, ярко освѣтили ея

потемки, очистили ее отъ всего звѣринаго, словно воскресили меня къ другой, новой жизни? Почему въ этихъ простыхъ словахъ и мысляхъ предо мною раскрылась теперь глубина, которой я раньше не видѣлъ? Такая слабая, кроткая, женственная, измученная и такая сильная! Въ чемъ ея сила? Въ любви и въ вѣрѣ... Я запутался въ словахъ и книгахъ, я такъ много читалъ ученыхъ сочиненій о человѣческой морали; подъ нее—ученые подкладывали разные фундаменты, потомъ ихъ ломали и начинали снова изслѣдовать, разлагать, ломать и строить, пока не пришелъ Ницше и не сказалъ: «Ваша мораль—мораль рабовъ, плюньте на ближняго и любите только дальняго!» И остался какой-то хаосъ, мусоръ, развалины, и, выбрасывая этотъ мусоръ, мы стали выбрасывать съ нимъ вѣчныя драгоцѣнности и, говоря о цѣнности человѣческой жизни и личности, перестали этому вѣрить, какъ и многому, что говорили отъ одного холоднаго разсудка. «Любовь къ ближнему»—да вѣдь этимъ освѣщалась когда-то вся дорога жизни моей, какъ и всѣхъ такихъ же, какъ я, интеллигентовъ въ кавычкахъ! Всѣ мы исходили *отъ* ближняго *къ* дальнему. Никогда мы не считали Наполеона великимъ геніемъ человѣчества, свѣтлымъ образцомъ «дальняго», котораго надо любить и къ которому идти, а считали только великимъ солдатомъ и злымъ геніемъ братоубійственныхъ войнъ, а теперь его производили чуть не въ Боги!.. Великій сумбуръ и хаосъ, въ которомъ очутилась душа человѣческая!.. Наши марксисты, исповѣдуя соціализмъ, радостно простираютъ руки къ самому крайнему индивидуализму и развѣнчиваютъ «интеллигенцію», къ которой они сами принадлежатъ и изъ которой вышли, какъ вѣтка изъ дерева, отрекаются отъ всякаго родства съ народничествомъ. Хаосъ въ мозгу и въ душѣ, нѣтъ никакой крѣпкой вѣры, нѣтъ символа вѣры, а только программы, нѣтъ крѣпкой любви и крѣпкой ненависти, нѣтъ никакихъ драгоцѣнностей—всѣ онѣ растеряны и взаимно поруганы програмными мыслителями! А вотъ у Зои есть онѣ, драгоцѣнности, и отъ этого такъ чиста и свѣтла душа ея, такъ горячи ея простыя слова и мысли, освященныя непоколебленной вѣрою въ ихъ правоту и нравственную силу...

— О, какое это огромное счастье любить и быть любимымъ такой женщиной!

Отошли муки и сомнѣнія, на душѣ стало спокойнѣе; казалось, что теперь все рѣшено и все ясно; не было злой ненависти къ врагу и не было трусости отказаться отъ вызова и потому показаться трусомъ. Была только огромная усталость

въ тѣлѣ отъ пережитыхъ мукъ, сомнѣній и безсонной ночи, пріятная такая усталость, какая бываетъ у выздоравливающихъ больныхъ послѣ кризиса...

— Спать, спать!.. Такъ легко, хорошо, словно освободился отъ непосильной тяжести! Легъ и быстро заснулъ крѣпкимъ, беззаботнымъ сномъ, какимъ спятъ въ дѣтствѣ.

Не знаю, какъ прошелъ день и что дѣлалось въ конторѣ и редакціи,—всѣ заботы отлетѣли и все казалось чепухой, мелочью и совершенно меня не тревожило. Проснулся, когда редакціонный сторожъ съ грохотомъ высыпалъ на полъ, передъ печкою въ конторѣ, дрова.

— Зажги лампу и давай самоваръ!

— Ну и спите вы, Еннадій Миколаичъ!..

— Вѣра Петровна была?

— Нѣтъ, что-то не приходили сегодня. Письмо отъ нихъ принесли, а сами не бывали.

— Ну-ка, дай сюда письмо!

Немного волновался, вскрывая письмо изъ дома на Карамзинской улицѣ. Прочиталъ и улыбнулся: отъ службы отказывается и проситъ прислать ей съ Иваномъ двѣнадцать съ полтиной заслуженнаго жалованія. Очевидно, узнала о готовящейся дуэли и боится, въ случаѣ моей смерти, потерять двѣнадцать съ полтиной!

— Всякому свое! Кому—жизнь, а кому двѣнадцать съ полтиной!

Должно быть, по городу уже идетъ трезвонъ о нашей дуэли, и всѣ ждутъ, кто кого изъ насъ убьетъ. Воображаю, какъ взволновано все «порядочное общество» города Симбирска! Это, пожалуй, интереснѣе, чѣмъ пари офицеровъ—прокатиться по улицѣ на коровѣ,—случай прошлою весною взбудоражившій всѣхъ жителей во главѣ съ самимъ губернаторомъ. Перелѣшинъ, конечно, ищетъ секундантовъ, найти которыхъ въ нашемъ городѣ, пожалуй, труднѣе, чѣмъ самому встать подъ дула револьвера... Всѣ отказываются, ссылаясь на отвѣтственность по закону, на служебное положеніе, на семью и дѣтей; выслушиваютъ съ удовольствіемъ просьбу и потомъ отказываются, дѣлясь пикантной новостью съ женами и пріятелями. Одни за меня, другіе—за Перелѣшина. Оба—герои! О, я прекрасно знаю, что губернскія дамы, выставляющія на общее обозрѣніе свои жирныя груди, всѣ на моей сторонѣ! Всѣ онѣ желаютъ и ждутъ, чтобы я убилъ соперника! Горькое разочарованіе ожидаетъ васъ, прекрасныя во всѣхъ отношеніяхъ дамы: вашъ герой окажется презрѣннымъ трусомъ!

— Кто тамъ?

— Можно?

— Войдите! Почему у васъ такое испуганное лицо?

— У васъ никого нѣтъ?

— Никого.

— Отлично.

Замятинъ скрылся въ передней, чтобы снять шубу и скоро вошелъ, полный загадочнаго сосредоточеннаго глубокомыслія...

— Холодно сегодня...—сказалъ онъ строго такъ, съ нахмуренными бровями.

Потираетъ руки, ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, молчитъ...

— Ну, что скажете еще? Холодно—это вѣрно...

— Мм... можно попросить васъ въ кабинетъ?

— Говорите здѣсь! Мы одни.

— А все-таки...

«Должно быть, одинъ изъ секундантовъ»—подумалъ я и невольно улыбнулся смѣшному глубокомыслію легкомысленнаго по своей натурѣ человѣка.

Вошли въ кабинетъ, сѣли другъ противъ друга, молчимъ, оба ждемъ чего-то...

— Я къ вамъ по весьма непріятному дѣлу,—крякнувъ, началъ, наконецъ, хмурый гость.

— Догадываюсь. Отъ Перелѣшина?

— Да.

Опять сосредоточенно-углубленный видъ и торжественное молчаніе.

— Отказывается отъ вызова?—спрашиваю, чтобы подвинуть тяжелый возъ, въ который запрягли бѣднаго Замятина.

— Кто? Перелѣшинъ?.. Богъ съ вами!.. На такой позоръ онъ не пойдетъ...

— Не пойдетъ?.. жаль.

— Насколько мнѣ извѣстно, вы приняли его вызовъ?

— Да, имѣлъ глупость... Теперь одумался и отказываюсь.

— Но какъ же такъ?—растерянно произнесъ Замятинъ.

— А такъ, отказываюсь.

— На какомъ основаніи?

— Безъ объясненія причинъ. Не хочу. Просто не хочу... Некогда!

Замятинъ обидѣлся: мое «некогда» показалось ему оскорбительнымъ для его серьезной миссіи.

— Некогда!.. Мнѣ, быть можетъ, еще болѣе некогда, чѣмъ

всѣмъ вамъ, но... я полагалъ, что не въ бирюльки игралъ Дмитрій Григорьевичъ, когда вызывалъ васъ на поединокъ, а вы принимали его вызовъ... Я очень сожалѣю, что явился одинъ (второй секундантъ пока... не далъ своего согласія!). Въ такихъ случаяхъ мы обязаны составить протоколъ о вашемъ отказѣ. Я долженъ вамъ сказать, что шутить съ Перелѣшинымъ опасно...

И Замятинъ началъ объяснять, почему опасно: отказъ даетъ ему право нанести мнѣ публичное оскорбленіе.

— Дѣйствіемъ!—добавилъ Замятинъ.

— На это есть мировой судья!—искусственно позѣвывая, отвѣтилъ я.

— Онъ можетъ даже... убить васъ... Вамъ извѣстенъ его темпераментъ?.. Можетъ убить...

— На это есть окружный судъ.

— Гм... Есть дѣла, подсудныя нашей чести, только нашей чести.

— Понятія о чести бываютъ разныя. Моя честь можетъ обойтись безъ крови.

— Такъ-съ. А не боитесь вы, что вашъ отказъ будетъ принятъ, какъ... ну, малодушіе, что-ли?

— Мнѣ не нуженъ аттестатъ храбрости. Я имѣю аттестатъ зрѣлости.

— Такъ-съ. Въ такомъ случаѣ имѣю честь кланяться.

Замятинъ сухо поклонился и, не подавъ мнѣ руку, вышелъ изъ кабинета.

«Милостивый Государь, Дмитрій Григорьевичъ! Простите: я вынужденъ разочаровать васъ въ своей порядочности. Беру назадъ свое согласіе на сдѣланный вами вызовъ. Мнѣ не хочется умирать и не хочется убивать. Если вамъ хочется непремѣнно убить меня и безъ этого вамъ никакъ нельзя обойтись, выберите другой способъ привести это въ исполненіе, совмѣстимый съ вашими понятіями о чести и добромъ имени; предоставляю вамъ полную свободу дѣйствій. Геннадій Тархановъ».

— Отнеси это письмо г. Перелѣшину, а вотъ эти двѣнадцать съ полтиной передай Вѣрѣ Петровнѣ!..

— Отвѣтъ принести?

— Если дадутъ, принеси.

Такъ легко и просто я сдѣлалъ то, что казалось мнѣ еще вчера невозможнымъ, позорнымъ, унизительнымъ... Такъ тихо, спокойно на душѣ и на совѣсти...

XXVIII.

Вотъ уже третій день, какъ томлюсь неизвѣстностью... Хотя бы одна маленькая и незначительная вѣсточка изъ дома на Карамзинской улицѣ! Словно сразу все оборвалось и рухнуло въ бездну неизвѣстности. Что тамъ, на Карамзинской улицѣ?.. Вчера днемъ я проходилъ мимо: какъ завороженный замокъ, молчаливый и загадочный, стоитъ среди сверкающихъ мохнатымъ инеемъ деревьевъ, заметенный мягкими сугробами снѣга, домъ моихъ радостей и страданій; холодно и тускло смотрятъ разрисованныя морозомъ стекла оконъ за чугунной рѣшеткой и кажется, что тамъ нѣтъ больше живыхъ людей, что тамъ пустота и молчаніе... Нѣтъ отвѣта на мое письмо, и тщетно я бросаюсь каждый день на приносимую съ почты корреспонденцію, надѣясь среди писемъ найти одно, съ милымъ дорогимъ почеркомъ. Нѣтъ такого письма! Но, вѣдь, такъ нельзя и не можетъ быть: гдѣ-то продолжается все это, кажущееся мнѣ оборваннымъ; оно не можетъ оборваться, его нельзя перерѣзать пополамъ и заставить навсегда замолкнуть... Да, конечно. Оно продолжается тамъ, въ молчаливомъ заколдованномъ замкѣ, занесенномъ пушистыми сугробами... Зоя сказала, что для нея этотъ домъ разрушенъ, и она уходитъ съ его развалинъ... Можетъ быть, тамъ уже нѣтъ Зои?... Гдѣ она? Что съ ней?..

Слоняюсь по редакціи, хожу и жду чего-то; выскакиваю въ контору, когда слышу звонокъ, смотрю въ окна. Все на что-то надѣюсь, жду продолженія... Не съ кѣмъ даже поговорить о Зоѣ, не отъ кого услышать милое сердцу имя. Раньше въ конторѣ сидѣла Вѣра Петровна, и можно было сказать и услышать хоть нѣсколько словъ, среди которыхъ звучало дорогое имя. Теперь и этого нѣтъ. Пустой молчаливый стулъ вмѣсто Вѣры Петровны... Не являются и секунданты. На улицахъ морозъ, сугробы, почти не видно людей.... Когда придетъ конецъ этой мучительной неизвѣстности?..

Прошелъ еще одинъ день,—молчаніе и неизвѣстность... Я увѣренъ, что каждый прохожій знаетъ больше меня. Стóитъ пойти въ театръ или въ клубъ,—и сейчасъ же отыщутся люди, по преимуществу дамы, которыя обладаютъ чудодѣйственною силою видѣть сквозь каменныя стѣны и знаютъ, что дѣлается во всѣхъ семейныхъ домахъ. Но я не хочу итти въ эту публику и не хочу слышать отъ нея даже правду про Зою. Я предпочитаю неизвѣстность и молчаніе... Не нахожу мѣста отъ

муки и тревоги ожиданія, но не выхожу больше изъ дому: боюсь съ кѣмъ-то встрѣтиться и что-то узнать.

Сегодня заходилъ одинъ изъ друзей газеты, статистикъ Николаевскій, и какъ-то странно велъ себя: казалось, что онъ имѣетъ что-то сказать мнѣ, но стѣсняется заговорить и пытливо бросаетъ на меня взглядъ изъ-подъ очковъ, чтобы рѣшить вопросъ: говорить или нѣтъ? Онъ очень мягкій и деликатный человѣкъ, дожилъ до сорока лѣтъ и не потерялъ способности краснѣть, какъ дѣвушка шестнадцати... Что-то онъ знаетъ и томится сомнѣніемъ, какъ ему быть... Написалъ маленькую замѣтку для газеты изъ области земской жизни, потомъ долго писалъ и рвалъ бумагу. Сочувственно пожалъ мнѣ руку, помялся въ передней около своихъ галошъ и ушелъ. Что такое? Должно быть, услыхалъ о дуэли и желалъ поговорить «принципіально» отъ имени мѣстной интеллигенціи въ кавычкахъ. А можетъ быть другое... Меня уже разъ судили за «буржуазность поведенія», но вынесли оправдательный вердиктъ... Милые и... смѣшные, наивные, какъ дѣти... Въ наше время я смѣю пить шампанское съ господами буржуями!.. Такъ называютъ они домъ Перелѣшиныхъ. И моя Зоя для нихъ только «буржуйка»!.. А я, заблудившійся, готовъ молиться этой «прекрасной буржуйкѣ»!.. Темнѣетъ. Еще одинъ день прошелъ... Полная неизвѣстность и молчаніе... Хожу около телефона и думаю: а что, если позвонить? Какъ это странно, что сегодня ни разу не звонилъ мой телефонъ! Даже телефонъ хранилъ глубокое молчаніе... Испугался и отскочилъ: телефонъ затрещалъ вдругъ, словно услышалъ мои мысли...

— Кто звонитъ?

— Изъ земской больницы!—отвѣтилъ тоненькій женскій голосокъ... и началъ что-то жалобно пищать.

— Ничего не слышу. Говорите громче!

— Редакція?

— Да.

— Позовите господина редактора Тарханова!

— Я стою и слушаю!

— Главный врачъ просилъ вамъ сказать, чтобы вы не безпокоились: рана не опасная, серьезнаго пока ничего нѣтъ, не безпокойтесь, слава Богу, все хорошо. Температура... Первое мгновеніе я сердился, я думалъ, что телефонъ что-нибудь, по обыкновенію, перепуталъ и говоритъ не съ тѣмъ, съ кѣмъ думаетъ. Но вдругъ тамъ, въ трубкѣ, пискливый голосокъ произ-

несъ имя моей любимой женщины, и, какъ молнія, мою душу прорѣзала мысль: въ Зою стрѣлялъ мужъ!..

— Куда попала пуля?

— Въ лопатку... Въ грудь и лопатку, — пищалъ голосъ, словно говорила ученица, готовая расплакаться.

— Я могу сейчасъ пріѣхать и видѣть Зою Сергѣевну?

— Этого нельзя-яя! Никого не пустимъ. А г. Перелѣшина привели въ сознаніе.

— А что съ нимъ?

— Они морфію приняли. Теперь тоже опасности нѣтъ... Сейчасъ ихъ полиція допрашиваетъ.

Вотъ оно продолженіе!.. Я все-таки поѣду. Я не могу не ѣхать. Мнѣ все равно... Голубка! Родная! Святая моя! Изъ-за насъ... Звѣри мы, звѣри! Мы убили тебя!.. Мы! Оба мы! И я, и я!

Какъ обезумѣвшій, въ кошмарномъ бреду, выскочилъ я на крыльцо и закричалъ извозчика. Я уже садился, когда сторожъ Иванъ спросилъ: «а шубу-то?» и убѣжалъ. Морозъ пронизывалъ мое тѣло и мою непокрытую голову. «Нехорошо безъ шубы, въ пиджакѣ и безъ шапки!» — проскользнуло въ мозгу.

— Шапку!—крикнулъ я вслѣдъ убѣгавшему сторожу.

Подошелъ будочникъ и, покашлявъ, спросилъ:

— Куда везешь?

— Какое тебѣ дѣло? Уходи!—закричалъ я, словно будочникъ могъ помѣшать мнѣ въ чемъ-то.

Появился Иванъ, державшій въ охапкѣ шубу, галоши и шапку.

— А револьверъ?

Самъ не знаю, зачѣмъ мнѣ понадобился револьверъ. Это крикнулъ не я, а кто-то другой, сидящій втайнѣ внутри меня.

— Я не зналъ...

— Въ правомъ ящикѣ письменнаго стола, въ кабинетѣ! Подай сюда!

Будочникъ отошелъ въ сторону, потомъ торопливо пошелъ куда-то.

— Куда онъ? А, въ аптекарскій магазинъ! Къ Эпштейну! Что ему тамъ понадобилось?

— Вотъ извольте-съ—печально произнесъ Иванъ, подавая мнѣ револьверъ въ кобурѣ.

— Мерси.

Я натянулъ въ рукава шубу и, какъ пьяный, закричалъ:

— Гони!

Дорогой я вынулъ изъ кобуры револьверъ, ухмылялся и думалъ: «теперь все равно: не думай, что ты останешься живъ, если Зоя умретъ! Всѣ уйдемъ, братъ, туда... за ней!» Ты, слава Богу, пришелъ въ сознаніе. Очень пріятно! Я подойду къ твоей постели и скажу: пойдемъ за ней, которую мы любили! Намъ теперь по пути...»

Я—словно пьяный: мнѣ кажется, что это не я мчусь на лошади, а дома города бѣгутъ отъ меня... Бѣгутъ дома, сады, жители... Боятся, что у меня—заряженный револьверъ! Больница далеко, за городомъ... Вѣдь, это та самая больница, въ которой когда-то, давнымъ давно, лежалъ я въ тифѣ? Да, туда ко мнѣ приходила свѣтлая дѣвушка съ золотыми волосами и сиренью въ рукахъ! Теперь она тамъ, она, своей кровью искупившая наше звѣрство!.. Ты—какъ святая мученица, я готовъ упасть предъ тобою на колѣни и молиться твоей чистотѣ!.. Нѣтъ, мнѣ не надо револьвера...

Я вытащилъ револьверъ, посмотрѣлъ на него и съ гадливостью выбросилъ въ сугробъ снѣга.

— Что ты? Разя не надо?—спросилъ извозчикъ, попридерживая лошадь.

— Не надо, братъ. Ничего имъ не разрѣшишь.

— Я возьму его! Чай, онъ денегъ стоитъ...

— Бери!

— Тпру!

— Не смѣй останавливаться! На обратномъ пути возьмешь. Гони!..

Странное, совершенно новое для меня состояніе какого-то холоднаго безразличія. Зоя, можетъ быть, умретъ, но я не плачу, не страдаю... Я, какъ игрокъ, поставившій на карту все, что онъ имѣетъ. Что я еще имѣю? Жизнь! И ее я ставлю на мою послѣднюю карту. Теперь все равно: умретъ Зоя, умру и я! «Напрасно я бросилъ револьверъ»...

— Стой!

Извозчикъ не сразу понялъ и остановилъ лошадь. Я выскочилъ изъ пролетки и побѣжалъ за выброшеннымъ револьверомъ.

— Вотъ онъ, голубчикъ! Можетъ еще пригодиться... Валяй! Гони!

— Эхъ, ты! Жалко стало...—упрекнулъ обернувшійся извозчикъ.

Вотъ и больница. Такая знакомая; когда-то такая милая, родная, теперь она—страшная, только страшная... Въѣзжая въ ея ворота, я весь сжался отъ пахнувшаго на меня страха, который смотрѣлъ мнѣ въ душу изъ всѣхъ оконъ, изъ закрытыхъ

дверей и особенно изъ главнаго подъѣзда, около котораго стояла пара лошадей и верховой казакъ.

— Полицмейстерскія лошади-то—произнесъ извозчикъ, почтительно объѣзжая санки съ медвѣжьимъ пологомъ и съ величественнымъ кучеромъ на козлахъ.

Швейцаръ отворилъ мнѣ вторыя стеклянныя двери, и я очутился въ огромномъ вестибюлѣ, съ звонко разносящимъ шаги и голоса каменнымъ поломъ... Здѣсь такъ похоже на церковь... и страшно.

— Вамъ кого угодно?

— Старшаго врача.

— Они заняты. У насъ г. полиціймейстеръ.

— Ну, кого-нибудь другого...

— Дежурному врачу тоже нельзя.

— Есть же кто-нибудь?

Раздались звонкіе шаги по каменному полу, и я увидалъ дѣвушку въ бѣломъ.

Дѣвушка промелькнула и скрылась въ полутемномъ корридорѣ, я догналъ ее:

— Послушайте! Простите...

Обернулась. Знакомое лицо.

— Вы напрасно пріѣхали: я вамъ говорила по телефону, что видѣть Зою Сергѣевну пока нельзя! Къ ней не пустили даже мужа, а не только... чужихъ.

— Вы мнѣ только скажите, хуже ей или лучше? Есть ли надежда?..

— Пока все хорошо. Температура не поднялась... Если два дня такъ продержится...

— Но вѣдь можетъ и измѣниться? Или теперь никакой опасности?

— Этого вамъ никто не скажетъ. И главный врачъ не скажетъ. Пока все хорошо и...

— Можно передать ей письмо?

— Нельзя.

— Такъ какъ же быть?..

— Надо быть терпѣливымъ. Извините, я тороплюсь...

— Простите! еще одно слово! Зоя Сергѣевна гдѣ? Въ какомъ отдѣленіи? Кто имъ завѣдуетъ?

— Въ хирургическомъ. Самъ главный врачъ.

— Спасибо... Мы съ нимъ знакомы... Отлично... Извините меня...

— Ничего...

Въ вестибюлѣ звонко и рѣзко затрещали женскіе голоса, возбужденно-веселые, крикливые; эхо разносило ихъ во всѣ стороны, и казалось, что въ страшную тишину этого дома ворвался кусочекъ улицы или клуба. Зачѣмъ онѣ кричатъ и спорятъ, когда...

— Ахъ, вотъ и онъ, г. Тархановъ! Здравствуйте, Геннадій Николаевичъ! Скажите, почему не пускаютъ къ Зоѣ Сергѣевнѣ? Ничего опаснаго, говорятъ, нѣтъ, мы пріѣхали только пожать ей руку и передать цвѣты... И такъ грубо! Вы уже были у нея?

— Нѣтъ. Къ ней нельзя. Ей, вѣроятно, не до цвѣтовъ... Говорите, господа, тише...

— Тамъ не слыхать... Далеко... Какая исторія! Это ужасно, ужасно! Вы уходите?

— Да.

— А все вы!—грозя пальцемъ въ перчаткѣ, лукаво щурясь и ухмыляясь, прошептала одна изъ дамъ.

Я повернулся и пошелъ къ выходу.

Да, пожалуй, все-таки онѣ, эти трещетки, правы: «если бы не я, ничего бы этого не случилось...»

— Геннадій Николаевичъ!

Опять онѣ, звонкія барыни.

— Погодите! Это, наконецъ, невѣжливо! Съ нимъ хотятъ говорить, а онъ отворачивается.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Вѣрите вы, что это вышло случайно, отъ неосторожности, какъ объяснила Зоя Сергѣевна на допросѣ?

— Право, не знаю... Ничего не знаю.

— Что онъ былъ пьянъ,— это можетъ быть! Его видѣли въ ту ночь очень-таки навеселѣ...

— Конечно!—подхватила другая.—Зачѣмъ могло понадобиться среди ночи разсматривать револьверъ? Кто этому повѣритъ?.. Дураковъ нашли! Она просто не хочетъ, чтобы его судили и отправили на каторгу! Пристрѣлилъ жену и выпилъ порошковъ съ морфіемъ!..

— Она боится скандала...

— Конечно!

— Право, не знаю... Совершенно ничего не знаю... Простите! Мнѣ надо ѣхать!

— И мы ѣдемъ... Скажите «слава Богу», что вы остались цѣлы!.. До свиданія!

«Я остался цѣлъ»... «А все я!» А вотъ Зоя можетъ уме-

реть... Если это случится, я не могу жить и не хочу жить... не имѣю нравственнаго оправданія остаться...

Обогнали барыни, махнули муфтами, улыбнулись, сверкнувъ глазами, и помчались впереди. Потомъ позади зазвенѣли бубенчики и громко и строго крикнулъ кто-то:

— Съ дороги!

Извозчикъ торопливо свернулъ и схватился за шапку. Мимо проскакалъ верховой, за нимъ—пара. Я скользнулъ глазами по сѣдокамъ: рядомъ съ бравымъ полицеймейстеромъ въ николаевской шинели сидѣлъ Перелѣшинъ. Онъ какъ-то сгорбился и обвисъ, голова его безвольно покачивалась и во всей фигурѣ было что-то жалкое и покорное, безразличное ко всему окружающему... Можно было подумать, что онъ—пьянъ...

— Повезли голубчика!—сказалъ извозчикъ, кивая головой вслѣдъ парѣ.

Я смотрѣлъ въ спину покачивающагося Перелѣшина и не только не ощущалъ къ нему никакой непріязни, а напротивъ,—мнѣ было его жаль, и я чувствовалъ себя виноватымъ передъ этимъ несчастнымъ человѣкомъ, который походилъ теперь на пьянаго. Можетъ быть, ему не дали умереть, а можетъ быть, у него не хватило силъ умереть: вѣдь, въ его рукахъ былъ револьверъ, а онъ выпилъ какихъ-то порошковъ съ морфіемъ. А всего нѣсколько дней тому назадъ онъ самъ предложилъ мнѣ дуэль и не боялся смерти!.. Вотъ и пойми душу человѣческую!.. Можетъ быть, если Зоя умретъ,—и мнѣ будетъ трудно сдѣлать то, что сейчасъ кажется неизбѣжнымъ, легкимъ и желаннымъ концомъ моего пути жизни... можетъ быть, я окажусь такимъ же жалкимъ и ничтожнымъ предъ лицомъ смерти, какъ этотъ несчастный Дмитрій Григорьевичъ...

Вернувшись домой, я нашелъ на письменномъ столѣ написанную рукою статистика Николаевскаго для газеты корреспонденцію, озаглавленную «Буржуазная драма». Почему «буржуазная»? Пробѣжалъ четко выписанныя красивыя строчки и изорвалъ бумагу съ ними въ мелкіе клочки. Вся драма объяснялась бездѣльемъ, скукой и сытостью и кончалась такой фразой: «такъ бѣсятся съ жиру и отъ скуки члены нашего псевдо-интеллигентнаго буржуазнаго общества!»

Долгая-долгая мучительная ночь. Хаосъ въ душѣ и въ головѣ, сутолока мыслей и ощущеній. Ничего не могу дѣлать, ни о чемъ не могу думать, не нахожу въ домѣ мѣста. Одинъ, тихо, а кажется, что я—на огромной станціи, гдѣ скрещивается много поѣздовъ, ничего не разберешь, боишься пропустить свой поѣздъ,

боишься сѣсть не въ тотъ, въ который нужно, и никто не можетъ и не хочетъ объяснить... Бьютъ сигнальные колокола-часы на стѣнѣ въ конторѣ, и каждый разъ я вскакикаю и пугаюсь, тороплюсь, осматриваюсь... Можетъ быть, мой поѣздъ уже пришелъ и мнѣ надо пересаживаться?.. Подхожу къ письменному столу, выдвигаю ящикъ и беру револьверъ. Заряженъ! Все готово... къ пересадкѣ. Бережно кладу на мѣсто револьверъ и снова хожу по тихому дому, хожу все быстрѣе и быстрѣе...

— Бумъ! бумъ! бумъ!—бьютъ часы.

Какъ долга зимняя ночь! Нѣтъ ей конца... О, скорѣй бы разсвѣтъ!.. Обращаю взоръ на икону Спасителя и шепчу: «помоги, Господи!».

Тихо въ комнатахъ. Тихо и мертво на улицахъ. Не слышно даже трещетокъ ночныхъ караульщиковъ. Жуткое молчаніе, въ которомъ что-то непрестанно свершается и приближается ко мнѣ... Изрѣдка мозгъ на одно мгновеніе освобождается отъ хаоса, и въ сознаніи ярко вспыхнетъ одна мысль: можетъ быть, сейчасъ, въ эту минуту, Зоя умираетъ. И тогда такое отчаяніе охватываетъ мою душу и все мое тѣло, что я рѣшаю сейчасъ же бѣжать въ больницу, торопливо надѣваю шубу, ищу шапку... Потомъ сознаніе путается, острая мысль потухаетъ, снова въ головѣ хаотическимъ вихремъ крутятся мысли, образы, предметы, слова, названія, и я сижу въ шубѣ съ шапкой въ рукѣ въ передней на сундукѣ и забываю о своемъ рѣшеніи... Случайно вижу себя въ шубѣ, припоминаю, какъ я въ ней очутился, и сбрасываю... Зачѣмъ мнѣ бѣжать туда? Развѣ это измѣнитъ ходъ событій? Этотъ ходъ свершается по неизбѣжнымъ, неотвратимымъ и невѣдомымъ законамъ природы. Если въ долгомъ ночномъ молчаніи идетъ смерть, она придетъ. Люди науки сдѣлали и дѣлаютъ все, что, по ихъ мнѣнію, нужно сдѣлать, и говорятъ, что только черезъ два дня смогутъ отвѣтить: показалась ли на дорогѣ смерть или нѣтъ, и если не показалась, то и не придетъ...

Снова поднимаю голову къ образу Спасителя и говорю съ Нимъ шепотомъ въ страшномъ молчаніи ночи...

Такъ проходитъ часъ, другой, третій... Тускло заглядываетъ въ окна зачинающееся утро новаго дня. Часы бьютъ шесть. Пора! Можетъ быть, пришелъ мой пересадочный поѣздъ и надо уходить съ этой узловой станціи моей жизни. Съ ужасомъ подхожу къ телефону, долго не рѣшаюсь и, перекрестившись, звоню.

— Больница?.. Ради Бога, сестра, узнайте въ хирургическомъ отдѣленіи о положеніи Зои Сергѣевны! Лучше ей или хуже? Ради Бога!

Стою и жду. Минута кажется вѣчностью. Но вотъ въ трубкѣ слышны шаги, а затѣмъ голосъ:

— Слушаете?.. Все идетъ хорошо. Температура не поднималась.

— Благодарю васъ, цѣлую вашу руку!.. Простите, ради Спасителя!..

Смѣюсь отъ радости и глотаю слезы, бѣгу къ постели, бросаюсь и долго плачу радостными благодарными слезами...

Должно быть, отъ радости, что «все хорошо и температура не поднимается», сознаніе подергивается пріятной дымкой, въ которой проплываютъ, какъ бѣлыя легкія облака по голубому весеннему небу, какія-то радужныя грезы и легкокрылые полусны: то звенятъ въ сосновомъ бору колокольчики,—я куда-то ѣду, то жалобно поютъ кукушки раннимъ утромъ, когда еще капли росы золотятся на бѣлыхъ ландышахъ, то стучитъ пароходъ колесами по тихой застывшей Волгѣ, и мы куда-то ѣдемъ съ Зоей, превращенные снова я—въ студента, а она—въ гимназистку...

— Ты обѣщала мнѣ поцѣловать...

— Мнѣ стыдно...

Проплываетъ дымка, проясняется сознаніе: это не пароходъ, а гудитъ и стучитъ заслонкою затопленная въ конторѣ печь... Совсѣмъ свѣтло въ комнатѣ; розовые отсвѣты зимняго утра сверкаютъ на разрисованныхъ морозомъ стеклахъ окна. Появляется въ тулупчикѣ и высокихъ валенкахъ сторожъ съ охапкою дровъ, обсыпанный снѣжкомъ, и приноситъ съ собою холодъ зимы.

— Ну и морозъ! — говоритъ онъ, бросая съ грохотомъ дрова на полъ передъ печкой.

— И у васъ надо потопить,—духъ видать!.. Вотъ и дожили! Завтра—Христосъ рождается, на земли миръ и въ человѣцахъ благоволеніе!..

XXIX.

Должно быть, я спалъ: казалось, что ни на одну минуту мой мозгъ не переставалъ работать, и казалось, что я не болѣе часа былъ въ постели, а между тѣмъ — скоро девять. Приближается часъ обхода больныхъ, и скоро мнѣ скажутъ изъ больницы, какъ прошла ночь и что сулитъ новый, самый страшный день... Я жду этого часа, какъ обвиняемый приговора къ смертной казни, а статистикъ Николаевскій требуетъ объясненій, по-

чему его статья «Буржуазная драма» не можетъ появиться въ печати. Что-то гнусное говоритъ этотъ милый, деликатный человѣкъ, но оно меня не возмущаетъ и не сердитъ...

— Вы неправы. Слишкомъ статистически вы смотрите на жизнь и на людей...

— Иначе я смотрѣть не могу. Это не мой одиночный взглядъ, а такъ смотритъ вся мѣстная интеллигенція... И она требуетъ, чтобы статья была помѣщена, иначе мы сочтемъ вашъ отказъ за желаніе скрыть отъ читателя правду...

— Вы не видите главнаго—души человѣческой...

— Мы не знаемъ, что это за штука—душа... Міровоззрѣніе, можетъ быть, хотите вы сказать? Такъ оно всецѣло зависитъ отъ тѣхъ же условій быта и класса, какъ и общественно-политическая физіономія человѣка...

— Простите, Николаевскій, можетъ быть, вы говорите истину историческую, политическую, экономическую, но нельзя же каждаго человѣка подтаскивать за волосы подъ крышу вашей истины...

— Вашей истины мы не знаемъ... И подъ крышу вашей истины вы тоже насъ не загоните...

— Я и не желаю этого... Ради Бога, освободите отъ этихъ безполезныхъ споровъ! Очень можетъ быть, что я заблуждаюсь, но мнѣ кажется, что слѣдуетъ осторожнѣе относиться къ живому человѣку и его жизни... Я не хочу приносить жертвъ вашей истинѣ!..

— Такъ бы давно и сказали! Понятно. Естественно.

— Ну, и слава Богу!

— А гдѣ моя статья? Потрудитесь возвратить ее мнѣ!

Не знаю, что со мной случилось: злоба вдругъ обуяла мной отъ этого приставанія убѣжденнымъ, спокойнымъ, методичнымъ тономъ, деликатнымъ тономъ. Я закричалъ: «подите вы отъ меня къ чорту!» и, повернувшись, ушелъ въ кабинетъ и захлопнулъ дверь.

— Пытка... Пытка огнемъ убѣжденій!.. Давно уже вижу, что мѣстные марксисты мной недовольны. Но вѣдь это невыносимо: всюду совать свою «буржуазію!»...

— Къ телефону васъ!—шепотомъ произнесъ Иванъ, испуганный моимъ крикомъ.

Опрометью кинулся къ телефону, къ желанному и страшному теперь телефону.

— Все идетъ хорошо... Зоя Сергѣевна уже сидитъ и завтра докторъ разрѣшилъ вамъ прійти...

— А Зоя Сергѣевна... хочетъ ли?

— Она и просила доктора объ этомъ!

Забросалъ сестру милосердія вопросами, засыпалъ благодарностями и отошелъ отъ телефона, счастливый и добрый. Сестра разсказала мнѣ, что вчера поздно вечеромъ Дмитрій Григорьевичъ убѣжалъ съ гауптвахты, пріѣхалъ безъ шапки въ больницу и рвался въ хирургическое отдѣленіе, чтобы увидать больную; пришлось употребить насиліе, вытребовать полицію, насилу справились; къ Зоѣ пріѣхала мать; отъ нихъ все это скрыли, чтобы не безпокоить; Перелѣшинъ былъ пьянъ, сперва былъ буенъ, какъ сумасшедшій, а потомъ рыдалъ, какъ женщина, и умолялъ на колѣняхъ пустить его послѣдній разъ поговорить лично съ женой, говоря, что это ему необходимо передъ смертью...

— Несчастный человѣкъ! — жалобно замѣтила сестра, передавая эти страшныя новости, и снова я почувствовалъ себя глубоко виноватымъ въ чемъ-то передъ этимъ «звѣремъ» съ человѣческой душою. И я такой же звѣрь! Быть-можетъ, въ его положеніи и я потерялъ бы образъ и подобіе Божіе... Не потеряла его ни на одно мгновеніе только ты, моя чистая, моя святая женщина, героиня «буржуазной драмы», какъ назвалъ тебя статистикъ Николаевскій...

— Только бы ты жила! Больше мнѣ ничего не надо... Только бы знать, что ты живешь, что смерть не отняла тебя у насъ, что ты — на землѣ, а не въ землѣ... Моя любовь къ тебѣ теперь другая, не та, что была раньше... Не знаю, сохраню ли я это чувство, но сейчасъ ты для меня, какъ образъ, живой образъ женщины, которой я хочу молиться... которую люблю съ какимъ-то новымъ религіознымъ экстазомъ, люблю, какъ прекрасную мученицу-христіанку... Такъ ты похожа на нее въ своемъ страданіи и всепрощеніи!..

Незабвенный прекрасный день жизни! Завтра Рождество Христово. Вспоминается далекое милое дѣтство, когда Христосъ приносилъ столько радостей и счастья намъ, маленькимъ дѣтямъ. Вѣдь Онъ, Христосъ—маленькій, и всѣ мы, дѣти, друзья Его! Онъ любитъ насъ, тоже маленькихъ, и ночью приноситъ намъ черезъ Своихъ ангеловъ подарки: хому хочется лошадку,—лошадку, кому хочется желѣзную дорогу,—желѣзную дорогу, приноситъ золотые орѣхи, елку съ разноцвѣтными фонариками, пряники, яблоки и апельсинчики зимой, когда на деревьяхъ ничего не растетъ... Добрый мальчикъ — Христосъ! Мы, дѣти,

такъ Его любимъ... А вотъ когда сдѣлаемся взрослыми, мы Его забываемъ и не хотимъ знать...

— Баринъ! Я хочу къ заутренѣ сходить, Христу - младенцу поклониться. Вы, поди, не пойдете? Тогда я могу отлучиться...

— Я? Почему ты такъ думаешь?

— Проспите Христа-то, а можете—ко всенощной! Чтобы никому не обидно было...

— Хорошо. Иди къ заутренѣ!

— Для нашего искупленія родился и пострадалъ...

Иванъ глубоко вздохнулъ и прошепталъ:

— Не живемъ по правдѣ-то, какъ Онъ велѣлъ намъ, а всякій—по-своему... А все, какъ не ерепенься, придетъ бѣда,— къ кому придешь? Все къ Нему же, Батюшкѣ!..

Стоитъ, не уходитъ. Что-то собирается сказать. Почесалъ въ затылкѣ и тихо, ласково сказалъ...

— Вотъ Христа-то не помнишь, оно и выходитъ... Господинъ-то Перелѣшинъ!.. а! Своей рукой жену хотѣлъ убить! Вотъ и образованные, а... Ну, коли въ чемъ провинилась, побей! А то сейчасъ же изъ пистолета!.. Не онъ ей жизнь-то далъ!

— Да, да... Такъ къ заутренѣ можешь!

— Тоже и ты, братъ... Говорилъ я тебѣ тогда, что ты холостой, а она—мужняя жена... Сказываютъ, ты его въ грѣхъ-то ввелъ... Послужилъ дьяволу-то!..

Обличилъ и ушелъ! Давно это ему хотѣлось сдѣлать, но все крѣпился... Странно, что обличеніе Ивана не разсердило меня и не вызвало съ моей стороны никакого отвѣта. Изъ глубины вѣры и души идетъ оно и находитъ откликъ въ моемъ самочувствіи: вѣдь, и самъ я чувствую себя виноватымъ въ чемъ-то передъ Перелѣшинымъ и Зоей... Завтра она проситъ прійти. Такъ рвусь къ ней и боюсь этого свиданія...

Необычайная суета на улицахъ, площадяхъ, около магазиновъ и лавокъ. Идутъ, бѣгутъ и ѣдутъ съ кульками, мѣшками ящиками, гусями, поросятами, окороками. Можно подумать, что симбирцы цѣлый годъ не ѣли и не пили... Такъ у насъ встрѣчаютъ Христа рожденнаго, и Христа распятаго и воскресшаго? Это, пожалуй, все, что осталось, чтобы засвидѣтельствовать себѣ и людямъ о нашей любви ко Христу...

Чтобы поскорѣе прошло время, ходилъ по улицамъ и чувствовалъ себя одинокимъ въ этой суетѣ. Встрѣтилъ Николаевскаго. Идетъ съ базара съ гусемъ въ кулечкѣ и ведетъ за ручку свою маленькую дочку. Мнѣ такъ хотѣлось ему сказать: «Бур-

жуазная идиллія!», но, узнавъ меня, онъ сдѣлалъ суровое лицо и, опустивъ глаза въ землю, прошелъ около тротуара дѣловой походкой,—не желаетъ узнавать героя «Буржуазной драмы»... Потомъ встрѣтился какой-то господинъ съ поднятымъ воротникомъ и испуганно остановился и долго смотрѣлъ мнѣ въ слѣдъ. Проѣхала какая-то дама и привѣтливо кивнула мнѣ головою и улыбнулась. Я растерянно приподнялъ шапку, не зная, кто эта дама, обложившаяся елкой и кульками. Прозябъ и вернулся домой на извозчикѣ, когда уже смеркалось; загрустилъ, не зная о чемъ именно, спрятался въ свой одинокій кабинетъ, легъ въ постель и, взглянувъ на стоявшій въ углу умывальникъ и висѣвшее на стѣнѣ полотенце съ вышивкой, вспомнилъ вдругъ номера Банарцева въ Казани, гдѣ я послѣднюю ночь спалъ на Зининой постели и видѣлъ странный сонъ, какъ я увидалъ въ дремучемъ лѣсу дѣвушку въ бѣлыхъ одеждахъ съ сіяніемъ вкругъ головы и до изнеможенія гонялся за этимъ бѣлымъ призракомъ и плакалъ отъ отчаянія, сидя на мшистомъ гниломъ пнѣ... Этотъ странный сказочный сонъ прошелъ въ моемъ воспоминаніи съ такой яркостью, словно онъ мнѣ только сейчасъ приснился и не хотѣлъ уходить изъ души... Дѣвушка въ бѣлыхъ одеждахъ, съ ореоломъ сіянія вкругъ головы... «Да, вѣдь, это — она, Зоя!» — подсказалъ кто-то въ сердце, и мнѣ стало казаться, что та, бѣлая греза моего сновидѣнія, похожа именно на Зою, какая она теперь... Это было такъ страшно и поразительно, что я не могъ оставаться въ тихихъ комнатахъ одинъ. Я торопливо поднялся съ постели и вышелъ въ контору. Здѣсь съ равномѣрной правильностью стучали стѣнные часы, и отсюда было слышно, какъ Иванъ потихоньку пѣлъ: «Возсіяй міру и свѣтъ разума!», — и все пропало: я старался вспомнить лицо приснившейся дѣвушки съ сіяніемъ вкругъ головы и не могъ: оно закутывалось дымкой забвенія, и теперь казалось, что сходства съ Зоей нѣтъ, а просто я представилъ себѣ Зою въ томъ образѣ и самъ же удивился сходству...

— Ко всенощной зазвонили!—строго сказалъ Иванъ, выглянувъ въ контору.

— Хорошо. Сейчасъ иду...

Пошелъ ко всенощной и попалъ въ ту же церковь, въ которую заходилъ къ вечернѣ въ тотъ вечеръ, когда послѣдній разъ былъ въ домѣ на Карамзинской и Зоя назвала насъ «звѣрями»... Протискался въ придѣлъ и всталъ опять передъ тѣмъ же образомъ Скорбящей Божіей Матери. Такой хорошій старый образъ страдающаго и любящаго женскаго лица, кротко

смотрящаго на пришедшихъ поклониться Ея распятому Сыну, Котораго и теперь они каждый день распинаютъ и расплачиваются теперь съ Его Матерью множествомъ горящихъ передъ Ней восковыхъ свѣчъ, бѣлыхъ съ золотомъ и желтыхъ тоненькихъ безъ золота... Есть въ душѣ религіозное настроеніе, есть отголосокъ далекаго чистаго дѣтства, когда вѣрилъ и ни о чемъ не спрашивалъ себя и другихъ, но что-то мѣшаетъ мнѣ слиться съ толпой молящихся и, какъ они, креститься, опускаться на колѣни, шептать: «Заступница усердная, Мати Господа вышняго!»...

Прошло шествіе облаченнаго въ свѣтлыя ризы духовенства, остановилось передъ образомъ Божіей Матери, покадило ему ладаномъ и ушло, а потомъ потянулась вереница сборщиковъ съ кружками и тарелочками, и послышалось непріятное звяканіе мѣдныхъ денегъ... Нѣтъ, не могу молиться!.. Протискался къ дверямъ и ушелъ, въ чемъ-то виноватый передъ тѣсной толпою богомольцевъ...

Вернулся домой и получилъ письмо отъ матери. Обрадовался, какъ никогда раньше.

— Рано вернулся!—встрѣтилъ меня одѣтый по-праздничному Иванъ.—Не достоялъ?

— Не достоялъ.

— Трудно вамъ... Тоскуешь ты, погляжу я, о чемъ-то... О чемъ вамъ тосковать?!

— Такъ... Не знаю... Иди, Иванъ, туда, къ себѣ.

Глухо гудитъ благовѣстъ въ тишинѣ звѣздной морозной ночи, залетаетъ чрезъ двойныя рамы оконъ и, какъ шмель, отдается въ ушахъ и пробуждаетъ упреки, грусть и тоску. Эту тоску я всегда испытываю наканунѣ великихъ Христовыхъ дней: Рождества и Пасхи. Почему? Откуда эта тоска? Вѣдь завтра я увижу Зою!.. Тоска!.. Можетъ-быть, это тоска по вѣрѣ, по потерянномъ Богѣ, по Христѣ распятомъ, Который въ юности моей, когда я называлъ себя «атеистомъ», освѣщалъ мнѣ дорогу жизни, питалъ любовь къ родинѣ и народу, рождалъ въ душѣ неутолимую жажду положить ее «за други своя»... Нѣтъ, нельзя либить «дальнихъ», не любя «ближнихъ», лжетъ проклятый Антихристъ!.. Развѣ виноватъ Христосъ въ томъ, что даже Его великія страданія во имя любви и освобожденія человѣчества люди съ «моралью господъ» употребляютъ для цѣлей рабства?..

— Рождество Твое, Христе Боже нашъ! Возсіяй міру и свѣтъ разума!—тихо напѣваетъ вдали религіозно настроенный простой человѣкъ, крѣпко вѣрующій въ Христа...

Счастливый Иванъ! О, какъ мнѣ хотѣлось бы вѣрить, какъ умѣешь вѣрить ты!..

Праздникъ мира и любви. Хотѣлось бы быть радостнымъ и имѣть чистую, какъ у ребенка, душу, чтобы завтра, какъ давно-давно когда-то, раскрыть глаза и спросить маму:

— Мама! Христосъ родился?

— Да.

— Когда Онъ родился?

— Сегодня ночью. Ты спалъ крѣпко...

Яркое солнечное морозное утро. Гудитъ церковный колоколъ,—зоветъ людей къ обѣднѣ. На полу солнечныя пятна. Въ комнатѣ чисто и какъ-то странно тихо и торжественно. Озираюсь, прислушиваюсь, и дѣтская душа открываетъ въ этомъ солнечномъ утрѣ, въ тишинѣ, въ торжественно гудящемъ колоколѣ нѣчто чудесное, что̀ свершилось на землѣ въ послѣднюю загадочную ночь. Ночью случилось... Мама, нарядная и добрая, приходитъ и помогаетъ мнѣ одѣться въ праздничный костюмъ...

— Мама! какъ мнѣ хотѣлось бы увидать маленькаго Христа!

— Этого нельзя, голубчикъ. Человѣкъ не можетъ...

— А гдѣ Онъ теперь? Сейчасъ?

— Онъ на землѣ, съ людьми... Невидимый Онъ...

— А можетъ быть, Онъ—въ церкви за обѣдней?

— Можетъ-быть.

— Я хочу въ церковь! Пусть няня поведетъ меня туда!

— Иди!

Нарядно одѣтый. Волосы на головѣ приглажены. Стою и молюсь:

— Дай Богъ, чтобы Ты меня замѣтилъ! Я такъ люблю Тебя, такъ люблю!..

Вспоминаются разсказы про Христа, которые слышалъ отъ мамы и няни:

— Онъ очень любилъ маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, и когда выросъ большой, то сажалъ ихъ къ себѣ на колѣни, игралъ съ ними и давалъ имъ гостинца. Онъ былъ очень-очень добрый и велѣлъ любить всѣхъ-всѣхъ людей на свѣтѣ!..

Стою въ церкви и блуждаю взоромъ: все не теряю надежды собственными глазами узрѣть свѣтлое чудо. Съ клироса несутся радостные каноны въ честь новорожденнаго Святого Младенца, а я слушаю и все фантазирую и мечтаю!..

— А вдругъ Онъ придетъ ко мнѣ ночью въ дѣтскую? Мы съ нимъ подружимся... Что бы подарить ему?.. Не знаю, что

Онъ любитъ... Пушку Онъ не захочетъ: мама говоритъ, что Онъ не велитъ убивать никого, даже птичекъ!.

Какой радостью горѣло дѣтское сердце! Гдѣ ты, радость свѣтлаго дѣтства? Кто пришелъ и похитилъ ее и положилъ въ сердце горечь жизни?..

XXX.

Яркій солнечный день. Сильный морозъ. Изрѣдка леденящій вѣтеръ кружитъ серебрящуюся снѣжную пыль въ звонкомъ воздухѣ. Визжатъ желѣзные полозья санокъ, иней сверкаетъ въ глазахъ, щиплетъ щеки и уши подъ воротникомъ. Рослая вороная лошадь сдѣлалась сѣдою, бѣжитъ крупной рысью, и клубящійся подъ ея головой паръ, золотясь на солнышкѣ, заставляетъ вспоминать сказочныхъ коней съ дымомъ и пламенемъ въ ноздряхъ... Навстрѣчу мчатся, какъ на пожаръ, жители въ шубахъ, въ башлыкахъ, въ ергакахъ изъ оленьихъ шкуръ, по обледенѣлымъ тротуарамъ, скользя и громко постукивая ногами, бѣгутъ въ припрыжку бѣдно одѣтые, сжавшіеся люди съ кокардами на фуражкахъ... Визитеры!.

У меня только одинъ визитъ, радостный и тревожный, большой, значительный въ моей жизни визитъ къ Зоѣ. Почему-то страшно больше, чѣмъ радостно. Я закрываю глаза отъ невыносимо яркаго свѣта снѣжныхъ синеватыхъ сугробовъ и отдаюсь музыкѣ скрипящихъ желѣзныхъ полозьевъ скользящихъ и раскатывающихся въ стороны санокъ... Господи, что-то ждетъ меня впереди?.. Скорѣй бы ужъ!

Раскрываю глаза: бѣлыя зданія больницы сверкаютъ насолнцѣ безчисленными окнами. Опять мраморный дворецъ въ серебряномъ саду... Сіяетъ и горитъ золотой крестъ на больничной церкви. Чувствую безграничную благодарность къ этому бѣлому дворцу, въ которомъ прячутъ мою милую Зою отъ смерти...

Швейцаръ одѣтъ по-праздничному и ведетъ себя торжественно и съ достоинствомъ.

— Вы къ кому?

— Въ хирургическое отдѣленіе. Къ Зоѣ Сергѣевнѣ Перелѣшиной... Отдѣльная палата.

— Гм... Къ нимъ, кажется, никого еще не пускаютъ.

— Мнѣ разрѣшено... Просили къ часу.

Насъ обступаютъ вздыхающіе и ожидающіе свиданія посѣтители; поддерживаютъ меня и ропщутъ на швейцара и порядки: не пускаютъ на свиданіе съ родными...

— Я вамъ заявилъ, господа, что свиданіе—съ двухъ часовъ!—жестикулируя указательнымъ пальцемъ, усмиряетъ швейцаръ ропотъ недовольныхъ и снова обращается ко мнѣ:

— Надо разрѣшеніе отъ главнаго врача. Имѣете?

— Оно мнѣ дано по телефону.

— Не пустятъ. Я васъ пропущу, а наверху все равно задержатъ. Зайдите въ контору и тамъ... Вонъ туда! Тамъ дежурный врачъ есть.

Пошелъ въ контору. Знакомое молодое лицо. Стоитъ у окна, томится скукой и посвистываетъ. Обрадовался, что я пришелъ, болтаетъ о пустякахъ, которые меня раздражаютъ, не торопится съ дѣломъ, по которому я къ нему обратился.

— Ну, такъ какъ же? Я жду разрѣшенія.

— А вотъ сейчасъ поговоримъ съ Иваномъ Михайловичемъ...

Звонитъ и говоритъ съ телефонной трубкою около уха:

— Хорошо-то оно хорошо, а верхушка праваго легкаго все-таки задѣта... Особа она, впрочемъ, крѣпкая, здоровая... организмъ борется прекрасно... А все-таки пожить на югѣ подъ солнцемъ не помѣшаетъ... Да, я! Мм... тутъ г. Тархановъ проситъ свиданія съ... Да!.. Да! Мм... Хорошо!

Положилъ трубку и позвонилъ въ электрическій звонокъ.

— Можно, но не болѣе десяти минутъ.

— Благодарю васъ...

— Погодите здѣсь: сейчасъ придетъ сестра, и мы предварительно узнаемъ и предупредимъ больную... Да, здоровый морозище!

Опять врачъ началъ болтать пустяки, а я не слушалъ и не отвѣчалъ, пораженный печальнымъ сообщеніемъ врача о положеніи Зои, отнявшимъ у меня всю радость свиданія и оставившимъ мнѣ страхъ и тоску мрачныхъ предчувствій. Пришла сестра и пошепталась съ докторомъ около окошка... О чемъ они шептались? Отъ этого шопота мрачнымъ ужасомъ повѣяло мнѣ въ душу...

— Въ чемъ дѣло?

Сестра вышла, а докторъ сталъ щипать усики. Потомъ, немного смущаясь, онъ сказалъ:

— Мм... Ужъ не знаю, какъ...

— Да въ чемъ дѣло? Хуже? Больной хуже?

— Нѣтъ, не то... Видите ли... Понимаете, въ чемъ дѣло...

И докторъ, съ запинками и мычаніемъ, объяснилъ: больная еще вчера выразила желаніе меня видѣть, а сегодня ея мать—

при ней матушка!—была у Ивана Михайловича и просила его никого не пускать... «Вотъ и не знаю, какъ съ вами быть»...

— Я пришелъ къ больной, а вовсе не къ ея матери!

— Такъ-то оно такъ, только... вашъ визитъ можетъ вызвать осложненія, для насъ и для больной. Матушка у ней—женщина съ характеромъ... а всякая ссора между женщинами теперь рѣшительно нежелательна... Мы думали, что она сдѣлаетъ исключеніе для васъ, сейчасъ съ ней говорила сестра: не хочетъ пустить даже васъ!

— Разрѣшите мнѣ повидать мать больной! Я надѣюсь, что...

— Если она захочетъ, то...

Докторъ снова нажалъ кнопку звонка, и скоро снова явилась та же смущающаяся и краснѣющая дѣвушка въ бѣломъ. Докторъ передалъ ей мое желаніе, и она торопливо скрылась... Мука! Всю жизнь люди вставали между нами и мѣшали намъ любить другъ друга. И теперь тоже... Нѣтъ этому конца! На нашемъ пути встала теперь чужая мнѣ «женщина съ характеромъ», которую мнѣ такъ хочется столкнуть съ дороги, потому что она сторожитъ не спокойствіе и жизнь Зои, а боится, что я помѣшаю ей устроить все по-старому и возстановить развалины дома на Карамзинской улицѣ.

— Пожалуйте! За мной!

Я вышелъ за дѣвушкой въ бѣломъ и едва поспѣвалъ за ней, взбираясь по широкимъ звонкимъ каменнымъ лѣстницамъ. Отъ волненія и усталости, я долженъ былъ остановиться на площадкѣ, а сестра быстро засѣменила мелкими шажками по уходящему въ глубину корридору. Немного отдохнувъ, я пошелъ туда же и когда поднялъ съ пола взоръ, то увидалъ предъ собою снова ту же дѣвушку, позади которой медленно шагала полная старуха въ темномъ, совершенно не имѣющая съ Зоей ничего общаго.

Сестра поклонилась и, обойдя встрѣчную старуху, пошла въ глубину корридора, а мы остановились другъ передъ другомъ около стоявшаго у стѣны жесткаго желтаго дивана.

— Вы—г. Тархановъ?—спросила меня грузная женщина съ двойнымъ подбородкомъ.

— Да, Тархановъ!

— Я—мать Зои Сергѣевны... Вотъ при какихъ обстоятельствахъ пришлось намъ, наконецъ, познакомиться... Сядемъ!..

Строгое, сердитое, надутое лицо. Мы встрѣтились глазами и почувствовали, что мы больше, чѣмъ не любимъ другъ друга.

— По слухамъ я васъ давно знаю... Вы однажды уже внесли много горя въ нашу семейную жизнь, но тогда Богъ вступился и помогъ всѣмъ намъ: Зоя осталась жива! И не только жива, а стала... счастлива, вышла по любви, по настоящей обоюдной любви, замужъ за порядочнаго человѣка, имѣющаго возможность обставить жизнь нашей дочери самымъ завиднымъ образомъ...

— Не будемъ такъ многословны... Сейчасъ мы сошлись не для того, чтобы говорить о мнѣ и моемъ прошломъ...

— Нѣтъ, ужъ позвольте, я знаю, что вамъ непріятно, но имѣйте мужество дослушать! Теперь, когда жизнь Зои устроилась, прошлое осталось, какъ кошмаръ, позади, вы снова встали намъ поперекъ дороги! Отца нѣтъ. Мнѣ одной пришлось расхлебывать это новое ужасное несчастіе...

— Вы, кажется, совершенно забываете о Зоѣ Сергѣевнѣ..

— Что вамъ отъ насъ надо? Оставьте вы Зою Сергѣевну въ покоѣ! Изъ-за васъ ей снова грозитъ смерть! Поймите вы это, жестокій человѣкъ! Вы требуете свиданія съ Зоей Сергѣевной. Но по какому праву? Что вы намъ? Родственникъ? Мужъ?..

— Я не требую. Я никакъ не прихожусь, а моихъ отношеній съ Зоей Сергѣевной вамъ касаться не слѣдуетъ... Зоя Сергѣевна пожелала меня видѣть, я такъ же желаю ее видѣть, старшій врачъ разрѣшилъ намъ свиданіе...

— Къ чему оно? Чтобы окончательно опозорить честь женщины? Мужъ сидитъ на гауптвахтѣ, а Тархановъ навѣщаетъ его жену? Если вы не дорожите репутаціей Зои Сергѣевны, то позвольте мнѣ-то, матери, подумать объ этомъ!

— Мадамъ! Васъ просятъ Зоя Сергѣевна!

— Что такое? Вы ей сказали?

— Нѣтъ, не я... Сидѣлка сказала.

— Какъ она смѣла? Какъ вы допустили!..

Тяжело отдуваясь отъ волненія, мать пошла и скрылась за дверями въ корридорѣ.

... Что жъ дѣлать? Отказаться отъ свиданія съ Зоей? Но какой смыслъ, если она уже знаетъ, что я пришелъ?.. Я сидѣлъ на диванѣ съ опущенной головою и не двигался съ мѣста. Застучали шаги, я поднялъ глаза и увидалъ молодого врача, подходившаго къ дивану.

— Разрѣшила?

— Не знаю... Жду.

— Мм-да, во всякомъ случаѣ—не болѣе десяти минутъ.

Появилась мать Зои съ сердитымъ, надутымъ лицомъ и сказала:

— Идите...

Обернулась къ врачу и бросила:

— На васъ я буду жаловаться губернатору!..

Опять ко мнѣ:

— Имѣйте въ виду, что говорить съ больной много нельзя и надо говорить тихо и ничего непріятнаго и... вообще не забывать, что вы—только знакомый, какъ и всякій другой...

Я шелъ впереди, и все время позади раздавался тихій ворчливый голосъ, не доходившій больше до моего сознанія и даже не сердившій теперь меня. Пусть говоритъ, что хочетъ!

Осторожно растворилъ дверь и сразу встрѣтилъ такую дорогую мнѣ, печально-кроткую усталую улыбку на блѣдномъ измученномъ лицѣ! Зоя сидѣла въ постели, откинувшись на подушки, и застѣнчиво тянула на себя сползавшее одѣяло. Лѣвая рука ея была въ бинтахъ и плотно прижата къ груди. Какъ мимолетный лучъ, скользнула дорогая улыбка на лицѣ и исчезла. Зоя кивнула на мой привѣтъ и протянула мнѣ руку. Я поцѣловалъ ее и сѣлъ на стулъ противъ постели...

— Сейчасъ ровно два!—произнесъ позади меня голосъ и щелкнула крышечка карманныхъ часовъ.

— Уже два?—грустно спросила Зоя.

— Да. Ровно. Можно быть только десять минутъ. Больше докторъ не разрѣшилъ.

Я нѣсколько мгновеній боялся смотрѣть на Зою, боялся ея грустныхъ глубокихъ глазъ и боялся первыхъ словъ, которыя услышу отъ этой печальной, безконечно дорогой мнѣ женщины...

— Я, голубчикъ, очень захотѣла васъ видѣть...

Хотѣлось броситься на колѣни, цѣловать спустившееся одѣяло, плакать и умолять о прощеніи, разсказать о своихъ мукахъ за всѣ эти дни послѣ того, какъ все это случилось; хотѣлось говорить какія-нибудь необыкновенныя слова любви, но у меня не было словъ и не было силы забыть о присутствіи посторонняго мнѣ человѣка.

— Спасибо вамъ, что вы побороли свою гордость и отказались...

— Зоя! Не надо объ этомъ...

— Да, ужъ лучше это оставить!—прозвучалъ голосъ у окна.

Зоя оборвала нашъ разговоръ и съ мольбой въ голосѣ и въ глазахъ сказала:

— Мамочка! Уйди, милая, ненадолго! Оставь насъ вдвоемъ! Ты насъ стѣсняешь, милая.

— Хорошо. Какъ хочешь. По-моему, это не тактично. Мы не дома, въ больницѣ...

— Я прошу тебя! Мнѣ, право, не хочется больше думать о томъ, что про меня скажутъ и подумаютъ. Пусть, какъ хотятъ... Теперь ужъ все равно.

Мать сказала, что осталось только восемь минутъ, и, тяжело вздохнувши, вышла и тихо-тихо притворила за собою дверь палаты.

— Мама смѣшная... Не сердитесь на нее. Она добрая, но... можетъ показаться иногда злой и грубой, кто ее мало знаетъ...

— Какъ мы оба виноваты передъ вами! Что мы съ вами сдѣлали! Если бы можно было чѣмъ-нибудь искупить...

— Вы поступили такъ, какъ было нужно... Вотъ тогда, у насъ въ домѣ, я не узнала въ васъ... прежняго Тарханова, и мнѣ было такъ больно и грустно... Да не стоитъ объ этомъ! Не вернешь все обратно, не поправишь чужихъ ошибокъ и своихъ. Вѣдь, и мы виноваты передъ Дмитріемъ... Мнѣ такъ жалко его, несчастнаго... Ну, все равно... Мнѣ лучше, я скоро совсѣмъ поправлюсь, мы съ вами пострадаемъ меньше, чѣмъ Дмитрій. Мама была вчера у него. Онъ—какъ безумный... Онъ сказалъ, что убьетъ васъ... Онъ можетъ это сдѣлать. Онъ совсѣмъ потерялъ разсудокъ...

— Ну, что жъ дѣлать? Пусть убьетъ, я...

— Не боитесь? Да я, милый, знаю, что вы не боитесь! Развѣ, голубчикъ, въ этомъ дѣло! Васъ убьетъ, васъ не будетъ, а останется ваша мать, мать Дмитрія, самъ онъ... Останется столько горя, столько страданій, что страшно подумать... И чтобы я была спокойна и скорѣй поправилась, чтобы вы оба жили и не были еще болѣе несчастными... Вы меня любите? Да? Конечно, я въ этомъ убѣдилась... Прошу васъ, ради Христа, ради матери, меня—уѣзжайте сейчасъ же изъ Симбирска!.. Уѣзжайте къ вашей мамѣ!..

— Зоя... Какъ же мнѣ уѣхать, когда вы...

— Милый мой, я чувствую себя хорошо, скоро встану, выздоровлю... Около меня мать и такіе добрые, внимательные люди... Вѣдь, вы не можете ускорить выздоровленіе или, если мнѣ такъ суждено,—остановить смерть! Видѣться здѣсь мы тоже не можемъ: надо пощадить и безъ того несчастнаго человѣка... Мы видимся въ послѣдній разъ... Въ Симбирскѣ, конечно! Можетъ-быть, потомъ встрѣтимся...

Дверь тихо отворилась и вдали глухо прозвучалъ голосъ:

— Десять минутъ прошло!

— Сейчасъ! Затворите, мама, дверь!

— Геннадій, если вы меня любите, вы уѣдете, иначе я... Я сегодня ночью почти совсѣмъ не спала: не выходитъ изъ головы этотъ новый ужасъ... Ну! что же вы молчите? Вѣдь, любите?

— Уѣду...—глухо прошепталъ я, чувствуя близкія слезы.

— Ну, вотъ!.. Теперь я вѣрю, совсѣмъ вѣрю... Вы меня любите... А вы знаете, что я тоже люблю васъ... Теперь простимся надолго... Какъ только я поправлюсь, мы съ мамой тоже поѣдемъ...

— Зоя, вы должны мнѣ сказать, куда вы поѣдете! Я долженъ знать... Ради Бога, Зоя!

— Мнѣ не хотѣлось бы говорить объ этомъ... Я еще и сама не знаю...

Зоя опустила глаза и смолкла. Она не хочетъ сказать, она хочетъ скрыть, она хочетъ уйти отъ меня, она сомнѣвается въ своей любви, она... можетъ-быть, она просто жалѣетъ меня и потому...

— Зоя! Надолго вы уѣдете?

— Не знаю, Геннадій... На годъ или на два... Не знаю...

— И васъ не пугаетъ эта долгая разлука?

— Нѣтъ. А васъ?

— Вы хотите знать правду?—пугаетъ... Я боюсь потерять васъ, Зоя... Тогда лучше не жить...

Зоя подняла глаза, скорбные и чистые, какъ у святой Мадонны.

— Вы не хотите меня понять... или я не умѣю растолковать вамъ, что думаю и чувствую. Разлука нужна, неизбѣжна!.. Только въ ней и есть выходъ для насъ и для нашей любви... Такъ много около насъ и нашей любви нехорошаго, мѣшающаго, даже... пошлаго... Надо все отбросить, пережить, забыть, чтобы съ чистой радостью смотрѣть въ глаза другъ другу... И мнѣ кажется, если мы долго-долго не должны видѣться и даже... что-нибудь знать другъ о другѣ... Мы будемъ долго-долго тосковать, и въ этой тоскѣ очистятся наши души и мы... Вы не понимаете!..

Въ поднятомъ на меня взорѣ была такая тоска невысказанной, неподдающейся словамъ мысли, и было столько отчаянія отъ невозможности передать свою душу другому, даже любимому!..

— Моя чистая, святая моя голубка! Хорошо, пусть будетъ такъ... Но я прошу только объ одномъ: хотя изрѣдка писать мнѣ...

— Да... Только не скоро... когда хотя немного просвѣтлѣетъ на душѣ... А теперь моя просьба къ вамъ, которую вы должны исполнить, во что бы то ни стало... Мы съ вами не можемъ и не должны жить такъ, какъ жили здѣсь... Мы должны искать другой, красивой, значительной жизни... Вы, родной, не должны оставаться въ Симбирскѣ! Если судьбѣ угодно, чтобы мы встрѣтились, то не здѣсь... Мы встрѣтимся въ Москвѣ или Петербургѣ! Милый, какъ только вы получите право, сейчасъ же поѣзжайте въ Москву или Петербургъ! Здѣсь вы... — не сердитесь!—затеряетесь среди мелкой суеты, некрасивой жизни и пошлости... Правда, здѣсь много милыхъ знакомыхъ, но какъ дѣлается жутко, когда поглубже взглянешь въ ихъ души!.. Надо, милый, вамъ поберечь себя... для другихъ! Вѣдь, вы — писатель! Нашъ хорошій, честный писатель!..

— Зоя! Зоя! Развѣ я не чувствую этого! Голубка!..

— Перестаньте! Не надо. Поближе! Еще!

Зоя положила руку мнѣ на плечо и заставила опустить голову:

— Ты... пусть ты не вѣришь, а я... вѣрю! Господь съ тобою!—прошептала она, быстро перекрестила меня и глубоко вздохнула, словно дошла до главнаго и конечнаго пункта нашей жизни.

Я поймалъ ея руку и сталъ покрывать ее поцѣлуями, а слезы прыгали изъ глазъ моихъ и Зоина рука вздрагивала, словно мои слезы жгли эту слабую мраморную руку съ тонкими фіолетовыми жилками...

— Прощай!—прошептала Зоя, вырвала руку и громко крикнула:

— Мама! Теперь можно! Иди!..

Уходя, я оглянулся, чтобы еще разъ увидать милое и дорогое мнѣ лицо, но Зоя сидѣла съ низко опущенной головой и не подняла глазъ...

Трудно передать, что я переживалъ, медленно шагая по корридору къ лѣстницѣ. На площадкѣ, передъ спускомъ въ низъ, я остановился и долго смотрѣлъ въ глубину корридора, гдѣ смутно рисовались амбразуры дверей, какъ въ номерахъ. Тамъ, за одной изъ этихъ дверей налѣво, осталась Зоя. Я старался припомнить и опредѣлить, за которой именно дверью—ихъ такъ много!—и не могъ. И это меня такъ мучило, что я не двигался съ мѣста,

впиваясь въ тѣ три двери, за одной изъ которыхъ, по моему расчету, непремѣнно спрятана моя Зоя... Не знаю, зачѣмъ мнѣ было надо знать точно, безошибочно, какія изъ трехъ намѣченныхъ памятью дверей ведутъ къ Зоѣ, но я не рѣшился безъ этого уйти изъ больницы. Прислушавшись и оглянувшись вокругъ, я, какъ преступникъ, вернулся и быстро пошелъ обратно въ корридоръ. Здѣсь постланы ковры, и потому можно пройти, не привлекая посторонняго вниманія... Двери, двери, двери, массивныя, глухія двери съ мѣдными замками и ручками, и всѣ совершенно одинаковыя... Позади стукнула одна изъ дверей, — мнѣ надо бы оглянуться, но я почему-то испугался и пошелъ быстрѣе, словно боялся погони. Завернулъ въ другой корридоръ, въ третій. Вездѣ такія же двери, половики, амбразуры съ диванчиками, камеры водянаго отопленія, площадки и лѣстницы... Вернулся назадъ и очутился въ полутемномъ тупикѣ съ раскрытыми дверями, за которыми слышался женскій голосъ... Заплутался въ этомъ лабиринтѣ корридоровъ и теперь никогда не найду тѣхъ дверей, которыя прячутъ отъ меня Зою...

— Вамъ что угодно?

— Я потерялъ дорогу къ выходу...

— Вамъ внизъ, къ парадной?

— Да...

— А вотъ сюда! Пожалуйте за мной! Здѣсь ближе...

Я послушно двинулся за старой старухой по какимъ-то полутемнымъ лѣстницамъ и скоро вышелъ въ вестибюль совершенно съ другой стороны... Теперь я никогда не найду уже милыхъ дверей!.. Съ тупымъ отчаяніемъ вышелъ я изъ больницы и, когда выѣзжалъ изъ воротъ ея, все оглядывался и старался угадать, гдѣ окно Зои... Не угадаешь: такъ много - много оконъ, ярко сверкающихъ на солнцѣ морозными узорами. Быстро бѣжитъ застоявшаяся на морозѣ лошадь и все дальше уноситъ отъ меня бѣлый дворецъ въ серебряныхъ деревьяхъ. Скрипятъ полозьями санки, дрожитъ алмазная пыль инея въ синемъ воздухѣ, щиплетъ щеки, и слезы, прыгающія на нихъ, кажутся горячими, жгутъ и щекочутъ лицо...

Оглянулся въ послѣдній разъ: снѣжные холмы, за ними — покрытыя снѣгомъ крыши и голубой куполъ съ сверкающимъ золотымъ крестомъ. Крыши все таютъ, таютъ въ синеватомъ дрожащемъ снѣжной пылью воздухѣ, и кажется уже, что позади — одинъ огромный снѣжный могильникъ, повѣнчанный голубымъ куполомъ и золотымъ крестомъ...

Евгеній Чириковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

В. К. Ивановой.

Цвѣти, цвѣтокъ, пока не сломанъ,
Благоуханьями кади,
Пей влагу вечера и жди,
Пока не стихнетъ птичій гомонъ.

Въ ночной туманной тишинѣ
Уснешь сегодня, какъ вчера ты,
Поникнешь, дремою объятый,
И все забудешь въ тихомъ снѣ.

О духъ мой! Тяжкую дневную
Снеся безмолвно тяготу,
Зови ночную темноту
И тишину зови ночную.

Знай: тишь и тьма иныхъ ночей
Такими бурями чреваты...
Смятеньемъ творческимъ объятый,
Ты въ нихъ проснешься, духъ крылатый,
Для вѣчныхъ солнечныхъ лучей!

II.

Е. Ю. К.

Не сходи ко мнѣ навстрѣчу,
Не клади мнѣ рукъ на плечи,
На твои нѣмыя рѣчи
Ничего я не отвѣчу.
Я не здѣсь,—смотри, я тамъ.

На краю дорожной кручи,
Гдѣ поетъ бурьянъ колючій,
Гдѣ свиститъ песокъ летучій,
Тамъ, гдѣ вѣтеръ гонитъ тучи,—
Тамъ своимъ я вѣренъ снамъ.

Сновъ моихъ такъ сладокъ ладанъ,
Грезъ моихъ такъ ярки звоны,
Здѣсь же вопли, крики, стоны,
И весь міръ давно отгаданъ.
Хочешь сновъ,—иди туда.

Тамъ я самъ сойду навстрѣчу,
Самъ возьму тебя за плечи,
Будутъ смѣлы наши рѣчи,
И лишь тамъ тебѣ отвѣчу:
Навсегда!

Конст. Эрбергъ.

БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ.

I.

Мужикамъ вышла воля: всякій, кто хочетъ, можетъ продать надѣльную землю навѣчно.

Деревня обезпокоилась, заметалась въ невѣдѣніи: хорошо будетъ ей отъ этого, или же худо?

Раздѣлились во мнѣніяхъ, въ желаніяхъ, въ томъ, чего ждать надо отъ завтрашняго дня. Были такіе изъ хозяйственныхъ старичковъ, которые не ждали хорошаго.

— Послѣднія времена!—говорили они. — Пропадаетъ деревня...

Другіе, напротивъ, вѣрили, что мужикъ никогда не переведется на вольномъ свѣтѣ, и деревнѣ пропадать незачѣмъ.

До той поры, покуда есть поле, а на полѣ соха, борона, плугъ да грабли, покуда хлѣбъ ѣдятъ люди,—будетъ деревня, будетъ мужикъ... А будетъ мужикъ,—будетъ нужда. Изъ нуждъ нужда земельная.

Эти другіе не спорили, не наянили. Больше помалкивали, подъ шапкой скребли, прислушивались, приглядывались.

«— Чего еще?—думали они съ хитрецой.—Ни тебѣ къ барину ѣхать, кланяться, ни на сторонѣ снимать. Межу къ межѣ подгоняй, да кончено дѣло! Хорошій законъ придумали! Надо бы лучше, да некуда!»

Таковъ какъ разъ былъ Балясный Семенъ, богатый мужикъ и первый въ селѣ хлѣбосѣвъ. Сразу, какъ только растолковалъ писарь про новый законъ, сталъ онъ выглядывать: къ кому бы подъѣхать съ денежками? Кто не прочь изъ бѣдныхъ въ богачи вылѣзть?

Облюбовалъ Ивана Петрова.

Было у Петрова двѣ души, своя и отцовская. На каждую душу въ каждомъ полѣ приходилось по три осминника пахотной.

Кромѣ того, луговая доля была, подъ лѣсомъ толика, гумно, огородъ, конопляникъ. И все въ общемъ паю съ Баляснымъ, борозда къ бороздѣ, въ первѣйшихъ мѣстахъ.

Петровъ подходящъ былъ къ тому, чтобъ обезземелиться, хоть и цѣпко держался за соху. Первое,—надо было ему укрѣпить свои души, чтобъ не отошла при дѣлежкѣ отцовская. Второе,—обидѣлъ Господь сыновьями. И третье—самое главное—въ бабѣ сидѣло, въ Иванихѣ. Съ дѣвичьихъ лѣтъ тянетъ ее къ торговому дѣлу.

Смѣялись въ селѣ, что сглазилъ ее торговый:

— Ровно бы заразу привилъ!—говорили.

Она и съ арбузами носится, и сѣмечки продаетъ на базарѣ, и квасъ дульный на ярмаркѣ. Все безъ толку, всего на ломаный грошъ, но такой бабѣ посули-ка сумму.

И Балясный посулилъ одинъ разъ. По дорогѣ съ базару подсадилъ ее, подвезъ до дому. Шала-бала, раскалякались:

— Все маешься, баба, а? Торгуешь будто?

— Да-ть, куда дѣнешься? Наторговала вотъ двугривенный... Охо-хо! Житьишко-то наше...

— Да-а! житье не самое...—согласился Балясный, подхлестывая сытаго мерина ременнымъ кнутомъ.—Не само чтобъ...

И вдругъ хитро подмигнулъ ей, толкнулъ заигрывающе локтемъ подъ лѣвую грудь.

— А ты открой магазинъ въ своемъ селѣ! Хе-хе-хе-хе!

Иваниха весело приняла шутку.

— Денегъ кто дастъ? Ты что ли, сквалыга?

— А что жъ! Далъ бы и я малу толику...

Подняла на него баба пытающій взглядъ: шутитъ ли, нѣтъ ли? Онъ не шутилъ, говорилъ дѣловито:

— Баба ты съ мозгомъ, Настасья. Знаешь, какъ слово молвить по времени. Слухъ идетъ, — по веснѣ землю станутъ дѣлить. Отцова душа въ міръ отойдетъ, при одной останетесь...

— Ну-у? Ахъ, ты, Господи!

— То-то, «ну»! Продали бы, покудово можно...

— Ай можно?

— Ноне все можно, воля вышла на это. Подзуди-ка вотъ мужика. Я бы три сотенныхъ выложилъ, была не была!

— За одну душу?—выкрикнула баба, и у самой сердце запрыгало отъ радости, какъ соловей въ клѣткѣ.

— За обѣ.

— За обѣ маловато будетъ?

— Тамъ ужъ сладились бы. За спросъ денегъ не платятъ!

— О, Господи! Горюшко!..

И пришла домой баба, какъ чумная: за что взяться не знаетъ.

Ужъ очень хорошо можетъ выйти. Не вѣрится даже. Все жили люди, жили, бѣдными почитались, а тутъ на тебѣ! Ни за что, ни про что триста рублей въ руки... А можетъ и всѣ четыреста.

Съ такими деньгами и вправду магазинъ завести можно.

«Господи! Владычица-Богородица! Пошли счастья!»

II.

Балясный сдѣлалъ умно, что съ бабы началъ, по пословицѣ: гдѣ чортъ не сможетъ, тамъ бабу пошлетъ.

Ивановна стала обхаживать мужа понемножку, упорно и ловко. Видно было со стороны, какъ въ семьѣ Петровыхъ поселилась забота! Самъ хозяинъ ходитъ сумрачный, насупленный, со складкой на переносицѣ. Все думаетъ что-то свое, безмолвное, гадаетъ умомъ, кладетъ что-то надвое. А баба вокругъ него, какъ повитушка вокругъ молоденькой бабочки съ ожиданіемъ: и бережетъ, и холитъ, и кусокъ послаще подложитъ за ѣдой. Сама ухмыляется украдкой, глазами только, да бровью одной.

«Какъ, молъ, тамъ ни думай-раздумывай, а чему быть, тому не миновать стать».

Къ концу лѣта шло дѣло, становилось свободнѣе съ работами. И чѣмъ больше досугу было, тѣмъ сильнѣе поддавался Петровъ на бабьи шопоты. Донимала она большей частью по ночамъ, въ постели. Какъ улягутся, не спится осеннимъ бытомъ, баба начинаетъ:

— Ты самъ посуди теперича: одна душа пропадетъ за непонюшку, быть да быть разверсткѣ. Останемся при одной. Развѣ прокормишься? А выдѣлиться, да укрѣпиться,—сказываютъ—можно...

— Можно, да не удержишься!

— Може... какъ-нибудь... и обмялось бы...

— Съѣдятъ! Живьемъ слопаютъ! Народъ ноне проворъ, огонь-воду прошелъ! А тутъ: земля у Баляснаго, и зло на Балясномъ!..

— О, Господи! Живутъ же люди...

— Живутъ, словъ нѣтъ, да не по-нашему! Сынковъ не далъ Господь. Зятя развѣ пустишь? Обидно будетъ. Да еще навернется какой... Иной и тебя пропьетъ самого со всѣмъ

домомъ твоимъ. А коли денежки на рукахъ, — лавочное дѣло наладится! Гляди, дастъ Владычица счастья,—въ купцы вылѣзешь, до горы вырастешь!

Петровъ все думалъ и думалъ, не говорилъ ни «да», ни «нѣтъ». Чуднымъ казалось ему: какъ это можно продать навѣчно душу? Что это будетъ? Какъ? Живешь въ своемъ курмышѣ теперь, ходишь-ѣздишь по полямъ, по дорогамъ, пашешь, сѣешь, на Покровъ дѣлишь хворостъ въ лѣсу, на Петровъ день — луга... Все это свое... Тогда не будетъ этого... На конопляникъ выйдешь, — сосѣдъ крикнетъ тебѣ:

— Эй, Петровъ, что по чужому шляешься? Нѣтъ твоей доли въ міру!

Чего добраго, дѣвка въ хороводъ выйдетъ весной,—прогонятъ. Скажутъ: «нѣтъ твоей доли на мірскомъ лугу, уходи прочь!» А баба стерегла раздумье мужа и, чуть замѣчала неладное, начинала свою прежнюю пѣсню:

— Опять калякала съ Семенъ Логинычемъ: пятьсотъ даетъ за обѣ души. Больно ужъ, баетъ, въ ладъ подошли они мнѣ... Кряхти, баитъ, не кряхти, а пять писаныхъ выложу! Понимай какъ слѣдуетъ!

И мысли Петрова въ десятый и въ сотый разъ поворачивались къ деньгамъ. Вдругъ выплывутъ передъ глазами да ясно-ясно такъ: одна, другая сотенныя бумажки... и манятъ и дразнятъ... Сердце сжимается радостью. Такъ бы взялъ, да и пощупалъ корявыми пальцами, и прикинулъ бы, сколько разнаго добра можно накупить на одну такую бумажку.

Незамѣтно для себя сталъ чаще ѣздить въ городъ и въ Лопатино на базаръ. Нравилось, что въ городѣ жизнь кипѣла захватывающей жадностью, наживой. Не вѣсть когда, до свѣту открываются трактиры и лавки, звонятъ во всѣ колокола церкви. Купцы, приказчики, прасолы, скупщики, подрядчики... всѣ бѣгаютъ съ суетливымъ говоромъ по улицамъ, гомонятъ въ магазинахъ и лавкахъ, шныряютъ межъ мужичьихъ возовъ. Продаютъ, покупаютъ, торгуются, приторговываются, вывѣдываютъ, обманываютъ...

Скачутъ сломя голову ямщики съ подвязанными колокольчиками, трусцой плетутся извозчики, красуясь идутъ игривымъ шагомъ господскія тройки въ наборной сбруѣ и, какъ муравьи передъ кучей въ лѣсу, копошатся возлѣ возовъ и рядовъ мужики...

Все это манило, сулило что-то новое, неизвѣданное.

И на базарѣ не проходилъ уже онъ мимо красныхъ рядовъ съ чувствомъ холоднаго мужицкаго безразличія, какъ дѣлывалъ

прежде, когда занимали его лишь хлѣбная ссыпка, деготь, сошники. Съ интересомъ стоялъ позади толпы гомонящихъ бабъ, приглядывался, иной разъ прицѣнивался къ товару. Порой останавливалъ красную отъ радостнаго смущенія, только-что купившую что-нибудь, бабенку, щупалъ добротность покупки, давалъ совѣты... Восторгался той смѣлой ловкостью, съ которой молодые приказчики откидывали на аршинъ ситцы и плисы, чувствовалъ себя не въ сторонѣ отъ нихъ, а тамъ рядомъ съ ними за прилавкомъ,—такимъ же ловкимъ и смѣлымъ балагуромъ, какъ и они.

Вообще, торговая жизнь, къ которой онъ присматривался, теперь ужъ казалась ему болѣе почетной, чѣмъ прежде. И чуялось, что она становится близкой, возможной для него самого.

Пріѣзжая съ базара или изъ города, онъ и теперь, какъ бывало, разсказывалъ дома за ѣдой про все, съ чѣмъ встрѣчался. Но теперешніе разсказы безъ лишняго слова показывали, какъ круто повернуло сердце Петрова къ торговому дѣлу.

Иваниха ласково, все съ тѣмъ же знающимъ видомъ бабушки-повитушки улыбалась ему, все одобряла, а когда онъ вдругъ, ни съ того ни съ сего опять собирался на базаръ, нарочно забывала сунуть въ мѣшокъ домашней ѣды.

«Незамай привадится къ крендельками, да къ калачикамъ».

III.

Балясный торопилъ, Петровъ колебался.

Рѣшила Иваниха напустить на мужа Спиридона Степановича. Поѣхали на Покровъ къ нему въ гости.

Спиридонъ приходился свояком Петрову. Послѣ того, какъ отслужился въ солдатахъ, жилъ онъ не дома, а по барскимъ дворамъ. Теперь былъ старостой на отчетѣ и такъ велъ дѣла своему барину, что самому впору стать бариномъ.

Встрѣтилъ Спиридонъ гостей ласково, такъ какъ былъ ему знакъ даденъ черезъ Баляснаго.

Тары-бары, угощенье:—чай съ выпивкой.

За чаемъ Иваниха разсказала все насчетъ душъ: и какъ по веснѣ ждать надо дѣлежу, и какъ могутъ отобрать отцову душу, и какъ опасно на выдѣлъ идти, и какъ, наконецъ, зарится на души Балясный, Семенъ Логиновичъ.

Спиридонъ выслушалъ все со строгимъ вниманіемъ, какъ ретивый къ дѣлу фельдшеръ выслушиваетъ хвораго человѣка. Выслушалъ бабу, а съ вопросомъ обратился къ свояку:

— А чѣмъ жить гадаешь послѣ того?

— Да-ть, вонъ... лавочку ладитъ! — кивнулъ Петровъ на жену.

Сказалъ и смѣшался отъ конфуза: нечаянно ясно стало, что и самъ онъ не прочь отъ лавочки.

— Знамо дѣло такъ! — подала непрошенно свой голосъ Иваниха.—Теперь и наладить лавку, покуда никто изъ сторонних въ селѣ не осѣлъ, да путемъ не обторговался. Налетитъ иной,—не выживешь послѣ!

— Ты постой, баба, — строго отставилъ ее Спиридонъ и опять сталъ допрашивать свояка:

— Ну, а хлѣба до нови хватитъ?

— Это у насъ-то?—не унялась Иваниха, — да чай, Господи Боже! Три одонья одного ржаного. Продать половину, и то прокормимся.

Спиридонъ на этотъ разъ одобрительно качнулъ головой:

— Сколько, говоришь, даетъ? Шестьсотъ?

— Дастъ!—крякнулъ Петровъ, поддаваясь строгому виду свояка.

— Къ той осени калачи будете ѣсть! — рѣшилъ Спиридонъ, ровно бы рецептъ прописалъ.—А теперь выпьемъ, кумъ, за этотъ самый успѣхъ дѣла!

— Дай Господи! Съ легкой руки!—обрадовалась Иваниха.

Выпили, повеселѣли. По другой выпили и по третьей: свояки казеннаго, сестры сладенькаго.

Спиридонъ послѣ того сталъ, ровно бы подмѣненный кѣмъ, не узнать. Бросилъ важность, кинулъ строгость, и поперло изъ него краснобайство, какъ изъ соломотряса солома:

— За чѣмъ теперь жизнь вся стремится? — спрашивалъ онъ Петрова и самъ ласкался къ нему маслянымъ взглядомъ.— Куда бѣжитъ мысль человѣческая? Ты вотъ что скажи мнѣ, куманекъ? А-а! молчишь. А жизнь стремится къ деньгѣ! А мысль человѣческая бѣжитъ къ наживѣ!.. Возьмемъ, къ примѣру, мужика! Такого, въ родѣ тебя... Въ какомъ смыслѣ жизнь ваша стала? Живете вѣдь не въ годъ, а въ ротъ? Такъ я говорю? Это прежде, бывало, ну точно: хлѣбъ для хлѣба ростили! Богаты были одоньями, да сусѣками, мышей кормили... Ноне не то! Нонче хлѣбъ для базару сѣютъ. Кто мужику хозяинъ? Базаръ хозяинъ! Кому мужикъ долженъ потрафлять? Базару! купцу! Ему почетъ, ему доходы! Вотъ она, кумъ, жила эта самая! Ты, стало быть, и хватай за нее. Въ руки бери эту самую жилу, жолобъ подставь ей, да въ карманъ проведи... въ родѣ какъ

водопроводъ! Тебѣ чтобы, а ни другому кому подавала она струю золотую, бездонную... Понялъ?

— Какъ не понять!—соглашался Петровъ, не переставая любоваться краснорѣчіемъ свояка.—Какъ сказано: тотъ и живетъ, кто денежки гребетъ. Правильно!

— А, вотъ оно! раскусилъ? Ежели правильно, такъ и годить нечего. Заломи семьсотъ, да и концы въ огонь!

— Это я, къ примѣру, давно раскусилъ,—опять согласился Петровъ.—Семьсотъ, не семьсотъ, а шесть-ту выложитъ, безъ сумленья... Выжму, надо полагать... Но все же, вѣдь... мужики... жалко!

— Во-о! Мужичье званье, оно по нонешнимъ временамъ капиталисто!

— Да и то еще,—продолжалъ Петровъ, какъ бы думая вслухъ,—какъ жить будешь? Напримѣръ, съ перва на перво что?

— Что? Да вѣдь баба, вонъ и та сообразила, что! Лавочку! Въ своемъ селѣ, непремѣнно въ своемъ! Потому фундаментъ тамъ у тебя, база въ родѣ, какъ крѣпость на линіи. Отъ нея начнешь вылазкой набѣгать... Оставь себѣ избу, дворъ, кулигу задовъ про запасъ, чтобъ амбарчикъ поставить каменный, да лѣсу сложить въ случаѣ... Помимо того—мѣсто у тебя первѣющее. На самомъ лобикѣ, куда ни огляни, трактъ!.. Да. Ну, баба дома, при мелочи, а самъ набѣгай! «Что это тамъ предвидится такое»?—«Сукціонъ!»—«А-а! сукціонъ? Пожалте за малую цѣну»!.. Вотъ какъ надобно. А тамъ,—барашки подросли,—барашковъ въ разсолъ! Въ тузлукъ ихъ такихъ эдакихъ! Въ покосъ цѣну возьмешь, матери ихъ простокваши! Вотъ что! Яйца, масло, поросята... Мужикъ, онъ не жретъ этой сладости, не привыченъ въ родѣ... желудокъ не варитъ, Хе-хе-хе... А ты за малую цѣну,—да въ городъ! А въ городѣ не на базаръ, а по домамъ разнеси, да къ купцу своему оптовому въ первую голову: «Вотъ, ваше степенство, собственнаго заводу»! Онъ и цѣну назначитъ безъ обиды, и познакомишься,—товарцу ко времени въ долгъ презентуетъ... Мало ли чѣмъ умный человѣкъ не промыслитъ! Сказалъ я: будешь калачи ѣсть къ осени,—и будешь!

Петровъ только шумно вздохнулъ отъ всего этого.

— А ты какъ думалъ?—вновь загорѣлся Спиридонъ,—вотъ пускай будетъ шестьсотъ у тебя. Положимъ!—Онъ сдернулъ съ гвоздика торговые счеты, съ прищелкомъ положилъ шестьсотъ рублей.

— Сотнягу скостимъ! Положишь ее въ казначейство на книжку про черный день. И тамъ ужъ заправь себя: убытокъ-

прибытокъ, а на книжку клади. Не меньше чтобъ сотни каждую осень. Мертвыя деньги, а безъ нихъ не моги, покуда не окрѣпнешь. Ладно! Пятьсотъ остается. Оборотный капиталъ въ родѣ... Ну и съ него скостимъ сотнягу. Тоже бываетъ—товаръ залежится, въ должишко дашь... Остается тебѣ четыре катеринки. Ну и вотъ: считай на каждую куплю-продажу наживать будешь четвертакъ съ рубля. Это ужъ самый малый процентъ тебѣ. И вотъ, дуракъ будешь, ежели не обернешься до осени пять разъ полностью. Что же выходитъ теперь? Какой баланецъ у тебя осенью? Да вотъ какой,—пятакъ на пятакъ наживешь, ежели нищенски будешь тянуться, ежели по-моему пойдешь,—въ тыщу вгонишь первый же годъ! И кромѣ того, хлѣбъ у тебя до нови, скотина, усадьба... И ѣдоковъ въ домѣ самъ-три! Да въ такомъ разѣ не то купецъ оптовый,—я могу тебѣ кредитъ оказать на полтысячи! Голова! Пойми ты это!

Петровъ глядѣлъ на Спиридона новымъ восторженнымъ взглядомъ. Онъ уважалъ его и прежде, но уваженіе это было не вѣсть за что... За то, что всѣ уважали. Теперь Спиридонъ выросъ передъ нимъ, точно далъ себя пощупать руками.

— «Вотъ, де, гляди, какой молодецъ передъ тобой красуется»!

И лестно было Петрову, что человѣкъ этотъ ему родственникъ и кумъ,—крестный отецъ его единственной дочери.

IV.

По дорогѣ домой Петровы были веселы, вспоминали про все, что говорилось, что было съѣдено, выпито. Петровъ удовлетворенно вспоминалъ слова свояка:

— Такъ вотъ, куманекъ! Никто другой тебѣ говоритъ,—я говорю: продай души, открой въ селѣ лавку!

Вышло еще и такъ, что покуда мужики выпивали, горячились да совѣтовались,—бабы тоже свое порѣшили:

Продать, да продать души Балясному, открыть да открыть лавочку!

Послѣ того видѣли, какъ Петровъ цѣлыми днями бродилъ у себя по задворкамъ, прикидывалъ что-то крупнымъ саженнымъ шагомъ, вымѣривалъ, высчитывалъ, словно и вправду, по слову свояка Спиридона, надумалъ построить «крѣпость на линіи».

Стали догадываться, что не даромъ Петровъ это дѣлаетъ:

шагаетъ, шагаетъ, по задамъ, какъ болотная птица, а потомъ съ Баляснымъ шушукается. И порѣшила молва:

— Петровъ продаетъ Баляскому землю.

Толки пошли по деревнѣ, тревога, забота. Многодушники гнѣвались и не столько на Баляснаго, который тянулся къ землѣ, а на Петрова. Говорили въ сердцахъ про него:

— Вотъ такіе паршивцы и міръ раззоряютъ!

— Ужъ это какъ есть!—подтверждали согласные, какихъ всегда большинство во всякомъ обществѣ,—отказаться бы отъ такого! Всѣмъ міромъ... да...

— Коль законъ не за насъ! А то и откажемся!

Зато мужики захудалые, которымъ земля приходилась не матерью, а мачехой, тѣ съ любопытствомъ слѣдили за Петровымъ:

— Неужто такъ-таки и продастъ?—гадали они между собой.—Чай вѣдь души! отъ рожденія дадены, въ родѣ какъ крестъ на шею...

— Нешто! По нонешнимъ временамъ...

— Ха... безземельный мужикъ... чудно!

И вздыхали, не понимая, какъ это можно на сороковомъ году жизни переломить все, пустить по новому свою судьбу и какъ можно отщепить землю отъ мужика и мужика отъ земли...

Все же не знали хорошо: въ серьезъ дѣло, или только въ шутку. Потому въ глаза надъ Петровымъ подшучивали. Увидятъ гдѣ и кричатъ:

— Эй, Петровъ! ай продаешь души?

— Натло!—шутитъ и Петровъ въ отвѣтъ.—Не купишь ли, коли ты духъ нечистый? И расписку выдамъ, кровью накарябаю! Ха-ха-ха!

— Эхъ, ты, елова голова! Жить-то какъ будешь?

— Да ужъ не бойсь, проживемъ! Головы не повѣсимъ, пеньку не помолимся!

— Свихнулся! Пропадомъ пропадетъ! Помяни мое слово!— каркали тѣ мужики, которые были пришиты къ землѣ, какъ къ могилѣ.

А Петровъ съ Баляснымъ дѣлали свое дѣло подъ общій говоръ, и каждый думалъ о той, неизмѣримо большой выгодѣ, какая ждетъ его впереди.

Около Кузминокъ они окончательно сладились. Какъ ни бились,—сладились. Одинъ семьсотъ просилъ, другой давалъ пять. Оба съ перваго слова знали, что сойдутся на шести, а торговались долго, битый мѣсяцъ. Оба были жадны, не покладисты, оба любили взять, оба туги на то, чтобъ отдать, уступить.

Сладились, такъ порѣшили: деньги сполна шестьсотъ рублей серебромъ Балясному уплатить, а Петрову получить у нотаріуса въ канцеляріи. По закону чтобъ было. Хлопоты—Баляснаго. Балясный же долженъ подпоить, подмазать старосту, каштановъ-стариковъ, и всѣхъ, кому даденъ въ руки багоръ, чтобъ толкать, или задерживать чужія дѣла.

И Балясный повелъ дѣло какъ нельзя лучше. Заявка Петрова о выдѣлѣ двухъ душъ изъ общества была подана изъ полы въ полу.

— Фуксомъ пройдетъ!—сказалъ писарь.

И прошла. На святкахъ, когда въ обществѣ шли учеты, выборы да наемки, когда старики всякій вечеръ сидѣли въ сборной избѣ съ мухой, а по утрамъ опохмелялись,—составили приговоръ о петровой нуждѣ.

Никто не пикнулъ. Приговоръ проскочилъ. Начальство съ большой охотой утвердило его, и Петровъ задѣлался собственникомъ.

Теперь ужъ онъ самъ торопилъ Баляснаго съ купчей крѣпостью: донимала Иваниха.

Неугомонъ баба. Покуда Петровъ хлопоталъ, она приглядѣла вывѣску на базарѣ: большой листъ кровельной жести съ завитушками. Посреди листа нарисовано: сахарная голова, на половину голая, на половину завернута въ синюю бумагу, ящикъ съ китайскими буквами и связка баранокъ. Внизу крупными словами подпись: «чай, сахаръ, табакъ, сигары, папиросы»... И ходила около вывѣски съ благоговѣніемъ, чуть не молилась на нее, какъ на семейную икону.

V.

Святками приспособилъ Петровъ и помѣщеніе для лавочки. Была во дворѣ мазанка, которая выходила одной стѣной на улицу, другой въ проѣздной проулокъ и двумя во дворъ.

Пробилъ лишнюю дверь, полокъ навѣшалъ, пристроилъ лари и стойку, расчистилъ ходъ отъ сугробовъ.

Дѣло стояло лишь за деньгами.

Послѣ Крещенія поѣхали оба съ Баляснымъ въ городъ къ нотаріусу.

Нелегкое дѣло для мужика справлять бумаги, вершить купчія крѣпости. И если надо кому, чтобъ мужикъ рѣшалъ дѣла свои въ канцеляріяхъ тупо, по-бараньи, то трудно придумать для этого что-нибудь болѣе подходящее, кромѣ жданья.

Петровъ съ Баляснымъ ждали. Часа три съ надбавкомъ торчали въ передней, по-мужицки: въ шубахъ и тулупахъ, подпоясанные. Прѣли отъ пота, скучали отъ тупого безпривычнаго бездѣлья.

Видно было въ открытую дверь, какъ на кругленькомъ полированномъ стульчикѣ сидитъ молодая барышня. Туда-сюда вертится, пальчиками по машинкѣ стрекочетъ, какъ ласточка на стѣхѣ:

— Тра-та-та! та-та! та-та-та!

Чудно подумать. Настрекочетъ грамотку, печать приложатъ съ орлами, и—на вѣчныя времена. Не воротишь послѣ ни казной золотой, ни силой мірской.

— Нерушимо!

Петровъ сидѣлъ, прѣлъ, думалъ объ этомъ, но самому какъ-то не вѣрилось, чтобъ и вправду такъ крѣпко было, какъ люди говорятъ. И онъ твердилъ про себя это слово:

«Нерушимо... нерушимо»...

Словно хотѣлъ наизусть затвердить.

Барышня отпечатала все, что положено, побѣгла въ кабинетъ. Долго погодя, вышелъ нотаріусъ, поманилъ мужиковъ въ канцелярію.

Кормленый, бритый, въ золотыхъ очкахъ, онъ такъ строго глянулъ на обоихъ поверхъ золота, ровно бы собрался розгами выпороть каждаго.

— Распишитесь!

Сунулся было Балясный впередъ по привычкѣ быть первымъ вездѣ, а нотаріусъ на него:

— Не ты—не ты! Тотъ впередъ, что продаетъ! Вотъ здѣсь пиши, гдѣ крестикъ стоитъ!

Распоясался Петровъ, сдвинулъ съ плеча полушубокъ, выпросталъ руку. перекрестился.

«Ну-ко, Господи! пошли въ легкій часъ!»

И вдругъ засосало на сердцѣ. Страшно сдѣлалось, какъ передъ смертью, рука съ перомъ затряслась, впору хоть бросить.

«Ээ-эхъ... нерушимо вѣдь... А дѣды, прадѣды жили и намъ приказали»...

А нотаріусъ ужъ разсердился:

— Пиши, пиши! Не задерживай! Имя-фамилію.

Расписался Петровъ дрожащей рукой, гдѣ было указано, облизалъ зачѣмъ-то перышко, подалъ Баляснаму. Расписался Балясный твердо, серьезно,—зналъ, что дѣлать. Крякнулъ по-

томъ, вынулъ изъ порточнаго кармана бумажникъ, размоталъ завязки, подалъ деньги нотаріусу.

— Вотъ, значится, ваше благородье, полностью... шестьсотъ серебра! Засвидѣтельствуй, стало быть.

Пересчиталъ нотаріусъ всѣ шестьсотъ, подалъ Петрову:

— На-ка вотъ, держи! Да покрѣпче держи, деньги не малыя! Въ городъ что ли надумалъ? Чѣмъ жить будешь?

Петрову не хотѣлось говорить съ нотаріусомъ о лавочкѣ. Не приглянулся ему суровый прилипчивый баринъ. И онъ отвѣтилъ только:

— Да тамъ ужъ какъ Богъ дастъ... видно будетъ...

— То-то, «видно будетъ!»—передразнилъ нотаріусъ съ такимъ видомъ, словно Петровъ былъ у него подъ опекой и проштрафился.—Вамъ, сиволапымъ, дай только волю! На языкѣ у васъ при случаяхъ Богъ, а коль до дѣла доходитъ,—такъ и чорту послужите! Про васъ говорится: «спереди блаженъ мужъ»—сзади «вскую шатаешася!»

Петровъ однако такъ обстоятельно принялъ въ руки деньги, такъ ухмыльнулся имъ надежно и такъ твердо, бережно перелисталъ сотенные по одной, что натаріусъ, наблюдавшій за нимъ съ острымъ любопытствомъ, смякъ и подобрѣлъ.

Видно стало, что не мотъ и прощалыга продалъ землю, а настоящій хозяинъ: скопидомъ и работникъ.

— Ну-ну! Дай тебѣ Богъ...—сказалъ на прощаніе нотаріусъ.—Я вѣдь зла тебѣ не желаю... Для васъ же стараюсь... И мнѣ вѣдь не медъ тутъ съ вами народную жизнь наново—переламывать... Э-ээхъ! Тысячу лѣтъ Россія строилась! Тысячу лѣтъ ладилась...

И рукой махнулъ, отвернулся. Показалось Петрову, что не такъ ужъ суровъ и придирчивъ баринъ, что на сердцѣ у него не совсѣмъ было строго, когда строжился.

Поклонился ему, спряталъ деньги, пошелъ за Баляснымъ вслѣдъ на улицу. Балясный кивнулъ было на харчевню:

— Что, не обмыть ли? а? Малу толику?

Петровъ отказался. Онъ и такъ не сталъ бы пить съ большими деньгами въ карманѣ, а тутъ еще и времени не было, да и не тянуло къ веселью.

Распрощался, побѣжалъ по дѣламъ. Надо было, покуда нѣтъ двухъ часовъ, побывать въ казначействѣ, выправить права на лавку, потомъ съ той же спѣшкой — въ кассу, положить лишнія деньги, какъ совѣтовалъ кумъ Спиридонъ. А тамъ еще къ оптовому купцу, да на рыбную площадь приглядѣть къ

масляницѣ рыбнаго товару: леща соленаго, севрюжины, головизны.

Городъ такая прорва, что въ немъ всегда замотаешься, ерекусить неколи.

VI.

Дѣло съ лавочкой пошло хорошо. Права была Иваниха въ своихъ гаданіяхъ, правъ и кумъ Спиридомъ Степановичъ. Свадебная пора особенно выгодна для начала торговли, а свадебъ въ томъ году было не въ примѣръ много. Пьяненькіе сваты, дружки, дѣвки съ молодыми свахами, проходя по улицѣ, не миновали лавочки и покупали подъ веселую руку все, на что въ другое время и не позарились бы. Разобрали даже ящикъ мятныхъ коврижекъ, положенныхъ оптовымъ приказчикомъ «для комплекту».

Не дальше какъ черезъ недѣлю пришлось Петрову опять ѣхать въ городъ подновлять товаръ. А потомъ еще, на сплошной недѣлѣ еще. И всякій разъ, какъ начнетъ собираться, насуетъ ему Иваниха полонъ возъ всякой всячины на продажу въ городѣ: и поросятъ паръ пятокъ, масла, яицъ, сметаны въ горшочкахъ. Диву давался Петровъ: «Откуда? когда набрала только?»

А баба въ лавкѣ, какъ воробей на току: скокъ-скокъ-прикокъ! И туда побѣжитъ и сюда сунется, зубы всѣмъ заговариваетъ шуткой да лаской:

— Ну-ко, пожалте въ нашъ магазинъ! Угощу табачкомъ. Табакъ знаменитый, «дериглотъ» прозывается! Разъ курнешь—выше дома прыгнешь!

Смѣются мужики, идутъ къ ней одинъ за однимъ.

— А еще что тамъ у тебя?

— За грошъ чего хошь! Пряники румяны спечены на сметанѣ! Конфетки мѣтки, калачи пухачи! А вотъ крендель лопатинскій! Татаринъ однимъ кренделькомъ наѣдается! Семь калачей съѣлъ однова,—сытъ не былъ, а какъ съѣлъ опосля кренделекъ, такъ и сытехонекъ! Не отвѣсить ли фунтикъ? Эхъ, и фунтъ у меня! Пудовый!

— Да отвѣсь видно, отвѣсь! Не даромъ у твоей матери торговый ночевалъ! Хе-хе-хе!

И народъ на селѣ сразу какъ-то простилъ ей старое крестьянство, сталъ сочувствовать.

— Экая проворъ баба! — говорили,—а вѣдь, гляди, расторгуется!

— Безпремѣнно расторгуется! Ишь балагуритъ! прокуратъ!

Глядя на Иваниху, веселѣлъ и Петровъ. Ладно все сдѣлано. Иной разъ только побаивался онъ слишкомъ большой смѣлости бабы.

Какъ-то разъ, пріѣхалъ изъ города, заглянулъ въ амбаръ. Смотритъ, что такое,—сусѣки полнѣе выглядятъ. Овса, такъ того видимо прибавилось противъ прежняго четверти на двѣ. Пощупалъ — зерно не его. Въ рожь сунулся — тоже. Что за диво? Запустилъ руку поглубже, тамъ его-то, его зерно, да вмѣстѣ съ нимъ загребъ горстью зеленую бутылочку съ красненькимъ горлышкомъ, что пьяницы зовутъ «жуликомъ».

«Э-ге-ге-ге-е! Вотъ оно что-о!»

Все стало ясно. Стало быть, Иваниха не только торгуетъ потайно водочкой, но беретъ отъ парней краденое. Хорошо, какъ отцовское только, вѣдь такъ могутъ и съ настоящимъ ворованнымъ подъѣхать. Сказалъ ей, строжась:

— А ты бы, Настасья, не больно такъ прытко...

— Съ чѣмъ это?

— Да съ тѣмъ!—Въ амбарѣ-то что у тебя? Зерномъ берешь и водочкой потчуешь? Ай, хорошо это?

Она встревожилась, но встревожилась не отъ того, что указали ей на плохія дѣла.

— Матушки мои!—заговорила.—А я то думала, спрятано гоже! Перепрятать видно придется. Посиди-т-ко тутъ въ лавкѣ, я пойду перепрячу!

И потомъ ужъ съ порога обернулась, успокоила его:

— А что ссыпано,—ты не бойся! Знаю вѣдь отъ кого.

Петрову не понравилось это, и онъ сталъ приглядывать за женой, но толкъ отъ этого приглядыванія былъ небольшой. Она все дѣлала по-своему, и чѣмъ бойчѣе шла торговля, чѣмъ замѣтнѣе дѣлалась прибыль, тѣмъ становилась своеобычнѣй, смѣлѣй, непослушнѣй.

А торговля росла, росли барыши. Съ рыбой къ масляницѣ расторговались на славу. Головизна, бѣлорыбица, тарань, все прошло, даже лишки, что запасены были для Благовѣщенія съ Вербнымъ, и тѣ раскупили въ сыропустъ. На чистой недѣлѣ пришлось опять въ городъ скакать: и за бакалейнымъ и за краснымъ товаромъ къ Святой.

Хлопотъ было много. Некогда было думать—раздумывать надъ иванихиными проказами, надъ проданными душами, надъ тѣмъ, какъ теперь смотритъ народъ на новое дѣло. Прутъ валомъ въ лавочку,—вотъ и все, что надо пока.

Разъ только случилось съ Петровымъ то самое, что ущипнуло его за сердце у нотаріуса въ канцеляріи передъ подписью купчей крѣпости, и чего не предвидѣли ни самъ онъ съ Иванихой, ни умный совѣтчикъ Спиридонъ Степановичъ. Было это въ серединѣ поста. Поѣхалъ Петровъ на свое прежнее гумно за остатками корма, который долеживалъ зиму тамъ, по уговору съ Баляснымъ.

Навилъ возъ просяной соломы, обчесалъ граблями, чмокнулъ губами на Саврасаго, чтобъ дергалъ. Да какъ глянулъ кругомъ въ остальный разъ, — такъ и затосковало сердце. Почуялось, что сидитъ въ немъ мужикъ нескобленный.

Заборъ изъ липовыхъ слегъ еще дѣдомъ покойнымъ поставленъ и подпертъ мѣстами. Ветлы шумятъ за заборомъ, поютъ на вѣтру обледенѣлой лозой. Онъ самъ, своеручно, повтыкалъ ихъ когда-то колышками. Поливалъ все лѣто, бочками воду возилъ и на токъ и подъ ветлы. Выросли между дѣломъ, тѣнь даютъ въ полдни, хорошо отдыхать въ сноповозку. Надъ токомъ половня сбочилась, жалостливо тужитъ о чемъ-то. Можетъ-быть о немъ тужитъ... Мальчишкой еще игрывалъ въ ней съ товарищами, и въ ней же любился!... Э-ээхъ, ѣдятъ те мухи! А поту, поту что пролито! рѣки половодныя... И радостей было не мало на этомъ гумнѣ, когда Господь посылалъ урожайные годы: вороха на току по двѣсти пудовъ, по заборамъ ометы навалены, сугробы кругомъ на чертверть въ толщу мякиной запорошены, ровно золотомъ червоннымъ... Было!..

Взгрустнулось, заморгали сами собой рѣсницы, и гумно въ глазахъ заплясало.

Пріѣхалъ домой чернѣе тучи грозовой. Лагутка Прамоновъ у воротъ встрѣтился, шутить задумалъ:

— Эй, Безземельный! Да ты никакъ опять за крестьянство взялся? Гляди, какой возъ навилъ, что твоя чесанка!

Петровъ послалъ Лагуткѣ такого сердитаго дурака, что у того и шутка на губахъ замерзла.

VII.

Мартъ выдался крутой и холодный, съ метелями, вьюгами, бѣдами. Шли со всѣхъ сторонъ слухи о замерзающемъ въ полѣ народѣ, и мужики боялись выѣзжать даже въ Лопатино на базаръ.

Народъ сидѣлъ дома, а Петровымъ и это на руку. Дѣло-не-дѣло, съ утра бѣгутъ въ лавочку, толпятся, покупаютъ, мѣ-

няютъ, гомонятъ. Доходнѣй всего шелъ, конечно, Иванихинъ шинокъ, благо по такой погодѣ никакого акцизнаго не выгонишь изъ дому и семью собаками. Какъ ни хмурился на бабу Петровъ, она стояла на своемъ, привѣчала парней, принимала зерно, поила виномъ.

Онъ вздорилъ съ парнями, они же сердились на него вскользь. Дразнили больше, называя «бездушнымъ» и «беззземельнымъ», грозили весной не пускать на поле, на общественную улицу.

Привалила разъ въ лавку ватага парней, изъ тѣхъ, коихъ звали въ селѣ «красной сотней». Голова имъ Митька Портновъ, озорникъ, зубоскалъ, непочетчикъ. Покричали парни насчетъ разныхъ стѣсненій, что де «всякъ нонѣ жметъ мужика, мужику-де самому надобно растопыриться пошире»...

Петровъ стоялъ за прилавкомъ и посмѣивался такимъ вздорнымъ рѣчамъ. Вдругъ Митька такъ накинется на него:

— Ты что щеришь зубы, экспутаторъ?

— Какъ? какъ ты молвилъ?—засмѣялся Петровъ въ голосъ. Думалъ, парень шутку выпалилъ такимъ кудрявымъ словомъ.

А тотъ въ серьезъ:

— Ты вотъ торговать взялся таперя! Что жъ думаешь, настоящій трудъ это? работа честная?

Кричитъ, а самъ пальцемъ тычетъ въ прилавокъ.

— Не орлянка, я полагаю!—все смѣется Петровъ,—и не воровство!

— Хуже орлянки и въ родѣ воровства!

— Ой ли! Это какимъ же такимъ манеромъ?

— А вотъ какимъ! Это я могу тебѣ разъяснить окончательно и себя оправдать передъ тобой! Ты не бойсь, не помяну, какъ баба твоя ночью мѣшки съ овсомъ принимаетъ. Не то это будетъ!

— А ну-ко, ну! что это будетъ такое?—сказалъ только Петровъ и покраснѣлъ, сдѣлался серьезнымъ. Въ груди у него заиграло зло и противъ парня и еще больше противъ Иванихи, которая не хотѣла его слушать, продолжала принимать отъ парней ворованное изъ отцовскихъ амбаровъ зерно.

— Вотъ что будетъ!—напустилъ на себя учительской важности Митька,—честнымъ трудомъ можно назвать только такую работу, когда человѣкъ исдѣлаетъ что-либо своими собственными руками! Понялъ? Взять вотъ къ примѣру хотя бы крендель!

И въ самомъ дѣлѣ онъ схватилъ съ прилавка недоѣденный кѣмъ-то крендель, сталъ тыкать въ него указательнымъ паль-

цемъ, какъ будто на кренделѣ было написано все то, что выпаливалъ онъ задорнымъ озлобленнымъ голосомъ:

— Ты пекъ его въ печкѣ? ты тѣсто мѣсилъ? Аль можетъ ты, размотавши общественну землю, пшеницу сѣялъ для него? Ты мололъ на мельницѣ, на сита шелковы сѣялъ? Ну скажи мнѣ, что ты исдѣлалъ съ этимъ самымъ кренделемъ? А-а! Вотъ и не скажешь! Слушай: я тебѣ скажу! Ничего ты этого самаго полезнаго не сдѣлалъ! А ни маковой росинки ты къ нему не прибавилъ! Взялъ ты готовенькое, румяное да поджареное, какъ оно есть въ куренѣ у пекаря, да намъ подносишь... И съ прибавкой большой. Ежели ты къ самому кренделю ничего не прибавилъ,—какое же тебѣ право дадено цѣну на него набавлять? ну? Вѣдь въ Лопатинѣ онъ пятакъ, у тебя пятіалтынный два фунта? Какъ ты смѣешь наживаться съ насъ? Это трудъ! Поглядите ему въ зенки!

— Видимое дѣло!—опять началъ подзадоривать парня Петровъ, поспѣвшій оправиться отъ давешняго больного упрека,— ежели бъ тебя пустить за прилавокъ, это бы трудъ былъ! настоящій и честный! А я за пятнадцать верстъ лошадь гонялъ по пургѣ, да тутъ калгачусь съ вами съ бѣлъ-зари до полуночи—это хуже орлянки!.. Эхъ ты-ы! Обсуши-ко сперва молоко на губахъ! Зеленъ еще учить-то! «не тру-удъ»...

— Знамо дѣло, не трудъ!—вооружились противъ него и другіе парни.—Эдакъ и мартышка возилась съ чурбаномъ...

— Эдакъ-то и всѣ-ба трудились!

— Ты исдѣлай предметъ!

— «Исдѣлай предметъ»—передразнилъ Петровъ, чувствовавшій, какъ парни пышутъ на него злобой, и какъ корни этой злобы идутъ много-много дальше ихъ словъ.

— Знамо! исдѣлай-ко вотъ!

— А ты съѣзди за тридцать пять верстъ за восьмушкой махорки! Съѣзди, я на тебя погляжу! Нѣтъ, тебѣ мордастому чорту подавай готовенькое! да!.. Да еще въ долгъ просишь.

— Не бойсь, не долго провластвуешь!—грозились парни.

— А что ты мнѣ сдѣлаешь? Не грозись! Я вотъ возьму да засвидѣтельствую...

— Ага-а! Онъ ужъ и кошель бережетъ! Не нажилъ еще, погоди! Мы и безъ этого окрутимъ тебя!

— Ой-ли? Окрутили?

— Знамо дѣло, окрутимъ! Возьмемъ вотъ, сложимся, да откроемъ общественску лавку! Коперацію... Вотъ ты и сядешь, какъ тѣсто въ квашнѣ.

— Мало васъ урядникъ ловитъ! Мотри, какъ бы самъ не сѣлъ куда.

— А ты урядникомъ не замахивайся. Урядникъ про всѣхъ! Ноне и за то въ острогъ-отъ сажаютъ, кто ежели винцомъ шинкуетъ, тоже!

Въ это время на шумъ подошла Иваниха. Шуткой и лаской она успокоила парней, а Петрову, когда остались одни, выговорила со строгой бабьей разумностью:

— Съ тобой, Иванъ, ладу не будетъ скоро: докалякаешься такъ, что и въ правду насидишься въ острогѣ. Не для этихъ споровъ мы жисть свою на новый ладъ передѣлали. Коль торгуешь, долженъ всѣмъ потрафлять до поры. Ласковый теленокъ, онъ двухъ матокъ сосетъ! Вотъ что. Дай срокъ, расторгуемся, въ купцы выпишемся,—тогда не то Митька Портновъ,—всѣ будутъ пятки лизать намъ! А мы—величаться, да жить по-хорошему...

Занозой сѣлъ въ сердце Петрову разговоръ съ Митькой Портновымъ, и онъ, какъ побитый товарищами мальчишка, сталъ утѣшать себя подсказанными женой мыслями.

И кулакомъ стучалъ по столу, и зубами скрипѣлъ отъ досады:

— Ну-же... погодьте у меня! Будетъ время,—орломъ полечу!

VIII.

На Крестовой недѣлѣ отговѣлась Иваниха, на пятой дочь Домка. Самъ Петровъ пригналъ всѣ дѣла къ тому, чтобъ говѣть на Страстной. Съ Вербной вечерни сталъ ходить ко всѣмъ службамъ безъ пропуска: къ часамъ, къ вечернѣ, къ преждеосвященной.

Въ церкви становился на клиросѣ, подпѣвалъ дьячку, читалъ каѳизмы и апостола.

Здѣсь увидалъ онъ, какъ перемѣнилось къ нему духовенство. Прежде тоже на клиросѣ стаивалъ, но былъ мужикъ мужикомъ. Теперь дьячекъ заговариваетъ первый, дьяконъ здоровается за руку, а батюшка послѣ «Вкусите и видите» не забываетъ выслать со сторожемъ кусочекъ черствой просфоры.

На первыхъ порахъ Петрову было неловко отъ этого почета, да и чувствовалъ онъ покаянный грѣхъ, боялся возгордиться не ко времени.

— Духъ праздности, уныніа, празднословія не даждь

ми!—повторялъ онъ со страхомъ, кланяясь въ землю, слова молитвы.

Но дьяволу мало было дѣла до его опасеній. Онъ точно вселился на это время въ дьячка Поликарпа, который то и дѣло, въ промежуткахъ между пѣніемъ и чтеніемъ, хвалилъ его за продажу душъ за лавочное дѣло. И вдругъ ни съ того, ни съ сего заговорилъ даже о томъ, что на новый срокъ Михея въ церковные старосты не выберутъ, а батюшка будетъ проводить на эту должность его, Петрова.

И не успѣлъ Петровъ принять эти слова какъ слѣдуетъ, приблизился съ амвона дьяконъ, баситъ на ухо:

— Какъ поживаетъ супруга ваша, Анастасія Иванова?

«Ха! «супруга»!.. это про Иваниху, про бабу»...

— Духъ же цѣломудрія, любви даруй мнѣ, рабу твоему,— стараясь изо всѣхъ силъ, молился Петровъ, но молитва ужъ не въ силахъ была отогнать гордаго.

На второй и третій день говѣнья, когда службы и почетъ отъ духовенства вошли въ обиходъ его жизни, сталъ онъ принимать все какъ должное.

— Ежели почитаютъ, стало быть, знаютъ за что...—Разсуждало въ немъ.—Не Митька это Портновъ, не кто-нибудь, а духовные... Знаютъ! Дадено имъ и сказано: «что свяжете на землѣ, и на небѣ свяжется, что на землѣ развяжете,—на небѣ будетъ тоже развязано»...

И самъ не замѣчая того, какъ это выходило, Петровъ сталъ держаться прямѣе, точно въ ростѣ прибавился, выросъ. И говорить сталъ вразумительнѣе, плавнѣе.

Въ Великій четвергъ ко Святому причастію Иваниха достала изъ короба суконный пиджакъ съ брюками и бѣлую французскаго ситца рубаху. Все это справила она еще къ масляницѣ, но до сей поры онъ не рѣшался надѣть брюкъ. Теперь надѣлъ все.

Правда, тянуло снять непривычное, хотѣлось одѣться опять въ поддевку да шаровары. То казалось, что пиджакъ тянетъ въ плечахъ и мѣшаетъ рукѣ творить крестное знаменіе, то стыдили брюки.

Не было поверхъ покрывающей длинной полы, и оттого чудилось, будто ноги голы, ничѣмъ не прикрыты.

Иваниха, наоборотъ, была горда его видомъ. Обтягивала, приглаживала, расправляла морщинки. Потомъ взяла да и бухнула по-бабьи то, что думала:

— Пра, ей Богу! Что зря куксишься? ровно бы дѣвка

передъ вѣнцомъ. Сразу видать теперь: не простого виду человѣкъ, а купецъ! И обличье стало купецкое. Только волосья придется подрѣзать малу толику, чтобъ форсу прибавить!

Она говоритъ съ похвальбой, а ему открылось, почему одежа не ладно сидитъ на плечахъ.

«Въ церковь идешь!—проснулась совѣсть.—Душу несешь на показъ Господу-Богу, а обличье купецкое... Гоже ли оно? Мужику-то?»

Баба по обычаю стояла насторожѣ. Какъ только замѣтила, что укоръ еще больше застыдилъ его, принялась за старые, не разъ испытанные уговоры:

— Погляди, напримѣръ: кумъ Спиридонъ! Не съ тебя человѣкъ, а какъ одѣвается! Баринъ-бариномъ! Чай не вѣкъ въ посконномъ ходить и тебѣ! Ни кто-нибудь, дай Господи, лавочникъ! И Господь опредѣлилъ такъ: каждому человѣку свой чинъ, свое мѣсто... По чину—одежа.

Такъ и пошелъ Петровъ къ причастью съ нерѣшеннымъ стыдомъ.

Въ церкви опять пало на душу то гордое и пріятное, что шло къ нему отъ духовенства, и—совѣсть замерла, успокоилась. Стало казаться, что и вправду онъ не ровня другимъ мужикамъ.

Около полденъ, когда отошла обѣдня, и Петровъ выходилъ вслѣдъ за другими причастниками изъ церкви, на душѣ было особенно свѣтло. Легко, опрятно, покойно, словно и вправду вымылся въ чистой хорошей банѣ, съ которой батюшка сравнивалъ святое причащеніе.

Мысли были радостны, и все прошлое, заботное выглядѣло суетнымъ грѣхомъ, который снятъ съ плечъ, отброшенъ, забытъ. И было особенно хорошо то, что не только онъ самъ радъ своей безгрѣшности, но тому же радовались и другіе люди.

Бабы причастницы, поджимая сердечкомъ губы и подпирая ихъ сложенными въ мячикъ платочками, кланялись ему, говорили умильными голосами:

— Со святыми тайнами, Иванъ Петровичъ! Въ добромъ здоровьицѣ встрѣтить вамъ Святой праздничекъ!

Старики, самые крѣпкіе домодѣды, и тѣ не спѣша обѣими руками скидали сзади напередъ овчинныя шапки, кланялись, говорили скороговоркой, чтобъ не кашлянуть:

— Со святымъ причащеніемъ, милай!

И шелъ Петровъ отъ церкви домой тѣмъ выправившимся за послѣдніе дни гордымъ шагомъ, который такъ шелъ къ нему, что Иваниха даже сосѣдкамъ хвалилась:

— Погляди, касатушка! Идетъ-то, идетъ! Ровно бъ и родился въ первой гильдіи!

Къ тому же, на счастье, первый разъ за весь постъ пригрѣло настоящимъ весеннимъ солнышкомъ. Еще морозило, снѣгу были сугробы, еще хрустѣло и пѣло подъ ногами по-зимнему, но ужъ солнце было побѣдное, небо синее, духъ въ воздухѣ ароматный, бодрый, весенній.

Радостно вошелъ онъ къ себѣ.

Въ свѣтлой избѣ, поперекъ которой вились и играли снопы солнечнаго блеска, ждали его: новый кипящій самоваръ, уже отчищенный къ празднику, крендели изъ своей лавочки и пахучій горячій ситникъ. Дочь-Домка припасла все, все приготовила, а сама убиралась тутъ же къ празднику: мыла полки, скребла стѣны, полатныя доски. Босая, съ подоткнутымъ подоломъ и засученными выше локтей рукавами она ступала пятками по избѣ съ такой смѣлой, знающей себѣ цѣну, властностью, словно была по меньшей мѣрѣ королевой.

— Съ принятіемъ Святыхъ тайнъ!—поздравила она отца груднымъ смѣющимся голосомъ, сама въ тотъ же мигъ сошмыгнула голымъ локтемъ съ носа.

— Спасибо! Спасибо!—ласково отвѣчалъ Петровъ, любуясь смѣлой повадкой и красивой статью дочери.

— Какъ дѣла-то, доченька? а? хе-хе-хе-хе... Праздникъ на носу?

Дѣвка глянула было на него съ удивленіемъ, какъ часто молодежь удивляется веселью стариковъ и ищетъ причинъ тому, потомъ поняла, что отецъ радуется и смѣется тому же, отъ чего весело и ей все время, то-есть веснѣ, солнцу, теплу и празднику, сверкнула на него свѣтлымъ играющимъ глазомъ, залилась долгимъ безудержнымъ смѣхомъ, гремя и сверкая, какъ ручеекъ изъ-подъ талаго снѣга. Ядреное потное лицо, исписанное полосками грязи, прыгало, курносый, чуть веснушчатый носъ, похожій на спѣлую грушу на солнышкѣ, фыркалъ, загорѣлыя, но румяныя подъ гарью щеки горѣли какъ маковъ цвѣтъ на полѣ.

— Ну, буде-буде! не къ порѣ ржешь!—унималъ ее Петровъ съ нарочитой строгостью въ голосѣ, самъ тоже смѣясь глазами на ея молодую чистую радость,—вспомни, день-то какой!

А она, словно прорвавшая запруду вода, уже не въ силахъ была угомониться: прыскала, визжала и смѣялась-смѣялась, за-

хлебывалась отъ напрасныхъ усилій удержать свой громкій смѣлый хохотъ.

Покусала до крови губы, сдержалась. Отираетъ съ глазъ слезы, сама опять готова залиться и ужъ не вѣритъ себѣ, что не разсмѣется.

— Охъ, тятенька! родненькій! радошно что-то!..

— Будя, будя!—ласково унималъ отецъ.

Угомонилась, взялась опять за работу, но что-то надумала, повернула къ отцу просительное застыдившееся лицо, сказала приниженнымъ голосомъ:

— Послѣ Святой, тятя, будешь меня на барщину пускать?

— Что-о? Да ты угорѣла!

— Ну, вотъ... Все чай на сарафанъ себѣ заработаю... А то что, право... Весь народъ въ полѣ будетъ, а я, какъ старуха съ клюкой дома сиди...

Петровъ насупился, сказалъ съ настоящей, уже не ласковой строгостью:

— Буде, Домка! Не срами людей! Слава Богу, при нашихъ достаткахъ не придется на барщинѣ сарафановъ зарабатывать! Отъ своихъ ситцевъ полки гнутся! Да и то возьми въ ращетъ, глупая: не сарафаны, а платья будешь носить! съ брыжами! Дай срокъ, расторгуемся крѣпче,—зонтикъ куплю тебѣ, полусапожки шавровыя...

— Да-а...—заканючила вдругъ дѣвка,—надо мной и такъ подружки смѣются! Продали, баитъ, души и не наши стали... А тогда и вовсе засмѣютъ...

— Экая глупая! Экая ты...—не на шутку разсердился Петровъ.

Онъ хотѣлъ крѣпче и сильнѣе выругать дочь, но вспомнилъ, что причастился, и потому сдержался, сказалъ мягче:

— Ты подружкамъ своимъ не ровня! Онѣ жисть свою принуждены въ землѣ да въ навозѣ рыться,—ты черезъ своихъ отца-мать выше полѣзешь! Такъ ты и знай это! И лучше тебѣ не о барщинѣ думать, а какъ бы ловчѣе грамоту распознать: слово Божье читать да въ лавкѣ записывать!.. Выше голову-то вскинь! Да и ходи такъ!

Онъ говорилъ и вправду съ высоко поднятой головой, словно вычитывалъ пророчества въ церкви. Дѣвка глянула на него сначала сквозь слезы, потомъ со смѣшкомъ въ глазахъ и, юркнувъ въ чуланъ, зашептала себѣ въ утѣшеніе:

— Ужъ тоже... самъ-то... говоритъ тоже...

IX.

Свѣтлое Христово Воскресеніе встрѣтили Петровы, какъ надо быть: хлопотно, радостно, съ тѣмъ гордымъ покоемъ, который знаютъ люди съ вѣсомъ и уваженіемъ.

До этой поры во всемъ приходѣ было только семь дворовъ, которые встрѣчали иконы въ первый день праздника: сами духовные, казенный кабатчикъ, двое старостъ, церковный и мірской, да Семенъ Логинычъ Балясный.

Въ эту Пасху батюшка отличилъ и Петрова.

Принарядились и ждали съ самаго послѣобѣда. Старики въ избѣ, Домка на улицѣ.

Накрыли два стола, впереди для духовныхъ, позади для богоносцевъ. Припасли яицъ, закуски, выпивки, грѣли самоваръ.

Время было уже передъ вечеромъ, когда Домка, вся запыхавшаяся, красная отъ радости и скораго бѣга, влетѣла въ избу, крикнула, словно выпалила изъ ружья:

— Идутъ! идутъ! Отъ старостиныхъ прямо да къ намъ!

Старики засуетились. Иваниха накинула мужу на руки бѣлый съ красными каймами утиральникъ, положила на утиральникъ каравай хлѣба, солонку сверхъ каравая. Всѣ трое вышли за ворота встрѣчать.

Вдоль порядка по тропѣ шли гуськомъ богоносцы. Было ихъ человѣкъ съ десять, все молодые парни изъ хорошихъ семей, выглядывающіе по приходу невѣстъ и отбывающіе батюшкѣ холостецкую службу.

Задрали высоко головы, выставили впередъ образа, идутъ и поютъ недружными, но громкими зато голосами растяжную «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ».

У Петрова двора остановились, столпились въ кружокъ и грянули немного въ разбродъ, но весело съ прикрикомъ, какъ казаки въ походѣ.

— Да воскреснетъ Богъ! и расточатся врази-и его!

Иваниха съ Домкой подошли прикладываться къ образамъ, а Петровъ самъ пріосанился только, двинулъ впередъ хлѣбомъ-солью, остался на мѣстѣ ждать благословенія батюшки, который замѣшкался у старосты. Иваниха крестилась истово, чинно, но чванно немножко, какъ будто бы и Богу самому хотѣла показать, что теперь она не всякому ровня. Цѣлуя иконы, она не кланялась низко, чтобъ не уподобиться тѣмъ нечестивымъ воинамъ, которые попадали на земь лицами при видѣ воскресшаго

Спасителя. А Домка, подходя слѣдомъ за матерью къ каждому образу, хотѣла быть во всемъ какъ мать, но не могла сдержаться отъ радостной дѣвичьей жути, которая жгла огнемъ ея щеки, готовыя испепелиться подъ сулящими взглядами парней богоносцевъ.

Пропѣли до конца всю «Пасху», веселой гурьбой ввалились въ горницу, разставили въ переднемъ углу образа.

Той порой подъѣхала подвода съ батюшкой и дьякономъ, подошелъ псаломщикъ, церковный староста Михей Ивановичъ. Батюшка благословилъ хлѣбъ-соль, на ходу положилъ начало молебну. Богоносцы пристали къ возгласамъ духовныхъ, и молебенъ былъ отслуженъ въ минуту. Потомъ посуетились, христосуясь, и приняли радушное приглашеніе Петрова присѣсть, откушать чайку.

Широко, чисто по-купечески потчевалъ Петровъ жданныхъ гостей, Иваниха лебедемъ плавала отъ передняго стола къ заднему, ласково шутя и балагуря съ духовными, даря словомъ, какъ рублемъ, мужиковъ.

Все было какъ въ самыхъ почетныхъ, въ самыхъ богатыхъ домахъ. Батюшка долго и внимательно оглядывалъ избу и съ удовольствіемъ отмѣчалъ все то новое, некрестьянское, что появилось въ ней за послѣднее время. На стѣнѣ календарь, часы, на окнахъ занавѣски изъ накрахмаленной кисеи. Новая большая икона въ кіотѣ, и на подоконникахъ куски чистой бѣлой клеенки. Чистота тоже была не крестьянская, не временная, наведенная только къ празднику Пасхи, а видимо постоянная, стоившая многихъ заботъ. Не разъ улыбнулся онъ и на гордый Иванихинъ видъ, и на степенство самого Петрова. Потомъ заговорилъ одобрительно:

— А вѣдь я нарочно, Петровичъ, распредѣлилъ время такъ, чтобъ къ тебѣ послѣднему... посидѣть подольше, побесѣдовать. Мнѣ тоже вѣдь лестно, что однимъ почетнымъ прихожаниномъ украсился приходъ. Какъ дѣлишки у тебя?

— Благодарствую, батюшка! — чинно съ еле скрытымъ удовольствіемъ отвѣтилъ Петровъ.—Дозвольте за ваше здоровье по одной?

— Не много ли... развѣ что за здоровье!

— За здоровье не вредитъ!—поддакнулъ дьяконъ.

А псаломщикъ, какъ услыхалъ рѣчь о здоровьѣ, сталъ жаловаться на поясницу:

— Ломитъ богохульная! Такъ и мозжитъ! Такъ и нудитъ богопротивница!

— Грѣшилъ бы полегче! — хмуро попрекнулъ Михей Иванычъ.

Разговоръ грозилъ отойти въ сторону отъ батюшкина вопроса. Петрову же не хотѣлось этого. Послѣ Спиридонъ Степановича батюшка былъ вторымъ человѣкомъ, который интересовался его дѣлами не въ худую сторону. Да и лестно бы теперь при всѣхъ гостяхъ не въ похвальбу, а въ правду сказать все хорошее и завидное о своихъ дѣлахъ, чтобы на завтра же знало объ этомъ разговорѣ все село. И онъ перебилъ дьячка, перебилъ церковнаго старосту.

— Насчетъ моихъ дѣловъ, батюшка, я вамъ скажу,—заговорилъ онъ со стыдливой торжественностью, — слава Богу! Не могу гнѣвить напрасно Создателя! Не могу! Прямо такъ надо сказать: выручился я за зиму! Благодареніе Господу!

— Слава Богу,—лучше всего!—благосклонно поддакнулъ батюшка,—съ упованіемъ надо, да съ молитвой. Сказано: «всякое дѣло благо, и всякъ даръ совершенъ свыше...»

— Вотъ именно!—обрадовался Петровъ. — Вашему сану все видимо, что и какъ! А тутъ постомъ какъ-то, послушали бы, Митька Портновъ... Такъ вѣдь что? «Это не дѣло, слышь ты, затѣялъ! Ты, слышь, не самъ пекъ крендели, — и потому продавать ихъ не моги»... А я полагаю, батюшка, всякое дѣло отъ Господа! И ежели выручился я,—стало быть, Онъ далъ кормилецъ, вотъ что!

— Правильно!—рыкнулъ дьяконъ, видя, какъ одобрительно попъ принимаетъ слова Петрова.

Петровъ выше вскинулъ голову, хотѣлъ еще сказать что-то болѣе гордое и возвышающее свое дѣло, какъ Михей Иванычъ, молча хмурившій зарощенный сивыми бровями лобъ, сверкнулъ глазами, заговорилъ поперекъ:

— Похваляешься? Что жъ, нѣкоторые люди и это за дѣло считаютъ, тоже, говорятъ, отъ Господа... Бахвалишься: за зиму-де выручился! А весну какъ будешь?.. Люди пахать послѣ Святой, а ты куда? На кулички съ ребятишками бѣгать что ль? Что жъ, играй! Вонъ борода-то по поясъ выросла...

И добавилъ послѣ общаго минутнаго растерянnаго молчанія:

— Моли Бога, родителя въ живыхъ нѣтъ. Онъ бы те гашникъ-отъ спустилъ! То-орговы-ый!

Старикъ съ такой забавной ненавистью прохрипѣлъ слово «торговый», что парни-богоносцы не сдержали своей благопристойности, прыснули смѣхомъ.

Петрову вдругъ стало горячо, какъ отъ удара кнутомъ.

Онъ задрожалъ, нахмурился и только потому удержался отъ гнѣвныхъ горячихъ словъ, что вспомнилъ, что время—первый день Пасхи, что въ гостяхъ у него духовенство и что онъ не ровня ни этому выжившему изъ ума старику, ни глупымъ молокососамъ парнямъ.

— Ка-бы ты, дядя Михей,—заговорилъ онъ дрожа голосомъ,—да не у меня въ гостяхъ сидѣлъ, — я бы сказалъ тебѣ слово!.. да помолчу объ этомъ! А насчетъ того, чѣмъ буду по веснѣ заниматься, не тебѣ скажу, а на батюшкино доброе слово: есть и для меня дѣло! Небойсь, найду себя не хуже людей! да!..

И, повернувшись лицомъ въ сторону священника, сталъ убѣжденно высчитывать свои планы и предположенія:

— Перво наперво, дастъ Господи, уставится весна, — яйца поѣду скупать по деревнямъ! Это не дѣло?

— Дѣло!—насмѣшливо проворчалъ Михей.

— А то нѣтъ? Ноне яичное дѣло—вотъ оно!

И вызывающе хлопнулъ себя по боковому карману новаго суконнаго пиджака, который недавно еще стыдился надѣть къ причастью.

Батюшка видимо держалъ сторону Петрова, и потому дьяконъ открыто и громко одобрялъ его планы.

— Насчетъ яичной торговли, — правильно! — басилъ дьяконъ,—на дняхъ я въ газетѣ читалъ: наши русскія яйца въ Гамбургѣ—полтина десятокъ! Разница!

— Ты, Петровичъ, газету выпиши,—кончилъ онъ добрымъ совѣтомъ.—Въ газетѣ вся биржа... всѣ цѣны впередъ показаны, чему почемъ быть надлежитъ...

— Выпиши... — не унимался Михей. Гляди, въ гору взлетишь отъ нея, отъ газеты-то...

— И газету выпишу!—съ новымъ приливомъ задора отозвался Петровъ.—И окромя того другихъ дѣлъ не забуду. Вотъ у меня на примѣтѣ, къ слову сказать, серпы аглицкой стали... косы... Ты же, Михей Иванычъ, придешь да поклонишься. А то не такъ? Покуда же бабы дома сидятъ, да съ кроснами возятся,— я ленты, тесемки, всякую всячину...

— Може по шоболы поѣдешь?—засмѣялся Михей.

— Шутить всѣмъ можно!—гордо обидѣлся Петровъ.

— Нѣтъ, что жъ, я въ серьезъ. Ты не слыхалъ побаску, которую любилъ сказывать покойный батюшка, отецъ Павелъ?

— Какую таку побаску?

— Такую вотъ: былъ уменъ попъ Семенъ. Книги продалъ, карты купилъ. Пошелъ въ овинъ, да играетъ одинъ. И какъ

ни сдастъ, какъ ни прикинетъ, — все ему хлюсты до козыри... Такъ-то вотъ!

Такъ разговоръ о дѣлахъ на этомъ и кончился.

Батюшка, всѣ духовные, просвирня, старая матушка и богоносцы ушли отъ Петровыхъ довольные, сытые, ласковые. Не стѣсняясь хвалили и благодарили хозяевъ, сулили Домкѣ краснаго жениха, Иванихѣ съ Петровымъ скораго успѣха въ дѣлахъ.

X.

Пасхой прошла новая молва про Петрова. Говорили, что зазнался.

— Ужъ такъ-то зазнался, такъ зазнался,—хлопали досужіе языки,—никого выше себя не ставитъ теперь! Передъ попомъ, передъ богоносцами хвастался: я-ста, не-я-ста богаче всѣхъ на селѣ! Самого Баляснаго куплю-выкуплю! И газету получать буду, и яйцами торговать...

— Вотъ поди и разгадай человѣка! Добро бы бабенка! Сроду такая... А вѣдь этотъ тихоня-тихоней... Правду, видно, старые люди баяли: безъ труда до блуда одинъ шагъ шагнуть...

Но всѣ эти пересуды ничуть не мѣшали торговлѣ. Пасхой пошла она еще лучше, еще бойчѣй и прибыльнѣй.

На второй же день съ утра, какъ только Иваниха отперла мазанку, народъ повалилъ табунами. Шли бабы, мужики, дѣвки съ парнями, а больше всего ребятишки мѣнять на яйца подсолнечныя сѣмечки.

— Сущая каторга, бабоньки!—жаловалась Иваниха сосѣдкамъ.—Ни тебѣ лечь отдохнуть, ни въ головѣ поискать, какъ бывало...

Жаловалась, а сама лоснилась отъ довольства этой каторгой. И Домку замаяли. Тянетъ въ хороводъ дѣвку, а ее—за дѣло. Чуть отлучится, сейчасъ же кличутъ:

— Эй, Домка! Гдѣ тебя носитъ тамъ? Бѣги проворнѣй, отсыпь зеренъ на два яйца! Да гляди, не болтуны ли яйца-те!

Домка бросала хороводъ, опрометью бѣжала на зовъ, отсыпала, отвѣшивала, да такъ ужъ и застревала въ лавкѣ на цѣлый день.

Самъ Петровъ тоже хлопоталъ и старался. Не такъ, какъ Иваниха, которая рвалась къ торговлѣ, что голодный къ кулагѣ, но все же работалъ.

Больше всего соображалъ онъ насчетъ будущихъ барышей.

То сидитъ весь день въ избѣ, высчитываетъ со счетами и съ карандашикомъ, сколько можно нажить, если и вправду взяться за скупку яицъ, то мекаетъ насчетъ лѣсной торговли.

Съ лѣсомъ, казалось ему, будетъ надежнѣе дѣло. Если въ казенномъ участкѣ взять съ торговъ десятинъ пятокъ, да срубы рубить и дрова на чугунку ставить,—вѣрныхъ двѣ тысячи въ годъ зашибешь. Какъ пить дать,—зашибешь. Да и то еще: кумъ Спиридонъ осенью промолвился, что въ его участкѣ тоже предвидѣлась лѣсная порубка, и кромѣ того было сказано имъ:

— Пойдутъ дѣла,—я могу пятьсотъ кредиту оказать!

А ужъ у него ли дѣло не пошло? Дай Богъ въ другіе годы такъ торговать, какъ снови торгуется!

И положилъ Петровъ непремѣнно съѣздить къ Спиридону Степанычу по первому же пути, какъ только растаетъ да провянетъ мало-мало.

И таяло дружно. На первый день еще не было пятнышка чернаго на коноплянникахъ, путь держало хоть куда, а на третій—ручьи побѣгли. Въ серединѣ же Святой на улицѣ у Петрова двора за выходомъ дѣвки съ парнями примяли доброе мѣсто для игръ и катанья яицъ. По такому времени линуть хорошему дождичку, и въ день будетъ черно.

Въ четвергъ утромъ вышелъ Петровъ изъ церкви. Обѣдня отошла рано по пасхальному. Солнышко только-только всплыло на небо, и блескъ его еще стлался вдали утренней краснотой. Оба порядка села дымились въ задумчивомъ бѣломъ туманѣ, и одѣтая за ночь хрусткой коркой тропа весело пощелкивала подъ тяжестью сапогъ. Народу на улицѣ не было. Только и видно, какъ впереди старательно и чинно ковыляетъ на разбитыхъ ногахъ сосѣдъ Мелентій. Петровъ прибавилъ шагу и легко догналъ его своей новой гордой походкой... Поздоровались, и Мелентій съ перваго слова принялся за свою очередную заботу о сынѣ-солдатѣ.

Петровъ не слушалъ сосѣда. У него были свои мысли, свои чувства. Съ наслажденіемъ подставляя то одну, то другую бородатую щеку пробуждающейся ласкѣ солнышка, онъ передумывалъ только-что бывшій на клиросѣ разговоръ.

Дьячекъ клялся, что батюшка серьезно хлопочетъ о смѣнѣ церковнаго старосты и мѣтитъ поставить вмѣсто Михея его.

И лестно было это Петрову, и брала какая-то опаска.

Скоро ужъ очень...—думалъ онъ весело.—Все бы годокъ поторговать передъ тѣмъ... Надобно бабѣ поговорить, она вцѣпится. Ха! Далъ же Господь мнѣ подругу жизни! Попадись ей что на линіи,—затопчетъ! Насядетъ такъ, что не въ моготу:

«будь да будь церковнымъ старостой»! Лестно. Да и до денегъ доберется ежели... Поди разбирай тамъ, кои свои, кои церковныя...

— Э-ээ-хе-хе!—вздохнулъ, ухмыльнулся, сталъ прислушиваться къ словамъ сосѣда. По отрывкамъ словъ уже догадался, что тотъ ладитъ занять у него денегъ, чтобъ послать солдату.

Пріятно и весело было и это. Какъ тамъ ни думай, какъ ни верти, а все къ нему идутъ люди,—не онъ къ людямъ. И рѣшилъ, что если Мелентій попроситъ—откажетъ ему:

— Я бы, другъ мой, вотъ съ какимъ удовольствіемъ, да только денегъ не держу при себѣ: на все про все жена у меня... Съ ней потолкуй!—Такъ скажетъ.

И толкуй поди съ Иванихой послѣ того. Съ ней, что съ бабой-Ягой связаться. Либо вовсе откажетъ, либо возъ хлѣба сгладитъ въ закладъ.

«Хе-хе-хе! Удобная баба... «троеручица»...

Такъ дошли они до дворовъ, какъ вдругъ надъ самой головой послышался рѣзкій свистъ птичьяго полета. Крупный сизый грачъ, облетѣвъ неуклюжій кругъ, камнемъ палъ на земь, встряхнулся, прихорошился, весело блеснулъ на проходившихъ мужиковъ темными дробинками глазъ, поднялъ кверху рѣшительный, какъ столярное долото, клювъ, сказалъ картаво:

— Порра!

Такъ и послышалось Петрову: «пора». И первая мысль послѣ того была: «Къ чему это онъ? Чего «пора»?»

А грачъ, зная хорошо, что «пора», мотнулъ хвостомъ, какъ вѣникомъ, взглянулъ на Петрова весело, знающе, улыбнулся, долбанулъ клювомъ мерзлую еще, но уже парную поверху землю, улетѣлъ съ радостнымъ зовущимъ крикомъ.

Петровъ взглянулъ ему вслѣдъ и долго не могъ опустить головы, слѣдя за улетавшей птицей, за тѣмъ, какъ она вытянула шею, подобрала подъ себя крючковатыя ноги, машетъ зазубренными крыльями.

«А вѣдь грачи! Прилетѣли ужъ»—пришла наконецъ ему въ голову нужная мысль, и тутъ же вспомнилось, что съ тѣхъ поръ, какъ себя помнитъ, каждую весну, онъ радовался прилету грачей, ждалъ его и загадывалъ за недѣлю, за двѣ впередъ,—когда это должно случиться? Теперь прилетъ этотъ пришелъ для него нежданно-негаданно.

«Грачи! Грачи! Прилетѣли»...

И словно подтверждая эту запоздалую догадку, по сочному бодрому воздуху, неслось дотолѣ незамѣченное:

— Грра! рра-а! аа-аа!

Это на ветлахъ, густо окружившихъ огороды, гнѣздились стаи черныхъ заботливыхъ птицъ и гомонили первымъ дѣловымъ гомономъ весны.

— Гляди-ко, шаберъ,—сказалъ онъ Мелентію, такимъ голосомъ, словно увидѣлъ необъяснимое чудо,—грачи-то! Прилетѣли!

И блестя глазами на огороды, сталъ безпокойно прислушиваться къ зовущему гомону птицъ.

— Эка-на!—отвѣтилъ Мелентій, неохотно отрываясь отъ налаженнаго разговора—чай ужъ съ недѣлю, какъ гомонятъ! И дружно пойдетъ матушка! Гляди, соху-борону припасать надоть. До Егорья бы не попахаться ноне...

Петрова потянуло взглянуть на то мѣсто, куда только-что клюнула носомъ веселая птица, и почудилась распластанная сохой борозда парная, крупитчатая съ осыпающимися крешками. А среди борозды тотъ же грачъ обираетъ червяковъ, степенный, важный, какъ слѣдуетъ быть всякой рабочей твари. И пахнулъ въ лицо легкій, щекочущій бороду, вѣтерокъ съ прѣлымъ и пряным духомъ талой, властно зовущей къ себѣ земли...

Голова у Петрова закружилась, какъ у застарѣлаго запойнаго пьяницы, который послѣ мучительныхъ долгихъ страданій по водкѣ, вдругъ учуялъ дразнящій живительный запахъ ея. Онъ даже покачнулся чуть-чуть, точно изъ-подъ ногъ его дернулъ кто-то дорогу. Пошатнулся и схватилъ за рукавъ Мелентія Яковлевича.

— Вотъ ты суди...—сталъ оправдываться передъ сосѣдомъ, немного оправившись.—Голова кругомъ пошла. Съ чего-ба?

— Что мудренаго!—пояснилъ спокойно Мелентій.—Ослабъ! Сидишь, не выходишь никуда!..

XI.

Покой оставилъ Петрова.

Куда-то дѣвалось недавнее самодовольство, веселыя думы, надежды на одно только хорошее впереди. Онъ затосковалъ, и затосковалъ вдругъ безудержно, самъ не зная, съ чего. Такъ бываетъ съ человѣкомъ, который все считалъ себя здоровымъ, полнымъ силъ, а докторъ вдругъ объявляетъ, что онъ на краю могилы.

Бурей понеслись по сердцу сомнѣнія. Все показалось не

такимъ хорошимъ и надежнымъ, какъ было еще вчера, сегодня утромъ.

Стыдно было за свои думы о должности церковнаго старосты, и выползала изъ глубины совѣсти вина передъ старикомъ Михеемъ, передъ сосѣдомъ Мелентьемъ. Опротивѣлъ вдругъ попъ, больше всего псаломщикъ, двуличность которыхъ всплыла съ поразительной яркостью.

И больно ударилъ по сердцу праздничный шумъ на улицѣ, подъ окнами, гдѣ на этотъ годъ парни съ дѣвками облюбовали мѣсто для игръ. Опротивѣла лавочка, Иваниха со льстивыми и властными пересудами.

Два дня просидѣлъ онъ въ избѣ безвыходно наединѣ со своими думами, отговариваясь нездоровьемъ. Потомъ усталъ думать, усталъ хандрить.

— А вѣдь ослабъ я... ослабъ!—ухватился онъ за оброненное сосѣдомъ слово утѣшенія.— Не выхожу никуда... Одинъ... Туда-сюда одинъ... надо пойти.

Захотѣлось людей, хорошихъ душевныхъ разговоровъ, безкорыстнаго привѣта. Выйти же, кромѣ своей собственной лавочки, некуда.

Въ субботу вечеромъ въ лавочкѣ пьянствовали. И когда Петровъ, гонимый тоской, вошелъ въ нее,—еле перемогся. То давнишнее безобразіе, которое Иваниха сѣяла-ростила безъ него, дало полный цвѣтъ.

Цѣлая ватага мужиковъ выпивала открыто, какъ въ кабакѣ. Пили, тутъ же плевали, сорили костями селедки и яичной скорлупой, ругались и срамословили.

Иваниха ходила возлѣ лисой, льстила тѣмъ, кто богаче, торопилась услужить. Домка дура - дурой стояла наружи, караулила, чтобъ кто-нибудь изъ начальниковъ не накрылъ всѣхъ нечаянно.

— Ааа! Безземельный! Самъ пожаловалъ!

Заржалъ навстрѣчу Петрову широкимъ пьянымъ смѣхомъ десятокъ глотокъ, и Максимка Багай съ налитой дополна стопкой полѣзъ къ нему съ видомъ постояннаго собутыльника:

— Ну-ка! Урѣжь!

Петровъ строго отвелъ максимкину руку со стопкой, съ негодованіемъ напустился на жену:

— Ты гляди у меня, курва! Я за тебя не отвѣтчикъ! Насидишься въ острогѣ!

— Что-й-то ты, Господи? — заметалась безпокойно Иваниха.—Типу те на языкъ! Чать дѣвка тамъ караулитъ...

И тутъ же высунулась въ дверь, крикнула, строжась:

— Ты тамъ! въ оба гляди! Видишь, отецъ сердится!

Петрову хотѣлось толкнуть что-нибудь, разбить съ досады, нагрубить, изругаться. Его гнѣвъ не только не дѣйствовалъ на бабу, но она,—нарочно ли, нѣтъ ли — перетолковывала его на свой выгодный ладъ.

— Ну и аспидъ баба! Чортъ, одно слово!

А Максимка опять прилипъ со своей стопкой:

— Ну-ка! будетъ тебѣ! Не фордыбачь, не порть компаніи... Петровъ, говорю, выпей что ль!..

Петровъ молча, сопя и хмурясь, прошелъ за стойку, вынулъ изъ-подъ прилавка записную тетрадь, сталъ рыться въ ней.

— Ну, хоть пригубь, что ли, черный те береги! Экій камень, право! Выпей же! На! Не отстану!

Петровъ не переставалъ строжиться, дѣлалъ видъ, что занятъ счетомъ, а Максимка такъ крѣпко прилипъ подъ дружный смѣхъ мужиковъ, что пришлось уступить. Взялъ въ руку стопку. Взялъ и смутился, не знаетъ, что дѣлать съ виномъ: вылить на полъ,—шумъ поднимутъ, пить—противно.

Пригубилъ, сплюнулъ, отдалъ стопку, отвернулся.

Максимка успокоился, стопка пошла гулять по рукамъ, но Петрова не оставили въ покоѣ. Подошелъ Горошкинъ, малознакомый мужикъ изъ Зарѣчнаго конца. Дыша пьянымъ перегаромъ прямо въ носъ Петрову, заговорилъ просительно:

— Эй, сватъ! Сватъ Иванъ! Сватъ! Ты мнѣ уважь? Сдѣлай уважечку хорошему человѣку? Такъ я молвлю, аль нѣтъ? Пару сошниковъ... одолжи? ей-ей отдамъ! Разрази меня громомъ! Утроба моя вывались, ежели я...

Лѣзъ, черезъ силу крестился разбитыми отъ долгаго пьянства пальцами, таращилъ деревянные глаза.

— Къ ярморкѣ... Картошку продамъ... Американки! Во-о! Съ ребячью голову! Изъ барскихъ сѣмянъ...

Петрова тошнило, хотѣлось отпихнуть отъ себя пьянаго наяна и уйти, куда глядѣли глаза.

— Отойди! — сказалъ онъ, морщясь,—сошниками мы не торгуемъ, да и въ долгъ не даемъ...

Горошкинъ дѣйствительно отошелъ, помоталъ въ сторонѣ головой и вдругъ рѣшительно шагнулъ опять въ сторону Петрова. Уперся въ него мутнымъ одичавшимъ взглядомъ, сталъ ругаться:

— Ахъ, ты, сквалыга безземельная! Кровь нашу пьешь? Хрестьянскую!.. Сѣлъ на мірскую шею, да и рыло къ небу?! Нѣ-тъ, вре-ешь!

Сталъ, качаясь, засучивать рукава.

Петровъ оглянулъ косымъ исподлобья взглядомъ наступающаго на него пьянаго мужиченку, перевелъ взоръ на другихъ мужиковъ. Всѣ замѣтили, что Горошкинъ лѣзетъ въ драку, что скандалу не миновать стать, притихли, глядятъ съ любопытной надеждой. Нѣкоторые уже смѣются, явно сочувствуютъ пьяному. Вотъ-вотъ крикнетъ кто-нибудь:

— Ну, вали-вали! Дай ему!

«Да что я имъ, волкъ забѣжалый, что ли?—думалъ Петровъ, чувствуя, какъ трусливая слабость отнимаетъ руки и ноги.

И на мигъ показалось, что стоитъ онъ не у себя въ лавкѣ за широкимъ прилавкомъ, окруженный знакомыми мужиками, а въ лѣсномъ оврагѣ глухой ночью одинъ на одинъ съ разбойниками.

Горошкинъ подходилъ медленнымъ шагомъ кулачнаго бойца, глядя быкомъ, вытянувъ впередъ лѣвую голую руку съ дрожащимъ отъ натуги кулакомъ и наотлетъ размахнувшись правой рукой, тоже сжатой въ кулакъ.

«Ударитъ вѣдь...»—металось въ Петровѣ боязливое безпокойство. И сталъ ждать удара съ тѣмъ тупымъ сознаніемъ неизбѣжности, съ какимъ десятки крѣпкихъ здоровенныхъ мужиковъ гнутся подъ тумаками и затрещинами гнѣвнаго старшины или пристава.

Однако Горошкинъ такъ и не ударилъ Петрова. Иваниха пробралась сквозь толпу ухмылявшихся мужиковъ, ухватила сзади буяна за шиворотъ и съ силой, какой нельзя было ждать отъ бабы, повалила на землю, дала пинка.

— Ахъ ты, пащенокъ! Пришелъ въ люди, да драться! Не смѣй! Ишь, онъ выискался! «Уважь, а то въ морду»! Я вотъ те дамъ въ морду! Вонъ изъ лавки, драчунъ!..

Натискъ Иванихи былъ такъ непредвидѣнъ, а главное, такъ нежданно побѣденъ, что всѣ молчали, конфузились. Потомъ дружно встали на ея сторону, разлились густымъ одобряющимъ хохотомъ:

— О-го-го-го-о! вотъ такъ баба! Ай да Иваниха!

— Эта постоитъ за себя! Въ пору мужику! Ха-ха-ха-ха!

— Я постою! — харахорилась Иваниха, выпроводивъ за дверь сконфуженнаго Горошкина, который хоть и ругался на улицѣ, но такъ только, для приличія.

— Я въ своемъ правѣ! да! — все выше и выше брала голосомъ баба, подпирая широкія, какъ ступа, бедра вывернутыми ладонями,—не тронь меня, да! А то я сама трону!..

Долго и много смѣялись, одобряя Иваниху. Максимка Багай полѣзъ цѣловаться:

— Ээ-эхъ, кума! Король баба! Люблю такихъ, въ ротъ те перцу! А мужъ у тебя—валухъ! Ей-ей валухъ! Ему бы не возлѣ тебя... въ ясляхъ стоять ему! мякину жевать... А тебя я поцѣлую! поцѣлую въ уста!

Петровъ глядѣлъ, какъ жена цѣловалась съ пьянымъ мужикомъ и съ брезгливымъ ужасомъ замѣтилъ, что ей не противно это. Расцвѣла даже, стала пунцовой, выкатила грудь навстрѣчу ему, на подобіе гулящей солдатки.

— У-у! безстыдница! срамъ... срамъ...

Она же, вырвавшись отъ Максимки, сразу оборвала смѣхъ, заговорила съ мужемъ, и въ голосѣ ея было новое, пренебрежительное:

— Что торчишь тутъ безъ толку? На-ко вотъ! Дѣвкѣ недосугъ, засунь куда понадежнѣе, а то со зла ка-бы къ стражнику не пошелъ окаянный...

Дала ему въ руку кошелку съ пустыми бутылками, опять повернулась къ Максимкѣ, опять заулыбалась.

Петровъ устало побрелъ съ кошелкой въ рукахъ изъ лавочки вонъ.

С. Аникинъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗОВЫ.

Сквозь шумъ дубровы,
Сквозь пѣнье птицъ—
Я слышу зовы
Отроковицъ.
Я слышу эхо
Въ лѣсной глуши:
Раскаты смѣха,
Восторгъ души.....
Шумятъ дубровы,
Журчатъ ручьи.....
Я слышу зовы,—
Не знаю, чьи.....
Зоветъ ли счастье
Иль манитъ бѣсъ?
Земли ненастье
Иль свѣтъ небесъ?
Но эти зовы
Въ лѣсной глуши,
Во мглѣ дубровы,—
Такъ хороши!
Шумятъ дубровы,
Журчатъ ручьи.....
Я слышу зовы,—
Не знаю, чьи.....

Влад. Фишеръ.

ЗЕМНЫЕ СТРАННИКИ.

Повѣсть.

Въ это воскресенье, какъ всегда, Авиловъ и Степанъ Вилочкинъ сидѣли на террасѣ съ колоннами, выходящей въ садъ, и пили чай съ баранками и душистымъ медомъ, который принесъ на пробу пасѣчникъ Матвѣй.

Схлынула жара долгаго іюльскаго дня; спряталось солнце золотымъ яблокомъ въ густую зелень липъ; по низамъ, изъ кустовъ и травы прохладой потянуло, съ клумбъ—запахомъ резеды.

— Дни-то какіе Господь посылаетъ...—сказалъ Авиловъ, мягкимъ ртомъ своимъ разжевывая намоченный крендель и вѣткой отгоняя, липнувшихъ къ плѣши и открытой полной шеѣ, щекотныхъ мухъ.—Если бъ да такая погода простояла съ мѣсяцъ, успѣли бы убраться. Въ газетахъ пишутъ—іюль будетъ хорошій, но что-то не вѣрится: и въ прошломъ, и въ позапрошломъ году іюль былъ мочливый.

— Старики говорятъ—станетъ ведро. И по всѣмъ примѣтамъ думается, что вѣрно,—также не торопясь, отвѣтилъ Степанъ, бережно откусилъ кусочекъ сахара, бережно втянулъ въ себя съ блюдечка горячую струю жиденькаго чая.

Онъ сидѣлъ, степенный и красивый въ этой своей холщевой рубашкѣ, вышитой по вороту краснымъ крестикомъ, съ этимъ своимъ худымъ загорѣлымъ лицомъ, на смуглости котораго пронзительно голубѣли глаза и золотилась раздвоенная курчавая бородка. И хотя стукнуло ему сорокъ пять лѣтъ, но былъ онъ еще станомъ прямъ и строенъ, а въ русыхъ, на проборъ расчесанныхъ волосахъ чуть замѣтно вились серебряныя нити.

Рядомъ съ Авиловымъ, въ своей сухости и статности касался онъ молодымъ, хотя разница въ годахъ между обоими была не велика. Но уже тяжело, по-старчески расплылся ба-

ринъ, сѣть грустныхъ морщинъ покрывала его дряблое лицо съ добрыми выпуклыми глазами и сѣдыя космы торчали вокругъ высокаго облысѣвшаго лба. Никогда, несмотря на свою видимую дородность, не отличался онъ крѣпкимъ здоровьемъ, а за послѣдніе годы все чаще жаловался на одышку, сердцебіеніе и безсонницу. Волновался онъ изъ-за каждаго пустяка и разстраивался каждой мелочью.

Такъ и теперь, когда заговорили о погодѣ и объ уборкѣ хлѣба—тяжело вздохнулъ и безпокойно завозился въ соломенномъ креслѣ.

— Въ прошломъ году запоздалъ—дожди пошли, все Тормасовское поле пропало. Рѣшилъ на этой недѣлѣ, послѣ именинъ своихъ начать косить: на рядахъ дойдетъ... Вамъ хорошо: у васъ руки свои, не наемныя, а поди съ артелью повозись: однѣхъ распашенокъ сорокъ человѣкъ, да поденныхъ около того... День дождливый, работа стоитъ, а расчетъ—пожалуйте.

Уже темнѣло лицо, дергалась правая щека и ротъ страдальчески перекашивался.

— Дастъ Богъ, управишься, Владиміръ Николаевичъ! А косить еще рановато,—успокоительно замѣтилъ Степанъ.—Налива настоящаго нѣтъ, все равно потеря будетъ.

Но уже о чемъ-то другомъ думалъ баринъ, уронивъ руку съ вѣткой на колѣни и не отгоняя отъ себя липкихъ мухъ. Тоскливо смотрѣли близорукіе глаза вглубь липовой аллеи, гдѣ, влажно синѣя, встазали сумерки и бѣлымъ пламенемъ пылали кусты жасмина.

— Къ именинамъ моимъ Варя и Надежда обѣщали непремѣнно пріѣхать... Что же, пора! А то совсѣмъ забыли отца.

Степанъ зналъ, что старику хочется поговорить о дочеряхъ, потому промолчалъ, опрокинулъ чашку вверхъ донышкомъ, терпѣливо положилъ руки на колѣни.

— Конечно, вполнѣ сознаю,—грустно растягивая слова, продолжалъ Авиловъ,—что имъ здѣсь скучно: никакихъ развлеченій я имъ дать не могу, удобствъ тоже мало, но слѣдовало бы заглянуть, слѣдовало бы вспомнить, что только для нихъ тяну лямку. Онѣ — сироты, росли безъ матери, и я обязанъ поставить ихъ на ноги крѣпко, довести до конца. Вотъ годика черезъ два Варя и Надюша кончатъ курсы, тогда—баста. Тогда и я скажу: «нынѣ отпущаеши». А пока немногаго прошу отъ нихъ: пріѣдутъ, вспомянутъ, поживутъ—съ меня и довольно. Дѣвочки онѣ у меня умныя, толковыя, правда, еще легкомысленны, но на то и молодость...

Опустилъ глаза Степанъ, не поднималъ. Какъ могъ онъ сказать Авилову то, что знала вся деревня, о чемъ съ издёвкой и смѣшкомъ болтали бабы и съ большой къ барину жалостью говорили степенные мужики: не хозяйки и не умницы выросли въ Хотяновскомъ домѣ, а дѣвки-распустехи, треплющія хвосты по дорогамъ. Ни отъ кого, кромѣ старика, не было скрыто, что творилось въ домѣ лѣтомъ, когда пріѣзжали барышни, а вслѣдъ за ними каждый разъ новые кавалеры въ тужуркахъ и косоворткахъ. До обѣда въ постеляхъ валялись, днемъ барышни по саду у пруда нагишомъ бѣгали, а вечеромъ поднимался дымъ коромысломъ; управляющій Арсеній, которому старикъ довѣрялъ, привозилъ изъ города сладкую водку, наливку, пиво, и шли кутежи въ саду, либо на гумнахъ, до разсвѣта. Люди на работу собирались, а барышни съ кавалерами изъ соломы вылѣзали и въ домъ черезъ окна прыгали. Всѣ знали, что одно время, къ младшей Надеждѣ ходилъ конюхъ Пашка, зубоскалъ и красавецъ, что старшая, Варенька, беременная пріѣзжала и съ бабкой Мариной въ банѣ парилась, а потомъ пролежала цѣлый мѣсяцъ и тощая въ Москву уѣхала.

Изъ барскаго дома на деревню все какъ по водѣ доплывало, и только самъ отецъ ничего не зналъ, ждалъ пріѣзда дочерей словно подарка и всѣ жалкія крохи, остававшіяся отъ платежей въ банкъ, отсылалъ имъ, самъ нуждаясь во многомъ.

И Степанъ, котораго связывала съ Авиловымъ старинная дружба и который видѣлъ, какъ живетъ тотъ въ своемъ пустомъ заброшенномъ домѣ, какъ мечется изъ петли въ петлю и слабѣетъ здоровьемъ—часто, распалясь сердцемъ, хотѣлъ все разсказать, но въ послѣднюю минуту осмѣлиться не могъ и наводилъ разговоръ издалека, обиняками.

Такъ и теперь, захвативъ бородку загорѣлой рукой, сказалъ, вперяя въ старика свои быстрые, умные глаза:

— Очень ты маешься, Владиміръ Николаевичъ. О своихъ дочкахъ большую заботу имѣешь... А дочка, батюшка, какъ птица кукушка: въ чужое гнѣздо глядитъ, отъ своего летитъ. Ты къ нимъ душой лѣпишься, а у нихъ въ головѣ свое... Народъ молодой, быстрый... Не со вчерашняго дня мы съ тобой другъ-дружку знаемъ, а не вижу я жизни твоей облегченія... Думается, о себѣ ты долженъ заботу имѣть, себя-то ты позабылъ...

Вздохнулъ Авиловъ, тяжело поднялся, шлепая туфлями, по террасѣ прошелся... Торчали вокругъ плѣши сѣдыя космы, грусть опустила углы мягкаго, добраго рта. Какъ всегда слова

Степана, ясныя, простыя, шли въ душу, бодрили ее, будили какія-то твердыя рѣшенія.

— Правда твоя: усталъ я. Ахъ, какъ усталъ! Правда: пора о душѣ подумать, а то идетъ время, бѣжитъ—оглядываться не успѣваешь. Въ монастырь мнѣ нужно. Давно хочу. Тамъ успокоюсь.

Тряхнулъ головой Степанъ, упрямая складка свела его густыя брови.

Уже давно, въ бесѣдахъ съ Авиловымъ кружились они вокругъ этихъ далекихъ монастырскихъ стѣнъ, въ которыхъ хотѣлось найти послѣднее успокоеніе. Но съ тѣхъ поръ, какъ сходилъ Степанъ въ дальній сѣверный монастырь и видѣлъ тамъ безобразія великія,—усомнился въ крѣпости бѣлыхъ стѣнъ и пересталъ думать о нихъ, какъ о прибѣжищѣ.

— Зачѣмъ въ монастырь, Владиміръ Николаевичъ?! Будто ужъ на міру покоя найти нельзя.

— На міру, Степанъ, все некогда. Я бы вотъ, можетъ, Евангеліе посидѣлъ - почиталъ, а мнѣ въ поле ѣхать надо; я бы, можетъ, лишній часъ помолился, а ко мнѣ Арсеній пришелъ... Досуга нѣтъ и мыслями я разбросанъ.

— Отъ разстройства дѣлъ все выходитъ. Ты прости мнѣ слово мужицкое, но больно дѣла твои не въ порядкѣ.

Развелъ руками Авиловъ, безпомощно, какъ ребенокъ, опять со вздохомъ опустился въ скрипучее кресло.

— Самъ знаю, да что подѣлаешь?! Сижу въ петлѣ — правда.

Тогда, подвинувшись совсѣмъ, такъ, что рука его коснулась колѣнъ барина, сталъ говорить Степанъ отчетливо—быстро, точно косой откладывая рядъ за рядомъ. Два смуглыхъ пятна проступили на худыхъ скулахъ его, и въ разжатыхъ губахъ засверкала ровная полоса зубовъ.

— Ежели бы мнѣ такую землю, какъ Хотяновская, въ кулакъ бы я ее зажалъ, не выпустилъ. А у тебя она запущена: самъ не поспѣваешь, другіе до нея не доходятъ. Вездѣ недосмотръ. Опять-таки: на кого работаешь? Не на себя, на казну... И выходитъ: не батракъ ты и не хозяинъ. Что я тебѣ толкую: сдай въ аренду землю, съ постройками, значитъ, и со всей худобой, чтобы проценты эти самые другой выколачивалъ... А себѣ оставь для нужды... Садомъ, вонъ, занимайся, онъ у тебя богатѣйшій... Живи спрохвала: лучше монастыря всякаго. Тамъ тоже на міру живутъ и о дѣлахъ мірскихъ пекутся, брюхо себѣ ростятъ, мошну набиваютъ. Видѣлъ я ихнія земли, угодья и скотину. Коровы—

во, что твоя печь, быкъ племенной полторы сажени въ длину, тремя цѣпями прикованъ; на огородахъ—капуста, рѣпа, всякое продовольствіе... Правда, и служба у нихъ долгая, и правила строгія, а только для показу это: сами на землѣ сидятъ твердо, землей владѣютъ.

— Напрасно! Ахъ, какъ ты это напрасно говоришь, Степанъ,— покачалъ головой Авиловъ и устало сомкнулъ красныя отъ безсонницы вѣки, устало пошевелилъ пальцами сложенныхъ на груди крестъ на крестъ рукъ.—Если такъ разсуждать—выходитъ, что не было подвига духовнаго, не было праведниковъ и старцевъ, плоть и тлѣнъ побѣдившихъ. А читаемъ мы въ вѣкахъ прошлыхъ и настоящихъ, начиная со святыхъ апостоловъ, что тосковали люди о душѣ своей, суетой плѣненной, и бросали домъ свой и все нажитое, и уходили въ рубищѣ, босые по дорогамъ, или въ лѣса, или въ пустыни...

Перевелъ духъ Степанъ, потемнѣли у него зрачки, расширились и поверхъ барина строго передъ собой взглянули.

— Ежели такую силу въ себѣ человѣкъ возымѣетъ и сердцемъ отъ всего отвратится, то уйдетъ босымъ—вѣрно. Не нужны ему тогда ни земля, ни домъ, ни монастыри, ни уставы: свой уставъ найдетъ. Только не всѣмъ дано... Такъ ужъ лучше на міру жить.

Погасъ вдругъ, губы сжалъ и за картузъ взялся.

— Ну, семъ пойду, Владиміръ Николаевичъ. За угощеніе— спасибо. Хотѣлъ тебѣ попомнить: послѣзавтра въ городъ ѣду, телушку на базаръ веду... Можетъ, что привезти прикажешь.

— Да, нѣтъ, ужъ Арсенія пошлю: все равно къ именинамъ кое-что нужно... Думаю, Надя съ Варей подъѣдутъ. Очень я ихъ жду, очень скучно что-то...

Стоялъ такъ на ступенькахъ—высокій, грузный въ своихъ просторныхъ полотняныхъ одеждахъ, съ этимъ выпуклымъ лбомъ и тоскливымъ взглядомъ, устремленнымъ вглубь липовой аллеи, по которой осенью бродилъ и бродилъ, слушая шорохъ опадающихъ деревьевъ, и на которой было издумано столько думъ... Еще разъ, когда Степанъ уже отошелъ, вдругъ окликнулъ его, точно еще что-то сказать хотѣлъ, самое важное, нужное, но рукой махнулъ, повернулся и медленно, весь бѣлый, вошелъ въ темноту раскрытыхъ, чего-то ждущихъ дверей... Потомъ, когда самъ съ собою Степанъ вспоминалъ этотъ часъ и то, какъ жалобно окликнулъ его старикъ и какъ покорно и тяжко вошелъ въ домъ, — ужасался слѣпотѣ человѣческой, которой впередъ знать многаго не дано.

* * *

Первыми богатѣями на селѣ считались Вилочкины. Но знали всѣ, что богатство ихъ въ домъ пришло черезъ Степана, имъ и держалось. Самъ старикъ Гаврила или, какъ называли его домашніе, «папашка», былъ мужикъ придурковатый, болтливый и до водки большой охотникъ, остальные же сыновья его, Ѳедоръ, Алексѣй и Ѳома, отличались только тѣмъ, что всякую работу могли ворочать, какъ медвѣди, а покорны были, какъ телята. Поразвязнѣе другихъ держался Алексѣй, прослужившій два года во флотѣ и оттого сохранившій кличку «матросъ», но и онъ при Степанѣ ходилъ ниже травы, тише воды и, въ скорости по возвращеніи своемъ въ деревню, весь форсъ свой спустилъ: отъ прежней удали и фатовства осталась у него лишь матросская фуражка, которой онъ любилъ щегольнуть на выгонѣ передъ дѣвками.

Всѣмъ верховодилъ Степанъ и такъ повелось въ семьѣ, что никто прекословить ему не смѣлъ и противъ воли его идти не могъ: что старшой обрѣшитъ, то, значитъ, и хорошо, тому, значитъ, и быть. А Степанъ совѣта ни съ кѣмъ не держалъ, мысли свои про себя думалъ и — волей твердый, умомъ крѣпкій—держалъ всѣхъ въ горсти.

Никакого баловства въ семьѣ не разрѣшалось: чаевъ-сахаровъ не знали, о табакѣ и помину не было. Носили все свое, домотканное: рубахи, порты, понявы, онучи, полушубки; кромѣ баранины соленой, да и то по праздникамъ, ничего не видали, хлѣбъ пекли съ мякиной. Не смѣли бабы утаить отъ зоркаго глаза Степана ни горшка масла, ни куска холстины: на аршинъ въ землю закопай—увидитъ. Какія деньги на поденкахъ зарабатывали, въ семью несли. Знали твердо: пока живъ Степанъ, было все и будетъ семейскимъ, никто своей копейки въ глаза не увидитъ.

Жили Вилочкины по-черному и тѣсноту терпѣли большую. Лѣтомъ еще кое-гдѣ размѣщались: уходили спать на гумна, каюты себѣ изъ досокъ сколачивали, но зимой валялись гдѣ ни попало: на лавкахъ, на печи и на полатяхъ, подъ которыми держали всякую живность.

Степанъ строиться не хотѣлъ, денегъ жалѣлъ, такъ и толклись, будто въ хлѣву, будто такъ и нужно.

Мужикамъ—тѣмъ хоть легче приходилось: все на дворѣ, на вольномъ воздухѣ работаютъ, а бабы слѣпли отъ темноты и ребятъ хоронить не успѣвали. Женъ Вилочкины брали себѣ изъ однодворокъ, какихъ побѣднѣе, безсловесныхъ и покорныхъ. Можетъ-быть, онѣ когда-нибудь плакали и жаловались, но

слезъ тѣхъ никто не видалъ и жалобъ не слыхалъ. Оттого, со стороны глядѣться, въ семьѣ обстояло все ладно и дружно; люди Вилочкинымъ удивлялись и завидовали.

Правда, ужъ очень степенны были мужики, и молчаливы бабы; правда, ни въ избѣ, ни на дворѣ, ни въ поляхъ никто не шутилъ, не смѣялся и пѣсенъ не игралъ: ходили всѣ темные, тяжелые, зубы сжаты, глаза въ землю, работали до безчувствія. Другихъ не жалѣлъ Степанъ, да и себя тоже: раньше всѣхъ вставалъ, позже ложился. На косьбѣ и на пахотѣ всегда передомъ шелъ—никому не угнаться: все торопился, все времени не хватало...

А на дворѣ добрѣла скотина, черный жеребецъ столбы выворачивалъ, коровы въ двери не влѣзали; зерно въ закромахъ не переводилось, и земля прибывала десятина за десятиной. Уже пріѣзжалъ лавочникъ Мартынъ, запросто, за руку здоровался и о дѣлахъ бесѣдовалъ; уже отецъ Петръ къ себѣ послѣ обѣдни на пирогъ зазывалъ, пользуясь случаемъ посовѣтоваться: когда начинать сѣвъ и нужно ли попридержать хлѣбъ въ амбарѣ или гнать въ городъ; уже мужики побѣднѣе и побогаче Степана по отчеству величали и всякое ему уваженіе оказывали. И хотя Вилочкинъ грамотѣ не зналъ, но умѣлъ съ каждымъ поговорить, счеты велъ на память и слова своего держался крѣпко. Правда, поговаривали, что ласковостью своей и обходительностью можетъ онъ человѣка обойти, копейку выжать всегда сумѣетъ, а когда нужно, то и рубаху сыметъ—совѣсти хватитъ, но отъ словъ тѣхъ добро у Степана не убывало и разстройства въ дѣлахъ своихъ онъ не чувствовалъ, наоборотъ: что задумывалъ крѣпко—все удавалось, будто по заказу.

И часто, глядя на сына, сама себѣ удивлялась старая Алена, какъ могла она отъ придурковатаго Гаврилы родить такого разумника, какимъ всѣ считали Степана. А когда объ этомъ заходили разговоры съ бариномъ или съ о. Петромъ, то каждый разъ старуха разводила руками и качала головой:

— Сама ума не приложу, въ кого онъ такой.. Отъ другихъ обиды не вижу, но ужъ Степанъ Гавриловичъ такой уважительный, и-и... такой...

Большаго Алена сказать не умѣла и только жевала беззубымъ ртомъ, а на ея мутные, но все еще красивые, голубые, какъ у Степана, глаза, набѣгала старческая слеза.

Всѣ: сыновья и внуки, которые жили и которые умерли, были близки и дороги, какъ пальцы на рукѣ, но Степанъ ка-

зался всѣхъ дороже и любимѣе, какъ глазъ, какъ нѣчто отмѣнное, ни съ чѣмъ несравнимое. И то, что былъ онъ первенькій, что родился подъ Свѣтлый Христовъ праздникъ, сразу весь кучерявый, утверждало Алену въ мысляхъ, что отъ Господа посланы Степану и разумъ, и обходительность, и удачливость. Никто его не наставлялъ, въ школу не ходилъ, самъ выравнялся, самъ до всего дошелъ и былъ теперь въ семьѣ, какъ матка въ ульѣ: всѣмъ нужный и всему старшой. Но видѣла также старая, что ни минуты не знаетъ Степанъ покоя: сонъ у него короткій, дума долгая, и ей, прожившей съ нимъ всю жизнь, казалось—будто никогда не зналъ Степанъ молодости, потому что никогда не помнила она его пьянымъ, разгульнымъ, веселымъ.

Съ женой своей, бабой кроткой и тихой, пожилъ недолго. Никогда промежъ нихъ ссоры не было, не было и ласки. Похоронилъ жену Степанъ, въ Соловки сходилъ, и не горевалъ, будто не вспоминалъ, только аккуратно въ день кончины просфору вынималъ за упокой души рабы Божьей Анны. Съ тѣхъ поръ вдовства своего не нарушалъ и ни одну невѣстку словомъ не обидѣлъ, будто молодыхъ красивыхъ бабъ для него и не было.

Слышала только часто Алена по ночамъ, когда другіе спали, какъ ворочается и вздыхаетъ Степанъ; но что на душѣ у любимаго сына дѣлается, спросить боялась, да и врядъ ли бы открылся ей Степанъ: привыкъ свои думы про себя думать.

* * *

Черезъ два дня послѣ разговора съ Авиловымъ поѣхалъ Степанъ, какъ говорилъ, въ городъ покупать новыя косы, да кстати телушку бурую двухгодовалую на базаръ повелъ. Думалъ обратно не позже полдней вернуться, но запоздалъ и когда справилъ всѣ дѣла и увязалъ покупки,—завечерѣло.

Пока шлагбаумъ проѣхалъ, пока мостъ шагомъ миновалъ и съ горы спустился, сошла позолота съ неба, и ночь сковала поля серебрянымъ обручемъ, напоила тишиной.

Дорога бѣжала большакомъ, безшумно-пыльно стелилась, а по обѣимъ сторонамъ ея гривой клонилась сонная рожь, тяжелая зерномъ, дышащая парнымъ хлѣбнымъ запахомъ.

Выѣхавъ на ровное, сытый пѣгій меринъ сразу пошелъ размашистой рысью, легко унося за собой погромыхивающую телѣжку. Сидѣлъ Степанъ на плотно убитомъ сѣнѣ, мѣрно покачивался, надвинувъ на глаза картузъ.

За весь долгій день въ толкучкѣ на базарѣ притомился, и теперь дрема ныла въ тѣлѣ, завораживала, тянула въ тихую глубину; тогда, будто медленно опускаясь на дно, Степанъ вдругъ терялъ мысли свои—все, о чемъ крѣпко и неспѣша думалъ днемъ: и телушка, и близкая косьба, и покупки, и счета оставались гдѣ-то далеко позади за стукомъ колесъ, а въ нихъ вплетался новый звукъ, протяжный и пѣвучій, похожій на однообразную, грустную пѣснь... Было хорошо и сладко вслушиваться въ жалобные переливы, но мучило то, что голосъ такъ глухъ, зыбокъ, бѣжитъ впереди и понять нельзя, вѣтеръ ли поетъ, ночь ли, человѣкъ...

Потомъ опять, отъ толчка телѣги, отъ глухого лязга подковъ Степанъ приходилъ въ себя, оправлялся на сидѣніи, оглядывался, но все такъ же, по обѣимъ сторонамъ дороги, дремотно клонились хлѣба, мягко шурша спѣлымъ колосомъ, все такъ же уплывалъ раскачиваясь бѣлый задъ мерина, равномѣрно тарахтѣли колеса, вдаль и вширь притаилось ночное безлюдье.... И уже не зналъ Степанъ, гдѣ сонъ, гдѣ явь. Уже сливалось все въ одинъ мглистый зыбкій туманъ, въ единый пѣвучій звукъ.

Уже не по большаку въ телѣгѣ ѣхалъ Вилочкинъ, а кружился въ снѣжныхъ поляхъ съ бариномъ Авиловымъ, какъ двадцать лѣтъ назадъ, когда подъ Николу зимняго застала ихъ метель на Буреломской горѣ. Какъ тогда, сидѣли они привалившись другъ къ дружкѣ, неподвижные, молчаливые и плыли съ вала на валъ въ бездонность бѣлаго вихря. А голосъ, жалобный и далекій, выросталъ, приближался, и зналъ теперь Степанъ, замирая сердцемъ, что идетъ на нихъ метель съ воемъ и плачемъ, хоронить ихъ въ наметанныхъ сугробахъ... Сыпался жгучими искрами снѣгъ, слѣпилъ глаза, и хотѣлъ, но не могъ понять Степанъ: день ли кругомъ, ночь ли, прошли минуты, часы или годы съ тѣхъ поръ, какъ ѣдутъ они такъ съ бариномъ, точно крестовые братья, готовые принять одну смерть. Но зналъ одно: нельзя спать, нельзя угашать того тепла, что, какъ тихое пламя, дрожитъ на губахъ: дышать нужно и слушать, какъ дышешь.

Зналъ это, хотѣлъ повернуться къ барину и сказать ему, но не двигались застывшія руки, окаменѣвшія губы... А со всѣхъ сторонъ въ бѣлизну вьюги вливалась грозная тяжелая чернота, и чувствовалъ Степанъ: все грузнѣе наваливается ему на плечо тѣло барина, раскачивается упрямо-тупо, какъ трупъ утопленика на волнахъ... Страшнѣе мрака, свиста, рева было это нѣмое колыханіе, эта каменная тяжесть...

И почудилось Степану, что, собравъ послѣднія силы, рванулся онъ, привсталъ, обѣими руками охватилъ засыпанное снѣгомъ тѣло, отмахнулъ воротникъ и своими теплыми губами прикоснулся къ губамъ барина... Но были онѣ мертвы, и холодъ, исходившій отъ нихъ, пронизалъ Степана до костей, впился въ сердце леденящимъ жаломъ.

. . . . . .

Хотѣлъ крикнуть Степанъ, очнулся, натянулъ возжи, дико озирался: упалъ съ него картузъ, мѣшокъ съ мукой навалился на плечо... Стояли въ логу, по низинѣ туманъ курился, пахло прѣлью.

И вдругъ ударилъ Вилочкинъ мерина, погналъ, не разбирая дороги...

Черезъ полчаса на рысяхъ въѣхалъ въ деревню. У избы съ фонаремъ въ рукѣ стоялъ Алексѣй. Онъ далъ Степану слѣзть и сказалъ:

— Бѣги на барскій дворъ... Баринъ, вишь, помираетъ!

.....Когда бѣжалъ Степанъ по плотинѣ, мимо конторы и людской, около которой испуганно жался въ темнотѣ народъ, узналъ, что случилось несчастіе съ Авиловымъ въ полѣ: засталъ онъ скотину въ овсахъ, накричалъ на пастуха и, немного отъѣхавъ, съ дрожекъ упалъ. Говорили, что отнялся у него языкъ и вся правая сторона, что Арсеній уѣхалъ за батюшкой и за докторомъ, и никто не знаетъ, чѣмъ помочь.... Еще о чемъ-то шептались, но уже не слушалъ Степанъ: ощупью, по ступенькамъ съ чернаго хода вбѣжалъ въ кухню, гдѣ, какъ всегда, коптѣла мутная лампа и роями кишѣли черныя мухи. Выскочила стряпуха, грязная, перепуганная, въ красномъ платкѣ на бокъ, тоже что-то зашептала, но, быстро разстегивая крючки душившаго его армяка, мимо нея дальше прошелъ Степанъ по длинному корридору, въ которомъ безбоязненно-блудливо шмыгали крысы...

Проходя мимо лѣстницы, ведущей на антресоли, гдѣ лѣтомъ жили барышни и гдѣ стояла теперь жуткая тишина, Степанъ подумалъ, что нужно немедленно выписать дочерей; но уже зналъ, что поздно, зналъ потому, что во всѣхъ комнатахъ были распахнуты окна и двери и весь садъ съ его ночнымъ шелестомъ и влажной чернотой вошелъ въ домъ безлюдный и огромный... Зналъ, когда увидѣлъ въ пустомъ залѣ маленькій желтый огарокъ на столѣ, и собирающую крошки мышь, и качающіяся тѣни въ углахъ.... На порогѣ той комнаты, гдѣ лежалъ Авиловъ,—остановился.

Тамъ, передъ кіотомъ, горѣла зеленая лампадка, отбрасывая на низкій бѣлый потолокъ, какъ всегда, блѣдно-золотистый узорчатый кругъ, и было непонятно, кто такъ мучительно-тяжко хрипитъ и задыхается въ этомъ безболѣзненномъ полуночномъ свѣтѣ.

Хрипѣлъ и задыхался Авиловъ. Онъ лежалъ, какъ положили его неумѣлыя руки, косо на подушкахъ, упираясь подбородкомъ въ грудь, полураздѣтый, неподвижный, какъ рухнувшее дерево. Свисла одна рука съ омертвѣвшими восковыми пальцами, и когда Степанъ осторожно наклонился и приподнялъ ее, то была она безвольная и страшная въ своей деревянной покорности.

— Владиміръ Николаевичъ... батюшка... да что съ тобой?— сказалъ Степанъ и какъ тамъ въ полѣ, во снѣ, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда они замерзали, обнялъ онъ братскимъ объятіемъ грузное тѣло, положилъ, оправилъ, успокоилъ. И когда вглядывался, наклонившись, въ это знакомое каждой чертой, а теперь чужое перекошенное лицо, то увидѣлъ, какъ пріоткрылъ больной съ трудомъ правое вѣко и мутная глубина гаснущаго зрачка залилась слезой. Видимо узнавая Степана, хотѣлъ Авиловъ, напрягаясь, выговорить слово, но не слушался сведенный судорогой ротъ, и только звукъ, похожій на мычаніе, прорвался сквозь клокочущую хрипоту.

— Лежи, лежи, батюшка!—сказалъ Степанъ, бережно натягивая одѣяло.—Бутылочекъ тебѣ къ ногамъ приложу, ледку на голову.

Дѣловито снялъ армякъ, сапоги, опять по корридору прошелъ въ кухню, велѣлъ поставить самоваръ и за льдомъ сходить на погребъ. Зналъ, что раньше утра не пріѣдетъ докторъ и что некому, кромѣ грязной стряпухи, присмотрѣть за больнымъ.

Когда все сдѣлалъ аккуратно-покойно, огарокъ въ залѣ потушилъ, придвинулъ стулъ къ постели и сталъ сторожить. Тогда, наплывающей водой вошла ночь и затопила комнату съ умирающимъ въ глубинѣ ея; тогда, подъ немолчный шелестъ сторожившаго всѣ входы сада сталъ думать Степанъ о жизни барина и не могъ, не хотѣлъ вѣрить, что тридцать лѣтъ и три года прожили они бокъ о бокъ, видались такъ часто, говорили и позавчера еще толковали о томъ, что казалось важнымъ и нужнымъ, а теперь, въ послѣдній часъ истаяло облакомъ: не было далекихъ, неблагодарныхъ дочерей, о которыхъ по ночамъ плакалъ и молился старикъ, не было такой большой и тяжелой земли, о которой приходилось думать ежечасно, какъ о своемъ тѣлѣ, но которая все же оставалась ничья,—всего того, что сосало душу какъ голодный жадный нервъ, обременяло ее печалью, тоской и

заботами. И то крѣпкое, неразрывное, чего нельзя было скинуть при жизни—распадалось теперь само собой, рвалось истлѣвшей нитью.

Сидѣлъ Степанъ, слушалъ непрерывающуюся хриноту, похожую на одинъ протяжный стонъ, видѣлъ то раскрывающееся, то опускающееся въ смертельной тоскѣ вѣко, видѣлъ—тяжко отходитъ старикъ, хочетъ что-то сказать, мечется въ безсиліи, въ ужасѣ... Будто звалъ его больной, топорщилъ пальцы лѣвой полуживой руки, хваталъ ими одѣяло, дергалъ головой, глядѣлъ на Степана мутнымъ тусклымъ зрачкомъ.

— Чего, батюшка? О чемъ тоскуешь?—спросилъ Степанъ, придвинулся ближе къ губамъ умирающаго, но клокотала на нихъ удушающая мокрота, и вязкій языкъ силился, но не могъ ничего сказать....

— Священника тебѣ? Поѣхали, родный... поѣхали... ужо скоро пріѣдетъ.... И дохтура привезутъ... Какъ же это ты, батюшка?! Не пожалѣлъ себя... Отчего маешься такъ?

Доползла лѣвая рука до локтя Степана, вцѣпилась въ рубашку, будто къ чему-то понуждая, открылся мучительно напряженный глазъ, вверхъ поднялся и на Странникѣ остановился, на той доскѣ чудесной, которую Авиловъ, когда купилъ Хотяновку, въ клумбѣ передъ домомъ нашелъ и на стѣну у постели повѣсилъ, дивясь и восторгаясь мастерству живописи. Изображена была на той доскѣ дорога полевая, въ мелкій лѣсъ входящая, окрестъ жнивье волнистое, небо блѣдно-синее съ облаками мелкими и четкими, въ барашки завитыми. Шелъ по дорогѣ Странникъ Неизвѣстный, босой, въ длинной рубашкѣ, вервіемъ подпоясанный, и скакали передъ нимъ въ ликованіи великомъ звѣри лѣсные: медвѣдь-пѣстунъ, лисица пушистая, желтохвостая, бѣлка-бѣлогрудка; вилась всякая птица крылатая, а надъ головой пламенемъ голубымъ небеса разливались, цвѣты диковинные, алые и млечные, у ногъ расцвѣтали. Много разъ видѣлъ Степанъ изображеніе мужа таинственнаго, неизвѣстнаго, но теперь въ ночи глубокой стоялъ онъ, будто живой, лишь на мгновеніе остановившійся: волосы пушистые, длинные, какъ пряди тумана, станъ худой и высокій, лицо тонкое и смуглое, какъ рожь, колосомъ наливающаяся, уста улыбающіяся, а глаза пристальные—зовутъ.

Смотрѣлъ умирающій на Странника неизъяснимо-мучительно и долго, точно прилѣплялся къ чему-то гаснущей душой, точно хотѣлъ, но уже не могъ поднять свое тѣло, чтобы, какъ птицы и звѣри, возликовать весельемъ на дорогѣ лѣсной передъ лицомъ

Неизвѣстнаго, Кроткаго... Но лежалъ нѣмой, неподвижный, какъ срубленное дерево, и только въ глубинѣ зрачка теплилась слеза и—видѣлъ Степанъ—медленно, скорбно пролилась по окаменѣвшей щекѣ.

Потомъ, точно ужасаясь, дрогнуло большое тѣло, вытянулось послѣднимъ нечеловѣческимъ усиліемъ, и, когда смятенный Степанъ наклонился къ лицу того, кто въ міру назывался Авиловымъ, было оно строго и важно въ тайнѣ своей.

Лишь на разсвѣтѣ пріѣхалъ о. Петръ съ дарами, смущенно-торопливо помазалъ высокій потемнѣвшій лобъ покойника, велѣлъ подать себѣ графинчикъ зубровки и, съ аппетитомъ откушавъ три рюмки, посѣтовалъ, что, несмотря на свою вѣру и доброту, умеръ Авиловъ, какъ великій грѣшникъ, безъ словъ напутственныхъ и безъ св. причастія.

* * *

Хоронили Авилова всей деревней, и мужики несли гробъ на рукахъ всѣ пять верстъ до села Буреломы, гдѣ была приходская церковь и куда покойникъ ѣздилъ каждое воскресеніе къ обѣднѣ.

День стоялъ душный, истомный. Наспѣхъ заказанный, сырой дубовый гробъ обвисалъ на холщевыхъ ручникахъ, но охотно несли мужики, мѣняясь, тѣло почившаго, который при жизни ихъ не обижалъ и прожилъ съ ними тридцать лѣтъ въ полномъ согласіи.

Впереди, по раскаленной пыли большака шагалъ о. Петръ въ желтомъ стихарѣ, куринымъ шагомъ подпрыгивалъ молодой блѣднолицый дьяконъ, и черный кудластый, рябой псаломщикъ Пафнутьичъ размахивалъ пылающей на солнцѣ серебряной кадильницей.

Послѣ каждой версты останавливались и спускали гробъ на землю. Обратившись лицомъ къ востоку, от. Петръ служилъ краткую панихиду, а деревенскіе ребята, держа въ рукахъ новенькіе картузы, высокими голосами пѣли «со святыми упокой». Имъ вторилъ густой басъ Пафнутьича, вѣскій, какъ гудѣніе колокола, а теноръ дьякона, легко уходящій ввысь, разукрашивалъ будто золотой росписью строгую важность напѣва... Вился сизой струйкой душистый дымъ ладана. Ходили по небу крутыя, знойныя облака. Стояли въ маревѣ, будто въ водѣ, далекіе лѣса и перелѣски, волнующіеся перекаты хлѣбовъ. Синѣли луга, плыли воздушныя тѣни... И не вѣрилъ Степанъ, чинно стоявшій впереди другихъ, что тамъ за тонкимъ покровомъ кисеи лежитъ покойникъ, всему далекій и страшный, съ этимъ до неузнавае-

мости за три дня измѣнившимся лицомъ, съ этими мертвыми синими пятнами на полныхъ, крестъ-на-крестъ сложенныхъ рукахъ, которыя еще такъ недавно, тамъ на террасѣ обмахивали зеленой вѣткой липнувшихъ къ открытой шеѣ мухъ. Хотѣлъ вспомнить умершаго такимъ, какимъ зналъ его въ лучшіе годы жизни: молодымъ, веселымъ, а, главное, живымъ въ поступи, улыбкѣ, движеніяхъ, такимъ, какимъ Авиловъ ходилъ по деревнѣ и сидѣлъ на лавочкѣ подъ липами, говорилъ красиво и складно, какъ хорошо устроитъ онъ у себя въ имѣніи и какъ отдастъ половину земли мужикамъ, выроетъ колодецъ и очиститъ пруды, но едва успѣвала память все сложить въ единое ощущеніе близкой радости, какъ гнусавый голосъ о. Петра, и скорбно-плачущій напѣвъ, и причитаніе старухъ возвращали мысль къ истомно-жаркому дню, къ гробу, къ бѣлой кисеѣ, за которой не было ничего, кромѣ страшнаго тлѣна.

Тогда, вздохнувъ, молча и осторожно Степанъ опять поднималъ тяжесть гроба на обожженное холстомъ ноющее плечо и, стараясь умѣрить грузное покачиваніе, строго окликалъ переднихъ молодыхъ ребятъ, шедшихъ слишкомъ вольно.

Самъ Степанъ несъ гробъ безсмѣнно, и всѣ удивлялись, какъ могъ онъ, точно играючи, пройти всѣ пять верстъ по нестерпимой жарѣ. Даже о. Петръ обезпокоился и на послѣдней остановкѣ поманилъ къ себѣ Вилочкина пухлымъ пальцемъ.

— Очень утруждаешься, Степанъ Гаврилычъ!—сказалъ онъ, вытирая платкомъ непрерывно струящійся съ жирнаго мѣднаго лба потъ и прищуривая заплывшія, сытыя вѣки.—Такое усердіе, конечно, памятуя расположеніе покойника къ тебѣ, похвально, но въ годахъ ты и погода жаркая.

— Ничего, батюшка, мы люди привычные...—какъ всегда степенно, уважительно, но упрямо отвѣтилъ Вилочкинъ, не сводя съ священника своихъ пронзительныхъ голубыхъ глазъ, и всталъ на мѣсто.

— Ну, ну, ребята, пошевеливайся!

Уже виднѣлось село, а передъ селомъ по самой горѣ, по краю обрыва дорога шла. Весной въ половодье неслись сюда ручьи со всѣхъ полей, размывали суглинокъ, коверкали и бороздили дорогу глубокими рытвинами, которыя, какъ раны, не затягивались и лѣтомъ.

Побаивались мужики овражища и теперь: того гляди оступишься, загудишь съ гробомъ внизъ.

Поставили нести, кого понадежнѣе: большая опаска требовалась.

Стали спускаться, все честь честью, какъ вдругъ, на поворотѣ, на самомъ крутомъ узкомъ мѣстѣ, шедшій передомъ солдатъ Иванъ Левоновъ споткнулся. И ослабился холстъ, всей тяжестью своей накренился гробъ въ сторону Степана. Ахнули мужики, а у Степана захолонуло сердце, кровь молотомъ въ голову ударила: «упадетъ покойникъ... грѣхъ, срамъ великій», и, натужившись такъ, что хрустнула поясница, Степанъ поддержалъ гробъ. Тотчасъ же другіе опомнились, подхватили, но была минута, когда силой всего нутра Степанъ поднялъ на себѣ огромную тяжесть. Ослабѣлъ весь, душно стало и показалось, будто по яри хлѣбовъ темное облако проплыло.

* * *

Въ церковь народу набилось видимо-невидимо: всѣмъ хотѣлось заглянуть, какъ хоронятъ Хотяновскаго барина. Но о. Петръ боялся давки, велѣлъ запереть двери, и отъ тѣсноты, отъ жарко горѣвшихъ свѣчей воздухъ сталъ плотный, сизый и явственно обозначился въ немъ сладкій, тошный запахъ.

Старался рѣже дышать Степанъ, старался собрать себя въ привычныхъ словахъ молитвы, стоялъ, прямо и строго вперивъ глаза въ темный безстрастный ликъ Николая Угодника, но не свои были руки, клавшія крестъ, не свои—ноги, дрожащія въ колѣняхъ. Всякую службу зналъ Степанъ наизусть, зналъ, что и за чѣмъ слѣдуетъ, а теперь растерялъ память, слышалъ и видѣлъ все будто въ большомъ отдаленіи.

Тяжко отходила панихида: совсѣмъ изнемогалъ о. Петръ въ своемъ парчевомъ облаченіи, псблѣднѣлъ до синевы дьяконъ, и глухой басъ Пафнутьича раскатывался низко-грозно подъ мѣрный, тягучій звонъ похороннаго колокола: «бо-омъ, бо-омъ»...

— «Со святы-ми у-по-кой»,—вытягивали, надрываясь, голоса ребятъ, и все громче вздыхали бабы подъ своими тугими повойниками, все усерднѣе, точно трава по вѣтру, клонились мужики, отбивали земные поклоны, разсыпая на каменныхъ плитахъ длинные волосы. И уже кто-то всхлипывалъ, кто-то стоналъ протяжно-громко: «Господи, о, Господи!»

Закрылъ на минуту глаза Степанъ, чтобы не видѣть колыханія головъ и перелива свѣчей, чтобы собраться съ мыслями, помолиться въ послѣдній разъ горячо и крѣпко, но когда стало темно за сомкнутыми вѣками — увидалъ онъ себя и барина: стоятъ оба молодые, веселые въ день солнечный передъ бѣлыми ошкуренными бревнами, и говоритъ Авиловъ, посмѣиваясь:

— Что, братъ Степанъ?! Бревно-то какое! Вѣкъ простоитъ.

— Куда зря, Владиміръ Николаевичъ.

— Ужъ если строить—такъ основательно.

— Такъ-то надежнѣе.

Стоятъ, по бревнамъ постукиваютъ; баринъ аршинчикомъ складнымъ каждое дерево вымѣряетъ, а около полной молодой шеи мягкіе волосы кучерявятся.

— Батюшка... Царь Небесный... Какъ же это?! Куда все дѣвалось, куда ушло?!—замирая сердцемъ, подумалъ Степанъ, открылъ глаза во всю ширь и увидалъ на помостѣ гробъ дубовый, свѣжій, какъ тѣ бревна ошкуренныя, а надъ краемъ гроба посинѣвшій лобъ мертвеца съ прядью сѣдыхъ волосъ... Хотѣлъ перехватить воздухъ, вдохнулъ всей грудью запахъ тлѣна и, ужасаясь, стремительно падая въ какую-то темную глубину, понялъ въ одномъ мигѣ, что прожилъ баринъ свою жизнь зря и о ней тосковалъ и плакалъ въ послѣдній, смертный часъ... И въ ту же минуту, покрывая сознаніе, низко проплыло радужное облако и въ немъ лицо смуглое, тонкое съ улыбающимися устами и взоромъ пронзительно яснымъ... Тихо ахнулъ Степанъ, покачнулся и упалъ на руки подоспѣвшихъ братьевъ.

Потомъ говорили, что Вилочкинъ сомлѣлъ въ церкви, потому что надорвался на Буреломской горѣ, удержавъ на себѣ гробъ съ покойникомъ.

* * *

Въ этотъ день, когда вся Хотяновка отбыла на похороны, вышла бабка Алена передъ избу на завалинку. И такая тишь на деревню надвинулась, что позѣвала старая на припекѣ, да задремала. И видитъ, будто стоитъ она у рѣчки, молодайкой, босая, краснымъ французскимъ платкомъ повязанная, и холсты стелетъ. Развернетъ полосу, махнетъ ею, и ляжетъ холстъ дорогой бѣлой, конца ей нѣтъ. А кругомъ гуси гогочутъ: «Го-го-го»... Крыльями машутъ. Одинъ гусакъ злющій все за голыя ноги ухватить ее хочетъ... Глазища выкатилъ... бѣжитъ, бѣжитъ...

Очнулась старуха; по выгону куры мечутся, клохчутъ, а надъ ними птица вьется, небольшая, сѣрая, клювъ острый... Такъ и стелется.

— Батюшки, свѣты, да никакъ ястребъ молодой,—подумала Алена, нагнулась палку взять, а птица—разъ! взметнулась кверху и прямо на конекъ крыльца къ Вилочкинымъ сѣла. Сѣла, оглядывается безбоязненно: глаза круглые, змѣиные, перо дикое

— Ахъ, отцы святые! Да какъ же это?!—думаетъ бабка. Алена, а у самой ноги не поднимаются.

— Гдѣ видано, чтобы птица полевая въ деревню залетѣла, ровно въ гнѣздо свое... Ахъ, ахъ!..

Засуетилась старуха, камень взяла, швырнула. Обернулся стервятникъ, нехотя съ конька снялся и прочь къ барскому саду взмылъ. И въ ту же пору подумала старуха, отъ страха не попадая на приступки крыльца, что быть бѣдѣ въ ихъ домѣ.

Вернулись мужики подъ вечеръ, и Степана въ избу братья подъ руки ввели. Почернѣлъ онъ съ лица, осунулся и щеки дырками втянулись. Какъ сѣлъ на лавку—испить попросилъ кваску похолоднѣе, выпилъ вѐсь ковшъ, не переводя духу. Потомъ вздохнулъ и не своимъ голосомъ сказалъ:

— Раздѣнь меня, мать! Лягу я.

Стала снимать сапоги старуха, руки дрожатъ, сила вся пропала: видитъ что-то неладное, а спросить боится. Кое-какъ раздѣла, на полати положила, полушубкомъ укрыла.

Тутъ разжалъ зубы Степанъ и слабо, какъ малый ребенокъ, сказалъ:

— Ты мнѣ, мамушка, того... поясницу разотри, да горшки на животъ поставь...

И знавшая хорошо всякую хворь и лѣчившая мужиковъ и бабъ разными снадобьями, Алена поняла, что поднялъ сынъ тяжело и что лучше въ его годы всякую болѣзнь переболѣть, чѣмъ нутро сорвать.

Знала теперь, къ чему во снѣ холсты стелила, къ чему дикая птица къ нимъ на крыльцо залетѣла.

* * *

Перевели Степана въ лѣтнюю избу, гдѣ всякое добро хранилось: холстина, сбруя новая, пенька, полушубки мужиковъ и сундуки бабъ съ одеждою. Здѣсь и прохладнѣе, и спокойнѣе было: въ черной избѣ мухи и дѣти донимали, отъ печи жарынь шла.

Лежалъ Степанъ подъ окнами, на лавкѣ, вытянувъ руки и ноги, закрывъ глаза. Ни на что не жаловался, но къ ѣдѣ не притрогивался и ни съ кѣмъ не говорилъ.

И то, что Степанъ молчалъ, никого къ себѣ не звалъ и ни о чемъ не безпокоился, больше всего пугало братьевъ. Косьба надвинулась; а велось такъ, что раньше Вилочкиныхъ никто на работы не выѣзжалъ; теперь же и Демочкины и Кулешовы успѣли опередить.

— Не замайте вы его, сердешнаго...—упрашивала Алена сыновей, когда тѣ на третій день рѣшили итти къ Степану.— Обряжайте сами, какъ знаете.

— Штобъ онъ насъ опосля щунялъ. Ишь, ты!—покрутилъ, какъ медвѣдь, головой Ѳома.

— Мы распорядковъ его не знаемъ, — прибавилъ бойко Алексѣй.

— Спросить безпремѣнно надоть!.. — какъ всегда хмуро буркнулъ Ѳедоръ.

— Тяжело ему, дѣтушки, не шли бы...—еще разъ жалобно попросила Алена, но уже протиснулся Ѳома въ двери, за нимъ другіе.

Степанъ лежалъ, какъ всѣ дни, съ закрытыми глазами. Въ синевѣ сумерекъ четко обозначался носъ и строгая худоба опавшаго лица.

Постояли братья, переглянулись, подошли ближе и теперь только увидѣли, какъ тяжело дышитъ Степанъ, какъ часто на груди, въ прорѣзѣ холщевой рубахи поднимается мѣдный крестъ и крупными каплями на лбу у волосъ потъ блеститъ. Но не спалъ Степанъ, потому что вѣки его вздрагивали и губы шевелились.

— Братка, а, братка! — окликнулъ матросъ и тронулъ больного за плечо.

Открылъ Степанъ глаза, обвелъ ими братьевъ.

И были глаза какъ бѣльма—пустые, незрячіе.

— Мы насчетъ, значитъ, косьбы... Какъ прикажешь?— немного подождавъ, смущеннымъ говоркомъ заговорилъ Алексѣй.—Пора бы и за косьбу... Безъ тебя начинать, что ли?! Поле-то за березнякомъ барскимъ совсѣмъ дошло, какъ бы обсыпаться не стало...

Высоко поднялъ Степанъ брови, задышалъ чаще, хотѣлъ привстать, но застоналъ, вытянулся и на всѣхъ посмотрѣлъ поочередно, точно въ первый разъ видѣлъ.

Стояли передъ нимъ братья—кудластые, закорузлые, въ лаптяхъ и рубахахъ посконныхъ, какъ батраки покорные. Были тусклы и сѣры ихъ лица, черныя отъ загара, невесело исподлобья поблескивали зрачки.

Опять помолчали, подождали, что отвѣтитъ Степанъ, но все такъ же, какъ слѣпой, смотрѣлъ онъ на нихъ, не разжимая губъ.

Тогда, глухо и хрипло, подавшись впередъ всѣмъ своимъ неуклюжимъ тѣломъ, заговорилъ Ѳедоръ. Заикался на каждомъ словѣ, боясь взглянуть на брата, боясь услышать привычный короткій окликъ.

— Потомъ... значитъ... насчетъ того... Какъ ты заболѣлъ, значитъ... не упораться намъ втроемъ. Самъ знаешь! Нужно бы

со стороны принанять... Левоновъ солдатъ напрашивается... На время пока что...

Думали: усмѣхнется Степанъ, обзоветъ всѣхъ послѣднимъ словомъ, выгонитъ изъ избы. «Управляйтесь-де, какъ хотите, сукины дѣти»! Но опятъ ничего не сказалъ больной, глаза завелъ и къ стѣнкѣ отвернулся.

Вышли, толкаясь на цыпочкахъ, недоумѣнные. Только въ сѣняхъ, осторожно прикрывъ двери, почмокалъ Алексѣй губами:

— Охъ, смотри, ребята, кабы не пошло все прахомъ. Не въ себѣ онъ...

. . . . . .

За ужиномъ бабка Алена ничего не ѣла, сидѣла на краю лавки и концомъ чернаго платка утирала мелкія слезинки, въѣдавшіяся въ морщины. Говорила сыновьямъ тягучимъ голосомъ:

— Нежеланные вы, охъ, нежеланные. Зачѣмъ пошли? Говорю: не ходите, тяжко ему, а вы, какъ смола, привязались.

Отмалчивались сыновья, сопѣли надъ кашей. Тогда вступилась Ганька, жена Ѳедора.

Въ дѣвкахъ была красная, здоровущая, а замужъ вышла—исхудала, почернѣла, всегда тяжелая ходила и зубами мучилась. Теперь, несмотря на жару, была сѣрой шалью укутана.

Всегда молчала, а тутъ сразу озлилась, закричала визгливо и хрипло на старуху.

— Сама ты смола—пра. Што къ имъ привязалась? Не сыновья они тебѣ родные. За дѣломъ, чай, пошли... Ему-то хорошо: разлегся какъ баринъ, а ворочать, поди, они будутъ... Небось, весной, онамеднись, выгналъ Ѳедора пахать, не посмотрѣлъ, что у него нога болитъ... Хозяинъ! Всѣ тутъ хозяева... одинакіе. Не на его, чай, деньги, землю купляютъ. Ишь, ты задѣлался!

Поддакнула Анисья, жена Алексѣя—тихоня, губы тонкія, глаза колючіе, повязанная по самыя брови, какъ монашка, платкомъ.

— Степана, вонъ, чаемъ поишь—не жаль, а Алехѣ моему, какъ со службы вернулся, хлѣба бѣлаго не поставили. Меньше его мы, что ль, работаемъ?! Спина, чай, у каждаго своя. Намъ, можетъ, отдѣленными хотится жить, а онъ по какимъ правамъ не пущаетъ?! Отъ одного отца съ матерью небось всѣ.

Растерялась Алена отъ такой смѣлости, заохала, а мужики сидятъ, глаза въ ложки уперли, будто не слышатъ. Цыкнулъ папашка, лаптями подъ столомъ затопалъ:

— Молчите вы, суки! Смѣлы больно стали. Вотъ погоди: подымется Степанъ, онъ вамъ напомнитъ!

— Другихъ маялъ, пусть теперича самъ помается!—крикнула Ганька, вышла, дверьми хлопнула.

Встали изъ-за стола съ бранью, съ бранью по клѣтямъ разошлись. Хрипѣлъ съ лаемъ цѣпной песъ на дворѣ; ребята въ избѣ проснулись, заплакали...

* * *

Давно, окруженный перистыми, дымчатыми по краямъ облачками, всплылъ и сталъ надъ деревней полный мѣсяцъ. Бросили дѣвки за околицей играть пѣсни, первые пѣтухи проголосили хрипло, а Степанъ все не могъ уснуть.

Томили жажда, боль въ поясницѣ, духота, пахнущая овчиной и дегтемъ. Метался по изголовью, ища прохладнаго мѣста, но не находилъ и опять тоскливо смотрѣлъ на стѣнку, куда неясно доходилъ лунный свѣтъ и гдѣ, похожіе на притаившихся людей, висѣли полушубки... Минутами казалось, темнѣютъ тамъ братья, чего-то ждутъ, и отъ нѣмоты ихъ такъ душно. Съ усиліемъ приподнимался больной, вглядывался, зналъ, что никого нѣтъ, что чудится ему, и снова укладывался со стономъ, отворачивая голову. А въ ушахъ звонко-явственные стояли злые, надорванные голоса, всѣ тѣ обидныя слова, которыя говорили бабы за ужиномъ подъ окнами. Все слышалъ Степанъ, но не чувствовалъ ни зла, ни горечи—одну тоску, отъ которой некуда было дѣваться. Хотѣлось, чтобы кто-нибудь подошелъ, положилъ руку на горячій лобъ, пожалѣлъ тихо и ласково.

Два раза окликалъ мать, но спала она, намаявшись отъ слезъ, спало все кругомъ непробудно-крѣпко, скованное дневной усталостью. Только шелестѣли гдѣ-то неясные шорохи, далеко въ полѣ, слышный въ ночи, погромыхивалъ поѣздъ и, склонившись бѣлымъ лицомъ, ворожилъ мѣсяцъ надъ выгономъ, усыпаннымъ серебрянымъ пепломъ.

— О, Господи, Мать Пресвятая!—вздыхалъ Степанъ, чувствуя, какъ липнутъ къ вискамъ мокрые отъ пота волосы, и горячо, о самую грудь колотится сердце.—Спаси и помилуй...

Опять переворачивался, ложился на спину, хотѣлъ привести мысли въ порядокъ, но онѣ уплывали, какъ вода между пальцевъ, и съ ними уплывала свѣтлая ночь.

Закрывалъ глаза Степанъ, и вотъ, уже отдѣлившись отъ стѣнъ, повитые паутиной темноты, стояли кругомъ семейскіе: отсвѣчивали бѣлымъ льномъ кудластыя головы братьевъ, тихо колыхалась, будто во мглѣ, вся сѣдая, Алена, выпячивала Ганька—вся сумрачная—свой толстый животъ, а колючіе глаза Анисьи

блестѣли изъ-подъ спущеннаго платка. Но страннымъ казалось, что между своими толкается Карпъ Парушкинъ, слабоумный мужикъ, тотъ, у котораго Вилочкинъ купилъ въ позапрошломъ году землю, всѣ десять десятинъ за полъ-тысячи и который почему-то утопился въ проруби. Теперь онъ вертѣлся, юркій, плюгавый, показывалъ гнилыя дезна и заледенѣлую, примерзшую къ тѣлу, рубаху. Но когда Степанъ останавливалъ на немъ пристальный, угрожающій взглядъ—лицо Карпа расплывалось и на его мѣстѣ бѣлѣлъ висѣвшій на гвоздѣ ручникъ...

Зато въ черномъ простѣнкѣ между окнами, близко придвигаясь, выростала покойная жена Ѳекла, и ясно могъ разглядѣть Степанъ ея изсохшую руку, ея узкое блѣдное лицо... Было смутно-радостно видѣть жену, хотѣлось сказать что-то хорошее, теплое, успокоить, утѣшить, но не находилъ ласковыхъ словъ Степанъ, будто никогда ихъ у него не было, и только слабо стоналъ, метался по подушкѣ.

— Степанъ Гаврилычъ, а, Степанъ Гаврилычъ...—шептала беззубымъ ртомъ мать и надвигалась такъ близко, что сѣдыя космы ея свисали туманомъ.—Чайку бы мнѣ, касатикъ, чайку бы... косточки распарить...

Хотѣлъ ощупать на себѣ крестъ, а на крестѣ ключикъ отъ сундука, гдѣ скупо сберегался чай для важныхъ гостей, но висѣли руки плетьми, безсильныя, безвольныя, а на ногахъ, навалившись всей тяжестью, сидѣла Ганька, и огромный животъ ея распухалъ, какъ опара въ дежѣ.

Рванулся Степанъ съ лавки, дерюжку откинулъ, сгоряча вскочилъ, но отъ боли, ударившей въ поясницу, захрипѣлъ, согнулся и кое-какъ, медленно опираясь руками, дополъзъ до подоконника.

Упалъ на него головой, заплакалъ...

Первый разъ за всю свою жизнь плакалъ Степанъ Вилочкинъ, точно, вдругъ, отвалился отъ его сердца камень и брызнули изъ-подъ него ключемъ слезы.

Истомно блѣднѣли звѣзды, таялъ мѣсяцъ въ рунѣ предутреннихъ облаковъ, напоенная крѣпкимъ запахомъ ржи набѣгала по вѣтру прохлада, шевелила Степану кудри, обвѣвала горячій лобъ... Весь ослабшій, покорный, вспоминалъ Вилочкинъ свою жизнь, черную какъ земля и какъ земля тяжелую. Вспоминалъ, не таясь, будто на духу, что умерла жена отъ натуги, отъ заботъ и непосильной работы, оттого, что ни разу не пожалѣлъ онъ ее: боялся, другимъ повадно будетъ... Зналъ теперь, самъ съ собой, что отнялъ землю у слабоумнаго, обидѣлъ его и на смерть

толкнулъ... Вспоминалъ, какихъ крѣпкихъ ребятъ рожала Ганька, а когда хоронила—были они, какъ щепа. Скотину больше любилъ и миловалъ, чѣмъ братьевъ: въ стужу, въ морозы лютые гонялъ ихъ съ соломой въ городъ. Ѳома пальцы отморозилъ, Алексѣй грудью сталъ слабъ, всѣ только работу и видѣли, всѣ только ею одной, тяжелой, и жили...

Все мало было Степану, все больше захватить хотѣлъ: землю только любилъ, за нее себя и другихъ мукѣ и тягости предавалъ, въ радости себѣ и другимъ отказывалъ. Вотъ легъ бы Вилочкинъ поперекъ ея, захватилъ бы руками отъ края до края, утонулъ въ ней по самое горло.

Не зналъ теперь, что великое бремя возложилъ на душу свою и на плечи семейскихъ, что изъ-за того бремени не видно свѣта Божьяго, не знаетъ свободы душа, ни жизни иной... Зналъ, что горечь и злоба смолой кипятъ кругомъ...

Вспомнилъ вдругъ Владиміра Николаевича, вспомнилъ, что смерть сторожитъ человѣка и не даетъ ему опомниться въ дѣлахъ каждаго дня, и вдругъ забываться сталъ...

Видитъ, будто уже идутъ они съ Авиловымъ по дорогѣ: не то она знакомая, не то—нѣтъ. Кругомъ поля безъ единаго деревца, безъ единой травинки—все черныя, все вспаханныя по самый край неба. Глядѣться на землю—должна быть весна, а солнце палитъ по-лѣтнему, надъ пашней марево колышется. Онъ, Степанъ, идетъ босой, безъ шапки, рубаха разстегнута, въ рукахъ посошокъ, а на Владиміръ-Николаевичѣ сапожки его высокіе, сыромятные, куртка полотняная съ чернымъ поясомъ; на головѣ—картузъ бѣлый съ длиннымъ козырькомъ, такъ что лица не видно, одна борода сѣденькая... И дивится Степанъ, что шагаетъ старикъ такъ легко: не угнаться за нимъ. Все отстаетъ Вилочкинъ, хочетъ, но не можетъ окликнуть барина: куда это они такъ шибко идутъ?!. Жарко, испить до смерти хочется, но гдѣ воды взять? Одна земля вокругъ, жирная, сизая, вершковъ на шесть плугами взвороченная. Идетъ, плыветъ навстрѣчу черными валами, крутыми перекатами, пучится, какъ опара, и духъ отъ нея идетъ пьяный, хлѣбный...

— Сила... черноземище,—раздумываетъ Степанъ и на ходу комки подымаетъ, на ладони растираетъ, словно масло густое.— Чья жъ это земля будетъ?

И отвѣчаетъ ему голосъ тихій, жалобный:

— Моя была, все мое было...

Хочется Степану нагнать барина, пойти съ нимъ рядкомъ, въ лицо ему глянуть, но видитъ: свернулъ старикъ съ дороги

прямо на пашню, цѣлиной пошелъ. Вилочкинъ за нимъ, сразу утонулъ выше щиколки въ рыхлыхъ бороздахъ. И примѣтилъ тутъ, чего раньше не видалъ: тьму-тьмущую грачей. Безбоязненно всюду сидятъ, безбоязненно съ борозды на борозду перепрыгиваютъ, искоса оглядываются круглыми блестящими глазами. Лоснятся на солнцѣ ихъ тучныя спины, и въ раскрытыхъ отъ жары клювахъ торчатъ темные, шершавые языки.

И ничего нигдѣ нѣтъ, кромѣ земли черной и черныхъ грачей. Будто топь засасываетъ Степана: съ трудомъ, увязая по самыя колѣни, тащится онъ за Авиловымъ, и уже отъ страха шевелятся у него волосы на головѣ.

— Батюшка, Владиміръ Николаевичъ... Да подожди ты! Куда спѣшишь? Зачѣмъ тебѣ одному полей столько?.. Человѣка не видать въ нихъ...—хрипло кричитъ Степанъ.

Но громче его крика каркаютъ грачиныя стаи, хлопаютъ крыльями, раззѣваютъ жадные клювы, а земля рыхлымъ тѣстомъ разступается.

И отвѣчаетъ старческій голосъ:

— Все нужно было, Степанушка, все нужно было...

Уже стоитъ Степанъ, какъ вкопанный по самую грудь въ черноземѣ, не смѣетъ дышать, двинуться; знаетъ, что еще минута, и забьютъ ему жирные комья ротъ и уши, а грачи сядутъ на голову и выклюютъ ему глаза.

А старикъ обернулся, явственно сказалъ:

— Все нужно было, все хлопоталъ, а теперь не знаю, какъ быть мнѣ...

Посмотрѣлъ на Вилочкина изъ-подъ бѣлаго козырька, а подъ нимъ—не румяное лицо стараго барина, а черный тлѣнъ, прахъ безымянный и страшный...

Проснулся Степанъ, сползъ отъ ужаса съ лавки, хотѣлъ на колѣни встать, да не смогъ, рухнулъ на полъ всей тяжестью и, падая, крикнулъ пронзительно.

Вскочила Алена съ сундука, къ сыну бросилась.

Лежалъ, разметавъ волосы, и было лицо его бѣлѣй зари, всходившей на небо.

* * *

Дней пять еще промучился Степанъ, потомъ стала хворь отходить. Лежалъ ужъ больше отъ слабости; похудалъ очень и проборъ замѣтно посѣдѣлъ.

На десятый день, какъ разъ въ воскресеніе, къ вечеру—. всталъ, одѣлъ рубаху чистую и новые сапоги, попросилъ себѣ оструган палочку и на крыльцо вышелъ.

Ни живы, ни мертвы ждали всѣ расправы: припомнитъ Степанъ, какія слова про него говорили, къ отвѣту потребуетъ; пойдетъ по всѣмъ угламъ ходить, выискивать, гдѣ недосмотръ, упущеніе; станетъ посмѣиваться такъ, что морозъ всѣхъ по кожѣ проберетъ; а потомъ каждаго въ отдѣльности изморомъ дойдетъ.

Но никому ни слова не сказалъ Степанъ. На крыльцѣ постоялъ, урода мальчишку, что въ грязи и коростѣ на полу ползалъ, Ѳедорова сына, по головѣ погладилъ и, снявъ съ гвоздя картузъ, напрямки къ барскому дому пошелъ.

Глядѣли ему домашніе вслѣдъ, какъ шелъ онъ, путая ослабѣвшими ногами, опираясь на палочку, и удивлялись.

— Затаился!—сказала Ганька, весь день прятавшаяся въ чуланѣ, и теперь только, когда Степанъ ушелъ, осмѣлившаяся войти въ избу.

— Онъ вамъ попомнитъ, во-какъ отольетъ,—сказалъ папашка, злорадствуя.—Вѣкъ не забудете...

А бабка Алена стояла на крыльцѣ, пригорюнившись качала головой вслѣдъ ушедшему: какое такое дѣло ему приспѣло на барскомъ дворѣ?!.

К. и О. Ковальскіе.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

* *
*

Закатныя краски горятъ надъ вершинами сосенъ,
Въ предчувствіи ночи затихли мохнатыя ели,
Искрящійся воздухъ прозраченъ, и тихъ, и морозенъ,
И нѣженъ, и ясенъ, какъ въ свѣтлыхъ тонахъ акварели.

Вверху надо мною сомкнулась вѣтвями аллея.
Какъ будто изъ кружевъ прозрачныхъ повисла завѣса,
И только въ просвѣтахъ мелькаетъ закатъ, пламенѣя,
И чутки молчанье и сонъ вѣковѣчнаго лѣса...

Въ душѣ моей гаснутъ неслышно тоска и тревога,
Минувшее мнится навѣки покинутымъ брегомъ;
Иду все впередъ, и уводитъ куда-то дорога,
Покрытая бѣлымъ, искрящимся, крѣпнущимъ снѣгомъ...

И вѣетъ изъ лѣсу какой-то увѣренной силой.
Учусь равнодушью у вѣчно спокойной природы
И буду молчать, какъ молчитъ надъ забытой могилой
Безъ надписи камень, истлѣвшій за долгіе годы...

Вѣра С.

ВИДѢНІЯ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

I.

Смутная эпоха—эпоха частой смѣны правительствъ, щедрыхъ правительственныхъ обѣщаній и необычно широкихъ политическихъ народныхъ чаяній. Вѣдь, тогда каждое царствованіе будило въ народѣ новыя надежды на лучшее будущее... Годуновъ, вступая на престолъ, клялся, что въ его царствованіе никто не будетъ нищъ или бѣденъ, что онъ свою послѣднюю рубашку раздѣлитъ со всѣми [1]). Первый самозванецъ обѣщалъ «овымъ величество и славу, овымъ богатство и честь, инымъ вольность и во всѣхъ винахъ пощаду»: находящимся въ темницахъ—свободу, воинскимъ людямъ—помѣстья и вотчины, торговымъ людямъ—льготы великія, бездомнымъ—готовые дома, нищимъ—щедрую милостыню [2]). Въ грамотахъ Василія Шуйскаго русскимъ людямъ обѣщались великія льготы и великое царское жалованіе, о которыхъ у нихъ «и на разумѣ нѣтъ» [3]). Сулили народу счастье и благоденствіе, понимая ихъ по-своему, и мятежныя толпы Болотникова и «Тушинскаго вора». Болотниковъ, повелѣвая боярскимъ холопамъ избивать господъ и брать ихъ имущество и женъ, заявлялъ: «Вы будете людьми знатными, и вы, которыхъ называли шпынями и безыменными, убивайте гостей и торговыхъ богатыхъ людей, дѣлите между собой ихъ животы! Вы были послѣдніе, теперь получите боярства, окольничества, воеводства!» [4]). Почти такъ же поступалъ Тушинскій самозванецъ, разрѣшая крестьянамъ владѣть имуществомъ, женами и дочерьми непокоряющихся ему бояръ.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, никогда не появлялось

---

[1]) Русск. Истор. библіот. т. XIII, СПБ. 1909, стр. 975.
[2]) Ibid, стр. 802, 803.
[3]) Собр. Госуд. Грам. т. II, стр. 342, 346, 367, 368 и 369.
[4]) Акт. Археогр. Экспед. т II, стр. 123.

столько разсказовъ о чудесномъ, никогда до такого напряженія не доходила мистическая настроенность русскаго народа, и безъ того, какъ извѣстно, никогда не перестававшаго видѣть чудесныя видѣнія и слышать таинственные голоса. Фантастическіе образы призрачнаго міра какъ бы сходились на борьбу съ новыми нарождавшимися политическими идеями. Видѣнія смутной эпохи не только показатель тогдашней психической настроенности народа, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ извѣстной степени, и характеристика народнаго политическаго самосознанія,—религіозно-мистическій элементъ его обычный спутникъ.

Еще въ концѣ жизни Ивана Грознаго и при Ѳедорѣ Ивановичѣ «быша знаменія многа комитнаго указанія: овогда копейнымъ образомъ, овогда двѣ луны и едина едину побораша; овогда на царственномъ дворѣ его въ нощи коегождо часа отъ храма боголѣпнаго Преображенія Спасова и отъ двора его исхождаше свѣтъ, взимашеся на высоту». Эти знаменія, по мнѣнію современниковъ, свидѣтельствовали, что «присѣщеніе Божіе отъяся отъ нихъ и власть милости Божія отъиде отъ дому ихъ» [1]).

Въ 1596 году въ нижегородской области случилось землетрясеніе, во время котораго погибла слобода съ 150 дворами и со всѣми жителями, а также погибли всѣ строенія Печерскаго монастыря,—остался одинъ только церковный столбъ. Лѣтописецъ говоритъ: «Се все было знакомъ имущихъ быть смятеній по смерти благочестиваго царя Ѳеодора. Въ царство Годунова, и Отрепьева и протчихъ самозванцовъ ложныхъ Дмитріевъ коликое тогда было въ Россіи смятеніе, и колико душъ благочестивыхъ и неповинныхъ погибло и крови христіанской напрасно пролилося; но однако вѣра православная, какъ оный оставшій церковный столпъ, осталась непоколебима» [2]).

Знаменія и видѣнія происходили и при Борисѣ Годуновѣ, особенно когда стали появляться тревожные слухи о самозванцѣ. Масса, подъ 1602 годомъ, разсказываетъ, что въ это время въ Москвѣ происходило много ужасныхъ чудесъ и знаменій, большею частью ночью, близъ царскаго дворца, такъ что солдаты, стоявшіе на караулѣ, «часто пугались до смерти и прятались». Солдаты дворцовой стражи клялись, что однажды ночью видѣли, какъ проѣхала по воздуху, запряженная шестью лошадьми, колесница, въ которой сидѣлъ полякъ, хлопавшій кнутомъ и кри-

---

1) Русск. Историч. Библіотека, т. XIII, стр. 533.
2) „Новогородскія Лѣтописи“ (2 и 3-я). Изд. Археограф. комиссіи СПБ. 1879 г. стр. 453.

чавшій такъ ужасно, что многіе караульные въ страхѣ бѣжали въ комнаты. По словамъ Массы, разсказы о чудесныхъ видѣніяхъ доходили до царя и наводили на него безотчетный страхъ. Онъ, «болѣе всего боясь поляковъ, ожидалъ появленія чего-то необыкновеннаго именно въ Польшѣ. Все это было предзнаменованіемъ будущаго бѣдствія. Хотя Московія отъ голода и несчастій находилась въ крайне бѣдственномъ состояніи, и народъ жестоко былъ наказанъ, но, казалось, въ будущемъ ее ожидала новая кара» [1]).

Къ тому же 1602 году относятъ чудесное явленіе царевича Димитрія нѣкоему угличскому монаху Тихону. Явившійся царевичъ сказалъ: «Нѣкто назовется именемъ моимъ, царевымъ сыномъ отца моего благовѣрнаго царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, и сѣсти имать на престолѣ царьствѣмъ Россійскаго государства, и того властолюбца и губителя моего Бориса со престола свержетъ, и царства его лишитъ, и родъ его весь погубитъ; и самъ той ложный нарекователь не много имать царьствовати, но злѣ живота своего гонзнетъ и убіенъ будетъ; и иніи, иже имяни его послѣдовати имутъ ему и тако же нелѣпо скончаются» [2]).

По свидѣтельству Бера, въ 1604 году, незадолго до открытаго выступленія Димитрія претендентомъ на русскій престолъ, на небѣ по ночамъ были видны огненные, свѣтившіе подобно мѣсяцу, столпы, которые, сталкиваясь другъ съ другомъ, какъ бы представляли сраженіе воинствъ; иногда восходили по двѣ—по три луны или солнца; появлялись кометы. Страшныя бури низвергали городскія ворота и колокольни; женщины и животныя производили множество уродовъ; рыбы исчезали въ водѣ; птицы въ воздухѣ, дичь въ лѣсахъ; мясо же, употребляемое въ пищу, не имѣло вкуса, сколько его ни приправляли; волки и псы пожирали другъ друга, страшно выли въ той странѣ, гдѣ послѣ открылась война, и станицами рыскали по полямъ, такъ что опасно было выходить на дорогу безъ многихъ провожатыхъ. Въ восьми миляхъ отъ Москвы нѣмецкій серебряникъ поймалъ орла и, убивъ его, привезъ въ Москву. Въ самой столицѣ ловили руками лисицъ разнаго рода, какъ бурыхъ, такъ и черныхъ; цѣлый годъ ихъ было такое множество, что никто не могъ придумать, откуда онѣ брались.

Когда Борисъ, замѣтившій комету, призвалъ къ себѣ одного

---

[1]) „Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи“, СПБ., 1874 г., 85 стр.

[2]) Р. И. Б. т. XIII, стр. 912—913; 794—795.

старика, пріѣхавшаго изъ Германіи, спрашивая его мнѣніе о новой звѣздѣ, тотъ отвѣчалъ:—«Богъ посылаетъ такія знаменія въ предостереженіе великихъ государей; тамъ, гдѣ они случаются, обыкновенно бываютъ важныя перемѣны». Поэтому старикъ совѣтовалъ царю быть осторожнымъ, оберегать границы и внимательно смотрѣть за людьми, которымъ ввѣряется.— «Тебѣ грозитъ великая опасность», — говорилъ онъ. Татары, видѣвшіе необыкновенныя явленія, предсказывали, что вскорѣ многіе народы овладѣютъ Москвою. По поводу пожиранія другъ друга собаками и волками, вопреки пословицы «волкъ волка не ѣстъ», одинъ татаринъ заявлялъ: «Москвитяне измѣнятъ сами себѣ, и, какъ псы будутъ язвить и истреблять другъ друга» [1]).

Какъ извѣстно, кометы, двойное или тройное отображеніе солнца или луны, землетрясенія—все это сравнительно часто отмѣчаемыя нашей лѣтописью явленія. Иногда они, случайно, дѣйствительно и совпадали съ какимъ-либо общественнымъ бѣдствіемъ, но иногда и не сопровождались никакими необыкновенными событіями. Въ подобныхъ, вполнѣ естественныхъ «знаменіяхъ» необычное и таинственное могли видѣть лишь люди съ разстроеннымъ, болѣзненнымъ воображеніемъ. Равнымъ образомъ не было, собственно, ничего удивительнаго, во время царившаго тогда страшнаго голода, въ воѣ волковъ и псовъ, въ пожираніи ими другъ друга, въ набѣгахъ въ населенныя мѣста лисицъ, очевидно въ поискахъ корма, а также въ отсутствіи вкуса въ мясѣ,—когда люди умирали съ голоду, когда говорили, что на московскомъ рынкѣ продавались пироги съ человѣческимъ мясомъ,—когда имѣло мѣсто пожираніе матерями своихъ дѣтей. Что же касается до видѣній дворцовой стражей поляка, проѣхавшаго по воздуху съ страшнымъ крикомъ мимо дворца, и явленія царевича Димитрія монаху Тихону, то, кромѣ ихъ очевидной фантастичности, мы должны указать на то, что о ночномъ призракѣ поляка, кромѣ Массы, не разсказываетъ никто, и во всякомъ случаѣ, если бы видѣніе это имѣло мѣсто, то оно могло быть плодомъ тревожныхъ слуховъ, начавшихъ тогда приходить изъ Польши; извѣстіе же объ явленіи царевича Димитрія содержится въ произведеніяхъ сравнительно позднѣйшаго времени. Молчаніе о немъ писателей-современниковъ показываетъ, что имъ оно не было извѣстно. Слова нѣмецкаго книжника объ угрожающей опасности Борису, а также предсказанія татарина о предстоящихъ междоусо-

[1]) „Сказан. современн. о Димитр. Самозван.“ ч. I, СПБ., 1831 г., стр. 42—45.

бiяхъ—въ 1604 году, когда признаки надвигающейся смуты сказывались ясно, были сужденіями просто наблюдательныхъ, неглупыхъ людей. Смута явилась естественнымъ слѣдствіемъ, ненормальныхъ политическихъ и соціально-экономическихъ условій русской жизни, и сознаніе неизбѣжности ея было среди русскихъ людей еще задолго. Князь Курбскій въ письмахъ къ Грозному заявлялъ, что «не пребудутъ долго предъ Богомъ, которые создаютъ престолъ беззаконія», и предсказывалъ ему скорую гибель «со всѣмъ домомъ» [1]). Въ «Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ», составленной во второй половинѣ XVI вѣка, возвѣщалось приближеніе времени, когда «царіе на своихъ степенѣхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почасту перемѣнятися начнутъ» [2]). Блаженный Иванъ Большой Колпакъ незадолго до своей кончины († 1589 г.) предсказывалъ о предстоящемъ нашествіи на русскую землю иноплеменниковъ [3]).

Характерную черту большей части вѣщихъ знаменій и видѣній составляетъ та ихъ особенность, что они обычно происходятъ почти одновременно съ самыми событіями, которыхъ касаются, но не предупреждаютъ ихъ заранѣе, когда послѣднія могли бы быть отвращены. Чѣмъ очевиднѣе неизбѣжность даннаго событія, чѣмъ оно сильнѣе поражаетъ воображеніе народныхъ массъ и больше усложняетъ отношенія извѣстнаго общества, тѣмъ обильнѣе чрезвычайныя явленія. Это мы видимъ и въ эпоху смутнаго времени: таинственные призраки, знаменія и видѣнія становились чаще и многочисленнѣе съ развитіемъ смуты [4]).

II.

Личность Димитрія оставила глубокій слѣдъ въ душѣ русскаго народа. Здѣсь играли роль и страдальческая судьба его до вступленія на престолъ, и его первыя правительственныя распоряженія и обѣщанія. Димитрію удалось вывести народныя

---

[1]) „Сказанія кн. Курбскаго“, 3-е изд., стр. 216—217.
[2]) „Лѣтопись занятій Археогр. Комисс.“ Вып. X, отд. 2, стр. 9.
[3]) Р. И. Б. т. XIII, стр. 1366.
[4]) На-ряду съ „видѣніями“ тогда играли большую роль и передавались, какъ нѣчто достовѣрное, реальное, и простыя сновидѣнія; между ними часто нельзя установить и границу. Русскіе люди вѣрили всему и сновидѣнія разсказывались даже „государственными“ людьми другъ другу, какъ таинственное открытіе свыше. По словамъ Массы, когда Борисъ Годуновъ посылалъ Басманова противъ Димитрія, то Семенъ Никитичъ Годуновъ съ своей стороны говорилъ Басманову;—„Ахъ! постарайтесь сами или прикажите убить этого Димитрія. Онъ являлся мнѣ во снѣ, какъ истинный царевичъ, и я самъ его боюсь“... (Масса—133 стр.)

массы изъ тупого индифферентизма къ своему положенію,—удалось пробудить интересъ къ политической жизни: «людіе московскаго государства и всѣхъ градовъ отъ всякаго чину по... ево прелестнымъ грамотамъ пріяша въ сердцахъ своихъ размышленіе» [1]). Впечатлѣніе, произведенное на русскія народныя массы Димитріемъ, было настолько обаятельно и велико, что впослѣдствіи казалось просто бѣсовскими чарами. Никогда при вступленіи на престолъ царя русскій народъ не принималъ такого активнаго участія, какъ при Димитріи. Его походъ изъ Польши въ Москву былъ тріумфальнымъ шествіемъ торжествующаго побѣдителя. Навстрѣчу ему выходили—«вси отъ мала до велика». Привѣтствуя его, народъ восклицалъ: — «Да здравствуетъ Димитрій! Мы были во тьмѣ кромѣшной! Красное солнце наше восходитъ!» [2]). Отъ радости плакали... [3]). Когда Димитрія не стало, народъ долго не желалъ вѣрить въ его смерть, долго ждалъ его вторичнаго появленія, и, кажется, въ Московской Руси не было еще болѣе оживленнаго, болѣе тревожнаго времени. По городамъ и селамъ собирались народныя сходки,—вездѣ обсуждался вопросъ, кому править русской землей [4]). Появились новыя представленія о народныхъ правахъ, о царской власти. Въ это время произошло,—небывалое въ русской исторіи ни раньше, ни позднѣе,—обращеніе народа къ царю объ оставленіи престола.—«И пріидоша на царскій дворъ и воздвигоша гласы своя, да отоиметца царская держава отъ царя Василія, понеже мужъ крове еси, и вси людіе мечемъ погибоша за него, и грады раскопаны суть, и вся Россійская держава запустѣніе прія. И тако вземше его изъ царскаго покоя, и отведоша въ прежебывшая его жилища, и посемъ возложиша на него мнишескій образъ» [5]).

Вполнѣ естественно, трагическая смерть Димитрія вызвала множество разсказовъ о самыхъ необыкновенныхъ происшествіяхъ. О знаменіяхъ и видѣніяхъ начинаютъ говорить въ самые послѣдніе дни царствованія Димитрія, когда заговоръ готовъ былъ осуществиться, когда число заговорщиковъ доходило до нѣсколькихъ тысячъ [6]) и какъ бы въ самомъ воздухѣ чувствовалось приближеніе какого-то бѣдствія. Масса разсказываетъ, что дня за два до убійства Димитрія онъ обратилъ вниманіе на луну, которая была совершенно

---

[1]) Р. И. Б. т. XIII, стр. 802—803.
[2]) „Сказан. современн.“ I т. стр. 65.
[3]) Масса—158.
[4]) Р. И. Б. XIII, стр. 507.
[5]) Р. И. Б. XIII т. стр. 60
[6]) Масса, стр. 197.

кровавой. Онъ говоритъ: «—Это меня очень испугало, и въ эту же ночь мы спрятали нашу мебель и имущество. Многіе также схоронили въ землю свои драгоцѣнныя вещи, деньги и сокровища. Опасаясь какого-нибудь несчастія, мы, подобно другимъ, заперли всѣ окна и двери и поставили сторожей».

По словамъ Массы, въ эти дни происходили и другія непонятныя предзнаменованія, замѣчавшіяся на небѣ и на другихъ предметахъ. Одно изъ этихъ знаменій онъ описываетъ какъ очевидецъ.

— «Около четырехъ часовъ пополудни, на прекрасно голубомъ и совершенно безоблачномъ небѣ, со стороны Польши показалось множество тучъ, своимъ видомъ похожихъ на горы и пещеры. Такъ какъ сначала не видно было (этихъ тучъ) на горизонтѣ, то поэтому и казалось, что онѣ упали съ небеснаго свода. Между ними мы совершенно явственно видѣли льва, который поднялся и исчезъ; потомъ верблюда, который также скрылся, и наконецъ великана, который немедленно исчезъ, какъ будто бы онъ ушелъ въ пещеру. Когда все это исчезло, мы явственно увидѣли висящій въ воздухѣ городъ со стѣнами и башнями, изъ которыхъ выходилъ дымъ, и этотъ городъ тоже исчезъ. Все это было, поистинѣ, такъ отчетливо, какъ будто было превосходно нарисовано рукою художника. Многіе изъ видѣвшихъ эти видѣнія были испуганы, но многіе не обратили вниманія на нихъ или шутили» [1]).

Интересны разсказы о событіяхъ, сопровождавшихъ смерть Димитрія. Нѣкоторые, очевидно изъ партіи заговорщиковъ, издѣвались надъ убитымъ,—таскали найденныя во дворцѣ маски, заявляя, что это его боги, которымъ онъ молился,—сѣкли плетьми его трупъ со словами: «сгубилъ ты наше царство, разорилъ казну, дорогой пріятель нѣмцевъ!»—положили на него «безобразную и безстыдную маску», волынку и мѣдную деньгу, приговаривая: «долго мы тѣшили тебя, с... с... и обманщикъ! Теперь самъ насъ позабавь...» [2]). Но другіе передавали о самыхъ необыкновенныхъ явленіяхъ, имѣвшихъ будто бы мѣсто при трупѣ.

Беръ пишетъ:—«Въ третью ночь около стола показался свѣтъ: когда часовые хотѣли подойти, свѣтъ исчезалъ—и снова являлся, какъ скоро удалялись. Испуганные такимъ явленіемъ, они тотчасъ донесли о семъ высокимъ господамъ, которые на другое же утро приказали отвезти тѣло въ Божій домъ, за Сер-

[1]) Масса—195 и 196 стр.
[2]) Геркманъ—289 стр. «Сказан. совр.». I т. 99 стр.; III т. 159 стр.

пуховскія ворота. Когда везли его, поднялась ужасная буря, но не во всемъ городѣ, а только по дорогѣ въ Божій домъ, и едва миновали ворота на Кулишкѣ, самыя внѣшнія, съ тремя башнями, вихрь сорвалъ съ одной башни кровлю и повалилъ деревянную стѣну до Калужскихъ воротъ. Потомъ сдѣлалось чудо въ Божіемъ домѣ, куда бросили тѣло Димитрія съ другими мертвецами: утромъ оно очутилось при входѣ; близъ него сидѣли два голубя, которые тотчасъ улетали, если кто-либо приближался, и опять садились на трупъ, когда никого не было. Бояре приказали завалить мертвеца землею; но онъ недолго оставался въ могилѣ: 17-го мая нашли его на другомъ кладбищѣ, далеко отъ Божьяго дома. Ужасъ напалъ на всѣхъ жителей Москвы... Наконецъ, 28 мая рѣшились его сжечь, и пепелъ развѣяли по воздуху»[1]). По свидѣтельству другихъ писателей, когда тѣло Димитрія лежало въ полѣ, многіе «слышаху въ полуношное время, даже до куроглашенія, надъ окаяннымъ трупомъ его великій плищъ и бубны и свирѣли и прочая бѣсовская игралища: радуетъ бо се сатана о пришествіи своего угодника»[2]). Раздавалась, будто бы, веселая музыка и виднѣлся огонь также надъ его могилой[3]).

Существуетъ въ высшей степени интересное указаніе о преднамѣренномъ распространеніи среди народа ложныхъ толковъ о чудесныхъ явленіяхъ надъ тѣломъ Димитрія. Геркманъ сообщаетъ, что монахи Андроніевскаго монастыря, по предварительному подговору московскихъ бояръ и вельможъ, распространяли слухи о томъ, что по ночамъ около могилы убитаго Димитрія горитъ много какихъ-то таинственныхъ огней и сюда является столько чертей, что иноки не могутъ ходить рано утромъ къ церковному богослуженію[4]). Это указаніе заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ въ виду несоотвѣтствія видѣній сложившемуся въ народѣ свѣтлому представленію о Димитріи, такъ равно въ виду отсутствія идейнаго единства въ этихъ видѣніяхъ: какъ совмѣстить бѣсовскія явленія съ трогательнымъ разсказомъ о голубяхъ, прилетавшихъ къ тѣлу Димитрія? Извѣстно, что голуби всегда пользовались особымъ чувствомъ расположенія русскаго народа, какъ существа преимущественно чистыя...

Кромѣ того, существуютъ другія основанія допускать возможность участія бояръ и духовенства въ распространеніи толковъ, порочащихъ память Димитрія. Убійство послѣдняго про-

---

1) «Сказан. соврем.». I, стр. 100 и 101.
2) Р. И. Б. т. XIII, стр. 59, 168, 831.
3) «Сказан. соврем.». II т., стр. 70.
4) Геркманъ—295 стр.

изошло вопреки волѣ народныхъ массъ. Бояре, призывая московское населеніе въ ночь убійства къ оружію, говорили, что идутъ на защиту царя, котораго, будто бы, намѣрены погубить поляки. Поэтому, когда дѣло разъяснилось, послышались обвиненія новаго правительства въ сверженіи истиннаго царя Димитрія, и уже 25 мая Шуйскому пришлось усмирять волненіе черни [1]). Правительству Шуйскаго нужно было оправдать себя передъ народомъ за подготовленный и совершенный имъ государственный переворотъ. И должно признать, что оно для достиженія намѣченной цѣли не стѣснялось средствами.

III.

Издавна одной изъ главныхъ мѣръ нравственнаго воздѣйствія на народъ у правительства была религія, окутывавшая древне-русскую жизнь почти во всѣхъ проявленіяхъ частнаго и общественнаго быта. Она всегда была могучимъ оружіемъ для водворенія «должнаго» смиренія и покорности въ недовольныхъ народныхъ массахъ. Религіозное воздѣйствіе явилось якоремъ спасенія для правительства и въ смутную эпоху.

Василій Шуйскій, кажется, особенно ясно понималъ значеніе въ политической жизни религіи и, въ частности, религіозныхъ торжественныхъ актовъ и пышныхъ публичныхъ церковныхъ церемоній, производящихъ сильное впечатлѣніе на народныя массы. Поэтому онъ никогда не упускалъ удобнаго случая, чтобы выступить передъ народомъ горячимъ ревнителемъ православной вѣры. Присужденный при Димитріи, за заговоръ, къ смерти, онъ на мѣстѣ казни послѣ слезной публичной молитвы къ Богу, съ возведеннымъ къ небу взоромъ, съ сложенными на груди руками, громогласно возвѣстилъ народу: — «За правду умираю и за истинную христіанскую вѣру!» Въ ночь убійства царя Димитрія Шуйскій разъѣзжалъ на бѣломъ конѣ, съ крестомъ въ одной рукѣ и съ мечемъ въ другой, и призывая народъ къ избіенію поляковъ, кричалъ:—«Отцы и братія, православные христіане! постражите за православную вѣру, побѣждайте враговъ христіянскихъ!» [2]).

Вступивши на царскій престолъ, Шуйскій прежде всего предлагалъ русскому народу возблагодарить Господа въ общей молитвѣ за то, что онъ православныхъ христіанъ «не предалъ

[1]) С. Ѳ. Платоновъ: «Очерки по исторіи смуты». СПБ. 1910 г., стр. 297.
[2]) Р. И. Б. XIII, стр. 735 и 749.

въ руцѣ врагу и богоотступнику, и что непорочная истинная наша христіанская вѣра не нарушилася; и пѣли бы естя молебны въ сборной церкви и по всему граду по три дни зъ звономъ, и молили бы естя всесильнаго и человѣколюбиваго въ Троицы славимаго Бога нашего и Пречистую Богородицу, нашу христіянскую надежу и заступницу, и великихъ чудотворцовъ и всѣхъ святыхъ о устроеніи всего міра и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и о нашемъ многолѣтномъ здравіи, и о всемъ православномъ христіянствѣ, чтобы Господь Богъ отвратилъ свой праведный гнѣвъ, подаровалъ миръ и устроилъ бы всему православному христіянству полезная, чтобы церкви Божія впредь стояли неподвижно и истинная христіянская вѣра была нерушима» [1]).

Шуйскимъ были объявлены и торжественно перенесены въ Москву мощи царевича Димитрія, имъ совершено торжественное перенесеніе тѣла Бориса Годунова въ Троицкую лавру; при немъ былъ вызванъ въ Москву престарѣлый, едва живой патріархъ Іовъ для разрѣшенія русскаго народа отъ клятвы, наложенной за измѣну царю Борису, и т. д.

Всѣ главныя обвиненія противъ Димитрія сводились къ преступленіямъ противъ вѣры. Ему ставилось въ вину, что онъ былъ «латинской вѣры крѣпкимъ хранителемъ», а также—имѣлъ сношенія съ бѣсовской силой. «Въ субботу млека и мяса не сталъ ясти, а въ среду и пятницу почалъ ясти мясо и всякое нечистое животное (телятину), и великую скверность нача дѣлать, и народъ на такую ересь приводить»; «хотѣлъ крестьянскую вѣру попрати и церкви разорити, а костелы римскіе устроити». По повелѣнію, будто бы, Димитрія, при вступленіи въ Москву, когда его привѣтствовалъ весь «освященный соборъ» съ крестами и иконами, ляхи и литовцы—«играли въ литавры и по набатамъ били, и въ сурны трубили по ихъ еретическому и латыньскому обычаю»; при вѣнчаніи съ Мариной ляхи въ церкви Божіей, «у святыхъ образовъ приклоняся, спали и лежали, а жены ихъ безчинствоваху во церкви Божіей, иже бѣ не мощно зрѣти такія скверны и смраду отъ поганыхъ беззаконія». Поляки ходили въ православныя церкви съ саблями, носили кресты «у поясовъ, и ниже гораздо пояса, и назади» [2]). Говорили, что у Димитрія подъ кроватью была спрятана икона Богородицы, что въ его сапогѣ былъ найденъ крестъ, что, будто бы, онъ «ночевалъ съ Мари-

1) Р. И. Б. т. XIII, стр. 70—71.
2) Р. И. Б. XIII т., стр. 56, 74, 84, 297—298, 495, 733, 743, 823.

ною на священномъ мѣстѣ, гдѣ находились иконы Богородицы» [1]), и т. д.

Убійство Димитрія совпало съ сильнымъ морозомъ и засухой, погубившими овощи, листву деревъ и даже луговую траву.—«И аеръ ста неблагонравіе плодити, облацы дождя не даша, не хотяще его злоокаяннаго тѣла омыти, и солнце не возсія на землю огрѣвати, и паде мразъ на всеплодіе и отъятъ отъ наю тука пшенична и гроздія, дондеже злосмрадное тѣло его на земли повержено бяше» [2]). Раздались голоса, что Димитрій и по смерти продолжаетъ чародѣйствовать, что случившееся бѣдствіе — кара Божія за мерзкія дѣла убитаго и т. д. И Шуйскій, «прозря сердечными очима, яко Богъ отврати лице свое и не повелѣ твари служить для смраднаго и окаяннаго Гришки Отрепьева лежащаго на земли трупа [3]), приказалъ сжечь Димитрія въ сдѣланной при его царствованіи подвижной крѣпости, прозванной русскими «Адомъ» и представлявшей собою одно изъ интересныхъ произведеній тогдашняго искусства [4]). Вмѣстѣ съ тѣмъ царскія грамоты рѣшительно подтверждали распространявшіеся въ народѣ толки о кѣдовствѣ и чернокнижествѣ Димитрія, о его «богоотступничествѣ» и т. д.

Когда обвиненія, которыя при жизни Димитрія слышались отъ лица нѣкоторыхъ фанатиковъ, послѣ его смерти были подтверждены, какъ справедливыя, оффиціально правительствомъ,

---

[1]) Геркманъ—281, 284 и др.

[2]) Р. И. Б. XIII, 59—60, 168, 831, 833 и 834. Ср. «Сказ. совр.» I т. 79 стр.; III т. 94, 95; Масса и Геркманъ—210, 211, 228, 294.

[3]) Р. И. Б. т. XIII, 169, 833, 834.

[4]) Насколько все касавшееся Димитрія принимало нелѣпую, чудовищную окраску, можно видѣть изъ описаній этого сдѣланнаго имъ «Ада». По словамъ Массы, это была крѣпость на колесахъ, съ нѣсколькими небольшими пушками и разнаго рода огнестрѣльными снарядами, предназначавшаяся для войны съ татарами. Она была прекрасно сдѣлана и вся раскрашена; на дверяхъ были изображены слоны, на окнахъ — входъ въ адъ, извергавшій пламя, въ нижней части на небольшихъ окнахъ, имѣвшихъ видъ чертовыхъ головъ, были поставлены маленькія орудія. (Масса—169—170). Совсѣмъ иначе описываетъ «Адъ» авторъ «Сказанія о царствѣ царя Ѳеодора Іоановича».—И сотвори себѣ онъ окаянной еретикъ въ семъ маловременномъ своемъ властолюбивомъ житіи и въ будущій вѣкъ образъ превѣчнаго своего домовища... что онъ возлюбилъ, то и наслѣдилъ: тако учинилъ прямо противъ своихъ полатъ за Москвою-рѣкою великую пропасть и поставилъ великъ котелъ съ смолою, прорицая себѣ будущее мѣсто, и надъ нимъ учинилъ три главы мѣдныхъ великихъ страшныхъ; зубы въ нихъ желѣзные, внутри устроено бряцаніе и звукъ, нѣкимъ ухищреніемъ учиниша аки адовы челюсти зѣваютъ, и зубы оклеплены имуще, а кохти, аки серпы вострые готовы на ухапленіе; а въ кое время начнетъ зѣвати, изъ гортани аки пламя пышетъ, изъ ноздрей же безпрестанно искры сыплютъ, изъ ушей дымъ непремѣнно исхождаше, извнутри же великій звукъ и бряцаніе, и страхъ великой позирающимъ на него людямъ является; и языкъ великъ висящъ, по концу же языка глава аспидова, хотяще поглотити». (Р. И. Б. XIII, 818—819).

воображенію, изощрявшемуся въ придумываніи болѣе позорной характеристики таинственнаго пришельца на царскій престолъ не было границъ. Говорили, что Димитрій въ «Адѣ» заперъ чорта, который былъ сожженъ вмѣстѣ съ нимъ, — что онъ научился адскому искусству у лапландцевъ, которые велятъ убивать себя и послѣ смерти оживаютъ; нѣкоторые же утверждали, что въ немъ воплощался самъ дьяволъ, являвшійся затѣмъ въ томъ же самомъ видѣ, съ тѣмъ же самымъ именемъ, и причинившій еще въ десять разъ больше несчастій, чѣмъ прежде [1])... Соотвѣтственно создававшемуся фантастическому образу Димитрія въ такихъ же дикихъ чертахъ вырисовывались и различныя черты изъ его жизни.

Смутная асмосфера таинственныхъ призраковъ, съ вступленіемъ на престолъ Шуйскаго, быстрѣе чѣмъ когда-либо, еще стала пополняться новыми чудесными знаменіями и видѣніями. Среди нихъ мы находимъ прежде всего самыя обыкновенныя явленія, надѣленныя чертами чудеснаго только разстроеннымъ воображеніемъ,—напримѣръ, паденіе въ мартѣ 1607 года языка у большого московскаго колокола, принятое за худое предзнаменованіе [2]); появленіе въ сентябрѣ того же года въ теченіе нѣсколькихъ дней кометы [3]).

Къ 1607 же году относится видѣніе церковнаго караула у Архангельскаго собора въ Москвѣ, принадлежащее къ такъ наз. «ночнымъ страхамъ», когда обычные предметы и явленія принимаютъ самыя фантастическія и причудливыя формы, въ неясныхъ очертаніяхъ окружающаго мерещатся невѣдомые призраки, въ колебаніи воздуха, въ шумѣ вѣтра слышатся неземные голоса... Въ февралѣ, 27 числа, караулъ собора, состоявшій изъ шести человѣкъ, будто бы, былъ свидѣтелемъ слѣдующаго необыкновеннаго происшествія. «Какъ де будетъ въ 5 часу ночи, и учалъ де быти въ церкви у собора Архангела Михаила, гдѣ благовѣрніи великіе князи лежатъ, шумъ быти и говоръ великъ, по смѣтѣ голосовъ зъ двадцать или съ тритцать, а одинъ де изъ нихъ говорилъ по книжнему за упокой безъ престани; а рѣчей де его и тѣхъ людей, у которыхъ промежъ ими говоръ и шумъ великъ, не разумѣти, и ихъ въ лица не видѣти никого же; а въ тѣ поры въ церкви свѣчя горитъ. И послѣ де того промежъ ими учалъ быти смѣхъ, и одинъ де изъ нихъ изо всѣхъ голосъ толстъ, а противъ де его говорили всѣ встрѣчно; а одинъ де

[1]) Масса—170, 209, 212, 213; «Сказ. совр.», I т. 100—101 стр.
[2]) Масса—243 стр.
[3]) «Сказ. совр.» 2 т., 108 стр.

таки говоритъ по книжному за упокой; и толстоголосый на всѣхъ на нихъ крикнулъ, и они де передъ нимъ всѣ умолкли. И послѣ де того въ церквѣ промежъ ими всѣми учалъ быти плачъ великъ; а по церквѣ де въ тѣ поры по всей свѣтъ великъ былъ... И тое говори было промежъ ими, шуму и плача съ пятаго часа да до седьмого» [1])...

Въ 1608 году авторъ «Повѣсти о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россію», былъ очевидцемъ облачнаго на небѣ знаменія, напоминающаго собою видѣніе, свидѣтелемъ котораго былъ въ 1606 году Масса. Разсказчикъ — неизвѣстное лицо, служившее въ посольскомъ приказѣ и скрывшее свое имя ради «премножества грубости» своей и «превеликихъ и безчисленныхъ злосмрадныхъ и злогнусныхъ пребеззаконій»... Передаетъ онъ о видѣнномъ, не желая преслушать повелѣнія настоятеля нѣкоей честной обители. Авторъ, ѣздившій съ нѣмецкимъ толмачемъ посольскаго приказа Григоріемъ Кропольскимъ для объявленія по разнымъ городамъ царскихъ грамотъ о наборѣ ратниковъ, былъ свидѣтелемъ слѣдующаго «страшнаго знаменія вельми». Онъ видѣлъ «льва, звѣря зѣло превелика и пречюдна, одесную страну стояща, а ошую страну, прямо его недалече, змія прелюта и прегорда, стоящихъ неподвижно: а хощетъ яко единъ единаго возхитити и разтерзати; а окрестъ льва великаго множество звѣрей различными образы, змія же прелютаго окрестъ множество змій малыхъ». Черезъ нѣкоторое время видѣніе стало «миноватися: змій опружишася выспрь ногами и нача помалу изчезати, левъ же припаде на чрево и нача помалу убываги, и потомъ ни единъ не видимъ бысть; и прочіе звѣріе и зміи также невидими быша; и облака паки устроишася въ своемъ естествѣ». Кропольскій такъ растолковалъ своему спутнику видѣнное: «левъ превеликій—то есть нашъ благочестивый христіанскіе вѣры поборникъ, царь и великій князь Василій; окрестъ же его звѣріе—его подручьники, православніи народи, сынове Россійстіи, поборая съ нимъ по правовѣріи; змій же прелютый и прегордый—Тушинской царь коварственный, лживый царевичъ Димитрій, а окрестъ его множество змій—споборатели съ нимъ, окоянніи они богоотметніи языцы; оба изгибше, левъ и змій, и прочіе окрестъ звѣріе и зміи такожде—то есть показуетъ: вскорѣ обоимъ царемъ будетъ измѣненіе и прекращеніе, а не единъ каждого не одолѣетъ» [2]).

«Повѣсть о нѣкоей брани», какъ видно изъ ея содержанія,

[1]) Р. И. Б. XIII, 184—186.
[2]) Р. И. Б. XIII, 255—266.

писана въ царствованіе Михаила, слѣдовательно, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ даннаго событія. Къ причудливымъ очертаніямъ подвижныхъ, постоянно мѣняющихъ свою форму, облаковъ несомнѣнно присоединило свои черты воображеніе, не болѣе устойчивое въ своихъ впечатлѣніяхъ, чѣмъ облачныя сферы.

IV.

Большого вниманія заслуживаетъ видѣніе 12-го октября 1606 года [1]), гдѣ на-ряду съ элементами чудеснаго сказывается особенно много и человѣческаго вліянія. Одинъ святой мужъ («духовенъ»), москвичъ, скорбѣвшій о бѣдствіяхъ родной земли, послѣ ночной молитвы о мирѣ всего міра и объ избавленіи родины отъ гнѣва Божія, забылся тревожнымъ («тонкимъ») сномъ. Во снѣ онъ по громкому благовѣсту новаго соборнаго большого колокола, отлитаго при царѣ Борисѣ, идетъ въ Успенскій соборъ, при чемъ дорогой обращаетъ вниманіе на сухой гладкій путь, несмотря на стоявшую тогда дождливую осень. Въ соборѣ онъ видитъ, среди неизреченнаго свѣта, Господа, сѣдящаго на престолѣ и окруженнаго Богородицей, Іоанномъ Крестителемъ, ангелами и святыми. Богородица, преклоняясь до земли предъ Господомъ, молила его пощадить «людей своихъ» и «отвратить отъ нихъ праведный гнѣвъ свой». Господь отвѣчалъ:— «О Мати моя! не стужай Ми, и ты, друже мой Крестителю Иване, и вси мои святіи. Не рѣхъ ли вамъ, яко нѣсть истинны во царѣ же и въ патріаршѣ, ни во всемъ священномъ чину, ни во всемъ народѣ моемъ, новѣмъ Израили... Многажды хотѣхъ помиловати ихъ, о Мати моя, твоихъ ради молитвъ, но раздражаютъ утробу мою всещедрую своими ихъ окаянными и студными дѣлы; и сего ради, Мати моя, изыди отъ мѣста сего, и вси святіи съ Тобою; Азъ же предамъ ихъ кровоядцемъ и немилостивымъ разбойникомъ, да накажутся малодушніи и пріидутъ въ чювство, и тогда пощажу ихъ». Богородица воскликнула:—«Ужели презрѣ матере своея прошеніе, о Сыну мой, прекрасный свѣте мой». Господь тихо промолвилъ:—«Тебѣ ради Мати моя пощажу ихъ, аще покаются; аще ли же не покаются, то не имамъ милости сотворити надъ ними». Одинъ изъ предстоящихъ повелѣлъ святому мужу, созерцавшему это видѣніе, идти и разсказать о немъ всѣмъ людямъ.

---

[1]) Р. И. Б. XIII, 101—105; 177—184.

Кто былъ тотъ святой духовный мужъ, который удостоился небеснаго откровенія 12 октября, неизвѣстно, такъ какъ онъ не пожелалъ открыть своего имени, но для насъ въ высшей степени интересна личность Благовѣщенскаго протопопа Терентія, который былъ посвященъ неизвѣстнымъ святымъ мужемъ въ чудесное откровеніе и затѣмъ первый возвѣстилъ о немъ царю и патріарху.

Для характеристики протопопа Терентія мы имѣемъ нѣкоторые оставшіеся послѣ него письменные памятники. Какъ видно изъ его челобитной Димитрію, это былъ человѣкъ, не стѣснявшійся соединять личные свои интересы съ общественнымъ дѣломъ. Ему было необходимо обратиться къ Димитрію съ просьбой, чтобы онъ не внималъ «слухамъ неподобнымъ», которые о немъ, Терентіи, «неправѣ глаголятъ»: «никогда бо твоей царствѣй власти зла сотворихомъ». По мнѣнію С. Ѳ. Платонова, на основаніи этихъ мѣстъ можно думать, что на Терентія пало подозрѣніе въ какой-то провинности политическаго характера; чтобы избавиться отъ такого подозрѣнія, онъ и составилъ свое витіеватое челобитье [1]). Челобитье было пріурочено къ вступленію Димитрія въ Москву и превратилось въ ораторское пастырское привѣтствіе новаго царя.

Сказавъ объ огромномъ значеніи силы молитвы, а также о великомъ милосердіи Божіемъ, Терентій обращается къ царю съ горячей мольбой о снисхожденіи и милосердіи, сопровождая вмѣстѣ съ тѣмъ свою мольбу горячими благопожеланіями:—«И молимъ твою царьскую державу, и припадаемъ на колѣну, и поклоняемся тѣлеснѣ вкупѣ и душевнѣ, и проливаемъ ото очію сердечнѣ теплыя слезы, и главу свою берную приметаемъ къ пречистыма погама твоима, и вопіемъ умилнымъ гласомъ отъ сокрушенна сердца: о пресвѣтлый Царю, буди намъ милостивъ, яко же Отецъ нашъ небесный милостивъ есть!..» «Восплачуся предъ тобою, благочестивый царю, недостойнѣ нарицатися смиренный Терентіе, да милостива тебѣ сотворю, пролію слезы, грубый во освященницѣхъ, да кротокъ и тихъ будеши намъ; поклонюся свѣтлому твоему лицу сокрушеннымъ сердцемъ и умиленнымъ взоромъ, да твое царево сердце милостиво къ себѣ пріобрящу; припаду къ твоима пречистыма ногама съ теплыми слезами, да услышу гласъ твой пресладкій: иди въ домъ свой съ миромъ, и къ тому не буде печаленъ, но буди моля Бога о

[1]) Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка какъ историческій источникъ", 2-е изд., Спб., 1913 г., стр. 73—74, примѣчаніе.

насъ! И пришедъ въ домъ свой милости твоя всѣмъ возвѣщу, и пребудемъ всегда молящеся Богу въ радости душевнѣй, вси вкупѣ, во вся дни живота своего, за тебѣ свѣтлаго царя, за тебѣ милостиваго государя, за благороднаго великаго князя возлюбленнаго Богомъ Димитрія Ивановича, всея Великія Россіи Самодержца...» [1]).

Профессоръ Димитревскій о цитируемомъ произведеніи Терентія говоритъ:—«Этотъ даровитый проповѣдникъ превзошелъ этотъ разъ самого себя, превознося Димитрія. Его устами говорила вся Москва, въ его рѣчи вылилось радостное чувство, одушевлявшее въ тотъ день всѣхъ и каждаго» [2]).

Оригинальная челобитная протопопа Терентія, кажется, имѣла желанный успѣхъ: въ царствованіе Димитрія мы видимъ его по-прежнему священствующимъ при Благовѣщенскомъ Соборѣ. Но съ паденіемъ Димитрія положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось: кромѣ прежнихъ грѣховъ, за протопопомъ была челобитная, въ которой онъ такъ превозносилъ еретика и богоотступника; а можетъ быть прибавились и еще другія вины. Чтобы пріобрѣсть расположеніе, Терентію, конечно, было неудобно выступать съ привѣтствіемъ новаго правительства, только-что смѣнившаго восхваленное имъ прежде. Для него былъ лучшій исходъ заставить другихъ забыть все прошлое. И видѣніе «святого мужа», возвѣщавшее русскому народу о всеобщей грѣховности, какъ нельзя болѣе должно было отвѣчать душевному настроенію протопопа: въ самомъ дѣлѣ, что было считать грѣхи другъ друга, когда нѣтъ правды ни въ царѣ, ни въ патріархѣ, ни въ церковномъ чинѣ, ни во всемъ народѣ. Безвѣстность «святого мужа», причастность къ видѣнію такого лица, какъ протопопъ Терентій, соотвѣтствіе руководящей идеи этого видѣнія личнымъ интересамъ протопопа — все это невольно заставляетъ думать, что и «святой мужъ», и само видѣніе являются произведеніемъ фантазіи Терентія.

По своему характеру видѣніе 12 октября напоминаетъ многочисленныя древне-русскія видѣнія, въ которыхъ обычно выступала въ качествѣ заступницы рода христіанскаго Богоматерь и обычно раздавался призывъ русскаго народа къ покаянію. И Терентію, какъ человѣку книжному, не стоило большого труда по готовымъ образцамъ сочинить новое видѣніе. Какъ человѣкъ съ несомнѣннымъ литературнымъ талантомъ, онъ, естественно,

---

[1]) Акты Археогр. Экспедиціи. Т. II, стр. 385.

[2]) Димитревскій, А.—„Архіепископъ Елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи". Кіевъ, 1899 г. Стр. 100.

включилъ въ свое произведеніе такія художественныя подробности, какъ, напримѣръ, раздающійся въ ночной тиши звонъ огромнаго отлитаго при Годуновѣ колокола, производившаго сильное впечатлѣніе на москвичей; также сумѣлъ онъ приспособить видѣніе къ современному политическому положенію, примѣнивъ его на поученіе «нынѣшнему роду лукавому и непокорливому и отбѣгшему Божія милости и уклонившемуся отъ заповѣдей Его святыхъ и впадшему въ сѣти дьяволя многоразличныя...».

Предположеніе о принадлежности видѣнія всецѣло Терентію представляется еще болѣе основательнымъ, если припомнить, что сочиненіе ложныхъ чудесъ и подтасовка текстовъ были довольно распространеннымъ явленіемъ того времени.—Въ «Бесѣдѣ Валаамскихъ чудотворцевъ» содержится любопытное указаніе, что многіе книжные иноки «по дьявольскому пакосному умышленію...» «выкрадываютъ изъ книгъ подлинное преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе и на тоже мѣсто въ тѣ же книги приписываютъ лучшая и полезная себе, носятъ на соборы во свидѣтельство, будто ся подлинное святыхъ отецъ писаніе...» [1]). Въ постановленіяхъ собора 1551 года между прочимъ читаемъ, что повсюду ходятъ-странствуютъ лживые пророки—«отъ сновъ смущени и отъ бѣсовъ прелщени» и что среди этихъ пророковъ «мужики и жонки и дѣвки, и старые бабы наги и босы и волосы отростивъ, и распустя трясутся и убиваются...» [2]). Въ числѣ такихъ вѣстниковъ подозрительныхъ откровеній находимъ, напримѣръ, священника изъ села Ѳедора Никитича. Онъ, будто бы, въ 1559 году, при погребеніи юродиваго Ивана Колпака, удостоился слѣдующаго откровенія. Во время погребенія блаженнаго на небѣ появились двѣ грозныя большія тучи и въ это время священникъ былъ взятъ двумя ангелами «подъ руки» на воздухъ и было ему возвѣщено: «Кличи де народу, къ чему Ивана до трехъ день погребаютъ, и на что ево изъ деревяннаго гроба въ каменой перекладываютъ, да поясъ съ него сняли, а на немъ былъ тотъ поясъ отъ Господня гроба...» «И священникъ отъ того ужасу не могъ народу говорити, и ангели ево поставили въ паперти. А въ тѣ поры громъ грянулъ велми страшенъ и огнь съ небеси сшелъ... [3]).

Видѣніе Терентія было встрѣчено сочувственно въ правящихъ сферахъ, такъ какъ призывъ къ всенародному покаянію и

[1]) Лѣтопись занятій Археогр. Комисссіи. Вып. X, стр. 11.

[2]) „Царьскія вопросы и соборныя отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ“ (Стоглавъ). М., 1890 г. Стр. 185—186 и 332.

[3]) Лѣтоп. занят. Арх. Комис. 1861 г.“. I вып. Спб., 1862 г. Матеріалы, стр. 50—51.

молитвѣ былъ особенно своевременъ для Московскаго государства, недовольнаго правительствомъ Шуйскаго: «И то видѣніе чли по царьскому велѣнію въ соборѣ у Пречистые Богородицы вслухъ во весь народъ, а міру собраніе велико было. И для того постъ учинили въ царьствѣ, великъ и малъ, лѣта 7115-го съ октября съ 14 числа, съ понедѣльника, да по октябрь же по 19 день, до недѣли, и молебны пѣли по всѣмъ храмамъ и Бога молили за царя и за все православное крестьянство». Однако само правительство не проникалось, желаннымъ для автора видѣнія, сознаніемъ своей грѣховности и, призывая другихъ къ молитвѣ и покаянію, продолжало творить свой судъ и за дѣла прошлаго: Терентій былъ смѣщенъ съ протопопскаго мѣста при Благовѣщенскомъ соборѣ и получилъ его обратно лишь въ 1610 году, по своему ходатайству передъ Сигизмундомъ III [1]).

Призывъ къ покаянію, раздавшійся въ видѣніи Терентія и соотвѣтствовавшій видамъ правительства, не былъ расчитанъ съ психическимъ состояніемъ народныхъ массъ. Русскій народъ менѣе, чѣмъ когда-либо, былъ склоненъ къ отрѣшенію отъ своихъ земныхъ интересовъ, которые становились особенно жизненными тогда. Со вступленіемъ на престолъ Шуйскаго стали раздаваться призывы Болотникова и Тушинскаго самозванца: даже боярскимъ холопамъ были обѣщаны боярства, окольничества, воеводства... [2]). Открывшаяся возможность быстрой, почти сказочной перемѣны своей судьбы подняла всѣхъ обездоленныхъ и обиженныхъ. Несомнѣнно, въ яркихъ, заманчивыхъ картинахъ рисовалось для нихъ будущее, и не мѣсто, конечно, было для покаянія и слезъ въ этотъ періодъ торжества и свѣтлыхъ надеждъ темнаго, голоднаго люда. Чтобы отрѣшиться отъ надеждъ на лучшее будущее, русскому народу пришлось пережить цѣлый рядъ горькихъ разочарованій и бѣдствій...

Люди, жаждавшіе возстановленія государственнаго порядка, въ царствованіе Василія Шуйскаго, не ждали ничего хорошаго для страны. Будущая судьба самого царя была очевидна для всѣхъ. Въ 1609 году, осенью, повторилось видѣніе церковной стражи въ Архангельскомъ соборѣ, подобное тому, которое имѣло мѣсто здѣсь въ 1607 г. «Рекоша же тогда мнози отъ народа, яко царство Василія Царя вскорѣ съ плачемъ скончатися иматъ». Въ февралѣ 1610 г. въ одномъ московскомъ женскомъ монастырѣ возжглась свѣча, «сама о себѣ огнемъ небеснымъ», но

[1]) Акты отн. къ ист. Зап. Россіи, т. IV. стр. 388—389.
[2]) Акты Арх. Экспед. II, 123.

на другой день она была потушена во время внезапно поднявшейся бури налетѣвшимъ въ церковь вѣтромъ. И это событіе было объяснено, что въ скоромъ времени для царя Василія «свѣтящаяся благодать мимо иде» [1]).

Въ 1609 г. преподобный Иринархъ «въ тонцѣ снѣ» видѣлъ «Москву градъ посѣчену отъ Литвы и Всероссійское царство попленено и пожжено по мѣстамъ». По таинственному повелѣнію онъ отправился изъ своей обители въ Москву возвѣстить о своемъ видѣніи царю. Шуйскій съ большимъ почетомъ встрѣтилъ преподобнаго и смиренно, съ полной покорностью волѣ Божіей, выслушалъ себѣ небесный приговоръ [2]).

Однимъ изъ наиболѣе малообдуманныхъ и рискованныхъ предпріятій польско-казацкаго войска была осада Троице-Сергіевой лавры. Она была тяжелымъ испытаніемъ для религіозно-нравственнаго чувства русскаго народа, такъ какъ даже въ планы самыхъ безпокойныхъ его элементовъ не могла входить борьба противъ православныхъ святынь. Поэтому, по справедливымъ словамъ С. М. Соловьева [3]), монахи и ратные люди видѣли передъ стѣнами своими не того, кто называлъ себя сыномъ царя Ивана Васильевича, — они видѣли предъ стѣнами обители св. Сергія толпы иновѣрцевъ, поляковъ и Литву, пришедшихъ поругать и расхитить церковь и сокровища священныя. Здѣсь дѣло шло не о томъ, передаться ли царю тушинскому отъ царя московскаго, но о томъ, предать ли гробъ великаго чудотворца на поруганіе врагамъ православной вѣры. Троицкіе сидѣльцы защищали не престолъ Шуйскаго только, но гробъ св. Сергія, и потому здѣсь измѣна не могла пересилить вѣрности.

Разсказы о видѣніяхъ въ Троицкой лаврѣ во время осады 1608—1610 г. г. рисуютъ предъ нами тотъ духовный міръ, которымъ жили находившіеся въ осадѣ,—тѣ воззрѣнія, которыя давали защитникамъ обители мужество такъ долго и такъ геройски бороться съ непріятелемъ. Передъ нами проходитъ рядъ видѣній: о какомъ-то огненномъ столпѣ надъ церковью св. Троицы, простиравшемся до тверди небесной и затѣмъ постепенно спускавшемся въ самую церковь [4]), о какомъ-то подвижномъ («скакаху») огнѣ около луны, о необыкновенномъ блескѣ звѣздъ, падавшихъ надъ монастыремъ и кругомъ его [5]), о таинственномъ пѣніи, слышавшемся

[1]) „Старина и Новизна“. Кн. XII, М. 1907 г., стр. 107—108. Р. И. Б. XIII, 121—122.

[2]) Р. И. Б. XIII, стр. 1372—1375.

[3]) „Исторія Россіи“ 2 изд. СПБ. кн. 2 ст. 8 тр. 856.

[4]) Р. И. Б. XIII, 1035—1036 стр.

[5]) Ibid. стр. 1133. Ср. Палицынъ: „Сказаніе о осадѣ Троицк. Сергіевскаго монастыря“ М. 1784 г. стр. 148.

ночью въ одной изъ монастырскихъ церквей: «но не по чину молебновъ гласы исходятъ. И ни тако, яко же иноцы, или яко же мирстіи, но зѣло красно и множество поющихъ немолчно и безпрестанно и гласы громны»... [1])

Какъ были поняты эти странныя явленія осажденными,—были ли они приняты за добрыя или худыя знаменія, свѣдѣній объ этомъ не имѣется. Другія видѣнія—съ болѣе опредѣленнымъ содержаніемъ: въ нихъ вполнѣ ясны смыслъ и значеніе. Это обычно тотъ или иной отвѣтъ на настроеніе данной минуты. Осажденные по большей части видѣли что-либо утѣшительное или ободряющее. Видѣли свѣтоноснаго мужа-воина, который, будто бы, помогалъ имъ въ сраженіи,—свѣтолѣпнаго старца, который, воодушевляя монастырскихъ защитниковъ, возвѣщалъ имъ, что если бы никто изъ нихъ не остался живымъ, то и тогда Господь не предастъ обители, «святаго мѣста сего», въ руки враговъ. Видѣли преподобнаго Сергія, сзывавшаго ночью братію въ церковь св. Троицы. Здѣсь преподобный сказалъ стоявшему передъ образомъ Богоматери архіепископу новгородскому св. Серапіону:—«Отче Серапіоне, почто умедлилъ еси принести моленіе ко всемилостивому Богу и Пречистой Богородицѣ?» Св. Серапіонъ, поднявъ свои руки кверху, возопилъ:—«О всепѣтая Мати! рождшая всѣхъ святыхъ святѣйшее Слово, нынѣшнее приношеніе пріемши, отъ всякія напасти избави всѣхъ, и грядущія изми муки вопіющія ти: аллилуіа»... [2]).

Чаще другихъ удостоивались видѣній архимандритъ Іоасафъ и пономарь Иринархъ, обычно когда они, стоя на молитвѣ, отдавались дремотѣ. Преподобный Сергій, дважды являвшійся дремавшему Іоасафу, призывалъ осажденныхъ къ молитвѣ. Въ третій разъ Іоасафъ, въ забытіи маломъ во время общей усиленной молитвы («поліянъ бысть помостъ церковный слезами» и церковное пѣніе замедлялось «отъ множества плача»), видитъ архангела Михаила, говорящаго осаждавшимъ монастырь:—«О! врази Лютори! се ваша, беззаконницы, дерзость и до моего образа доиде! Всесильный же Богъ воздастъ вамъ вскорѣ отмщеніе»... [3]). Пономарю Иринарху являлись преп. Сергій и Никонъ. Послѣдній во время свирѣпствовавшей въ монастырѣ цынги возвѣстилъ старцу:—«Повѣждь болящимъ людемъ: се падетъ снѣгъ въ сію нощь, и хотящіи исцѣленія получити, да трутся тѣмъ новопадшимъ снѣгомъ. Рцы же всѣмъ людемъ, яко Никонъ

---

[1]) Р. И. Б. XIII, 1112—1114.
[2]) Ibid. стр 1078, 1084,1102, 1070—1071.
[3]) Р. И. Б. XIII, стр. 1061, 1070, 1071, 1069.

сказа се». Когда, дѣйствительно, выпалъ снѣгъ и Иринархъ разсказалъ о своемъ видѣніи,—«иже вѣру сему емше, и тѣмъ снѣгомъ тершеся, и отъ тѣхъ мнози здравіе получиша». Преподобный же Сергій предупредилъ черезъ Иринарха осажденныхъ о готовившемся приступѣ непріятеля, а затѣмъ, въ двухъ явленіяхъ Иринарху, успокаивалъ монастырскихъ защитниковъ по поводу тревоги о неприсылкѣ имъ помощи изъ Москвы. Въ одно изъ видѣній онъ сказалъ Иринарху:—«Рцы братіи и всѣмъ страждущимъ во осадѣ, почто унываютъ, и ропщутъ на держащаго скипетръ. Азъ неотступно молю Христа Бога, а о людехъ не скорбите: людей къ вамъ царь Василій пришлетъ»[1]). Это было въ февралѣ 1609 года, передъ тѣмъ какъ прибыть въ монастырь отъ Шуйскаго 60 человѣкамъ ратниковъ, изъ которыхъ четверо были схвачены и повѣшены поляками. Въ другой разъ, когда силы защитниковъ опять оскудѣли и когда отъ облегавшаго кругомъ непріятеля невозможно было даже послать вѣстниковъ въ Москву, явившійся преподобный Сергій возвѣстилъ: «Рцы братіи и всѣмъ ратнымъ людемъ! Почто скорбятъ, что вѣсти послати къ Москвѣ нельзя? Азъ послахъ отъ себе къ Москвѣ въ домъ Пречистыя Богородици и къ московскимъ чудотворцемъ молебное торжество совершити трехъ учениковъ своихъ: Михея, Варфоломѣа, да Наума, въ третьемъ часу нощи. Воры же и Литва видѣшя ихъ»... На другой день монастырскіе дворяне и ратные люди стали переговариваться съ казаками и поляками, что имъ извѣстно о трехъ старцахъ. Тѣ, смѣясь, говорили: «Послали де вы къ Москвѣ трехъ мниховъ; подъ двема лошади кари, а подъ третіимъ стреката; и на сторожу нашу наѣхали, и сторожи наши ихъ перехватали, и дву казнили, а третіего къ царику послали». Другіе останавливали шутниковъ, говоря: «Не лжите... никого же не поимахомъ»... Чтобы выяснить дѣйствительное положеніе дѣла, монастырскіе выводы, по общему совѣту, сдѣлали вылазку, взяли «языка нарочита шляхтича» и произвели ему «распросъ и пытку»... Полякъ сказалъ: «Поѣхали де отъ васъ къ Москвѣ три мнихи и наѣхали на нашу сторожу, и они за ними гонишя, да не догнали. Се же пáны солгашя, что поймали; истинно вамъ сказую, яко не поймали ни единаго, лише бахматы свои поморили; подъ старцами же скоты худы, но яко крилаты». Въ монастырѣ многіе не вѣрили чуду о посылкѣ трехъ старцевъ. Въ числѣ такихъ невѣрующихъ былъ, между прочимъ, лежавшій въ больницѣ одинъ монахъ. Къ нему

1) Ibid. стр. 1111—1112, 1053—1054, 1110. Полн. Собр. Р. Л. т. XIV, 1 полов СПБ, 1910. г. Стр. 95.

явился преподобный Сергій и сказалъ: «Что сумнишися, истинно посла учениковъ своихъ». Больной спросилъ: «Да на чемъ послалъ еси, государю нашъ?» Преподобный отвѣчалъ: «Ихъ же конюшей Афанасій Ошеринъ, скудости ради корма, трехъ слѣпыхъ мериновъ въ надолбы изгна внѣ монастыря, на тѣхъ послахъ; повѣждь же всѣмъ о семъ: не толико ми гнусно смрадъ блуда согрѣшающихъ мирянъ, елико же инокъ не брегущихъ своего обѣщанія, и подъ стѣнами града обители моея всѣхъ враговъ пришедшихъ потреблю; нечисто же во обители сей и двоемысленно живущихъ погублю, и со осквернившимися управлюся» [1]).

Въ чемъ же проявилось чудесное посольство иноковъ въ Москвѣ? Палицынъ передаетъ, что въ тотъ день, когда было видѣніе Сергія понамарю Иринарху, въ Москвѣ видѣли, какъ въ городъ съ 12 возами печенаго хлѣба въѣхалъ «святолѣпенъ» старецъ. Народъ, удивлявшійся, какимъ образомъ онъ благополучно миновалъ окружавшія Москву польскія и казацкія войска, спрашивалъ старца, откуда онъ? Старецъ привѣтливо отвѣчалъ: «Отъ дому Пресвятыя и Живоначальныя Троица вси мы суть».— «И како, господине отче, надежи нашея Содѣтеля Бога домъ Пресвятыя Троица?»—«За молитвъ Матери Слова Божіа со всѣми силами небесными и всѣхъ святыхъ молитвами не предастъ Господь имени своего въ поношеніе языкомъ. Но токмо, братіе, сами не поколеблетеся прилоги зміиными, да не пожретъ васъ искони всѣхъ ненавидяй». Старецъ направился къ Богоявленскому монастырю. Слухъ о пріѣздѣ старца скоро распространился по городу, и народъ толпами началъ стекаться въ монастырь; но монастырскіе слуги заявляли, что къ нимъ никто въ тотъ день изъ Троицкаго монастыря не пріѣзжалъ... О пріѣздѣ троицкаго старца слухъ дошелъ и до царя, который чрезъ своихъ посланцевъ съ гнѣвомъ спрашивалъ келаря Палицына:—«Почто се прежде царю не возвѣстилъ еси о сихъ и не представилъ еси ихъ предъ царемъ?» [2])...

Преподобный Сергій и Никонъ въ чудесныхъ видѣніяхъ являлись не только для утѣшенія и одобренія монастырскихъ защитниковъ, но иногда и для разрѣшенія возникшихъ среди нихъ недоразумѣній, а также для устрашенія осаждавшаго непріятеля.

---

[1]) Р. И. Б. XIII, 1139—1143. Ср. XIV т. лѣтоп., 1 полов., стр. 95.—„Новый лѣтописецъ“, передавая чудесную исторію отправленія въ Москву трехъ старцевъ на слѣпыхъ лошадяхъ, относительно ихъ „масти“ говоритъ: „подъ единемъ лошадь сѣра, а подъ другимъ ворона, и подъ третьимъ гнѣда“.

[2]) Р. И. Б. XIII, 11171—1174.

Въ осажденномъ монастырѣ, въ виду пріостановки подвоза, приходилось крайне разсчетливо расходовать имѣвшіеся запасы хлѣба. Между тѣмъ ратники стали злоупотреблять своимъ особымъ привилегированнымъ положеніемъ и брать хлѣба больше, чѣмъ слѣдовало. Просьбы и убѣжденія архимандрита Іоасафа не дѣйствовали на воиновъ. Тогда двумъ изъ находившихся въ монастырѣ ратниковъ явились преподобный Сергій и Никонъ, и послѣдній сказалъ имъ:—«Возвѣстиста всѣмъ въ осадѣ сѣдящимъ: Се глаголетъ Сергій и Никонъ: что лукавствуете къ намъ неправедно и почто лишняя вземше отдаете на пометъ сребра и на піанство. И что ругаетеся мучающимся у огня въ пекарни? Или не смыслите сего, яко потъ тѣхъ, кровь снѣдаете? Внимайте же себѣ, яко обругани имате быти чревомъ и отъ него злѣ скончаетеся» [1]).

Что касается осаждающихъ, то, какъ извѣстно, многіе изъ нихъ мучались совѣстью, что подняли руки на чтимую всѣми обитель. По свидѣтельству Палицына, такимъ людямъ казалось, что противъ нихъ сама небесная сила. Перешедшій на сторону монастырскихъ защитниковъ казакъ Иванъ Рязанецъ разсказывалъ, что казаки видѣли двухъ свѣтозарныхъ старцевъ, похожихъ на великихъ чудотворцевъ Сергія и Никона, которые съ пѣніемъ «Спаси Господи» и «Вознесыйся на крестъ» ходили по монастырскимъ стѣнамъ; при чемъ одинъ осѣнялъ крестомъ и кадилъ золотой кадильницей обитель, а другой кропилъ ее святой водой; затѣмъ, обратившись къ казакамъ и полякамъ, преподобный Сергій съ лицомъ, сіяющимъ свѣтомъ, какъ палящій огонь, возвѣстилъ «ярымъ гласомъ и жестоко претя»:—«О́ злодѣи, законопреступницы! Почто текостеся разорити домъ Пресвятыя Троица и въ немъ Божіа церкви осквернити, и иночествующихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ погубити? Не дастъ вамъ жезла на жребій свой Господь». Казаки и поляки, не устрашившись этого дивнаго видѣнія, стали стрѣлять въ святыхъ старцевъ; тогда пули и стрѣлы чудеснымъ образомъ возвращались обратно и «уязвляли» стрѣлявшихъ «на извѣщеніе и на большое чудо прославляющу Богу угодниковъ своихъ». Рязанецъ также передавалъ, что преподобный Сергій, явившійся во снѣ начальникамъ польскаго и казацкаго войскъ, сказалъ имъ:—«Мольбу на васъ злодѣевъ сотворю Вышнему Царю, и во вѣки осуждени будете мучитися въ геенскихъ мукахъ». Въ то же время польскимъ и казацкимъ воинскимъ

[1]) Р. И Б. т. XIII, стр. 1098—1099.

властямъ снилось, что съ востока истекла большая рѣка, а отъ запада и юга—два большія озера, и они, соединившись вмѣстѣ, потопили польскіе и казацкіе полки... Когда донской казачій атаманъ Степанъ Епифановъ сталъ толковать о дурномъ значеніи этихъ сновъ, то возбудилъ противъ себя ропотъ. Начали говорить, что онъ возмущаетъ войска. И атаманъ, чтобы избѣжать угрожавшей ему расправы отъ сотоварищей, бѣжалъ со своими казаками изъ лагеря [1]).

Тревожные толки о сонныхъ видѣніяхъ и связанный съ ними уходъ части казаковъ изъ военнаго лагеря произвели, будто бы, деморализующее вліяніе на оставшихся: прежнее сонное видѣніе разрушительнаго потопа повторилось, будто бы, уже наяву среди казаковъ атамана Андрея Болдыря, когда они, въ ожиданіи приступа къ монастырю, залегли въ назначенномъ мѣстѣ около монастырскихъ прудовъ. Казаки увидали, что между ними и монастыремъ идетъ быстрая бурная рѣка, ломая плывущія по ней бревна, выворачивая съ корнями деревья, выбрасывая со дна камни и песокъ; съ монастырскихъ же стѣнъ два старца, украшенные сѣдинами, какъ снѣгомъ, громкимъ голосомъ возвѣщали смотрѣвшимъ казакамъ: —«Всѣмъ вамъ бѣднымъ такъ плыти, что о себѣ не разсудите!» Когда, несмотря на видѣніе, казаки Андрея Болдыря вмѣстѣ съ другими пошли на приступъ, то среди ихъ оказалось множество убитыхъ, но «невѣдомо, кто ихъ побилъ». Устрашенные, они въ полномъ безпорядкѣ отступили [2])...

Въ троицкихъ видѣніяхъ чувствуется столько искренности, содержится столько взятыхъ прямо изъ жизни характерныхъ бытовыхъ подробностей! Однако и къ нимъ нельзя не относиться съ особой осторожностью. Прежде всего мы должны помнить психологическую основу видѣній, которыя принадлежатъ людямъ измученнымъ или угрызеніями совѣсти, или какими-либо лишеніями и опасностями. Упреки совѣсти или страхъ передъ отвѣтственностью заставляютъ представлять картины возмездія; съ другой стороны—всякое страданіе порождаетъ желаніе быть отъ него свободнымъ и чѣмъ продолжительнѣе, острѣе испытываемыя муки, тѣмъ сильнѣе жажда облегченія. Неотступно преслѣдующая идея или долго неудовлетворяемая потребность порождаетъ яркіе и живые образы. Изнемогающій отъ голода видитъ себя вкушающимъ вкусную, обильную пищу; неизлѣчимо больной—совершенно

---

[1]) Р. И. Б. XIII, 1063—1066.
[2]) Ibid. стр. 1134—1135.

здоровымъ и полнымъ силъ; томящійся въ тюрьмѣ—на волѣ, въ кругу своихъ близкихъ и знакомыхъ, и т. д. и т. д. При такихъ условіяхъ страхи и опасенія, мечты и желанія могутъ достигать яркости и живости явленія реальнаго.

Разбирая видѣнія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не коснуться характера того письменнаго памятника, который передаетъ объ этихъ видѣніяхъ,—доброкачественности этого историческаго источника. Съ лаврскими видѣніями смутной эпохи мы знакомимся въ сочиненіи Авраамія Палицына объ осадѣ Троицкаго монастыря, между тѣмъ Палицынъ представляетъ собою одинъ изъ характерныхъ примѣровъ писательскаго «творчества». До насъ дошло видѣніе вынесшаго вмѣстѣ съ поляками долгую осаду въ московскомъ кремлѣ Арсенія Елассонскаго—въ двухъ редакціяхъ: въ записи самого Арсенія и въ записи Палицына. Благодаря этому намъ представляется возможнымъ прослѣдить, какова разница разсказа очевидца отъ разсказа другого лица.

Арсеній разсказываетъ, что онъ «весьма святой и дивный мужъ, страшно изнемогая отъ великой скорби и голода и сокрушаясь, чтобы не сдѣлаться пищею воиновъ», молилъ Бога о своемъ спасеніи. Послѣ продолжительной молитвы, «отъ великаго труда и большой скорби, онъ погрузился въ сонъ, и вотъ во снѣ, послѣ полуночи, является «нѣкій богоносный монахъ», держа въ рукѣ своей посохъ, и, стуча въ дверь, сказалъ:—«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» Истощенный голодомъ Арсеній только послѣ троекратнаго повторенія этихъ словъ отвѣтилъ: «Аминь». Тогда невидимо отворилась дверь и вошелъ священнолѣпный мужъ, монахъ ангелоподобный, и, приблизившись къ ложу іерарха (т.-е. Арсенія), коснулся рукою его со словами: «Возстани, радуйся, ибо услышана молитва твоя Господомъ Саваоѳомъ, поелику Пресвятая Богородица и просіявшіе въ Москвѣ святые іерархи, преосвященнѣйшіе митрополиты — святой Петръ, Алексѣй и Іона, величайшіе чудотворцы, усердно молили всещедраго и многомилостиваго Бога, и Онъ услышалъ молитву Пречистой Его Матери и служителей Его святыхъ и сдѣлался милостивымъ и помиловалъ и избавилъ васъ христолюбивыхъ и благочестивыхъ христіанъ отъ рабства и тиранніи противоборниковъ латинянъ и предалъ ихъ вамъ въ градѣ вашемъ въ руки ваши, и се возвеселится сердце ваше. И если захочешь узнать мое имя, то потщися и скоро можешь узнать». Арсеній разсказалъ сонное видѣніе своему послушнику, монаху Кириллу. «По характеру и

признакамъ» они рѣшили, что являвшійся старецъ былъ преподобный Сергій [1]).

Иной характеръ видѣніе получаетъ въ передачѣ Палицына. Онъ пишетъ: — «Архіепископу же гладомъ помирающу и уже живота своего отчаавшуся и отходную ему приговорившу, лежащу же ему въ келіи со единемъ старцомъ, келейникомъ своимъ, является ему великій въ чюдесѣхъ Сергіе; пришедъ хъ келіи тихо, молитву сотворь. Архіепископъ же отъ зельныя немощи едва отвѣща, Аминь. И абіе входитъ въ келію его преподобный Сергій, и свѣтъ велій въ келіи возсіа; и глагола ему святый: «Арсеніе! Се убо Господь Богъ, молитвъ ради Всенепорочныя Владычица нашея Богородица и великихъ ради святителей Петра и Алексѣя и Іоны и всѣхъ святыхъ,—да и азъ грѣшный съ ними же ходатай быхъ,—заутра градъ Китай предаетъ въ руцѣ христіаномъ и враговъ вашихъ вскорѣ всѣхъ низложитъ и изъ града извергнетъ». Архіепископъ же Арсеній очи свои возведъ, и ясно видитъ близъ одра его стояща великаго чюдотворца Сергіа; и познавъ его и едва въставъ на ногу свою, поклонился ему. Онъ же невидимъ бысть отъ очію его. И свѣтъ онъ великій явльшійся въ келіи его, разыдеся... Архіепископъ же, въ себѣ бывъ, ощути себе отъ болѣзни здрава и благодаривъ Бога до утріа. Заутра же 121-го году, октября въ 22 день, на память иже во святыхъ отца нашего Аверкіа, епископа Іерапольскаго, по словеси святаго Сергіа чюдотворца, воеводы градъ Китай приступомъ взяли» [2]).

Если у Арсенія мы видимъ попытку придать нѣкоторыя черты чудеснаго своему видѣнію, напримѣръ—въ подчеркиваніи, что самъ онъ былъ «весьма святой и дивный мужъ», а также въ неопредѣленномъ указаніи, что явившійся ему былъ «богоноснымъ» и «ангелоподобнымъ», то еще болѣе наслоеній чудеснаго мы видимъ у Палицына. При этомъ у него не говорится, что видѣніе Арсенія было во снѣ, и сообщается наоборотъ, что кромѣ Арсенія при видѣніи былъ свидѣтелемъ еще келейникъ. Такимъ образомъ, если есть стремленіе къ чудесному у самихъ очевидцевъ видѣній въ виду ихъ мистической настроенности, то это стремленіе сказывается еще больше у такихъ писателей чудеснаго, какимъ былъ Авраамій Палицынъ [3]).

---

[1]) Димитревскій. «Арх. Елассонскій Арсеній и мемуары его изъ русской исторіи». Стр. 160—162.

[2]) Р. И. Б. XIII, 1226—1227.

[3]) Еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія Д. П. Голохвастовъ пришелъ къ убѣжденію, что Палицынъ не дорожилъ исторической точ-

VI.

Мысль о печальномъ положеніи родины захватила всѣхъ русскихъ людей, отозвалась во всѣхъ концахъ русской земли; она заставила задуматься и о причинѣ бѣдствія, и о средствахъ избавленія отъ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ и видѣнія имѣли мѣсто по различнымъ русскимъ областямъ, особенно которымъ грозили опустошительныя нашествія польско-казацкихъ или шведскихъ войскъ.

Въ 1609 г., 4 іюня, было видѣніе нѣкоему жителю г. Старицы Тулупову, когда онъ, будучи одержимъ лютою болѣзнью, находился «въ изступленіи ума». Ему явилась Богоматерь, сопутствуемая Николаемъ Угодникомъ и патріархомъ Іовомъ, и повелѣла передать властямъ и жителямъ г. Старицы, чтобы шли они въ «соборную апостольскую церковь къ Михаилу Архангелу и пѣли бы молебны и святили бы воду, шли бы со кресты около града и пѣли бы литію и кропили бы святою водою»,—и по молитвѣ Господь городъ ихъ «отъ належащія брани и отъ нахожденія ратныхъ литовскихъ людей и Рускихъ богоотступниковъ и воровскихъ людей защититъ и соблюдетъ не воеванъ». Словамъ больного не придали никакого значенія; между тѣмъ черезъ день пришли поляки и казаки, и городъ былъ разоренъ и опустошенъ. Самъ Тулуповъ, поносившій и укорявшій враговъ, былъ израненъ мечами и копьями до безчувствія, но затѣмъ, будто бы, очнулся совершенно здоровымъ и отъ полученныхъ ранъ, и отъ прежней болѣзни.

При нашествіи поляковъ на Устюжину Желѣзно-польскую во время общей молитвы устюжанъ въ соборной церкви передъ чудотворной иконой Богоматери Одигитрія «явленіе бысть многимъ людямъ и видѣніе понамарю тоя церкви: бысть къ нему гласъ, чтобъ православніи христіане не устрашилися и не отпали надеждою милости Божія и пречистыя Богородицы помощи и заступленія; не дамъ Я дому своего на разореніе иноплеменниковъ» [1]). Черезъ нѣкоторое время тотъ же понамарь возвѣстилъ

ностью, и потому призналъ его сказаніе источникомъ не вполнѣ надежнымъ. И. Е. Забѣлинъ былъ склоненъ вовсе отвергать годность сказанія какъ историческаго источника. Н. И. Костомаровъ, не соглашаясь съ рѣзкостью такого сужденія, заявлялъ, что «повѣрить нечѣмъ, и отвергать вовсе—также нѣтъ основанія». По его словамъ, «старецъ немного и прихвастываетъ». Передавая иногда разсказы Палицына, онъ считалъ необходимымъ сдѣлать оговорку: «Если только довѣрять Сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль». (С. Ѳ. Платоновъ: «Древнерусск. сказанія», стр. 214—217).

[1]) Р. И. Б. т. II, стр. 799.

о новомъ видѣніи. Въ той же церкви передъ чудотворною иконою Богородицы загорѣлась сама собой свѣча и таинственный голосъ повелѣлъ нести эту икону «около острогу, гдѣ окаянніи приступаютъ». Когда на утро, послѣ разсказа понамаря, священники и народъ съ чудотворной Богородичной иконой направились къ городскимъ воротамъ, то прибѣжавшій изъ церкви понамарь снова возвѣстилъ, что другая мѣстная икона Рождества Пресвятыя Богородицы «съ мѣста своего сама двинуся и ста о себѣ среди церкви». И эта икона была отнесена къ городскимъ воротамъ во имя святого великомученика Димитрія. Устюжане воскликнули:—«Умремъ вси за святыя Божія церкви и за православную христіанскую вѣру, яко да помилуетъ насъ Господь Богъ нашъ и прославитъ пречистую свою Матерь, нашу заступницу и помощницу, и избавитъ насъ отъ нахожденія иноплеменныхъ». Итакъ, съ молитвою и съ колокольнымъ звономъ была сдѣлана изъ города вылазка. Непріятель былъ отбитъ [1]).

Въ Новгородѣ 1611 г., передъ разореніемъ его шведами, «по многимъ церквамъ вой бысть, ово по вечерней зари, овогда по утреннѣй» [2]).

Въ Гдовѣ при нашествіи враговъ «Божіимъ посѣщеніемъ въ соборнѣй церкви подняся огнемъ мѣстная икона чудотворная Великомученикъ Христовъ Димитрій Селунскій» [3]).

Не мало видѣній происходило и въ Тихвинскомъ монастырѣ, подвергавшемся продолжительной осадѣ шведами. Здѣсь одной женщинѣ Маріи, задремавшей во время молитвы, явилась Богоматерь и для побѣжденія враговъ повелѣла обойти съ ея иконой по стѣнамъ около обители. Когда на другой день «всѣмъ освященнымъ соборомъ» было совершено торжественное обхожденіе съ иконой вокругъ монастыря, «абіе въ той часъ нападе страхъ и ужасъ на безбожныя Варяги», и—«устрашиста бо ся никимъ гоними и отьидоша отъ Тихвины посрамлены, и сташа поганіи 120 верстъ отъ Тихвины» [4]).

Богоматерь являлась также слугѣ Соловецкаго монастыря Мартиніану, по прозвищу «Поспѣлъ-Горе», и нѣкоему поселянину Григорію, повелѣвая чрезъ нихъ защитникамъ монастыря сдѣлать вылазку противъ враговъ и срыть «свиней» съ порога ея обители. Мартиніану она являлась, сопутствуемая Николаемъ Чудотворцемъ, преподобнымъ Варлаамомъ Хутынскимъ и Зосимою,

---

[1]) Ibid. стр. 805—809.
[2]) Новгор. Лѣтоп. СПБ. 1879 г. стр. 352.
[3]) П. С. Р. Лѣтоп. т. V, СПБ., 1851 г., стр. 72—73.
[4]) Новг. Лѣтоп. стр. 362, 417 и 418.

соловецкимъ чудотворцемъ. Послѣ этого видѣнія была одержана большая побѣда надъ непріятелемъ. Плѣнные разсказывали, что ночью подъ день битвы они видѣли многое множество страшныхъ воиновъ, шедшихъ съ восточной стороны въ обитель съ двѣнадцатью большими золотыми и свѣтлыми знаменами,—«и яко внидоша во обитель, и отъ того часа найде на насъ страхъ и ужасъ велій и къ тому не можемъ стояти противу васъ, и оставшіяся нѣмецкія люди наши хотятъ вси прочь бѣжати».— По другой редакціи — плѣнные свидѣтельствовали о прибытіи въ монастырь подкрѣпленія только съ пятью знаменами [1]). Кромѣ того Богоматерь, являясь во снѣ упомянутому монастырскому слугѣ Мартиніану и одной благочестивой женщинѣ Іуліаніи, обличала развратъ, начинавшій находить пріютъ при самой церкви. Послѣ этого—«начаша бездѣльныхъ людей и женъ изъ монастыря въ острогъ высылати и паперть чистити, и около церкви навозъ возгребати, и начаша надолбы ставити, и оттолѣ нача милость Божія быти и пречистые Богородицы всѣмъ православнымъ христіанамъ» [2]).

Въ послѣдній періодъ смутнаго времени, на-ряду съ мѣстными видѣніями, пріуроченными, подобно большинству троицкихъ видѣній, къ частнымъ моментамъ военнаго времени, мы встрѣчаемъ видѣнія, предназначавшіяся для поученія всей русской земли. Всѣ дошедшія до насъ видѣнія этой категоріи относятся къ одному, а именно къ 1611 году, когда среди русскаго государства особенно энергично сталъ раздаваться призывъ къ защитѣ православной вѣры и православныхъ христіанъ противъ иноземцевъ.

Первое видѣніе, относящееся къ 26 мая, произошло въ Нижнемъ Новгородѣ.—Нѣкоторый благочестивый человѣкъ Григорій, спавшій «тонкимъ сномъ» послѣ своего говѣнья въ первую недѣлю Петровскаго поста, увидѣлъ, что кровля надъ нимъ какъ бы разступилась, вверху стало видно небо съ солнцемъ, луной, звѣздами и оттуда сошелъ Господь, а по правую сторону Григорія явился человѣкъ въ бѣлыхъ одеждахъ. И Господомъ было повелѣно Григорію, чтобы онъ призвалъ весь русскій народъ къ трехдневному (съ понедѣльника по среду) посту и къ покаянію, и тогда московское государство будетъ очищено Духомъ Святымъ... Для опредѣленія, кому долженъ быть переданъ царскій престолъ, должна быть построена въ Москвѣ на Пожарѣ, близъ Василія Блаженнаго, новая церковь и должны

[1]) Ibid. стр. 371—372, 430 и 432.
[2]) Ibid. Стр. 368 и 427.

быть сюда перенесены изъ Владиміра икона Владимірской Богоматери, отъ «соборныя церкви» свѣча «воску невозженного» и, кромѣ того,—бумага «неписана». «Коли же, возвѣщалъ Господь, вселенскимъ соборомъ храмъ освятятъ, и поставятъ его въ три дни, и въ четвертый день пріидутъ ко образу Моему и Матеря Моея Богородицы,—и свѣща возжена будетъ отъ огня небеснаго, и колокола сами воззвонятъ, а на бумагѣ будетъ написано имя, кому владѣти Россійскимъ государствомъ по сердцу моему; аще ли поставятъ царя по своей воли, на вѣки не будетъ царь и потомъ горше того не будетъ». За неоглашеніе Григоріемъ своего видѣнія Богъ грозилъ: въ день недѣльный «въ вечеру, въ послѣднемъ часу дни, какъ солнце на покатъ пойдетъ», воздвигнуть бурю великую изъ р. Волги и потопить суда съ хлѣбомъ и съ солью и поломать деревья и храмы... Въ случаѣ же невѣрія русскихъ людей Господь обѣщалъ: «Азъ духомъ своимъ святымъ потоплю Московское государство и все Россійское государство, и всего міра не пощажу, ни старого, ни малого» [1])...

Въ августѣ, въ ночь съ 24 на 25 число, во Владимірѣ нѣкоей Меланіи явилась въ «свѣтѣ несотворенномъ» жена въ свѣтлыхъ одеждахъ, держа надъ своей головой большой чудный образъ, и повелѣла объявить въ соборной церкви объ установленіи всенароднаго молебствія и поста, дабы Господь отвратилъ праведный свой гнѣвъ и побѣдилъ враговъ, волнующихъ Русскую землю. Меланія высказала опасеніе, что ей, по ея молодости, не повѣрятъ. На это свѣтозарная жена отвѣтила, что за невѣріе народъ будетъ наказанъ страшнымъ трехдневнымъ жаромъ и гадами. «Пахнула» она на Меланію рукавомъ своей одежды, и тотчасъ появилось повсюду множество жужелицъ и червей, а также превеликій и страшный змій.—«Видиши ли сія? сказала женщина. Отъ жару де и отъ сего гада будетъ людемъ тягота великая... Сей змій почнетъ изъядать человѣка и будетъ студъ великъ». Послѣ этого женщина дунула на змія, и онъ пропалъ,—а вмѣстѣ съ тѣмъ кончилось и видѣніе. Когда Меланія умолчала было о своемъ видѣніи, то оно повторилось [2])...

Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же 1611 года въ Нижнемъ Новгородѣ на воеводскомъ дворѣ о новомъ видѣніи заявилъ Мининъ. Ему, будто бы, три раза являлся преподобный Сергій, повелѣвая «возбудити спящихъ»: онъ, будто бы, велѣлъ Минину

---

[1]) Р. И. Б. XIII, 235—240. Ср. П. С. Р. Л. т. XIV. 1 полов., СПБ. 1910 г., стр. 115—116.

[2]) Ibid. стр. 240—242.

«казну собирати и воинскихъ людей надѣляти и идти на очищеніе Московскаго государства» [1])...

Отмѣтимъ слѣдующія подробности о приведенныхъ видѣніяхъ Григорія и Минина. — Вслѣдствіе разглашенія извѣстія о видѣніи Григорія по разнымъ городамъ назначался строгій постъ: «постилися, по своему изволенію, отъ недѣли и до субботы, а постилися три дни; въ понедѣльникъ, во вторникъ и въ среду ничего не ѣли, не пили, въ четвергъ и пятницу сухо ѣли»; «и скотомъ не даяху ясти». Однако же, въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ, казалось бы, прежде всего должны были отозваться на это видѣніе,—«и мужа Григорія такова не знаху, и посту въ Нижнемъ не бысть; нижегородцы же о томъ дивляхуся, откуда то взяся». Когда Мининъ возвѣщалъ на площади о своемъ видѣніи, то стряпчій Биркинъ «сумнишеся» въ передаваемомъ. Мининъ заставилъ Биркина молчать, пригрозивъ обличить и его передъ православными («исповѣдаю тя православнымъ»)...

Нѣсколько особнякомъ по своему содержанію среди другихъ видѣній стоитъ видѣніе, бывшее, будто бы, въ Новгородѣ нѣкоторому благочестивому монаху Варлааму, который «никогда очима своима дреманія сна не далъ».—Въ 1611 г., 15 іюля, находясь въ своей келіи около Новгорода и предаваясь печальнымъ размышленіямъ о разореніи Русской земли, Варлаамъ забылся «въ тонкомъ снѣ» и увидѣлъ свѣтъ неизреченный, сіяющій ярче естественнаго обычнаго свѣта въ семь разъ. Онъ открылъ окно и увидалъ подошедшаго съ жезломъ человѣка, который велѣлъ ему слѣдовать за собой въ Новгородъ. Дорогой Варлаамъ удивляется, что «путь гладокъ, и сухъ и чистъ», хотя «осень нестройна и дождевна». Прибывъ въ Новгородъ, Варлаамъ съ неизвѣстнымъ мужемъ подошли къ Софійской церкви. Двери церкви были отворены; внутри горѣли свѣчи, сіялъ «свѣтъ невечерній», «яко желѣзо разжено, искры пущая», и стоялъ свѣтозарный золотой съ чудными украшеніями престолъ, на которомъ возсѣдала Матерь Божія, окруженная множествомъ ангеловъ и святыхъ. Варлаамъ, приникнувъ къ дверной скважинѣ, сталъ смотрѣть на происходившее въ церкви. Богоматерь приготовлялась со святыми къ выходу изъ Новгорода; но святые стали молить ее, чтобы она не предала города «поганымъ на разореніе и не погубила православнаго христіанства». Особенно умолялъ Варлаамъ Хутынскій. Богоматерь струями источала изъ

[1]) С. Ѳ. Платоновъ: „Древнерусск. сказанія и повѣсти“, стр. 380—384.

своихъ глазъ слезы, но оставалась непреклонной къ мольбамъ святыхъ.—«О избранніи святіи Божіи, возвѣщала она: нынѣ не стужайте Мнѣ о семъ! Азъ же и сама плачюся о погибели ихъ; вѣмъ бо, яко сей есть градъ жребій Мой и людіе есте достояніе мое; и молихъ Сына Моего многажды о семъ и стужахъ ему, понеже за беззаконіе ихъ разгнѣвася Владыко Господь на нихъ, и не послуша моленія Моего: уже беззаконія ихъ умножися паче всѣхъ человѣкъ, и отъ грѣхъ ихъ отяготѣша сердца ихъ и не послушаша заповѣдей Божіихъ, и въ законѣ его не изволиша ходити, и нынѣ хощетъ Сынъ мой предати градъ сей и людей, понеже бысть мѣсто сіе неразоримо и собирашася въ него людіе отъ всѣхъ странъ, еже разорени отъ нынѣшнихъ бѣдъ и золъ и утекающе сѣмо во градъ сей, они же оскорбляюще, и поношающе ихъ, и наругающеся имъ, и досаду имъ приносяще, яко невѣрніи»... Наконецъ, инокъ Варлаамъ, трепетавшій отъ ужаса, былъ призванъ къ свѣтозарному престолу Богоматери, и послѣдняя повелѣла ему идти и разсказать о своемъ видѣніи всѣмъ властямъ и войскамъ Новгорода, «да пріимутъ покаяніе и готовилися бы къ смерти: уже хощетъ градъ сей во утрій день преданъ быти невѣрнымъ людемъ Нѣмцамъ, Свѣяномъ Свѣйскія земли» [1]).

Профессоръ Платоновъ, сравнивая между собой видѣнія протопопа Терентія и Варлаама, справедливо признаетъ послѣднее подражаніемъ московскаго видѣнія. Авторъ повѣсти о видѣніи Варлаама безцеремонно пользовался готовымъ образцомъ и даже не взялъ на себя труда приспособить нѣкоторыхъ его деталей къ данному моменту. Напримѣръ, видѣніе Варлаама помѣчено 15-мъ іюля, а между тѣмъ онъ, подобно московскому духовному мужу, удивлялся, что дорога суха и чиста, несмотря на осеннюю погоду. Кромѣ того, здѣсь мы видимъ нѣсколько другихъ несообразностей, свидѣтельствующихъ о сборномъ характерѣ видѣнія. Такъ, Варлаамъ изображается человѣкомъ, который никогда «очима своима дреманія сна не далъ», а между тѣмъ самое видѣніе видитъ именно во снѣ; придя къ церкви св. Софіи и увидя «двери церковныя отверсты», онъ тѣмъ не менѣе смотритъ не прямо въ нихъ, а «скважнею прилежно».

По словамъ пр. Платонова, повѣсть о Варлаамовомъ видѣніи имѣла цѣлью показать новгородцамъ, что они, будучи покорены шведами, несутъ заслуженное наказаніе за свои грѣхи. Рядомъ съ обвиненіями, общими всѣмъ обличительнымъ твореніямъ того времени, авторъ повѣсти дѣлаетъ новгородцамъ упрекъ въ томъ,

[1]) Р И. Б. XIII, 243—248.

что они, какъ невѣрные, поносили и оскорбляли людей, искавшихъ убѣжища въ Новгородѣ. Безъ сомнѣнія, авторъ повѣсти зналъ Новгородъ и былъ очевидцемъ новгородскихъ событій 1611 года, но нѣтъ основанія утверждать, что онъ былъ кореннымъ новгородскимъ жителемъ: онъ могъ быть и изъ числа тѣхъ, которые искали безопасности въ Новгородѣ, а нашли тамъ оскорбленія [1]).

Такой же назидательный и явно легендарный характеръ носитъ сказаніе о видѣніи нѣкоего пресвитера Каменской пустыни новоторжскаго уѣзда.—Во время московскаго разоренія въ церковь названной пустыни пришелъ однажды ляхъ съ русской плѣнницей. Священникъ же этой церкви отъ страха скрылся въ алтарѣ, подъ «Святой трапезой». «Той же окаянный безбожный ляхъ вниде со дерзновеніемъ во святый олтарь и дерзнувъ сняти съ престола образъ Пресвятыя Богородицы и изнесе изъ олтаря въ церковь, поверже на землю... Пресвитеръ же, зря сие, сѣдя подъ святою трапезою, умилно слезы испусти, плачеся, глаголя: «О Пресвятая Дѣво Богородице! почто еси попустила сему окаянному псу святую свою церковь осквернити..? како его, о госпоже! не погубиши?» Тогда гласъ бысть отъ образа: «О презвитере! сей безстыдный песъ за своя дѣяния злѣ погибнетъ; тебѣ же глаголю, яко не толико ли содѣя безстудство сей иноязычникъ, якоже ты: понеже безстрашнемъ приходиши въ церковь мою и безъ боязни приступивши ко святому жертвеннику въ вечеру упивавшися до пияна, а зъ утра служиши святую литургию и стоя предъ симъ моимъ образомъ отрыгаеши оный гнусный пиянственный свой духъ, и лице мое симъ зѣло омерзилъ еси паче сего поганина: онъ бо невѣдениемъ сотвори и за сие погибнетъ; ты же, вѣдая, согрѣшаеши. Глаголю ти: престани отселе такова дѣла». И тако гласъ той преста. Ляхъ же гонимъ бысть силою божию, отбѣже; пресвитеръ же воста во благихъ поживе все дни живота своего [2]).

VII.

Группируя описываемыя нами видѣнія по ихъ содержанію и по времени ихъ появленія, мы видимъ, что они распадаются на двѣ главныя категоріи. Это прежде всего видѣ-

[1]) С. Ѳ. Платоновъ „Древнерусск. сказанія и повѣсти“, стр. 77—80.
[2]) „Лѣтопись русск. литер. и древн.“. Изд. Н. С. Тихонравова, т. II. М, 1857 г., стр. 99—100.

нія, являющіяся результатомъ извѣстной психической настроенности (видѣніе ночного дворцоваго караула 1602 года, большинство троицкихъ видѣній, видѣніе преп. Иринарха) и такъ называемыя «вѣщія» небесныя знаменія. Часто примѣненіе подобныхъ видѣній къ послѣдующимъ событіямъ происходило лишь впослѣдствіи, когда писатели смутной эпохи, по примѣру древнихъ лѣтописцевъ, даже искали въ прошломъ какихъ-либо чрезвычайныхъ, необыкновенныхъ предуказаній на происшедшія бѣдствія. О подобныхъ видѣніяхъ мы уже достаточно говорили выше. Они—лишь показатель психической настроенности народныхъ массъ.

Болѣе сложны и болѣе останавливаютъ на себѣ вниманіе видѣнія политическаго характера, которыя появляются лишь съ развитіемъ событій смуты, — съ переходомъ междоусобной борьбы въ борьбу съ иноземцами и съ выступленіемъ, на смѣну сословныхъ интересовъ, интересовъ національныхъ.

Какъ показываютъ самые заголовки политическихъ видѣній, цѣлью этихъ видѣній было назиданіе современному «роду лукавому и непокорливому», уклонившемуся отъ заповѣдей Божіихъ и впадшему въ сѣти діавола», а въ частности — наставленіе бѣднякамъ, которыхъ помрачила «зависть бѣсовская» [1]). Въ періодъ, когда, казалось бы, требовалось особое напряженіе умственныхъ и моральныхъ силъ народа для выработки новыхъ, лучшихъ формъ политической жизни, народныя мысль и энергія парализовались призывомъ, во имя Божественной воли, къ забвенію земныхъ интересовъ и къ общему единенію въ постѣ и покаянной молитвѣ передъ Богомъ. Проводя въ сущности тѣ же идеи, которыя возвѣщались и въ современныхъ правительственныхъ актахъ, видѣнія, по своей формѣ живого и образнаго разсказа, были болѣе доступны пониманію самыхъ широкихъ слоевъ русскаго общества. Поэтому само правительство такъ ревностно оглашало эти видѣнія и приступало къ выполненію возвѣщавшихся въ нихъ постовъ и молебствій.

Въ нашей исторической литературѣ видѣніямъ не посвящалось самостоятельныхъ изслѣдованій, но попытки дѣлать имъ оцѣнку, опредѣлить ихъ значеніе—были. Мы, конечно, не будемъ говорить объ историкахъ-провиденціалистахъ.

С. М. Соловьевъ свой взглядъ на видѣнія высказываетъ по поводу нижегородскаго видѣнія Григорія. Онъ говоритъ, что

---

[1]) Р. И. Б. XIII, стр. 235.

тогда «явились признаки сознанія о необходимости нравственнаго очищенія жителей для подвига очищенія земли отъ враговъ,—признаки того, что народъ, не видя никакой внѣшней помощи, углубился во внутренній, духовный міръ свой, чтобъ оттуда извлечь средства спасенія»... «Еще Шуйскій думалъ объ этомъ очищеніи, и два патріаха хотѣли очистить народъ отъ грѣха недавнихъ клятвопреступленій; но это дѣйствіе было произвольно съ ихъ стороны и потому преждевременно; теперь же народъ, путемъ испытаній, самъ пришелъ къ мысли о необходимости очищенія: православные христіане постились, говоритъ грамота, по своему изволенію»... [1]).

Почти также смотритъ на видѣнія и С. Ѳ. Платоновъ, относя, однако, психическую подготовленность народа къ воспріятію видѣній къ болѣе раннему времени и не допуская мысли, чтобы видѣнія могли быть плодомъ сознательнаго обмана. Разбирая видѣніе Терентія, онъ пишетъ, что оно свидѣтельствуетъ, «до какого напряженія доходило чувство и воображеніе народа, ошеломленнаго чрезвычайными явленіями самозванщины и междоусобной смуты. Историкъ не имѣетъ основаній видѣть какой-либо затаенный умыселъ или обманъ какъ въ разсказѣ о видѣніи, такъ и въ предписанномъ всему «царству» покаяніи по поводу этого чудеснаго событія. Не одно только записанное Терентіемъ чудесное видѣніе огласилось въ то время въ Москвѣ: можно указать и другіе необычайные факты, которые, по убѣжденію современниковъ, совершались тогда на Руси. И всѣ эти факты говорятъ намъ о глубокомъ нравственномъ потрясеніи русскаго общества, которое не могло отыскивать правды и смысла въ удивительныхъ событіяхъ реальной жизни, часто не вѣрило очевидности, но вѣрило сверхъестественному и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышалось до открытаго сознанія, что нѣсть истинны во царѣ же и въ патріархѣ, ни во всемъ священномъ чину, ни во всемъ народѣ». При такого рода сознаніи врядъ ли могъ быть обманъ, да и говорящій такими словами обманщикъ многимъ рисковалъ бы, если бы былъ уличенъ» [2]).

Иначе смотритъ на дѣло Н. И. Костомаровъ, допускающій возможность умышленнаго составленія и распространенія видѣній. Такъ, относительно лѣтописнаго разсказа о явленіи Минину препод. Сергія, Костомаровъ говоритъ, что въ то время

---

[1]) „Исторія Россіи“ кн. 2, стр. 1009,—1010. Выше мы видѣли, что „изволеніе“ народа выразилось не въ самомъ фактѣ принятія поста, а лишь въ опредѣленіи срока и характера его.

[2]) „Древнерусскія сказанія“, стр. 75—77.

«люди умные вѣрили въ чудеса и явленія святыхъ, но также, при случаѣ, для благой цѣли, не считали предосудительнымъ и сочинить. Такимъ образомъ, Курбскій, восхваляя Сильвестра, соглашается, что, быть-можетъ, чудеса, которыми онъ дѣйствовалъ на царя Ивана, были мечтательныя, однако не находитъ такого обмана дурнымъ дѣломъ, а напротивъ еще прославляетъ за это мнимаго чудотворца, называя его благокозненнымъ льстецомъ и сравниваетъ съ врачемъ, прибѣгающимъ иногда къ обману, когда приходится ему подавать непріятное лекарство дѣтямъ. Отчего же Мининъ не могъ себѣ позволить того, что̀ позволялъ Сильвестръ, личность не менѣе знаменитая и почтенная въ русской исторіи?»... «Измученный народъ уже не довѣрялъ человѣческимъ силамъ, ожидалъ помощи только свыше и не сталъ бы слушать умнаго совѣта и увѣщанія, если не видѣлъ въ немъ печати чудесности. Минину, для успѣха, непремѣнно было нужно начать съ того, съ чего онъ началъ»... [1]).

Повидимому, на той же точкѣ зрѣнія, какъ и Костомаровъ, стоитъ В. О. Ключевскій, когда нижегородское видѣніе Григорія называетъ просто «распространеннымъ памфлетомъ 1611 г.» [2]).

Если мы вспомнимъ сказанное нами о видѣніяхъ политическаго характера попутно съ ихъ изложеніемъ и если обратимъ вниманіе на отмѣченную нами въ настоящей главѣ тѣсную связь ихъ съ развитіемъ политическаго самосознанія русскаго народа, то мы не можемъ не притти къ тому же выводу, къ которому пришелъ Костомаровъ, говоря о видѣніи Минина,— не можемъ не раздѣлить также точки зрѣнія Ключевскаго.

Дѣйствительно, здѣсь все сомнительно, начиная съ самихъ лицъ, удостаивающихся видѣній. Обычно—это неизвѣстные люди. У протопопа Терентія видѣнія удостоился «святой мужъ», который, будто бы, заклиналъ Богомъ не объявлять никому его имени, «дондеже Богъ благоволитъ» о немъ. Въ видѣніи Григорія—этотъ «благочестивый» человѣкъ оказывается совершенно неизвѣстнымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ онъ, будто бы, жилъ, и когда вслѣдствіе этого видѣнія по различнымъ городамъ устраивались общественные постъ и молебствіе, то нижегородцы «дивяхуся, откуда то взяся»,—«невѣдомо отъ Бога ли или отъ человѣка»... [3]). Авторъ «Повѣсти о нѣкоей брани» скрылъ свое имя, какъ онъ объясняетъ,—«за премножество грубости

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1871 г., іюнь, 512—513 стр.; „Вѣстникъ Европы“ 1872 г., сентябрь, 20—21 стр.
[2]) „Курсъ Русской исторіи“, т. III, М. 1908 г., стр. 64.
[3]) П. С. Р. Л. т. XIV, 1 половина, стр. 115—116.

моея и превеликихъ и безчисленныхъ, злосмрадныхъ и злогнусныхъ пребеззаконій моихъ»... [1]). Не менѣе сомнителенъ никогда, будто бы, не дававшій дремания своимъ очамъ Варлаамъ съ подражательнымъ и противорѣчивымъ видѣніемъ.

Въ видѣніяхъ нѣтъ глубокой или оригинальной мысли, но видна та узость мышленія, которая являлась характерной чертой древне русскаго человѣка. Въ нихъ ярко сказалась своеобразная религіозная мораль русскаго народа, признававшая сущность религіи, главнымъ образомъ, въ выполненіи внѣшнеобрядовыхъ установленій. Здѣсь и трехдневная неумолкаемая молитва, и строгій постъ безъ принятія какой-либо пищи или питья, обязательный даже для «младыхъ дѣтей» и скота, и срочное сооруженіе храмовъ на точно опредѣленномъ мѣстѣ. Тутъ нашли себѣ мѣсто и вѣра въ исключительную силу обнесенія извѣстной иконы вокругъ стѣнъ находящагося въ опасности населеннаго пункта, и активное участіе небесныхъ силъ, съ мечами и стрѣлами, въ людской борьбѣ, и т. д., и т. д. Если мы сравнимъ видѣнія смутной эпохи съ видѣніями болѣе ранняго времени, то увидимъ, что первыя составлены явно по образцу вторыхъ и что они не всегда даже удачный сколокъ своихъ образцовъ. Отдѣльные мотивы часто почти тожественны. Достаточно, напримѣръ, вспомнить видѣніе 1521 года, когда московскіе святители во главѣ съ чудотворной Владимірской иконой Богоматери хотѣли покинуть Московскій кремль,—или видѣніе 1581 г. при нашествіи на Псковъ Стефана Баторія, когда явившаяся нѣкоему Дорофею Богоматерь, призывая псковитянъ къ покаянію и молитвѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвала вынести ея старый Печерскій образъ съ хоругвями на стѣну города и мужественно вступить въ бой съ врагомъ, и т. п.

Сборнымъ характеромъ видѣній объясняется присутствіе въ нѣкоторыхъ видѣніяхъ смутнаго времени не только внутреннихъ противорѣчій въ изображеніи частныхъ подробностей «чудесныхъ» явленій, что мы отмѣтили, напримѣръ, въ видѣніи Варлаама, но иногда и несоотвѣтствіе современнымъ фактамъ общественной жизни. Напримѣръ, въ видѣніи Григорія Господь требуетъ перенесенія въ Москву Владимірской иконы Богоматери, между тѣмъ, какъ извѣстно, она была перемѣщена въ Москву еще въ концѣ XV столѣтія [2]). Очевидно, эта подробность объ иконѣ явилась отголоскомъ давно минувшихъ и давно осуществившихся претензій Москвы на обладаніе Владимірской святыней и всплыла

[1]) Р. И. Б. т. XIII, стр. 259.
[2]) „Софійскій Временникъ“ ч. II, стр. 294—295.

въ смутную эпоху лишь благодаря автору Григорьева видѣнія, неосторожно позаимствовавшему ее изъ какого-либо стариннаго литературнаго памятника.

Такимъ образомъ, въ политическихъ видѣніяхъ всюду сквозитъ работа человѣческой мысли, сознательно заметающей слѣды своего творчества и окружающей свое созданіе ореоломъ чудеснаго. Но покровъ таинственности слишкомъ прозраченъ, «чудесное» слишкомъ грубо человѣчно. И тѣмъ не менѣе вліяніе видѣній въ смутную эпоху было громадно. Если троицкія видѣнія, внушая защитникамъ монастыря вѣру въ небесную помощь, тѣмъ самымъ поддерживали въ нихъ мужество при отраженіи непріятеля, то, наоборотъ, видѣнія политическаго характера, съ своей проповѣдью о полной зависимости судьбы людей отъ небесныхъ силъ, отнимали у русскаго народа всякую увѣренность въ своихъ силахъ при его попыткѣ проложить новый путь политической жизни. Поэтому, когда народъ, измучившійся въ безплодныхъ исканіяхъ новыхъ политическихъ идеаловъ, ослабленный и разоренный междуусобной борьбою и иноземцами, услышалъ знакомый голосъ о суетности всего земного, о небесныхъ карахъ и наградахъ,—онъ покорно пошелъ за старыми вождями. Политическіе расчеты смѣнились терпѣливымъ чаяніемъ благъ будущаго вѣка, и по-прежнему началось мирное житіе темныхъ массъ, продолжавшихъ слышать таинственные голоса, видѣть неземные лики и помнить, что христіанину подобаетъ многими скорбями внити въ царство Божіе.

Д. Успенскій.

ИНДИВИДУАЛИЗМЪ ВЪ НОВѢЙШЕМЪ ИСКУССТВѢ.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мнѣ ежегодно приходится совершать продолжительныя турнэ по Западной Европѣ. Слѣдя внимательно за развитіемъ искусства и посѣщая международныя, національныя выставки, музеи, городскія и частныя картинныя галлереи, я пришелъ къ нѣсколько инымъ, чѣмъ сторонники новѣйшихъ теченій, выводамъ о судьбахъ современнаго искусства.

Въ настоящее время очень распространенъ взглядъ, что въ художественномъ творчествѣ съ одной стороны замѣчается тяжелый кризисъ, а съ другой уже проявляются симптомы возрожденія въ стремленіяхъ къ созданію монументальнаго стиля. Причину кризиса обыкновенно видятъ въ результатахъ импрессіонизма, т.-е. въ самомъ процессѣ развитія искусства.

Мнѣ кажется, что кризисъ далеко не повсемѣстенъ, причины его коренятся глубже, чѣмъ предполагается, а стремленія къ возрожденію не повсюду направляются по вѣрному пути.

Новѣйшее, т. н. по-импрессіонистское (post-impressionist) искусство развивается подъ знакомъ индивидуализма и субъективизма. Художники считаютъ задачей искусства не изображеніе впечатлѣній, получаемыхъ отъ окружающей среды, а передачу субъективнаго представленія о ней.

И именно въ примѣненіи этого метода я вижу проявленіе кризиса.

Индивидуализмъ сыгралъ крупную роль въ развитіи художественнаго творчества. Но самъ характеръ индивидуализма измѣняется въ зависимости отъ условій мѣста и времени.

Многіе ученые, какъ Дарвинъ, Тэнъ, Спенсеръ, Марксъ, Бюхеръ, Гюйо, Б. Кроче, Бергсонъ, несмотря на различіе во взглядахъ, сходятся въ томъ, что искусство развивается въ процессѣ борьбы за существованіе и черпаетъ свои силы изъ

природы и общественной среды. Задача, преслѣдуемая современными художниками—созданіе монументальнаго стиля, по ихъ собственному признанію, была блестяще выполнена для средневѣковья примитивистами. Но тогдашній стиль былъ результатомъ не субъективныхъ исканій, а процесса развитія художественнаго творчества,—коллективной дѣятельности многихъ лицъ.

Художники Ренессанса были піонерами индивидуализма своего времени. Но они были людьми всесторонними, были проникнуты любовью къ природѣ въ томъ или иномъ ея проявленіи, отличались чуткостью къ запросамъ общественной жизни. Общеизвѣстны всесторонность Л. да Винчи, Рафаэля, Микель Анджелло, геройскіе подвиги послѣдняго. Слѣдствіемъ этихъ ихъ качествъ явилось глубокое содержаніе ихъ произведеній; благодаря этимъ качествамъ и глубинѣ содержанія они воплотили свои произведенія въ прекрасную форму и сыграли крупную роль въ развитіи искусства и человѣческаго духа вообще.

Идентичное явленіе мы видимъ въ непосредственно предшествовавшій нынѣ переживаемому періодъ импрессіонизма. Импрессіонизмъ до сихъ поръ доминируетъ во многихъ странахъ, новѣйшее же искусство является реакціей противъ него. Поэтому мнѣ придется остановиться на немъ.

Обыкновенно принято считать главной особенностью импрессіонизма манеру накладыванія красокъ небольшими мазками семи цвѣтовъ радуги. Но такое толкованіе этого теченія страдаетъ крайнею односторонностью. Импрессіонизмъ возникъ во Франціи, какъ отраженіе въ искусствѣ подъема, наступившаго въ 60 г.г. XIX ст. въ общественно-экономической жизни Европы, въ частности Франціи, и оттуда распространился на другія страны, пролагая повсюду путь французскому вліянію. Поэтому, характеризуя его, мы прежде всего будемъ имѣть въ виду его піонеровъ французовъ—Клода Монэ, Э. Манэ, А. Ренуара, Дега. Изучая ихъ произведенія, нельзя не прійти къ заключенію, что импрессіонизмъ, это—цѣльное міровоззрѣніе. Такой взглядъ доминируетъ и среди его историковъ и художественныхъ критиковъ, изъ которыхъ мнѣ кажутся наиболѣе компетентными—Камиль Моклеръ и Поль Синьякъ [1]).

Импрессіонисты—индивидуалисты—натуралисты.

Ихъ творчество было реакціей противъ классицизма и романтизма. Въ прошломъ оно генетически связано съ творче-

---

[1]) К. Моклеръ „Импрессіонизмъ“; Paul Signac „De E. Delacroix au neo-ipressionisme“.

ствомъ Рубенса, Рембрандта, Ф. Гальса, Веласкеца, Рюисдаля, англійскихъ пейзажистовъ, Е. Делакруа и японца Гокусаи.

Они развили и оформили тенденціи, находившіяся въ зародышѣ у этихъ своихъ предшественниковъ. Природа является для импрессіонистовъ регуляторомъ ихъ творчества, замѣняетъ для нихъ сухія нормы классиковъ, предохраняетъ ихъ отъ необузданной фантазіи романтиковъ. Но ихъ произведенія—это отнюдь не фотографическіе снимки, а отраженія окружающей среды сквозь призму ихъ индивидуальности, впитавшей въ себя всѣ культурныя завоеванія своего времени.

Импрессіонисты, какъ извѣстно, использовали открытія Гельмгольца и Шевреля; въ ихъ методѣ, вѣроятно, независимо отъ ихъ сознанія, отразился духъ философіи лѣвыхъ гегельянцевъ. Они изображаютъ предметы и явленія въ ихъ развитіи, въ данный опредѣленный моментъ, въ данной конкретной обстановкѣ. Импрессіонистское искусство содержитъ въ себѣ элементы и анализа и синтеза. Въ природѣ, по ихъ мнѣнію, ни одинъ цвѣтъ не существуетъ самъ по себѣ, единственнымъ источникомъ цвѣтовъ является солнце, дневной и ночной свѣтъ. Солнце окутываетъ всѣ предметы, въ каждый часъ представляя ихъ въ иномъ свѣтѣ.

Краски и форма—нераздѣльны. Изъ этихъ именно положеній вытекаетъ манера писанія путемъ раздѣленія тоновъ и накладыванія красокъ мелкими мазками. Мастерски разложенныя разноцвѣтныя пятна вызываютъ въ сѣтчаткѣ глаза зрителя впечатлѣнія цвѣтовъ, очертаній, перспективы. «Кл. Монэ,—пишетъ Моэклеръ,—возвысилъ въ своей душѣ природу, поднялъ ее до декоративнаго синтеза, расширилъ ее до такой степени, что природа, повидимому такая, каковой мы ее постоянно видимъ, преобразованная чарами его радостнаго искусства, вызываетъ въ насъ неожиданныя прекрасныя эмоціи». Тотъ же писатель находитъ также, что никто такъ ясно не указалъ на осуществимость сліянія искусствъ, какъ Кл. Монэ, «никто такъ не выказалъ близости живописи съ симфонической музыкой».

Въ этомъ смыслѣ синтетизмъ импрессіонистовъ выразился въ подготовленіи сліянія искусствъ путемъ ихъ постепеннаго сближенія въ процессѣ естественнаго хода ихъ всесторонняго развитія. Теченіе это въ этомъ смыслѣ прогрессивно, равно какъ и во всѣхъ своихъ завоеваніяхъ.

Оно составляетъ неизбѣжный естественный этапъ въ развитіи художественнаго творчества.

Несомнѣнно, главное завоеваніе импрессіонизма это его богатый «языкъ красокъ». Но довольно взглянуть хотя бы только

на произведенія французовъ—К. Монэ, Э. Мане, Писсаро, Ренуара, Дега, Тулузъ Лотрека, чтобы убѣдиться и въ богатствѣ ихъ внутренняго содержанія.

Правда, уже въ 80-хъ г.г. изъ среды приверженцевъ импрессіонизма выдѣлилось особое теченіе «неоимпрессіонистское» или «пуэнтилистское» (point-точка), художниковъ, пишущихъ крупными точками и придерживающихся полнаго раздѣленія тоновъ, художниковъ, которые сосредоточили все вниманіе исключительно на поискахъ формы—свѣтлаго колорита, игнорируя природу. Они явились піонерами субъективизма въ современномъ искусствѣ, но ихъ манера не получила широкаго распространенія. Импрессіонизмъ же отразился на творчествѣ художниковъ самыхъ различныхъ направленій, искусивъ даже академистовъ. Изъ-подъ знамени импрессіонизма вышелъ, между прочимъ, самый талантливый нынѣ во Франціи декораторъ—А. Бенаръ, авторъ знаменитаго плафона въ Comédie Française.

Импрессіонизмъ сказался и въ развитіи скульптуры. Здѣсь, по мнѣнію такихъ крупныхъ скульпторовъ, какъ А. Родэнъ и молодой Кс. Дуниковскій, онъ проявился въ методѣ трактовки модели, сообразно съ особенностями этой отрасли искусства. «Искусство—пишетъ А. Родэнъ—развивается лишь въ тѣсномъ общеніи художника съ природой. Оно не знаетъ абсолютныхъ законовъ; законы творчества художникъ черпаетъ только изъ изученія природы. ...Приступая къ работѣ—говоритъ далѣе Родэнъ—онъ долженъ прежде всего найти плоскость и модель и намѣтить мѣсто модели въ перспективѣ. Такимъ путемъ созданы: «Мѣщане изъ Калэ», «Мысль», «Мыслитель», «Іоаннъ Предтеча» и др. Послѣдній—по мнѣнію великаго его автора, знаменуетъ его полное освобожденіе отъ вліянія мрачной готики и приближеніе къ жизнерадостному эллинскому искусству [1]).

Самое широкое распространеніе импрессіонизмъ получилъ въ Бельгіи и до сихъ поръ доминируетъ въ тамошнемъ искусствѣ. Этимъ онъ обязанъ главнымъ образомъ двумъ обстоятельствамъ: 1) традиціямъ фламандской и голландской живописи, отразившимся тамъ сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ; 2) прогрессивному развитію общественно-экономической и культурной жизни этой страны, создающему въ обществѣ бодрое, свѣтлое настроеніе, которое и отразилось на характерѣ живописи. Особенностью послѣдней является между прочимъ соединеніе жанра съ пейзажемъ, разнородность сюжетовъ, утонченность въ техникѣ,

[1]) Афоризмы Родэна и его «L'Art».

отчетливость очертанія предметовъ. Наиболѣе ярко эти особенности выступаютъ у главы школы, Эмиля Кляуза, получившаго названіе «поэта солнца», Бюиссэ, Гильзуля, а также Куртэнса и Вайтершотона, мастеровъ свѣтотѣни, и извѣстнаго портретиста Т. Ванъ-Райссельберга, занявшагося въ послѣднее время декоративнымъ искусствомъ. Импрессіонизмъ отразился также у Делануа, Энзора, Е. Лармэнса, Делльвилля, даже Ф. Кнопфа. Подъ его вліяніемъ сложилось творчество скульптора и живописца Константина Менье. Въ той же общественной атмосферѣ, что импрессіонизмъ, развился въ Бельгіи рисунокъ, въ частности бурное творчество Ф. Ропса.

Значительны успѣхи импрессіонизма и въ Италіи. Тамъ наряду съ разностороннимъ Монтичелли мы видимъ выдающихся представителей жанра и портрета—Кремону и Манцини, пейзажистовъ Чіарди, Маджи, Номеллини, скульптора—Медардо Россо; молодого мастера очень богатыхъ и сложныхъ свѣтовыхъ эффектовъ К. Инноченти.

Въ развитіи импрессіонизма въ Германіи сказались не только результаты расцвѣта экономической жизни этой страны, но и такихъ психическихъ особенностей ея населенія, какъ спокойствіе, склонность къ интеллектуализму. Зародившись въ произведеніяхъ А. Менцеля, это теченіе вылилось въ законченную форму у Макса Либермана, Детмана, дюссельдорфца Макса Редера и др. и постепенно вошло отдѣльными своими элементами въ творчество великаго Клингера, особенно въ его послѣднихъ панно, Эрлера, Удэ, Кальморгена.

У многихъ во всѣхъ отношеніяхъ послѣдовательныхъ его представителей и прежде всего у М. Либермана мы замѣчаемъ очень тщательное размѣщеніе предметовъ, указывающее на то, что эти художники подходятъ къ природѣ съ напередъ намѣченной композиціей.

Всѣ они, слѣдуя завѣтамъ нидерландской живописи, въ большинствѣ своихъ картинъ соединяютъ жанръ съ пейзажемъ, что, какъ мы видѣли, составляетъ особенность и бельгійскихъ ихъ собратьевъ; таковы между прочимъ у М. Либермана—«Продавщицы», «Свиной рынокъ». Всѣ придаютъ главное значеніе содержанію; пуэнтилизмъ съ его поисками исключительно новыхъ формъ чуждъ даже тѣмъ изъ дюссельдорфцевъ, которые пользуются его манерой.

Идентичныя проявленія замѣчаются и у скандинавцевъ—Гидерсена, часто у Ларсона и у швейцарцевъ, австрійцевъ.

Напротивъ, въ Англіи, гдѣ искусство со времени прера-

фаэлитовъ развивается вяло, въ тяжелой атмосферѣ горячечной, всепоглощающей торгово-промышленной дѣятельности, импрессіонизмъ не получилъ широкаго распространенія. Унстлеръ и его ученики Броунъ и Стиръ, хотя и сохраняютъ тѣсную связь съ пріемами Констэбля и Генсборо, все же видятъ главную задачу въ поискахъ новыхъ формъ; наиболѣе оригинальнымъ и современнымъ, хотя и родственнымъ по общему характеру французскимъ и итальянскимъ импрессіонистамъ, является Мостомъ.

Оказавъ вліяніе на развитіе голландской живописи, импрессіонизмъ на этой родинѣ Рембрандта и Ф. Гальса очень слабо проявился въ чистой формѣ, что, быть можетъ, объясняется свойственнымъ населенію этой по преимуществу земледѣльческой страны консерватизмомъ.

Его пріемы замѣтны въ послѣднихъ произведеніяхъ І. Израильса, у Люи Гартца, Месдака, въ высшей степени разносторонняго Бошрейтца.

Но только Винцентъ Ванъ-Гогъ учелъ всѣ завоеванія этого теченія въ такихъ шедеврахъ современной живописи, какъ «Виды Арля», «Милосердый Самаритянинъ», «Сѣятель», «Носильщики», «Зима», соединивъ ихъ съ красивымъ рисункомъ, отличающимся сильной размашистой линіей. Въ свою оригинальную форму онъ облекъ глубокое содержаніе своихъ картинъ, создавъ, на-ряду съ поражающимъ яркостью и гармоническимъ подборомъ красокъ пейзажемъ, жанръ и портретъ, отражающій обыкновенно тончайшія вибраціи человѣческой души.

И въ Испаніи импрессіонизмъ развитъ слабо, хотя и тамъ его вліяніе сказывалось въ могучемъ, свѣжемъ, полномъ жизни творчествѣ Англада и И. Зулоаги.

II.

Уже этотъ краткій обзоръ развитія импрессіонизма свидѣтельствуетъ о томъ, что не въ немъ кроется причина кризиса нынѣшняго искусства. Правда, бельгійскій эстетъ проф. Сильвэ [1]) предполагаетъ, что кризисъ является естественной временной реакціей послѣ расцвѣта—слѣдствіемъ истощенія силъ. Но это взглядъ слишкомъ односторонній.

Современное намъ состояніе искусства отражаетъ состояніе широкихъ сферъ буржуазнаго общества, измѣненій, происшед-

[1]) Silvay „La Crise des arts".

шихъ въ психикѣ послѣдняго подъ вліяніемъ ряда порожденныхъ капитализмомъ противорѣчій въ общественной жизни.

Уже Рескинъ обратилъ вниманіе на неблагопріятныя условія для развитія искусства, создаваемыя обстановкой большихъ городовъ съ ихъ дымомъ, копотью, погонею за наживой. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось къ худшему. Анархія въ продукціи и общественныхъ отношеніяхъ, горячечная городская жизнь, нагроможденіе капиталовъ съ сопутствующими имъ—роскошью и развратомъ съ одной стороны, крайняя нищета съ другой—борьба всѣхъ противъ всѣхъ и, наконецъ, крайняя интенсивность и спеціализація умственнаго труда съ каждымъ годомъ усиливаются. Въ этихъ условіяхъ могло вырасти и воспитаться лишь хилое физически и нравственно поколѣніе. У однихъ развивается болѣзненная гиперэстезія, у другихъ — притупленность, отсутствіе чуткости къ красотамъ природы и явленіямъ общественной жизни. Появляется стремленіе къ уединенію, спокойствію, развивается мистицизмъ.

Во Франціи кризисъ обостряется реакціей, наступившей послѣ 1871 г. во всѣхъ областяхъ общественной жизни съ такими ея проявленіями, какъ медленный темпъ экономическаго развитія, физическое вырожденіе [1]), узкій національнизмъ. Все это отражается и на импрессіонизмѣ, тормозя его дальнѣйшее развитіе.

И именно въ отмѣченныхъ выше измѣненіяхъ въ психикѣ буржуазнаго общества, а отнюдь не въ имманентномъ развитіи искусства слѣдуетъ искать причинъ кризиса послѣдняго.

Жизнерадостное, динамическое творчество импрессіонистовъ перестало отвѣчать запросамъ большинства современной буржуазіи, интеллигенціи и самихъ художниковъ.

При такихъ условіяхъ развилось стремленіе къ синтезу, характеризующее современный періодъ «по-импрессіонизма», называемый также періодомъ «экспрессіонизма», «синтетизма». Задачи, которыя нынѣ преслѣдуютъ художники, могутъ быть изложены слѣдующимъ образомъ. 1) Созданіе искусства монументальнаго, вѣчнаго, независимо отъ «капризовъ» природы и временныхъ вкусовъ общества; 2) творчество по напередъ строго опредѣленному плану; единство композиціи—строгая гармонія между отдѣльными частями художественнаго произведенія съ подчиненіемъ частей цѣлому; 3) стремленіе къ синтезу искусствъ съ сохраненіемъ за каждымъ изъ нихъ его особенностей—плоскостности [2]) за живо-

---

1) Я имѣю въ виду, между прочимъ, медленность размноженія.

2) Плоскостность не является еще достояніемъ всей живописи новѣйшей, но проявляется во все болѣе широкихъ размѣрахъ.

писью, примитивной простоты за скульптурой; 4) подчиненіе всего творчества запросамъ архитектуры.

Индивидуализмъ новѣйшихъ художниковъ рѣзко отличается отъ индивидуализма эпохъ расцвѣта въ искусствѣ. Они отдаляются все больше отъ источника художественнаго творчества—природы и общества. Ихъ индивидуализмъ развивается по направленію къ солипсизму; ихъ методъ чисто-субъективный.

Природа постепенно лишается регулятивной роли. Отрицаются такія завоеванія послѣднихъ вѣковъ, какъ перспектива, разнородность цвѣтовъ и свѣтовыхъ эффектовъ—въ живописи, богатство формъ и динамизмъ въ скульптурѣ. Происходитъ процессъ втискиванія пышно расцвѣтшаго искусства въ Прокустово ложе субъективныхъ идеаловъ больного поколѣнія. И нынѣшній періодъ съ большимъ правомъ можетъ-быть названъ періодомъ регресса, чѣмъ прогресса.

Вышеизложенныя тенденціи въ разныхъ странахъ принимаютъ различныя формы; въ наиболѣе же яркой формѣ выступаютъ во Франціи; но и здѣсь «синтетисты», не говоря уже о ихъ наслѣдникахъ, не составляютъ теченія, обладающаго такимъ цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, какое, напр., сложилось у импрессіонистовъ.

Они дѣлятся на: 1) неопримитивистовъ, подражающихъ въ живописи итальянскимъ примитивистамъ, а въ скульптурѣ, главнымъ образомъ, египетскимъ образцамъ; 2)послѣдователей Л. Сезанна, среди которыхъ, въ свою очередь, замѣчается цѣлый рядъ подраздѣленій. Въ настоящеэ время Фриссъ съ наибольшимъ правомъ можетъ считаться наслѣдникомъ Сезанна, такъ какъ усвоилъ и положительныя и отрицательныя стороны его творчества. Другіе, вслѣдъ за покойнымъ Гогеномъ, отворачиваясь отъ современной культуры, ищутъ вдохновенія среди дикихъ племенъ Океаніи. Наконецъ, наиболѣе популярный нынѣ Матиссъ и Тобинъ идутъ по пути субъективизма гораздо далѣе учителя.

Фактически же каждый творитъ по-своему. И художники, стремящіеся къ синтезу, создаютъ такой хаосъ, какого раньше въ искусствѣ не замѣчалось.

Отвернувшись отъ жизни, «синтетисты» не замѣчаютъ, что пути, проложенные импрессіонизмомъ, ведутъ къ реализаціи идеала созданія монументальнаго стиля, но что таковая замедляется условіями современной общественной жизни, игнорируя которыя они тѣмъ болѣе подпадаютъ подъ ея вліяніе.

Уже въ 80 гг., во время первыхъ проявленій субъективизма, раздался призывъ чуткаго, прозорливаго Ванъ Гога къ объеди-

ненію художниковъ и планомѣрному творчеству въ контактѣ съ природой. Но самъ онъ, больной, усталый отъ повседневной борьбы за существованіе, оказался неспособнымъ къ реализаціи своего идеала и кончилъ жизнь самоубійствомъ, оправдывая этотъ свой шагъ въ оставленномъ товарищамъ письмѣ тѣмъ, что «нѣтъ спасенія отъ боязни одиночества, отъ зіянія ночи, отъ отсутствія религіи».

Призывъ его остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Каковы же результаты исканій синтеза подъ знаменемъ субъективизма?

Неопримитивизмъ, правильно названный однимъ изъ молодыхъ его адептовъ—Вандерпилемъ [1])—«неокатолицизмомъ», проявился впервые, какъ духовное наслѣдіе періода реставраціи, въ творчествѣ Пювиса де Шаванна. Роль этого художника въ развитіи стѣнной живописи громадна, доказательствомъ чего являются «Жизнь Св. Женевьевы» въ парижскомъ Пантеонѣ, «Святая Роща» въ Сорбоннѣ, «Зима»—въ парижской ратушѣ. Онъ съ рѣдкимъ талантомъ согласовалъ линію фреска съ запросами архитектуры. Но въ его творчествѣ сквозь атмосферу современности чувствуется сильный отголосокъ средневѣковья. Его персонажи проникнуты духомъ глубокаго христіанскаго смиренія; духомъ квіэтизма вѣетъ отъ его анемичныхъ красокъ, тихихъ водъ, тощей природы. На-ряду съ этимъ мы замѣчаемъ у него элементъ субъективизма. Его интересовала не столько натуралистическая, сколько декоративная проблема сама по себѣ; его часто плоская живопись, контуры его фигуръ обнаруживаютъ игнорированіе имъ природы.

Но католицизмъ, вдохновившій эпигона періода реставраціи, Пювиса де Шаванна, въ теченіе десятилѣтій потерялъ и эти остатки нравственной силы, которыми онъ обладалъ въ первой половинѣ XIX в. Наше же поколѣніе, воспитанное въ духѣ позитивизма, не въ состояніи, несмотря на все свое желаніе, проникнуться этой отжившей идеологіей. И поэтому Пювисъ де Шаваннъ былъ въ новѣйшее время послѣднимъ крупнымъ католическимъ художникомъ.

Самый талантливый изъ его послѣдователей—Морисъ Дени не создалъ ни одного сильнаго произведенія. Даже въ лучшемъ изъ нихъ — фрескѣ театра Елисейскихъ полей ему не удалось достигнуть высоты творчества Пювиса де Шаванна или даже современнаго декоратора—А. Бенара. Остальныя же, какъ напр.

---

1 Vandergylle „De Giotto au Puvis de Chavanne".

фигурировавшее на прошлогодней Гентской выставкѣ—«Soir de Septembre» и «Armide et Renaud»—непріятно поражаютъ крайнимъ упрощеніемъ линій и красокъ. «Задача искусства—пишетъ по поводу Мориса Дени проф. Сильвэ — состоитъ не въ томъ, чтобы снисходить къ уровню зрителя путемъ искусственнаго упрощенія, а въ томъ, чтобы содѣйствовать его повышенію».

Изъ среды малочисленныхъ послѣдователей Гогена достигъ значительныхъ успѣховъ лишь Манзано Писсаро.

Какъ мы уже отмѣтили, наибольшимъ вліяніемъ пользуется во Франціи творчество давно уже умершаго П. Сезанна. Поэтому раньше, чѣмъ перейти къ новѣйшимъ его послѣдователямъ, необходимо бросить бѣглый взглядъ на его собственный характеръ.

Поль Сезаннъ—натура крайне неуравновѣшенная. По таланту онъ безусловно ниже Пювиса де Шаванна. Не несмотря на глукокую вѣру и католическія убѣжденія, онъ современнѣе послѣдняго. Сезаннъ вышелъ изъ среды импрессіонистовъ. Какъ онъ самъ сообщаетъ въ письмѣ къ Э. Бернарду, онъ научился проникать въ тайны природы подъ руководствомъ Кл. Монэ и Писсаро. Но его буйная фантазія часто уносила его вдаль отъ модели, вслѣдствіе чего въ его творчествѣ доминируетъ субъективный элементъ, въ чемъ многіе видятъ глубокій мистицизмъ. Впослѣдствіи субъективизмъ Сезанна проявился въ теоріи творчества, формулированной имъ въ письмахъ къ Э. Бернарду, въ одномъ изъ которыхъ онъ высказываетъ взглядъ, что художникъ долженъ творить для избранныхъ, а не для толпы, и преслѣдовать задачу изображенія вещи, а не впечатлѣнія, ею производимаго. Природу—говоритъ онъ, — переходя къ самому процессу творчества, слѣдуетъ интерпретировать при помощи линій сферической, цилиндрической, конусообразной», при этомъ слѣдуетъ стараться изображать типы, давая лишь самыя общія очертанія предметовъ и избѣгая подробностей. Компонируя картины, художникъ долженъ сосредоточивать вниманіе на главномъ предметѣ, помѣщая его въ центрѣ и группируя вокругъ него остальные.

Живопись Сезанна содержитъ въ себѣ много примитивной простоты, часто отличается плоскостностью, особенно въ изображеніи актовъ, которые даютъ лишь очень общее впечатлѣніе тѣлъ; краски часто наложены небрежно, такъ что просвѣчиваетъ полотно. Нѣмецкій критикъ Мееръ-Грефе пишетъ въ своей книгѣ о Сезаннѣ [1]), что его женскія тѣла напоминаютъ сплющен-

[1]) Julius Meier-Graefe „Paul Cezanne“.

ные карманы, что краски бѣдны, многія картины производятъ впечатлѣніе неоконченныхъ, что перспектива его пресловутыхъ nature morte — «убійственна»: овощи, горшки, графины какъ будто скатываются справа налѣво по наклонной плоскости стола. Недостатки Сезанна онъ въ значительной мѣрѣ объясняетъ его психическимъ разстройствомъ, констатированнымъ докторомъ Гоше, извѣстнымъ другомъ Ванъ-Гога. Э. Бернардъ же утверждаетъ, что небрежное изображеніе тѣлъ, напр. въ «Купальщицахъ», вытекаетъ изъ панкосмизма Сезанна, считающаго человѣка лишь ничтожной частью природы [1]).

Большинство картинъ Сезанна, какъ изъ выставляемыхъ въ частныхъ галлереяхъ, такъ и хранящихся въ коллекціи норвежскаго консула въ его виллѣ подъ Парижемъ, свидѣтельствуетъ о правильности вышеприведенной характеристики.

Однако попадаются и очень красивыя вещи, какъ, напр., «Paysage de l'Estaque», «Paysage rocheux», «Завтракъ», «Игроки», «Курильщикъ», «Mardi gras», портреты: Густава Жоффруа, отца художника, автопортретъ. Въ названныхъ выше пейзажахъ удивительное соподчиненіе частей, очаровательны простота рисунка, сочность красокъ, окутывающая ихъ еле замѣтная дымка, по мнѣнію нѣкоторыхъ—проявленіе мистицизма.

Но не красота пейзажей Сезанна доставила ему популярность. Его приверженцы преклоняются передъ рѣзко выраженной у него реакціей противъ педантизма академистовъ, передъ созданными имъ законами творчества, передъ его мистицизмомъ.

Произведенія самаго популярнаго изъ нихъ, Матисса, отличаются игнорированіемъ сюжета и сосредоточеніемъ вниманія на формахъ. Въ послѣднихъ отражается крайній субъективизмъ. Деформизмъ въ актахъ плоской живописи Матисса и его скульптуры (Матиссъ также и скульпторъ) выраженъ гораздо болѣе ярко, чѣмъ у Сезанна. Игнорированіе природы замѣчается даже въ нѣкоторыхъ очень интересныхъ его панно и портретахъ. Прославляемая нѣкоторыми его красочность вытекаетъ не изъ содержанія картины, а является лишь стремленіемъ къ созданію, такъ называемой, «зрительной музыки», стремленіемъ, по нашему мнѣнію, безуспѣшнымъ у этого художника.

Но субъективизмъ, разъ провозглашенный, долженъ былъ быть доведенъ до логическаго конца.

Это сдѣлали кубисты. И поэтому Метценжеръ и Глейзъ въ своей книгѣ «Du Cubisme» [2]) называютъ Сезанна своимъ Іоанномъ

[1]) См. E. Bernard, „l'Occident".
[2]) J. Metcenger et A. Gleizes «Du Cubisme».

Предтечей. Родоначальникъ же этого теченія, Пикассо, какъ легко замѣтить изъ коллекціи его картинъ, выставлявшихся недавно въ Мюнхенѣ и Берлинѣ, продѣлалъ въ развитіи своего творчества цѣлую эволюцію отъ подражанія Греко, черезъ неопримитивизмъ и сезаннизмъ до кубизма. Кубизмъ производитъ впечатлѣніе искусства разсудочнаго, надуманнаго, какого-то рабскаго подчиненія живописи архитектурѣ. Колоритъ—настоящая, неотъемлемая особенность живописи—играетъ у кубистовъ второстепенную роль. По мнѣнію двухъ вышеупомянутыхъ теоретиковъ кубизма, тонація красокъ должна быть слѣдствіемъ умѣлаго расположенія линій и геометрическихъ фигуръ. Въ книгѣ «Du Cubisme» они выдвигаютъ передъ искусствомъ задачу освобожденія его отъ подражанія природѣ, а изображаемыхъ предметовъ и явленій отъ ихъ вещественно-бытовой индивидуальности—созданіе монументальныхъ произведеній, отражающихъ исключительно глубочайшія вибраціи души художника. Лучшимъ средствомъ къ реализаціи этой задачи они считаютъ предоставленіе доминирующей роли ломанной линіи; только-де при ея помощи возможно создать путемъ геометрической конструкціи перспективу на плоскомъ фонѣ живописи и изобразить вещь въ себѣ вмѣсто ея чувственной оболочки. При этомъ вмѣсто изученія геометріи Эвклида слѣдуетъ обратиться къ геометріи Римана, извѣстнаго своими трудами о четвертомъ измѣреніи.

Ихъ картины, какъ, напр., «Актъ» Метценжера, представляютъ хаотическое нагроможденіе цилиндровъ, конусовъ, призмъ, кубовъ, полушарій, на фонѣ которыхъ зритель, при очень напряженномъ вниманіи, можетъ различить безобразные контуры чего-то въ родѣ человѣческаго лица. Конечно, говорятъ Метценжеръ и Глейзъ, наше искусство непонятно, но это—удѣлъ каждаго великаго искусства: мы творимъ не для толпы, а для немногихъ избранныхъ.

Но индивидуализмъ, достигнувъ у кубистовъ своихъ крайнихъ предѣловъ, переходитъ въ собственное отрицаніе: желая сдѣлать искусство орудіемъ для выраженія переживаній освобожденной отъ вліянія природы и общества души индивидуума, они утрачиваютъ свою индивидуальность среди хаоса линій и фигуръ. Сведеніе же колорита на второй планъ вызываетъ противъ себя реакцію. Въ средѣ кубистовъ Делануа основываетъ теченіе орфистовъ, ставящее себѣ задачу созданія «симфонической зрительной» музыки путемъ ритмическаго расположенія разноцвѣтныхъ красокъ.

Въ Америкѣ же возникаетъ теченіе синхромистовъ, стре-

мящихся при помощи тонаціи одного цвѣта возсоздать перспективу.

Таковы результаты поисковъ синтеза на почвѣ разложенія общественности во Франціи. Атмосфера здѣсь настолько болѣзненна, что даже въ скульптурѣ такихъ полныхъ жизненныхъ силъ художниковъ какъ ученики Родэна, Бурдэль и Бернардъ, иногда замѣчается игнорированіе природы.

Въ Италіи реакція противъ импрессіонизма нашла свое выраженіе въ футуризмѣ. Это искусство, par excellence динамическое, отражаетъ особенности южнаго темперамента населенія этой страны. Но «нашъ нервный вѣкъ» положилъ на него болѣзненный отпечатокъ. Футуризмъ, несмотря на то, что его представители съ поэтомъ Моринетти во главѣ считаютъ себя антиинтеллектуалистами,—искусство не менѣе надуманное, чѣмъ кубизмъ. Художественному творчеству у нихъ обыкновенно предшествуетъ изданіе манифестовъ о томъ, какъ слѣдуетъ творить.

Въ этихъ манифестахъ говорится, что предоставленіе доминирующей роли динамизму вызываетъ совершенно новое пониманіе дѣйствія свѣта и перспективы.

Зритель долженъ предполагаться въ центрѣ пейзажа.

Предметы не обладаютъ законченной формой, но подъ вліяніемъ свѣта они становятся прозрачными.

Созданіе новой перспективы ведетъ къ изображенію взаимнаго проникновенія плоскостей. Поэтому въ портретѣ ученаго линія прорѣзываетъ его голову, въ желудокъ врѣзывается книга. На картинѣ «Растущій городъ»—трубы, дома, столбы проникаютъ тѣла прохожихъ и рабочихъ. На другой картинѣ лошадь изображается съ 20 ногами. Впечатлѣніе предметовъ и явленій въ движеніи, душевныя переживанія человѣка футуристы стараются выражать не путемъ натуралистическаго рисунка, а при помощи «силы линіи», особой комбинаціи линій и фигуръ. Революцію они изображаютъ путемъ ряда параллельно расположенныхъ острыхъ угловъ, врѣзывающихся въ наклоненные, какъ бы падающіе дома; опрокинутый конусъ изображаетъ вспышку; столкновеніе двухъ конусовъ—морскую бурю.

С. Боччіони примѣнилъ теорію футуризма въ области скульптуры. Въ его «Expansions spiralique de muscles en mouvement»—изъ контуровъ бѣгущаго нагого человѣка выдѣляются мускулы въ видѣ спирально извивающихся пластинокъ. Въ своемъ манифестѣ Боччіони поясняетъ, что задачей художника является вещественное изображеніе того, что кроется въ тенденціи, а такъ какъ-де въ бѣгу развивается въ отдѣльныхъ частяхъ чело-

вѣческаго тѣла центробѣжная сила, то надо продолжить контуры мускуловъ въ направленіи ея дѣйствія. Для изображенія солнечнаго свѣта онъ приклеиваетъ къ лицу человѣческой фигуры раздѣленную на полосы въ видѣ лучей—желтую пластинку.

Результаты творчества футуристовъ крайне жалки въ сопоставленіи съ задачами, намѣченными въ ихъ манифестахъ.

Однако, творчество послѣдняго періода не исчерпывается футуризмомъ. Мы видимъ въ Италіи развитіе декоративнаго искусства, въ частности красивыя панно Піеретто Біанки, настоящаго мастера рисунка, съ рѣдкимъ талантомъ изобразившаго въ своемъ величественномъ произведеніи «Возрожденіе Венеціи»—рабочихъ разныхъ профессій въ различные моменты труда.

Что же касается кубистовъ и футуристовъ, то я полагаю, что наиболѣе объективный критикъ можетъ квалифицировать ихъ произведенія въ лучшемъ случаѣ, какъ ученическіе эксперименты.

III.

Въ то время, какъ во Франціи и отчасти въ Италіи искусство переживаетъ періодъ тяжелаго кризиса, въ другихъ странахъ постепенно созрѣваютъ элементы настоящаго возрожденія. Центральной фигурой послѣдняго является великій швейцарскій живописецъ Фердинандъ Годлеръ. Онъ—тоже индивидуалистъ, но его индивидуализмъ высшей категоріи, развивающійся въ направленіи единенія индивидуумовъ въ гармоническое цѣлое. Элементъ общественности, присущій его творчеству, составляетъ рѣзкій контрастъ съ упадочнымъ индивидуализмомъ французскихъ и итальянскихъ новаторовъ.

Годлеръ поражаетъ современниковъ своими величественными панно. Въ этой области онъ противопоставилъ средневѣковому статическому искусству Пювиса де Шаванна—новое, динамическое; въ немъ больше величія, чѣмъ въ произведеніяхъ его предшественника, очень удачное соподчиненіе частей, не менѣе удачное согласованіе линіи съ линіей архитектуры, гармонія съ природой.

Девизъ Годлера: «то, что насъ, людей, объединяетъ, сильнѣе въ насъ, чѣмъ то, что разъединяетъ». Если—говоритъ онъ—Л. Толстой правъ, говоря, что ни одинъ листъ дерева не совпадаетъ вполнѣ съ другимъ, то еще болѣе вѣрно то, что ничто такъ не похоже на листъ даннаго дерева, какъ другой листъ того же дерева.

Эти положенія Годлера являются какъ бы отраженіемъ центростремительныхъ тенденцій, доминирующихъ въ настоящее время въ политической жизни его родины [1]). Онѣ легли въ основу его теоріи параллелизма. Простота и ритмъ—главные принципы художественнаго творчества. Повтореніе впечатлѣній усиливаетъ эстетическую эмоцію.

Вы это легко можете провѣрить—говоритъ художникъ—когда вашимъ глазамъ представится ритмическое движеніе толпы, или когда вы смотрите на рядъ горныхъ вершинъ, или на рядъ однородныхъ стволовъ лѣса, вырисовывающихся на фонѣ голубого неба, или когда проходите по сиреневой аллеѣ. Контрастъ между однородной желтой окраской цвѣтовъ и зеленью травы производитъ, по его мнѣнію, болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ пестрота цвѣтовъ на лугу. Но параллелизмъ этотъ чуждъ однообразія: на картинахъ Годлера каждый предметъ, каждое лицо сохраняетъ свои индивидуальныя особенности. По смѣлости рисунка онъ является наслѣдникомъ Массаччіо, А. Кастанья, Микель Анджелло, Гольбейна Младшаго, Тобіаса Штимера; въ колоритѣ и въ композиціи пейзажей—голландскихъ и фламандскихъ мастеровъ и импрессіонистовъ. Но въ то же время онъ оригиналенъ и современенъ. Въ первый періодъ развитія его творчество овѣяно глубокой скорбью. Его, повидимому, поражаютъ недуги современнаго общества и духовная косность его сильныхъ физически согражданъ въ сопоставленіи съ мощью очаровательной, но суровой швейцарской природы. Скорбь эта чувствуется въ «Die Lebensmüden», «Die Enttäutschten», «Die Nacht», «Rückzug von Marignano» и нѣкоторыхъ позднѣйшихъ произведеніяхъ.

Совершенно иное впечатлѣніе производятъ послѣднія панно «Alpenabstieg», «Alpenaufstieg», «Reformation».

Въ «Alpenaufstieg» въ лицѣ горцевъ, взбирающихся на ледяныя вершины Альпъ, воплощена вѣра въ мощь человѣческаго генія въ его борьбѣ съ природой, въ безконечный прогрессъ человѣчества. Красота и величіе природы, сила духа, вѣющая отъ титаническихъ фигуръ горцевъ, гармонія ритма дѣлаютъ это произведеніе однимъ изъ величайшихъ шедевровъ декоративнаго искусства. Въ «Reformation», выставлявшемся недавно въ Парижѣ подъ названіемъ «L'Unanimité», несмотря на то, что панно это бѣднѣе предыдущаго въ декоративномъ

[1]) Эти особенности творчества Годлера не даютъ ни малѣйшаго права наклеивать ему модный нынѣ ярлыкъ „пролетарскаго искусства“, могучее творчество его—продуктъ расцвѣта швейцарскаго капитализма.

отношеніи, зрителя поражаетъ мастерское расположеніе персонажей, ритмъ поднятыхъ рукъ толпы, окружающей оратора, лицо послѣдняго, полное воодушевленія, выражающее могучую волю; гармоническое сочетаніе и сочность красокъ. «Женскій портретъ», «Портретъ мужчины», «Голова итальянки» свидѣтельствуютъ о недюжинномъ талантѣ Годлера, какъ портретиста; въ «Jungfrau», «Genfersee» онъ является въ роли выдающагося пейзажиста.

Значеніе Годлера въ развитіи современнаго искусства въ Швейцаріи и у германскихъ народовъ—громадно. Въ Германіи на-ряду съ его вліяніемъ замѣчается также вліяніе норвежца Эдуарда Мунка, обладающаго мощнымъ талантомъ колориста, превзошедшаго въ этомъ отношеніи Годлера, у котораго онъ во многихъ произведеніяхъ позаимствовалъ пріемы рисунка, но крайне впечатлительнаго и до сихъ поръ не вполнѣ установившагося.

Что касается новѣйшаго германскаго искусства, то, уступая французскому въ виду богатства и изящества послѣдняго, оно отличается свѣжестью силъ, оригинальностью и въ общемъ и цѣломъ ушло дальше его, такъ какъ намѣтило стиль эпохи, поисками котораго до сихъ поръ безрезультатно занимаются французскіе художники.

Правда, стиль—явленіе новое, онъ еще окончательно не оформился, но все же о взаимномъ отношеніи германской архитектуры, скульптуры и живописи можно уже сказать словами Годлера: «то, что ихъ объединяетъ, сильнѣе того, что разъединяетъ». Проявленія этого стиля, далеко еще не вполнѣ однородныя, составляютъ въ архитектурѣ рядъ монументальныхъ общественныхъ зданій и памятниковъ, какъ-то «Нѣмецкій домъ» на выставкѣ 1913 г. въ Гентѣ, новые вокзалы въ Карльсруэ, баденскомъ Базелѣ, извѣстный «памятникъ битвы народовъ» въ Лейпцигѣ. Эти постройки симметричны, массивны, тяжелы, почти совершенно лишены орнаментаціи. Въ нихъ чувствуется мощь и порядокъ государственнаго строя Германіи. Тѣмъ же характеромъ отличается скульптура Метцнера и въ значительной мѣрѣ фрески Эггеръ Линца, въ творчествѣ котораго замѣтенъ отпечатокъ вліянія Годлера; элементъ динамизма, присущій многимъ его произведеніямъ, какъ, напр., «Дьяволъ и Святель», «König Ezels Einzug zu seiner Hochzeit» и др., не нарушаетъ общей гармоніи. Еще ближе къ Годлеру Артуръ Дегнеръ, Жоржъ Жанъ и нѣкоторые молодые. Вліяніе Сезанна особенно бросается въ глаза въ произведеніяхъ М. Пехштейна, К. Гофера, Л. Гофмана. Самый видный представитель мистицизма—Люи Коринтъ вполнѣ

самобытенъ; въ его творчествѣ много свѣжести и натурализма. Натуралистическій элементъ сохранился и у другого мистика, Брокгузена, подражающаго въ колоритѣ Э. Мунку, и у кубистовъ Дорнбаха, Карса, И. Клейна.

О степени оригинальности искусства германскихъ народовъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, характеръ творчества Густава Климта, являющагося въ Австріи, наряду съ послѣдователями Годлера—Громъ-Ротмееромъ и О. Фридрихомъ,—самымъ виднымъ представителемъ тамошней новѣйшей живописи, очень оригинальнаго въ композиціи, замѣчательно искусно соединившаго съ византійскими пріемами поразительную нѣжность, разнородность и симфоническое сочетаніе красокъ.

Въ Англіи, между прочимъ, еще до сихъ поръ очень сильно вліяніе больного искусства Бэрдели, но произведенія многихъ его послѣдователей постепенно теряютъ его кошмарный характеръ, сохраняя лишь утонченность рисунка.

Приверженцы П. Сезанна—Бэлль, Фрей, Дунканъ не создали ни одного крупнаго произведенія.

Зато быстро совершенствуется творчество Ф. Брэнгвина, развивающееся подъ воздѣйствіемъ рабочей демократіи. Сблизившись съ рабочей средой, этотъ высокоодаренный живописецъ и рисовальщикъ перешелъ отъ религіознаго мистицизма къ натурализму и создалъ прекрасныя панно, родственныя по духу своего содержанія—К. Менье, а по формѣ—Ф. Годлеру; его же прелестные рисунки и офорты съ сюжетами изъ жизни рабочихъ по силѣ линіи напоминаютъ Микель Анджелло, по мастерской свѣтотѣни—Рембрандта.

Если въ Англіи рабочее движеніе отразилось въ развитіи творчества Ф. Брэнгвина, то въ Бельгіи оно стало однимъ изъ двигателей въ развитіи художественнаго творчества, вліяя на послѣднее и непосредственно и косвенно—усиливая темпъ общественной жизни. Такая роль рабочаго движенія въ Бельгіи объясняется тѣмъ, что оно тамъ сильнѣе, разностороннѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ и, являясь въ ея политической жизни главной опорой прогресса, привлекаетъ къ себѣ взоры художниковъ. Подъ его вліяніемъ расцвѣлъ талантъ великаго скульптора, а также живописца и рисовальщика—Константина Менье, въ творчествѣ котораго, а особенно въ величественномъ, къ сожалѣнію неоконченномъ, «Памятникѣ труду» съ расположенной на его вершинѣ полной динамизма фигурой «Сѣятеля» заложены основы новаго стиля. Слѣдя за посвященной ему литературой, я замѣтилъ, что его значеніе въ искусствѣ недостаточно оцѣнено. Это одна изъ

крупныхъ историческихъ личностей. Его творчество по своему характеру явленіе совершенно новое въ современномъ искусствѣ. Оно—глубоко идейно, но отнюдь не тенденціозно. Зародившись въ періодъ импрессіонизма, какъ его отраженіе въ скульптурѣ, оно оказало, въ свою очередь, сильное вліяніе на искусство нынѣшняго періода. Форма и содержаніе составляютъ у Менье одно гармоническое цѣлое. Онъ не только любитъ природу подобно другимъ натуралистамъ, но также всецѣло проникся идеей рабочаго класса. Его простая, сильная линія отражаетъ его глубокую идейность. Монументальность его произведеній, свойственный имъ элементъ динамизма являются слѣдствіемъ характера той среды, изъ которой онъ черпаетъ силы для своего творчества. Нова и своеобразна и трактовка имъ сюжетовъ. Онъ даетъ типы рабочихъ различныхъ профессій, но всѣмъ его персонажамъ присуща одна особенность, рѣзко отличающая Менье отъ всѣхъ художниковъ, изображавшихъ рабочихъ до него.

Рабочіе Менье это—представители класса, призваннаго обновить міръ; при взглядѣ на нихъ получается впечатлѣніе не только физической, но и духовной и интеллектуальной силы и сознанія собственнаго достоинства.

Элементы стиля Менье мы замѣчаемъ у цѣлаго ряда скульпторовъ и живописцевъ, изъ которыхъ наиболѣе близки ему по духу—скульпторъ Ванъ Бисбрюкъ и живописецъ Е. Лармэнсъ. О силѣ таланта Ванъ Бисбрюка свидѣтельствуютъ лучше всего фигурировавшія на гентской международной выставкѣ его: «Голодъ», «Мудрецъ» и величественный «Замокъ водъ», украшавшій фонтанъ на главномъ дворѣ выставки, въ центрѣ съ тремя фигурами, представляющими Трудъ, Мудрость и Красоту. Е. Лармэнсъ—одинъ изъ наиболѣе оригинальныхъ и талантливыхъ художниковъ.

Онъ неподражаемъ въ изображеніи толпы. На его картинахъ мы обыкновенно видимъ на фонѣ пейзажа ритмическое движеніе толпы, какъ въ «Эмигрантахъ», «Вечерѣ забастовки», «Уборкѣ сѣна»; иногда нѣсколькихъ лицъ, какъ въ «Возвращеніи съ работы», «Поздней осени», «Бродягахъ», или слѣпца въ сопровожденіи подростка. Лица большинства персонажей—однородны; это—фламандскіе народные типы. Особенно ярко представлена толпа въ «Вечерѣ забастовки», гдѣ въ дышащихъ непреклонной волей фигурахъ рабочихъ, движущихся подъ сѣнью краснаго знамени, ярко отражается сила коллектива. У Лармэнса, какъ нѣкогда у живописцевъ голландскаго и фламандскаго Ренессанса, въ самыхъ грустныхъ по содержанію картинахъ замѣчается элементъ жизнерадостности; въ «Похоронахъ»

напр., играющій на стѣнѣ церкви лучъ солнца радостно ласкаетъ глазъ въ то время, какъ сюжетъ вызываетъ грустное настроеніе. Линія очертаній предметовъ—простая, сильная какъ у Мэнье. Дорога, по которой движутся человѣческія фигуры, обыкновенно дѣлаетъ крутой поворотъ, что сосредоточиваетъ на этомъ пунктѣ вниманіе зрителя, придаетъ картинѣ большую цѣльность, усиливаетъ впечатлѣніе; колоритъ его—чистый, свѣжій.

Совершенно иначе отразилась сильно пульсирующая общественная жизнь Бельгіи на декоративныхъ работахъ значительно отличающихся другъ отъ друга художниковъ К. Монтольда, Ф. Кнопфа, Фабри, Дельвилля.

Въ своихъ чудныхъ панно «Островъ красоты», «Ладья идеала» Монтольдъ, мастерски комбинировавшій золотой тонъ съ пропитанными атмосферой тропической весны темно голубымъ, лиловымъ, фіолетовымъ, розовымъ, вызываетъ у зрителя образъ какой-то идеальной жизни среди буйной чарующей природы.

Кнопфъ, котораго многіе, вслѣдствіе незнакомства съ его произведеніями, называютъ романтикомъ, соединяетъ въ своемъ творчествѣ чисто эллинское спокойствіе съ фантазіей средневѣковья. Это—индивидуальность очень разносторонняя. Онъ—рисовальщикъ, живописецъ, скульпторъ, архитекторъ, музыкантъ. Его домъ въ Брюсселѣ, построенный подъ его руководствомъ, представляетъ синтезъ готики и классицизма, формулируя въ яркой формѣ тенденціи, замѣтныя въ бельгійской архитектурѣ, и отражая пути развитія его собственнаго творчества. Его панно—«Геній человѣчества», «Чары женщины», «Passe-futuге» поражаютъ утонченностью техники и красотой рисунка, а пейзажи изъ окрестностей Брюгге и Фоссэ—по вѣрному опредѣленію Дюмонтъ-Вильдена—настоящіе пейзажи души [1]).

Въ послѣдніе годы, вѣроятно подъ воздѣйствіемъ окружающей среды, у Кнопфа постепенно затихаютъ пессимистическіе аккорды, сильно звучавшіе въ его первыхъ произведеніяхъ. Неизмѣнно только то невозмутимое спокойствіе, которое составляетъ неотъемлемый атрибутъ всего его творчества и которое Э. Верхарнъ [2]) въ своей книгѣ о немъ считаетъ однимъ изъ отраднѣйшихъ явленій въ историческій періодъ, когда болѣзненная нервозность развивается въ общественной жизни и въ искусствѣ.

И наконецъ Фабри и Дельвилль воплощаютъ въ своихъ

[1]) Dumont-Wilden „F. Khnopff".
[2]) E. Verhaeren—„F. Khnopff".

панно образы какого-то фантастическаго сказочнаго міра; у Дельвиля это образъ ожесточенной борьбы стихій, «Пляска Сатаны», быть можетъ, отраженіе въ его буйной фантазіи живо интересующихъ его событій общественной жизни.

Сила духа, характеризующая бельгійское искусство, и богатство культуры этой страны проявляются и въ полномъ поэзіи творчествѣ молодого Шпилярта, въ его смѣломъ рисункѣ, въ его умѣніи комбинировать тенденціи къ упрощенію съ натуралистическимъ очертаніемъ изображаемыхъ предметовъ, и у молодого живописца и скульптора Де-Каттэ, неигнорирующаго природу, несмотря на склонность къ пользованію ломанной линіи.

Отмѣченныя здѣсь мною тенденціи въ бельгійскомъ искусствѣ и благопріятствующія его развитію условія являются предохранительнымъ средствомъ отъ подчиненія его французскому и итальянскому вліянію.

Что же касается судебъ современнаго искусства вообще, то мнѣ кажется, что такъ какъ замѣчающіеся въ немъ элементы кризиса вызваны современнымъ состояніемъ общественныхъ отношеній, то повсемѣстное возрожденіе можетъ наступить только при условіи оздоровленія этихъ отношеній. Задачи же художниковъ, стремящихся къ возрожденію, ясно намѣчены въ Бельгіи. Это—учетъ въ художественномъ творчествѣ всѣхъ завоеваній, сдѣланныхъ до сихъ поръ, тѣсный контрактъ съ природой и общественной жизнью, въ частности съ жизнью трудящихся массъ.

Только при такихъ условіяхъ будетъ созданъ монументальный стиль, составляющій предметъ исканій современныхъ художниковъ. Но онъ явится результатомъ не этихъ исканій, а естественнаго развитія искусства.

И предвѣстниками возрожденія являются нынѣ не сезанисты, кубисты, футуристы, а К. Мэнье, Ф. Годлеръ и ихъ послѣдователи. Только тѣ художники, въ богатой индивидуальности которыхъ отразятся всѣ запросы современной жизни, сыграютъ роль въ великомъ дѣлѣ возрожденія.

К. Залевскій.

РУССКІЙ КАНДИДЪ.

Къ вопросу о вліяніи Вольтера на Достоевскаго.

Былъ одинъ старый грѣшникъ въ восемнадцатомъ столѣтіи, который изрекъ, что если бы не было Бога, то слѣдовало бы его выдумать...

Братья Карамазовы.

I.

Вопросъ объ источникахъ творчества Достоевскаго давно стоитъ на очереди въ критической разработкѣ его произведеній. Куда уходятъ корни того огромнаго міра, который двинулся въ жизнь съ первымъ письмомъ Макара Дѣвушкина, чтобъ замкнуть свой кругъ надгробной рѣчью Алеши Карамазова? Вышла ли эта взволнованная толпа преступниковъ и мучениковъ, мудрецовъ и святыхъ цѣликомъ изъ творческаго сознанія Достоевскаго, или же, подчиняясь обычнымъ литературнымъ законамъ, она впитала въ себя богатые соки поэтическаго, философскаго и религіознаго творчества предшествующихъ эпохъ? Въ какихъ направленіяхъ дѣйствовали эти вліянія, и какіе слѣды они оставили на самостоятельныхъ замыслахъ русскаго романиста?—Вотъ цѣлый рядъ еще недостаточно озаренныхъ путей, ведущихъ къ самому сердцу творчества Достоевскаго.

Для его правильнаго пониманія необходимо прежде всего разрѣшить эти вопросы. Многое загадочное, странное и до сихъ поръ непонятное въ писаніяхъ Достоевскаго получаетъ свое объясненіе, если принять во вниманіе, что уже въ раннемъ возрастѣ этотъ прилежный читатель всѣхъ міровыхъ классиковъ самымъ основательнымъ образомъ прошелъ школу французскаго романа. На-ряду съ его крупнѣйшими представителями—Вольтеромъ, Дидро, Бальзакомъ, Жоржъ-Зандъ, Викторомъ Гюго, и низшіе эпигоны этого литературнаго жанра въ лицѣ Евгенія Сю, Фредерика

Сулье и даже отчасти Поль де-Кока должны считаться учителями Достоевскаго. Цѣлый рядъ своеобразнѣйшихъ чертъ, исконно чуждыхъ русской литературѣ и неизмѣнно свойственныхъ его писаніямъ, объясняется прежде всего этимъ явно иностраннымъ происхожденіемъ.

Во главѣ всей плеяды литературныхъ учителей Достоевскаго стоитъ несомнѣнно Бальзакъ, раздѣляя, впрочемъ, это первенствующее положеніе съ Гоголемъ и Гофманомъ. Французскій романистъ, которымъ Достоевскій положительно бредилъ въ эпоху образованія своихъ литературныхъ вкусовъ и убѣжденій, вещи котораго онъ тогда цѣликомъ переводитъ и котораго впослѣдствіи, уже въ зрѣлую эпоху своего творчества, онъ перечитываетъ съ новымъ интересомъ и восхищеніемъ—Бальзакъ не могъ не оказать самаго рѣшительнаго вліянія на впечатлительную натуру автора «Бѣдныхъ людей». Эти отраженія Человѣческой Комедіи можно прослѣдить на всемъ протяженіи его творчества.

Но при всей своей длительности вліяніе Бальзака не въ равной степени дѣйствовало на Достоевскаго въ различныя эпохи его дѣятельности. Къ концу его жизни оно отступило передъ господствомъ «властителя думъ» нѣсколькихъ поколѣній русскихъ читателей—передъ вліяніемъ Вольтера.

Увлеченіе имъ Достоевскаго—типичный случай своеобразнѣйшаго русскаго вольтерьянства. По справедливому указанію В. Сиповскаго, Вольтеръ и энциклопедисты «нерѣдко служили русскимъ людямъ средствомъ испытать свою вѣру, служили чѣмъ-то въ родѣ искуса, черезъ который нужно было пройти, чтобъ узнать себя»... Такъ, одна русская дѣвушка, рѣшивъ отказаться отъ мірской жизни, отважно перечла для провѣрки своего религіознаго чувства всѣ творенія французскихъ энциклопедистовъ, бодро вызывая каждаго изъ нихъ на религіозный споръ. И только выдержавъ до конца этотъ тяжелый искусъ, она вступила въ монастырь [1]).

Приступая къ религіозно-философской эпопеѣ своего послѣдняго созданія, Достоевскій безсознательно поступилъ по примѣру этихъ русскихъ мистиковъ. Пробнымъ камнемъ своей вѣчно колеблющейся вѣры онъ избралъ Вольтера.

Во всей міровой литературѣ онъ, конечно, не могъ найти болѣе могучаго оппонента своимъ религіознымъ исканіямъ. И какъ русская дѣвушка предыдущей поры, онъ отважно вступилъ въ богословскій диспутъ съ отцомъ новаго невѣрія, мужественно

1) *В. Сиповскій.* „Изъ исторіи русской мысли XVIII—XIX вв.“. „Голосъ минувшаго“, янв. 1914, стр. 116.

встрѣтилъ всю армаду его атеистическихъ аргументовъ и съ жаромъ крестоносца бросился въ битву. Но не разсчитавъ силы противника и всей великой опасности предстоящей борьбы, онъ вышелъ изъ нея побѣжденнымъ.

Послѣ единоборства съ Вольтеромъ Достоевскій не только не могъ бы съ чистой совѣстью вступить въ монастырь, но былъ безсиленъ скрывать слѣды вольтеровской отравы даже въ своихъ наиболѣе религіозныхъ страницахъ. Какъ гофмановскій монахъ, опоенный элексиромъ дьявола, онъ сталъ невольно вносить элементы кощунства въ свою осанну. Даже въ своемъ послѣднемъ романѣ, задуманномъ несомнѣнно ad majorem Dei gloriam, онъ произнесъ одинъ изъ самыхъ могущественныхъ въ міровой литературѣ аргументовъ крайняго атеизма.

Отсюда одно изъ любопытнѣйшихъ явленій его творчества—вольтерьянство Ивана Карамазова.

Задолго до работы надъ «Братьями Карамазовыми» Достоевскій проявляетъ сильнѣйшій интересъ къ творцу знаменитаго Кандида. Еще въ 1859 г., сейчасъ же по выходѣ изъ каторги, онъ проситъ друзей послать ему въ Сибирь романы Вольтера. Черезъ 10 лѣтъ, въ эпоху возникновенія перваго замысла романа «Атеизмъ» (будущіе «Братья Карамазовы»), Достоевскій всю зиму 1869 г. читаетъ заграницей Вольтера и Дидро.

Эти чтенія не проходятъ даромъ. Авторъ «Кандида», углубляя въ Достоевскомъ уже непосредственно зарожденные въ немъ протесты противъ мірового зла и человѣческаго страданія, сообщаетъ ему основные доводы атеистической аргументаціи Ивана Карамазова. При близкомъ сопоставленіи текстовъ, обнаруживается, что философскія положенія, сохранившія у насъ названіе «карамазовскихъ вопросовъ», полностью и не съ меньшей энергіей, чѣмъ въ послѣднемъ романѣ Достоевскаго, уже поставлены въ творчествѣ Вольтера.

За три года до смерти, когда замыселъ Карамазовыхъ начинаетъ все опредѣленнѣе занимать Достоевскаго, онъ составляетъ извѣстное «Memento на всю жизнь»,—въ которое вноситъ, между прочимъ, двѣ замѣтки:

«Написать русскаго Кандида, написать книгу о Іисусѣ Христѣ». Издатели отмѣчаютъ, что книгу о Христѣ онъ далъ отчасти въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Относительно Кандида комментаріи менѣе точны.

Въ своемъ сжатомъ, но очень содержательномъ очеркѣ о Достоевскомъ, Ч. Вѣтринскій высказываетъ предположеніе, что «Русскій Кандидъ» намѣчался въ Алешѣ Карамазовѣ, какъ по-

бѣдителѣ темнаго карамазовскаго начала, въ духѣ вѣры, труда и дѣятельнаго подвига. Говоря о «скромной общеполезной работѣ», къ которой приходитъ послѣ всѣхъ своихъ блужданій герой Вольтера, Ч. Вѣтринскій замѣчаетъ: «Такъ, вѣроятно, и русскій Кандидъ разрѣшалъ бы, въ скромномъ примѣненіи къ обыкновеннымъ человѣческимъ силамъ, вѣчные проклятые вопросы человѣческаго бытія и не менѣе сложные вопросы русской общественной борьбы и строительства жизни» [1]). Нѣсколько иное толкованіе даетъ въ своей книгѣ о Достоевскомъ В. Ф. Переверзевъ. Вольтеръ въ своемъ романѣ хотѣлъ изобразить оптимиста въ лицѣ философа Панглосса, неизмѣнно примиряющагося съ дѣйствительностью, несмотря на всѣ свои злоключенія. Достоевскій въ образахъ своихъ кроткихъ героевъ, своихъ «слабыхъ сердцемъ», изобразилъ то же «примиреніе съ страданіемъ и даже оправданіе страданія», превративъ всѣхъ ихъ въ прирожденныхъ оптимистовъ. Русскаго Кандида слѣдуетъ принимать, по мнѣнію критика, не иначе, какъ вѣчное желаніе Достоевского «дать законченный образъ слабаго сердцемъ». Мышкинъ, Алеша, Зосима, Макаръ Ивановичъ, всѣ эти образы были только пробными рисунками, прелюдіей къ будущему русскому Кандиду», котораго Достоевскій такъ и не собрался написать [2]).

Врядъ ли это такъ. Какъ свою книгу о Христѣ, такъ и русскаго Кандида Достоевскій, словно предчувствуя близкую смерть, далъ въ своемъ предсмертномъ романѣ.

Но не въ образѣ Алеши Карамазова слѣдуетъ искать осуществленіе этого замысла. Если книга о Христѣ дана въ знаменитой поэмѣ Ивана Карамазова, русскій Кандидъ осуществленъ въ предисловіи къ ней, въ «бунтѣ» ея автора. Здѣсь, внѣ всякаго сомнѣнія, данъ очеркъ того мартиролога русской дѣйствительности, который въ творческой лабораторіи Достоевскаго носилъ имя русскаго Кандида.

Въ чемъ сущность и значеніе знаменитаго «комическаго романа» Вольтера? Прежде всего «Кандидъ» не только не является, какъ это полагаетъ В. Ф. Переверзевъ, оправданіемъ страданія, но представляетъ, можетъ быть, самый могучій во всей міровой литературѣ протестъ противъ рокового трагизма человѣческихъ судебъ.

---

[1]) *Ч. Вѣтринскій* (Вас. Е. Чешихинъ). „Ѳед. Мих. Достоевскій". Вступительная статья къ сборнику „Достоевскій въ воспоминаніяхъ современниковъ"... стр. XLIX.

[2]) *В. Ф. Переверзевъ*. «Творчество Достоевскаго», М. 1912, стр. 261 и слѣд.

Нужно помнить, что прежде чѣмъ сдѣлаться почетнымъ гостемъ Фридриха Великаго, корреспондентомъ Екатерины и Фернейскимъ патріархомъ, Вольтеръ былъ бастильскимъ узникомъ, англійскимъ изгнанникомъ и искупительной жертвой уязвленнаго самолюбія какого-то герцога, наградившаго его палками за слишкомъ дерзкую сатиру. Горечь этихъ раннихъ униженій никогда не изсякала изъ писаній Вольтера, и воспоминанія о нихъ сообщили ему ту чуткость ко всякому человѣческому страданію, которая вызывала въ немъ нервную лихорадку въ каждую годовщину Варфоломеевской ночи. Къ концу его жизни міровыя и общественныя катастрофы середины XVIII ст.—ужасное землетрясеніе 1755 г., разбойничья семилѣтняя война, безсмысленныя жестокости дореволюціоннаго королевскаго правительства—казни, войны, стихійно разрушенные города, потоки крови и человѣческія гекатомбы со всѣхъ сторонъ—рѣшительно обращаютъ изумительно чуткую мысль Вольтера къ темному вопросу о происхожденіи и смыслѣ мірового зла. Незадолго передъ тѣмъ раздѣлявшій модную философію о наличности въ мірѣ гармоніи и неизбѣжномъ ходѣ мірового процесса къ всеобщему благоденствію, Вольтеръ неожиданно раскрываетъ непримиримое противорѣчіе между возвышенными теоріями Лейбница и ужасными фактами текущей дѣйствительности.

Глубоко взволнованный потрясающими картинами мірового зла и человѣческихъ мученій, онъ со всею яростью фанатическаго идеалиста, обманувшагося въ своихъ самыхъ завѣтныхъ убѣжденіяхъ, рѣшительно возстаетъ противъ всѣхъ баюкающихъ теорій о міровомъ благополучіи. «Не хочу гармоніи, изъ любви къ человѣчеству не хочу!»—эти слова Ивана Карамазова могли бы служить эпиграфомъ къ главнѣйшимъ произведеніямъ Вольтера этого періода. Точнѣе, въ этихъ словахъ Ивана Карамазова слышатся явственные отголоски вольтеровскаго бунта.

Въ этомъ разочарованіи и возмущеніи онъ и создаетъ своего Кандида,—одну изъ величайшихъ книгъ міровой литературы по силѣ протеста противъ человѣческаго страданія. Знаменитый докторъ Панглоссъ, воплощающій здѣсь лейбницевскую доктрину объ оптимизмѣ, сосредоточиваетъ тотъ комплексъ идей, противъ котораго всѣми силами своей души возстаетъ Вольтеръ. Своимъ саркастическимъ изображеніемъ этого невозмутимаго философа онъ задолго до Ивана Карамазова мятежно возвращаетъ Богу свой билетъ на право входа въ міровую гармонію.

II.

Вольтеръ не ограничился однимъ произведеніемъ для выраженія своего протеста. Онъ постоянно возвращался къ темѣ «Кандида». Этотъ «комическій романъ» вмѣстѣ съ поэмой о лиссабонской катастрофѣ и «Исторіей Дженни»—составляютъ ту случайную трилогію, которая за столѣтіе до Достоевскаго выражаетъ протестъ противъ создателя міра изъ-за безмѣрности человѣческаго страданія.

Иванъ Карамазовъ—несомнѣнно убѣжденный вольтерьянецъ. Въ своей знаменитой бесѣдѣ съ Алешей, онъ далъ самый замѣчательный въ міровой литературѣ варіантъ на вольтеровскую трилогію о человѣческомъ страданіи.

«Кандидъ» написанъ въ саркастическомъ тонѣ сказочной эпопеи. По внѣшнему характеру онъ слишкомъ отличается отъ бесѣды братьевъ Карамазовыхъ, чтобъ можно было проводить здѣсь болѣе близкія параллели. Только въ 2—3 мѣстахъ «Кандида» можно уловить непосредственное, почти буквальное выраженіе карамазовскихъ протестовъ. «Когда я смотрю на этотъ шаръ,—говоритъ одинъ изъ героевъ о мірѣ—я думаю, что Богъ передалъ его какому-нибудь духу (XX)».—«Что жъ это все?—ужасается къ концу своихъ странствій Кандидъ, — какой демонъ проявляетъ повсюду свое господство»?

Но замыселъ «Кандида» полностью развитъ въ знаменитой «Поэмѣ о Лиссабонской катастрофѣ»,—которую Вольтеръ считалъ своимъ плачемъ Іереміи. Здѣсь протестъ противъ творца мірового зла выражается безъ насмѣшливыхъ сарказмовъ Кандида и потому уже ближе къ взволнованнымъ рѣчамъ Ивана Карамазова.

Мы имѣемъ доказательство, что Достоевскій зналъ не только «Кандида», но и родственную по замыслу поэму о Лиссабонской катастрофѣ. Онъ даже несомнѣнно чувствовалъ эту связь между ними. Въ одной критической статьѣ онъ предлагаетъ читателю перенестись въ XVIII столѣтіе,«въ день лиссабонскаго землетрясенія». Слѣдуетъ бѣглое повтореніе вольтеровскаго описанія катастрофы. Въ заключеніе, по словамъ Достоевскаго, обезумѣвшіе жители обращаются къ какому-нибудь д-ру Панглоссу (главный герой «Кандида») за умнымъ совѣтомъ [1]).

Сближеніе текстовъ даетъ здѣсь самыя неожиданныя откры-

---

[1]) Соч., IX, 52.

тія. Даже внѣшніе пріемы, даже тонъ вольтеровскаго протеста повторяются въ рѣчахъ Ивана Карамазова. Нѣтъ ничего ошибочнѣе ходячаго мнѣнія объ издѣвательскомъ смѣхѣ Вольтера надъ Провидѣніемъ. Вѣчно озабоченный своими требованіями терпимости, не желая никого задѣвать въ области самыхъ завѣтныхъ вѣрованій, онъ подходилъ къ мучившему его вопросу бытія Божія съ большой осторожностью. Недаромъ онъ постоянно называлъ себя «ревностнымъ поклонникомъ божества», а въ своемъ Фернеѣ рѣшился даже воздвигнуть церковь съ дерзки благоговѣйной надписью

Deo
erexit
Voltaire.

Его богохульство всегда облекалось въ благоговѣйныя формы. Онъ до такой степени умѣлъ очищать всѣ свои протесты отъ оскорбительнаго задора воинствующаго атеизма, что часто въ его отрицаніи Провидѣнія чувствуется только глубокая грусть и искренняя боль за покинутое человѣчество. Недаромъ самъ Достоевскій говоритъ о «страстной вѣрѣ Вольтера» [1]).

Общій тонъ вольтеровскихъ протестовъ часто изумительно напоминаетъ характеръ бунта Ивана Карамазова. Съ той же почтительностью Вольтеръ условно принимаетъ Бога, чтобъ отвергнуть безусловно созданный имъ міръ. Въ своей отрицательной критикѣ онъ такъ же не хочетъ задѣвать вѣрующихъ, деистовъ, Жанъ-Жака Руссо, какъ Иванъ Карамазовъ послушника Алешу.

Прежде всего, становясь на точку зрѣнія всѣхъ мистиковъ, Вольтеръ признаетъ безсиліе человѣческаго сознанія разрѣшить великую проблему о Богѣ.

Первый тезисъ Ивана Карамазова о безсиліи земного эвклидовскаго ума въ вопросахъ высшей метафизики стоитъ и во главѣ всѣхъ разсужденій Вольтера.

«Я злоупотребилъ бы своимъ слабымъ разсудкомъ, если бъ хотѣлъ понять во всей полнотѣ то Существо, которое по своей и по моей природѣ должно быть непонятнымъ...» [2]). — «Намъ нужно признать наше невѣдѣніе относительно природы божества. Мы не имѣемъ ни ступеней, ни точекъ опоры, чтобъ подняться къ этому познанію. Есть безумная дерзость въ желаніи разгадать это Существо, опредѣлить, протяжимо ли оно, находится ли въ пространствѣ, какъ оно живетъ и дѣйствуетъ» [3]). — «При-

[1]) Соч. X, 4.
[2]) Voltaire, Oeuvres complètes XXVI, p. 318. Homélie sur l'athéisme.
[3]) Dictionnaire philosophique, Infini, Dieu.

знаемъ же, что есть Высшее Существо, необходимое, непонятное и которое создало насъ» [1]).

Тутъ же намѣчается планъ всѣхъ дальнѣйшихъ разсужденій.

«Ограничимъ же наше ненасытное и безполезное любопытство. Обратимся къ истинно важному для насъ. Высшій ремесленникъ, создавшій міръ и людей—владыка ли намъ? Благодѣтеленъ ли онъ? Должны ли мы быть ему благодарны» [2])?

Ходъ діалектики Ивана Карамазова намѣчается двумя исходными тезисами: 1) «принимаю Бога прямо и просто», но— 2) «я міра божьяго не принимаю». Это структура всей атеистической проповѣди Вольтера. Принявъ Бога прямо и просто, онъ даетъ полную волю своимъ протестамъ противъ міра.

«Богъ держитъ цѣль въ рукахъ, но самъ не связанъ ею. Все предопредѣлено Его благостнымъ выборомъ. Онъ свободенъ, Онъ справедливъ, Онъ склоняется къ нашимъ мольбамъ... О, почему мы страдаемъ подъ господствомъ этого справедливаго властителя?» [3]).

Это обычный тонъ его протестовъ.

«Оплакивая безпомощность страдающаго человѣчества, мое сочувствующее сердце стонетъ безъ ропота, не обвиняя Господа, которому оно должно молиться».

Но тѣмъ возмущеннѣе скрытые въ этомъ благоговѣніи сарказмы:

— «Я смиренно хотѣлъ бы, не оскорбляя моего господина, чтобы эта пылающая бездна сѣры и селитры загорѣлась въ сердцѣ пустынь».

Иванъ Карамазовъ переходитъ къ объясненію своего тезиса. Онъ не принимаетъ міра изъ-за «страданія человѣчества вообще, изъ-за человѣческихъ слезъ, которыми пропитана вся земля отъ коры до центра»,—въ особенности же изъ-за безвинныхъ страданій дѣтей. Это опять вольтеровская аргументація.

Онъ описываетъ ужасы Лиссабонской катастрофы, груды раздавленныхъ тѣлъ, окровавленныхъ, разодранныхъ, но живыхъ подъ обломками, изъ-подъ которыхъ имъ уже не суждено выбраться.

«При обрывающихся крикахъ ихъ замирающихъ голосовъ, при ужасномъ зрѣлищѣ ихъ дымящихся труповъ, скажешь ли ты: «Вотъ дѣйствіе вѣчныхъ законовъ, на которыхъ долженъ былъ

---

[1]) Histoire de Jenny, ch. VIII.
[2]) Homélie sur l'athéisme.
[3]) «Poème sur le desastre de Lisbonne ou examen de cet axiome: tout est bien». Oeuvres complètes, t. IX, pp. 470 et suiv.

остановить свой выборъ свободный и благостный Богъ?» Скажете ли вы при видѣ этой груды жертвъ: «то божіе возмездіе, ихъ смерть награда за ихъ преступленія»? Какое преступленіе, какую вину свершили эти дѣти, раздавленныя и истекающія кровью на материнской груди?»

Несовмѣстимость въ безпредѣльныхъ пространствахъ вселенной благостнаго Бога и страдающаго человѣчества—этотъ основной стержень карамазовской философіи уже прочно установленъ Вольтеромъ.

— «Отъ Творца ли всякаго блага произошло зло? Какъ мыслить Господа,—эту воплощенную благость,—который расточилъ свои богатства любимымъ дѣтямъ и щедро пролилъ на нихъ страданія?—Отъ совершеннѣйшаго существа,—заключаетъ онъ всѣ свои тяжкія недоумѣнія—зло не могло родиться. Оно не исходитъ изъ иного начала, разъ Богъ единый владыка міра. Оно все же существуетъ. О, печальныя истины! О, изумительная смѣсь противорѣчій!»

Заключительная часть философіи Ивана Карамазова—протестъ противъ ученія о претвореніи всѣхъ текущихъ страданій въ будущей великой гармоніи.—«Не для того же я страдалъ, чтобъ унавозить кому-то будущую гармонію» и пр.—Это завершеніе и отрицательной философіи Вольтера.

Были ли бы утѣшены лиссабонскія жертвы—спрашивалъ онъ—если бъ имъ сказали: «Умирайте спокойно! Для мірового счастья разрушены ваши жилища. Сѣверъ обогатится вашими печальными потерями. *Всѣ ваши страданія благо въ порядкѣ общихъ законовъ*. Какія ужасныя слова для несчастныхъ! О, жестокіе, не прибавляйте оскорбленій къ моимъ страданіямъ».

Единственный выводъ этой безотрадной философіи—отчаяніе передъ грандіозной міровой нелѣпостью, великое недоумѣніе мыслящаго человѣческаго сознанія передъ вопіющимъ вселенскимъ противорѣчіемъ.

«Этотъ міръ, эта арена лицемѣрія и заблужденій, полонъ страдальцами, говорящими о счастьи. И вы хотите создать въ этомъ роковомъ хаосѣ страданій каждаго—всеобщее счастіе?..»

Вотъ источникъ всѣхъ восклицаній Ивана Карамазова о міровой «ахинеѣ», всѣхъ его «я ничего не понимаю!», «я давно рѣшилъ не понимать!»

III.

Когда Достоевскій зимой 1869 г. перечитывалъ Вольтера, онъ несомнѣнно прочелъ и его «Исторію Дженни или атеистъ

и мудрецъ»,—одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ послѣ Кандида романовъ Вольтера.

Весьма вѣроятно, что за чтеніемъ этой «исторіи» передъ нимъ начали мелькать первые замыслы Карамазовыхъ. Первоначальное заглавіе романа «*Атеизмъ*», о которомъ онъ сообщаетъ въ своей перепискѣ, могло быть навѣяно ему непосредственно этимъ произведеніемъ Вольтера. Восьмая глава «Дженни» называется «Dialogue sur l'athiésme», девятая и десятая главы «Sur l'athéisme», одиннадцатая «De l'athéisme». Въ философскомъ спорѣ главныхъ героевъ—вѣрующаго и атеиста чувствуется несомнѣнный прототипъ бесѣды братьевъ Карамазовыхъ. Въ этой повѣсти Вольтера еще сильнѣе, чѣмъ въ его поэмѣ, чувствуется источникъ всѣхъ діалектическихъ пріемовъ Ивана Карамазова.

— Я прежде всего буду говорить о громадныхъ недостаткахъ нашей планеты, — намѣчаетъ программу своей рѣчи вольтеровскій атеистъ,—затѣмъ я поставлю передъ вашими глазами преступленія и вѣчныя бѣдствія ея обитателей, и вы будете судить объ отеческой любви, какую питаетъ къ нимъ, по-вашему, ихъ владыка.

Это полный планъ діалектики Ивана Карамазова.

Для развитія своихъ тезисовъ, вольтеровскій философъ, какъ и атеистъ Достоевскаго, пользуется всѣми ужасами текущей дѣйствительности. Разсказы Ивана Карамазова о звѣрствахъ современныхъ войнъ и казней, о свирѣпостяхъ крѣпостного права и дикихъ жестокостяхъ, раскрытыхъ уголовными процессами, весь этотъ «Русскій Кандидъ»,—или точнѣе, «Кандитъ XIX вѣка»,—построенъ по принципу разсказовъ атеиста Бертона о всѣхъ текущихъ ужасахъ XVIII столѣтія—о войнахъ, междуусобныхъ кровопролитіяхъ, повальныхъ болѣзняхъ, землетрясеніяхъ и вулканическихъ катастрофахъ. И къ какому ужасному, но неизбѣжному—чисто Карамазовскому выводу приходитъ вольтеровскій атеистъ.

«Если бы существовалъ могущественный и благостный Богъ, онъ не помѣстилъ бы зла на землѣ, Онъ не предалъ бы своихъ созданій мученіямъ и преступленію. Если Онъ не могъ помѣшать злу, Онъ безсиленъ; если Онъ могъ и не хотѣлъ, Онъ жестокъ».

Даже знаменитый выводъ Ивана Карамазова о созданіи метафизическихъ силъ религіи человѣкомъ по образу и подобію своему—парафраза вольтеровской діалектики.

— Я думаю,—говоритъ Иванъ Алешѣ, что если дьяволъ

не существуетъ и, стало быть, создалъ его человѣкъ, то создалъ онъ его по своему образу и подобію.

— Въ такомъ случаѣ равно, какъ и Бога, — отвѣчаетъ Алеша.

Это точное повтореніе Вольтера: «Если Богъ создалъ человѣка по своему образу, человѣкъ давно уже отплатилъ ему тѣмъ же», говоритъ онъ въ своемъ философскомъ словарѣ. Гораздо раньше онъ высказываетъ ту же мысль въ одной изъ своихъ поэмъ:

«Человѣкъ въ своихъ предразсудкахъ создалъ Господа по собственному образу. Мы сдѣлали Его несправедливымъ, вспыльчивымъ, завистливымъ, соблазняющимъ, непостояннымъ и дикимъ, какъ мы сами»... [1]).

Наконецъ, описавъ свирѣпости американскихъ войнъ, Бертонъ заключаетъ:

— Если фантастическое и нелѣпое существо, которое зовется дьяволомъ, захотѣло создать человѣка, по своему образу— могло ли бъ оно сотворить его иначе?.. О, перестань же приписывать Господу столь возмутительное твореніе [2].

Даже убѣжденность Ивана Карамазова въ томъ, что съ устраненіемъ Бога—все позволено и всѣ злодѣйства допустимы, уже выражена Вольтеромъ. Онъ говоритъ объ атеистѣ:

— Если нѣтъ Бога, это чудовище (атеистъ) самъ себѣ богъ; онъ обрекаетъ на жертву себѣ все, что желаетъ, или все, что стоитъ передъ нимъ какъ препятствіе.

Мы видимъ, что недаромъ Иванъ Карамазовъ открываетъ свой походъ противъ Бога цитатой изъ Вольтера. Онъ этимъ воздаетъ должное тому, кто вдохновилъ его на всѣ положенія его разрушительной философіи. Приводя въ началѣ своей рѣчи знаменитый стихъ Вольтера: «Si Dieu n'exitait pas, il faudrait l'inventer», онъ какъ бы выставляетъ его эпиграфомъ ко всему послѣдующему разсужденію. Свою поэму о Христѣ онъ по совѣсти могъ бы посвятить «великому грѣшнику восемнадцатаго столѣтія».

Легенда о Великомъ Инквизиторѣ, какъ слѣдствіе «бунта»— прежде всего продуктъ вольтерьянства [3]).

---

[1]) Dict. philosophique, Infini, Dieu, Dieux, sect. 1-ère. — Poème sur la loi naturelle, IX, 453.

[2]) Oeuvres, XXVI, 324.

[3]) Вольтеровскій элементъ въ „Легендѣ“ былъ уже отмѣченъ. По мнѣнію г. Инфоріо („Новое Время“, 24-го ноября 1901 г.) легенда Достоевскаго „несомнѣнно заимствована изъ западныхъ источниковъ“. Однимъ изъ нихъ является разсказанное Гёте преданіе о вторичномъ пришествіи Христа на

Въ этомъ лишній разъ Достоевскій безсознательно соприкасается съ Ницше. Первое изданіе «Человѣческаго, слишкомъ человѣческаго» было посвящено «великому князю духа» Вольтеру.

Леонидъ Гроссманъ.

землю для новаго распятія (venio iterum crucifici), другимъ—сказка Вольтера „La mule du pape“ о союзѣ папы съ дьяволомъ за блага міра. Въ этихъ двухъ источникахъ,—по мнѣнію г. Инфоріо,—„уже заключено все содержаніе легенды о Великомъ Инквизиторѣ Достоевскаго“. Этому утвержденію тогда же возражалъ Розановъ, отрицавшій западные источники легенды, но допускавшій вліяніе на нее ученія раскольниковъ.

ВОПРОСЫ ВРЕМЕНИ.

III.

Подъ игомъ словесности.

1.

И. С. Тургеневъ въ одномъ письмѣ (70-хъ г.г.) выразился о Золя, Додэ, Гонкурахъ приблизительно такъ: это писатели очень талантливые, но бѣда въ томъ, что «отъ ихъ литературы воняетъ литературой». Если глаголъ «воняетъ» замѣнить болѣе вѣжливымъ, напр. «пахнетъ», то противъ этого отзыва ничего возразить нельзя: дѣйствительно, въ произведеніяхъ названныхъ писателей, которымъ никто не откажетъ въ *настоящемъ* художественномъ творчествѣ, ясно чувствуется и нѣчто другое: литературное мастерство,—виденъ «литературныхъ дѣлъ мастеръ», который (по выраженію Салтыкова) «все сидитъ и пишетъ, и сколько посидитъ, столько и напишетъ»....

Въ зломъ замѣчаніи Тургенева, несомнѣнно, есть доля правды. Но И. С. Тургеневъ упустилъ изъ виду два обстоятельства: во-первыхъ, то, что и отъ его собственныхъ произведеній отдаетъ тѣмъ же запахомъ литературности, и во-вторыхъ, то, что этотъ душокъ, по существу дѣла, въ большей или меньшей мѣрѣ присущъ всякому словесному творчеству.

Но въ творчествѣ различныхъ писателей отношеніе литературныхъ дѣлъ мастера къ художнику оказывается весьма различнымъ: у однихъ первый рѣшительно преобладаетъ надъ вторымъ, у другихъ—наоборотъ, у третьихъ они равносильны. Есть много и такихъ, о которыхъ можно сказать, что здѣсь художника совсѣмъ нѣтъ, а есть только поставщикъ литературныхъ произведеній, нерѣдко весьма замѣчательныхъ.—Изрѣдка встрѣчаются счастливо и своеобразно одаренныя художественныя натуры, легко преодолѣвающія ферулу литературности, неспособныя подчиниться ей.

Въ произведеніяхъ такихъ художниковъ мы видимъ творчество, свободное отъ литературныхъ условностей, отъ внушеній господствующаго словеснаго «стиля», или властной «манеры». Среди такихъ художниковъ первое мѣсто принадлежитъ, конечно, Л. Н. Толстому. Въ его дѣятельности не было даже того подражательнаго періода, когда начинающій писатель невольно подчиняется чужимъ образцамъ и литературной модѣ. Ни въ молодости, ни тѣмъ болѣе потомъ Толстой органически былъ неспособенъ, если бы даже и захотѣлъ, подчиниться готовымъ шаблонамъ словеснаго мастерства, «стереотипу» литературы. Но Толстой, какъ художественный геній, какъ умъ и натура, былъ человѣкъ исключительный, для котораго «законы не писаны».... Ему не пришлось преодолѣвать ферулу литературныхъ шаблоновъ, освобождаться отъ ига словесности. И поэтому тѣ «муки слова», которыя переживаются всѣми художниками, въ томъ числѣ и величайшими, для него въ значительной степени были облегчены. И слѣдовательно, свободу отъ ига словесности нельзя поставить ему въ заслугу: это не была борьба, это не было освобожденіе,—это была заранѣе данная, даровая свобода. Другое дѣло, напр,, Пушкинъ. Онъ пережилъ подражательный періодъ, онъ подчинялся готовымъ образцамъ, онъ боролся съ внушеніями литературныхъ школъ и направленій. И только преодолѣвъ ихъ, онъ почувствовалъ всю силу своего великаго творческаго генія и имѣлъ право сказать: «душа моя развернулась,—я могу творить».

Когда любой художникъ, каковы бы ни были размѣры его дарованія, почувствуетъ, что его «душа развернулась» и онъ «можетъ творить»,—это значитъ, что ему удалось такъ или иначе освободиться отъ «ига словесности». Постараемся уяснить себѣ, въ чемъ собственно состоитъ отрицательная сторона этого «ига». Для правильной постановки вопроса необходимо сперва нѣсколько ближе присмотрѣться къ самой сути даннаго явленія. Съ наибольшей отчетливостью оно обнаруживается не въ новыхъ литературахъ, а въ старыхъ и также въ такъ называемой народной словесности.

2.

Наличность и господство словесныхъ шаблоновъ отнюдь не является исключительною принадлежностью такъ-называемой «искусственной словесности»,—литературы образованныхъ классовъ. Въ народной устной словесности, которую напрасно называютъ «безыскусственной», есть свои шаблоны, стереотипныя

формулы, готовые образцы,—есть и непрерывная традиція, закрѣпившая ихъ и притомъ такъ основательно, что отдѣльному пѣвцу или разсказчику нѣтъ возможности освободиться отъ ихъ гнета. Въ былинахъ и сказкахъ искони даны схематическіе образы—богатырей, колдуновъ, вѣдьмъ, Ивановъ-царевичей, мачехи и т. д., и они повторяются изъ вѣка въ вѣкъ съ удручающимъ однообразіемъ, заслоняя своею (конечно, все-таки относительною) неподвижностью живую, постоянно-измѣняющуюся жизнь. Въ пѣсняхъ лирическихъ (любовныхъ, свадебныхъ, обрядовыхъ и пр.) испоконъ-вѣка установились рѣзко-опредѣленныя метафоры, символы, аллегоріи и всякаго рода ходячія выраженія, имѣющія обязательную силу, такъ что пѣвецъ или «народный поэтъ» не смѣетъ нарушить ихъ, замѣнить другими. «Народному поэту» не полагается имѣть свои слова... И не подобаетъ ему замѣчать несоотвѣтствіе традиціонныхъ словъ съ живой дѣйствительностью. Его «творчество» сводится къ знанію этихъ старинныхъ формулъ и къ умѣнью кое-какъ варіировать ихъ. Онъ всецѣло находится подъ игомъ этой стародавней словесности. Такъ-называемые *эпитеты*, которыми столь богата народная поэзія, представляютъ собою нѣчто въ высокой степени условное и шаблонное, сплошь и рядомъ оказывающееся въ вопіющемъ противорѣчіи съ природою и живою дѣйствительностью. Изучая народную поэзію, невольно приходишь къ мысли, что эта застывшая словесность только мѣшаетъ людямъ видѣть природу и жизнь такими, какъ онѣ есть, и парализуетъ вкусъ и способность къ наблюденію...

То же самое приходится сказать и объ «искусственной» литературѣ на той ступени ея развитія, которая характеризуется героическими поэмами, легендами, рыцарскими романами, балладами и т. д. И здѣсь—готовыя схемы, условныя формы, шаблонъ сюжетовъ, мотивовъ, положеній. Живому уму, который способенъ наблюдать и мыслить самобытно, не подъ силу бороться съ этой литературной схоластикой; живому чувству, своеобразно реагирующему на впечатлѣнія, трудно обнаружиться въ этомъ нарядѣ традиціонныхъ формулъ.

«Иго словесности» проявляется здѣсь гораздо ярче, чѣмъ въ новыхъ литературахъ. И наблюдая его, мы легко улавливаемъ его отрицательную сторону: оно парализуетъ самодѣятельность, подавляетъ живое творчество, стѣсняетъ индивидуальность поэта, препятствуетъ ему искать «своихъ словъ», пріучая его пробавляться чужими. Литературное «творчество» на этой ступени развитія представляетъ собою гомологъ схоластической философіи и таковой же науки прошлаго.

Но вопросъ сложнѣе, чѣмъ кажется. Если вникнуть въ него глубже, передъ нами намѣтятся очертанія любопытныхъ проблемъ, еще подлежащихъ изслѣдованію. Вотъ одна изъ нихъ.

3.

Поэтическое (т.-е. образное) мышленіе есть исконная принадлежность человѣчества въ его цѣломъ: поэзія—не прерогатива немногихъ избранниковъ, она, по выраженію Потебни, «вездѣ, ежечасно и ежеминутно, гдѣ говорятъ и думаютъ». Поэзія появилась на земномъ шарѣ вмѣстѣ съ человѣческимъ языкомъ. Тысячелѣтіями человѣчество упражнялось и изощрялось въ этомъ «природномъ искусствѣ». Уже въ глубочайшей древности люди изобрѣли способы внѣшняго выраженія тѣхъ образовъ, какіе возникали въ ихъ сознаніи. Пещерный человѣкъ умѣлъ рисовать и—весьма недурно, какъ и сейчасъ рисуютъ напр. бушмены, принадлежащіе къ числу наиболѣе отсталыхъ племенъ. Живость, отчетливость, натурализмъ этихъ рисунковъ свидѣтельствуютъ о таковыхъ же качествахъ самихъ образовъ, слѣдовательно о природной наблюдательности и силѣ образнаго мышленія пещернаго человѣка и современнаго дикаря. Нѣтъ сомнѣнія, что съ успѣхами культуры, съ дальнѣйшимъ развитіемъ общественности поэтическія способности должны были развиваться и изощряться.—И они дѣйствительно развивались и изощрялись, какъ о томъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ успѣхи различныхъ искусствъ (словеснаго, живописи, скульптуры, архитектуры) въ глубокой древности у культурныхъ народовъ Востока, а потомъ—еще краснорѣчивѣе—ихъ исключительный расцвѣтъ у древнихъ эллиновъ. Но это развитіе было стихійно, непланомѣрно и небезболѣзненно, этотъ прогрессъ былъ достигнутъ цѣною многихъ уклоновъ, рецидивовъ и уродствъ,—какъ и всякій прогрессъ во всѣхъ областяхъ человѣческой культуры.

Если сопоставить рисунки пещернаго человѣка и современныхъ низшихъ «дикарей» съ уродливыми рисунками и скульптурами племенъ, стоящихъ значительно выше, а равно и съ безобразными произведеніями этого рода старыхъ культурныхъ народовъ, напр. индусовъ, то невольно прійдетъ въ голову мысль объ эстетическомъ регрессѣ, объ извращеніи вкуса, объ упадкѣ способности наблюдать и изображать.—Рисунокъ, скульптура только передаютъ тѣ словесные образы, которые возникаютъ въ сознаніи. Уродство, ненатуральность, часто просто глупость первыхъ слу-

жатъ свидѣтельствомъ о таковыхъ же качествахъ вторыхъ. Человѣчество отъ простоты и правды о́бразовъ словесныхъ и ихъ внѣшняго выраженія рисункомъ, красками, скульптурой перешло сперва къ искусственности, условности, «стилизаціи», уродству, чтобы потомъ достигнуть, преодолѣвъ это иго, новой—высшей—простоты и правды. Возьмемъ крайніе пункты,—начала и концы: съ одной стороны мы имѣетъ простодушную пѣсню и сказку дикаря, часто далеко не лишенныя своей поэзіи, съ другой, напр., поэмы Гомера, художественность которыхъ доселѣ не увяла; то, что—у разныхъ народовъ—помѣщается между этими предѣлами, характеризуется утратой духа простоты и правды, притупленіемъ или часто отсутствіемъ чувства «натуры» уродливой, искусственностью съ извращеніемъ эстетическаго чутья и съ утратой, здраваго смысла, и лишь кое-гдѣ въ этихъ памятникахъ (миѳологическихъ, религіозныхъ и др.) нѣтъ - нѣтъ да и прозвучитъ простой и правдивый о́бразъ, умное слово, мѣткое наблюденіе, художественный разсказъ, искреннее, живое чувство (всего чаще встрѣчаются эти признаки настоящей поэзіи въ еврейской Библіи). Все остальное—сплошная миѳологическая схоластика.

Но по встрѣчающимся въ старыхъ текстахъ образчикамъ *настоящей* поэзіи, простой и ясной, какъ бы ихъ ни было мало, можно догадываться, что люди вовсе не были лишены ни здраваго смысла, ни чутья простоты и правды и, вѣроятно, создавали произведенія истинно-поэтическія, до насъ не дошедшія. Не будетъ парадоксомъ сказать, что напримѣръ народы древняго Востока были, въ поэтическомъ отношеніи, даровитѣе и, въ логическомъ, умнѣе ихъ письменной словесности, въ которую наиболѣе здоровыя, простыя и поэтическія произведенія проникали лишь изрѣдка, а тѣ изъ нихъ, которыя попадали туда,—нерѣдко подвергались большему или меньшему искаженію, вольному и невольному.

Помимо передѣлокъ, вызванныхъ посторонними соображеніями, напр. религіозными, культовыми, политическими, передѣлки и искаженія производились также въ силу требованій, возникавшихъ подъ «игомъ словесности», усугубленнымъ *патологіей* этой словесности.

О патологической сторонѣ въ эволюціи словеснаго творчества мы поведемъ рѣчь въ другой статьѣ. Здѣсь же мы имѣемъ въ виду только «иго»,—ферулу литературной схоластики, убивающую живое творчество.

Это «иго» возникло въ глубокой древности, на зарѣ человѣческой культуры. Можно догадываться, что оно было необходимымъ слѣдствіемъ такъ называемаго *миѳологическаго* мышле-

нія на одной изъ раннихъ ступеней его развитія,—когда *слово* отожествлялось съ *вещью*, и ему приписывалась волшебная сила. Оттуда слѣпая вѣра въ слово,—культъ слова, сперва религіозный и магическій, а потомъ—на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія—эстетическій, схоластическій, литературный. Тысячелѣтіями воспитывались люди въ «словесномъ рабствѣ», т.-е. въ духѣ несвободнаго отношенія къ слову, въ подчиненіи ему, а также и въ направленіи головоломной казуистики, имѣвшей цѣлью раскрыть мистическій смыслъ словесныхъ символовъ.—Духовное порабощеніе власти и престижу словъ было однимъ изъ любопытнѣйшихъ проявленій общей несвободы духа, свойственной человѣчеству на извѣстныхъ ступеняхъ его культуры. Въ разныя времена, у различныхъ народовъ «иго словесности» то усиливалось, то смягчалось—въ зависимости отъ многихъ причинъ. Всего легче было оно у древнихъ эллиновъ. Въ средніе вѣка оно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обострилось. Въ послѣдующее время, съ успѣхомъ образованности, съ развитіемъ литературы, оно стало по преимуществу схоластическимъ и литературнымъ и выразилось въ господствѣ разныхъ направленій или «школъ», связывавшихъ свободное творчество поэта.—Поскольку эти «школы» (классицизмъ, сентиментализмъ, романтизмъ, реализмъ и т. д.) создавали *дисциплину* мысли и творчества, постольку онѣ были безусловно полезны и, несомнѣнно, содѣйствовали дальнѣйшимъ успѣхамъ поэтической дѣятельности. Но когда ихъ дисциплина переходила въ *гнетъ* и связывала свободное проявленіе поэтическихъ силъ,—она становилась вредна,—она убивала «духъ живъ». Тогда убыль настоящаго творчества возмѣщалась изощреніемъ литературнаго мастерства.

Въ наше время это «иго словесности» значительно ослабляется борьбою «школъ», быстрою смѣною ихъ, не дающею имъ возможности упрочиться и окаменѣть. Нетрудно предвидѣть, что въ недалекомъ будущемъ эта борьба «школъ» окончится взаимнымъ истребленіемъ—безъ остатка,—и поэтическое творчество наконецъ избавится отъ «ига словесности», подобно тому, какъ наука давно уже избавилась отъ ига схоластики.

Д. Овсяніко-Куликовскій.

БѢЛЫЯ НОЧИ.

Романъ Іогана Бойера.

I.

За нѣсколько дней до Пасхи, художникъ Тангенъ встрѣтилъ на улицѣ своего друга, доктора Гольта, и остановилъ его легкимъ прикосновеніемъ руки.

— А я, дорогой мой, только-что думалъ о тебѣ. Тебя приглашаютъ погостить на праздники къ генералу Бангу, въ горы. Ты, разумѣется, согласенъ?

Докторъ Гольтъ остановился. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, коренастый и плотный, съ черными усами, усталымъ лицомъ и связкой книгъ подъ мышкой.

— Въ горы ѣхать?.. Мнѣ? А кто же будетъ править тетрадки моихъ учениковъ и читать публичныя лекціи, о которыхъ уже были замѣтки въ газетахъ? Нѣтъ, братъ, одно дѣло быть знаменитымъ художникомъ, а другое—педагогомъ и отцомъ семейства.

Онъ повернулся и пошелъ, но пріятель взялъ его подъ руку и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ.

— Слушай-ка, Гольтъ, что я тебѣ скажу. Если бъ ты хоть на недѣльку отрѣшился отъ этой твоей тройной роли отца семейства, педагога и соціальнаго реформатора, ты не можешь себѣ представить, какъ бы это благодѣтельно на тебя подѣйствовало, какъ бы ты отдохнулъ и освѣжился. Ты только подумай—горы, лунный свѣтъ, танцы, Wein, Weib und Gesang.

— Нашелъ, съ кѣмъ вести такой фривольный разговоръ. Я ужъ старикъ.

— Развѣ ты не знаешь, что одинъ австріецъ нашелъ средство бороться со старостью? Это средство—танцы.

Юргенъ Гольтъ, въ свои студенческіе годы, былъ домаш-

нимъ учителемъ въ семьѣ генерала Банга, тогда занимавшаго крупный служебный постъ. И съ тѣхъ поръ всегда былъ желаннымъ гостемъ въ этомъ гостепріимномъ семействѣ. Но за послѣднее время онъ выдвинулся въ качествѣ боевого соціалиста и не увѣренъ былъ, что ему удобно продолжать это знакомство.

— Правда,—сказалъ художникъ,—ты до сихъ поръ еще не получилъ каѳедры въ университетѣ.

— Въ университетѣ?..—Я?!

Онъ иронически усмѣхнулся и ускорилъ шаги.

Они вмѣстѣ поднялись на дворцовый холмъ; художнику то и дѣло приходилось снимать шляпу и кланяться. Высокій и тонкій, онъ былъ не моложе Гольта, но жизнь его была болѣе бурной. Сынъ бѣдняка-земледѣльца, онъ поступилъ въ ученіе въ мастерскую живописца; днемъ учился рисовать, а ночи напролетъ просиживалъ надъ книгами; потомъ поѣхалъ въ Америку, пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ, перепробовалъ всего, вернулся истымъ янки, который ничего не боится, и уже настоящимъ художникомъ; скоро выбился въ люди и женился на молодой дѣвушкѣ изъ прекрасной семьи, одной изъ лучшихъ въ Норвегіи. Теперь имя его пользовалось европейской извѣстностью; когда у него были деньги, онъ жилъ бариномъ; когда не было, изощрялся въ различныхъ способахъ ихъ добыванія; жадный до новыхъ впечатлѣній и идей, онъ ихъ глоталъ съ такимъ же превосходнымъ аппетитомъ, какъ и хорошіе обѣды и тонкія вина. Онъ много путешествовалъ, зналъ крупные успѣхи, какъ и многочисленныя пораженія, и ко всему этому относился добродушно; былъ ярый спортсменъ и душа общества, и на видъ изумительно моложавъ.

— Имѣй въ виду, что въ горы пріѣдетъ одна барышня, которая страшно тобой интересуется.

— Ну, еще бы! Какъ же иначе.

— Она бывшая твоя ученица и зовутъ ее Астридъ Рійсъ; у нея золотые волосы; сложена прелестно. И еще: Фру Раммъ—настоящая Венера Тиціана, и фру Гьертъ... Ну, эту тебѣ самому надо видѣть...

Художникъ продолжалъ перечислять молодыхъ женщинъ, приглашенныхъ участвовать въ этой поѣздкѣ въ горы, при каждомъ имени слегка прищелкивая языкомъ. Волей-неволей Гольтъ долженъ былъ слушать его, и, по правдѣ говоря, ему самому страшно хотѣлось поѣхать, не изъ-за женщинъ, а потому что онъ уже забылъ, когда онъ былъ въ деревнѣ и когда отдыхалъ

по-настоящему. Въ результатѣ Тангенъ, обойдя съ нимъ чуть ли не весь городъ, вырвалъ у него обѣщаніе. «Но какъ я улажу всѣ свои дѣла, это одному Богу извѣстно», говорилъ себѣ Гольтъ, возвращаясь домой, мелкими усталыми шагами, съ книгами подъ мышкой.

Гольтъ былъ изъ тѣхъ людей, разносторонне одаренныхъ и съ энциклопедическимъ образованіемъ, которые берутся за многое, пробуютъ себя въ различныхъ направленіяхъ и никакъ не могутъ пробить себѣ дорогу. Онъ мечталъ быть поэтомъ, но... съ такими капиталами не женятся, и онъ сталъ изучать исторію цивилизаціи; получилъ докторскую степень, надѣялся на профессуру, но... семьѣ-то жить чѣмъ-нибудь надо, и—пока что—онъ взялъ мѣсто учителя гимназіи. Годы шли, семья росла, а онъ все жилъ «пока» и «въ ожиданіи». Мало-по-малу разочарованія и неудачи сдѣлали изъ него яраго соціалиста, и публичныя лекціи и журнальныя статьи отнимали у него немало времени. Но въ классѣ ли, съ учениками, или въ залѣ, гдѣ онъ читалъ лекціи рабочимъ, или у себя дома, или въ своей унылой квартиркѣ, всюду было то же—отсутствіе солнца и чистаго воздуха, и это не могло не дѣйствовать на его умъ. И ему казалось, что, если онъ до сихъ поръ не можетъ добиться каѳедры въ университетѣ, виной этому только интриги злыхъ людей, и, если онъ дважды провалился на выборахъ, то тоже изъ-за какихъ-то злостныхъ махинацій. Онъ былъ блѣденъ, плохо одѣтъ, плохо ѣлъ, плохо спалъ и всегда былъ всѣмъ недоволенъ.

Пасха въ этомъ году была поздняя, и подъ городомъ снѣгъ уже стаялъ. Утромъ, въ Святую Пятницу, придя на вокзалъ, гдѣ было шумно и людно, Гольтъ долго разыскивалъ художника. И по пути разглядывалъ всѣхъ этихъ людей въ спортивныхъ костюмахъ, толпившихся у багажной кассы, спѣша взять квитанціи на свои лыжи. Лица у нихъ были такія же сѣрыя, какъ и у него, но, несмотря на это, свѣтились непонятными ему увлеченіемъ и радостью.

— Народу-то сколько!—говорилъ онъ Тангену, разыскавъ его, наконецъ, и проходя съ нимъ въ залу.—Ей-Богу, точно вся Христіанія бѣжитъ въ деревню.

— Ну да... Неужели же ты живешь до такой степени въ сторонѣ отъ жизни, что даже не знаешь, какой религіозный переворотъ произошелъ въ Норвегіи? Въ праздники церкви теперь пусты, такъ какъ боги нашего времени обитаютъ въ горахъ.

Ихъ дорожнымъ спутникомъ оказался старшій сынъ гене-

рала, Рейдаръ, тридцати лѣтъ, негоціантъ и атлетъ, рыжій, гладко выбритый, съ немного сонными глазами. Остальные приглашенные выѣхали наканунѣ. И трое путниковъ не безъ труда нашли себѣ мѣста.

Наконецъ, длинный поѣздъ тронулся. Сѣрый день едва лишь занялся; Гольтъ, стоя у окна, смотрѣлъ, какъ исчезали вдали послѣдніе дома, какъ затѣмъ раскинулись вокругъ поля съ черной, пахотной землей и деревья, влажныя отъ утренней росы. Но вскорѣ тамъ и сямъ стали поблескивать пятна снѣга и, не успѣли путники опомниться, какъ очутились среди зимы. Красное подернутое дымкой солнце скользило надъ темными лѣсами; сквозь деревья мѣстами просвѣчивали огоньки въ окнахъ фермъ.

— Ну что, старина?—сказалъ художникъ, потрепавъ по колѣну Гольта.—Какъ ты думаешь, сумѣетъ общество обойтись безъ тебя эти дни? Тебѣ не кажется, что это будетъ восхитительно—на нѣсколько дней снова превратиться въ холостяковъ и подышать воздухомъ горъ въ обществѣ молодыхъ дѣвушекъ?

Рейдаръ Бангъ презрительно усмѣхнулся.

— Бѣдные мужья!.. Погодите ужо, придется вамъ, по возвращеніи, отчитываться передъ женами.

Тангенъ сострадательно посмотрѣлъ на него.

— Онъ ненавидитъ женщинъ и занятъ Шопенгауэромъ. Но вотъ, помяни мое слово, скоро онъ влюбится—и какъ еще! по-настоящему.

Рейдаръ Бангъ поднялъ кверху свѣтлыя брови, улыбнулся—и промолчалъ. О! онъ зналъ, что его всячески стараются женить. На этотъ разъ, его сестра Инга пригласила къ себѣ гостить подругу, нѣкую фрекенъ Рійсъ—покорнѣйше благодарю. И не подумаетъ онъ дотронуться до нея—хотя бы щипцами.

Закурили трубки, разговоръ оживился, и Гольтъ самъ развеселился съ этими веселыми товарищами. Около полудня Рейдаръ предложилъ выйти на полдорогѣ и пѣшкомъ перевалить черезъ горы. Гольтъ возмутился противъ такой нелѣпости.

— Да вы съ ума сошли! Я ужъ и не помню, когда я ходилъ на лыжахъ.

Художникъ, наоборотъ, пришелъ въ восторгъ и, словомъ, въ результатѣ, на одной изъ станцій, Рейдаръ поднялся и объявилъ:

— Пріѣхали!

Взялъ свой ягдташъ и вышелъ. Художникъ вслѣдъ за нимъ, и черезъ миниту Гольтъ, къ крайнему своему изумленію, очутился на набережной, съ лыжами въ рукахъ, а поѣздъ свистнулъ и ушелъ.

— Куда же это вы хотите итти?

— На небо.

И Тангенъ указалъ на холмъ за лѣсомъ, бѣлый отъ свѣжевыпавшаго снѣга, высившійся на фонѣ голубого неба. Гольтъ вздохнулъ и пошелъ за нимъ, закинувъ лыжи за плечо. Но этотъ мирный пейзажъ, смѣнившій картину шумнаго вокзала, дышалъ такимъ покоемъ, воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, что онъ невольно остановился, чтобы вздохнуть полной грудью.

Другіе двое словно вдругъ преобразились. О чемъ бы ни заговаривалъ съ ними Гольтъ, они не отвѣчали. Шагали быстро, высоко неся голову, съ раздутыми ноздрями, словно охотничьи собаки, спущенныя съ привязи. Казалось, каждый кусочекъ ихъ тѣлъ жаждалъ этого крутого подъема, и отъ радости они напѣвали, сами того не замѣчая. Гольтъ съ удовольствіемъ вернулся бы домой: ему было жутко съ ними. Люди такіе разные. Эти двое вѣтрогоновъ шагаютъ себѣ, какъ завоеватели, въ элегантныхъ костюмахъ для спорта, а онъ и одѣтъ, чортъ знаетъ, какъ. Когда, на вершинѣ холма всѣ трое стали привязывать лыжи, Гольтъ увидалъ, что у тѣхъ двоихъ ремни были съ модными пряжками, сразу защелкивавшимися на ногѣ и державшими лыжи крѣпко; а ему пришлось прикрѣплять свои шнурками и веревочками. Нѣтъ, не къ мѣсту онъ въ такой компаніи, и напрасно онъ поѣхалъ — лучше было бы остаться дома.

— Ура!—крикнулъ Рейдаръ, когда, глубоко внизу, открылась долина.

Шумъ удалявшагося поѣзда еще отдавался далекимъ глухимъ гуломъ въ горахъ.

Художникъ выпрямился, раскинулъ руки, словно такъ ему было легче дышать, и тоже воскликнулъ:

— Ура! Теперь дѣло пойдетъ на ладъ.

Гольтъ далеко не былъ увѣренъ, что у него дѣло пойдетъ на ладъ. Въ юности, въ деревнѣ, онъ и самъ недурно бѣгалъ на лыжахъ, но тутъ скоро запыхался. У тѣхъ двоихъ ничего не было въ рукахъ, а онъ, хоть и захватилъ съ собою старомодную длинную палку, на каждомъ шагу увязалъ въ снѣгу и падалъ, и подняться ему стоило большихъ усилій. Въ башмаки его набилось снѣгу; острія лыжъ то и дѣло запутывались въ вѣтвяхъ; онъ высвобождалъ ихъ, терялъ время, скользилъ назадъ, въ яму, падалъ, зарывался носомъ въ снѣгъ и ругался, внѣ себя отъ злости, что другіе двое преспокойно продолжаютъ свой путь.

— Постойте! Погодите! — кричалъ онъ имъ. —Сдѣлаемъ маленькую передышку.

— Сперва надо какъ слѣдуетъ сдѣлать хорошую пробѣжку,—въ полъоборота отвѣчалъ художникъ.

Гольтъ смотрѣлъ на нихъ и кусалъ губы. Есть же люди, которымъ все удается безъ труда! Тангенъ, напримѣръ—выросъ въ крестьянской избѣ, безъ всякаго образованія—а, вѣдь, подите—знаменитость. А Рейдаръ—въ школѣ былъ лѣнтяй, послѣдній ученикъ, а сейчасъ стоитъ во главѣ крупнаго предпріятія, притомъ основаннаго имъ самимъ, всѣмъ интересуется, отъ скачекъ до послѣдняго концерта... вотъ какъ милостива жизнь къ своимъ любимцамъ. А онъ, Гольтъ... ни на шагъ не подвигается впередъ. Еще немного, и онъ будетъ старой, никуда не годной ветошью, которую можно только выбросить за бортъ.

— Алло! Стойте! Да подождите же меня!

Онъ былъ весь въ поту, выбился изъ силъ; шея вздулась отъ усиленнаго притока крови—пришлось разстегнуть воротничекъ. Таявшій отъ солнца снѣгъ налипалъ на лыжи, и онѣ становились тяжелыми-тяжелыми. Вотъ взвилась съ дерева большая птица, осыпавъ его снѣжной пылью; тамъ прошмыгнулъ подъ ногами заяцъ. А путь все выше, все круче, приходится итти зигзагами; надсаживаешься, потѣешь, задыхаешься, гнешься, чтобы проскользнуть подъ вѣтками, царапаешь лицо колючими иглами хвой; глаза запорошены снѣгомъ, ничего не видишь, приходишь въ отчаяніе—и все-таки тащишься дальше. Вотъ ужъ изъ долины донесся отдаленный колокольный звонъ. Обѣдня кончилась.

Гольтъ остановился, оглядѣлся вокругъ. По ту сторону долины голубоватые холмы громоздились другъ на друга, вплоть до края горъ, бѣлыхъ отъ покрывавшаго ихъ снѣга, которыхъ хребты и вершины четко выдѣлялись на лазури и золотѣ яснаго неба.

Дойдя до опушки лѣса, они очутились передъ плато, вздымавшимся огромной снѣжной волной. Рейдаръ и художникъ надѣли черныя очки; Гольтъ не подумалъ объ этой предосторожности, и снѣгъ бѣлымъ пламенемъ жегъ ему глаза. Вѣтеръ, гулявшій на гребнѣ холма, оледенилъ его покрытое испариной тѣло, и онъ былъ увѣренъ, что поплатится за это воспаленіемъ легкихъ и смертью. Кромѣ того онъ чувствовалъ, что содралъ себѣ кожу на пяткѣ. Чего добраго, еще загноится.—Нечего сказать, славный пасхальный отдыхъ!

Наконецъ, вверху показалась пирамида—значитъ, самое

трудное уже позади. Но сама земля какъ бы издѣвалась надъ Гольтомъ. Они шли, шли—а проклятая пирамида оставалась все такою же далекой. Потомъ обнаружилось ровное мѣсто, до тѣхъ поръ невидимое; надо было пройти черезъ него; потомъ долина, куда пришлось спуститься, чтобы подняться снова и продолжать путь. Гольтъ померкшимъ взглядомъ слѣдилъ за проворными движеніями ногъ художника и все шагалъ, шагалъ. Нѣтъ, этому подъему не будетъ конца...

Пирамида оказалась небольшой горкой камней на голомъ утесѣ. Наконецъ, дошли. Гольтъ со стономъ почти упалъ на камни.

— Что? Усталъ?—спросилъ художникъ, отвязывая лыжи.

— О нѣтъ, нисколько!—сердито буркнулъ Гольтъ.

— Хотите освѣжиться? Вотъ апельсины—сказалъ Рейдаръ Бангъ, открывая свой ягдташъ.

Такъ пріятно было чистить и ѣсть золотые плоды, заблудившіеся въ этихъ снѣжныхъ горахъ. Гольтъ пожаловался, что ободралъ себѣ ногу; Рейдаръ посовѣтовалъ заклеить пластыремъ.

— Пластыремъ?—разсердился Гольтъ.—Подите, поищите здѣсь аптеки.

Но Рейдаръ, какъ всегда полусонный на видъ, уже развязывалъ ему лыжи и снималъ обувь.

— Дайте взглянуть.

Онъ стащилъ носокъ, обмылъ ногу снѣгомъ, вытеръ ее своимъ носовымъ платкомъ и досталъ изъ бумажника пластырь.

— Вотъ. Спортсменъ долженъ имѣть при себѣ все необходимое.

У художника нашелся вазелинъ. Гольтъ былъ почти растроганъ. Давно уже онъ не видалъ такого добраго, простого, товарищескаго отношенія. Правда, передъ этимъ они остались равнодушными къ его усталости, но отъ этого теперешнія ихъ заботы только больше радовали его.

Когда онъ снова всталъ, нога ужъ не болѣла. Они снова скользили въ лучахъ солнца, бросавшаго на бѣлую гору огромныя тѣни, и Гольтъ уже не чувствовалъ себя такимъ усталымъ; наоборотъ, ощущалъ даже какую-то особенную бодрость, разливавшуюся по всему его тѣлу. Ахъ, за послѣдніе годы онъ слишкомъ мало заботился о своемъ тѣлѣ, когда-то мускулистомъ и сильномъ, и теперь... но что же это съ нимъ творится? Онъ поднялъ голову, и ему захотѣлось выкинуть какую-нибудь штуку—ну, перекувырнуться, что ли,—чтобъ это отразилось на бѣлой горѣ. Домъ, семья, обязанности и заботы—все вдругъ по-

казалось ему такимъ ничтожнымъ. Ничего, какъ-нибудь все образуется...

Вдали бѣлые силуэты горъ то поднимаются, то опускаются, принимая фантастическія формы. На сѣверѣ двѣ кумушки-горы тянутся одна къ другой головами у самаго неба и вѣчно разсказываютъ одна другой все тѣ же исторіи; вонъ словно щель въ горахъ, а на самомъ дѣлѣ въ этой щели гнѣздится цѣлая долина съ нѣсколькими селеніями, а тамъ, дальше, другія горы, съ другими разсѣлинами и долинами. Такова и вся Норвегія. Онъ отлично умѣлъ описывать это на урокѣ въ классѣ, но сейчасъ ему казалось, что онъ никогда раньше не видалъ своей родной страны. Въ городѣ небо—миѳъ, а здѣсь видишь его лицомъ къ лицу. Вотъ. Гляди... сѣверъ алѣетъ, западъ переливается всѣми цвѣтами радуги. Лыжи скользятъ сами собой, и ноги, безъ труда, сами собой передвигаются, вторя ихъ движеніямъ. Это какой-то восхитительный танецъ на безкрайномъ паркетѣ, подъ куполомъ, глубины котораго еще никому не довелось измѣрить. Словно плывешь въ воздухѣ, повинуясь неслышному ритму, оглядываешься кругомъ и улыбаешься. И каждый словно говоритъ: «Да, да, я здѣсь. И иду вонъ туда...»

Неожиданно Бангъ крикнулъ:

— Эй! Глядите-ка.

Стая бѣлыхъ птицъ взвилась невѣдомо откуда и, быстро взмахивая крыльями, неслась въ лазури.

— Бѣлыя куропатки,—сказалъ Тангенъ.

— Горныя бѣлыя куропатки,—поправилъ Рейдаръ, и сонное лицо его вдругъ оживилось.—Надо поглядѣть, сколько ихъ.

И онъ погнался за птицами. Нагибался впередъ, размахивалъ руками; желтыя лыжи словно чертили огненный слѣдъ на бѣломъ снѣгу; онъ мчался съ такой быстротой, что скоро превратился въ крохотную черную точку вдали.

— У этого парня славныя мышцы и легкія,—сказалъ художникъ.—Идемъ; онъ насъ нагонитъ.

— Неужто это правда, что онъ ни съ кѣмъ еще не помолвленъ?—спросилъ Гольтъ. Теперь, когда онъ пришелъ въ хорошее расположеніе духа, ему самому захотѣлось поговорить о женщинахъ.

— Онъ бѣгаетъ отъ женщинъ, милый мой, потому что ему приснилось, что одна изъ нихъ погубитъ его. Какъ тебѣ это нравится? Кто бы повѣрилъ, что въ этомъ тѣлѣ со стальными мышцами есть мѣсто и для мистицизма. Въ прошломъ году, въ маѣ мѣсяцѣ, ему приснилось, будто онъ 14 января

телеграфировалъ то-то и то-то своему агенту въ Одессѣ насчетъ одной крупной спекуляціи съ зерномъ; онъ это сдѣлалъ наяву—и заработалъ сто тысячъ кронъ. Онъ фаталистъ и размышляетъ о смерти, играя въ теннисъ и подкапываясь подъ своихъ конкуррентовъ. О! этотъ далеко пойдетъ.

— Вотъ онъ возвращается.

Черная точка на снѣжномъ коврѣ быстро росла; донесся крикъ, и черезъ мгновеніе Рейдаръ былъ съ ними, взметая вокругъ себя снѣжную пыль.

— Ихъ было, по меньшей мѣрѣ, полсотни—сказалъ онъ, вытирая потъ съ лица.

— Такое усиліе только для того, чтобы удостовѣриться!—подумалъ Гольтъ.

Плато начинало понижаться, спускаясь къ слѣдующей долинѣ; лыжи скользили быстрѣе; художникъ спускался прямо внизъ; Рейдаръ, исключительно ради бравады, дѣлалъ капризные прыжки. Гольтъ судорожно опирался на палку, чувствуя, что не избѣжать ему паденія. У него звенѣло въ ушахъ; тѣло было, какъ ледъ, глаза слезились; передъ глазами словно плавала въ воздухѣ мутная снѣжная пелена, которая то накатывала на него, то отдалялась. Вотъ показалось что-то темное—опять опушка лѣса. Немного погодя они очутились на берегу замерзшаго озера и тутъ услыхали крики.

— Насъ вышли встрѣтить,—сказалъ Рейдаръ.

На противоположномъ берегу они увидали двухъ лыжниковъ: мужчину и женщину. Ихъ раздѣлялъ гладкій бѣлый снѣжный коверъ, въ который скоро лыжи съ обѣихъ сторонъ врѣзались длинными бороздами.

— Э, да это Инга!—сказалъ Рейдаръ, узнавъ свою младшую сестру.

— И Генрикъ,—прибавилъ художникъ.—Мой повѣса братецъ умѣетъ выбрать себѣ даму.

Въ послѣдній разъ художникъ видѣлъ эту молодую дѣвицу на балу, въ бальномъ платьѣ, декольте, но теперь она была въ короткомъ платьѣ изъ грубой шерстяной матеріи, съ вышитымъ поясомъ, въ красной вязаной шапочкѣ на черныхъ волосахъ, и въ толстыхъ башмакахъ, надъ которыми виднѣлись толстые, козьей шерсти чулки. Но она скользила навстрѣчу имъ такъ свободно и легко, словно она никогда и не ходила иначе, какъ на лыжахъ.

— Какъ вы насъ напугали!—сказала она, слегка запыхавшись и отводя рукою съ розовой щеки черный завитокъ во-

лось.—Кучеръ вернулся со станціи ни съ чѣмъ, даже безъ телеграммы.

И она улыбнулась, показавъ блестящіе бѣлые зубы.

— Однако, вы, повидимому, отлично сообразили, откуда мы придемъ,—сказалъ Рейдаръ, слегка потрепавъ ее по подбородку,—или, можетъ быть, вы съ архитекторомъ сами собирались удрать.

Инга покосилась на своего спутника; молодой архитекторъ погладилъ свои бѣлокурые усики и засмѣялся.

Всѣ впятеромъ они направились къ лѣсу, гдѣ было легче итти, чѣмъ по открытому мѣсту.

— Послушай-ка, другъ,—говорилъ художникъ брату...—тебѣ кто же это позволилъ разгуливать вдвоемъ съ фрекенъ Бангъ?

Братья улыбнулись другъ другу. Мать ихъ прожила жизнь въ услуженіи, воспитывались они оба на благотворительныя стипендіи, но ко времени конфирмаціи Генрика братъ его уже крѣпко «сидѣлъ въ сѣдлѣ» и могъ ему помочь. Генрикъ недавно только вернулся изъ Парижа, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, съ головой, полной самыхъ смѣлыхъ плановъ: онъ хотѣлъ явить Норвегіи новую архитектуру.

Подъ деревьями начинался крутой спускъ. Рейдаръ нахлобучилъ шапку на глаза и—исчезъ, раздвигая вѣтви и кусты, стряхивая съ нихъ снѣжную пыль. Молодая дѣвушка слѣдовала за нимъ, небрежно засунувъ руки въ карманы. Казалось, вотъ-вотъ вѣтка хлестнетъ ее по лицу—но она во-время нагнулась. На самой дорогѣ ея торчалъ древесный стволъ—вотъ-вотъ смѣлая лыжница разобьется объ него—но она быстро повернула и скрылась изъ виду, не вынимая рукъ изъ кармановъ.

Гольтъ опять отсталъ; для него этотъ спускъ былъ полонъ страховъ и опасностей, паденій и царапинъ. Когда, наконецъ, онъ добрался до усадьбы генерала и увидалъ красные домики, въ уши ему набилось снѣга, и все лицо горѣло отъ безчисленныхъ паденій. Во дворѣ изъ сугроба торчала цѣлая роща лыжъ; съ балкона ему махала привѣтственно рукой сѣдовласая генеральша.

— Чтобы не простудиться, надо, прежде всего, окатить себя ведромъ холодной воды,—сказалъ Рейдаръ.

И повелъ Гольта въ ванную. И, какъ тотъ ни отнѣкивался, ему пришлось раздѣться, и онъ думалъ, что лишится чувствъ подъ холоднымъ душемъ. Затѣмъ слѣдовало растираніе и чистое бѣлье.

Зато, когда онъ потомъ, съ двумя своими спутниками, шелъ черезъ дворъ къ главному зданію, онъ ощущалъ во всемъ тѣлѣ свѣжесть и бодрость, молодившія его на много лѣтъ.

II.

Если бъ генерала Банга спросили: «Вы счастливы?»—онъ только отмахнулся бы рукой. Счастье—несчастье...—какъ будто у него есть время думать о такихъ вещахъ! На объѣздахъ, на смотрахъ онъ обыкновенно появлялся неожиданно, влеталъ вихремъ, и сразу у всѣхъ на плацъ-парадѣ лица становились испуганныя, озабоченныя и радостныя. Затѣмъ, въ одинъ прекрасный день, бацъ—предѣльный возрастъ.—Онъ даже растерялся. Какъ такъ? Онъ уже старикъ? *Онъ*, у котораго такъ много начато и еще не закончено? Да неужто же это конецъ? Въ его черной бородѣ почти не просвѣчивало серебра, и могучее коренастое тѣло было по-прежнему гибко. И ему подъ семьдесятъ?.. да полноте, что вы!

Обидно было остаться вдругъ безъ дѣла, въ то время, какъ товарищи уходятъ на маневры. Запершись въ своей красивой виллѣ на бульварѣ Драмменъ, въ Христіаніи, онъ задыхался отъ бездѣлья и взволнованно бѣгалъ изъ комнаты въ комнату. Прежде онъ любилъ отдыхать, играя на скрипкѣ, но теперь это только напоминало ему, что ему не отъ чего отдыхать. Другое дѣло, когда наступалъ сезонъ охоты: дня не проходило, чтобы ему не удалось найти ошибку на казенной картѣ, которую слѣдовало исправить и которую онъ, въ случаѣ надобности, исправлялъ собственноручно. Онъ выискивалъ подходящія мѣста для новыхъ санаторій, осматривалъ лѣтнія пастбища, загоны для скота и отмѣчалъ, какія бы слѣдовало бы тутъ внести улучшенія. Онъ совсѣмъ не сидѣлъ дома; все разгуливалъ по лѣсу и по горамъ, словно убѣгая отъ скуки, гнавшейся за нимъ. Кончилось тѣмъ, что онъ снова навалилъ на себя столько всякихъ полезныхъ дѣлъ, что опять для него стало отдыхомъ играть на скрипкѣ. Это онъ-то старъ?!.—Да полноте!

Но иной разъ, во время прогулки, онъ присаживался отдохнуть, опершись подбородкомъ на набалдашникъ трости, глядя на лѣса и холмы, раскинувшіеся передъ нимъ, и погружался въ воспоминанія... Изъ товарищей его молодости столькихъ уже нѣтъ на свѣтѣ... Но все-таки нѣкоторые живы же. И потомъ—la femme... Ахъ, кто можетъ похвастать, что съ этимъ у него совсѣмъ покончено? Въ тѣ далекія времена, когда капитанъ Рійсъ... Они еще въ школѣ были соперниками, и тамъ Рійсъ обгонялъ его.

Черезъ нѣсколько лѣтъ оба встрѣтились ротными командирами въ одномъ и томъ же корпусѣ—опять соперниками. Но Бангъ скоро былъ повышенъ въ чинѣ и уже верхомъ галопировалъ передъ фронтомъ, а Рійсъ, стоя, какъ и его люди, дѣлалъ ему подъ козырекъ. Потомъ, въ одинъ прекрасный день, передъ тѣмъ же фронтомъ, Бангъ галопировалъ уже въ чинѣ генерала, а Рійсъ, сѣдѣющій капитанъ, салютовалъ шашкой высшему начальству. Одному помогалъ попутный вѣтеръ, а другому мѣшалъ встрѣчный... Потомъ пришло лѣто, бѣлыя ночи... къ Рійсу, женившемуся поздно, пріѣхала на нѣсколько дней въ лагери его молодая жена, красавица...

Ну, однако, пора вставать и двигаться, не то опоздаешь къ обѣду...

Проходятъ годы, и вотъ, однажды, давешней зимой, Инга, вернувшись съ урока гимнастики, разсказываетъ объ одной изъ своихъ подругъ, Астридъ Рійсъ. Да, да, отецъ ея отставной капитанъ. Ингѣ дано было разрѣшеніе пригласить подругу погостить къ нимъ на Пасху, но, когда въ ихъ купэ вошла незнакомая барышня, генералъ чуть не свалился съ ногъ отъ изумленія. Эта изумительная бѣлизна кожи, эти золотые волосы... да вѣдь это вторая фру Рійсъ!.. — Въ самомъ дѣлѣ, фрекенъ, ваша мамаша умерла?.. уже пятнадцать лѣтъ?.. вотъ какъ... нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ...

Тогда это была минутная прихоть, увлеченіе... а потомъ, онъ былъ такъ занятъ... Въ эту ночь ему снились странные сны, а утромъ, едва онъ успѣлъ одѣться, къ нему пришла Инга.

— Папа, ты, кажется, говорилъ что-то о томъ, что ты собираешься навѣстить отца Астридъ, когда мы вернемся въ городъ?

— Ну, разумѣется... это мой старый товарищъ.

— Нѣтъ, ты этого не дѣлай, папочка. Не надо.

— Позволь. Почему не надо?

Молодая дѣвушка стояла передъ нимъ, опустивъ глаза, какъ виноватая.

— Потому что... потому что, Астридъ не рѣшилась сказать ему, что она... что она ѣдетъ къ намъ.

Генералъ разинулъ ротъ отъ изумленія.

— Папа, что у тебя такое вышло съ капитаномъ Рійсомъ?

— Ты говоришь: ея отецъ не знаетъ, гдѣ она?..

— Нѣтъ; но, вѣдь, она сама ведетъ хозяйство и кромѣ того полдня работаетъ въ конторѣ — ты не находишь, что она заслуживаетъ отдыха?

Генералъ укоризненно покачалъ головой.

— Іезуитка ты.

— Притомъ же, онъ, навѣрное, не узнаетъ, такъ какъ онъ никуда не ходитъ и у нихъ никто не бываетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Генералъ повернулся къ окну, разсѣянно повторяя:

— Такъ ты говоришь: у нихъ никто не бываетъ?

У генерала Банга и на дачѣ было много дѣла; онъ весь день былъ занятъ. Онъ самъ расчищалъ дорожки, ведущія къ хозяйственнымъ постройкамъ, самъ кололъ и носилъ дрова; по нѣсколько разъ въ день ходилъ полюбоваться видомъ изъ углового окна, который ему особенно нравился. И потомъ, когда въ домѣ гости, всегда хозяину куча хлопотъ: то и это надо приготовить, за тѣмъ и этимъ приглядѣть. Сегодня весь день, бродя по дому, онъ думалъ о своемъ старомъ товарищѣ.

— Такъ вотъ какъ, Рійсъ, ты, значитъ, живешь взаперти... И тебя, какъ прежде, водятъ за носъ...

Пріѣхали новые гости, и въ гостиной съ тяжелыми балками на потолкѣ яркій огонь въ каминѣ озарялъ шумное общество.

Здѣсь были замужнія дочери и мужья ихъ, были знакомые, друзья. Былъ старшій сынъ, лѣсничій, колоссъ съ огромной черной бородой и добрыми глазами, былъ Гьертъ, директоръ фабрики, и фру Гьертъ, красивая женщина, съ которой художникъ бесѣдовалъ, понизивъ голосъ. Генералъ ходилъ по залѣ подъ руку съ обѣими своими дочерьми: смуглой фру Раммъ и бѣлокурой фру Гейбергъ. У огня сидѣлъ самый младшій сынъ генерала, Гаральдъ, инженеръ, въ городѣ франтъ и щеголь, но здѣсь одѣтый въ короткіе штаны съ заплатами и шерстяной жилетъ, безъ признаковъ бѣлья. Спортсменъ такъ ужъ спортсменъ—чего тамъ! Онъ восхищался своимъ братомъ Рейдаромъ—и его блестящими подвигами въ качествѣ спортсмена, и его рискованными дѣловыми операціями, и мечталъ перещеголять его въ томъ и въ другомъ.

Въ раскрытыхъ дверяхъ появились оба зятя: молодой капитанъ Раммъ, весь бритый, и докторъ Гейбергъ, небольшого роста господинъ съ брюшкомъ, въ бородѣ и усахъ и въ золотыхъ очкахъ.

— Ба! Все это bluff и только,—говорилъ докторъ.

— Конечно, bluff'а тутъ немало, — возражалъ капитанъ, затворяя дверь. Но, все же, я увѣренъ, въ будущемъ году стортингъ...

— О Господи! да бросьте вы здѣсь говорить о стортингѣ! Нашли о чемъ разговаривать въ горахъ. Мы здѣсь для того, чтобъ дышать свѣжимъ воздухомъ.

Стѣны залы были украшены головами лосей, всякими охотничьими снарядами и коврами, вытканными юными хозяйками. Стулья, вырѣзанные изъ цѣльныхъ древесныхъ пней, были такъ велики и массивны, что можно было принять ихъ за кровати.

— Давно пора закусить, — объявила генеральша, миніатюрная, очень живая дама.—Вы, навѣрное, страшно проголодались?—вы, вѣдь, шли черезъ горы.

Ея крохотное личико подъ сѣдыми волосами было совершенно розовое; ручки, ножки, вся фигура замѣчательно изящны; темные глаза свѣтились лукавствомъ. Она взяла въ свои руки руку Гольта и отвела его въ сторонку.

— Послушайте-ка, Гольтъ, вы что же мнѣ ничего не разскажете о своей женѣ и дѣтишкахъ?

Но вотъ, отворяется дверь. Входитъ женщина, согбенная, сѣдая, съ палкой въ рукахъ. «Бабушка! бабушка!» несется шепотъ по залѣ. Кто бы подумалъ что у генеральши еще жива мать?—вѣдь она сама давно бабушка. Старую даму звали фру Киндтъ, и она любила въ шутку говорить, что она уже не помнитъ, сколько ей лѣтъ—восемьдесятъ, или девяносто. Старушка сѣла возлѣ Гольта и ласково сказала ему:

— Вотъ онъ, этотъ гадкій человѣкъ, который не хочетъ больше бывать у насъ.

Столовая помѣщалась въ отдѣльномъ зданіи, подъ деревьями; къ ней протоптана была въ снѣгу тропинка, но солнце такъ размягчило снѣгъ, что ноги вязли по колѣно.

Это всѣхъ потѣшало. Нѣкоторые разыскали въ кухнѣ огромныя соломенныя туфли и пользовались ими, какъ лыжами; высокій лѣсничій, разсчитывая на свои длинныя ноги, несъ на спинѣ свою жену; генералъ и Рейдаръ посадили бабушку на стулъ и понесли, при чемъ она кричала и визжала, какъ молоденькая дѣвушка. Художнику Тангену не повезло. Онъ взялъ на руки юную фру Гьертъ, но по пути споткнулся, и фру Гьертъ растянулась во весь ростъ на снѣгу; и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ прійти къ ней на помощь, слѣдующая спасательная экспедиція уже подняла ее и снесла въ столовую. Съ шумомъ и смѣхомъ всѣ собрались, наконецъ, въ маленькой столовой, гдѣ ихъ привѣтствовало тепло огромной печи и вкусный запахъ дымящихся большихъ кастрюль.

Никогда еще, казалось Гольту, онъ не ѣлъ такого вкуснаго обѣда. Усталость послѣ прогулки по горамъ, холодный душъ, солнце, игравшее зайчиками на полу,—все соединилось для того, чтобы вызвать въ немъ аппетитъ дикаря. Какое счастье!—и завтра ему не надо итти въ гимназію. Горячее мясо такъ пріятно таяло во рту. Вина на столѣ не было, но онъ налилъ себѣ въ стаканъ воды, такой холодной и прозрачной, и, держа передъ собой стаканъ, любовался ея переливами на солнцѣ.

Разговоръ скоро наладился, сталъ оживленнымъ; лица у всѣхъ были обвѣтренныя, красныя, веселыя, зубы бѣлые, глаза блестящіе.

Гольта посадили рядомъ съ бабушкой, и старушка поминутно оборачивалась къ нему, спрашивая:

— Какая нынче молодежь-то стала—совсѣмъ иная, чѣмъ въ мои времена—не правда ли?

— Да, вѣрно, уважаемая фру.

— Я ужъ не говорю о своей молодости... но, когда генералъ былъ еще молодымъ поручикомъ и ухаживалъ за моей дочерью, какъ у него это все было красиво!.. Бывало, придетъ съ товарищами и устроитъ ей серенаду подъ окномъ. А теперь... теперь не то—теперь приглашаютъ барышню на партію тенниса или прокатиться на лыжахъ.

И старушка закрыла глаза, словно уйдя въ воспоминанія.

Неожиданно докторъ Гейбергъ поднялъ руку, показывая всѣмъ клочекъ матеріи, зажатый у него между пальцами. Всѣ притихли.

— Я нашелъ это въ лѣсу,—объяснилъ докторъ, поглаживая рыжіе усы.—Должно быть, какой-нибудь лыжникъ на бѣгу зацѣпился штанами за кустъ и отодралъ кусокъ, но, сдается мнѣ, это не былъ мужчина.

Женщины заахали; фру Раммъ, сидѣвшая напротивъ него, на другой сторонѣ стола, вырвала у него изъ рукъ клочекъ.

— Ахъ, это отъ твоего платья, Анна,—усмѣхнулся докторъ и снова принялся за ѣду.

— Да замолчи же!—воскликнула она, вскидывая глаза на художника и краснѣя.—Твоей женѣ слѣдовало бы немного заняться твоимъ воспитаніемъ—ты день ото дня становишься все хуже. Прямо непозволителенъ.

— Ты думаешь, я не стараюсь?—возразила другая сестра, блондинка.—Ну, пусть подождетъ, на этотъ разъ ему влетитъ—за мной не пропадетъ.

Огромныя блюда съ дымящимся горячимъ жаркимъ скоро

опустѣли; Инга то и дѣло вставала, чтобы помочь служанкамъ. По ея авторитетному тону сразу видно было, что она младшая въ семьѣ. Затѣмъ, съ разрѣшенія хозяйки, встала и Астридъ Рійсъ помочь ей, и обѣ подруги, матерински внимательныя и заботливыя, несмотря на свои двадцать лѣтъ, неслышно скользили по залитому солнцемъ полу — Инга тонкая и смуглая, Астридъ съ золотыми волосами, сверкавшими на солнцѣ, но обѣ граціозныя, легкія, съ той свободой и увѣренностью въ движеніяхъ, которыя даются гимнастикой и танцами.

Генералъ украдкой наблюдалъ за новой подругой своей дочери. И спрашивалъ себя:—«Какъ она ухитрилась скрыть отъ отца, куда она ѣдетъ на праздники»? И находилъ, что она изумительно похожа на свою мать.

Астридъ самой казалось, что она видитъ все это во снѣ. Она—гостьей... въ *этомъ* домѣ? Какъ часто отецъ ея жаловался ей на генерала, изображая его чудовищемъ гнусности и злобы, а она, все-таки, пріѣхала сюда, подталкиваемая дерзкимъ желаніемъ разглядѣть его поближе. И вотъ онъ передъ нею—веселый, любезный, улыбающійся, на видъ такой добродушный—и она услуживаетъ ему. Какъ странно!.. Если бъ отецъ узналъ... Какая это, въ сущности, дерзость съ ея стороны!.. У нея морозъ пробѣжалъ по спинѣ. И она потупилась, чтобы скрыть невольную улыбку.

Отдѣльные разговоры сливались въ общее гудѣніе голосовъ: но на время всѣ примолкли, слушая художника. Онъ доказывалъ, что красивыя женщины суть основа и принципъ цивилизаціи.

— Когда я любуюсь Парижемъ, или Римомъ, я думаю о томъ, сколько красивыхъ женщинъ должны были проливать слезы ради того, чтобы могли возникнуть всѣ эти дворцы, сады и парки, эти памятники и фонтаны.

— Слезы? Почему?

— У красивой женщины, вѣдь, нѣтъ души, пока сердце ея не изранено. И, когда она только улыбается, она не можетъ вдохновлять.

— Нѣтъ, вы послушайте, что онъ такое говоритъ!

— Слѣдовательно, ранить женскія сердца значитъ содѣйствовать цивилизаціи?—улыбнулся генералъ.

Сосѣдкой Тангена за столомъ была фру Гьертъ, и радость дѣлала его самонадѣяннымъ. Конечно, онъ любилъ свою жену и, уѣзжая, поклялся ни на минуту не забывать ея. Но это легче сказать, чѣмъ сдѣлать: до тридцати лѣтъ ему некогда было быть молодымъ, и пылъ его души былъ не растраченъ. Уже послѣ

женитьбы онъ встрѣтилъ женщину, съ которой онъ почувствовалъ себя двадцатилѣтнимъ юношей, влюбленнымъ въ первый разъ—потомъ другую, подобной которой нѣтъ на свѣтѣ. Міръ былъ такъ прекрасенъ... и въ данный моментъ міръ сосредоточивался для него въ фру Гьертъ.

Ей было всего двадцать три года; дочь пастора, она выросла въ деревнѣ; ея овальное личико, обрамленное черными кудрями, здѣсь, въ горахъ, отъ вѣтра, стало золотисто-матовымъ, и черныя дуги ея бровей, ея бѣлые зубки, алыя губы, вся эта свѣжесть молодости воспламеняла художника.

— Если не ошибаюсь, вашъ супругъ хочетъ что-то вамъ сказать,—шепнулъ онъ ей, улыбаясь.

Молодая женщина вскинула глаза на мужа, увидѣла, что онъ преспокойно занятъ ѣдой, и тайная радость озарила лицо ея. Она искоса поглядѣла на сосѣда, опустила глазки и вполголоса сказала:

— Не можетъ быть, чтобъ вы искренно думали то, что сейчасъ сказали.

Онъ не сразу отвѣтилъ; потомъ вдругъ оба подняли глаза и съ минуту молча смотрѣли другъ на друга.

По окончаніи обѣда, всѣ, кто какъ умѣлъ, перебрались въ главное зданіе. Пока горничная подавала кофе, юныя подруги склонили головки надъ посудой. Астридъ, вытирая тарелку кухоннымъ полотенцемъ, говорила:

— Я, очевидно, не понравилась твоему брату, Рейдару. Онъ еще ни слова мнѣ не сказалъ—даже и вниманія не обратилъ на меня, бѣдную.

— О, онъ всегда такой—вначалѣ. Погоди, потомъ будетъ иное. Хочешь, я побраню его за это?

— Господь съ тобой! Что за безуміе! Онъ еще чего добраго, возмечтаетъ о себѣ.

Молодая дѣвушка отвернулась къ окну и, замечтавшись, неожиданно улыбнулась принятому ею рѣшенію.

— Можно войти?—спросилъ молодой архитекторъ Тангенъ.

— Намъ кухонныхъ мальчишекъ не надобно,—рѣшительно заявила Инга.

— Даже для того, чтобы помочь вамъ?

— Это другое дѣло.

Обѣ молодыя дѣвушки моментально напялили на него огромный кухонный фартукъ; Инга повязала ему салфетку на голову, Астридъ сунула въ руки намоченное полотенце.

И мытье посуды продолжалось подъ веселую болтовню и смѣхъ, и звонъ посуды.

Неожиданно за дверью поднялись шумъ и суета: всѣ готовились къ прогулкѣ. Большинство мужчинъ копошились въ снѣгу, подвязывая лыжи; въ это время дверь столовой внезапно распахнулась, архитекторъ вылетѣлъ изъ нея и кувырнулся въ снѣгъ. Послѣ чего дверь съ шумомъ захлопнулась.

— Что случилось, Тангенъ? И что это на васъ за костюмъ?— освѣдомилось нѣсколько голосовъ за разъ.

— Меня прогнали, господа, за то, что я сказалъ, что моя жена будетъ моей рабыней.

И, въ кухонномъ фартукѣ, съ салфеткой на головѣ, провожаемый общимъ смѣхомъ, онъ прошелъ въ большую залу.

Солнце на западѣ готово было закатиться за горы яркаго бѣлаго снѣга; половина неба была залита огненнымъ заревомъ. Къ сѣверу отъ усадьбы, на поверхности снѣга образовалась твердая кора, и скоро весь холмъ покрылся темными фигурами. Мелькали взмахи рукъ; длинныя лыжи ежеминутно обгоняли однѣ другія. Снѣгъ трещалъ подъ ногами грузнаго лѣсничаго, тащившаго за собой за руку свою жену. Директоръ фабрики, длинный и тощій, также крѣпко держалъ за руку свою жену, бросая подозрительные взгляды на художника и, безъ сомнѣнія, говоря себѣ, что то, что имѣешь, надо умѣть хранить. Всѣ собрались наверху холма, крутой склонъ котораго спускался въ долину, уже окутанную синими тѣнями. По обледенѣвшему снѣгу спускъ недологъ, и никто, повидимому, не рѣшался спуститься первымъ.

Инга и Астридъ, покончивъ съ мытьемъ посуды, также прибѣжали на лыжахъ.

— Хотите рискнуть?—спросилъ архитекторъ, протягивая руку Ингѣ.

— Ловите!—съ гримаской крикнула она.

И помчалась. Слышно было, какъ скрипѣли лыжи. Молодой человѣкъ побѣжалъ вслѣдъ за ней, но не по ея слѣдамъ, чтобъ не толкнуть ея своими лыжами въ случаѣ, если она упадетъ. Вотъ это такъ пробѣжка! Отъ быстроты бѣга леденѣло лицо, спиралось дыханіе въ груди; темный силуэтъ молодой дѣвушки уходилъ все глубже, глубже; даже и теперь руки ея были небрежно засунуты въ карманы. На пути ея попался снѣжный сугробъ; она подпрыгнула, согнула ноги, чтобы прыгнуть внизъ, и побѣжала дальше; распустившіеся волосы развѣвались за нею по вѣтру, какъ грива. Потомъ соскочила съ дороги въ сторону—

гопъ! и онъ за ней, и онъ чуть не упалъ. Молодая дѣвушка, все не настигнутая, засмѣялась, свернула вправо и, вздымая тучу снѣжной пыли, побѣжала опять въ гору, чтобъ остановиться. Тутъ только она вынула руки изъ кармановъ и оглядѣлась вокругъ. Молодой архитекторъ подбѣжалъ къ ней, весь запыхавшись, и схватилъ ее за руку.

— Вы сказали: ловите. Вотъ я и поймалъ.

— Ладно. Посмотримъ, сумѣете ли удержать.

И она опять побѣжала въ гору.

— Я такъ боялся, какъ бы вы не упали,—говорилъ онъ, силясь итти съ ней рядомъ.

— Ладно. Разсказывайте. Вы за себя боялись.

— Но, послушайте...

— Я увѣрена, что, если бъ я сломала себѣ шею, вы скоро нашли бы себѣ другую дѣвушку.

— *Что такое?*

Нѣтъ, положительно, необходимо нагнать ее.

— Что вы такое сказали?

Она протянула руку, указывая на небо.

— Глядите. Это Оріонъ.

И, воспользовавшись тѣмъ, что онъ повернулся посмотрѣть на яркую желтую звѣзду, побѣжала впередъ. Мгновеніе онъ стоялъ неподвижно, опечаленный.

Директоръ фабрики, въ концѣ концовъ, отпустилъ таки свою жену и, такъ какъ въ эту минуту мимо пробѣгалъ художникъ Тангенъ, онъ схватилъ за руку молодую женщину и увлекъ ее за собою: отступать было уже поздно.

— Сумасшедшій! Я упаду!—кричала она.

— Тѣмъ лучше. Я не знаю ничего восхитительнѣе паденія вмѣстѣ съ хорошенькой женщиной.

И они помчались впередъ.

— Держите меня крѣпче, Тангенъ. Не выпустите!

— До самой смерти не выпущу.

Съ него сорвало вѣтромъ шапку и унесло. При этой головокружительной скорости бѣга такъ легко было кувырнуться и удариться головой о камень, невидимый изъ-подъ снѣга, или же сломать себѣ ногу, и руки ихъ судорожно цѣплялись одна за другую, словно передъ лицомъ общей бѣды. Но фру Гьертъ чувствовала, что кавалеръ ея надеженъ, крѣпокъ на ногахъ, и скоро успокоилась, ввѣряясь ему цѣликомъ; и отъ этого незнанія, что̀ будетъ черезъ минуту, отъ этой скрытой тревоги было такъ весело... Они наткнулись на снѣжный сугробъ, вмѣстѣ

перепрыгнули черезъ него и, какъ двѣ молніи, помчались дальше; но вдругъ на пути его всталъ новый сугробъ, котораго не было передъ нею; поэтому она продолжала скользить. Почувствовавъ сотрясеніе въ рукѣ, онъ потерялъ равновѣсіе—и двѣ человѣческихъ фигуры и двѣ пары лыжъ свились въ одинъ клубокъ на снѣгу, въ облакѣ снѣжной пыли, продолжая катиться внизъ.

Остановившись, наконецъ, они нѣкоторое время лежали неподвижно, чтобы прійти въ себя, и, когда поднялись на ноги, съ минуту изумленно смотрѣли другъ на друга, какъ бы дивясь, что они тутъ встрѣтились. Потомъ убѣдились, что и лыжи не сломаны, и ноги и руки у обоихъ всѣ цѣлы; значитъ, оставалось только посмѣяться надъ этимъ маленькимъ приключеніемъ. Фру Гьертъ, еще взволнованная, молча помогала художнику выбрать снѣгъ, набившійся ему подъ воротникъ. При паденіи она ударила его локтемъ въ лицо, и, такъ какъ у него пошла кровь изъ носу, она взяла пригоршню снѣга и приложила ему къ носу, какъ пластырь.

— Боже мой, неужели это я васъ такъ?.. да говорите же!

— Да, вы пролили мою кровь... берегитесь... я могу потребовать удовлетворенія.

— Кровь за кровь?

— Нѣтъ, другое—но не сейчасъ.

Къ нимъ уже бѣжалъ директоръ фабрики, разъяренный, силясь умѣрить свой бѣгъ съ помощью палки.

— Г. Тангенъ!.. Г. Тангенъ, что это, право, за фокусы?.. Ну, знаете, я...

Но споткнулся о сугробъ и исчезъ въ облакѣ снѣжной пыли. Когда онъ поднялся, Тангенъ спросилъ его:

— Какъ вы изволили сказать?.. Вы, кажется, что-то хотѣли сказать мнѣ?

— Подите вы къ чорту!—сердито отвѣтилъ директоръ, выплевывая снѣгъ, набившійся ему въ ротъ.

— Ну что-жъ, идемъ.

И художникъ взялъ за руку молодую фру Гьертъ. Она нерѣшительно посмотрѣла на мужа.

— Ты не ушибся, Гансъ?

— Нѣтъ, ничуть.

Онъ стряхивалъ теперь снѣгъ съ своихъ волосъ. Ему казалось, что паденіе грозило ему смертельной опасностью, и теперь, когда онъ спасся, все остальное на время отошло для него на задній планъ. А жена его уже бѣжала вверхъ по склону холма, объ руку съ художникомъ... Мужчинамъ были приготовлены постели

всѣмъ вмѣстѣ, въ одной большой комнатѣ, такъ что мужу съ женой не придется по-настоящему остаться наединѣ до конца праздниковъ.

Капитанъ Раммъ хотѣлъ сбѣжать съ холма вмѣстѣ съ женой, но она только головою качала и не трогалась съ мѣста. Она видѣла, какъ упали фру Гьертъ съ художникомъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, мнѣ не слѣдуетъ больше кататься на лыжахъ. Я для этого слишкомъ стара.

И она украдкой вздохнула, словно удручаемая скрытою скорбью.

— Стара?... Что за глупости! Но ты погляди, Анна, вѣдь это все почти мои ученики, по гимнастикѣ. Ты посмотри, какъ они чудесно бѣгаютъ на лыжахъ.

Но она не слушала, и, какъ только въ виду показались фигуры художника и фру Гьертъ, приближавшихся къ нимъ, она неожиданно понеслась внизъ по тропинкѣ одна.

Рейдаръ и молодой инженеръ сгребали снѣгъ на середину дороги, чтобъ устроить преграду для прыганья. Гаральдъ немного завидовалъ старшему брату, столько разъ выходившему побѣдителемъ изъ всевозможныхъ спортивныхъ состязаній, но теперь—погодите!..

— Достаточно высоко?—спрашивалъ Рейдаръ, стоя у большой, въ его ростъ, кучи снѣга, нагребенной обоими.

Младшій братъ возразилъ, что они не дѣти, и подбросилъ еще нѣсколько пригоршней снѣга.

Однако, это будетъ трудный прыжокъ—все равно, что на Холменколленѣ [1]),—замѣтила Астридъ Рійсъ, подбѣжавшая къ нимъ.

Рейдаръ приподнялъ фуражку и чопорно поклонился ей.

— Да, фрекенъ... Кто бы могъ ожидать этого.. отъ насъ?— не правда ли?

Она скользнула мимо, потупившись и закусивъ губы. Какой гордецъ! Ну погоди же!

Нѣсколько голосовъ сразу крикнули:

— Идите сюда. Скорѣй! Рейдаръ будетъ прыгать.

Инженеръ отошелъ назадъ, къ опушкѣ лѣса, чтобъ имѣть мѣсто для разбѣга, когда къ нему подошелъ на лыжахъ же, сѣдобородый человѣкъ, и, снявъ шапку, подалъ, ему телеграмму.

— Вы будете г. Бангъ, негоціантъ?

---

1) Холмъ къ сѣверу отъ Христіаніи, неподалеку отъ города, гдѣ устраиваются состязанія на лыжахъ съ прыжками. На эти прыжки сбирается смотрѣть масса народу.

Рейдаръ распечаталъ депешу и прочелъ: «Ваша мельница сгорѣла нынче ночью, вмѣстѣ съ хлѣбомъ, мукой и машинами. Какъ прикажете поступить?» Рейдаръ подумалъ минутку. Мельница была застрахована, но весь помолъ за годъ пропалъ. Десятка полтора тысячъ кронъ. Черезъ минуту, съ обычнымъ сонным выраженіемъ лица, онъ уже писалъ отвѣтъ на обратной сторонѣ телеграфнаго бланка; далъ почтальону пять кронъ на чай и велѣлъ ему итти въ кухню пить кофе, а затѣмъ поскорѣй отправить отвѣтную телеграмму. Затѣмъ, спокойно продолжалъ подниматься въ гору, чтобъ лучше разбѣжаться.

— Что тамъ такое?—крикнулъ ему братъ.

— Ничего.

Рейдаръ скрылся за деревьями. Почти тотчасъ же раздались возгласы:

— Вотъ онъ! Вотъ онъ! Бѣжитъ.

Младшій братъ стоялъ возлѣ наметеннаго сугроба, чтобъ указывать направленіе. Рейдаръ темнымъ пятномъ вынесся изъ-за деревьевъ, разрѣзая воздухъ, у самаго сугроба слегка согнулъ колѣни, словно натягивая пружину, и взвился на воздухъ. Изъподъ лыжъ его сверкнулъ тонкій краешекъ багроваго неба и синія горы; онъ словно парилъ въ сумеречномъ воздухѣ, распростерши руки, какъ птичьи крылья; сила тяготѣнія, казалось, была побѣждена, и человѣкъ превратился въ существо, витающее въ пространствѣ. Онъ спускался, но и холмъ подъ нимъ спускался тоже и, когда, наконецъ, лыжи его коснулись земли, онъ продолжалъ скользить въ облакѣ снѣжной пыли.

Гаральдъ былъ уже у опушки лѣса, разбѣгаясь въ свой чередъ. И, когда взвился на воздухъ надъ сугробомъ, съ распростертыми руками, громко и весело крикнулъ: «Ура!» и когда сталъ на землю и помчался дальше, вздымая снѣжную пыль и ежеминутно рискуя споткнуться о камень, вторично крикнулъ: «Ура!» Пусть всѣ видятъ, каковъ онъ...

Немного погодя оба брата прошли мимо Астридъ Рійсъ, и она, обращаясь къ младшему, восторженно воскликнула:

— Нѣтъ, какъ вы изумительно прыгаете, Бангъ! Прямо жутко смотрѣть. Я никогда не видала человѣка, который бы такъ чудесно прыгалъ.

— Какъ? А мой братъ?—отнѣкивался молодой человѣкъ, весь сіяя.

— Да, это правда, но вы тоже чудесно прыгаете,—повторила она съ невиннымъ видомъ.

Рейдаръ покосился на эту дѣвицу, такъ явно недоброжела-

тельно относившуюся къ нему, и побѣжалъ дальше, но не могъ удержаться отъ смѣха. Эта наивная попытка раздразнить его была положительно трогательна.

На востокѣ, надъ лѣсомъ вставала красная луна—не тотъ холодный металлическій дискъ, какой мы видимъ зимой, но апрѣльскій, льющій серебряный, ослѣпительный свѣтъ. На холмѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ становилось шумнѣе. Всѣ взапуски съ громкими криками сбѣгали съ холма, падали, поднимались и снова бѣжали, вздымая бѣлые хлопья снѣга, и снова поднимались на вершину. Крики и смѣхъ не смолкали. Отъ каждаго дыханія въ холодномъ воздухѣ плыли бѣлыя маленькія облачка, а лица у всѣхъ были красныя, разгорѣвшіяся.

Докторъ Гольтъ все время стоялъ наверху, у опушки лѣса, и только смотрѣлъ. Настроеніе у него было довольно грустное. У него такъ и не хватило мужества сбѣжать на лыжахъ съ холма, и онъ стоялъ одинъ, удручаемый тягостнымъ сознаніемъ, что онъ старъ, что онъ лишній. Да и былъ ли онъ когда-нибудь молодъ? Въ двадцать лѣтъ онъ цѣлыми днями работалъ, чтобъ заработать себѣ на прожитье, а ночами учился, готовясь къ экзаменамъ. Развѣ это значитъ быть молодымъ? Или, можетъ быть, тогда была молодость, когда онъ распинался на митингахъ за избирательную программу и кричалъ «ура» въ честь министра, назначенія котораго добивался? Или позже... когда онъ женился, впрягся въ тяжелую телѣгу семьи?.. въ самомъ дѣлѣ, когда же онъ былъ молодъ? И былъ ли?..

— Почему вы все стоите здѣсь, одни?—спросила у него Астридъ Рійсъ, подбѣгая къ нему, тяжело дыша, послѣ подъема.

— Охота вамъ обращать на меня вниманіе, фрекенъ. Вамъ гораздо больше къ лицу мчаться одной, вздымая снѣжную пыль.

— Ну, полноте. Идемте со мной.

Астридъ, какъ и всѣ его ученицы, очень увлекалась уроками Гольта, читавшаго у нихъ исторію искусствъ; и она искренно обрадовалась, что можетъ помочь ему ходить на лыжахъ. Они пошли вмѣстѣ, взявъ наискосокъ, чтобы умѣрить скорость.

— Ну, чего же вы? Отлично выходитъ!—вскричала она.

— Да, когда съ вами молодость...—отвѣтилъ онъ, не слишкомъ успокоенный.

На обратномъ пути онъ взялъ ея руку, горячую, хоть она и сняла перчатку. Они продолжали скользить рука объ руку, и на мигъ онъ почувствовалъ, что у него кружится голова отъ невѣдомаго новаго счастья.

Но тотчасъ же ему представились унылыя, скучныя ком-

наты, старѣющая жена, дѣти-подростки, долги, безъ всякой надежды на лучшее будущее...—онъ выпустилъ руку своей юной спутницы и пошелъ дальше своей дорогой, одинъ, съ понуренной головой.

Молодой Тангенъ, Генрикъ, скользилъ одинъ, натирая снѣгомъ пылающій лобъ. Рядомъ была молодая дѣвушка, за которой онъ все время слѣдилъ глазами, но поймать ее было такъ же трудно, какъ изловить рукой быструю рыбку. Она появлялась то здѣсь, то тамъ, скользила объ руку, то съ докторомъ, то съ сестрой, то съ кѣмъ-либо изъ братьевъ, и, какъ только онъ приближался—фьить! она была уже далеко и предлагала кому-нибудь третьему пройтись вмѣстѣ съ нею.

— Нѣтъ, не слѣдовало мнѣ пріѣзжать сюда,—думалъ онъ.—Никогда больше у меня не будетъ ни одного счастливаго дня...—И грустно поглядывалъ на луну.

Художникъ сдѣлалъ еще одинъ туръ съ юной фру Гьёртъ. Когда они очутились одни на опушкѣ лѣса, онъ выпустилъ ея руку и заглянулъ ей въ лицо.

— Извините меня, но сегодня я точно пьяный. Вы ли опьянили меня, или луна, или пейзажъ, или просто чувство, которое я переживаю,—но я не въ силахъ сдерживаться. Знаете ли вы, что такое счастье? Я зналъ и невзгоды, но сегодня... сегодня...

Онъ неожиданно повалился навзничь въ снѣгъ, раскинулъ руки и остался лежать такъ.

— Нѣтъ, погодите, не двигайтесь—чтобъ я видѣлъ вашу головку на фонѣ вечерняго неба. Всѣ мы умремъ когда-нибудь... а другіе будутъ переживать такіе же вечера. Но сейчасъ мы еще живы, молоды...

«Боже, свидѣтелемъ будь.

«Та жизнь, что Ты далъ мнѣ, прекрасна...

— Тише, Тангенъ!—шепнула молодая женщина, пугливо озираясь вокругъ.—Встаньте. Насъ могутъ увидѣть.

— Нѣтъ, фру, одинъ поцѣлуй... Не пугайтесь...я поцѣлую только вашъ башмачекъ, только край вашего платья.

И, прежде чѣмъ она успѣла отодвинуться, онъ схватилъ ея ногу, покрывая поцѣлуями толстую обувь и обледенѣвшій подолъ, захлебываясь отъ радости, словно это было ея лицо...

— Нѣтъ, нѣтъ, Тангенъ. Оставьте меня. Пустите! Идемъ. Вы слышите..?

Она вырвалась и побѣжала дальше, но не быстро, и скоро остановилась подождать его.

Издали доносились глухіе удары гонга—звали къ ужину.

Тѣмъ временемъ Генрикъ Тангенъ нагналъ-таки Ингу, и оба вернулись домой послѣдними. По пути, поднимаясь по крутому склону, онъ все время съ увлеченіемъ развивалъ ей свои планы созданія новой архитектуры, а она слушала, иронически усмѣхаясь—нельзя же было показать ему, что ее это интересуетъ, чтобъ онъ не вообразилъ себѣ чего-нибудь лишняго...

Потомъ онъ сталъ на колѣни въ снѣгъ, чтобъ развязать ей лыжи; она слегка вздрогнула, когда руки молодого человѣка коснулись ея, и устремила блестящіе глаза на луну. Голой рукой онъ заботливо смахивалъ снѣгъ съ ея башмаковъ и чулокъ.

— Спасибо,—говорила она...—ну будетъ, будетъ же!.. слышите...?

Ужинъ былъ шумный; лица и руки красны отъ холода и жара печи, но все это было такъ—маленькой пробой, для того, чтобъ разойтись хорошенько.

III.

Жизнь въ горахъ какъ бы возвращаетъ людей въ состояніе первобытной невинности—они становятся, точно дѣти.

Во время танцевъ, ни одна женщина не остается только зрительницей изъ-за того, что она некрасива; ни одинъ мужчина не отнѣкивается, ссылаясь на то, что онъ не умѣетъ танцовать; никто, сидя въ сторонкѣ, не критикуетъ туалетовъ, такъ какъ ихъ нѣтъ, всѣ одѣты одинаково просто.

Стѣны большой залы были такія темныя, что ни огонь въ печи, ни висячія лампы не могли, какъ слѣдуетъ, освѣтить ихъ, и пары кружились въ красноватомъ полумракѣ. Шарканія и шуму было много, такъ какъ плясали не въ бальныхъ туфляхъ, а въ сапогахъ на толстыхъ подошвахъ. Было жарко; мужчины поснимали вязаныя куртки и продолжали танцовать безъ нихъ—въ горахъ, вѣдь, не взыщется. Генералу врачи не разрѣшали танцовать, но въ такія минуты можно ли думать о какой-то тамъ слабости сердца?.. Полноте! Всѣ когда-нибудь умремъ...

Между двумя вальсами онъ подошелъ къ доктору Гольту, который, запыхавшись, вытиралъ потный лобъ, и хлопнулъ его по плечу:

— Что, дружище... какъ, по-вашему, что лучше: танцы, или соціализмъ?

— Я такъ плохо танцую, генералъ. Должно быть, соціализмъ виноватъ.

— Выучитесь-ка лучше вальсировать. Это будетъ вашимъ реваншемъ за всѣ «измы».

— Теперь ужъ поздно.

— Вздоръ! Я въ прошломъ году бралъ уроки въ новой танцовальной школѣ— на семидесятомъ году—чтобы выучиться вальсу изъ «Веселой Вдовы», и чувствовалъ, что молодѣю на двадцать лѣтъ. Я вамъ скажу, голубчикъ,—композиторъ, подарившій міру вальсъ, такой увлекательный, что даже слѣпые и горбатые встаютъ и пускаются въ плясъ, сдѣлалъ людямъ несравненно больше добра, чѣмъ всѣ короли и всѣ синдикаты вмѣстѣ. Развѣ не правда? Напишите-ка объ этомъ статью, молодой человѣкъ.

— Молодой! нечего сказать... дѣйствительно: молодой!— грустно усмѣхнулся Гольтъ.

— Да развѣ при такихъ дамахъ, какъ здѣсь, можно быть старше двадцати лѣтъ?

Генералъ, усмѣхаясь, поглаживалъ свою пышную бороду, и блестящіе глаза его весело слѣдили за танцующими.

— Въ мое время, когда я былъ молодъ, молодыя дѣвушки сидѣли скромненько за вышиваніемъ, слѣпя глаза и наживая сутулость, но теперь—вы взгляните на нихъ. Онѣ и не плоскія, какъ доска, и не толсты, и не падаютъ въ обморокъ отъ малѣйшаго пустяка—нѣтъ. Отъ такихъ матерей и дѣти—заглядѣніе. Вотъ увидите, будущее наше поколѣніе выйдетъ такое, что мы завоюемъ весь міръ. Но, вы слышите, играютъ... идемъ танцовать!

Старикъ уже раскланивался передъ дамой.

Астридъ Рійсъ подошла къ бывшему своему учителю.

— Вы не танцуете?... Позвольте васъ просить...

И онъ не успѣлъ оглянуться, какъ закружился съ нею, въ ритмъ нѣжной, колышущейся музыкѣ. Правда, въ тактѣ онъ былъ нетвердъ, но и тутъ она помогала ему. Онъ ощущалъ подъ рукой ея крѣпкое молодое тѣло, слѣдилъ за ея ловкими, увѣренными движеніями; порою волосы ея щекотно касались его щеки, и дыханіе ея ласкало его шею... О, какъ иногда хорошо жить на свѣтѣ!

Художникъ Тангенъ никогда не чувствовалъ себя болѣе въ своей тарелкѣ, чѣмъ во время вальса съ молоденькой женщиной. Въ такія минуты все его гибкое, сильное тѣло сливалось съ музыкой; его лицо, каштановая борода, бѣлокурые волосы, спадающіе на лобъ, полузакрытые глаза—все было исполнено мечтательности. И, въ то же время, было что-то трагическое въ этихъ чертахъ,

озаренныхъ слѣпой радостью молодости и на-ряду съ этимъ носившихъ слѣды усталости, лѣтъ и заботъ.

Онъ танцовалъ въ эту минуту съ молодой фру Раммъ и шепталъ ей на ухо:

— А вы такъ и не покатались со мною на лыжахъ?

Фру Раммъ слегка подняла къ нему свое лицо, омрачившееся, и губы ея болѣзненно искривились.

— Нѣтъ, вы находите, что это *моя* вина?

Онъ шепнулъ:

— Два года тому назадъ... здѣсь... вы помните?...

Она на мигъ закрыла глаза, потомъ вздохнула:

— Нѣтъ, ничего не помню.

И, когда, нѣсколько минутъ спустя, увидала его танцующимъ съ фру Гьертъ, такъ же нѣжно склонившись къ ней—встала, пожелала всѣмъ добраго вечера и ушла.

Отворилась дверь, и вошла бабушка, подпираясь палкой, съ улыбкою на устахъ.

— Бабуся! Мы думали, ты уже въ постели.

— Вы думаете, что можно спать подъ этотъ шумъ?.. И, наконецъ, мнѣ, можетъ быть, тоже хочется поплясать.

Всѣ зааплодировали, и генералъ подошелъ пригласить ее, но она отказала:

— Мнѣ надо Рейдара. Онъ знаетъ...

Рейдару пришлось облечься въ свою вязаную куртку, такъ какъ бабушка объявила, что она не привыкла танцовать съ кавалерами въ неглиже.

Разумѣется, она сдѣлала лишь нѣсколько па вальса, послѣ чего пришлось общими силами усаживать ее въ кресло. Но все же объявила, что останется до конца.

Тѣмъ болѣе, что она пришла какъ разъ во-время, когда публика перешла къ народнымъ танцамъ.

Молодой инженеръ, съ гармоніей въ рукахъ, взобрался на лѣсенку, прислоненную къ стѣнѣ; Рейдаръ вывелъ на середину залы Ингу, а всѣ остальные, усѣвшись вдоль стѣнъ, смотрѣли.

Всѣ словно вдругъ перенеслись въ другую эпоху цивилизаціи: томные звуки вѣнскихъ вальсовъ смѣнились рѣзкими аккордами, вызывающими въ воображеніи мирныя долины и далекія времена.

Рейдаръ, сильный и гибкій, сразу изъ свѣтскаго молодого человѣка преобразился въ крестьянина; въ припрыжку, подергивая плечами и разводя руками, онъ объ руку съ сестрою обошелъ всю залу. У него сгорѣла мельница, онъ понесъ большіе убытки—но, вѣдь, объ этомъ никто не зналъ.

Они плясали характерный танецъ жителей Трондъема. Остановившись, Рейдаръ неожиданно выпустилъ руку молодой дѣвушки, описавшую кругъ надъ его головой; потомъ снова поймалъ ее, пригнулся, обвелъ ее вокругъ себя и крикнулъ: «Гей!» Потомъ они, какъ будто пререкаясь, пошли, притоптывая, рядомъ, рука съ рукой; но вдругъ, словно наскучивъ этимъ, онъ обѣими руками схватилъ свою даму за талію, и они закружились въ бѣшеномъ галопѣ, одновременно нагибаясь и выпрямляясь. Распустившіеся волосы молодой дѣвушки развѣвались позади ихъ; отъ юбки шелъ вѣтеръ на сидящихъ у стѣны— гей! На минуту парень выпустилъ дѣвку, поплевалъ себѣ на руки и затопоталъ ногами;—нѣтъ, шалишь, не уйдешь!—Гей! Онъ снова схватилъ Ингу, сдѣлалъ съ нею нѣсколько туровъ, подбросилъ ее кверху, разъ и другой и третій, выпустилъ, хлопнулъ въ ладоши—гей!—и закружился вихремъ одинъ по залѣ.

— Будетъ! будетъ!—кричала генеральша.—Инга совсѣмъ запыхалась. Да будетъ же!

— Поиграй теперь ты на гармоніи, Рейдаръ,— окликнулъ его съ лѣсенки братъ.—А мы протанцуемъ халлингъ.

Гаральду тоже захотѣлось показать себя.

Но генералъ нашелъ, что халлингъ подъ гармонику—это прямо святотатство; онъ принесъ свою скрипку и самъ полѣзъ на лѣсенку. Юный Гаральдъ быстро скинулъ съ себя трико и сталъ посрединѣ залы—настоящій мужикъ, съ головы до пятъ, изогнулся дугой и плюнулъ на руки.

— Эй, добрые люди, кто хочетъ рискнуть?

Но Рейдаръ объявилъ, что хочетъ выкурить трубочку— съ него ужъ довольно плясать.

— Г. Бангъ, должно быть, совсѣмъ измучился,—мягко замѣтила Астридъ Рійсъ.

Рейдаръ посмотрѣлъ на нее и преспокойно вынулъ трубку изо рта. Нѣтъ, вѣдь какая дерзкая дѣвченка!—все время дразнитъ его. Значитъ, это не заурядная томная барышня, которая ищетъ мужа, какъ онъ раньше думалъ о ней. А, пожалуй, дѣйствительно, пріятно было бы протанцовать съ ней.

Неожиданно раздался голосъ директора фабрики.

— Гдѣ моя жена?

Онъ искалъ ея по всѣмъ угламъ, вытягивая шею, присматриваясь своими близорукими глазами. Но ея нигдѣ не было, и художника тоже.

— Ну, если никто не хочетъ рискнуть, тогда другое дѣло.

Инженеръ сплюнулъ на полъ. Шалопай съ улицы Карла Іогана—а, вѣдь поглядѣть—настоящій мужикъ.

— Такъ, значитъ, никто?

Тогда архитекторъ Тангенъ рѣшительно сбросилъ съ себя трико и вышелъ впередъ. Онъ былъ стройный и гибкій, но старался казаться тяжелымъ и плотнымъ.

Раздались задорные, лукавые звуки халлинга. Невольно всѣ вздрогнули. Даже въ душахъ этихъ горожанъ дразнящіе звуки скрипки пробуждали образы разгульныхъ парней, опьяненія, занесенныхъ ножей и крови.

Съ минуту молодые люди недвижно стояли одинъ противъ другого, улыбаясь другъ другу. Но, вмѣстѣ съ музыкой, скоро измѣнились и лица ихъ, стали напряженными, мрачными. Плечи и ноги ихъ ходуномъ заходили, какъ бы помимо участья воли; вотъ они шагнули впередъ, сплелись руками, отступили назадъ, словно собираясь кинуться другъ на друга. Очи ихъ мечутъ молніи, рты суровы. А насмѣшливая скрипка все поддразниваетъ—гей! Вотъ они ужъ обругали другъ друга, но тѣла ихъ, пока еще, не участвуютъ въ этомъ. Пфа! есть изъ-за чего сердиться! Но скрипка покатывается со смѣху и дразнитъ ихъ; и ноги ихъ приходятъ въ движеніе, локти, вздрагивая, отдѣляются отъ тѣла. Гаральдъ плюетъ на полъ—молъ, подбирай, кто хочетъ. Тангенъ подходитъ ближе, словно хочетъ спросить, что это значитъ. Онъ за себя постоитъ—выходи. Ноги пляшутъ; зала кажется слишкомъ мала, лица дышутъ угрозой. Зрители у стѣны смѣются, до того Генрикъ Тангенъ вошелъ въ роль—онъ даже нащупываетъ за поясомъ свой длинный ножъ и поводитъ ртомъ, словно перебрасывая табачную жвачку со стороны на сторону—ни дать ни взять, исконный норвежскій мужикъ. Жесты танцующихъ становятся все болѣе дикими: скрипка неистовствуетъ. Неожиданно Гаральдъ вскочилъ на скамью, не прерывая танца, и зрители невольно кидаются прочь. Кажется, вотъ-вотъ блеснетъ лезвіе ножа. Юный архитекторъ подпрыгиваетъ чутъ не до потолка, падаетъ на полъ, съ минуту лежитъ на спинѣ; потомъ, гибкій, какъ пружина, вскакиваетъ на ноги, пригибается къ полу и въ этомъ положеніи продолжаетъ плясать—и снова подпрыгиваетъ. Гаральдъ соскакиваетъ со скамьи и бѣжитъ къ нему, жестикулируя, словно хочетъ выгнать его изъ залы.

— Довольно, довольно!—кричитъ генеральша.—Гаральдъ, ты слышишь? *я* говорю: довольно.

Скрипка смолкаетъ; танцоры останавливаются—и вотъ ужъ по серединѣ залы только два горожанина, свѣтскихъ молодыхъ человѣка, которые, улыбаясь, кланяются другъ другу.

— Гдѣ моя жена?

Это опять директоръ фабрики, и, въ такую минуту, вопросъ показался до того комичнымъ, что всѣ покатились со смѣху.

— Должно быть, спать пошла,—успокоительно сказала генеральша.

Когда зазвучалъ послѣдній вальсъ, Рейдаръ пригласилъ Астридъ Рійсъ—это было въ первый разъ, что онъ оказалъ ей вниманіе. Но она поблагодарила, ссылаясь на усталость и на то, что она не умѣетъ танцовать такого вальса, какой танцуетъ онъ.

Рейдаръ вспыхнулъ и пригласилъ жену лѣсничаго, сидѣвшую рядомъ съ Астридъ.

— Извините, я ошибся. Я хотѣлъ тебя пригласить, Рагна.

Возвращаясь со своей невѣсткой, онъ слышалъ, какъ Астридъ очень громко заявила Ингѣ:

— Нѣтъ, знаешь, я никогда бы не могла влюбиться въ спортсмена: у этихъ господъ больше мяса на икрахъ, чѣмъ здраваго смысла въ головѣ.

Рейдаръ сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ, но принужденъ былъ вытереть потъ со лба.

Художникъ Тангенъ стоялъ на дворѣ, глядя на далекій огонекъ въ горахъ. Тамъ, навѣрное, тоже усадьба и тоже танцуютъ. Неожиданно въ залѣ все смолкло: рояль перетащили на другое мѣсто, и до Тангена донесся голосъ фру Гьертъ, пѣвшей Frühlingslied Шумана. Ея чистый, звонкій голосъ звучалъ торжествомъ.

Около полуночи снова пронесся звукъ гонга — знакъ, что время на покой.

Когда Рейдаръ рѣшилъ, что всѣ въ домѣ уснули, онъ безшумно всталъ и одѣлся. Онъ хотѣлъ еще разъ перевалить черезъ гору и до свѣту побывать на станціи, чтобъ отправить новую телеграмму.

Всѣ домики, изъ которыхъ состояла усадьба, спали; одна лишь луна скользила по небу, озаряя темные лѣса и блѣдные холмы. Когда въ жилахъ течетъ горячая кровь, тогда дышешь глубоко и свободно, и сонъ крѣпокъ и безмятеженъ.

Но Астридъ Рійсъ не спала. Ея вечерняя молитва давно уже превратилась въ бесѣду съ покойною матерью, у которой она и теперь спрашивала совѣта относительно Рейдара.

Первый взглядъ молодого человѣка былъ жестокъ, какъ камень. «Какъ мнѣ держать себя съ нимъ? Какъ бы ты поступила на моемъ мѣстѣ?»—почти громко шептала Астридъ, сидя въ постели, закинувъ руки за шею и не сводя глазъ съ окна.

Среди ночи одинокій лыжникъ скользитъ по холму, зали-

тому блѣднымъ луннымъ свѣтомъ. Ледяной вѣтеръ студитъ ему лицо; рядомъ съ нимъ бѣжитъ его тѣнь.

Это во время народнаго танца у него зародилась въ умѣ мысль о новой спекуляціи съ зерномъ, которая должна возмѣстить потери, причиненныя пожаромъ мельницы. Она должна удаться. Лишь во-время послать телеграмму въ Чикаго.

Сегодня утромъ каждый мускулъ его тѣла жаждалъ движенія; сейчасъ эта жажда улеглась, но силы и бодрости еще хватитъ надолго. А что касается этой дѣвченки, которая угощаетъ его только сарказмами, онъ ей покажетъ.

Онъ закуриваетъ трубку, бѣжитъ; искры летятъ за нимъ. Вѣтеръ на пустынномъ бугрѣ поетъ заунывную пѣсню.

На другой день всѣ удивились, не найдя утромъ Рейдара. Но, такъ какъ и собаки его тоже не оказалось, генералъ подумалъ, что онъ всталъ на зарѣ и пошелъ смотрѣть, нѣтъ ли въ окрестностяхъ зайцевъ. Это было совсѣмъ въ его духѣ, и, въ ожиданіи лучшаго, этимъ объясненіемъ удовольствовались.

Послѣ ранняго завтрака пошли пробѣжаться на лыжахъ до первой груды камней; при яркомъ солнечномъ свѣтѣ веселая компанія разсыпалась по лѣсамъ и холмамъ. Гольтъ, какъ всегда, отсталъ и, когда онъ, наконецъ, добрался до вершины холма, тяжело дыша и въ поту, прочіе уже развели костеръ и набросали сосновыхъ иголъ на снѣгъ, чтобы присѣсть отдохнуть.

Отвязали лыжи и, такъ какъ хвои было набросано на небольшомъ пространствѣ, сидѣть было тѣсно. И, такъ какъ каждому хотѣлось, чтобъ на него свѣтило солнце, самое естественное было, чтобы каждый оперся на своего сосѣда. И вышло такъ, что у каждаго на колѣняхъ лежала чья-нибудь голова. Разгорѣвшіяся лица блестѣли; глаза сами собой закрывались отъ солнца.

Художникъ говорилъ о томъ, какъ хорошо было бы, если бъ не было на свѣтѣ инженеровъ.

— Они портятъ все, къ чему ни прикасаются. Еще немного, и вся Норвегія будетъ пропитана дымомъ фабричныхъ трубъ и запахомъ бензина. Скоро у насъ будутъ воздушные отели, которые будутъ лить намъ помои на голову, въ то время, какъ мы будемъ воображать себя на лонѣ природы. И это называется прогрессомъ. Нѣтъ, инженеровъ надо истреблять, какъ крысъ.

Гаральдъ Бангъ не далъ себѣ труда возражать. Онъ стоялъ, прислонясь къ древесному стволу, и смотрѣлъ, чуть-чуть жму-

рясь, прямо на солнце. Отъ времени до времени онъ бралъ въ руки комъ снѣгу и теръ себѣ лицо. Ему хотѣлось побольше загорѣть, чтобы потомъ казаться мужественнѣе своимъ товарищамъ по Карлъ-Іоганъ-гатанъ.

Смѣясь, потягивались. Пламя костра пригрѣвало, бросая желтые отсвѣты на бѣлый снѣгъ. Нѣкоторыя дамы, повидимому, задремали.

Капитэнъ Раммъ, закуривая трубку, сказалъ:

— У всякаго свое призваніе.

— Твое, по крайней мѣрѣ, стоитъ труда,—отвѣтилъ старшій Тангенъ, прильнувъ головой къ колѣнямъ фру Раммъ.

— Какое же это призваніе?—спросило нѣсколько голосовъ разомъ.

— Создавать красивыя тѣла. Каждую осень ему вручается кучка нескладныхъ, безформенныхъ, некрасивыхъ людей, и къ веснѣ онъ превращаетъ ихъ въ греческія статуи. Такую педагогію я понимаю.

Докторъ Гольтъ прислонялся головой къ колѣнямъ Астридъ Рійсъ и чувствовалъ легкое біеніе пульса гдѣ-то у себя подъ шеей. Смотрѣлъ на пейзажъ, сливавшійся въ одну ослѣпительную бѣлизну, и дышалъ легко и свободно. Но дальше—дальше-то какъ? Ему хотѣлось протянуть руки къ небу и молить, чтобъ эти блаженныя минуты длились безъ конца.

Вдали раздался крикъ:

— Алло!

И показался человѣкъ на лыжахъ—Рейдаръ. Онъ приближался медленно, явно усталый.

Всѣ оживились; его засыпали вопросами. Ну да, разумѣется, онъ просто ходилъ осматривать мѣстность—нѣтъ ли гдѣ заячьихъ норъ.

Со смѣхомъ и шутками привязали опять лыжи и двинулись въ обратный путь, снова разсыпавшись по лѣсамъ и холмамъ. На вершинѣ горы догорали остатки костра; на бѣломъ снѣгу валялись сосновыя вѣтки и апельсинная кожура; голоса постепенно замирали на склонахъ...

IV.

На дворѣ цвѣлъ май, а Астридъ Рійсъ сидѣла согнувшись надъ счетными книгами въ магазинѣ на Большой улицѣ, гдѣ у нея были утреннія занятія. Было уже половина второго; солнце свѣтило ярко и, подводя итогъ длинному столбцу цифръ, моло-

дая дѣвушка въ то же время спрашивала себя, гдѣ бы подешевле купить рыбы на обѣдъ.

Наконецъ, можно было захлопнуть толстую сальную книгу, надѣть шляпу и уйти.

Нѣсколько минутъ спустя она несла завернутыя въ бумагу двѣ небольшихъ трески и, такъ какъ пакетъ былъ не изъ тѣхъ, съ которыми пріятно показаться на улицѣ Карла. Іогана, она бѣжала переулками, въ обходъ. Обѣдъ долженъ быть на столѣ ровно въ три—значитъ, нельзя терять ни минуты. Ея подруги, навѣрное, теперь гуляютъ гдѣ-нибудь, въ новыхъ весеннихъ платьяхъ, подъ зелеными деревьями, а она все еще ходитъ въ зимнемъ, изъ синяго шевіота; а, когда потеплѣетъ, придется выстирать свѣтленькое ситцевое, прошлогоднее, и хорошенько выгладить его. Но сегодня она все-таки надѣла соломенную шляпу matelot, чтобы не выглядѣть черезчуръ ужъ зимней.

Она пошла въ обходъ, мимо дворца, возлѣ котораго играла военная музыка, и остановилась поглядѣть на толпу на косогорѣ, отъ которой зеленый склонъ казался чернымъ. Солнце играло на мундирахъ и музыкальныхъ инструментахъ; тамъ и сямъ выдѣлялся изъ темной массы свѣтлый весенній костюмъ. Здѣсь, навѣрное, тоже есть ея знакомые, барышни и молодые люди, которымъ есть время гулять и веселиться. Она торопливо продолжала свой путь.

У этой двадцатилѣтней дѣвушки было много разнообразныхъ занятій. Еще до ухода въ контору, куда она обязана была являться къ восьми часамъ утра, ей нужно было приготовить завтракъ отцу, убрать три комнаты и сходить на рынокъ. Теперь, быстрыми шагами возвращаясь домой, она спрашивала себя, можетъ ли она позволить себѣ купить апельсиновъ на дессертъ, и рѣшила, что можно, хоть это и большая расточительность. Забѣжала въ магазинъ, гдѣ ей дали мѣшочекъ съ тремя сочными плодами, и почти бѣгомъ пустилась дальше, такъ какъ съ отцомъ шутки были плохи—онъ страшно сердился, когда обѣдъ подавался на столъ хоть минутой позже назначеннаго.

Въ то время, какъ она стояла передъ дымящей печью, въ кухонномъ фартукѣ, съ завернутыми рукавами, раздался звонокъ; она пошла отворять, и почтальонъ вложилъ ей въ руку два письма. Она насторожилась, вытянула шею по направленію къ столовой, но отецъ былъ еще въ своей комнатѣ и ничего не слышалъ. Письма были на его имя; Астридъ сразу увидала, что это напоминанія о долгахъ ея брата и, сердито смявъ ихъ, бросила въ огонь.

чувствовать.... Ушли въ далекое прошлое тѣ времена, которыя его вскормили какъ художника, и вмѣстѣ съ ними отодвинулся въ даль и онъ, ихъ слишкомъ покорный, слишкомъ точный и добросовѣстный бытописатель. Пусть такъ,—если имѣть въ виду нѣкоторыя его творенія. Но есть нѣчто болѣе значительное въ нашей жизни, чѣмъ простой бѣгъ времени, и не одна лишь смѣна годовъ оборвала наши разговоры съ нимъ.

Онъ умеръ наканунѣ знаменательной исторической эпохи,—одной изъ тѣхъ кратковременныхъ эпохъ, которыя такъ непохожи на обычные этапы нашей общественной жизни. Во всѣхъ слояхъ общества наростало то боевое настроеніе, которое прорвалось наружу въ 1904—1907 годахъ. Люди начинали жить вѣрой въ свои силы; и какъ бы ни былъ великъ ихъ гнѣвъ и велика ихъ вражда, въ какія страшныя и уродливыя формы ни выливались ихъ междуусобные расчеты,—люди стали, несомнѣнно, вѣрующими, и мысль о конечной побѣдѣ была имъ дороже, чѣмъ самый задоръ и шумъ сраженія. Художникъ, который не любилъ говорить ни о какихъ побѣдахъ, который не прославлялъ никакихъ героевъ, не держалъ въ рукахъ никакого знамени съ яркимъ девизомъ, не умѣлъ командовать и брать въ штыки,—такой художникъ, какъ бы великъ ни былъ его талантъ, долженъ былъ очутиться если не позади быстро несущихся колоннъ, то далеко на ихъ флангѣ. И предположимъ даже, что предвѣстники, участники и свидѣтели кроваваго и желѣзнаго трехлѣтія пожелали бы посмѣяться и надругаться надъ врагомъ и заострить словами свой гнѣвъ и свое презрѣніе—могъ ли художникъ стараго времени, времени все-таки болѣе мирнаго и глухого, насытить своими хоть и самыми острыми словами сердца, которыя всѣ были сожжены или заморожены ненавистью, жаждой мести, фанатизмомъ идеи, готовностью умереть и готовностью нанести смертельный ударъ ближнему?

Мы имѣли нѣкоторое право на забвеніе многаго....

II.

Но забвеніе такъ же капризно, какъ и слава. Оно во власти волнъ людскихъ страстей, мыслей и настроеній. Иной разъ эти волны хоронятъ художника до его кончины и затѣмъ на отмеляхъ жизни мы изумленные подбираемъ жемчужины. Иногда забвеніе покрываетъ самую могилу и навсегда. Но бываетъ и сонъ въ гробу, летаргія, которой подвержено не одно

лишь тѣло, а и духъ человѣческій. Пусть сотни страницъ, написанныхъ художникомъ, засохли и увяли — какъ вянутъ и сохнутъ даже среди лѣта листья на большихъ и крѣпкихъ деревьяхъ; пусть эти сухіе листья облетѣли и смѣшались навсегда съ землей, но не исчезла же внутренняя сила, коренящаяся въ самой народной почвѣ и призвавшая большого художника къ жизни. Эта сила не умираетъ. Есть времена, когда она прячется и таится, и другія времена, когда она воскресаетъ.

Что, если, проплутавъ по разнымъ новымъ дорогамъ жизни, мы неожиданно встрѣтимся съ нимъ, о которомъ забыли, и увидимъ, что мы вернулись къ тому мѣсту, на которомъ остался стоять онъ? Что, если въ эту минуту нежданной встрѣчи мы сознáемъ, что онъ-то намъ всего болѣе и нуженъ, что онъ намъ самый близкій?.. Нельзя поручиться въ томъ, что этого не случится. Наступитъ, быть можетъ, время, когда смѣхъ, сарказмъ и иронія останутся намъ въ утѣшеніе, единственныя орудія для борьбы... Становится страшно.

Неужели намъ суждено еще разъ пройти тѣмъ путемъ душевныхъ мытарствъ, тѣмъ этапомъ всяческихъ терзаній сердечныхъ, какимъ прошелъ этотъ идеалистъ, затаившій свои идеалы, этотъ великій насмѣшникъ, которому никогда не было весело?

III.

Его звѣзда, какъ писателя, взошла съ первыми днями царствованія Александра II, и пережилъ онъ это царствованіе нѣсколькими годами, все неохотнѣе и рѣже вмѣшиваясь въ распрю дня и все чаще уходя въ воспоминанія. И вспоминая какія-то «забытыя» слова, онъ умеръ. Въ дни его молодости эти слова, должно быть, были у всѣхъ на устахъ, съ тѣхъ поръ они затерялись... Какъ долженъ былъ страдать старикъ, который, прощаясь навсегда съ людьми, не имѣлъ для нихъ ни привѣта, ни утѣшенія, ни наставленія и могъ обратиться къ нимъ лишь съ упрекомъ въ томъ, что они «забыли»!

Есть люди, которые обладаютъ особенно повышенной воспріимчивостью къ горечи жизни, ко всему тому, что̀ ихъ возмущаетъ, что̀ растравляетъ ихъ печень и бередитъ ихъ раны. Это вовсе не озлобленные, не жесткіе, не сумрачные люди. Они могутъ быть большими идеалистами, любовь бываетъ имъ нужнѣе и доступнѣе ненависти, ихъ сердце можетъ быть сосудомъ глубокаго состраданія и широкаго милосердія — но истинный даръ

проникновенія въ жизнь и даръ вдохновенной рѣчи пріобрѣтаютъ они лишь тогда, когда имъ надо не любить, а ненавидѣть. Пламень ихъ сердца питается ядомъ жизни, и рука ихъ сильна, когда держитъ карающій бичъ или мечъ, хотя бы сердце ихъ и тосковало по вѣтви мира. Рѣдкій даръ, какимъ природа надѣляетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ казнитъ человѣка!..

Гражданинъ по всему своему духовному составу, недреманное око общественной совѣсти, гдѣ и въ чемъ могъ онъ найти радость—ту радость, на какую имѣетъ право каждое дыханіе, которая нужна даже печальному и гнѣвному сердцу, для того, чтобы оно могло продолжать биться во гнѣвѣ и скорби?

Совершался исходъ изъ плѣна... По заброшенной, бурьяномъ поросшей нивѣ проходилъ первый плугъ... милліоны людей получали право именоваться людьми... безгласные заговорили... слѣпые прозрѣвали... свѣжая поросль, сочная и крѣпкая начинала пробиваться наружу и росла иной разъ изъ песка пустыни. Обѣщано было много и много было сдѣлано... Сколько было людей, которые могли разрѣшить себѣ веселье и радость! Одни вѣрили въ Бога, который приказалъ зарѣ взойти надъ Россіей, чтобы напомнить ей о готовящемся великомъ ея служеніи міру: такіе люди могли радоваться, разгадавъ Божій помыселъ. Другіе вѣрили въ вождя земного, въ его желѣзную власть и желѣзную волю, въ его мудрость и любовь: они были счастливы въ сознаніи, что за нихъ работаетъ болѣе сильный. Другіе вѣрили въ народъ, въ этого сфинкса, который хранитъ разгадку великой тайны и выдастъ ее тогда, когда спадетъ съ него заговоръ каменнаго оцѣпенѣнія. Иные вѣрили въ силу общественнаго возбужденія, въ эту, какъ-то сразу поднявшуюся, волну самоотверженной готовности служить народному благу. И, наконецъ, сколько было людей, которые вѣрили, что можно однимъ ударомъ выбить изъ скалы живой источникъ правды и счастія!

А во что вѣрилъ онъ? И чему могъ онъ радоваться въ толпѣ людей, которые сводили итогъ жизни съ перевѣсомъ надеждъ и увѣренностей надъ опасеніями и просчетами? Что онъ вѣрилъ въ конечное торжество того, что̀ считалъ правдой и благомъ — кто въ этомъ усумнится? Онъ былъ идеалистъ чистой крови, и жить—значило для него любить людей. Достаточно развернуть любую изъ его самыхъ насмѣшливыхъ и какъ-бы злостью вспоенныхъ книгъ, чтобы почувствовать, какъ между строками крадется притаенная тоска по любви къ оскверненной и поруганной вѣрѣ въ человѣка. Онъ несомнѣнно былъ вѣрующій, но втайнѣ вѣрующій, не любившій выставлять эту вѣру на по-

казъ, когда вокругъ него ею щеголяли такъ часто тѣ, кто могъ въ любую минуту измѣнить ей. Въ катакомбахъ сердца хранилъ онъ свою вѣру въ людей; и въ святомъ, недосягаемомъ подземельѣ оставлялъ онъ ее, пока на площади сводилъ счеты съ ея врагами. Ни трубы, ни литавры, не заставлялъ онъ гремѣть въ честь и хвалу идеала, такъ какъ зналъ, что часто эти фанфары служили инымъ богамъ... Для своего бога онъ приберегалъ тихую молитву и не любилъ молиться при свидѣтеляхъ.

Да, онъ былъ вѣрующій, но приходилось ли ему когда-нибудь радоваться? Люди, которые его знали лично, быть можетъ и видали его веселымъ, такъ какъ мало ли есть въ жизни мелочей, которыя способны заставить насъ на мгновенія забыть объ ея печаляхъ и улыбнуться? Но тотъ, кому вѣдомъ лишь его писательскій обликъ—тотъ не можетъ представить себѣ его жизнерадостнымъ. Читаешь Тургенева, Толстого, даже Достоевскаго—и чувствуешь, что вотъ такія и такія-то страницы писаны художникомъ въ минуту довольства жизнью, въ ту счастливую минуту, когда писатель готовъ сказать: «я знаю, что̀ можетъ спасти людей; я знаю, что̀ должно дѣлать, я позналъ истину и потому я счастливъ и радостенъ, хотя бы въ предвѣдѣніи грядущихъ страданій». Сказалъ ли хотя бы шепотомъ такія слова печальный старикъ?

Но неужели у него не было для людей радостнаго слова? Быть можетъ, онъ медлилъ сказать его, и прежде чѣмъ призывать на людей благословеніе жизни, онъ требовалъ отъ нихъ покаянія? Быть можетъ, какъ пророкъ, вѣрующій въ грядущій день примиренія людей съ Богомъ, онъ говорилъ лишь о грѣхахъ и преступленіяхъ падшаго человѣка, грозилъ ему судомъ, проходилъ мимо праведныхъ и только съ преступными и порочными велъ бесѣду—затѣмъ, чтобы подготовить людей къ пріятію словъ правды, любви и истины?

Кто отвѣтитъ на эти вопросы, да и нужно ли отвѣчать на нихъ? Неужели вспоминая, что̀ этотъ художникъ выстрадалъ—а за кого, какъ не за ближнихъ страдалъ онъ?—мы обратимся къ нему съ упрекомъ и спросимъ—какъ нѣкогда его злорадно спрашивали—зачѣмъ онъ вмѣсто акаѳиста читаетъ отходную?

Природа одарила его исключительной способностью ставить тончайшіе діагнозы самыхъ сложныхъ общественныхъ болѣзней. Его товарищи—тѣ были физіологи; ихъ вниманіе было сосредоточено прежде всего на общемъ ходѣ развитія общественнаго организма, на тѣхъ живыхъ и здоровыхъ силахъ, которыми этотъ организмъ питается и движется, и на тѣхъ средствахъ, какими

должно помогать росту этихъ силъ. А онъ былъ патологъ по призванію, и собраніе его сочиненій—это цѣлый курсъ патологіи русскаго общественнаго тѣла, съ полнымъ спискомъ ходячихъ и рѣдкихъ, единичныхъ и повальныхъ, пріобрѣтенныхъ и наслѣдственныхъ болѣзней, съ подробной исторической картиной ихъ образованія и развитія. Опредѣлить степень силы и опасности любой болѣзни сатирикъ могъ безошибочно, но лѣкарствъ онъ не прописывалъ: на то были другіе врачи, спеціалисты по рецептамъ, врачи, прошедшіе либо хорошую школу разныхъ индуктивныхъ и точныхъ наукъ, либо школу науки богословской и философской идеалистическаго типа.

И сидѣлъ онъ несмѣнно у одра тяжело больныхъ; проводилъ цѣлые дни въ бесѣдѣ съ уродами и калѣками духомъ, и производилъ диссекцію нравственно мертвыхъ душъ. Гдѣ было найти минуту для радости?

Веселъ онъ не былъ, да и не были веселы тѣ, кто, слушая его, смѣялся.

IV.

Странная открывалась ихъ глазамъ картина... Все въ этихъ картинахъ, все до мелочей покрывалось правдой жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ вся эта правда въ ея наготѣ казалась какимъ-то невѣроятнымъ кошмаромъ, который исключалъ возможность всякаго живого дыханія.

Помѣщичья жизнь дореформеннаго времени... она ли это, или это только ея кровавый призракъ, ея всѣми болѣзнями изъѣденное чахлое и изнуренное тѣло, которое посажено на скамью подсудимыхъ, не смѣетъ взглянуть въ глаза судей, а только чувствуетъ, какъ на немъ сосредоточены всѣ взоры ненависти и омерзѣнія?

Провинціальная глухая немощная жизнь, сѣрые будни сѣрыхъ людей—они ли это или это только ихъ гримаса, схваченная на лету и занесенная художникомъ въ альбомъ, гдѣ съ каждой страницы на насъ смотритъ тупое, злое, пошлое, корыстолюбивое, звѣрское, надменное, лукавое, сладострастное, христопродавческое лицо съ претензіей на богоподобіе?

И неужели это тѣ же самыя лица, которыя гуляютъ по столичному проспекту, сидятъ въ разныхъ правящихъ учрежденіяхъ и наполняютъ уваженіемъ, страхомъ и трепетомъ сердца подчиненныхъ? Неужели эти люди смѣняютъ другъ друга у руля нашей жизни?

А этотъ народъ? Неужели это онъ, даровитый и сильный народъ,—онъ, въ рубищѣ, немощный, голодный, темный, и противу стригущаго его безгласный?

Да! все это правда; ни единымъ словомъ не погрѣшилъ художникъ противъ истины жизни. Но если бы его спросили,—вся ли правда нашей жизни легла на тѣ полотна, которыя онъ зарисовывалъ—что отвѣтилъ бы онъ? Такой вопросъ ему задавали часто, и онъ упорно молчалъ, склоненный надъ своей работой. Онъ понималъ всю тяжесть отвѣтственности, которую бралъ на себя, когда говорилъ людямъ объ ихъ грѣхахъ и не хотѣлъ говорить о возрожденіи; онъ зналъ, что цѣлая толпа людей, горящихъ подкожнымъ жаромъ, щеголяющихъ румянами своего патріотизма и идеализма, будетъ указывать на него пальцемъ, натравлять на него читателя и кричать: «вотъ онъ «великій гражданинъ», который думаетъ, что воспитаетъ людей, если убѣдить ихъ въ ихъ скотоподобіи; вотъ тотъ, который, гоняясь за краснымъ словцомъ, убѣжденъ, что нѣтъ лучшаго способа доказать свою любовь къ человѣку и къ родинѣ, какъ заушить ближняго». Художникъ зналъ, подъ какіе удары онъ себя подставляетъ, но онъ молчалъ и продолжалъ мѣшать на палитрѣ краски, среди которыхъ не было ни одной свѣтлой.

V.

И какъ могъ онъ жить въ этомъ мірѣ страшныхъ привидѣній, среди этихъ созданій, сердцами и умами которыхъ говорила смерть?

Пусть онъ былъ доволенъ собой, какъ художникъ, и не боялся людей, но неужели не возропталъ онъ ни разу на судьбу за то, что она дала ему этотъ страшный даръ отмѣчать въ книгѣ земного страданія лишь тѣ страницы, на которыхъ говорится о паденіи человѣка; неужели онъ никогда самого себя не убоялся?

Онъ несъ крестъ своего мучительнаго дара съ терпѣніемъ и стойкостью покорно; и онъ зналъ, что этотъ даръ точитъ его душевныя силы и ложится пропастью между нимъ и многими любимыми имъ людьми, для которыхъ писатель прежде всего цѣлитель и молитвенникъ о душахъ.

Но не всегда художникъ выдерживалъ тяготу такого одиночества. Онъ тосковалъ по иному порядку чувствъ, чѣмъ тѣ, какими бывалъ неизмѣнно охваченъ, и его тоска выливалась въ

жалостливую и нѣжную грезу. Иногда дѣти приходили къ нему— бѣдныя забитыя крестьянскія дѣти, и онъ ласкалъ ихъ и утѣшалъ. Онъ любилъ бесѣду съ ихъ невинными душами; онъ не пророчилъ имъ счастія въ жизни, не льстилъ имъ и, только глядя на ихъ страданья, думалъ: «а ихъ есть царство небесное»... Иногда встрѣчалъ онъ (но это случалось такъ рѣдко) молодую дѣвушку или молодого человѣка, душа которыхъ была чиста, свѣтла, довѣрчива, потому и обречена на гибель. Онъ не говорилъ этимъ юнымъ созданіямъ пышныхъ словъ о конечномъ торжествѣ добродѣтели надъ порокомъ; онъ перебиралъ въ своей памяти всѣ пережитые ими часы безгласнаго страданья и разстроганный думалъ о тѣхъ чистыхъ сердцемъ и нищихъ духомъ, которымъ дано зрѣть правду... за предѣлами нашего міра. Въ эти рѣдкіе часы свиданій, не омраченныхъ словами горечи и упрека, художникъ позволялъ таившейся въ немъ вѣрѣ въ людей робко возвышать свой голосъ.

И была одна мысль, которая при всей своей печали заставляла этотъ голосъ звучать еще болѣе увѣренно и громко. Это была мысль о простомъ народѣ. О народной печали, печали крѣпостной и раскрѣпощенной художникъ говорилъ часто со всей силою любви, на какую былъ способенъ. Вдоволь насмѣявшись надъ всѣми старшими братьями, надъ власть имущими, надъ къ власти стремящимися, о власти мечтающими; надъ всѣми, кто мнилъ себя просвѣщеннымъ и стоящимъ такъ или иначе на горѣ, — художникъ любилъ скитаться по полямъ и весямъ, на поискахъ простонародной души, оскорбленной и опечаленной, но не порочной. Одну только эту душу изъялъ художникъ изъ общаго списка всѣхъ имъ осужденныхъ и имъ осмѣянныхъ. Онъ также не льстилъ ей, не обманывалъ ее призрачными картинами грядущаго счастія или грядущаго ея торжества, онъ не училъ ее ни гордынѣ, ни самохвальству; ея терпѣнію и смиренію онъ не пѣлъ чувствительныхъ или корыстныхъ гимновъ; онъ не увѣрялъ ее, сколь онъ, образованный и сильный человѣкъ, плѣненъ ею и какимъ къ ней преисполненъ уваженіемъ. Во всей своей терпѣливой и смиренной простотѣ стояла она передъ нимъ и разсказывала ему о своихъ страданіяхъ и нуждахъ: съ рѣдкимъ необычнымъ для него спокойствіемъ записывалъ онъ эти разсказы, иногда полные ужаса и высокаго трагизма, и ни одно ѣдкое, злое, насмѣшливое или колючее слово не вторгалось въ его рѣчь, которая звучала и молитвой за пострадавшихъ, и привѣтомъ всѣмъ въ смиреніи и терпѣніи побѣдившимъ.

Любовь къ народу и вѣра въ него остались стоять живыми,

нетронутыми тлѣніемъ, на братскомъ кладбищѣ всѣхъ его надеждъ и идеаловъ—на томъ самомъ кладбищѣ, на которое художникъ пришелъ за нѣсколько дней до своей кончины, чтобы повторить «забытыя» слова и лечь въ могилу.

VI.

Великому испытанію судьба недавно насъ подвергла и за великіе грѣхи насъ покарала. И опять послѣ судныхъ дней новая радуга стала надъ нашей жизнью.

Живемъ мы какъ-будто новой жизнью или, вѣрнѣе, много говоримъ о ней; какъ и прежде, въ годы перваго общественнаго возрожденія, мы гнѣваемся на прошлое и опережаемъ жизнь желаніями и мечтой; и у насъ не хватаетъ времени спокойно вокругъ оглянуться. А что, если бы мы пристально взглянули въ глаза настоящему? Не увидали бы мы повсюду, во всѣхъ слояхъ общества, старыхъ знакомыхъ, тѣхъ самыхъ, съ которыхъ художникъ рисовалъ свои карикатуры и портреты? Не поползли бы изъ всѣхъ темныхъ угловъ на насъ тѣни людей, которыхъ мы считали покойниками, и которые лишь обмѣняли одну тѣлесную оболочку на другую? Не обступили бы они насъ тѣснымъ кольцомъ, не на задворкахъ жизни, а на самыхъ видныхъ ея торжищахъ?

VII.

Да, старые мертвецы могутъ воскреснуть, и въ новыхъ людяхъ мы можемъ узнать старыхъ покойниковъ.

И поймемъ мы, что человѣчеству одинаково святы какъ пророки, стоящіе на стражѣ ковчега и говорящіе людямъ о святомъ ихъ призваніи, такъ и пророки, которые, сойдя съ высотъ на торжище грѣховныхъ страстей и замѣшавшись въ толпу, говорятъ ей не о Божьей любви, а о Божьемъ гнѣвѣ.

Лики этихъ пророковъ разные, и разными путями идутъ они...

Одному въ мрачной пустынѣ шестикрылый серафимъ отверзъ вѣщія зѣницы; и содроганіе неба, и горній полетъ ангеловъ и прозябанье дольней лозы—все стало внятно пророку; его грѣшный языкъ былъ преображенъ въ жало мудрой змѣи, его сердце въ уголь, пылающій огнемъ, и, исполненный волей Бога, пророкъ обходилъ моря и земли, сожигая глаголомъ своимъ сердца людей, ему покорныхъ.

Другому Вѣчный Судія далъ также даръ всевѣдѣнія: въ очахъ людей читалъ онъ страницы порока и злобы, но когда онъ сталъ провозглашать чистыя ученія правды, въ отвѣтъ ему полетѣли каменья. И когда онъ пробирался черезъ шумный градъ, онъ слышалъ, какъ люди глумились надъ его угрюмымъ видомъ, надъ его блѣдностью и худобой, какъ они упрекали его въ гордынѣ и называли лжепророкомъ...

Но онъ шелъ своей дорогой, покорно снося презрѣніе толпы и увѣренный въ томъ, что тотъ же шестикрылый серафимъ, во исполненіе Божьей воли, преобразилъ его языкъ въ змѣиное мудрое жало.

Несторъ Котляревскій.

САЛТЫКОВЪ ВЪ ПАМЯТИ ЕГО СОВРЕМЕННИКОВЪ.

Прошло болѣе полувѣка съ тѣхъ поръ, какъ въ русской литературѣ впервые выступилъ «надворный совѣтникъ Щедринъ». Немного осталось людей, живших въ то время сознательною жизнью и помнящихъ это выступленіе. Эффектъ его былъ необычайный. Это было, по нѣмецкому выраженію, das rechte Wort, сказанное zur rechten Stunde. Только-что закончилась восточная война, до тѣхъ поръ безпримѣрная въ русской исторіи по длинному ряду неудачъ. Не всѣми сознавалась, но всѣми чувствовалась ихъ основная причина. Въ постройкѣ, считавшейся образцомъ несокрушимой твердости, обнаружилась цѣлая сѣть трещинъ. Россія, внѣшнее могущество которой было возведено въ предметъ вѣры, оказалась безсильной въ серьезной борьбѣ. И такъ какъ активную роль въ русской жизни игралъ, прежде и больше всего, чиновничій міръ, то особенно рѣзко бросились въ глаза его изъяны. Нельзя сказать, чтобы они оставались незамѣченными и раньше. Въ «Ревизорѣ» и въ «Мертвыхъ Душахъ» былъ приподнятъ край покрывавшей ихъ завѣсы, но зло было освѣщено не во всей его ужасающей полнотѣ; въ лицѣ пріѣзжаго «по особому повелѣнію» или благодѣтельнаго генералъ-губернатора былъ указанъ успокоительный выходъ изъ положеній, сложившихся какъ бы случайно. Ничѣмъ подобнымъ не было смягчено впечатлѣніе, произведенное «Губернскими Очерками». Въ мрачной картинѣ не было свѣтлыхъ точекъ; весь бюрократическій организмъ, съ низшихъ его ступеней до губернскихъ верхушекъ, являлся безнадежно обветшавшимъ и прогнившимъ. «Такъ дальше жить нельзя»—этотъ выводъ напрашивался самъ собою, сливаясь въ одно цѣлое съ возникавшей и крѣпнувшей мыслью о необходимости коренныхъ преобразованій. Напечатанные въ «Русскомъ Вѣстникѣ», нахо-

дившемся тогда въ апогеѣ своего либерализма и своей популярности, «Губернскіе Очерки» служили какъ бы предвѣріемъ къ «похоронамъ прошлыхъ временъ», изображеннымъ въ ихъ заключительной главѣ.

Мы знаемъ теперь со словъ самого Салтыкова, въ какомъ настроеніи застала его разразившаяся надъ нимъ катастрофа. Онъ былъ всецѣло во власти демократическихъ теченій, шедшихъ изъ Франціи сороковыхъ годовъ; Гизо и Тьеръ казались ему личными врагами, болѣе опасными, чѣмъ самъ Дубельтъ. Перенесенный изъ міра грезъ въ глухую русскую провинцію, онъ сохранилъ вѣрность своимъ идеаламъ; новый, тяжелый опытъ, раскрывъ пропасть между ними и отечественною дѣйствительностью, не охладилъ его душевнаго пыла, но показалъ, въ какую сторону должна быть направлена борьба. Картина, имъ нарисованная, вышла поразительною именно потому, что за нею скрывалась вѣра въ лучшее будущее. Накоплявшееся годами, сдерживавшееся общими условіями времени и обстановкой вятскаго плѣна, негодованіе сдѣлало Салтыкова сатирикомъ, какъ сдѣлало имъ когда-то Ювенала. И тѣсно связано было съ негодованіемъ другое чувство: состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ, заложенное въ Салтыковѣ литературными вліяніями—западно-европейскими и русскими,—обостренное тѣмъ, что онъ видѣлъ въ городахъ и селахъ далекаго края. Именно въ это время созрѣло въ немъ глубокое сочувствіе къ «человѣку питающемуся лебедою», созрѣла рѣшимость «не давать въ обиду мужика». Та сложенная изъ людей пирамида, которую изобразилъ молодой мечтатель устами героя «Запутаннаго Дѣла», стала чѣмъ-то реальнымъ въ глазахъ совѣтника вятскаго губернскаго правленія и предопредѣлила, въ значительной степени, не только содержаніе «Губернскихъ Очерковъ», но и все направленіе щедринской сатиры. Ему сталъ милъ «населяющій пески, и болота, и хвойные лѣса людъ, простодушный, слегка унылый, какъ бы задумавшійся надъ рѣшеніемъ какой-то непосильной задачи»; ему стала дорога «бѣдная страна, которую надо любить». Онъ научился внимать «подавленнымъ стонамъ, волной переливающимся изъ края въ край», и проникся непримиримой враждой ко всему, что вызываетъ эти стоны.

Перенесенный изъ глухой окраины въ самый центръ Россіи, Салтыковъ сталъ свидѣтелемъ и участникомъ работы, подготовлявшей и сопровождавшей освобожденіе крестьянъ. Всѣ мрачныя черты крѣпостного права, знакомыя ему еще съ дѣтства, развернулись передъ нимъ въ тотъ самый моментъ, когда дѣла-

лись послѣднія отчаянныя усилія отстоять умирающій порядокъ и начинались попытки сохранить возможно большую часть тѣхъ выгодъ, источникомъ которыхъ оно служило. Не все, написанное или задуманное Салтыковымъ въ это время могло тогда же появиться въ печати; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что видѣнное имъ въ коллективномъ Глуповѣ дало новую пищу взглядамъ, сложившимся у него въ Крутогорскѣ. Ему стала ясна тѣсная связь между бюрократіей и правящимъ сословіемъ, всегда готовымъ не только поддержать, но и вызвать новыя формулы угнетенія народныхъ массъ. Читая «Невинные разсказы» и «Сатиры въ прозѣ», русское общество пріучилось цѣнить по достоинству легенды о безкорыстіи и самоотреченіи дворянства; оно проникалось сознаніемъ, что въ старыхъ мѣхахъ неизбѣжно должно портиться новое вино.

Счастливымъ для русской литературы былъ тотъ день, когда Салтыковъ рѣшилъ навсегда покончить съ государственной службой. Она ничего больше не могла дать ему; благодаря ей, онъ узналъ провинцію, близко присмотрѣлся къ разнымъ сторонамъ общественной и народной жизни. Ему нужна была теперь свобода, нуженъ былъ досугъ, нужна была симпатичная среда, въ которой легко и быстро двигалась бы впередъ его художественная работа. Онъ нашелъ эту среду въ только-что обновившихся тогда (1868) «Отечественныхъ Запискахъ» и отдался всецѣло литературѣ—той литературѣ, которую онъ такъ высоко цѣнилъ и которой былъ такъ горячо преданъ. Широко раздвинулась область его творчества. Въ смѣло задуманной и мастерски исполненной картинѣ прошлаго, названной имъ «Исторіей одного города», отразились, какъ въ зеркалѣ, многія черты настоящаго! Не сразу были оцѣнены тѣ произведенія Салтыкова, которыя, на первый взглядъ, казались направленными противъ новизны, медленно и трудно проникавшей въ жизнь: противъ земскихъ учрежденій, противъ прокуратуры и адвокатуры, противъ газетъ, старавшихся не плыть по теченію. Мало-по-малу, однако, недоразумѣнія исчезали; становилось понятнымъ, что источникомъ нападеній служилъ строгій критерій, съ которымъ подходилъ Салтыковъ къ обсуждаемымъ и осуждаемымъ имъ фактамъ. Слишкомъ большимъ оказывалось различіе между идеальнымъ смысломъ учрежденій и способомъ примѣненія ихъ на практикѣ. Въ той или иной степени это различіе, быть-можетъ, было неизбѣжно; но задача сатирика заключается не въ благодушномъ примиреніи съ дѣйствительностью. «Новый Нарциссъ» не былъ отрицаніемъ истинныхъ задачъ земства; онъ осмѣивалъ только

систематическое и самодовольное сведеніе земской работы къ тѣмъ «мелочамъ», которыя вездѣ и всегда были противны Салтыкову. «Старѣйшая пѣнкоснимательница» казалась ему мелкой и жалкой, потому что онъ смотрѣлъ на нее съ той высоты, достиженіе которой онъ считалъ настоящимъ призваніемъ печати. Дефекты обвиненія и защиты возмущали его какъ пятна на свѣтломъ фонѣ новаго суда. Въ «Дневникѣ провинціала» онъ преслѣдовалъ дворянское прожектерство, съ замѣчательною прозорливостью раскрывая его конечныя цѣли и угадывая его будущія побѣды; въ «Помпадурахъ» и «Ташкентцахъ» онъ изображалъ администраторовъ новой формаціи, въ тѣхъ двухъ главныхъ видахъ, зачатки которыхъ были намѣчены имъ еще въ «Губернскихъ очеркахъ» («Озорники» и «Надорванные»).

Въ половинѣ семидесятыхъ годовъ дарованіе Салтыкова достигло полнаго расцвѣта. Къ этому времени относятся первые наброски фамильной хроники, изъ которыхъ составилась позднѣе потрясающая эпопея «Господъ Головлевыхъ». Такіе этюды, какъ «Столпъ», «Кандидатъ въ столпы», бросили яркій свѣтъ на нарождавшуюся опасность, грозившую новыми тяготами для народной массы. Увѣренною рукою Салтыковъ касался важнѣйшихъ задачъ государственной и общественной жизни. Оффиціально крестьянскій вопросъ считался несуществующимъ, навсегда разрѣшеннымъ; нашествіе Деруновыхъ и Разуваевыхъ являлось наглядным опроверженіемъ близорукаго оптимизма. Писателю было ясно многое, систематически игнорируемое или отрицаемое въ властныхъ сферахъ. Психологъ становился соціологомъ; его наблюденія принимали характеръ предсказаній. Его не хотѣли понимать, не хотѣли слушать; одни видѣли въ немъ только забавника, другіе обвиняли его въ потрясеніи основъ. Въ широкихъ кругахъ общества, однако, онъ цѣнился все выше и выше. На все происходившее вокругъ него онъ отзывался съ одинаковымъ проникновеніемъ въ самую глубь событій. Почти недоступной оставалась для прогрессивной печати та область, въ которой шло тогда наиболѣе интенсивное движеніе: говорить о политической агитаціи можно было только въ безусловно отрицательномъ смыслѣ, закрывая глаза на главныя ея причины и истинный ея характеръ. Такъ относиться къ ней Салтыковъ не могъ и вынужденъ былъ молчать о многомъ, его тревожившемъ и волновавшемъ. И все-таки въ «Непочтительномъ Коронатѣ», въ «Больномъ мѣстѣ» затронуты и освѣщены существенно важныя стороны картины, которая, написанная вполнѣ, могла бы стать достойнымъ вѣнцомъ всей дѣятельности Салтыкова. Съ

яснымъ пониманіемъ революціонно настроенной молодежи онъ соединялъ безпристрастное отношеніе къ тѣмъ ея противникамъ, которые,—какъ Разумовъ въ «Больномъ мѣстѣ»,—считали себя поступающими «по сущей совѣсти». Онъ вносилъ въ сферу ожесточенной борьбы задатки примиренія, свободнаго отъ принципіальныхъ уступокъ; онъ протестовалъ противъ жестокаго требованія: «совсѣмъ порвать», безцѣльно умножавшаго и безъ того огромную сумму душевныхъ мукъ. Ему было понятно и близко всякое искреннее горе—горе отца, безсильнаго смыть свое прошлое, и горе сына, безсильнаго забыть его. Подобно тому, какъ въ одномъ изъ своихъ раннихъ произведеній («Госпожа Падейкова», въ «Сатирахъ въ прозѣ») онъ сумѣлъ возбудить сожалѣніе къ помѣщицѣ, пораженной отмѣною крѣпостного права, онъ изобразилъ съ удивительной силой (въ «Дворянскихъ мелодіяхъ» и «Дворянской хандрѣ») переживанія одного изъ тѣхъ, для кого «не нашлось мѣста ни въ лагерѣ торжествующихъ, ни въ лагерѣ тоскующихъ». Удрученный ужасами жизни, онъ не теряетъ вѣры въ будущее и старается поддержать ее въ объятыхъ отчаяніемъ или малодушнымъ страхомъ. Въ маѣ 1879 г., въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда недовѣріе къ свободному слову обострялось до степени ненависти, онъ печатаетъ хвалебный гимнъ литературѣ; отождествляя ее съ мыслью, онъ признаетъ ее—ее одну—изъятой отъ дѣйствія законовъ тлѣнія и разрушенія. «Литература не умретъ во вѣки вѣковъ!.. Ничто такъ не соприкасается съ идеей о вѣчности, ничто такъ не поясняетъ ее, какъ представленіе о литературѣ... Страна, лишенная литературы, стоитъ внѣ общей міровой связи и привлекаетъ любопытство лишь въ качествѣ диковины».

Восторженная любовь къ литературѣ, наполнявшая всю жизнь Салтыкова, трогательно выраженная въ предсмертномъ письмѣ его къ сыну, была для него источникомъ и радостей, и страданій. Вмѣстѣ съ счастіемъ творчества онъ испытывалъ гнетущую тяжесть стѣсненій, которымъ его подвергала подозрительная и близорукая власть—испытывалъ ее и какъ писатель, и какъ редакторъ журнала, ставшаго для него роднымъ, любимымъ дѣломъ. И все же положеніе его сдѣлалось еще болѣе невыносимымъ, когда были запрещены (весной 1884 года) «Отечественныя Записки». Говоря его словами, вчерашнее его *бытіе* какимъ-то волшебствомъ сегодня превратилось въ *небытіе*. Онъ не могъ примириться съ прекращеніемъ привычной работы, въ плодотворность которой глубоко вѣрилъ. «Писательское ремесло» онъ называлъ «душевнымъ адомъ»; онъ зналъ,

что «капля по каплѣ сочится писательская кровь, прежде нежели попасть подъ печатный станокъ»,—но, оставшись безъ «ремесла», онъ почувствовалъ себя еще болѣе несчастнымъ. Лишенный дорогой ему обстановки, снѣдаемый цѣлымъ рядомъ мучительныхъ недуговъ, онъ не выпускалъ изъ рукъ пера, сократившаго его жизнь, но доставившаго ему неувядаемую славу. Его письма за это время, недавно появившіяся въ печати,—настоящіе стоны физической боли и душевной тоски. Поистинѣ поразительна сила воли, все преодолѣвавшая, чтобы дать выходъ наболѣвшей мысли и накипѣвшему чувству. Ничего не поддерживало, ничего не ободряло медленно угасавшаго сатирика: пріобрѣтенія эпохи, съ которой совпадали лучшіе его годы, рушились одно за другимъ, впереди виднѣлись новыя потери. За лозунгомъ: «надо погодить» слѣдовали другіе еще менѣе утѣшительные. Наступилъ и безконечно длился періодъ «приказательнаго чревовѣщанія», «односторонняго боя», направленнаго къ «упраздненію человѣческой мысли». И орудіемъ этого боя стала, между прочимъ, печать. Когда-то слова: «печать—сила» вызывали въ Салтыковѣ умиленіе и надежду; они «поднимали его духъ и наполняли его сердце сладостною тревогою». Теперь они повторяются «Непомнящими», извнѣ заимствующими подобіе, видимость вліянія. Торжествуютъ «мелочи жизни», давнишній предметъ ненависти и отвращенія Салтыкова. Сборникъ этого имени (послѣдній, по времени, передъ заключительнымъ аккордомъ—„Пошехонской стариной») оканчивается глубоко-скорбными думами Имярека. „Онъ чувствуетъ, что сердце его горитъ и что онъ пришелъ къ цѣли поисковъ всей жизни, что только теперь его мысль установилась на стезю правды. Онъ простираетъ руки, ищетъ отклика, онъ жаждетъ идти и возглашать... И сознается, что сзади у него нависъ ворохъ крохъ и мелочей, а впереди—ничего, кромѣ одиночества и оброшенности».

Мы знаемъ теперь, что Имярекъ ошибался. Оброшеннымъ и одинокимъ онъ не былъ; «читателей-друзей», которыхъ онъ не видѣлъ вокругъ себя, у него на самомъ дѣлѣ было немало—но условія русской жизни скрывали ихъ отъ него, и ему могло казаться, что слово его прозвучало безслѣдно. Тѣмъ удивительнѣе энергія, благодаря которой именно въ это время могли быть созданы «Сказки», исполненныя поэзіи и правды, могла быть написана такая яркая картина прошлаго, какъ «Пошехонская Старина». Уходить въ область своеобразнаго «волшебства», на самомъ дѣлѣ близко соприкасающуюся съ дѣйствительностью, но дающую новыя краски для ея изображенія, новые пути для ея

пониманія, Салтыковъ любилъ и раньше; достаточно вспомнить написанные имъ еще въ 1899 г. разсказы «для дѣтей» («Повѣсть о томъ, какъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ», «Пропала совѣсть», «Дикій помѣщикъ»); теперь на склонѣ лѣтъ онъ сталъ возвращаться къ ней все чаще и чаще. «Коняга», «Премудрый пискарь», «Карась-идеалистъ», «Баранъ-Непомнящій», «Бѣдный волкъ», «Самоотверженный заяцъ»—эти «стихотворенія въ прозѣ» были бы достаточны для того, чтобы обезсмертить имя Салтыкова. Яснѣе чѣмъ гдѣ-либо проявился здѣсь художникъ, какимъ никогда не переставалъ быть Салтыковъ, и съ особой силой выступили на свѣтъ его задушевныя мысли. «Пошехонская старина»—не только краснорѣчивый протестъ противъ идеализаціи крѣпостного права, именно тогда начинавшей входить въ моду—(и возобновившейся въ наше время),—не только единственная въ своемъ родѣ портретная галлерея рабовъ и рабовладѣльцевъ, но и драгоцѣнный матеріалъ для исторіи духовнаго развитія самого Салтыкова: припомнимъ разсказъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него въ дѣтствѣ чтеніемъ евангелія. Во всей русской литературѣ немного найдется страницъ, которыя превосходили бы, по поэтической прелести и внутренней силѣ, описаніе послѣднихъ минутъ Аннушки или Сатира скитальца... И дописавъ «Пошехонскую старину», Салтыковъ не считалъ еще свою задачу окончательно исполненною: только смерть помѣшала ему назвать тѣ «забытыя слова», которыми онъ хотѣлъ разбудить дремавшую общественную совѣсть. Но угадать ихъ нетрудно, они слышатся во всемъ, что написалъ Салтыковъ, и вѣрно воспроизведены въ стихотвореніи, которое имъ посвятилъ близкій имъ по духу поэтъ—Алексѣй Жемчужниковъ... И какъ ни велика безнадежность, которою проникнуты послѣднія строки, написанныя рукою Салтыкова, полною и постоянною она быть не могла: умирающій писатель не могъ не сознавать, въ сравнительно спокойныя и свѣтлыя минуты,—какъ много сдѣлано имъ для конечнаго торжества идей, скрывающихся за иногда забываемыми, но не поддающимися продолжительному забвенію словами....

К. Арсеньевъ.

ПИСЬМО ИЗЪ СОФІИ.

...Балканская весна, вся въ блескѣ южнаго солнца и въ радостной, глубокой синевѣ безоблачнаго неба, побѣдно идетъ на смѣну неохотно и медленно уползающей зимѣ! Еще въ ущельяхъ, живописными вершинами заслонившихъ полъ-горизонта высокихъ горъ, задержались на время снѣжные сугробы, и холодныя зимнія тѣни летятъ тамъ, къ вечеру постепенно удлиняясь... Но внизу уже все весело, все смѣется, все цвѣтетъ. Нѣжные абрикосы, персики, вишневыя деревья—одни, точно обсыпанные сверху розовой пудрой, другіе, какъ опушенные только-что выпавшимъ инеемъ, стоятъ и прозрачно искрятся подъ весенними, солнечными лучами. Повсюду стаялъ снѣгъ, обнажилась дымящаяся по утрамъ черная земля, и вмѣстѣ съ ней упорно обнажились и нанесенныя войной, лишь временно покрытыя снѣжной пеленой усталости и безразличнаго оцѣпенѣнья, но не забытыя еще и не зажившія мучительныя раны!

Какъ будто сняли невидимой рукой саванъ смерти съ такъ обильно орошенныхъ человѣческой кровью безконечныхъ полей. Открылись тутъ и тамъ еще не убранные, въ безпорядкѣ разбросанные трупы, снова видными стали въ своей ужасной тишинѣ безмолвныя развалины на мѣстѣ прежнихъ шумныхъ городовъ — безобразныя груды обгорѣлаго кирпича, тамъ, гдѣ только недавно еще все было полно жизни и движенья. Оглянувшись сейчасъ вокругъ себя, въ этотъ ясный и свѣтлый весенній день, можно увидѣть повсюду слезы, кровь и раззоренье; прислушившись, можно услышать со всѣхъ сторонъ лишь задушенныя проклятія и стоны... Таковъ—въ настоящій моментъ не прикрашенный благожелательнымъ политическимъ оптимизмомъ «реальный» балканскій пейзажъ, такова въ этомъ году балканская весна—первая весна послѣ такъ долго жданнаго и, наконецъ, достигнутаго «освобожденья» изъ-подъ 500 лѣтняго турецкаго ига!

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что это самое «иго»,

противъ котораго было пролито столько крови, а въ послѣднее время и чернилъ,—въ сравненьи съ нынѣшнимъ положеньемъ дѣлъ въ «освобожденной» Македоніи—пріятное, «доброе, старое время», способное вызывать даже сожалѣнья о своемъ внезапномъ и насильственномъ исчезновеньи. Правда, при туркахъ убивали, грабили, раззоряли ничуть не меньше, чѣмъ сейчасъ, но этотъ грабежъ и это раззоренье были бѣдствіями скорѣе стихійнаго характера, нѣчто въ родѣ эпидеміи, града и землетрясенья. Избѣжать ихъ не было почти никакой возможности, но разъ уже избѣгнувъ или претерпѣвъ, по крайней мѣрѣ, можно было жить болѣе или менѣе спокойно, хотя и подъ висящимъ и ежеминутно угрожающимъ Дамокловымъ мечемъ. Но теперь—весь ужасъ прежней рабской жизни, ея грозящія всѣмъ и каждому матерьяльнаго характера катастрофы остались безо всякихъ измѣненій. Прибавился еще новый ужасъ только-что созданной, яко бы «свободной» жизни съ ея новыми катастрофами, но уже моральнаго свойства. Вчера убивали только тѣло, предоставляя душѣ дѣлать, что ей угодно; сегодня, убивая тѣло, стремятся и душу заковать въ рабскіе кандалы: хотятъ, чтобы убиваемый во всемъ былъ согласенъ и солидаренъ со своимъ убійцей.

Какъ удивительно быстро догорѣли всѣ эти торжественные факелы и плошки патріотической иллюминаціи, зажженной на фасадѣ печальной памяти Балканскаго союза! Какъ скоро отъ всѣхъ этихъ красивыхъ, звонкихъ фразъ остались одни лишь жалкіе, ни малѣйшей обще-человѣческой идеей не объединенные обрывки ненужныхъ словъ, на поляхъ сраженій и на мѣстахъ завязавшейся борьбы уже окончательно превратившіеся въ звѣриное рычанье.

Помню, какъ внезапно, съ грубой откровенностью передо мной была сорвана идеалистическая «освободительная» вуаль съ только-что тогда начавшейся балканской войны, и во весь ростъ, во всей своей безобразной, циничной наготѣ появилась ея истинная сущность. Насъ, десятокъ—полтора иностранныхъ корреспондентовъ, попавшихъ въ своего рода военный плѣнъ къ главному штабу сербской арміи, снова, какъ всегда, собрали въ тѣсной, грязной, заплеванной, похожей на прихожую полицейскаго участка комнатѣ «Bureau de la Presse» для объявленья послѣднихъ новостей съ такъ называемаго «театра военныхъ дѣйствій»... Несмотря на то, что фактически мы были именно на этомъ самомъ «театрѣ», ибо вокругъ насъ шелъ повсюду бой, лилась изобильно человѣческая кровь—свѣдѣнія о происходящемъ намъ передавались только и исключительно изъ устъ неотступно бдящихъ и надзирающихъ за нашимъ поведеньемъ военныхъ цензоровъ, большею частью болгарскихъ журналистовъ и адвокатовъ, переряженныхъ въ сѣрыя шинели, но уклоняющихся отъ чести «лечь костьми за освобожденье братьевъ».

— Благодаря помощи Всевышняго, — помню, начиналось это новое «оффиціальное сообщеніе», — христіанской славный крестъ опять одержалъ надъ нечестивымъ полумѣсяцемъ блестящую побѣду!..—

Дальше шло длиннѣйшее описаніе кровавой схватки при одномъ изъ маленькихъ македонскихъ мѣстечекъ, возвышенностью стиля и яркостью изображенья ничуть не уступающее знаменитой подписи подъ россійкой лубочной картинкой: «Турки валятся какъ чурки, а наши безъ головъ стоятъ, да трубочки покуриваютъ!..» Въ концѣ выражалась твердая увѣренность въ немедленномъ прекращеніи военныхъ дѣйствій въ виду непрестанныхъ сербскихъ побѣдъ и по случаю принесенія покорности со стороны главныхъ шефовъ албанскихъ племенъ, изъ которыхъ самый извѣстный и знаменитый Идриссъ Сеферъ сегодня въ качествѣ заложника будетъ привезенъ въ Ускюбъ.

Отправивъ обо всемъ вышеизложенномъ трижды перечитанную и лишь послѣ долгаго подозрительнаго разглядыванья врученную мнѣ обратно цензоромъ телеграмму, я пошелъ посмотрѣть на заложниковъ албанцевъ и на ихъ перешедшаго на сербскую сторону вождя. На ускюбскомъ грязномъ и маленькомъ вокзалѣ, сплошь заполненномъ теперь непрерывно движущейся, однообразной толпой вооруженныхъ сербскихъ солдатъ въ ихъ, похожихъ на наши арестантскія, сѣрыхъ курткахъ и круглыхъ шапкахъ, возлѣ поѣзда изъ двухъ-трехъ товарныхъ вагоновъ и малосильнаго, еле шипящаго отъ дряхлости, крохотнаго паровоза, стояло все мѣстное военное начальство съ комендантомъ города во главѣ. Въ ихъ кругу невысокій, сухощавый старикъ въ чалмѣ и съ хитро бѣгающими по сторонамъ маленькими глазками поглаживалъ свою острую, сѣдую бороду, притворяясь, что не замѣчаетъ, какъ всѣ смотрятъ на него съ настойчивымъ и жаднымъ любопытствомъ. Это и былъ знаменитый Идриссъ Сеферъ—сперва обыкновенный разбойникъ на большой дорогѣ, послѣ взысканный милостями Абдулъ Гамида «снахія» (всадникъ) надъ албанцами и христіанами ускюбскаго вилайета и, наконецъ,—почетный заложникъ побѣдоносныхъ сербскихъ войскъ по собственному своему добровольному желанью.

Неподалеку, сбившись въ кучу, унылымъ и угрюмымъ стадомъ толпились только-что привезенные съ тѣмъ же поѣздомъ плѣнники-албанцы. Оборванные, въ ужасающихъ лохмотьяхъ, они стояли, низко опустивъ у многихъ перевязанныя, съ выступившей и вновь запекшейся кровью бритыя головы; на загорѣлыхъ дикихъ физіономіяхъ не выражалось ровно ничего, кромѣ тупой покорности и безразличнаго фатализма... Внезапно по ихъ рядамъ началось и сей-

часъ же, чуть всколыхнувшись, замерло едва замѣтное, но жуткое движеніе. Какой-то плѣнникъ, совсѣмъ еще мальчикъ съ виду—лѣтъ 16—17 не больше—полюбопытствовавъ взглянуть на Идриссъ Сефера, немного высунулся изъ толпы. Немедленно подскочившій къ нему сербскій солдатъ, тощій, маленькій, съ заплетающимися полами не по росту громадной шинели, съ перекошеннымъ злобой незначительнымъ лицомъ, съ размаху ударилъ его прикладомъ въ грудь. Молодой албанецъ пошатнулся и бросился въ толпу. Солдатъ погнался за нимъ. Еще послышались глухіе, короткіе удары. Потомъ какой-то противный, странный хрястъ. Черезъ секунду солдатъ, тяжело дыша, и не глядя ни на кого воротился на свое мѣсто,—а два вокзальныхъ служителя, тоже теперь въ военныхъ формахъ—куда-то понесли безсильно распростертое, съ неподвижно болтающимися руками тѣло...

На слѣдующее утро, сѣрое, безотрадное зимнее утро, когда и плескъ неумолчно скачущаго по камнямъ Вардара подъ окномъ, и монотонное постукиваніе дождевыхъ капель объ оконныя стекла были проникнуты, казалось, однимъ и тѣмъ же настроеніемъ тоскливаго отвращенія ко всему окружающему и холодной скуки—я услышалъ неподалеку отъ моей квартиры внезапно и рѣзко оборвавшійся въ туманномъ воздухѣ ружейный залпъ. Немного спустя залпъ повторился. Потомъ еще и еще...

— Ужасъ какой! Они сейчасъ плѣнныхъ албанцевъ на сосѣднемъ пустырѣ разстрѣливаютъ!—съ невольной дрожью въ голосѣ сказалъ вошедшій въ комнату мой товарищъ, съ которымъ вмѣстѣ мы попали на эту «освободительную» войну. Я только-что оттуда.

За окномъ наступила тишина.

Идя въ цензуру, я столкнулся съ однимъ изъ новыхъ своихъ знакомыхъ, который самъ мнѣ отрекомендовался еще въ поѣздѣ, какъ герой Куманова и многихъ другихъ кровопролитныхъ сраженій. Но, къ сожалѣнью, тамъ же въ поѣздѣ мнѣ пришлось узнать, что геройство его ограничилось лишь присутствіемъ во всѣхъ этихъ бояхъ при канцеляріи главнаго штаба, километрахъ обычно въ 20—30 отъ того мѣста, гдѣ свищутъ пули, рвется, брызгая огненнымъ дождемъ, шрапнель и умираютъ настоящіе, но неизвѣстные никому и незамѣтные герои.

— Усталъ, знаете, какъ собака, — покручивая свои рыжіе усики, заявилъ мнѣ онъ весьма самодовольнымъ тономъ.—Вчера въ отелѣ у Турати засидѣлись въ компаніи. Потомъ... гм... нашелъ тутъ я одну... А сегодня чуть свѣтъ уже въ военной комиссіи... Я вотъ забылъ сказать, что еще третьяго дня получилъ назначенье

военнымъ прокуроромъ... Подчищаемъ теперь македонскую этнографію... Подчищаемъ!.. Съ албанцами и всей здѣшней прочей публикой иначе, знаете ли, нельзя. Для этихъ мѣдныхъ лбовъ — маузеровская пуля единственный аргументъ.

И попрощавшись со мной съ любезной улыбкой, гремя саблей по камнямъ ускюбской мостовой, онъ продолжалъ свой путь съ вызывающе-побѣдоноснымъ видомъ.

Посмотримъ теперь, что дѣлаютъ такіе же, какъ этотъ мой ускюбскій знакомый, «освободители порабощенной Македоніи» въ теперь уже принадлежащей имъ по бухарестскому договору «освобожденной» странѣ и какую «истинно христіанскую культуру» они успѣли внести въ нее за истекшій годъ со времени окончанія войны вмѣсто прежней «турецкой дикости, анархіи и разложенья»?... Для этой цѣли стоитъ лишь раскрыть наудачу любой изъ номеровъ болгарскихъ газетъ, безразлично какого направленья. Много, конечно, печатается въ нихъ преувеличеннаго, раздутаго болѣзненно напряженнымъ и оскорбленнымъ неудачей національнымъ самолюбіемъ, многое просто выдумано съ цѣлью «обратить вниманіе Европы», но и четверти того, о чемъ приходится слышать и что приходится читать въ буквальномъ смыслѣ слова ежедневно, достаточно для представленья о творимомъ въ Македоніи ужасѣ «новой и свободной жизни»...

— Въ борьбѣ противъ всего болгарскаго,—пишетъ въ № 345 «Софійскаго Утра» какой-то безымянный его корреспондентъ въ статьѣ съ весьма многозначительнымъ заглавіемъ—«Адъ въ Македоніи», — сербы проявляютъ рѣдкую энергію. Никогда еще наша рабская земля не была такъ обезлюдена, какъ нынче. Кумановскій округъ, который сербы искони считали за свой главный оплотъ,—потопленъ въ крови. Здѣсь скоро исчезнетъ всякое воспоминанье о болгарахъ. За послѣднее время арестованы и избиты—въ селѣ Живине 35 душъ болгаръ, въ селѣ Павлетенци 3 души, въ селѣ Станевцѣ—7 душъ и т. д. Статистика продолжается, съ эпическимъ спокойствіемъ—сухія цифры мелькаютъ одна за другой, глазъ утомляется, вниманье привыкаетъ—и скоро всѣ эти безконечно продолжающіяся сообщенья о «Георгіи Димовѣ, корчмарѣ и еще двухъ съ нимъ, которые были арестованы и жестоко избиты»—начинаютъ казаться чѣмъ-то тоже «статистическимъ», отвлеченнымъ и далекимъ. Привычный ко всему «нашъ корреспондентъ» продолжаетъ такъ же покорно и безстрастно перечислять имена, фамиліи, родъ занятій подвернувшихся подъ руку «освободителямъ»

болгарскихъ жертвъ новаго строя. Только дойдя до цифры 82—онъ позволяетъ себѣ прежнее возмущенное восклицанье: никогда еще ничего подобнаго не бывало въ нашей рабской землѣ!.. Эта цифра 82 огнемъ позора должна быть выжжена на тѣхъ, кто несетъ съ собой сейчасъ въ глубь Македоніи «христіанскую цивилизацію и европейскую культуру»—ибо, «только въ одномъ Монастырѣ было изнасиловано сербами 82 болгарскихъ дѣвушки»—какъ скромно исчисляетъ анонимный и, вѣроятно, то же ежеминутно готовящійся попасть въ число битыхъ и ограбленныхъ «нашъ корреспондентъ».

Въ номерѣ отъ 20 марта все того же «Утра» мы видимъ уже свидѣтельство «съ противуположной стороны». Пишетъ врагъ Болгаріи—сербскій союзникъ—грекъ изъ македонскаго мѣстечка Гевгели въ аѳинскую газету «Акрополисъ», и софійская газета приводитъ его письмо въ болгарскомъ переводѣ:

— Теперь наши греческія училища стоятъ затворенными; на наши церкви тоже уже начали посматривать косо, собираясь ихъ закрыть, и говорятъ открыто: или будьте сербами, или убирайтесь отсюда на всѣ четыре стороны! Наши именитые граждане принуждены были подписать документъ, въ которомъ говорится, что употребляемый въ семьяхъ языкъ не греческій и т. д. Священники наши должны теперь изучать сербскій языкъ, а митрополита нашего давно уже считаютъ главнымъ подстрекателемъ повстанцевъ и бунтовщиковъ. Положеніе въ селахъ тоже не розовое: всякое сказанное греческое слово наказывается однимъ динаромъ штрафа. Бывали случаи, когда многихъ крестьянъ избивали на улицѣ за то, что они здоровались между собой по-гречески. Но помимо всего этого насъ обложили непосильными податями и поборами; земледѣліе у насъ совсѣмъ пропало—нѣтъ ни орудій, ни скота—купить ихъ не на что и обратиться не къ кому.

Корреспонденція кончается безнадежнымъ восклицаніемъ:—Во имя Божіе обращаемъ къ вамъ наши глаза, полные слезъ, и заявляемъ вамъ—скоро днемъ съ огнемъ вы не отыщете больше ни одного грека въ сербской Македоніи!..

Но порабощенные союзниками въ одномъ мѣстѣ греки въ другомъ, гдѣ сами чувствуютъ себя хозяевами положенья, стремятся аналогичными же мѣрами внѣдрить въ сознанье своихъ новыхъ гражданъ «великую эллинскую идею»...

— Въ Салоникахъ,—сообщаютъ въ болгарское министерство иностранныхъ дѣлъ, — тайная и явная полиція, четники и агенты патріарха всецѣло заняты сейчасъ заботой, какъ принудить послѣднія уцѣлѣвшія здѣсь и уже немногочисленныя болгарскія семейства объявить себя греками, перейти въ лоно «истинной христовой па-

тріаршей церкви», посылать дѣтей въ греческія училища и т. д. Для этой цѣли полиція и агенты обходятъ всѣ дома, давая обитателямъ ихъ разные сроки «на размышленье» и предупреждая: если не станете греками, въ 24 часа всѣ будете выброшены отсюда вонъ.

Софійское «Bureau de la Presse» приводитъ слѣдующія выдержки изъ одного частнаго письма:

— Преслѣдованія и звѣрства грековъ доходятъ до сумасшествія. 24 марта греческій жандармъ въ компаніи съ нѣсколькими солдатами явился въ пограничное село Мачуково и арестовалъ болгарскихъ крестьянъ: Христо Тошева, Гелибешева, Григора Мицева и Георгія Николаева. Всѣ они были избиты смертнымъ боемъ и сейчасъ еще лежатъ. А нѣсколько дней тому назадъ Иванъ Пержолковъ былъ схваченъ греческими пограничными солдатами, и до сихъ поръ никто ничего о немъ не знаетъ!..

Мотивомъ всѣхъ этихъ обысковъ, насилій, избіеній и т. д. служитъ обыкновенно традиціонный «заговоръ противъ существующаго строя», во-время, разумѣется, раскрытый бдительнымъ полицейскимъ окомъ и «въ моментъ преступленія» уже обезвреженный рукой сербскаго, или греческаго — жандарма. Постоянно, яко бы, находимые у предполагаемыхъ преступниковъ склады бомбъ и всевозможнаго огнестрѣльнаго оружія еще болѣе усиливаютъ рвеніе полиціи, съ одной стороны, и стѣсненья со стороны начальства мѣстныхъ жителей, съ другой. Доходитъ даже до того, что во многихъ мѣстахъ сербской Македоніи, какъ напримѣръ въ Битольскомъ (Монастырскомъ) округѣ, крестьяне не имѣютъ права отлучиться изъ села безъ спеціальной, такъ называемой «дозволы». Эта «дозвола», впрочемъ, выдается всякому и каждому за опредѣленное денежное вознагражденье, являясь такимъ образомъ новой формой «непосредственнаго обложенья» населенья.

Насчетъ послѣдняго, кажется, всѣ существующіе до сихъ поръ рекорды побиты все въ томъ же Битольскомъ округѣ предпріимчивымъ начальникомъ новаго сербскаго управленья. Въ сообщеньи болгарскому министру иностранныхъ дѣлъ отъ 18 марта говорится буквально слѣдующее:

— Первой заботой сербскихъ властей явилось ограбленіе населенья подъ самыми разновидными формами и предлогами... Напримѣръ, предпринято яко бы измѣреніе полей, огородовъ и т. д., при чемъ за каждый «дюлюмъ» (македонская турецкая мѣра) взимается съ собственника по пяти динаровъ. Большія суммы вымогаются у населенья подъ предлогомъ «добровольныхъ пожертвованій», которыя на самомъ дѣлѣ собираются насильно...

Штрафованье подъ самыми малѣйшими предлогами превращено

въ систему. Если не отправишь ребенка въ сербское училище, хотя бы ребенокъ и былъ тяжко боленъ—штрафъ! Не пойдешь въ церковь—штрафъ! Не посѣтишь собранья, созваннаго по какому-нибудь случаю сербскими властями—опять штрафъ! и т. д. Особенно много денегъ вытягиваютъ сербскіе чиновники отъ мало-мальски состоятельныхъ гражданъ подъ угрозой, что возьмутъ ихъ сыновей въ солдаты. А подати вообще чрезвычайно тяжелы и несоразмѣрны съ податными силами населенья. Торговля находится въ полномъ застоѣ; всѣ только и думаютъ, какъ бы убѣжать!..

При такомъ положеньи, разумѣется, и болгары тоже стараются не оставаться въ долгу у своихъ «освободителей» и мстятъ имъ на каждомъ шагу, при каждомъ удобномъ случаѣ и зачастую дико и безпощадно.

Слѣдующее письмо изъ села Зелениче Леринскаго округа въ болгарскую газету «Свобода», издающуюся въ Чикаго, ярко рисуетъ картину современной жизни въ Македоніи и душевное настроенье живущихъ тамъ болгаръ:

— Прекрасный воскресный день. Молодой Доне Пулевъ только-что обвѣнчался съ дочерью извѣстнаго грекомана Вангелова. Рѣкой лились вино и «ракія». Опьянѣвшая толпа гостей пѣла пѣсни о греческой славѣ и ругалась и издѣвалась надъ всѣмъ болгарскимъ... Недалеко оттуда жилъ Михаилъ Которкинъ, молодой человѣкъ, лѣтъ 27—28—бывшій македонскій революціонеръ. Съ болью на сердцѣ слушалъ онъ, какъ безстыдно греки ругали болгаръ, тѣ самые греки, за которыхъ онъ не разъ въ бояхъ рисковалъ своей жизнью! Въ его памяти воскресла вдругъ фигура его брата, геройской смертью погибнувшаго въ возстанье 1903 года, и онъ рѣшилъ отомстить за все. Схвативъ ружье, онъ бросился, какъ сумасшедшій, къ тѣмъ, кто танцовали свадебное «хоро»... Его пытались остановить отецъ мать и двѣ племянницы, но онъ съ возгласами—расплата!..—ранилъ ихъ и, вырвавшись, убѣжалъ... Началось отомщеніе. Первымъ же выстрѣломъ былъ убитъ полицейскій стражникъ. Убиты двѣ женщины—Гора и Тошевица, предавшія туркамъ въ 1903 году его брата. Тяжело ранены три грекомана Стефо, Дори и Андрей и ихъ племянницы. Погнавшіеся за нимъ греки послѣ двухъ-трехъ выстрѣловъ повернули обратно, а онъ безслѣдно исчезъ въ лѣсу. Но увы! утомленный онъ пришелъ на слѣдующій день въ село Любетинъ попросить гостепріимства у своего друга, и тамъ его спящаго обезоружили и передали греческимъ властямъ.

Но если перенестись на другую сторону Балканскаго полуострова изъ порабощенной вновь и снова залитой слезами и кровью Македоніи въ край, недавно еще считавшійся по справедливости

«житницей болгарской земли», въ отнятую румынами послѣ ихъ славнаго нашествія на безоружныхъ болгарскихъ стариковъ, женщинъ и дѣтей Добруджу, тамъ опять то же самое—тѣ же знакомыя «обще-балканскія» картины!

Вотъ что заявляетъ добруджанское общество національной культуры въ отвѣтъ на бесѣду румынскаго премьера Токе Іонеску съ сотрудникомъ агентства Рейтера о положеніи болгаръ подъ новой румынской властью:

Добруджанское населенье поставлено теперь подъ режимъ полнѣйшаго гражданскаго и политическаго безправія. Широкія конституціонныя свободы, которыми это населенье пользовалось при болгарскомъ управленьи, совершенно уничтожены. Румынское правительство лишило своихъ новыхъ подданныхъ свободы школы и вѣроисповѣданія, отмѣнило свободу печати и собраній, закрыло окружные совѣты, уничтожило общинное самоуправленье, отняло право у добруджанцевъ посылать своихъ представителей въ парламентъ. 280 болгарскихъ училищъ закрыты, имущества ихъ конфискованы, учебные предметы и пособія разбросаны и уничтожены и помѣщенія незаконно присвоены румынскими властями, 484 болгарскихъ учителя грубыми полицейскими мѣрами выдворены изъ своихъ мѣстъ. Около 20,000 болгарскихъ дѣтей насильно заставили поступить въ румынскія училища.

Румынскія духовныя власти насилуютъ совѣсть добруджанскихъ болгаръ, принуждая ихъ отказываться отъ болгарской схизмы. Болгарскихъ священниковъ преслѣдуютъ, арестуютъ и изгоняютъ. Богослуженье на славянскомъ языкѣ запрещено въ болгарскихъ церквахъ и, кромѣ того, румынское правительство требуетъ теперь отъ прихожанъ болгаръ, чтобы они были всѣ приписаны къ различнымъ румынскимъ церквамъ. А между тѣмъ большинство населенья здѣсь совсѣмъ не румынское, что̀ видно изъ послѣдней переписи самихъ же румынскихъ властей въ концѣ 1913 года. Изъ этой переписи выяснилось, что въ Добруджѣ турокъ и татаръ—46,7%, болгаръ—44,3% а румынъ всего лишь 2,4%, общаго числа жителей въ 307,618 человѣкъ...

— Не свободу и культуру,—заключаетъ мемуаръ Добруджанскаго Общества,—а рабство и насильничество принесло къ намъ румынское владычество въ Добруджѣ!..

Таковы краткіе итоги столь блистательно начавшейся и столь позорно, въ безобразной, взаимной дракѣ закончившейся балканской союзнической и освободительной войны. Повсюду гнетъ, насиліе, произволъ и кровь; кровь безъ конца и краю. Культультрегегры изъ бѣлградскихъ, аѳинскихъ и бухарестскихъ канцелярій, опираясь на

сверкающіе за ними солдатскіе штыки, несутъ въ «освобожденныя земли новую жизнь» такъ, какъ они ее понимаютъ въ своемъ націоналистическомъ узкомъ и самодовольномъ ослѣпленьи...

Балканскій узелъ вѣками назрѣвавшихъ историческихъ и національныхъ противорѣчій не былъ разрубленъ внезапно, какъ молнія, вспыхнувшей балканской войной, а только еще глубже, мучительнѣе и больнѣе затянулся. Но такъ или иначе, а въ ближайшемъ будущемъ его все же придется развязать. Какимъ образомъ возможно это сдѣлать?—покажутъ событія, быть-можетъ, даже завтрашняго дня, а сегодня необходимо лишь констатировать одно: вмѣстѣ съ кровавой памяти 1913 годомъ на Балканскомъ полуостровѣ не ушли и не исчезли связанные съ нимъ кошмарные призраки и тѣни. Они по-прежнему стоятъ неподвижно все на тѣхъ же прежнихъ мѣстахъ; тѣмъ же тусклымъ холодомъ вѣетъ отъ нихъ въ сіяньи этой южной распускающейся весны; тѣ же ужасы злобы, ненависти и мщенья готовятъ они, дожидаясь новаго своего часа, ибо, если сѣявшій вѣтеръ,—пожнетъ бурю,—то что же долженъ пожать теперь тотъ, кто обильной рукой распространилъ вокругъ себя только слезы, кровь и раззоренье?..

А. Деренталь.

ОРГАНИЗАЦІЯ ВОДНАГО ХОЗЯЙСТВА ВЪ ТУРКЕСТАНѢ.

(По поводу законопроекта о водопользованіи въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ) [1]).

I.

Для Туркестана, котораго земледѣльческая культура, особенно такихъ цѣнныхъ растеній, какъ хлопокъ, рисъ, виноградъ немыслима безъ искусственнаго орошенія, вопросъ о водопользованіи имѣетъ первенствующее значеніе. Необходимость искусственнаго орошенія обусловливается здѣсь климатомъ, отличитель-

[1]) Помѣщая статью г. Шкапскаго въ виду важнаго значенія разсматриваемаго имъ вопроса и интереснаго освѣщенія его, редакція считаетъ необходимымъ заявить, что она не раздѣляетъ мысли о недопустимости признанія за государствомъ верховнаго права на воду въ Туркестанѣ. Мы полагаемъ, что только при условіи признанія этого принципа осуществимы предлагаемыя авторомъ положенія воднаго законодательства, въ общемъ заслуживающія полнаго сочувствія. *Ред.*

ными чертами котораго являются малое количество атмосферныхъ осадковъ и продолжительность вегетативнаго періода, протекающаго при минимумѣ этихъ осадковъ.

Значеніе воды, какъ фактора, оживляющаго пустыню, можно оцѣнить, если совершить лѣтомъ небольшую экскурсію на границу оазиса. Тамъ, гдѣ проведена сѣть ирригаціонныхъ каналовъ, повсюду зеленѣютъ квадраты различныхъ культуръ съ разбросанными среди нихъ осѣдлыми поселеніями, кутающимися въ зелени садовъ, и съ протянутыми, какъ нити, рядами деревьевъ, посаженныхъ по берегамъ оросительныхъ каналовъ. Эти въ различныхъ направленіяхъ пересѣкающія культурную площадь нити то состоятъ изъ ряда блѣдно-зеленыхъ тополей, стройно поднимающихъ свои вершины, то изъ темно-зеленыхъ шарообразныхъ кущъ чернотала, то изъ ряда бѣлой шелковицы съ искривленными отъ частой подрѣзки для корма шелковичныхъ червей вѣтками. Всюду среди этой зелени видна жизнь. Но стоитъ только выѣхать за границу оазиса, какъ ландшафтъ рѣзко мѣняется. Тотъ же лессъ окружаетъ оазисъ, но какая разница! Выжженная лѣтнимъ зноемъ растительность заставляетъ забыть о лѣтѣ, порѣ расцвѣта всякой растительности. Мертво и монотонно кругомъ, и это сѣрое однообразіе нарушается лишь рѣдко разбросанными кустами каперсника съ его ползучими длинными стеблями, матово-зелеными крупными листьями, да причудливыми крупными бѣлыми цвѣтами съ широко развернувшимися вѣнчиками и пучками бѣлыхъ нитей тычинокъ. Проѣзжая по окраинамъ оазиса, трудно примириться съ мыслью, что все различіе между лессовой пустыней и оазисомъ обусловливается лишь обиліемъ воды въ послѣднемъ; до того рѣзокъ контрастъ между культурнымъ оазисомъ и этой выжженной солнцемъ пустыней. Но за то, когда поймешь причину различія,—укрѣпляешься вѣрой въ силу и мощь человѣка, внесшаго такое измѣненіе ландшафта.

Вода для земледѣлія въ Туркестанѣ является источникомъ жизни, а потому она должна служить каждому земледѣльцу, не принадлежа въ частности ни одному изъ нихъ, пока вода течетъ въ рѣкѣ или арыкѣ (такъ называютъ въ Туркестанѣ ирригаціонные каналы). Только выведенная на поля для орошенія она является предметомъ частнаго обладанія, да и то только въ размѣрѣ, необходимомъ для воздѣлываемыхъ растеній. И если послѣ орошенія полей получится остатокъ воды, стекающей по арыку за границей владѣнія земледѣльца, то остатокъ этотъ снова перестаетъ быть объектомъ частнаго права и становится общественнымъ достояніемъ, которымъ можетъ воспользоваться другой земледѣлецъ. Подобно тому, какъ свѣтъ и воздухъ нужны всѣмъ, а потому не могутъ при-

надлежать никому въ частности, такъ и вода въ ирригаціонномъ каналѣ должна быть признана общественнымъ достояніемъ, никому въ частности не принадлежащимъ. Вода въ ирригаціонномъ каналѣ принадлежитъ не тому или иному обществу, не тому или иному лицу, а всему населенію — каждому въ частности и всѣмъ вообще. И такое правовое положеніе воды, обусловливаемое необходимостью воды для всѣхъ, признано и Туркестанскимъ положеніемъ, по ст. 256 котораго «воды въ главныхъ арыкахъ, ручьяхъ, рѣкахъ и озерахъ предоставлены населенію въ пользованіе по обычаю».

Такимъ образомъ, населенію принадлежитъ лишь право пользованія водою, но никоимъ образомъ не право собственности на нее. Да иначе и быть не можетъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ вода явилась бы въ Туркестанѣ могучею силою экономическаго порабощенія населенія. Характерно, что, за малыми исключеніями, она не смогла стать такою силою за тысячелѣтнее существованіе ирригаціи въ краѣ, а между тѣмъ условія деспотическаго правленія въ средне-азіатскихъ ханствахъ были очень благопріятны для этого. Въ ханствахъ создался институтъ частнаго обладанія населенными землями, держатели которыхъ платили подати уже не въ казну хана, а въ карманы различныхъ лицъ, сумѣвшихъ получить ханскія грамоты на владѣнія нерѣдко значительными по размѣру имѣніями. Правда, между держателями земли, сохранившими свою личную свободу, и юридическими собственниками земли шла упорная борьба за право на землю, борьба, побѣдителями въ которой бывали иногда и держатели земли,—но въ общемъ мюльковое право на землю пустило въ Туркестанѣ настолько прочные корни, что владѣльцы мюльковъ, получая подати съ населенія, сами въ свою очередь ничего не платили въ казну хана. Таковы такъ называемые мюльки хурри-халисъ, т. е. обѣленные отъ податей. Вода же въ теченіе тысячелѣтія оставалась въ общемъ пользованіи, и тѣ скудныя свѣдѣнія, которыми мы обладаемъ по вопросу о правѣ на воду въ Туркестанѣ, указываютъ на то, что населенію принадлежало и принадлежитъ лишь право пользованія водою, а не право собственности на нее.

Факты, зарегистрированные анкетой, произведенной ревизіей сенатора графа К. К. Палена, вскрываютъ общественный характеръ обычно-правового института водопользованія [1]). Несмотря на

[1]) *Ніазбекская вол. Ташкентскаго уѣзда.* „Существующая ирригаціонная сѣть обезпечиваетъ потребности населенія. Въ рѣдкіе годы, когда въ арыкѣ Боссу воды мало, устанавливается очередь дней на 20, при чемъ поливаютъ сначала владѣльцы того распредѣлителя, который ближе къ головѣ арыка. Очереди устанавливаются для распредѣлителей, а не для

разнообразіе пріемовъ послѣдняго, во всѣхъ случаяхъ красною чертою проходитъ взглядъ на воду, какъ на общее достояніе, которое необходимо для существованія земледѣльческой культуры, а потому право на воду принадлежитъ всѣмъ. Къ распредѣленію ея въ Дюрткульской волости приступаютъ съ молитвой въ мечети, какъ къ дѣлу, требующему санкціи свыше; въ Гулякандозской волости справедливаго распредѣленія добиваются метаніемъ жребія. Тотъ же принципъ справедливости побуждаетъ населеніе, при установленіи очереднаго пользованія водою, отпускать послѣднюю тѣмъ хозяйствамъ, которыя высѣваютъ наиболѣе страдающія отъ засухи растенія. Характеренъ и тотъ фактъ, что право на то или другое количество воды обусловливается площадью посѣвовъ. Въ этихъ порядкахъ водопользованія сказывается принципъ уравнительнаго пользованія водою. Каждому необходимо возможно скорѣе получить воду на свои поля, и это достигается выборомъ такого порядка, который не слишкомъ бы отдалялъ время полива.

Но при наличности фактовъ, указывающихъ на существованіе обычно-правового института водопользованія,—института, основнымъ принципомъ котораго является взглядъ на воду, какъ на общее достояніе—жизнь Туркестана даетъ и факты, въ которыхъ сказываются уже иныя вѣянія. Я приведу два факта такого рода, которые стали своего рода классическими въ оффиціальномъ мірѣ; они какъ будто указываютъ отсутствіе какого бы то ни было обычая при пользованіи водою. Факты эти относятся къ обостреннымъ отношеніямъ между населеніемъ средняго и верхняго теченія рѣки Ангренъ въ Ташкентскомъ уѣздѣ, и къ такимъ же отношеніямъ между жителями Исфаринской волости Кокандскаго уѣзда и жителями низовыхъ волостей того же уѣзда, пользующимися водою изъ рѣки Исфары. Споры изъ-за водопользованія въ этихъ мѣстностяхъ имѣютъ коренную причину въ томъ, что какъ исфаринцы, такъ и жители верхняго теченія р. Ангренъ, пользуясь своимъ географическимъ положеніемъ, расширили площадь посѣвовъ и благодаря этому обездолили въ отношеніи водопользованія своихъ низовыхъ сосѣдей, при чемъ исфаринцы въ своихъ дѣйствіяхъ ссылаются на ханскую грамоту, въ силу которой низовыя волости имѣютъ право получать воду рѣки Исфары лишь въ теченіе 12 дней въ году, съ 1 по 12 мая. Въ этомъ слу-

---

хозяевъ. Послѣдніе поливаютъ свои поля сразу въ одно и то же время. Отпускъ воды по тому или иному арыку второй или третьей степени обусловливается площадью земли, которая орошается даннымъ ярыкомъ". То же самое въ *Хакентской волости Андижанскаго уѣзда. Кайгушъ-Кипчакской волости Кокандскаго уѣзда. Гулякандозской волости Ходжентскаго уѣзда и др.*

чаѣ сказывается стремленіе населенія верхняго теченія р. Исфары и р. Ангренъ использовать свое географическое положеніе и на захватѣ большого количества воды создать собственное благополучіе. Безконечные споры населенія этихъ мѣстностей являются результатомъ измѣненія экономическихъ условій жизни. Въ прежнее время населеніе было рѣже, вело преимущественно натуральное хозяйство, поэтому было меньше причинъ стремиться къ расширенію посѣвной площади и къ увеличенію захвата воды. Развитіе хлопководства, съ одной стороны, и ростъ населенія, съ другой, создали такую экономическую конъюнктуру, при наличности которой воды въ рѣкѣ Исфарѣ оказалось уже недостаточно для исфаринцевъ и низовыхъ волостей. Отсюда и стремленіе первыхъ захватить воду, и этотъ захватъ превратить въ постоянный факторъ своей экономической дѣятельности. Въ Ташкентскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Ангренъ, кромѣ этихъ причинъ, на-лицо еще одна естественно-историческая черта рѣки. Ангренъ вытекаетъ изъ родниковыхъ озеръ въ конечныхъ отрогахъ Тянь-Шаня, но главную массу воды получаетъ отъ тающихъ снѣговъ въ горной странѣ Акъ-Тау.Обычно снѣга эти быстро сходятъ, и уже въ іюнѣ мѣсяцѣ Ангренъ въ нижнемъ своемъ теченіи маловоденъ. Случаются наводки, какъ слѣдствіе ливней въ горахъ, но эти наводки быстро проходятъ; лѣтомъ въ рѣкѣ Ангренъ очень мало воды, которой недостаточно для удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ населенія верхняго и нижняго теченія рѣки, что и является причиною споровъ.

Такимъ образомъ, споры изъ-за воды коренятся въ несоотвѣтствіи между количествомъ воды, протекающей по рѣкѣ Ангренъ, съ количествомъ населенія, сидящаго въ бассейнѣ этой рѣки и нуждающагося въ ней для орошенія своихъ полей. И здѣсь, какъ на рѣкѣ Исфарѣ, при наличности меньшаго населенія и большей регламентаціи посѣвовъ, поводовъ для споровъ изъ-за воды было меньше. Ростъ населенія и стремленіе послѣдняго къ культурѣ риса, какъ весьма доходной и для нѣкоторыхъ мѣстностей даннаго района принятой при поземельно-податныхъ работахъ за единицу при исчисленіи доходности земель—вотъ что вызвало это несоотвѣтствіе между количествомъ протекающей воды и потребностью въ ней. Къ этимъ фактамъ не лишнее прибавить данныя о правѣ на воду въ Джизакскомъ районѣ, отличающемся бѣдностью водныхъ источниковъ. Одною изъ главныхъ рѣкъ Джизакскаго уѣзда является рѣка Санзаръ, питающая г. Джизакъ. По своему происхожденію рѣка эта принадлежитъ къ числу такихъ, водный запасъ которыхъ обусловливается главнымъ образомъ снѣгомъ и дождями въ горахъ. Поэтому Санзаръ очень маловоденъ. Маловодіе его таково, что жители Джи-

зака собираютъ воду повадковъ въ пруды, изъ которыхъ затѣмъ и пользуются водою какъ для орошенія, такъ и для питья. Эти условія являются одною изъ основныхъ причинъ—плохихъ санитарныхъ условій Джизакскаго района [1]). Это же маловодіе вызвало здѣсь къ жизни мильковое право.. Въ 1889 году мнѣ пришлось разбираться въ архивѣ Сыръ-Дарьинскаго областного правленія и приводить въ извѣстность дѣла, заключающія въ себѣ интересные для туркестановѣдѣнія факты. Между прочимъ пришлось встрѣтить такое сообщеніе Джизакскаго уѣзднаго начальника. «Въ Джизакскомъ уѣздѣ право милькъ выражаетъ право владѣнія извѣстнымъ количествомъ воды, а не земли, а потому отъ количества ежегодно измѣняющейся воды зависитъ измѣняющееся количество обрабатываемой земли». Въ томъ же архивномъ дѣлѣ 1869 года, я встрѣтилъ мильковый документъ о пожалованіи нѣкоему мастеру кузнецу Уста Магомедъ Назару ханскихъ милостей. Въ существенной части документа говорится: «половина оросительной воды, принадлежащей отцу Магомедъ Назара, находится въ мѣстности Вакатъ въ числѣ 15 оросительныхъ водъ; изъявляемъ нашу ханскую милость: съ этой воды какъ съ Магомедъ Назара, такъ и его наслѣдниковъ и одноодцевъ никакихъ податей и повинностей въ казну не взимать» (документъ относится къ 1247 г. (1831) и на немъ печать Кокандскаго хана Сеидъ Магомедъ Али Хана. (Документъ этотъ приведенъ въ моей книгѣ «Аму-Дарьинскіе очерки», Ташкентъ. 1900 г.).

Если принять во вниманіе эти факты, относящіеся къ Джизакскому уѣзду, то они прольютъ свѣтъ на споры изъ-за воды, которые наблюдаются на Исфарѣ и на Ангренѣ. Мелководье является одной изъ причинъ индивидуализаціи правъ на воду и превращенія послѣдней изъ общаго достоянія въ личную собственность. Но туркестанская жизнь представляетъ и факты нѣсколько другого характера, также указывающіе на стремленіе однѣхъ группъ населенія присвоить себѣ воду. Такъ, въ 1911 г. въ газетѣ «Туркестанскій Курьеръ» (№№ 132 и 133) былъ подробно изложенъ фактъ попытки жителей селенія Файда-абадъ присвоить себѣ воду ключевыхъ источниковъ, изъ которыхъ пользовались водой жители сел. Акъбурьи. Поводомъ къ тому было опять таки преимущество географическаго положенія. Ключи акъ-бурьинцевъ находятся въ территоріи земель файда-абадцевъ, которые въ 1861, 1881 г. и, наконецъ, въ

---

[1]) Извѣстенъ фактъ, что въ 1866—1867 г. стоявшій въ Джизакѣ батальонъ пѣхоты за одинъ годъ почти цѣликомъ обновилъ свой личный составъ. Солдаты болѣли маляріей, и многіе изъ нихъ на вѣки остались на мѣстномъ кладбищѣ.

1910 г. дѣлали попытки присвоить эту воду, закопавъ тѣ канавы, по которымъ текла вода къ акъ-бурьинцамъ.

Возможно, что ближайшее изученіе водопользованія въ Туркестанѣ откроетъ и еще цѣлый рядъ аналогичныхъ фактовъ, указывающихъ на возникновеніе новыхъ правоотношеній по водѣ. Мнѣ лично факты эти представляются симптомами новыхъ правообразованій, а именно возникновенія права частной собственности на воду.

Такимъ образомъ, современная жизнь въ Туркестанѣ говоритъ о томъ, что на фонѣ древняго обычая, смотрящаго на воду, какъ на общее достояніе,—возникаетъ уже институтъ частной собственности,—институтъ, чреватый многими соціально-экономическими послѣдствіями. И факты, указывающіе на возникновеніе такихъ правообразованій, заставляютъ желать скорѣйшаго изданія воднаго закона для Туркестана, закона, долженствующаго дать общіе принципы правъ на воду и создать учрежденія, которыя развивали бы эти общіе принципы. Съ другой стороны, необходимы и учрежденія, которыя могли бы, основываясь на техникѣ водопользованія, улучшать эту технику, конечною цѣлью которой было бы увеличеніе притока воды тамъ, гдѣ это возможно. Тамъ же, гдѣ невозможно увеличить притокъ воды,—на сцену должны выступить другія мѣропріятія, начиная отъ урегулированія водопользованія и кончая, быть можетъ, разселеніемъ части избытка населенія на вновь орошаемыхъ земляхъ. И, конечно, нужны учрежденія, на которыхъ лежала бы забота о тѣхъ или другихъ коррективахъ создавшагося положенія. Первѣйшей же задачей закона о водѣ должно быть установленіе принципа общественнаго права на воду.

III.

Передъ законодательнымъ творчествомъ въ Туркестанѣ два пути. Одинъ проложенъ въ теченіе тысячелѣтій народною мыслью. Это путь признанія воды общественною собственностью, на которую каждый изъ нуждающихся въ водѣ для цѣлей орошенія имѣетъ лишь право пользованія и при томъ—въ размѣрѣ, обусловливаемомъ площадью посѣвовъ. Другой путь намѣчается нѣкоторыми возникшими уже въ Туркестанѣ фактами: закрѣпленіе воды за отдѣльными лицами или обществами, обращеніе воды въ частную собственность. Отъ выбора того или иного пути зависитъ будущность соціальнаго строя въ Туркестанѣ.

Едва ли нужно доказывать, что единственно вѣрный путь законодательной работы — признаніе воды имуществомъ обществен-

нымъ. За это говорятъ и значеніе воды въ Туркестанѣ, какъ главнаго фактора земледѣльческой культуры, и наличность въ большинствѣ мѣстностей края прочно сохранившагося древняго права на воду и, наконецъ, дѣйствующій законъ, признающій воду общественнымъ достояніемъ. Новый законъ можетъ и долженъ лишь развить старый, разъ послѣдній является цѣлесообразнымъ. Нельзя игнорировать и того факта, что признаніе воды общественнымъ достояніемъ опирается на тысячелѣтнюю исторію земледѣльческой культуры въ Туркестанѣ. Въ минувшемъ жизнь проложила широкую дорогу для права на воду. По этой дорогѣ послѣднее и должно итти.

Характерно, что русское законодательство о водѣ, признающее право на послѣднюю не самостоятельнымъ правомъ, а лишь слѣдствіемъ берегового права, столкнувшись съ вопросами орошенія, должно было пойти по иному пути. Законъ о водопользованіи въ Закавказьѣ исходитъ изъ общественнаго представленія о правѣ на воду, а за лицами, нуждающимися въ орошеніи земель, признаетъ лишь право пользованія, неразрывно связанное съ землею. И это, конечно, не случайность, если водное законодательство въ вопросѣ объ орошеніи земель становится на сторону взгляда на воду, какъ на общее достояніе. Вода, нужная для цѣлей орошенія, такой даръ природы, которымъ должны располагать всѣ, занимающіеся земледѣліемъ и нуждающіеся въ водѣ, какъ факторѣ сельскохозяйственной культуры; поэтому вода и не можетъ быть собственностью отдѣльныхъ группъ или единичныхъ лицъ. Предоставленіе имъ возможности сдѣлать ирригаціонную воду частной собственностью было бы актомъ антиобщественнымъ, такъ какъ слѣдствіемъ индивидуализаціи права на воду явилась бы огромная зависимость всѣхъ пользующихся водою отъ ея собственника. Послѣдній могъ бы оказать давленіе на всю сельско-хозяйственную культуру, обусловливая пользованіе водою введеніемъ тѣхъ или иныхъ посѣвовъ. А такое стѣсненіе свободы земледѣльческаго труда, конечно, не могло бы способствовать прогрессу сельскаго хозяйства. Собственникъ воды, помимо экономическаго вліянія, имѣлъ бы надъ населеніемъ также и значительную политическую власть.

Но нельзя согласиться и съ тѣмъ положеніемъ, которое внесено въ правительственный законопроектъ о правѣ на воду въ Туркестанѣ. Въ этомъ проектѣ всѣ воды признаются состоящими въ верховномъ распоряженіи государства. Въ объяснительной запискѣ къ законопроекту говорится, что «государство не нуждается вовсе во владѣльческихъ правахъ на воду, такъ какъ оно выступаетъ въ данномъ случаѣ въ качествѣ высшаго представителя общественныхъ интересовъ, т. е. дѣйствуетъ не въ частной, а въ публично-право-

вой области, обезпечивая во имя общаго блага планомѣрное удовлетвореніе всѣхъ потребностей въ водѣ». Законопроектъ имѣетъ въ виду превратить воду въ государственное имущество. Это значитъ итти въ разрѣзъ съ обычнымъ правомъ Туркестана, для чего нѣтъ достаточныхъ основаній. Водный законъ, въ сущности, долженъ преслѣдовать только одну задачу: возстановить и укрѣпить основы обычнаго права и дать возможность дальнѣйшаго развитія этихъ основъ. Основы эти заключаются въ нѣсколькихъ положеніяхъ: вода есть общенародное достояніе, каждый земледѣлецъ имѣетъ право пользоваться водою въ размѣрѣ, обусловливаемомъ площадью посѣва, но въ этомъ своемъ правѣ ограниченъ интересами сосѣдей и режимомъ воднаго источника. Общенароднымъ же достояніемъ является и источникъ воды, какъ естественный, такъ и искусственно сооруженный. И этотъ источникъ долженъ поддерживаться населеніемъ же, ибо право послѣдняго на воду создаетъ для него и обязанность поддерживать ирригаціонныя сооруженія. Въ цѣляхъ поддержанія этихъ сооруженій, подступъ къ послѣднимъ не можетъ быть въ частномъ пользованіи. Берега арыковъ нужны для склада вынутой изъ арыка при чисткѣ его глины, для склада матеріаловъ, идущихъ на ремонтъ распредѣлителей и другихъ техническихъ сооруженій. Поэтому всякій арыкъ съ берегами является общественнымъ достояніемъ и не долженъ быть въ частномъ обладаніи.

Признаніе воды достояніемъ общенароднымъ ставитъ и государство въ извѣстныя рамки. Государство, какъ субъектъ государственной власти, въ правѣ регулировать условія и правила водопользованія, но, не обладая водою, какъ государственнымъ имуществомъ, оно не можетъ само вносить измѣненія въ права на воду безъ согласія на то той или иной заинтересованной группы. И въ практикѣ Туркестана такое соглашеніе имѣетъ мѣсто. По дѣйствующей инструкціи о водопользованіи проведеніе новыхъ арыковъ разрѣшается губернаторомъ только при условіи полученія приговоровъ сосѣднихъ обществъ о томъ, что новое ирригаціонное сооруженіе не нарушитъ ихъ интересовъ; и этотъ порядокъ взаимныхъ соглашеній между государственной властью и населеніемъ по вопросамъ воднаго хозяйства долженъ быть сохраненъ. Это соглашеніе тѣмъ болѣе необходимо, что вѣдь вся ирригація и условія водопользованія созданы и выработаны народомъ, игнорировать знанія и практику котораго нельзя. Не надо забывать, что въ созданіи правового института на воду участвовала и участвуетъ коллективная мысль народа. Что это имѣетъ мѣсто и въ современной жизни, доказываетъ слѣдующій фактъ изъ жизни русскаго селенія Гавриловскаго, въ Копальскомъ уѣздѣ, Семирѣченской области. Селеніе возникло въ 1868 или 1869 г.,

при чемъ для орошенія полей крестьяне получили киргизскіе арыки. Черезъ нѣкоторое время крестьяне прорыли свои пять арыковъ изъ рѣки Караталъ и вернули киргизамъ ихъ арыки. На своихъ же пяти арыкахъ они создали пять общинъ водопользователей и организовали ирригаціонную власть въ лицѣ выборныхъ «арыцкихъ» старостъ съ широкими полномочіями. Обязанности старостъ заключаются въ распредѣленіи воды и въ наблюденіи за состояніемъ арыковъ, всякое исправленіе которыхъ производится общиной по наряду старостъ, при чемъ послѣдніе въ теченіе года распредѣляютъ, кто долженъ поставлять матеріалы и въ какомъ количествѣ, кто долженъ исполнять ту или иную работу и проч.

Вотъ при такихъ-то условіяхъ и нельзя игнорировать коллективную мысль народа. И не только при разрѣшеніи вопросовъ, возникающихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда государственной власти по тѣмъ или инымъ причинамъ приходится вносить нѣкоторыя измѣненія въ водопользованіи той или другой группы лицъ. Участіе коллективной мысли необходимо постоянно, такъ какъ только она и можетъ принимать участіе въ сохраненіи укрѣпляемаго воднымъ закономъ обычая и въ дальнѣйшемъ его развитіи на тѣхъ принципахъ, которые, какъ выше сказано, должны лечь въ основу закона.

Но чтобы эта коллективная мысль народа дѣйствительно принимала участіе въ веденіи и развитіи воднаго хозяйства, — она должна быть организована. Для этого нужно укрѣпить и развить существующій уже порядокъ, на основаніи котораго сельскія общества производятъ между своими членами раздѣлъ водъ и устанавливаютъ порядки водопользованія. Такія единицы соучастниковъ по водопользованію изъ того или иного арыка должны составить водные отдѣлы. При такомъ дѣленіи необходимо ставить во главу организаціи не административныя общества, а группы населенія, объединенныя хозяйственными условіями водопользованія. Въ такія общественныя единицы цѣлесообразнѣе всего соединять группы земледѣльцевъ, пользующихся водою изъ того или другого арыка. Назовемъ ихъ хотя бы водными отдѣлами; въ нихъ войдутъ земледѣльцы цѣлой второстепенной или третьестепенной ирригаціонной системы. Рядъ водныхъ отдѣловъ составитъ водный округъ по магистральному арыку. Водные отдѣлы, образуемые сравнительно изъ небольшого числа земледѣльцевъ, должны вѣдать всѣми дѣлами воднаго хозяйства внутри отдѣла, а именно: распредѣленіемъ воды между соучастниками въ водопользованіи, установленіемъ порядковъ водопользованія, надзоромъ за состояніемъ техническихъ сооруженій и ремонтомъ ихъ, а слѣдовательно, и распредѣленіемъ натураль-

ной или денежной повинности на этотъ предметъ, вообще всѣми дѣлами воднаго хозяйства въ отдѣлѣ. Всѣ рѣшенія отдѣла будутъ разсматриваться на общемъ сходѣ всѣхъ соучастниковъ; этотъ же сходъ производитъ выборы своихъ представителей въ совѣтъ выборныхъ, который вѣдаетъ всѣми дѣлами воднаго хозяйства въ водномъ округѣ. Такимъ образомъ, водные отдѣлы и водные округа должны быть органами общественнаго самоуправленія по дѣламъ воднаго хозяйства, при чемъ это самоуправленіе не можетъ быть слито съ общимъ самоуправленіемъ сельскихъ обществъ и волостей. Нерѣдко одно и то же сельское общество пользуется орошеніемъ изъ двухъ, а иногда и болѣе системъ, а потому при организаціи воднаго самоуправленія оно должно быть или раздѣлено на части, входящія въ различные водные отдѣлы, или въ цѣломъ своемъ составѣ должно входить и въ тотъ, и въ другой отдѣлъ.

Организація населенія въ водные отдѣлы и округа явится институтомъ, въ которомъ начала обычнаго права будутъ развиваться въ духѣ общественности. Рядомъ съ этимъ институтомъ должны быть поставлены, во-первыхъ, организаціи уѣздныя и областныя, а, во-вторыхъ, водный судъ.

Водное хозяйство въ будущемъ, несомнѣнно, составитъ одну изъ функцій Туркестанскаго земства, но пока этого нѣтъ, уѣздныя и областныя организаціи нужно создать смѣшаннаго типа изъ представителей различныхъ вѣдомствъ и представителей населенія. Правительственный законопроектъ, находящійся теперь въ Государственной Думѣ, создаетъ уѣздныя и областныя по воднымъ дѣламъ присутствія, въ составъ которыхъ вводитъ, помимо лицъ уѣздной и водной администраціи, еще представителей министерства финансовъ, путей сообщенія, юстиціи и главнаго управленія землеустройства и земледѣлія, а также трехъ представителей совѣта выборныхъ воднаго округа, но только по дѣламъ даннаго округа. Если стремиться къ созданію такихъ водныхъ учрежденій, которыя, помимо завѣдыванія воднымъ хозяйствомъ, служили бы еще и въ качествѣ органовъ для примѣненія обычнаго права на воду, то въ уѣздныхъ и областныхъ по воднымъ дѣламъ присутствіяхъ необходимо возможно большее и постоянное представительство мѣстнаго населенія. И уѣзднымъ, и областнымъ по воднымъ дѣламъ присутствіямъ постоянно придется имѣть дѣло съ вопросами права на воду и условіями водопользованія, и понятно, что при разрѣшеніи такихъ вопросовъ необходимы представители народа, главнаго творца обычнаго права. Поэтому разсмотрѣнный нынѣ законопроектъ долженъ усилить составъ представителей населенія въ уѣздныхъ и областныхъ присутствіяхъ и сдѣлать это представительство постоян-

нымъ. Въ уѣздныхъ присутствіяхъ должны быть представители отъ каждаго воднаго округа, а въ областныхъ присутствіяхъ—представители отъ уѣздовъ. Само собою разумѣется, что законопроектъ долженъ разработать и вопросъ о числѣ представителей въ областныхъ присутствіяхъ, а также и систему выборовъ такихъ представителей. При этомъ, конечно, необходимо, чтобы эти представители, оторванные отъ своего хозяйства на время службы уѣзду или области, получали опредѣленное вознагражденіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ участіе ихъ въ присутствіяхъ превратится въ простую фикцію. Между тѣмъ и въ творческой дѣятельности по развитію обычнаго права, и въ практическихъ задачахъ водныхъ присутствій необходимо постоянное участіе лицъ, которыя были бы голосомъ народа. При организаціи воднаго дѣла необходима общая и полная регистрація водъ и правъ на воду. Законопроектъ ставитъ эту работу во главу дѣятельности уѣздныхъ по воднымъ дѣламъ присутствій, при чемъ на эту регистрацію смотритъ какъ на актъ, аналогичный генеральному межеванію, т. е. придаетъ опредѣленію правъ на воду вполнѣ юридическій характеръ, долженствующій выяснить права каждаго селенія на то или иное количество воды. Такая регистрація представляется, дѣйствительно, дѣломъ первостепенной важности, такъ какъ благодаря ей можетъ быть произведена разверстка водъ между селеніями, и возможные при этомъ споры при наличности въ составѣ присутствія представителей отъ населенія могутъ быть улажены мирнымъ путемъ при полномъ сознаніи спорящихъ сторонъ въ необходимости мирнаго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ. Но, помимо такого юридическаго значенія, регистрація правъ на воду имѣетъ значеніе научное и практическое.

Ниже я буду говорить о задачахъ, которыя должны будутъ лежать на центральномъ водномъ управленіи Туркестана. Осуществленіе всѣхъ этихъ задачъ должно базироваться на всестороннемъ освѣщеніи воднаго хозяйства въ Туркестанѣ. И при регистраціи правъ на воду нельзя ограничиться простымъ выясненіемъ распредѣленія водныхъ запасовъ между отдѣльными селеніями или будущими водными отдѣлами. Несомнѣнно, что при регистраціи правъ на воду уѣзднымъ по воднымъ дѣламъ присутствіямъ придется считаться какъ съ экономическими условіями заинтересованныхъ сторонъ, такъ и съ качествомъ почвы, ибо поглотительная способность послѣдней должна играть видную роль въ количествѣ потребной воды. Поэтому цѣлесообразнѣе всего работамъ по регистраціи правъ на воду предпослать статистико-экономическое и почвенно-агрономическое изслѣдованіе, которое дастъ основной фундаментъ для всѣхъ работъ центральнаго воднаго управле-

нія. Въ то же время регистрація водныхъ правъ дастъ суду прочный базисъ для разрѣшенія споровъ изъ-за пользованія водою.

Въ дѣлѣ организаціи воднаго дѣла въ Туркестанѣ видная роль должна принадлежать суду, разрѣшающему возникающіе между водопользователями споры. Разумѣется, нельзя думать, что населеніе будетъ всегда спокойно пользоваться своими правами на воду, и что не возникнетъ споровъ изъ этого водопользованія. Необходимость суда для разрѣшенія такихъ споровъ не подлежитъ сомнѣнію. Но судъ долженъ удовлетворять двумъ требованіямъ: онъ, во-первыхъ, долженъ быть однимъ изъ тѣхъ учрежденій, въ которыхъ будетъ развиваться обычное право на воду, а во-вторыхъ, долженъ быть близокъ къ народу, дабы споры о водопользованіи, особенно въ горячую лѣтнюю пору, могли возможно скорѣе получать свое разрѣшеніе. Такимъ судомъ можетъ быть только судъ народный, знакомый съ обычнымъ правомъ и на основаніяхъ послѣдняго разрѣшающій поступающія на его разсмотрѣніе дѣла. Этотъ судъ, какъ и всякій другой, долженъ прибѣгать въ качествѣ доказательства къ тѣмъ актамъ распредѣленія водныхъ правъ, которые онъ найдетъ въ общей регистраціи, произведенной при введеніи закона о водопользованіи въ Туркестанѣ. То обстоятельство, что эта регистрація будетъ произведена при участіи русскихъ властей, едва ли можетъ быть препятствіемъ къ передачѣ въ компетенцію народнаго суда споровъ о водѣ въ отступленіе отъ общаго порядка подсудности дѣлъ въ Туркестанѣ, гдѣ по положенію 12 іюня 1886 г. дѣла, основанныя на документахъ, совершенныхъ при участіи русскихъ властей, изъяты изъ компетенціи народнаго суда. Вѣдь регистрація правъ на воду, хотя и произведенная при участіи русскихъ властей, будетъ покоиться, главнымъ образомъ, на обычномъ правѣ. Поэтому въ ряду учрежденій, имѣющихъ развивать это послѣднее, долженъ быть именно народный судъ уже существующій, или спеціально устанавливаемый для водныхъ дѣлъ.

III.

Признаніе воднымъ закономъ основныхъ положеній древняго обычнаго права, созданіе ряда учрежденій, долженствующихъ развивать основныя положенія воднаго закона, и регистрація правъ на воду въ связи съ экономическими и естественно-историческими условіями водопользованія—таковы главнѣйшія задачи, которыя долженъ преслѣдовать водный законъ относительно урегулированія водопользованія въ Туркестанѣ. Но кромѣ того, необходимы—техническая организація съ функціями исполнительнаго характера

для надзора за состояніемъ ирригаціонныхъ сооруженій и организація, долженствующая, съ одной стороны, быть объединяющимъ центромъ по всѣмъ вопросамъ воднаго хозяйства во всемъ Туркестанѣ, а съ другой—преслѣдующая задачи дальнѣйшаго развитія ирригаціонной сѣти, улучшенія существующей и выработки мѣръ болѣе экономнаго расходованія цѣнной влаги, что̀ послужитъ и цѣлямъ дальнѣйшаго развитія сѣти, а, слѣдовательно, и къ увеличенію площади орошаемыхъ земель.

Организація исполнительнаго характера существуетъ и въ настоящее время, состоя изъ мирабовъ, избираемыхъ сельскими обществами изъ своей среды для ближайшаго надзора за небольшими арыками (3-4-5 степени), и арыкъ-аксакаловъ, назначаемыхъ администраціей для надзора за цѣлыми системами, состоящими изъ нѣсколькихъ магистральныхъ арыковъ. Такъ какъ арыкъ-аксакалы должны обладать нѣкоторою техническою подготовкою, то существующій порядокъ и долженъ быть сохраненъ. Этотъ техническій персоналъ водной администраціи, исполняя свои обязанности, долженъ быть хорошо знакомъ съ тѣми приговорами водныхъ отдѣловъ и распоряженіями совѣта выборныхъ воднаго округа, которыми на каждый годъ устанавливаются порядки водопользованія и ремонта арыковъ. Но въ техническомъ отношеніи эти исполнительные чины должны находиться подъ руководствомъ уѣздныхъ гидротехниковъ.

Высшую въ Туркестанѣ единицу водной администраціи должно составить центральное водное управленіе. Касаться организаціи его я не буду, но остановлюсь на тѣхъ задачахъ, какія должно преслѣдовать это учрежденіе.

Вода въ Туркестанѣ является самой высокой цѣнности даромъ природы, но запасы ея ограничены. Искусственно орошенныя земли занимаютъ около 3% всей территоріи края и причиною этого нужно считать лишь ограниченность водныхъ запасовъ. Поэтому необходимо стремиться, съ одной стороны, къ производству такихъ сооруженій, которыя могли бы увеличить водные запасы на весь вегетативный періодъ, съ другой,—къ возможно большей экономіи въ расходованіи воды для орошенія полей. Устройство водохранилищъ является уже теперь очередной задачей воднаго управленія. Эти водохранилища, въ которыхъ собиралась бы и накапливалась вода не только тающихъ снѣговъ и лѣтнихъ ливней, но также и зимняго режима рѣки, необходимы для увеличенія культурной площади. Горный характеръ рѣкъ Туркестана позволяетъ для каждой изъ нихъ найти въ верховьяхъ не одно, а нѣсколько ущелій, которыя можно бы было превратить въ озера-водохранилища. И несомнѣнно, что такія техническія сооруженія могутъ увеличить запасы цѣн-

ной для культуры воды, а слѣдовательно, и расширить посѣвную площадь.

Другого рода работы, стоящія передъ воднымъ управленіемъ, были указаны еще академикомъ А. Миддендорфомъ въ его трудѣ: «Очерки Ферганской долины». Объѣзжая Фергану и знакомясь съ ея ирригаціей, Миддендорфъ подмѣтилъ, что арыки, создававшіеся въ теченіе многихъ десятилѣтій и даже столѣтій, не проведены по заранѣе опредѣленному плану, и что туземцы всюду слѣдовали за измѣненіемъ мѣстнаго рельефа. Благодаря этому арыки значительно удлинены и при проведеніи ихъ не соблюдена экономія въ безполезной тратѣ воды на фильтрацію и испареніе вслѣдствіе увеличенія разстоянія, по которому проходитъ вода до начала ея полезной работы. Разъ вода представляетъ высокую цѣнность, необходимо уменьшить расходъ ея на безполезную трату. Нивеллировка всей ирригаціонной сѣти и спрямленіе арыковъ — вотъ задача, исполненіе которой потребуетъ многихъ лѣтъ, но несомнѣнно, позволитъ соблюсти экономію на безполезной затратѣ воды.

Въ тѣхъ же цѣляхъ во многихъ мѣстахъ Туркестана необходимы техническія работы по исправленію ирригаціонной сѣти, образующей мѣстами болота отъ избытка приносимой ими воды. Однимъ изъ такихъ районовъ является нижнее теченіе р. Чирчика, на лѣвомъ берегу котораго расположены большія болота, частью использованныя населеніемъ путемъ значительнаго труда подъ культуру риса.

Таковы стоящія передъ воднымъ управленіемъ задачи по улучшенію ирригаціонной сѣти въ цѣляхъ полученія экономіи въ водѣ и обращенія ея на расширеніе ирригаціонной площади. Но экономія въ водопользованіи можетъ получиться еще и другимъ путемъ. Ирригаціонное земледѣліе создавалось эмпирически. Каждый земледѣлецъ давалъ своимъ посѣвамъ то или иное количество воды, нисколько не стремясь расходъ воды сообразовать съ потребностью растеній въ водѣ. Эта задача только и можетъ быть выполнена научнымъ методомъ изслѣдованія на спеціальныхъ опытныхъ станціяхъ. Существующая въ Туркестанѣ опытная станція въ ряду своихъ задачъ имѣетъ установленіе того минимума количества воды для орошенія различныхъ посѣвовъ, при которомъ достигается полученіе максимальнаго урожая. Такая работа очень сложна и тѣсно связана съ метеорологическими и почвенными условіями. Поэтому для выработки модуля орошенія нельзя ограничиваться одною станціею. Необходимо параллельно работамъ станціи организовать рядъ аналогичныхъ работъ на цѣлой сѣти опытныхъ участковъ при различныхъ почвенныхъ и другихъ естественно-историче-

скихъ условіяхъ. И водное управленіе должно поставить въ программу своей дѣятельности научныя работы по опредѣленію модуля орошенія для всѣхъ культуръ при различныхъ почвенныхъ и метеорологическихъ условіяхъ.

Параллельно съ выработкою модуля орошенія для нѣкоторыхъ мѣстностей Туркестана должно выступить на первый планъ урегулированіе посѣвовъ, требующихъ значительной затраты воды. Такова, напримѣръ, культура риса. Извѣстно, что въ долинѣ р. Зеравшана во времена бухарскаго владычества власть эмира ограничивала площадь посѣвовъ риса въ верхнемъ и среднемъ теченіяхъ рѣки, дабы тѣмъ не обездоливать населенія теперешняго ханства въ водѣ въ нужную для того пору. Теперь при русскомъ владычествѣ посѣвы риса въ Самаркандской области значительно увеличились, а вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшилось положеніе воднаго дѣла въ Бухарскомъ ханствѣ. Наличность такихъ фактовъ говоритъ за то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ общихъ интересахъ должны быть ограничены аппетиты отдѣльныхъ группъ населенія, для которыхъ долженъ быть введенъ въ извѣстныя рамки размѣръ посѣвной площади такихъ растеній, какъ рисъ. Само собою разумѣется, что такого рода принудительныя мѣры могутъ быть введены только государствомъ, путемъ дополнительныхъ законодательныхъ актовъ. Разработка же такихъ актовъ должна составить одну изъ функцій воднаго управленія.

Вотъ серія работъ воднаго управленія, цѣль которыхъ возможно большая экономія въ затратѣ воды на орошеніе сельско-хозяйственныхъ культуръ. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ окажется невозможнымъ достиженіе такой экономіи въ затратѣ воды, при которой устранились бы споры изъ-за водопользованія,—на очередь можетъ выступить вопросъ о разселеніи части избыточнаго населенія на новыя мѣста. Какъ извѣстно, въ программу работъ по развитію хлопкодства въ Туркестанѣ давно уже поставленъ вопросъ о созданіи новой ирригаціонной сѣти, которая при наличныхъ запасахъ воды можетъ дать до $^1/_2$ мил. десятинъ новыхъ земель. Эта новая площадь и можетъ послужить фондомъ для мѣстной колонизаціи, т. е. для разселенія избыточнаго населенія. Правда, вѣдомство главнаго управленія землеустройства и земледѣлія предполагаетъ вновь орошенныя земли заселять лишь русскими переселенцами. Но несомнѣнно также и то, что такая узко-національностическая точка зрѣнія—явленіе временное. Государственная власть, преслѣдуя задачу развитія хлопководства, не можетъ оставить внѣ своей помощи такія группы населенія, которыя уже доказали способность вести культуру хлопка. Эта же власть не можетъ стать въ различныя отношенія къ двумъ группамъ своихъ подданныхъ: русскимъ и туземцамъ.

Наконецъ, капитальную часть работы предстоитъ нести водному управленію по созданію новыхъ ирригаціонныхъ системъ. Послѣднія могутъ возникать тамъ, гдѣ на-лицо свободные запасы въ рѣкахъ воды, а также и тамъ, гдѣ есть возможность использовать фреатическія воды и вывести ихъ на дневную поверхность. Использованіе такихъ подпочвенныхъ водъ практикуется въ Закаспійской области, гдѣ значительная часть посѣвной площади пользуется кяризнымъ орошеніемъ. Есть, однако, возможность вывода такихъ водъ не кяризами, а открытой канавой, которая служитъ водосборнымъ резервуаромъ, отдающимъ свою воду на орошеніе полей. Опытъ такого рода работъ былъ произведенъ инженеромъ Матиссеномъ въ долинѣ Копа Вѣрненскаго уѣзда.

Работы по созданію новой ирригаціонной сѣти требуютъ нѣкоторыхъ спеціальныхъ постановленій, долженствующихъ найти себѣ мѣсто въ водномъ законѣ.

IV.

Цѣлью воднаго закона нужно признать установленіе правъ на воду и созданіе учрежденій, на которыхъ, между прочимъ, лежала бы задача дальнѣйшаго развитія ирригаціонной сѣти и площади искусственно орошаемыхъ земель въ интересахъ обще-народныхъ. Разъ на водное управленіе нужно возложить задачу исправленія существующей сѣти ради возможно большей экономіи въ водѣ, то тѣмъ болѣе на него нужно возложить и задачу развитія орошенія на новыхъ земляхъ. Интересы культуры требуютъ, чтобы расходованіе воды производилось съ возможно большей экономіей и на такія земли и культуры, гдѣ получался бы большій плюсъ въ народномъ хозяйствѣ, принимая во вниманіе какъ экономическое значеніе самыхъ культуръ, такъ и климатическія условія производства послѣднихъ.

Новая ирригаціонная сѣть въ народныхъ интересахъ должна быть сооружена по извѣстному, заранѣе выработанному плану. Прежде всего законъ о водопользованіи долженъ оговорить, что право распоряженія свободными водами принадлежитъ государству, которое распоряжается ими, однако, не какъ оброчной статьей, а какъ свободнымъ достояніемъ всего народа. Государство должно дѣйствовать здѣсь не какъ субъектъ гражданскаго права, а какъ высшій представитель общихъ интересовъ. Предоставленіе государству права распоряженія отводомъ свободныхъ водъ имѣетъ одну только цѣль — внести планомѣрность въ это дѣло. Осуществляя эту задачу, водное управленіе должно сосредоточить въ своихъ рукахъ наблюденіе за естественнымъ режимомъ всѣхъ рѣкъ въ Туркестанѣ для опредѣленія какъ количества про-

текающей въ рѣкахъ воды, такъ и количества воды въ тѣхъ же рѣкахъ за вычетомъ выведенной въ оросительные арыки. Сѣть гидрометрическихъ наблюдательныхъ пунктовъ въ Туркестанѣ существуетъ и въ настоящее время, а, слѣдовательно, водному управленію необходимо лишь продолжать и развивать это дѣло. Только при наличности гидрометрическихъ пунктовъ управленіе это и можетъ выяснять количество свободной воды въ рѣкахъ края и на основаніи этого вырабатать планъ дальнѣйшаго развитія ирригаціонной сѣти.

При изученіи воднаго режима туркестанскихъ рѣкъ нельзя, однако, ограничиться одними наблюденіями на гидрометрическихъ пунктахъ. Для будущихъ перспективъ воднаго хозяйства въ Туркестанѣ крайне важна постановка метеорологическихъ наблюденій у самыхъ истоковъ рѣкъ, т. е. въ горахъ у ледниковъ и фирновыхъ полей, а также и наблюденія за передвиженіями, вообще измѣненіями ледниковъ. Только зная условія зарожденія рѣкъ въ Туркестанѣ, можно строить предположенія о развитіи ирригаціонной сѣти. Въ ряду источниковъ свободныхъ запасовъ воды—источниковъ, изученіе которыхъ составляетъ одну изъ задачъ воднаго управленія въ краѣ,—нужно поставить запасы такъ называемыхъ фреатическихъ водъ. Послѣднія уже и въ настоящее время выводятся на дневную поверхность и служатъ для орошенія земель (кяризы Закаспійской области); въ будущемъ же, когда запасы рѣчныхъ водъ будутъ истощены, а потребность въ орошеніи увеличится, возростетъ и необходимость въ использованіи грунтовыхъ водъ. Но и помимо того, есть мѣстности въ Туркестанѣ, гдѣ оазисы культуры можно создать только выводомъ грунтовыхъ водъ. Яркимъ примѣромъ этого является Ахалъ-Текинскій оазисъ. Изученіе фреатическихъ водъ, условій ихъ положенія и вліянія вывода воды въ одномъ мѣстѣ на состояніе этой же воды въ другомъ—словомъ, рядъ научныхъ проблемъ требуетъ разрѣшенія, дабы на основаніи этихъ данныхъ можно было построить планъ наиболѣе цѣлесообразнаго использованія этихъ водныхъ запасовъ.

Такимъ образомъ, всестороннее изученіе гидрографіи Туркестана является одной изъ существенныхъ задачъ воднаго управленія вообще и, въ частности, въ цѣляхъ развитія ирригаціонной сѣти.

Вырабатывая планъ послѣдней и производя техническія изысканія въ цѣляхъ осуществленія этого плана, водное управленіе должно обратить вниманіе и на экономическую сторону вопроса о новой сѣти, разумѣя подъ этимъ цѣлесообразность плана съ точки зрѣнія развитія хозяйства, возможно дешевое осуществленіе его и,—на что нужно обратить особенное вниманіе,—вліяніе новой сѣти

на существующую уже сѣть, выведенную изъ того же источника, но ниже по теченію предполагаемаго начала новой сѣти. Словомъ, подготовленныя работы по развитію ирригаціонной сѣти должны всесторонне освѣтить все это дѣло.

Осуществленіе новой ирригаціонной сѣти правильнѣе всего было бы производить или на государственныя средства, или на земскія, такъ какъ это предпріятіе носитъ общественный характеръ. Но возможно исполненіе новыхъ ирригаціонныхъ работъ и на частные капиталы, примѣромъ чего могутъ служить Соединенные Штаты, гдѣ привлеченіе частной предпріимчивости къ ирригаціонному дѣлу уже принесло свои плоды. О привлеченіи частныхъ капиталовъ къ дѣлу орошенія земель въ Туркестанѣ давно уже идутъ разговоры и даже вырабатывались проекты правилъ такого привлеченія или на условіи предоставленія частнымъ предпринимателямъ права эксплоатировать произведенное сооруженіе путемъ продажи воды населенію, или же при условіи предоставленія предпринимателямъ въ собственность части орошенныхъ земель. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ правила эти повели бы къ возникновенію въ Туркестанѣ крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, въ зависимость отъ которыхъ попала бы масса земледѣльческаго населенія. Составители такихъ проектовъ преслѣдовали лишь одну цѣль—созданіе ирригаціонной сѣти для расширенія культурной площади и совершенно не становились на защиту интересовъ той массы населенія, которая въ конечномъ итогѣ явилась бы главнымъ дѣятелемъ по созданію цѣнныхъ культуръ и цѣнныхъ, слѣдовательно, товаровъ. Осуществленіе перваго изъ этихъ проектовъ было бы нарушеніемъ уже намѣтившейся и въ Россіи, и въ другихъ странахъ эволюціи права на воду, эволюціи, въ силу которой вода признается общественнымъ достояніемъ, и потому не можетъ подлежать частному усвоенію. Осуществленіе второго плана—создало бы крупную частную собственность на землю, что также совсѣмъ не въ общихъ интересахъ государства. По крайней мѣрѣ, статистическая анкета, произведенная во время сенаторской ревизіи Туркестана, показываетъ, что наиболѣе интенсивное земледѣльческое хозяйство ведется мелкими землевладѣльцами. А такъ какъ цѣль орошенія новыхъ земель, равно какъ и всего сельскаго хозяйства въ Туркестанѣ,—производство цѣнныхъ культуръ, то созданіе крупныхъ земельныхъ владѣній было бы шагомъ не къ интенсификаціи земледѣлія, а къ развитію экстенсивнаго хозяйства. Наконецъ, къ числу недостатковъ этихъ проектовъ нужно отнести—отсутствіе опредѣленія срока на окончаніе ирригаціонныхъ работъ. Это также большой минусъ, такъ какъ имъ создается затяжной характеръ новыхъ работъ и отдаленіе срока пріобрѣтенія государствомъ новой ирригаціонной сѣти.

Единственно, по моему мнѣнію, пріемлемой является практика Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ въ штатѣ Айдаго частные предприниматели являются лишь строителями, обязанными въ теченіе пяти лѣтъ выполнить всѣ работы по сооруженію новой сѣти. Послѣ этого водопроводныя компаніи передаютъ все сооруженіе тому населенію, которое водворяется на орошенныхъ земляхъ. Пріобрѣтая это сооруженіе, населеніе вступаетъ во владѣніе и завѣдываніе всѣмъ воднымъ хозяйствомъ, постепенно ознакомляясь съ веденіемъ этого серьезнаго дѣла. Ирригаціонныя компаніи штата Айдаго при такомъ способѣ веденія дѣла съ лихвою окупаютъ всѣ издержки по постройкѣ сѣти, спеціализируясь на этомъ дѣлѣ и развивая его въ другихъ мѣстностяхъ [1]). Нѣтъ никакихъ препятствій перенести американскіе пріемы на русскую почву съ тѣмъ, чтобы выкупъ предпріятія былъ взятъ на себя государствомъ въ виду общественнаго характера этого дѣла. Проведенный каналъ со всѣми развѣтвленіями сталъ бы народнымъ достояніемъ, и вся практика водопользованія всецѣло вошла бы въ общую организацію воднаго хозяйства въ Туркестанѣ.

По вопросамъ воднаго права нѣсколько лѣтъ тому назадъ высказывался покойный профессоръ А. И. Чупровъ, стоявшій за національзацію водныхъ правъ. Статьи его были посвящены вопросу о водѣ, какъ источникѣ электрической энергіи, но мысли покойнаго профессора цѣликомъ примѣнимы и къ водѣ, какъ источнику орошенія. А. И. Чупровъ горячо возставалъ противъ предоставленія частнымъ предпринимателямъ владѣльческихъ правъ на воду. «Нужно быть слѣпымъ, говорилъ онъ, чтобы передавать въ руки спекулянтовъ, одушевленныхъ единственно стремленіемъ къ наибольшей наживѣ, судьбу цѣлыхъ населеній и поколѣній»... «лишь общество, какъ цѣлое, имѣетъ право и обязанность эксплоатировать ее въ интересахъ своего народа». Конечно, это не можетъ служить препятствіемъ къ привлеченію частныхъ предпринимателей для осуществленія тѣхъ или иныхъ техническихъ сооруженій, необходимыхъ для эксплоатаціи водяной силы. Но такіе предприниматели должны быть поставлены въ особыя рамки, чтобы они не могли

---

1) Водная компанія Твинъ Фодсъ въ Штатѣ Айдаго весною 1913 г. начала работы по орошенію изъ рѣки Снэкъ 240 т. акровъ земли. Права на воду выкупаются переселенцами по расчету въ 25 долларовъ на акръ (135 руб. на десятину) съ разсрочкою въ 9 лѣтъ. По словамъ Е. Скорнякова, компанія за всѣ водныя права должна получить около 7 мил. долларовъ при общей стоимости всѣхъ работъ въ 3800 тыс. долларовъ. (См. Е. Скорняковъ «Орошеніе и колонизація пустынь Штата Айдаго въ Сѣверной Америкѣ» изд. Отдѣла Земельныхъ улучшеній 1911 г.).

монополизировать воду и подчинить своей власти массу населенія. Для предупрежденія этого А. И. Чупровъ находилъ необходимымъ осуществленіе двухъ условій: возможно короткій срокъ исполненія техническихъ сооруженій и обязательный выкупъ послѣднихъ государствомъ. Выкупъ предпріятія, говорилъ онъ, — «по стоимости дѣйствительно произведенныхъ работъ съ извѣстною заранѣе условленною надбавкой вѣрнѣе всякой самой сложной регламентаціи обезпечитъ точное исполненіе концессіонеромъ принятыхъ на себя обязательствъ и бережное отношеніе къ интересамъ третьихъ лицъ и цѣлаго общества [1]).

Какъ видитъ читатель, намѣчаемое мною дополненіе къ закону о водопользованіи въ Туркестанѣ всецѣло солидарно съ мыслями покойнаго нашего экономиста. И въ законѣ о водопользованіи должны найти себѣ мѣсто основныя положенія, на которыхъ могутъ принять участіе въ работахъ по орошенію земель въ Туркестанѣ частные предприниматели.

Подведу итоги. Законъ о водопользованіи въ Туркестанѣ долженъ поставить на прочное основаніе все водное хозяйство. Задача его въ этомъ отношеніи двоякая: съ одной стороны онъ долженъ упрочить правовую сторону дѣла, а съ другой создать организаціи для веденія технической стороны всего ирригаціоннаго хозяйства. Базисомъ правъ на воду должно быть обычное право, основныя положенія котораго утверждаются закономъ, создающимъ въ видѣ организованныхъ обществъ водопользователей надлежащую обстановку для дальнѣйшаго развитія этихъ основъ. Коллективная мысль народа создала обычное право; эта же коллективная мысль должна и дальше развивать правовыя положенія о пользованіи водою. Техническая организація въ видѣ воднаго управленія и связанныхъ съ нимъ учрежденій должна быть носительницей современнаго знанія и техники. Она приложитъ завоеванія человѣческаго ума къ ирригаціонному дѣлу въ цѣляхъ помощи населенію тамъ, гдѣ она нужна, и въ цѣляхъ такой постановки всего воднаго хозяйства, при которой съ возможнымъ минимумомъ затраты воды на орошеніе полей достигался бы максимумъ площади орошенныхъ земель. Оба участника въ веденіи воднаго хозяйства — населеніе и работники науки — должны дѣйствовать въ полномъ согласіи и содружествѣ. Возможно частые съѣзды представителей мѣстныхъ хозяевъ-земледѣльцевъ и техники — вотъ одно изъ условій достиженія этого содружества.

Водный законъ долженъ заключать слѣдующія основныя положенія:

1) См. соч. А. И. Чупрова „Націонализація источниковъ водяной силы". Сочиненіе т. I стр. 152.

1) Вода въ Туркестанѣ является *общенароднымъ* достояніемъ. Населенію принадлежитъ лишь право пользованія водою въ размѣрѣ, обусловливаемомъ посѣвной площадью, наличными запасами воды въ источникѣ орошенія и почвенными условіями.

2) Завѣдываніе воднымъ хозяйствомъ находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ населенія, которое и руководствуется при этомъ обычнымъ правомъ.

3) При введеніи закона производится общая регистрація правъ на воду въ связи съ изслѣдованіемъ экономическихъ и почвенныхъ условій веденія хозяйства на орошенныхъ земляхъ.

4) Водныя права по этой регистраціи распредѣляются по воднымъ отдѣламъ, состоящимъ изъ обществъ соучастниковъ водопользованія цѣлой ирригаціонной системы третьей или четвертой степени.

5) Водные отдѣлы соединяются въ водные округа, въ предѣлахъ которыхъ веденіе всего воднаго хозяйства возлагается на совѣтъ выборныхъ представителей водныхъ отдѣловъ.

6) Завѣдываніе воднымъ хозяйствомъ въ уѣздахъ и областяхъ возлагается на смѣшанныя организаціи изъ представителей общей администраціи, администраціи воднаго управленія и представителей населенія.

7) Споры о водопользованіи подлежатъ разсмотрѣнію народнаго суда, который въ качествѣ доказательствъ правъ можетъ требовать данныя общей регистраціи правъ на воду, произведенной при введеніи закона въ дѣйствіе.

8) Техническая организація — преимущественно правительственная. Исключеніе составляютъ мирабы, избираемые водными отдѣлами. Арыкъ-аксакалы, отъ которыхъ нужно требовать техническихъ знаній, назначаются отъ правительства, но содержаніе получаютъ по постановленіямъ совѣта выборныхъ воднаго округа.

9) Высшее въ краѣ водное управленіе сосредоточиваетъ всѣ данныя о положеніи и состояніи воднаго хозяйства въ краѣ. Оно принимаетъ мѣры къ изученію и лучшей постановкѣ этого хозяйства, обращая вниманіе, главнымъ образомъ, на увеличеніе водныхъ запасовъ, исправленіе ирригаціонной сѣти и выработку модулей орошенія различныхъ культуръ въ цѣляхъ затраты на орошеніе возможнаго минимума воды и обращенія полученныхъ излишковъ на расширеніе ирригаціонной сѣти.

10) Всѣ свободные запасы воды какъ въ рѣкахъ, такъ и подпочвенные, находятся въ распоряженіи государства, которое и заботится о расширеніи площади орошаемыхъ земель.

11) Новыя ирригаціонныя предпріятія производятся или на

государственныя и земскія средства, или же на средства частныхъ предпринимателей, при чемъ послѣднимъ долженъ быть данъ возможно меньшій срокъ на исполненіе предпріятія, которое по окончаніи его подлежитъ выкупу государствомъ въ народное достояніе.

Таково въ схематическихъ чертахъ должно быть содержаніе закона о водопользованіи въ Туркестанѣ. При выработкѣ этого закона и при введеніи его въ дѣйствіе надо имѣть въ виду, что вода въ Туркестанѣ—цѣнный факторъ экономическаго развитія, и что она является *народнымъ* достояніемъ, правильная и справедливая для всѣхъ эксплоатація котораго есть залогъ всей жизни края. Но не надо забывать, что запасы воды ограничены, что имѣется предѣлъ развитія площади орошаемыхъ земель, и что поэтому колонизація Туркестана должна сообразоваться съ этими природными условіями. А считаясь съ послѣдними, надо сообразоваться и съ интересами аборигеновъ края, которые въ силу историческихъ, бытовыхъ и культурныхъ условій являются первыми кандидатами на свободные запасы воды. Поэтому предположенія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія о предоставленіи вновь орошенныхъ земель только русскимъ переселенцамъ никоимъ образомъ не должны имѣть мѣста. Равно не должно быть мѣста въ Туркестанѣ и развитію крупнаго землевладѣнія. Туркестанъ, какъ страна мелкаго землевладѣнія, населенная тюркскими племенами,—таковой и должна остаться, тѣмъ болѣе, что это не стоитъ препятствіемъ на пути ея культурнаго и экономическаго прогресса.

Ор. Шкапскій.

ПРАКТИКА И ТЕОРІЯ ОДНОЙ ОБРАЗЦОВОЙ АНГЛІЙСКОЙ ФАБРИКИ.

I.

Всѣмъ извѣстно, что англійское фабричное законодательство послужило образцомъ для законодательствъ, регулирующихъ фабричный режимъ въ странахъ континентальной Европы. Однако, точное выполненіе всѣхъ требованій закона,—пишетъ фабрикантъ, съ трудомъ котораго мы желаемъ познакомить читателей,—это только минимумъ того, что рабочіе могутъ ожидать отъ предпринимателей. «Сознаніе об-

щественнаго долга и даже *коммерческій разсчетъ*»,—прибавляетъ онъ же,—должны побуждать предпринимателей дѣлать для рабочихъ много больше того, что отъ нихъ требуетъ законъ. Такъ разсуждаютъ нерѣдко предприниматели въ Англіи и проводятъ болѣе или менѣе систематически свои взгляды въ жизнь. Съ однимъ изъ такихъ примѣровъ мы имѣемъ въ виду познакомить нашихъ читателей.

Производство шоколада и какао въ Англіи находится главнымъ образомъ въ рукахъ трехъ фабрикантовъ: Раунтри (Rowntree), Кэдбери и Фрая. При этомъ, быть-можетъ, не будетъ лишнимъ упомянуть, что шоколадъ въ Англіи составляетъ предметъ самаго широкаго потребленія всѣхъ классовъ общества, не исключая такъ наз. простого народа; на всякомъ народномъ гуляньѣ вамъ всѣ уши прожужжатъ мальчики, выкрикивающіе chocolate! chocolate! Замѣчательно, что всѣ три названные фабриканта квакеры и всѣ они извѣстны образцовой организаціей своихъ фабрикъ, образцовой не только съ технической или коммерческой, но и съ точки зрѣнія условій, въ которыя поставлены у нихъ рабочіе.

Первый изъ названныхъ фабрикантовъ, Раунтри имѣетъ, кромѣ того, всемірную извѣстность, какъ авторъ ряда выдающихся экономическихъ трудовъ, изъ которыхъ одинъ «Poverty» справедливо считается образцовымъ по тщательности изслѣдованія «ближайшихъ причинъ и послѣдствій бѣдности» [1]), изслѣдованія, произведеннаго самимъ Раунтри и лицами, работавшими по его указаніямъ. Изъ упомянутыхъ нами фабрикантовъ Кэдбери имѣетъ также имя въ экономической литературѣ Англіи (авторъ книги о женскомъ трудѣ и о такъ наз. sweating system, т.-е. о крайнихъ формахъ эксплоатаціи рабочихъ, особенно рабочихъ, трудящихся дома). Недавно Кэдбери выпустилъ подробное описаніе организаціи своего [2]) промышленнаго предпріятія, назвавъ это описаніе «Experiments in industrial organisation». Книга эта обратила на себя вниманіе англійской и американской экономической прессы и отмѣчена всѣми рецензентами, какъ изданіе, заслуживающее самаго серьезнаго вниманія промышленниковъ, во-первыхъ, и всѣхъ интересующихся соціальными вопросами, во-вторыхъ. Кстати сказать, къ книгѣ написалъ предисловіе извѣстный англійскій экономистъ, профессоръ въ Бирмингамскомъ университетѣ и деканъ коммерческаго отдѣленія этого университета Эшли (Ashley), обращающій на нее вниманіе всѣхъ business men, т.-е. такихъ же фабрикантовъ и промышлен-

---

1) Подъ такимъ названіемъ написано нами изложеніе труда Раунтри «Poverty», помѣщенное въ нашихъ «Соціологическихъ Этюдахъ».

2) Впрочемъ, авторъ книги является только однимъ изъ собственниковъ фабрики, принадлежащей семьѣ Кэдбери.

никовъ, какимъ является и самъ Кэдбери. Мы хотѣли познакомить русскую читающую публику хотя бы только съ нѣкоторыми изъ наиболѣе любопытныхъ фактовъ, которые мы находимъ въ только-что названной книгѣ и въ другихъ имѣющихся у насъ матеріалахъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни интересно и какъ ни поучительно было бы остановиться на фактахъ, характеризующихъ дѣятельность фирмы Кэдбери для поднятія образованія рабочихъ, для ихъ физическаго развитія, для ихъ развлеченія (организаціи клубовъ, кружковъ и т. д.), но стѣсненные рамками журнальной статьи, мы предпочитаемъ обратить пока вниманіе читателей на два основныхъ вопроса: о заработной платѣ и продолжительности рабочаго дня. Какъ совершенно основательно говоритъ нашъ фабрикантъ, «чтобы какія бы то ни было учрежденія на благо рабочихъ могли давать сколько-нибудь прочные результаты, надо, во-первыхъ, рабочимъ платить вознагражденіе, на которое они могли бы жить приличнс. Кромѣ того, продолжительность работы и вся гигіеническая обстановка фабричнаго труда не должны оказывать пагубнаго вліянія на рабочихъ... «Для всякаго очевидно»,—продолжаетъ Кэдбери,—«что предлагать переутомленнымъ и недоѣдающимъ рабочимъ клубы, классы, библіотеки и т. д. значитъ безцѣльно бросать деньги, затрачиваемыя на такія учрежденія». Болѣе рѣзко и рѣшительно не могли бы выразиться и сами рабочіе.

Какъ же разрѣшаетъ эти два центральные вопроса фирма? Заводъ Кэдбери находится въ 6 верстахъ отъ Бирмингама, и селеніе Баурнвиль, гдѣ живутъ рабочіе фирмы, считается образцовымъ по красотѣ и благоустройству въ Англіи, при чемъ это послѣднее обстоятельство вовсе не случайное, а представляетъ собой результатъ усилій и денежныхъ жертвъ фирмы, имѣющей въ этомъ отношеніи міровую извѣстность [1]).

По даннымъ, относящимся къ 1 января 1912 года, всего на заводѣ Кэдбери числилось 6.182 рабочихъ обоего пола, при чемъ женщины преобладали (3.447) надъ мужчинами. Изъ числа рабочихъ только 7 моложе 14 лѣтъ, около 1.600 въ возрастѣ между 14 и 18 годами; главная же масса старше 18 лѣтъ.

Къ чести фирмы слѣдуетъ отмѣтить, что въ числѣ рабочихъ сравнительно много лицъ старше 50 и даже старше 60 лѣтъ. Еще больше чести дѣлаетъ фирмѣ то обстоятельство, что 11% рабочихъ (мужчинъ) служатъ на фабрикѣ болѣе 20 лѣтъ; имѣются

---

[1]) Во всякомъ случаѣ объ этомъ хорошо знаетъ весь англосаксонскій міръ. См. книгу B. Menkin, Model Factories and vilages. Ideal Conditions of labor and housing. London. 1905.

рабочіе, состоящіе на заводѣ 30 лѣтъ и даже болѣе (женщинъ, работающихъ на фабрикѣ такъ долго, конечно, значительно меньше, по причинамъ, не требующимъ, мы надѣемся, никакихъ комментарій. О значеніи только-что приведенныхъ цифръ читатель будетъ судить правильно лишь въ томъ случаѣ, если приметъ въ соображеніе тотъ фактъ, что число рабочихъ на фабрикѣ быстро росло; за послѣднія 30 лѣтъ (1880—1911) оно увеличилось *въ 30 разъ* (303 и 6.182).

Какъ сказано, на фабрикѣ преобладаетъ женскій трудъ, при чемъ огромное большинство дѣвушекъ и женщинъ получаютъ сдѣльную плату. Фирма вообще считаетъ наиболѣе правильной такую систему оплаты труда рабочихъ, хорошо сознавая, однако, что въ примѣненіи ея могутъ быть иногда большія злоупотребленія. Одно изъ самыхъ значительныхъ злоупотребленій,—пишетъ Кэдбери,—состоитъ въ томъ, что предприниматель для установленія сдѣльныхъ расцѣнокъ выбираетъ самаго быстраго рабочаго и разсчитываетъ, затѣмъ, что всѣ остальные рабочіе будутъ работать такъ же быстро. Иначе сказать, предполагая, что рабочій долженъ въ теченіе дня заработать то или иное количество денегъ, они дѣлаютъ соотвѣтственную расцѣнку задѣльной платы. Фирма Кэдбери не позволяетъ себѣ такихъ злоупотребленій и въ своихъ расцѣнкахъ исходитъ всегда изъ трудоспособности средняго рабочаго, считая вполнѣ естественнымъ, что 5% — 10% рабочихъ, отличающихся по природѣ необыкновенной расторопностью, зарабатываютъ, благодаря установленнымъ нормамъ сдѣльной оплаты, процентовъ на 20 больше того, что фирма считаетъ нормальнымъ дневнымъ заработкомъ рабочаго (или какъ въ занимающемъ насъ случаѣ работницы) извѣстнаго возраста и опытности.

Фирма платитъ извѣстный минимумъ заработной платы даже и тогда, когда работницѣ по ея выработкѣ не полагалось такой платы. Конечно, такія работницы для фирмы невыгодны, при чемъ съ точки зрѣнія придпринимателя, какъ справедливо говоритъ Кэдбери, наиболѣе естественнымъ и простымъ рѣшеніемъ «было бы уволить такихъ плохихъ (inefficient) работницъ»... «Однако, такой простой способъ рѣшенія вопроса, полагаетъ Кэдбери, «не можетъ удовлетворить предпринимателя, отдающаго себѣ отчетъ въ своихъ нравственныхъ обязанностяхъ въ отношеніи къ своимъ рабочимъ и понимающаго, какія гибельныя послѣдствія для рабочаго человѣка можетъ имѣть такой образъ дѣйствій заводскаго управленія». «Кромѣ того»,—продолжаемъ цитировать слова фабриканта, — «недостаточная производительность труда рабочаго можетъ часто происходить отъ причинъ, *независимыхъ отъ самого*

рабочаго. Поэтому въ Баурнвиллѣ къ увольненію прибѣгаютъ только въ крайнемъ случаѣ, послѣ того, какъ окажутся безрезультатными всѣ другіе способы, которыми фирма пыталась поднять успѣшность труда рабочаго».

Что же дѣлается заводомъ? Каковы тѣ пріемы, которыми заводское управленіе стремится повліять на успѣшность работы дѣвушекъ и женщинъ, такъ какъ именно о нихъ въ настоящее время идетъ рѣчь? Всякая дѣвушка, которой выработка оказывается недостаточной, вызывается къ одному изъ директоровъ. Предварительно, однако, дѣвушку направляютъ къ фабричному доктору, который, послѣ необходимыхъ разспросовъ и осмотра, посылаетъ въ заводское управленіе письменный докладъ о состояніи ея здоровья и объ ея физическомъ развитіи. Директору представляетъ также свой отзывъ женщина, въ завѣдываніи которой находится соотвѣтственная мастерская. Часто бываетъ, что докторъ въ своемъ отзывѣ удостовѣряетъ слабое здоровье дѣвушки. Въ такомъ случаѣ дѣло рѣшается просто: дѣвушка съ этихъ поръ состоитъ подъ спеціальнымъ наблюденіемъ заводскаго врача, дающаго ей необходимые совѣты и указанія, съ которыми она, конечно, должна соображаться. «Бываетъ, что на первыхъ же порахъ хворой предлагается отправиться на нѣкоторое время въ санаторію, которую для такихъ случаевъ фирма содержитъ круглый годъ. Дѣвушекъ отправляютъ въ санаторію на мѣсяцъ и больше».

Замѣтимъ кстати, что санаторія завода Кэдбери находится въ графствѣ Herdfordshire въ холмистой и весьма здоровой мѣстности. Она разсчитана на 20 дѣвушекъ и почти всегда бываетъ полна. Это обстоятельство тѣмъ болѣе замѣчательно, что дѣвушки содержатся въ санаторіи *всецѣло на счетъ завода*, при чемъ въ случаѣ нужды имъ оказывается безплатно и медицинская помощь.

Въ 1910 году въ санаторіи пребывало 257 дѣвушекъ, изъ которыхъ 145 провели тамъ по 3 недѣли [1]).

Большею частью, однако, не представляется необходимости отправлять дѣвушку немедленно въ санаторію: докторъ предписываетъ недомогающей принимать рыбій жиръ, пить мальцъ-экстрактъ и т. п. Фирма предоставляетъ все это такимъ слабымъ дѣвушкамъ на свой счетъ.

«Случается, говоритъ Кэдбери, что изъ разспросовъ врача выясняется, что дѣвушка имѣетъ дурную привычку поздно вставать, и затѣмъ бѣжитъ на фабрику, не успѣвъ основательно поѣсть. Это, конечно, худо отражается на ея здоровьѣ, а затѣмъ и на производи-

[1]) Experiments in Industrial Organisation, p. 90.

тельности ея труда. Другія ложатся спать слишкомъ поздно и лишаютъ себя вслѣдствіе этого достаточнаго сна, что также отзывается на работѣ. Наконецъ, есть и такія дѣвушки, которыя питаются плохо вслѣдствіе недостатка пищи или недостаточнаго ея разнообразія, при чемъ иногда это происходитъ отъ общей бѣдности семьи или плохого веденія хозяйства. Въ такихъ случаяхъ, по предписанію врача дѣвушкамъ во время обѣда даются добавочныя безплатныя порціи за счетъ завода.

«Бываетъ»,—читаемъ мы нѣсколько далѣе,—«что малая выработка является результатомъ простой лѣни, результатомъ работы, производимой, какъ говорится, спустя рукава: это наблюдается приблизительно въ 5%—7% всѣхъ случаевъ. Чаще всего это бываетъ съ единственными дочерьми сравнительно обезпеченныхъ родителей, при чемъ такія дѣвушки обыкновенно даже ничего не платятъ въ семью за свое содержаніе, а пользуются своимъ заработкомъ на фабрикѣ въ качествѣ карманныхъ денегъ. Такимъ дѣвушкамъ дѣлается соотвѣтственное предупрежденіе, которое сообщается также и ихъ родителямъ. Если это не оказываетъ надлежащаго дѣйствія, такихъ работницъ увольняютъ.

«Иногда недостаточная выработка объясняется тѣмъ, что дѣвушка попала, такъ сказать, не на свое мѣсто, т.-е. она поставлена на такую работу, которая не соотвѣтствуетъ ея физическимъ силамъ и способностямъ или ея темпераменту. Въ такихъ случаяхъ перемѣна работы быстро влечетъ за собой повышеніе производительности ея труда».

Въ большинствѣ случаевъ,—такъ показываетъ опытъ завода Кэдбери,—причина недостаточной выработки заключается все-таки, главнымъ образомъ, въ *физической слабости*. Какъ было нами выше сказано, въ такихъ случаяхъ дѣвушка находится подъ наблюденіемъ врача и ей вмѣняется въ обязанность исполнять его совѣты и указанія. Дѣвушку держатъ, затѣмъ, на заводѣ по меньшей мѣрѣ въ теченіе полугода, ожидая улучшенія ея состоянія и оказывая ей въ этомъ отношеніи посильную помощь. Въ общемъ, какъ видно изъ подробныхъ и точныхъ данныхъ за цѣлый рядъ лѣтъ, увольняютъ изъ завода за медленность работы очень рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ дѣвушки съ теченіемъ времени выравниваются съ подругами; нѣкоторыя даже становятся работницами съ выработкой выше нормы [1]). Въ книгѣ Кэдбери мы находимъ даже примѣры отдѣльныхъ дѣвушекъ съ повышеніемъ производительности ихъ труда. Приведемъ одинъ такой примѣръ. «С. зарабатывала очень мало и это ее крайне

[1]) Experiments etc., pp. 80—86.

угнетало. Она страдала искривленіемъ спины и вообще была плохого здоровья. Какъ только это было выяснено врачемъ, ее отправили въ санаторію фирмы, гдѣ для лѣченія ея спины былъ примѣненъ массажъ. Когда С. вернулась на фабрику, она нѣкоторое время находилась подъ особымъ надзоромъ врача, вышина ея сидѣнья была въ точности приноровлена къ ея требованіямъ и т. д. Недѣльный заработокъ ея поднялся съ 6 шиллинговъ до 15»!!

Теперь скажемъ нѣсколько словъ по поводу самого размѣра заработковъ дѣвушекъ и женщинъ на заводѣ Кэдбери. Замѣтимъ, впрочемъ, что, выражаясь словами Кэдбери, «опытъ фирмы привелъ ее къ твердому убѣжденію [1]), что продолжительность работы дѣвушекъ и женщинъ въ теченіе недѣли не должна превышать 48 час., что составляетъ въ среднемъ 8 часовъ работы въ день. И въ самомъ дѣлѣ женщины и дѣвушки на заводѣ Кэдбери работаютъ 48 часовъ въ недѣлю, а нѣкоторыя (получающія поденную плату; но ихъ сравнительно мало) даже *только 42 часа*, при чемъ тѣ, которыя работаютъ 42 часа, имѣютъ иногда сверхъурочныя работы; тѣ же, кто работаетъ 48 часовъ въ недѣлю, никогда, даже на короткое время не задерживаются на заводѣ сверхъ нормы [2]) По субботамъ для всѣхъ рабочихъ трудовой день кончается въ 12 ч. 30 мин. дня. Какъ, быть-можетъ, извѣстно нашимъ читателямъ, въ Англіи на всѣхъ заводахъ суббота является полупраздникомъ: всѣ рабочіе, вообще говоря, въ субботу къ часу дня освобождаются.

Во второй четверти 1912 года на заводѣ работали 3.447 дѣвушекъ и женщинъ. Если мы ихъ раздѣлимъ на 4 равныя группы по 861 женщинѣ, то увидимъ, что первая группа работницъ (мы имѣемъ въ виду женщинъ и дѣвушекъ, получавшихъ сдѣльную плату, т.-е., громадное ихъ большинство) получала менѣе 12 шил. въ недѣлю, вторая группа отъ 12 шил. до $18^1/_4$ шил., третья отъ $18^1/_4$ до 23 и послѣдняя отъ этой послѣдней цифры до $47^1/_2$ шил., т.-е. почти до 24 рублей въ недѣлю (считая шиллингъ, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, почти равнымъ нашему полтиннику). Тѣ, кто получалъ поденную плату и работалъ 24 часа въ недѣлю, зарабатывали, какъ видно изъ данныхъ, приводимыхъ Кэдбери,—процентовъ на 10—12 меньше. Замѣтимъ, кстати, что первая группа состоитъ *исключительно* изъ дѣвушекъ моложе 18 лѣтъ и что около половины дѣвушекъ второй группы также *моложе 18 лѣтъ*. Конечно, съ нашей, русской, точки зрѣнія, такую оплату женскаго труда слѣдуетъ признать чрезвычайно хорошей. Она хороша и съ англійской точки зрѣнія,

[1]) Experiments etc., p. 267.

[2]) Experiments etc., p. 148.

такъ какъ вопреки широко распространеннымъ у насъ взглядамъ англійскіе рабочіе покупаютъ почти все, что имъ нужно, дешевле, чѣмъ русскіе, особенно если брать для сравненія рабочихъ нашихъ столицъ и большихъ городовъ.

Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ остановиться на этомъ любопытномъ и важномъ вопросѣ [1]).

II.

До сихъ поръ мы говорили только объ оплатѣ женскаго труда и его продолжительности. Теперь скажемъ въ короткихъ словахъ о томъ, какъ оплачивается трудъ мальчиковъ и мужчинъ.

Замѣтимъ, во-первыхъ, что, какъ общее правило, фирма принимаетъ мальчиковъ не ранѣе окончанія начальной школы и не моложе 14 лѣтъ. Такъ какъ въ Англіи посѣщеніе школы обязательно съ 5 по *меньшей мѣрѣ до 12 лѣтъ* (мѣстныя власти имѣютъ право *повышать* до 14 лѣтъ возрастъ, когда прекращается обязательное посѣщеніе школы), то это значитъ, что мальчики, поступающіе на фабрику, по меньшей мѣрѣ семь или восемь лѣтъ [2]) учились въ народной школѣ. Однако фирма находитъ, что для мальчиковъ было бы крайне вредно прекращать такъ рано свое образованіе, и не только поощряетъ, но прямо-таки требуетъ посѣщенія дѣтьми и подростками вечернихъ классовъ, которые всегда организуются мѣстными властями въ достаточномъ количествѣ и организуются, вообще говоря, превосходно [3]). Только по достиженіи 18 лѣтъ юноши освобождаются отъ посѣщенія школы. Въ этомъ отношеніи заводское управленіе не идетъ ни на какіе компромиссы.

Не останавливаясь на нѣкоторыхъ частностяхъ, какъ онѣ ни интересны, скажемъ лишь, что оплата труда мальчиковъ, принятыхъ на заводъ, увеличивается постепенно *каждые три мѣсяца* до 21 года, при чемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда производительность труда юноши оказывается особенно слабой, съ нимъ поступаютъ приблизительно такъ, какъ поступаютъ въ этихъ случаяхъ съ дѣвушками.

Съ 21 до 24 лѣтъ заработная плата повышается каждые

---

[1]) См. статью «Ближайшія причины и слѣдствія бѣдности» въ нашихъ «Соціологическихъ Этюдахъ» или нашу статью: «Какъ живутъ рабочіе въ Англіи», помѣщенную въ «Вѣстникѣ Европы», 1909.

[2]) См. нашу книгу: «Лондонскія школы и начальное образованіе въ Англіи».

[3]) См. нашу книгу: „Вечернія школы и курсы въ Англіи“.

полгода. По достиженіи 24 лѣтъ эти, такъ сказать, механическія [1]) повышенія платы прекращаются. Если трудъ рабочаго простой, неквалифицированный, если, иначе сказать, дѣло идетъ о чернорабочемъ, то въ 24 года такой рабочій, вообще говоря, достигаетъ максимальной оплаты своего труда—26 шиллинговъ, т. е. около 13 рублей въ недѣлю. Если дѣло идетъ о рабочемъ съ извѣстной спеціальностью (фабрика, кстати сказать, всячески поощряетъ стремленія молодыхъ людей къ изученію того или иного мастерства), то такому рабочему, по достиженіи указаннаго возраста, во всякомъ случаѣ обезпечивается извѣстный минимумъ заработной платы, при чемъ этотъ минимумъ какъ разъ совпадаетъ съ тѣмъ, что соотвѣтственный рабочій союзъ считаетъ нормальной заработной платой взрослаго рабочаго данной спеціальности. Вотъ что мы читаемъ по этому поводу въ книгѣ Кэдбери:

«Когда дѣло идетъ объ оплатѣ рабочихъ извѣстной спеціальности, заводъ сообразуется съ правилами, установленными соотвѣтственнымъ рабочимъ союзомъ относительно размѣра заработной платы, продолжительности рабочаго дня и т. д. Однако, норма, устанавливаемая рабочимъ союзомъ, не разсматривается фирмой, какъ возможный максимумъ заработной платы рабочихъ соотвѣтственной спеціальности. Часто бываетъ, что рабочіе завода получаютъ больше: минимумъ рабочаго союза является для заводской администраціи лишь исходнымъ пунктомъ для регулированія заработной платы, и если тотъ или иной рабочій этого стоитъ, ему платятъ и больше. Такъ, напр., въ одномъ изъ большихъ отдѣловъ фабрики минимумъ, установленный фирмой, на шиллингъ больше нормы рабочаго союза, при чемъ служащіе получаютъ свою плату за рабочую недѣлю въ 48 часовъ, тогда какъ рабочій союзъ, устанавливая свою норму, имѣлъ въ виду рабочую недѣлю въ 53 часа» [2]).

Въ общемъ, въ мужскомъ отдѣленіи оплата труда основана на нѣкоторой комбинаціи поденной и сдѣльной платы, при чемъ, повторяемъ, рабочимъ во всякомъ случаѣ обезпеченъ извѣстный минимумъ, который считается какъ бы нормальной заработной платой. Это не касается только мастеровыхъ чернорабочихъ.

Что касается продолжительности рабочаго дня или, какъ часто считаютъ въ Англіи, рабочей недѣли, то послѣдняя, какъ общее правило, установлена въ 48 часовъ. Кромѣ принятыхъ вообще въ Англіи праздниковъ, фирма прекращаетъ работы на 5 дней на Рож-

---

1) Эти прибавки не вполнѣ механическія, такъ какъ, если юноша оказывается плохимъ рабочимъ, то прибавка ему задерживается. Однако это бываетъ рѣдко и только при наличіи особыхъ основаній.

2) Experiments etc., 153.

дество и на 10 дней въ концѣ іюля и въ началѣ августа. По поводу этого слѣдуетъ сказать, что въ Англіи и въ особенности въ Шотландіи многіе заводы распускаютъ своихъ рабочихъ лѣтомъ на недѣлю, чтобы дать имъ возможность съѣздить на берегъ моря или въ деревню, такъ какъ любовь къ экскурсіямъ и путешествіямъ въ Англіи замѣчается не у однихъ только среднихъ и высшихъ классовъ общества. Мы живо помнимъ, какъ однажды лѣтомъ приморское мѣстечко близъ Эдинбурга (Portobello) было наводнено въ теченіе недѣли рабочими изъ Глазго, гдѣ большинство фабрикъ закрылись на недѣлю. Это было, насколько помнимъ, въ срединѣ іюля.

Заводъ Кэдбери не только отпускаетъ своихъ рабочихъ лѣтомъ на 10 дней, но и выдаетъ имъ на экскурсію нѣкоторое пособіе или награду. Тѣ рабочіе, которые прослужили годъ, получаютъ заработную плату за три дня, прослужившіе три года получаютъ заработную плату за 6 дней и т. д. вплоть до максимума, равняющагося заработной платѣ за 12 дней, выдаваемой старѣйшимъ рабочимъ. Кромѣ того рабочіе, за которыми не числится никакихъ провинностей въ родѣ опаздыванія и т. п., получаютъ въ видѣ преміи заработную плату еще за одинъ лишній день. Любопытно отмѣтить, что въ 1909 году такіе рабочіе составляли 48% общаго числа, а въ 1911 году цѣлыхъ двѣ трети (67%), что особенно удивительно, если принять во вниманіе, что довольно значительная часть рабочихъ моложе 18 лѣтъ. При этомъ можно, кстати, сообщить читателю, что фирма уже довольно давно уничтожила систему штрафовъ: она предпочитаетъ награждать тѣхъ, кто проявляетъ полную аккуратность.

Заботы фирмы о матеріальномъ благополучіи своихъ рабочихъ, однако, этимъ не исчерпываются. Съ 1906 года образованъ для рабочихъ-мужчинъ пенсіонный фондъ и заводъ объявилъ условія полученія рабочими пенсіи. Предварительно заводской администраціей было организовано совѣщаніе присяжныхъ счетоводовъ, которые произвели всѣ необходимые разсчеты. Всѣмъ мужчинамъ, между 16 и 50 годами, было предложено, если бы они этого пожелали, записаться въ члены пенсіонной кассы, при чемъ размѣръ отчисленій изъ заработка былъ установленъ отъ $2^1/_2\%$ до $4^1/_2\%$, смотря по возрасту, въ которомъ вступалъ въ кассу рабочій. Для образованія основного пенсіоннаго капитала фирма дала единовременно 600.000 руб. и приняла на себя обязательство дѣлать ежегодно взносъ въ кассу около 90.000 руб.

Какъ мы сказали, рабочіе вступаютъ въ пенсіонную кассу по своему желанію; фактически это дѣлаютъ почти всѣ. Мы не удивимся этому, если познакомимся съ преимуществами, обезпечива-

емыми записью въ кассу. Рабочіе, во-первыхъ, пріобрѣтаютъ безусловное право на пенсію по достиженіи 60 лѣтъ, при чемъ размѣръ пенсіи составляетъ произведеніе одного процента средняго заработка на число лѣтъ службы. Въ случаѣ болѣзни рабочему, если только онъ прослужилъ на заводѣ не менѣе 10 лѣтъ, выдается все-таки пенсія на особыхъ основаніяхъ. Еще болѣе важно слѣдующее обстоятельство. Всякому рабочему, который почему-либо оставляетъ заводъ, будь то даже вслѣдствіе крайней небрежности или дерзости, возвращаются полностью всѣ его взносы плюсъ сложные проценты на эти взносы въ размѣрѣ $2^1/_2\,^0/_0$ годовыхъ. Такимъ образомъ пенсіонная касса является для рабочаго также и кассой сберегательной. Если, далѣе, рабочій умираетъ до выслуги пенсіи, всѣ его взносы плюсъ $2^1/_2\,^0/_0$ годовыхъ уплачиваются его вдовѣ или тому лицу, на кого онъ укажетъ при жизни. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ большое значеніе для одинокихъ и для рабочихъ, живущихъ, такъ сказать, фактическимъ бракомъ. Помимо этого на похороны рабочаго всегда выдается семьѣ пособіе. Мы видимъ такимъ образомъ, что участіе въ пенсіонной кассѣ замѣняетъ до извѣстной степени страхованіе жизни. За пять лѣтъ до наступленія срока выслуги пенсіи рабочій можетъ заявить, что онъ согласенъ на то, чтобы размѣръ приходящейся ему пенсіи былъ уменьшенъ, но чтобы въ случаѣ его смерти его пенсію продолжали уплачивать въ томъ же размѣрѣ его вдовѣ. Это право каждаго рабочаго, и касса обязана удовлетворить такое желаніе, при чемъ все это дѣлается согласно извѣстнымъ разсчетамъ, и рабочему въ точности извѣстенъ размѣръ пенсіи. Наконецъ,—и это, быть-можетъ, самая важная прибавка къ сказанному—пенсіоннымъ фондомъ завѣдуетъ особая утвержденная властями комиссія, «независимая отъ завода», при чемъ капиталы кассы состоятъ въ государственныхъ или иныхъ надежныхъ бумагахъ, отнюдь не имѣя какого-либо отношенія къ запаснымъ капиталамъ или оборотнымъ средствамъ фирмы.

Таковы правила, на основаніи которыхъ дѣйствуетъ пенсіонный фондъ для мужского отдѣленія.

Женщины въ Англіи, какъ и во всемъ остальномъ мірѣ, рѣдко остаются долго въ положеніи фабричныхъ работницъ. Выходя замужъ, онѣ обыкновенно сразу же или спустя нѣкоторое время оставляютъ работу на фабрикѣ. Поэтому относительно ихъ обезпеченія существуютъ особыя правила. У нихъ имѣется особый пенсіонный фондъ, при чемъ въ случаѣ оставленія завода имъ возвращаются всѣ взносы плюсъ $5^0/_0$ *годовыхъ* (сложные проценты). Тѣ, кто почему-либо прослужилъ бы на заводѣ много лѣтъ, могутъ или получить на этомъ основаніи довольно значительную сумму, или получить

соотвѣтственную пенсію [1]). Замѣтимъ кстати, что въ Англіи какъ мужчины, такъ и женщины, не исключая лицъ рабочаго класса, женятся и выходятъ замужъ сравнительно поздно [2]): такъ, для работницъ завода Кэдбери средній возрастъ выхода замужъ *25 лѣтъ*. Если работница поступила на заводъ 15 лѣтъ, то, уходя изъ завода по случаю замужества 25 лѣтъ, она получаетъ обыкновенно изъ кассы 200 или даже болѣе рублей, т.-е. съ точки зрѣнія нашего рабочаго человѣка порядочное приданое, образованное къ тому же изъ ея собственныхъ сбереженій. Скажемъ въ заключеніе, что въ случаѣ смерти работницы всѣ ея взносы съ процентами возвращаются тому лицу, на котораго она укажетъ при жизни, т.-е. она располагаетъ своими взносами въ пенсіонный фондъ такъ, какъ могла бы это дѣлать, внося ихъ въ государственную сберегательную кассу.

Мы не находимъ нужнымъ указывать на нѣкоторыя иныя преимущества, которыя имѣютъ рабочіе фирмы Кэдбери. Такъ мы не будемъ говорить о формѣ и размѣрѣ помощи, оказываемой фирмой всѣмъ своимъ рабочимъ въ случаѣ болѣзни [3]) и т. п. Скажемъ лишь, что даже въ случаѣ смерти жены рабочаго заводъ считаетъ себя обязаннымъ придти къ нему на помощь и выдаетъ на похороны 40 руб.

Въ заключеніе мы хотѣли бы обратить вниманіе читателя только на одно обстоятельство, но обстоятельство чрезвычайно важное и имѣющее ближайшее отношеніе къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ рабочихъ и предпринимателей; мы разумѣемъ вопросъ о степени участія рабочихъ фирмы въ своихъ профессіональныхъ организаціяхъ и объ отношеніи къ этому фирмы Кэдбери. Здѣсь читатель услышитъ отъ Кэдбери слова и факты, для него, русскаго человѣка, совершенно необычные... столь необычные, что русскій человѣкъ готовъ былъ бы считать ихъ мистификаціей, если бы они не были напечатаны въ книгѣ, предназначенной для широкой публики въ Англіи, въ книгѣ, которая должна была бы вызвать самую рѣшительную отповѣдь со стороны англійскихъ рабочихъ и ихъ прессы, если бы изложенные въ книгѣ факты рѣзко противорѣчили истинѣ. Насколько намъ извѣстно, такихъ отзывовъ книга Кэдбери не вызвала ни съ какой стороны. Въ виду экстраординарности послѣдую-

---

[1]) Въ книгѣ Кэдбери имѣются относящіяся сюда данныя, но мы не находимъ нужнымъ посвящать въ эти подробности читателей.

[2]) См. нашу статью: „Жены и дочери англійскихъ рабочихъ“ въ „Русской Мысли“, 1909.

[3]) Съ недавнимъ введеніемъ въ дѣйствіе великаго акта о національномъ страхованіи (National Insurance Act) эта форма помощи рабочимъ утратила свой raison d'être.

щихъ фактовъ и сужденій мы предоставляемъ слова самому Кэдбери. Говоря объ отношеніи рабочихъ фирмы къ профессіональнымъ союзамъ, онъ пишетъ слѣдующее:

«Запись въ члены рабочаго союза подразумѣваетъ у записывающагося не только наличіе чувства товарищества, чувства профессіональной солидарности, но и сознаніе нѣкоторой личной выгоды отъ зачисленія въ союзъ. Въ этомъ случаѣ рабочіе, вѣроятно, оказываются не лучше и не хуже, чѣмъ лица другихъ классовъ общества... Обыкновенный рабочій, дѣлая взносъ въ кассу своего союза, долженъ сознавать, что онъ получитъ за это нѣкоторую осязательную выгоду. Это утвержденіе въ общемъ справедливо, несмотря даже на то, что въ нѣкоторыхъ видахъ труда и въ нѣкоторыхъ промышленныхъ раіонахъ запись въ члены союза стала фактомъ, вошедшимъ въ крѣпкую традицію, фактомъ, почти самъ собой разумѣющимся.

«Какъ бы то ни было, рабочіе фирмы, получая заработную плату далеко выше обычной заработной платы въ своемъ раіонѣ, зная, что имъ будетъ оказана денежная и безплатная медицинская помощь во время болѣзни и что они послѣ многихъ трудовъ могутъ разсчитывать на заработанную ими же пенсію, не испытывали и не испытываютъ особыхъ побужденій къ записи въ члены профессіональныхъ союзовъ. Такое явленіе наблюдается, несмотря на то, что рабочимъ хорошо извѣстно, что директора завода относятся сочувственно къ дѣятельности рабочихъ союзовъ, всегда считаются съ этой дѣятельностью и что нѣкоторые рабочіе фирмы безъ какихъ-либо для себя послѣдствій не разъ предсѣдательствовали на мѣстныхъ собраніяхъ, организуемыхъ отъ времени до времени разными профессіональными союзами [1]).

«Въ послѣднее время замѣчается, однако, въ этомъ отношеніи явное *улучшеніе*, что̀ слѣдуетъ поставить, несомнѣнно, въ связь съ улучшеніемъ образованія рабочихъ—(что̀, прибавимъ мы отъ себя, въ значительной степени объясняется рѣшительными мѣрами, принимаемыми для этого фирмой). На заводѣ, въ настоящее время, имѣются многочисленныя отдѣленія разныхъ профессіональныхъ союзовъ и число членовъ ихъ *быстро увеличивается*. Признаки увеличившагося профессіональнаго самосознанія наблюдаются и среди женщинъ, такъ какъ на заводѣ недавно образовалось отдѣленіе «національной федераціи женщинъ работницъ».

Дальше мы узнаемъ изъ книги Кэдбери, что въ 1910 году

---

[1]) Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, фирма Кэдбери рѣзко отличается отъ описанной нами однажды американской фирмы «Pullman Palace Car Company». См. нашу книгу: «Документальная исторія одной стачки».

между работницами фирмы организовалась такъ наз. Social service League, насчитывающая уже болѣе 550 членовъ. Задача лиги заключается, между прочимъ, въ посильной помощи одной бирмингамской женской рабочей организаціи, — Birmingham women's workers organisation committee, — имѣющей цѣлью, съ одной стороны, содѣйствовать образованію женскихъ профессіональныхъ союзовъ и, съ другой стороны, доставлять еще неорганизованной массѣ женскаго рабочаго люда разныя здоровыя развлеченія. Многія женщины, работающія на заводѣ Кэдбери, являются дѣятельными сочленами въ клубахъ для рабочихъ дѣвушекъ въ Бирмингамѣ. Скажемъ кстати, что Бирмингамъ вообще славится въ Англіи обиліемъ и прекрасной организаціей клубовъ для рабочей молодежи обоего пола.

А вотъ еще любопытныя слова, которыя русскій человѣкъ менѣе всего склоненъ ожидать въ книгѣ, написанной главой промышленнаго предпріятія: «Какъ мы видѣли,—пишетъ Кэдбери,—рабочіе фирмы, благодаря высокой оплатѣ труда, могутъ жить сравнительно комфортабельно; всѣ они къ тому же отличаются и своимъ сравнительно хорошимъ образованіемъ. Однако, заводъ не можетъ дать работу всѣмъ членамъ рабочихъ семей, проживающихъ въ Баурнвиллѣ. Такимъ образомъ, изъ этихъ семей извѣстное число молодыхъ людей и дѣвушекъ должно искать себѣ заработка въ иныхъ предпріятіяхъ, гдѣ уровень оплаты труда иной и гдѣ среди рабочихъ наблюдается иной уровень образованія. Это вызываетъ у такихъ молодыхъ людей здоровое чувство недовольства оплатой своего труда и другими условіями работы. Такое осмысленное недовольство представляетъ собой благодарную почву для процвѣтанія профессіональныхъ союзовъ».

Да не подумаетъ читатель, что Кэдбери думаетъ своей книгой доказывать тождественность интересовъ фабрикантовъ и рабочихъ. Нѣтъ, онъ слишкомъ далекъ отъ такого рода взглядовъ. Онъ вполнѣ понимаетъ, что интересы этихъ сторонъ обычно расходятся. Предприниматели могутъ, однако, поступать такъ, что своими дѣйствіями будутъ обострять эти отношенія или, наоборотъ, стараться сглаживать возможныя разногласія, а для этого, говоря словами Кэдбери, необходимо, чтобы предприниматели сознавали не только свои права въ отношеніи рабочихъ, но и свои обязанности.

«Быть можетъ,—говоритъ Кэдбери въ послѣднихъ строкахъ своей книги,—въ будущемъ насъ ожидаютъ широкія, въ высшей степени важныя перемѣны въ организаціи промышленной жизни страны и въ способахъ руководительства промышленныхъ заведеній. Однако, это можетъ произойти только въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; до тѣхъ же поръ предприниматели будутъ оказывать

большое вліяніе на жизнь и благосостояніе своихъ рабочихъ. Только въ виду такого рода соображеній описаніе пріемовъ управленія заводомъ въ Баурнвиллѣ можетъ принести свою долю пользы, какъ одинъ изъ исходныхъ пунктовъ при рѣшеніи разныхъ промышленныхъ проблемъ».

Какъ видимъ, притязанія автора «Experiments in industrial Organisation» весьма скромны, и едва-ли кто-либо рѣшится оспаривать такое значеніе книги Кэдбери, значеніе ея, какъ интереснаго документа въ ряду многихъ другихъ, которыми характеризуется современная жизнь Англіи.

Но какъ бы мы ни смотрѣли оптимистически на заводъ Кэдбери и практикующіеся тамъ порядки, все-таки заводъ былъ основанъ и продолжаетъ существовать, какъ коммерческое предпріятіе, какъ предпріятіе, дающее достаточный чистый доходъ его собственникамъ, представителямъ почтенной, уважаемой секты квакеровъ. Онъ долженъ конкуррировать на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ съ аналогичными предпріятіями, и цѣны выпускаемыхъ имъ на рынокъ продуктовъ должны быть во всякомъ случаѣ не выше цѣнъ его конкуррентовъ. Каково положеніе завода съ этой послѣдней, важнѣйшей для всякаго предпринимателя, точки зрѣнія? Вотъ какой отвѣтъ даетъ намъ на этотъ вопросъ Кэдбери въ предисловіи къ своей книгѣ.

«Производительность торговопромышленнаго заведенія — зависитъ не только отъ физическихъ силъ рабочаго, но и отъ ихъ общаго отношенія къ предпринимателю. Верховный критерій для оцѣнки организаціи фабрики заключается въ отвѣтѣ на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ заводскіе порядки создаютъ и поддерживаютъ атмосферу дружнаго сотрудничества и взаимнаго благожелательства, *не уменьшая въ то же время* въ рабочихъ ихъ лояльныя чувства по отношенію къ своему классу и его профессіональнымъ организаціямъ. Характеръ рабочаго есть также одинъ изъ элементовъ промышленнаго успѣха... Поэтому нашъ заводъ тщательно выбираетъ рабочихъ и дѣлаетъ все возможное для поднятія ихъ образованія, повышая въ то же время оплату ихъ труда по мѣрѣ усердія и способностей и т. д.

«Коммерческая цѣнность описываемыхъ нами порядковъ завода доказывается, прежде всего, тѣмъ, что дѣло наше быстро развивается, какъ это и можно видѣть изъ увеличенія числа заводскихъ рабочихъ: въ 1880 году на фабрикѣ было 303 рабочихъ, въ 1911 ихъ было уже 6.182. Производительность труда нашихъ служащихъ проявляется самыми разнообразными путями, при чемъ однимъ изъ наиболѣе поразительныхъ результатовъ такого положенія дѣла надо

считать устраненіе браковки и уменьшеніе себѣ стоимости по всѣмъ отдѣленіямъ фабрики. Тамъ, гдѣ дисциплина хороша, гдѣ заводскіе порядки вызываютъ добрыя чувства рабочихъ и стремленіе къ производительной затратѣ своего времени и силъ, тамъ администрація и мастера могутъ сосредоточивать все свое вниманіе на вопросахъ организаціонныхъ вмѣсто того, чтобы затрачивать свою энергію на предупрежденіе непорядковъ и злоупотребленій или на взысканія съ тѣхъ, кто въ чемъ-либо нарушилъ распорядокъ работы».

Далѣе Кэдбери указываетъ на значеніе сравнительно высокой интеллигентности заводскихъ рабочихъ фирмы и на ихъ необычайную пунктуальность.

«Коммерческая выгодность для фирмы заведенныхъ ею порядковъ покажется для практическаго человѣка новѣйшей складки (modern business man), быть можетъ, вполнѣ убѣдительной, если мы обратимъ вниманіе его на тотъ фактъ, что фирма конкуррируетъ съ возрастающимъ успѣхомъ на иностранныхъ и колоніальныхъ рынкахъ, хотя ихъ иностранные конкурренты платятъ меньшую заработную плату, при чемъ въ частности женщины иногда получаютъ вдвое меньше, чѣмъ получаютъ работницы въ Баурнвиллѣ».

П. Мижуевъ.

КРУЖКИ ФЕРМЕРШЪ ВЪ БЕЛЬГІИ.

Собиравшійся въ Гентѣ въ 1913 г. Международный конгрессъ сельскаго хозяйства поставилъ на обсужденіе собранія жгучій и общій для Западной Европы вопросъ объ опустѣніи деревень и бѣгствѣ въ города. Вопросъ этотъ былъ заранѣе подготовленъ международной комиссіей, состоящей изъ ста членовъ,—представителей отъ разныхъ государствъ, на обязанности которой лежитъ общая подготовка конгрессовъ; эта комиссія устроила нѣчто въ родѣ анкеты о причинахъ этого бѣгства въ мѣстностяхъ, наиболѣе знакомыхъ каждому отдѣльному члену. Собранный богатый матеріалъ былъ обработанъ однимъ изъ членовъ комиссіи и, между прочимъ, послужилъ темой для привѣтственной рѣчи Ж. Мелину, при открытіи конгресса. Не входя въ обсужденіе сложныхъ причинъ, вызывающихъ тягу въ города, остановимся на тѣхъ путяхъ удержанія или возвращенія населенія на землю, которые намѣтилъ Мелинъ въ своей рѣчи. Считая безусловно необходимымъ вернуть въ деревню

массу бѣгущаго изъ нея въ промышленные центры народа, не находящаго себѣ тамъ надлежащаго мѣста и дѣла, бѣдствующаго, еле перебивающагося и умножающаго ряды городской бѣдноты, онъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: дать сельскимъ рабочимъ такія же удобныя и красивыя помѣщенія, какія строятся теперь по городамъ для фабричныхъ рабочихъ; постараться сдѣлать сельскихъ рабочихъ хотя бы мелкими собственниками и тѣмъ вызвать въ нихъ интересъ къ деревнѣ и прикрѣпить ихъ къ землѣ; поработать надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать жизнь въ деревнѣ пріятнѣе, веселѣе и разумнѣе; поднять образованіе женщинъ и путемъ его привить любовь къ землѣ и чувство гордости къ земледѣльческой профессіи; всѣми средствами, преимущественно же путемъ школы, искусства и литературы, подчеркивать красоты земли и работы на ней; позаботиться о томъ, чтобы поднять уваженіе къ земледѣльцу, какъ къ общественному работнику, какъ къ благодѣтелю человѣчества—и только тогда можно будетъ ждать и надѣяться, что нарушенное равновѣсіе возстановится. Затѣмъ Мелинъ привѣтствуетъ Бельгію, въ столицѣ которой открывается конгрессъ (засѣданія происходили въ Гентѣ и Брюсселѣ), страну, гдѣ все это давно признано и проведено на практикѣ; Бельгія умѣетъ развивать одновременно и свою промышленность, и свое сельское хозяйство, не перегружая городовъ и не опустошая деревень. Степень развитія сельскаго хозяйства въ Бельгіи, по его мнѣнію, такъ высока, какъ ни въ какой другой странѣ; все ея благосостояніе тѣмъ болѣе замѣчательно, что она имъ обязана преимущественно частной иниціативѣ, игравшей въ ней крупную роль, разрѣшившей многія проблемы и сдѣлавшей изъ нея сплошной цвѣтущій садъ и образцовое поле, дающіе maximum производительности. Въ Бельгіи людей, любящихъ сельское хозяйство—множество, во всѣхъ слояхъ общества; но дѣйствительнымъ творцомъ сельско-хозяйственнаго возрожденія страны, нужно смѣло и громко признать, явилась бельгійская женщина, вызывающая удивленіе всѣхъ, кто слѣдитъ за сельско-хозяйственнымъ прогрессомъ въ этой странѣ. «Роль бельгійской женщины въ сельско-хозяйственной жизни своей страны поселила во мнѣ,—закончилъ ораторъ, — глубокое убѣжденіе, что въ настоящее время ключъ земледѣльческой проблемы держитъ въ своихъ рукахъ женщина и ни въ одной изъ странъ сельское хозяйство не будетъ возстановлено помимо нея, только она положитъ предѣлъ опустошенію деревень». Мелинъ отдалъ также должное бельгійскому министерству земледѣлія, помогшему странѣ безъ особыхъ потерь миновать земледѣльческій кризисъ благодаря умѣнію во-время оказать пособіе частной иниціативѣ широкой волной субсидій, а также организаціей

спеціальнаго образованія молодыхъ поколѣній, въ особенности дѣвушекъ, прививая имъ любовь къ земледѣлію и создавая для нихъ новое, широкое поле примѣненія труда.

Какова же эта подготовка и какова роль женщины въ земледѣльческой жизни Бельгіи?

Число женщинъ, занимающихся въ ней земледѣліемъ, доходитъ до 500.000 (всего населенія въ Бельгіи по переписи 1910 года 7.423.784 ч.; чисто земледѣльческаго около полутора милліона), ихъ значительно больше здѣсь, чѣмъ работающихъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. На фермершѣ, т. е. женѣ и помощницѣ своего мужа-фермера, исключительно лежитъ все молочное хозяйство и всѣ работы по птицеводству. Общее количество молочныхъ продуктовъ въ странѣ выражается въ суммѣ 360 милл. франковъ, что равняется всѣмъ доходамъ съ желѣзныхъ дорогъ, а доходы съ птицеводства значительно превышаютъ военный бюджетъ въ странѣ,—не принимая къ тому же въ разсчетъ продуктовъ отъ огородничества, также почти исключительно находящагося въ рукахъ женщинъ,—оказывается, что женскій трудъ сильно способствуетъ росту богатства и благосостоянія въ странѣ. Что касается соціальной и нравственной роли женщины, трудящейся на землѣ, то она во много разъ превышаетъ ея экономическое значеніе: являясь подругой своего мужа во всѣхъ его трудахъ, неся значительную часть ихъ самостоятельно, заботясь о домашнемъ уютѣ и о томъ, чтобы сдѣлать деревенскую жизнь пріятнѣе, и, сверхъ всего, занимаясь воспитаніемъ дѣтей—фермерша ослабляетъ бѣгство въ города, регулируетъ населеніе въ странѣ, воспитываетъ для націи здоровыя, бодрыя и сильныя поколѣнія, и, въ общемъ, дѣлаетъ великое дѣло, питая то легендарное дерево, съ которымъ одинъ китайскій мудрецъ сравниваетъ благосостояніе людей: корни—это сельское хозяйство, листья и вѣтви—обрабатывающая промышленность и торговля; если сыты и здоровы корни, то листва развертывается пышно и зелено, а если корни хвораютъ и голодаютъ безъ пищи—зелень блекнетъ, желтѣетъ, и дерево гибнетъ.

Вотъ почему въ Бельгіи, гдѣ сельско-хозяйственная культура стоитъ такъ высоко, придается особенное значеніе сельско-хозяйственному образованію женщины: для дѣвушекъ, окончившихъ начальную школу, если онѣ не поступаютъ въ профессіональныя школы, тамъ организуются странствующія школы или курсы сельскаго хозяйства, а въ средѣ взрослыхъ женщинъ пропагандируются и устраиваются особаго типа сельско-хозяйственныя общества, такъ называемые «Кружки фермершъ».

Начало сельско-хозяйственному образованію дѣвушекъ и взро-

слыхъ женщинъ въ Бельгіи положено еще 25 лѣтъ тому назадъ, но на первыхъ порахъ дѣло медленно подвигалось впередъ; въ настоящее же время больше 1.000 молодыхъ дѣвушекъ слушаютъ курсы и нѣсколько десятковъ тысячъ женщинъ (точныхъ свѣдѣній нѣтъ) объединено въ кружки. Сравнительно съ общей массой сельскаго населенія это, конечно, немного, но движеніе быстро захватываетъ все болѣе и болѣе широкія области. Странствующія школы или курсы сельскаго хозяйства и домоводства постепенно образовались изъ первоначальныхъ странствующихъ школокъ молочнаго хозяйства, перекочевывавшихъ изъ одной деревни въ другую каждые три мѣсяца; онѣ давали свѣдѣнія о новѣйшихъ, болѣе раціональныхъ способахъ переработки молока, обучали сыроваренію, счетоводству, уходу за скотомъ, слегка касаясь сада и огорода, почти не затрогивая полевого хозяйства. Цѣнною частью ихъ программы была пропаганда кооперативнаго начала въ молочномъ дѣлѣ и обученіе техникѣ кооперативнаго дѣла. Результатомъ дѣятельности этихъ странствующихъ школъ и курсовъ явилось повышеніе техники производства всѣхъ молочныхъ продуктовъ, которые начали утилизироваться разумнѣе, экономнѣе и стали продаваться по болѣе высокой цѣнѣ, благодаря умѣнью вести хозяйственные подсчеты и въ особенности благодаря переходу единоличнаго производства къ кооперативному: рѣдко въ какой изъ деревень, вслѣдъ за посѣщеніемъ и 3-мѣсячнымъ пребываніемъ школы, не возникало молочной артели и коллективнаго сбыта продуктовъ.

Въ 1898—99 г.г. программа этихъ школокъ молочнаго хозяйства была расширена, срокъ занятій въ нихъ продленъ и онѣ преобразованы въ «странствующія школы или курсы домоводства и сельскаго хозяйства». Программа ихъ включаетъ слѣдующіе предметы: гигіену, домашнее хозяйство, уходъ за дѣтьми и воспитаніе ихъ, кройку и шитье, молочное дѣло и сыровареніе, уходъ за скотомъ, свѣдѣнія по пчеловодству, начатки земледѣлія и садоводства, счетоводство домашняго хозяйства и кооперативной молочной. Директоромъ странствующей школы является мѣстный участковый агрономъ, онъ читаетъ часть лекцій, затѣмъ въ составъ персонала входятъ двѣ или болѣе учительницы, которыя ведутъ остальныя, преимущественно практическія занятія. Бюджетъ такой временной школы исчисляется обыкновенно въ 2.000 фр., 800 фр. вознагражденія старшей учительницѣ, 600 помощницѣ и 600 остальные расходы по передвиженію, устройству и пр. Провинція обыкновенно даетъ 500 фр., округъ и община по 200 фр., а остальное падаетъ на счетъ государства. Посѣщеніе школы безплатно, занятія ведутся въ теченіе шести часовъ, два часа отдаются на теоретическую подготовку и четыре на практическую работу.

Однако, какъ ни хороши эти курсы, но ихъ еще слишкомъ мало, они захватываютъ только 1000 ч., т.-е. сотую часть дѣвушекъ въ возрастѣ 15—18 лѣтъ въ сельскихъ мѣстностяхъ; знанія, даваемыя ими, только въ будущемъ будутъ вполнѣ приложены къ дѣлу, когда эти дѣвушки сами станутъ хозяйками. Чтобы подойти ближе къ жизни, оказать непосредственное воздѣйствіе на текущую хозяйственную работу, оказалось необходимымъ принять мѣры по обученію взрослыхъ женщинъ, фермершъ, хозяекъ дома. Уже въ 1894 г. Вюйстъ, генеральный директоръ земледѣлія въ Бельгіи, организовалъ въ Бёрсбекѣ первыя лекціи для фермершъ. Успѣхъ былъ полный, и къ 1902 г. департаментомъ земледѣлія были организованы уже въ 40 мѣстахъ воскресныя чтенія для фермершъ. При наличности въ Бельгіи 2.400 общинъ чередъ до каждой изъ нихъ дошелъ бы, конечно, не скоро, а потому почувствовалась необходимость въ созданіи постоянныхъ мѣстныхъ организацій, и на конгрессѣ фермершъ въ Лезѣ въ 1906 г. ими было принято рѣшеніе организоваться въ кружки для пополненія свѣдѣній съ цѣлью наиразумнѣйшаго выполненія поставленныхъ задачъ. Въ декабрѣ того же 1906 года преподавательницы женской школы домоводства и с. хозяйства во Фландріи организовали первый кружокъ фермершъ послѣ двухъ сессій временныхъ с.-хозяйственныхъ курсовъ въ этой мѣстности. Съ тѣхъ поръ практика открытія кружка въ общихъ чертахъ такова: послѣ того какъ въ данную мѣстность перекочевала странствующая школа, преподавательницы ея, войдя въ соглашеніе съ мѣстнымъ учителемъ, устраиваютъ въ школѣ нѣсколько популярныхъ чтеній по сельскому и домашнему хозяйству для матерей учениковъ; матери приходятъ сами и приводятъ своихъ пріятельницъ. Такимъ путемъ стараются пробудить интересъ поселянокъ къ разумнымъ способамъ веденія хозяйства и изъ наиболѣе любознательныхъ само собою складывается ядро будущаго кружка. Затѣмъ передъ концомъ пребыванія странствующей школы въ данной мѣстности директоръ ея или учительницы, вмѣстѣ съ мѣстными должностными лицами,—священникомъ, учителемъ и бургомистромъ, устраиваютъ большое собраніе, на которое приглашаются всѣ окрестныя фермерши, произносятся рѣчи о пользѣ открытія кружка, ведутся бесѣды, собираются голоса желающихъ вступить въ члены и утверждается уставъ. Члены бюро вновь образованнаго кружка обыкновенно избираются уже во второмъ собраніи. Нерѣдко случается, что кружки возникаютъ и сами собою, безъ пропаганды дѣятелей странствующей школы. Въ такихъ случаяхъ мѣстная администрація обращается въ департаментъ земледѣлія съ просьбою прислать лектора или опытную учительницу странствующей школы или

же сама отъ себя приглашаетъ извѣстнаго ей агронома или лектора, не обращаясь въ вѣдомство. На лекціи или въ своей рѣчи лекторъ обыкновенно старается оттѣнить роль фермерши съ четырехъ разныхъ сторонъ: какъ жены, матери и воспитательницы своихъ дѣтей, фермерши и общественной дѣятельности. Если лекторъ умѣлый и опытный, ему обыкновенно съ перваго же собранія удается убѣдить свою аудиторію и заложить ядро кружка.

Какими же именно путями и средствами эти кружки содѣйствуютъ соціальному подъему земледѣльческаго населенія?

Прежде всего они вліяютъ на моральную сторону, научая членовъ уходу за дѣтьми и основнымъ пріемамъ воспитанія, что достигается путемъ устройства лекцій по этимъ вопросамъ, выпиской журналовъ и организаціей библіотекъ въ цѣляхъ самообразованія и развлеченія.

Они способствуютъ росту матерьяльнаго благосостоянія земледѣльца: а) путемъ устройства чтеній по гигіенѣ, по вопросамъ раціональнаго питанія, по домоводству, уходу за овощами и цвѣтами, за молокомъ, скотомъ, за содержаніемъ въ порядкѣ и украшеніемъ жилища; б) путемъ устройства лоттерей: улучшенныхъ сѣмянъ, цвѣтовъ и овощей, племенныхъ яицъ тѣхъ породъ куръ, которыя наиболѣе удобны для разведенія на фермахъ или особенно пригодны для продажи какъ столовая порода; лоттерей посуды, которую особенно желательно распространять въ деревенскомъ быту, а также посуды и приборовъ, необходимыхъ въ молочномъ хозяйствѣ и сыровареніи; приборовъ для шитья и кройки; растеній для украшенія домовъ какъ внутри, такъ и снаружи, фруктовыхъ деревьевъ и т. п.

По ознакомленіи съ этой программой легко можетъ возникнуть вопросъ: откуда же взять лекторовъ по всѣмъ этимъ отраслямъ знанія? Тамъ, гдѣ населеніе скучено, гдѣ кооперативное движеніе широко, культура высока,—къ услугамъ земледѣльца найдется довольно интеллигентныхъ силъ, способныхъ и готовыхъ удѣлить часть своего времени. При пространствѣ въ 2.576.966 десятинъ въ Бельгіи насчитывается 5.520 различныхъ кооперативныхъ организацій, а именно: 1.775 с.-хозяйственныхъ обществъ разнаго рода, включая и кружки фермершъ, 1.237 обществъ по закупкѣ сѣмянъ (удобреній), кормовъ для скота и т. п.; 658 организацій по обработкѣ и сбыту молочныхъ продуктовъ, 607 по с.-хозяйственному кредиту и 1.243 по с.-хоз. страхованію. Вездѣ, конечно, есть завѣдующіе, спеціалисты, техники, лекторы, которые не откажутъ подѣлиться своими знаніями: мѣстному врачу ничего не стоитъ устроить чтеніе по гигіенѣ, учителю или учительницѣ сообщить свѣдѣнія по уходу за дѣтьми и

основныя правила воспитанія; преподавательницы ближайшихъ школъ домоводства и хозяйства разскажутъ о раціональныхъ пріемахъ работы по домашнему хозяйству, кухнѣ, стряпнѣ, огородничеству и т. п.; правительственный участковый агрономъ можетъ взять на себя чтеніе лекцій по с.-хозяйственнымъ постройкамъ, гигіенѣ хлѣва и животныхъ, пчеловодству, садоводству и счетоводству. Большое значеніе этихъ кружковъ имѣютъ различные конкурсы—по заготовкѣ припасовъ, производству домашнихъ работъ, огородничеству, уходу за цвѣтами и фруктовыми деревьями; конкурсы скотныхъ дворовъ, напримѣръ, въ послѣдніе нѣсколько лѣтъ значительно способствовали улучшенію ухода за скотомъ, болѣе опрятному его содержанію и болѣе раціональному устройству для него помѣщеній.

Всего въ Бельгіи въ 1913 г. было 140 кружковъ фермершъ и очень много готовилось къ открытію. Лига бельгійскихъ крестьянъ Boerenbund, объединяющая 560 организацій съ 50.614 членами, включаетъ 67 кружковъ фермершъ съ 7.371 членовъ. Въ нѣкоторыхъ изъ провинцій кружки объединились въ союзы; делегаты же отъ этихъ провинціальныхъ союзовъ образуютъ національный комитетъ. Этотъ комитетъ оказываетъ мѣстнымъ кружкамъ множество услугъ, выдаетъ всевозможныя справки и является посредникомъ между отдѣльными кружками и союзами ихъ съ правительствомъ въ ходатайствахъ о лекторахъ или, если требуется, о ссудахъ и субсидіяхъ.

Преподавательскій персоналъ школъ домоводства и сельскаго хозяйства организовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ «трудовой союзъ»; свои работы этотъ союзъ помѣщаетъ въ особомъ журналѣ, который является одновременно и органомъ національнаго комитета кружковъ фермершъ. Каждый членъ кружка получаетъ журналъ, гдѣ фермерша находитъ статьи и свѣдѣнія о предметахъ ее интересующихъ по хозяйству и свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ организаціи вообще, о собраніяхъ, поднимавшихся и обсуждавшихся вопросахъ. Нѣкоторые циклы лекцій по домоводству и тѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, которыя вѣдаетъ женщина, написанные просто и вполнѣ доступно, изданы въ видѣ сборниковъ и являются большой подмогой хозяйкѣ какъ члену кружка, такъ и не вошедшей еще въ организацію; но замѣнить лекцію или школу такія руководства конечно не могутъ, такъ какъ тамъ главную роль играютъ опытъ и наглядность, сопровождаемые живымъ словомъ, отвѣтами и вопросами. Крупную роль въ дѣлѣ наглядности сыграла на выставкѣ въ Гентѣ «образцовая деревня». Она представляла изъ себя цѣлую улицу, со всѣми обычными въ деревняхъ постройками: здѣсь было

зданіе меріи, церкви, общественной школы, почтовой конторы, госпиталя, дома бургомистра; были мастерскія, кузницы, центральная молочная, дома для рабочихъ и, наконецъ, полныя усадьбы трехъ типовъ фермъ со всѣми постройками, инвентаремъ, скотомъ и т. п. Все оборудованное и обставленное отъ начала до конца по послѣднему слову науки и техники. Насъ, въ данномъ случаѣ, интересуетъ разборная модель странствующей школы молочнаго хозяйства и домоводства, задуманная на тотъ случай, если въ мѣстной школѣ неудобно расположиться и въ деревнѣ нѣтъ другого подходящаго зданія для временнаго пребыванія школы. Такую школу можно собрать въ 4—5 дней, вся ея обстановка, отвѣчающая вполнѣ современнымъ требованіямъ, подобрана съ цѣлью экономіи мѣста и легко перевозима. Интересъ фермершъ къ «образцовой деревнѣ» и всѣмъ ея новѣйшимъ приспособленіямъ, какъ въ области ихъ хозяйства, такъ и общаго, во все время выставки былъ очень интенсивенъ. Такова постановка дѣла просвѣщенія женщинъ въ области сельскаго хозяйства въ Бельгіи, она интересна не столько сама по себѣ,—хотя и какъ таковая имѣетъ значеніе,—но какъ одна изъ сторонъ проникновенія культуры въ наиболѣе косную среду, среду женщины, занятой въ земледѣліи; пріобщеніе же культурѣ самыхъ глухихъ нѣдръ страны и есть главнѣйшая работа частной и общественной иниціативы.

Остановимся еще на примѣрѣ двухъ странъ Запада. Франція, обезпокоенная также бѣгствомъ молодежи въ города и обезлюдѣніемъ деревень, чутко отнеслась къ почину своей маленькой, но дѣятельной сосѣдки, имѣющей въ ней такъ много общаго. Помимо введенія сельскаго хозяйства въ программу начальной школы и усиленія дѣятельности курсовъ по сельскому хозяйству для взрослыхъ, она также начала устраивать передвижныя школы домоводства и сельскаго хозяйства и мечтаетъ, какъ въ Бельгіи, покрыть страну сѣтью такихъ же кружковъ для фермершъ, объ организаціи которыхъ мы только-что говорили. Лѣтомъ 1913 г. французскій министръ земледѣлія обратился къ директорамъ департаментовъ по вѣдомству земледѣлія съ особымъ циркуляромъ, рекомендующимъ поощрять, гдѣ только возможно, открытіе подобныхъ кружковъ съ цѣлью расширенія тѣхъ свѣдѣній, которыя молодыя дѣвушки въ деревняхъ будутъ получать во вновь открытыхъ и открывающихся подвижныхъ школахъ домоводства и сельскаго хозяйства. Задача этихъ предполагаемыхъ кружковъ, говоритъ циркуляръ—работать на пути прогресса, распространяя сельско-хозяйственныя знанія, прививая любовь къ домашнему очагу и привязанность къ землѣ. Министръ рекомендуетъ присоединить къ этимъ

кружкамъ фермершъ всѣ существующія на мѣстахъ женскія организаціи и, объединивъ ихъ по кантонамъ и департаментамъ, соединить въ «національную федерацію кружковъ фермершъ во Франціи». Бюджетъ кружковъ долженъ составиться изъ членскихъ взносовъ, пожертвованій и субсидій. Но все это пока въ проектѣ; въ Бельгіи же это движеніе въ полномъ разгарѣ, и тамъ оно началось снизу въ формѣ частной иниціативы, а здѣсь начинается сверху, прямо съ циркуляровъ и предписаній, такъ что трудно сказать, во что оно выльется при этихъ обстоятельствахъ. Интересно одно изъ торжествъ въ той же области новаго теченія во Франціи оцѣнки и поощренія женскаго земледѣльческаго труда, отпразднованное въ 1913 г. синдикатомъ земледѣльцевъ въ департаментѣ Луары и Шера, самомъ многолюдномъ изъ подобныхъ синдикатовъ во Франціи, объединяющемъ 16.000 членовъ. Синдикатъ рѣшилъ устроить праздникъ въ честь женщинъ, издавна и неустанно работающихъ въ деревнѣ, назвавъ его «Конкурсомъ фермершъ». Но названіе совершенно не опредѣляетъ задачи торжества; названіе конкурсъ заставляетъ предполагать соревнованіе фермершъ въ разныхъ отрасляхъ сельско-хозяйственной и домашней производительности, а здѣсь дѣло шло не объ этомъ: участницами въ конкурсѣ явились престарѣлыя фермерши, всю жизнь работавшія на землѣ, дѣти которыхъ также остались въ деревнѣ и продолжали вести хозяйство. Преміи выдавались, такъ сказать, за привязанность къ землѣ, за количество дѣтей (уменьшеніе числа рожденій также является, какъ извѣстно, однимъ изъ больныхъ мѣстъ Франціи, какъ страны) и за умѣнье создать такую здоровую и пріятную обстановку сельскаго труда, которая не побуждала бы молодежь бросать деревню и бѣжать искать работы въ города. На конкурсѣ премировано 11 земледѣлицъ изъ округа Вандомъ, всѣ уже бабушки, окруженныя своими 95 дѣтьми и 138 правнуками, избравшими земледѣльческую профессію. Двѣ первыя преміи достались двумъ старухамъ Лаббе и Гоже, имѣвшимъ каждая по 9 дѣтей и по 18 и 19 внуковъ, при чемъ всѣ они работаютъ на землѣ. При общемъ подъемѣ настроенія, префектъ прикололъ этимъ двумъ старухамъ почетные знаки, кресты за заслуги по земледѣлію, присланные министерствомъ земледѣлія, остальныя 9 получили меньшія преміи и художественно-исполненные знаки. Устроители праздника убѣждены, что подобное отличіе, выпавшее на долю простыхъ скромныхъ женщинъ-труженицъ, будетъ имѣть громадное моральное значеніе далеко за предѣлами ихъ округа.

Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1912 г. на ежегодномъ собраніи Библіотечной Ассоціаціи, могучей организаціи,—объединяющей всѣ библіотечныя силы страны и сдѣлавшей американскую обще-

доступную библіотеку первой во всемъ мірѣ, былъ поднятъ вопросъ и прочитано нѣсколько докладовъ о необходимости подбора и распространенія особенныхъ библіотекъ для фермершъ, съ цѣлью помочь имъ, какъ въ ихъ профессіональныхъ занятіяхъ, такъ и стремленіяхъ къ самообразованію, пріобрѣтенію свѣдѣній по воспитанію дѣтей, устройству домашняго очага и т. п. Во многихъ штатахъ фермы разбросаны на такомъ далекомъ разстояніи одна отъ другой и отъ городовъ, что семьямъ фермеровъ трудно общаться другъ съ другомъ; сельско-хозяйственные же курсы устраиваются преимущественно въ болѣе людныхъ мѣстахъ, такъ что для фермерши, жительницы глухого уголка, единственнымъ источникомъ развлеченія и самообразованія являются комплекты странствующихъ библіотекъ, обильно разсылаемые по странѣ «Лигами библіотечныхъ комиссій», существующими почти во всѣхъ штатахъ и исполняющими эту обязанность за счетъ штата. Обычно расходъ на общественную библіотеку несетъ сама община, включающая извѣстный minimum населенія, — фермы по своей разбросанности не примыкаютъ къ такимъ общинамъ, и потому доступъ къ нимъ книги затруднительнѣе, и тѣмъ цѣннѣе забота снабдить жителей этихъ отдѣльныхъ ячеекъ приспособленнымъ къ ихъ нуждамъ матерьяломъ для чтенія. Министерство Земледѣлія въ Вашингтонѣ издаетъ въ цѣляхъ просвѣщенія фермеровъ особую серію изданій, такъ назыв. Farmers Bulletins — множество дешевыхъ брошюръ по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Въ этой серіи не забыты и нужды фермершъ,—есть матерьялъ по домоводству, украшенію жилища, и спеціальнымъ отраслямъ хозяйства, обычно находящимся въ женскихъ рукахъ. При президентѣ Рузвельтѣ была организована спеціальная «Комиссія деревенской жизни», задача которой была отвѣтить на вопросъ: «какъ сдѣлать жизнь семьи на фермѣ менѣе одинокой, болѣе оживленной, болѣе комфортабельной, веселой и привлекательной». Интересенъ самый фактъ существованія такой комиссіи, указывающій на то, что и за океаномъ растетъ та же тревога, какъ и въ Западной Европѣ за участь деревенской молодежи, тяготѣющей къ городамъ, и желаніе подбодрить, поднять духъ и настроеніе селькой труженицы — женщины, матери семейства, въ не легкой задачѣ воспитанія и удержанія около себя молодого поколѣнія. Въ одной изъ учительскихъ школъ въ штатѣ Канзасѣ во время бесѣды по исторіи выдвинулась такая тема: «Какую изъ женщинъ можно назвать дѣйствительно великой?» Одни назвали Іоанну д'Аркъ, другіе королеву Елизавету, Семирамиду, Екатерину Великую, Марію Терезію, Клеопатру, Флоренсъ Нейтингэлъ и множество другихъ, но пальма первенства единогласно была присуждена не этимъ міро-

вымъ именамъ, а той женщинѣ, которую назвалъ одинъ изъ участниковъ бесѣды, будущій учитель, вѣроятно хорошо знакомый съ тяжелыми условіями жизни отдаленныхъ фермъ, а именно—«женѣ фермера средняго достатка, которая сама должна стряпать, гладить, шить, воспитывать цѣлую семью мальчиковъ и дѣвочекъ, быть полезнымъ членомъ общества и находить время для интеллектуальнаго самоусовершенствованія».

И у насъ въ Россіи появились уже первыя ласточки въ этой области: въ одномъ изъ уѣздовъ Пермской губерніи были устроены въ прошломъ году курсы для женщинъ-крестьянокъ; встрѣчены они были улыбками и сомнѣніями, но результатъ ихъ, кажется, былъ удовлетворителенъ. Конечно, при нашихъ современныхъ условіяхъ, крайне неблагопріятныхъ для всякихъ культурныхъ начинаній вообще,—особенно въ сельскомъ быту,—трудно ждать успѣшнаго развитія и такихъ курсовъ.

Е. Чарнолуская.

БУНИНЪ, КАКЪ ХУДОЖНИКЪ-ПОВѢСТВОВАТЕЛЬ.

«Люблю цвѣтныя стекла оконъ
И сумракъ отъ столѣтнихъ липъ,
Звенящей люстры сѣрый коконъ
И половицъ прогнившихъ скрипъ»...
И. Бунинъ.

Въ литературѣ уже сложилось опредѣленное представленіе о *новомъ* писателѣ—выступившемъ въ первые годы XX вѣка. У него своеобразный обликъ. Онъ во многомъ отличается отъ писателя прежнихъ дней. Между двумя теченіями литературы—старымъ, общественно-реалистическимъ, и новымъ, индивидуалистическимъ со склонностями къ символизму и импрессіонизму, существуетъ рѣзко бросающаяся въ глаза грань.

Однако, не всегда и не ко всѣмъ писателямъ оказывается примѣнимымъ выработанный въ этомъ отношеніи критерій. Есть сложныя писательскія индивидуальности, въ которыхъ черты стараго и новаго перепутаны очень пестро и капризно. Таковъ И. А. Бунинъ, еще въ молодые годы проявившій себя какъ зрѣлый, законченный художникъ, вполнѣ заслуженно посвященный въ академики. Почетное званіе вполнѣ ему соотвѣтствуетъ. И по языку, и по общему органически любовному отношенію къ литературѣ, это—

нашъ «классикъ», классикъ новой литературы, въ которомъ все опредѣлилось и отстоялось—годится для образца.

Зрѣлость художника сказалась въ Бунинѣ давно, а его художественное содержаніе развертывается постепенно. и возможно, что не вполнѣ развернулось и до сихъ поръ. Одно можно было сказать съ первыхъ же шаговъ творчества Бунина, что это писатель характерно русскій. По характерно русскому колориту и содержанію, Бунина можно сопоставить развѣ съ Гончаровымъ да, пожалуй, изъ новѣйшихъ писателей, съ Ремизовымъ.

Кто же онъ, этотъ сложный художникъ, пришедшій къ прозѣ черезъ стихи и гораздо большій поэтъ въ прозѣ, чѣмъ въ стихахъ? Крайніе импрессіонисты запротестуютъ противъ самой постановки такого вопроса и скажутъ: самъ по себѣ! Но всякія сопоставленія и группировки, если онѣ не насильственны и не тенденціозны, только содѣйствуютъ выявленію и пониманію этого собственнаго облика художника, его индивидуальности—самаго цѣннаго и важнаго.

При первомъ знакомствѣ съ прозой Бунина, является большой соблазнъ объединить его со старшимъ современникомъ—Чеховымъ, такъ какъ бросается въ глаза ихъ взаимная литературная симпатія. Но затѣмъ становится яснымъ, что это только симпатія и, пожалуй, нѣкоторое вліяніе со стороны Чехова. И природа этихъ будто бы родственныхъ художниковъ, и ихъ позиція по отношенію къ старымъ и новымъ писателямъ весьма различны. Бунинъ, выступившій позднѣе Чехова, *старше* его. Чеховъ, по сравненію съ Буниным, модернистъ-протестантъ. Для него непріемлемы, нестерпимы нѣкоторые изъ прежнихъ пріемовъ творчества, напр., тургеневскія описанія, которыя онъ называетъ «риторическими». А Бунинъ въ этихъ самыхъ описаніяхъ достигъ совершенства. Несмотря на красоту и поэтичность, бунинскія описанія не могли бы удовлетворить Чехова, съ его непреложнымъ требованіемъ «краткости» и «картинности». Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи генеалогію Бунина надо искать дальше, чѣмъ у Чехова—пожалуй, у Тургенева. Созданная Чеховымъ и необыкновенно соотвѣтствующая духу тревожной переходной эпохи новелла законченностью формы замѣтно отличается отъ поэтичныхъ, но расплывчатыхъ раннихъ разсказовъ Бунина, напоминающихъ стихотворенія въ прозѣ, хотя общность элегическихъ настроеній и можетъ ввести читателя въ заблужденіе.

Зато въ необычайной колоритности языка и въ капризной прихотливости узора Бунинъ зашелъ гораздо дальше Чехова—кое-что стихійно воспринялъ отъ позднѣйшихъ литературныхъ вѣяній. Иногда случается, что послѣ детальныхъ громоздко-реалистическихъ описаній и утомляющаго монотоннаго разсказа, Бунинъ, вдругъ, съ

чисто новою нервностью захватитъ какимъ-нибудь неожиданнымъ образомъ, капризнымъ оборотомъ.

Такое же чередованіе противоположныхъ чертъ замѣчается и въ психическомъ обликѣ Бунина по сравненію съ цѣльнымъ, яснымъ Чеховымъ.

Плебей родомъ и тончайшій аристократъ по духу, Чеховъ является писателемъ совершенно внѣклассовымъ, внѣсословнымъ. Онъ пришелъ отъ всей страны—отъ новой Россіи. Онъ ея предтеча, защитникъ и другъ—раздѣляетъ ея лозунгъ: внутреннюю свободу и всячески его оберегаетъ. Чеховъ, хотя и использовалъ свое крестьянское наслѣдство, но не особенно имъ дорожитъ. Для него всѣ были равны; любопытенъ и цѣненъ только человѣкъ. Въ этомъ человѣческомъ мѣрилѣ Чеховъ достигъ почти космополитической широты. Отсюда его холодноватое «свысока» въ отношеніи къ жизни и объективность, которой онъ никогда не измѣнялъ. Онъ, конечно, любилъ все свое—и Россію, и русскаго человѣка, но любилъ просто—по-обывательски, безъ экстаза и истерики. Онъ не склоненъ былъ это любимое ни подкрашивать, ни искажать.

Бунинъ, напротивъ,—весь отъ своего сословія, отъ той среды, которая его создала: до мозга костей дворянинъ, интеллигентъ и баринъ. Отсюда его странная любовь-нелюбовь къ Россіи и сложное отношеніе къ русскому человѣку: къ мужику, какъ къ дикарю, и къ своему брату-дворянину, какъ къ продукту вырожденія.

Какъ и свойственно скептическому Гамлету-барину, Бунинъ, склоненъ воображать себя космополитомъ и даже слегка рисоваться своимъ равнодушіемъ къ Россіи. Во время одного изъ путешествій онъ въ категорическихъ словахъ высказываетъ свою радость, что Россія отъ него «за триста миль».—«Ахъ никогда-то я не чувствовалъ любви къ ней и, вѣрно, такъ и не пойму, что такое любовь къ родинѣ, которая будто бы присуща человѣческому сердцу! Я хорошо знаю, что можно горячо любить тотъ или иной укладъ жизни, что можно отдать всѣ силы на созиданіе его... Но при чемъ тутъ родина? Если русская революція волнуетъ меня все-таки болѣе, чѣмъ персидская, я могу только сожалѣть объ этомъ. И воистину благословенно мгновеніе, когда мы чувствуемъ себя гражданами вселенной!..»

Но эта искусственная психологія плохо согласуется съ тѣми «патріотическими» настроеніями, которыя насквозь проникаютъ творчество Бунина, постоянно прорываясь и въ стихахъ, и въ прозѣ. На чужбинѣ, вдали отъ родины, ему «снится... приволье тихихъ деревень, въ полѣ при дорогѣ бѣлая береза, озими да пашни—и апрѣльскій день»...

Въ отношеніи къ «роднымъ мѣстамъ» у Бунина тотъ же консерватизмъ и тѣ же сложныя чувства, какъ у его символическихъ россійскихъ гражданъ - суходольцевъ. Съ одной стороны родное гнѣздо, Суходолъ—тина, и страшно, какъ бы не засосалъ онъ.—«Пропади онъ пропадомъ!»—проклинаетъ его истеричный дворянинъ Хрущевъ. А черезъ мгновеніе самъ съ сыновнею ревностью груститъ о томъ, что «одинъ Хрущевъ остался теперь на свѣтѣ, да и тотъ не въ Суходолѣ»... Развѣ могутъ всѣ эти бунинскіе герои представить себѣ свое существованіе внѣ этого ненавистнаго и страстно любимаго Суходола?

Герой одного изъ позднѣйшихъ разсказовъ: «Вѣра»—такой же консерваторъ. Онъ упрекаетъ свою подругу за ея измѣну «роду»:—«Зачѣмъ ты ушла—и за кѣмъ! изъ своего рода, изъ своего племени? Мы должны умереть въ немъ. Будь мы трижды прокляты, но это такъ! Сколько сумасшедшихъ отъ любви въ нашихъ дворянскихъ лѣтописяхъ»!... Сумасшествіе для него предпочтительнѣе измѣны...

Въ прелестномъ лирическомъ очеркѣ: «На Донцѣ»—Бунинъ непосредственно отъ себя говоритъ объ огромной власти прошлаго надъ его душой, о тѣсной связи съ родной стариной. «Я обгонялъ идущій на богомолье народъ—женщинъ, подростковъ, дряхлыхъ калѣкъ съ выцвѣтшими отъ времени и степныхъ вѣтровъ глазами, и все думалъ о старинѣ, о той чудной власти, которая дана прошлому. Откуда она и что она значитъ? Не въ ней ли заключается одна изъ величайшихъ тайнъ жизни? И почему она управляетъ человѣкомъ съ такою дивною силой? Въ чувствѣ религіозномъ наше, часто не сознаваемое, преклоненіе передъ прошлымъ, наше таинственное родство съ мыслями и дѣлами всѣхъ отжившихъ, играетъ великую роль».

Эта мысль о власти прошлаго, о связи съ нимъ настоящаго и будущаго лежитъ въ основѣ того раздумья надъ жизнью, которое проходитъ яркою нитью черезъ все творчество Бунина. Особенно рѣзко оттѣнена она въ «Суходолѣ».

Черты «барской» психологіи въ разныхъ разсказахъ Бунина проявляются робко. Его самокритицизмъ остороженъ—обвѣянъ легкой грустью и совершенно лишенъ злобы и желчи послѣдующихъ произведеній. Но въ основѣ своей эта психологія вполнѣ опредѣлилась. Передъ нами типичный интеллигентъ—странникъ, съ усталой и требовательной душой, недовольный собою и людьми. Въ его жизни—все испытанія и «перевалы». «Сколько уже было въ моей жизни этихъ трудныхъ и одинокихъ переваловъ! Какъ ночь надвигались на меня горести, страданія, болѣзни, измѣны любимыхъ и горькія обиды дружбы—и наступалъ часъ разлуки со всѣмъ,

съ чѣмъ сроднился. И скрѣпивши сердце, бралъ я въ руки страннический посохъ. А подъемы къ новому счастью были высоки и трудны, ночь, туманъ и буря встрѣчали меня на высотѣ, жуткое одиночество охватывало на перевалахъ.. Но—идемъ, идемъ!» Та же горькая жалоба поэта-Гамлета въ очеркѣ: «Новая дорога»: «я смотрю, какъ уходятъ отъ насъ и скрываются въ лѣсу огоньки станціи. Тихая и глубокая тоска, какъ лѣсная ночь, растетъ въ душѣ. Какой странѣ принадлежу я, одиноко скитающійся?—думается мнѣ. Что общаго у насъ съ этой лѣсной глушью? Она безконечно велика и пустынна, мнѣ ли разобраться въ ея печаляхъ, мнѣ ли помочь имъ?»...

Полны лиризма у Бунина въ этихъ раннихъ разсказахъ картины мелкопомѣстной жизни въ старинныхъ, полуразрушенныхъ усадьбахъ. Ихъ запустѣніе и убожество изображается безъ того сарказма и раздраженія, которые звучали въ послѣднихъ произведеніяхъ,—напротивъ, даже съ теплотой и участіемъ. Особенно красноречива фигура одного изъ послѣднихъ могиканъ, Якова Петровича («Байбаки»), доживающаго «послѣднюю треть» жизни въ своемъ когда-то великолѣпномъ имѣніи, отъ котораго осталось только двадцать восемь десятинъ. Тѣ, что скушали, вмѣстѣ съ нимъ, великолѣпное имѣніе, давно въ городѣ, а Яковъ Петровичъ, истинный степнякъ, вѣренъ своему хутору. Съ нимъ только слуга Ковалевъ, такой же, какъ онъ, глубокій старикъ. Вмѣстѣ они горюютъ, дѣлятся воспоминаніями, а нерѣдко и голодаютъ, поправляя свои финансы только тѣмъ, что Яковъ Петровичъ за «курицу, бутылку водки и рубль денегъ» пишетъ мужикамъ прошенія»...

Нѣтъ на первыхъ порахъ у Бунина и будущаго его яда въ отношеніи къ мужику. По существу, первобытная мужичья примитивность и темнота, конечно, непріемлемы для тонкой и требовательной, изысканно-культурной души нашего писателя. Мужикъ внушалъ ему страхъ и недоумѣніе. Но къ этимъ чувствамъ примѣшивается большая доля участія и тревоги—что-то въ родѣ дворянскаго покаянія. Жизнерадостный, неугомонный дѣдъ Кострюкъ, покинутый переселенцами доживать вѣкъ на родномъ пепелищѣ Васыль Шкуть и кроткій отшельникъ Мелитонъ изображены очень тепло и живо, съ большой проникновенностью, и свидѣтельствуютъ именно о такомъ покаянномъ настроеніи автора. Тонъ этихъ разсказовъ особенно ясно чувствуется при сравненіи ихъ съ послѣдующими, напр. съ очеркомъ: «Бѣденъ бѣсъ» (т. VI). Русская простонародная душа и тутъ у Бунина богата и красива въ своемъ органическомъ идеализмѣ. Но изображаетъ онъ ее съ затаеннымъ раздраженіемъ. Общеніе съ мужиками подсказываетъ ему одно

опредѣленное заглавіе, которое ему самому кажется рѣзкимъ и злымъ: «Дикари»... Еще полнѣе вырисовывается «барская» точка зрѣнія автора въ позднѣйшемъ разсказѣ: «Сто восемь». Изучающій народъ интеллигентъ заинтересовался престарѣлымъ дѣдомъ, дожившимъ до ста восьми лѣтъ, этой «воплощенной милостью Божьею, чудомъ природы», но первобытная примитивность дѣда, его оторванность отъ общей культурной жизни внушаетъ бунинскому герою непреодолимое смущеніе, почти ужасъ. «Охватываетъ жажда поглубже заглянуть въ этотъ сосудъ, узнать всѣ его тайны, сокровища. Но онъ пустъ, пустъ! Мысли, воспоминанія Таганка такъ поразительно просты, такъ несложны, что порою теряешься: человѣкъ ли передъ тобою»? Таганокъ для бунинскаго интеллигента «нечеловѣчески простъ». Онъ довольно наивно примѣняетъ къ этой полурастительной жизни свою мѣрку. «Подумать только, что при Таганкѣ прошелъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ вѣковъ! Сколько было за этотъ вѣкъ переворотовъ, открытій, войнъ, революцій, сколько жило, славилось и умерло великихъ людей: Наполеонъ, Пушкинъ, Гёте... А онъ даже малѣйшаго понятія не имѣлъ никогда обо всемъ этомъ. И сто лѣтъ тому назадъ видѣлъ онъ только вотъ эти коноплянники да думалъ о кормѣ для скотины»...

Юные разсказы Бунина такъ сильно отличаются отъ его позднѣйшихъ произведеній, какъ будто бы они принадлежатъ перу другого автора. Въ нихъ много поэзіи, чувствуется свѣжесть всѣхъ впечатлѣній бытія, но кисть художника отличается робостью, настроеніе неинтенсивно и расплывчато. Это та именно литература, о которой Чеховъ говорилъ, что въ ней «ни капли алкоголя», а только «лимонадъ». Позднѣйшія произведенія Бунина, начиная съ «Деревни», напротивъ, изобилуютъ хмелемъ. Дрожжевая закваска въ нихъ все крѣпнетъ и наростаетъ. Общественный ли «алкоголь», или собственное внутреннее созрѣваніе обнаруживаютъ въ писательской физіономіи Бунина новыя черты. Поэтъ-созерцатель все больше вытѣсняется философомъ-скептикомъ, рѣзкимъ критикомъ окружающей жизни.

Въ противоположность большинству новыхъ писателей-горожанъ, Буниnъ всецѣло занятъ деревней—Россіей. Его взростила провинція, и онъ ей вѣренъ. Въ столицѣ ему даже какъ будто не по себѣ. Едва попавши въ Петербургъ, онъ уже спѣшитъ изъ него выбраться—въ разгаръ сезона, когда всѣ «только съѣзжаются» («Новая дорога»). Оставшись одинъ на площадкѣ вагона, когда ушли провожающіе, онъ радостно вздыхаетъ:—уѣзжаю-таки! На просторъ, на воздухъ!

Это вполнѣ искреннее стремленіе на просторъ, «въ подлинную Россію», страннымъ образомъ совмѣщается въ Бунинѣ съ его чисто интеллигентскимъ, «столичнымъ» складомъ психики. Провинціальная Россія какимъ-то чудомъ произвела столичнаго передового интеллигента, тонкаго, сложнаго, склоннаго ко всякимъ самоанализамъ, субъективнымъ оцѣнкамъ и нѣкоторой нетерпимости. Передовой интеллигентъ-аристократъ, «дворянинъ» — довольно рѣдкое явленіе въ нашей новой, разночинной интеллигенціи. Его психологія, по самой сущности своей, должна быть очень своеобразной. А это своеобразіе, въ свою очередь, не могло не оказать вліянія на писательскій обликъ Бунина. Онъ не примкнулъ къ «модернизму», даже какъ будто сознательно отъ него отгораживается. «Чистоту» тургеневской прозы онъ блюдетъ такъ же тщательно, какъ и чистоту пушкинскаго стиха. Однако, онъ во многомъ родственнѣнъ новѣйшимъ писателямъ, до нѣкоторой степени одного съ ними поля ягода. Какъ и они, онъ органическій индивидуалистъ и очень субъективенъ, пожалуй, нѣсколько тенденціозенъ въ творчествѣ. Онъ открылъ свою «правду» о жизни—о деревнѣ, о русскомъ человѣкѣ, и ему важнѣе всего доказать ее, подтвердить, иллюстрировать. Отсюда его, иногда невольное, сгущеніе красокъ, несмотря на трезвость и добросовѣстность въ наблюденіяхъ.

Бунинъ, конечно, знаетъ свой предметъ, изучилъ его и съ мастерствомъ большого художника изображаетъ. Но субъективный элементъ все же постоянно преобладаетъ въ его творчествѣ надъ реальной правдой. Захватываетъ читателя не столько та яркая и широкая картина изображаемой дѣйствительности, которая у него получается, сколько интенсивность его собственнаго настроенія, сила безстрашнаго анализа. И тѣ артистическія кружевныя детали, которыя такъ щедро разсыпаны въ послѣднихъ его произведеніяхъ, выдвигаютъ главнымъ образомъ оттѣнки авторскихъ мыслей и чувствъ, а не душу изображаемыхъ вещей. Бунинское интимное «я» выявлено въ его творчествѣ съ неменьшею экспансивностью, чѣмъ у такихъ признанныхъ субъективистовъ, какъ Арцыбашевъ или Зайцевъ.

«Тишина—и запустѣніе. Не оскудѣніе, а запустѣніе»... Эти слова, которыми начинается красивый разсказъ «Золотое дно», вводятъ насъ въ кругъ первоначальныхъ авторскихъ настроеній, безъ ихъ позднѣйшей сгущенной окраски.

— Ну, что же новенькаго, Корней?—спрашиваетъ пріѣзжій интеллигентъ своего возницу по пути съ вокзала въ деревню.

— Новенькаго?—сдержанно отвѣчаетъ Корней, не оборачиваясь.—Новаго у насъ ничего нѣту.

— Значитъ, живете по-старому?

— Это правильно. Плохо живемъ...

Немного новаго узнаетъ бунинскій герой и по пріѣздѣ, въ имѣніи сестры. Ему кажется, что «еще годъ тому назадъ усадьба не была такъ ветха и безлюдна. Все, значитъ, идетъ какъ слѣдуетъ: неуклонное разрушеніе, полы и потолки въ залѣ еще немного покосились и потемнѣли, вѣтви запущеннаго палисадника лѣзутъ уже въ самыя окна, тесовыя крыши серебрятся и даютъ кое-гдѣ трещины»...—Такъ плохи, говоришь, дѣла?—спрашиваетъ онъ сестру.—«Совсѣмъ, совсѣмъ плохи!—поспѣшно, какъ будто даже съ удовольствіемъ подтверждаетъ сестра.—Будь капиталъ еще, можетъ быть, можно было бы поправиться. Вѣдь земля-то сущее золотое дно, но банкъ, банкъ!»—Зато тишина-то какая!—замѣчаетъ пріѣзжій горожанинъ.—«Ужъ этого хоть отбавляй!—съ угрюмой ироніей соглашается племянникъ-студентъ,—Дѣйствительно—тишина, и прескверная, чортъ ее дери, тишина! Издали—хоть картину пиши. А подойди, затхлостью понесетъ, ибо воды-то въ немъ на вершокъ, а тины на двѣ сажени, и караси всѣ подохли... Дно-то, дѣйствительно, золотое, только до него самъ чортъ не докопается!..»

Въ чудесной рамкѣ развертываетъ Бунинъ «поэму запустѣнія» сосѣдней помѣщичьей усадьбы: густой живописный садъ и «въ его изголовьи», «сѣрый, большой домъ подъ бурой ржавой крышей», окруженный лопухами и крапивой.

«Охъ, какъ мрачно въ этихъ пустыхъ комнатахъ! Первая, въ которую я заглядываю изъ корридора, была когда-то кабинетомъ, а теперь превращена въ кладовую: тамъ ларь съ солью, кадушка съ пшеномъ, какія-то бутылки, позеленѣвшіе подсвѣчники... Я медленно прохожу въ большой гулкій залъ, гдѣ въ углахъ свалены книги, пыльные акварельные портреты, ножки столовъ... Галка вдругъ срывается съ криво висящаго надъ ломбернымъ столикомъ зеркала и на-лету ныряетъ въ разбитое окно. Вздрогнувъ отъ неожиданности, я отступаю къ стеклянной двери на разсохшійся балконъ, съ трудомъ отворяю ее—и прикрываю глаза отъ низкаго яркаго солнца. Какой вечеръ! Какъ все красиво въ запущенномъ саду, какъ все цвѣтетъ и зеленѣетъ, обновляясь каждую весну, и какъ сладостно журчатъ въ густомъ вишенникѣ, перепутанномъ съ сиренью и шиповникомъ, кроткія горлинки, вѣрные друзья погибающихъ помѣщичьихъ гнѣздъ».

Изъ дальнѣйшей бесѣды съ Корнеемъ выясняется, что не одна помѣщичья усадьба въ запустѣніи, а и крестьянская деревня.—«Всѣмъ—не медъ,—говоритъ Корней:—Не однимъ господамъ»... «Крестьянскій банкъ» хоть и помогаетъ при покупкѣ земли, но какъ довести дѣло

до конца и какъ удержать купленное, научить не можетъ. Однимъ словомъ, по мнѣнію философа Корнея, ни уму-разуму, ни хозяйственности банкъ русскаго мужика не научитъ. И переходятъ разоряющіяся помѣщичьи гнѣзда не въ народъ, а въ руки разныхъ перекупщиковъ и кулаковъ, лавочниковъ, того средняго элемента—истребителей «вишневыхъ садовъ», который такъ ненавистенъ Бунину.

Даже въ этомъ коротенькомъ разсказѣ, гдѣ Бунинъ является скорѣе поэтомъ деревенскаго запустѣнія, чѣмъ его критикомъ, онъ стремится объединить мужика и помѣщика, ищетъ общихъ причинъ оскудѣнія деревни, намекаетъ на какіе-то *общіе* дефекты въ психикѣ русскаго человѣка, мѣшающіе созиданію жизни...

Интеллигентъ-учитель («Сто восемь»), «изучавшій» столѣтняго дѣда, уже безъ всякихъ обиняковъ утверждаетъ, что причина народной темноты не въ бѣдности, а въ чемъ-то болѣе основномъ, роковомъ.—Дѣло не въ экономикѣ... Дѣло въ примитивности, въ первобытности, коей не прейдеши... Дѣло въ исконныхъ чертахъ россіянина: въ атавистическихъ»...

Чаадаевскія настроенія были всегда присущи психикѣ интеллигента. Какъ своеобразный диссонансъ, еще восполняющій общую гармонію, они сопутствовали всѣмъ народническимъ порывамъ и утопіямъ. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ большого общественнаго сдвига и всяческихъ «переоцѣнокъ», это скептико-критическое настроеніе усилилось и обострилось. Бунинская «Деревня»—характерный памятникъ этой новочаадаевщины, гдѣ крайнее «западничество» сочеталось съ упорнымъ славянофильствомъ. Мы—народъ—никчемный: «ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга»... Въ этомъ убѣжденъ главный герой «Деревни», Кузьма. Но въ глубинѣ души того же Кузьмы таится убѣжденіе, что мы—народъ особенный, ни съ кѣмъ несравнимый—«величайшій» Въ юности онъ такъ и выражался, возражая на нападки базарнаго философа Балашкина. Если бъ это былъ ничтожный народъ, то не родилъ бы Пушкина, Лермонтова, Тургенева...

Въ этой смѣси «западничества» съ «славянофильствомъ»—корень своеобразной бунинской любви-нелюбви къ Россіи. Въ разсказѣ: «Бѣденъ бѣсъ» студентъ въ отношеніи къ русскому человѣку испытываетъ то же сложное чувство, что и герой «Деревни». Его раздражаетъ «темное» упорство старика-нищаго, ковыляющаго въ своихъ лохмотьяхъ, въ страшный морозъ, на ночлегъ въ монастырь («Замерзнетъ, чортъ»!) Но онъ не можетъ скрыть своего умиленія передъ ригоризмомъ этого страннаго нищаго, явно предпочитающаго душевныя блага матеріальнымъ. «Бѣденъ бѣсъ, на немъ креста нѣтъ»,

а человѣкъ не бѣденъ, какъ бы круто ему ни пришлось, ибо съ нимъ Богъ...

Герои «Деревни», братья Красовы, наперерывъ соперничаютъ въ критикѣ родныхъ устьевъ, несмотря на разницу своего общественнаго положенія: Кузьма—побывавшій въ большихъ городахъ пролетарій, а Тихонъ—зажиточный собственникъ. Оба до дна души проникнуты ядомъ отрицанія. Братья ведутъ безконечные разговоры про деревню. Но ясно, что деревня тутъ является символомъ Россіи («она—вся деревня», по выраженію Балашкина), мужикъ—общій прототипъ русскаго человѣка—некультурнаго, вырождающагося, не умѣющаго созидать, живущаго «по-свинячьи».

— Пашутъ, цѣлую тысячу лѣтъ, да что я! больше!—а пахать путемъ не единая душа не умѣетъ! Единственное свое дѣло не умѣютъ дѣлать! Не знаютъ, когда въ поле надо выѣзжать! Когда надо сѣять, когда косить! «Какъ люди, такъ и мы»—только и всего. Хлѣба ни единая баба не умѣетъ спечь—верхняя корка вся къ чорту отваливается, а подъ коркой—кислая вода!.. Народъ! Сквернословы, лгуны, да такіе безстыжіе, что ни единая душа другъ другу не вѣритъ! Не намъ, не намъ, а другъ другу! И всѣ они такіе, всѣ—почти въ истерикѣ кричитъ Тихонъ Красовъ.

— Да неужели такъ и въ другихъ странахъ?—спрашиваетъ своего, болѣе образованнаго, брата этотъ доморощенный западникъ и тутъ же самъ съ увѣренностью отвѣчаетъ: Нѣтъ, не можетъ того быть... Бывали знакомые за-границей, разсказывали»...

«Образованный» братъ, самоучка-Кузьма, еще болѣе категоричнѣ въ самоотрицаніи. «Дикій мы народъ, сонный расхлябистый. Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга...» Онъ тоже любитъ проводить разныя параллели и протестуетъ противъ того, чтобы искать объясненія русской никчемности въ исторіи. «Пора бы и постыдиться все на сосѣда да на сосѣда валить! Татаре, видишь ли, задавили! Мы, видишь ли, народъ молодой! Да, вѣдь, авось и тамъ-то, въ Европѣ-то тоже давили не мало—монголы-то всякіе. Авось и германцы-то не старше...» А иногда этотъ искусившійся въ исторіи философъ хватаетъ еще дальше—не только русскую душу, а и обще-славянскую подвергаетъ своему разрушительному анализу. «Рабство отмѣнили всего сорокъ пять лѣтъ тому назадъ,—что-жъ и взыскивать съ этого народа?—иронизируетъ онъ!—Да, но кто виноватъ въ этомъ? Самъ же народъ. Русь—подъ русскимъ игомъ, братушки разные—подъ турецкимъ, галичане—подъ австрійскимъ, о полякахъ и говорить нечего... Ай, да великая славянская семья!»

Братья Красовы такъ заполнены своимъ жолчнымъ раздумьемъ надъ русской жизнью, что у нихъ нѣтъ иныхъ темъ для разговора.

— Есть ли кто лютѣе нашего народа?—горестно спрашиваетъ брата Кузьма.—Въ городѣ за воришкой, схватившимъ грошевую лепешку, весь обжорный рядъ гонится, а нагонитъ, мыломъ его кормитъ. На пожаръ, на драку весь городъ бѣжитъ, да вѣдь какъ жалѣетъ, что пожаръ, али драка скоро кончилась!.. А какъ наслаждаются, когда кто-нибудь жену бьетъ смертнымъ боемъ, али мальчишку деретъ, какъ сидорову козу... Мажутъ бѣднымъ невѣстамъ ворота дегтемъ. Травятъ нищихъ собаками! Для забавы голубей сшибаютъ съ крышъ камнями! А ѣсть этихъ голубей, видите ли, грѣхъ великій. Самъ Духъ Святой голубиный образъ принимаетъ!.. А пословицы наши, Тихонъ Ильичъ? «За битаго двухъ небитыхъ даютъ»... «Простота хуже воровства»...

Тихонъ Ильичъ предается такимъ же безрадостнымъ мыслямъ. На ярмаркѣ онъ подавленъ «картиной великой нищеты и убожества». Господи Боже,—вздыхаетъ онъ:—Что за край! Черноземъ на полтора аршина, да какой! А пяти лѣтъ не проходитъ безъ голода. Городъ на всю Россію славенъ хлѣбной торговлей,—ѣстъ же этотъ хлѣбъ досыта—сто человѣкъ во всемъ городѣ. А ярмарка? Нищихъ, дураковъ, слѣпыхъ и калѣкъ—такихъ безобразныхъ, что смотрѣть страшно и тошно—прямо полкъ цѣлый!..»

Подавляющія картины непроглядnаго деревенскаго мрака и некультурности слѣдуютъ у Бунина одна за другой. Чувствуется, что авторъ не умышленно сгущаетъ краски, а самъ глубоко захваченъ, потрясенъ тѣмъ, что увидѣлъ, и просто старается разгрузиться, отдѣлаться отъ этихъ ужасныхъ впечатлѣній. Вотъ, напр., богатый крестьянскій дворъ. «... Грязь кругомъ по колѣно, на крыльцѣ лежитъ свинья, а по ней, качаясь и взмахивая крылышками, ходитъ толстенькій цыпленокъ. Окошечки—крохотныя, и въ жилой половинѣ избы, небось, темнота, вѣчная тѣснота: полати, ткацкій станъ, здоровенная печь, лохань съ помоями... А семья большая, дѣтей много, зимой—ягнята, телята... И сырость, угаръ такой, что зеленый паръ стоитъ. А дѣти хнычутъ—и орутъ, получая подзатыльники; невѣстки ругаются—«чтобъ тебя громомъ расшибло, сука подворотная!» Желаютъ другъ другу «подавиться кускомъ на Великъ День»; старушка-свекровь поминутно швыряетъ ухваты, миски, кидается на невѣстокъ, засучивая темныя жилистыя руки, надрывается отъ визгливой брани, брызжетъ слюной и проклятіями то на одну, то другую... Золъ, боленъ и старикъ, изнурилъ всѣхъ наставленіями и хвастовствомъ. Деретъ за волосы женатыхъ сыновьевъ, и они порою противно, по-мужицки, плачутъ». И въ добавокъ ко всему, чуть не поголовно у всѣхъ въ деревнѣ «дурная болѣзнь»...

Книга Бунина о деревнѣ—страшная книга. Хотя въ ней и чув-

ствуется, что авторъ не простой наблюдатель-повѣствователь, а нервный интеллигентъ, склонный къ односторонности и субъективизму, однако, онъ захватываетъ своею страшною «былью». Бунинская «Деревня», это—новые «Подлиповцы». Она жжетъ. Не только крестьянскій бытъ, а и душа народа, его языкъ и психологія переданы въ ней съ великимъ мастерствомъ. По отчетливости и яркости изображеній, интенсивности настроенія и общей чистотѣ работы, «Деревня»—самое выдающееся изъ произведеній Бунина. Это—удивительная книга—зрѣлая и по настоящему внутренно—хмельная, какъ выдержанное вино.

Очень близокъ къ «Деревнѣ» по темѣ «Суходолъ», но душа у этой повѣсти иная, болѣе нѣжная, лирическая. Въ отрицательномъ отношеніи къ русскимъ корнямъ, въ отысканіи того таинственнаго бацилла, который отравляетъ русскую,—да, пожалуй и, вообще, славянскую—психику, Бунинъ идетъ еще дальше, чѣмъ въ «Деревнѣ». Но этотъ разрушительный анализъ смягчается общимъ поэтическимъ колоритомъ и явно прорывающеюся вездѣ любовью автора къ тому, что онъ описываетъ. Вѣдь рѣчь идетъ объ очень близкомъ для Бунина—о помѣщичьемъ прошломъ, о своей родной старинѣ. Впрочемъ, еще большой вопросъ, можно ли эту старину назвать помѣщичьей? Суходолъ это какая-то странная мистическая деревня, полу-мужичья, полу-барская деревня, общая родина, общее наслѣдство. И это, для Бунина, символъ Руси.

Эта соборная суходольская душа—въ основѣ своей «мужицкая, надъ которой такъ безмѣрно велика власть воспоминаній, власть степи, коснаго ея быта, той древней семейственности, что воедино сливала и деревню, и дворъ, и домъ въ Суходолѣ. Правда, столбовые мы Хрущовы, въ шестую книгу вписанные, и много было среди нашихъ легендарныхъ предковъ знатныхъ людей вѣковой литовской крови, да татарскихъ князьковъ, чья порода и сказалась въ насъ не однажды. А все же мы на дѣлѣ—мужики. Говорятъ, что составляли и составляемъ мы какое-то особое сословіе. А не проще ли дѣло? Были на Руси мужики богатые, были мужики нищіе, величали однихъ господишками, а другихъ холопами—вотъ и разница вся... Бытъ же нашъ съ мужицкимъ былъ почти что равенъ, кровь мѣшалась съ кровью дворни и деревень споконъ вѣку».

Письменными памятниками Суходолъ «не богаче любого улуса въ башкирской степи». Но зато его преданія и пѣсни полновластно царили надъ душами какъ господъ, такъ и дворовыхъ. И сколько трогательной, хрупкой—«декадентской» красоты во всѣхъ этихъ трепетныхъ разсказахъ-воспоминаніяхъ о суходольскомъ прошломъ: о помѣщичьихъ дочкахъ и дворовыхъ дѣвкахъ, сходившихъ съ ума

отъ несчастной любви, о сложныхъ отношеніяхъ господъ и дворовыхъ, о горячихъ пререканіяхъ и дракахъ между членами суходольской семьи, не садившимися обѣдать иначе, какъ съ арапниками на колѣняхъ... и объ упорной гипнотической привязанности къ своему гнѣзду всѣхъ суходольцевъ, такой же странной, какъ любовь колодниковъ къ своимъ кандаламъ... Казалось, что даже заброшенный садъ, заросшій «жасминомъ, крапивой, бузиной и бересклетомъ», въ который теперь нужно было спрыгивать прямо съ подгнившаго балкона, безъ ступенекъ, таилъ среди своей сырости и мрака какіе-то жуткіе слѣды былой жизни, красивой, но никчемной; носилъ на себѣ печать не простого разрушенія, а обреченности...

«...Ни къ разумной любви, ни къ разумной ненависти не были способны въ Суходолѣ. Чуть не поголовно страдали тѣлесными и душевными недугами всѣ Хрущовы изъ поколѣнія въ поколѣніе, равно, какъ и близкіе ихъ...» Этотъ страшный Суходолъ для Бунина какъ бы символъ нашей общей славяно-русской никудышности, непригодности къ жизни. Онъ и копается въ суходольской старинѣ, чтобы открыть наши корни, первооснову души народной. «На прошломъ Суходола познали мы душу его. Но вѣдь этой же душой и создано оно. Въ немъ еще рѣзче и яснѣе, чѣмъ въ настоящемъ, выступали истинно-славянскія черты ея, гибельно обособленной отъ души общечеловѣческой».

Въ повѣсти дана колоритная и поучительная картина разрушенія и обнищанія таинственной деревни. Но для автора дѣло не въ этой печальной эволюціи, не въ разложеніи. Вѣдь распаду подвержено все живущее... Не распадъ его пугаетъ, а свойства той «матеріи», изъ которой мы всѣ возникли. «Въ нѣсколько лѣтъ—не вѣковъ, а лѣтъ—до тла разрушилось то подобіе благосостоянія, которымъ такъ величалась наша старина. Въ чемъ же причина тому? Да не въ томъ ли, что не устои тамъ были, а косность? Не въ томъ ли, что гибель вырождающагося суходольца пошла какъ разъ навстрѣчу его душѣ, его жаждѣ гибели, самоуничтоженія, раздора, бездомности и страха жизни?». Для гибели, значитъ, были свои причины. Въ старинномъ Суходолѣ таилась какая-то враждебная сила, отравляющая своимъ ядомъ, дѣлающая человѣка непригоднымъ для жизни. Она «загубила», напр., лучшаго изъ представителей хрущовскаго рода, отмѣтивъ его своей вырожденской печатью. «Добръ онъ былъ, какъ ребенокъ. Бѣшено вспыльчивъ, какъ звѣрь... И умомъ, и острой живостью обладалъ онъ отъ природы. Но какъ-то такъ случилось, что изъ десяти словъ его восемь были неразумными... Правильности, послѣдовательности въ сужденіяхъ онъ не переносилъ... Бодрость,

пылкія мечты поминутно уступали въ его душѣ мѣсто полной безнадежности».

Въ каждой изъ характерныхъ фигуръ, воскресавшихъ въ разсказахъ бывшей крѣпостной Натальи, сказывались эти черты «истинно-славянской души». Умъ и неразумность, косность и неустойчивость, богатство и яркость отдѣльныхъ переживаній и общая основная блѣдность и холодность чувствъ, бѣдность темперамента. И сама Наталья тоже отравлена суходольскимъ ядомъ: «слишкомъ прѣсную воду пила она изъ тѣхъ прудовъ, что изрыли ея дѣды въ руслѣ изсякнувшей рѣчки!..» «Какъ ребенка подъ сердцемъ, носила она ожиданіе какихъ-то неминуемыхъ бѣдъ...»

Написана эта насквозь русская повѣсть Бунина ярко, тонко и выразительно. Реалистическая простота въ ней сочетается съ одухотворенностью, иногда отдающей настоящимъ символизмомъ. Суходолъ конкретный, видимый, колоритно обрисованный, тѣсно переплетается и сливается съ Суходоломъ абстрактнымъ, символическимъ, и это безъ всякаго умысла со стороны автора, само собой. Даже кажущаяся внѣшняя нестройность повѣствованія—обиліе отступленій и повтореній—вполнѣ логична и художественно оправдана, вполнѣ соотвѣтствуетъ той формѣ полубредовыхъ воспоминаній наслѣдника Суходола, въ которую отлилось ея содержаніе. Въ цѣломъ «Суходолъ» такъ стиленъ и лиричен, такъ глубоко пропитанъ интенсивными авторскими настроеніями, что къ нему гораздо больше подходитъ названіе поэмы, чѣмъ повѣсти.

«Суходолъ», столь удавшійся автору, показываетъ, какъ глубоко захваченъ онъ основной темой своего творчества. Онъ всецѣло во власти своей «натуры»—*русскаго*. Въ раннихъ разсказахъ Бунина попадаются разныя чисто психологическія темки и сюжеты. А теперь все это случайное отошло, и онъ сосредоточился на одномъ, основномъ—на изображеніи русскаго человѣка, вѣрнѣе—на отысканіи тѣхъ корней, которые объясняютъ и обусловливаютъ современный его обликъ.

Герои всѣхъ позднѣйшихъ разсказовъ Бунина распадаются на три чисто сословныхъ категоріи. Это—мужики, дворяне-помѣщики и, наконецъ, представители третьяго сословія, ненавистнаго Бунину мѣщанства. Пожалуй, послѣдніе изображены особенно выпукло, съ наибольшимъ безпристрастіемъ—можетъ быть, потому, что они автору совсѣмъ чужіе. Въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ разсказовъ фигурируетъ этотъ новоиспеченный деревенскій «буржуа»—«самодовольный, тупой и жадный»—съ его страстью къ накопленію и крайнею ограниченностью личныхъ потребностей. Но особенно удался Бунину образъ разбогатѣвшаго мужика въ разсказѣ «Князь во князь-

ихъ». Онъ ѣздитъ въ разоряющуюся дворянскую усадьбу лишь затѣмъ, чтобы похвастать—позвякать червонцами. Въ его собственную жизнь золото не можетъ внести никакихъ улучшеній, ибо онъ въ нихъ не нуждается. Поэтому-то и домъ, который строится въ теченіе многихъ лѣтъ, никакъ не можетъ достроиться: зачѣмъ ему домъ, когда хорошо и въ землянкѣ, гдѣ онъ провелъ восемьдесятъ зимъ «съ своимъ многочисленнымъ потомствомъ и съ телятами».

Мужикъ въ изображеніи Бунина неизмѣнно дикарь со всевозможными внутренними и внѣшними признаками вырожденія: «малорослый», «коротконогій», «морщинистый», атавистически жестокій (Разсказы: «Преступленіе», «Будни», «Сказка», «Заботы», «Личарда»). Однако, какъ ни мрачны у Бунина въ цѣломъ картины мужицкой жизни, въ ней все же мерцаютъ иногда свѣтлыя точки: свѣжесть психологіи и оригинальность натуры, иногда даже истинная поэтичность (напомню образъ свѣтлаго колдуна въ разсказѣ «Хорошихъ кровей»). А вотъ близкіе авторскому сердцу дворяне-гамлеты совершенно безнадежны. Ясно, что это доживающіе, которые не оставятъ здоровыхъ ростковъ для будущаго («Вѣра», «Послѣдній день» и др.). Всѣ представители этихъ различныхъ соціальныхъ группъ окутаны у Бунина въ одинаковой степени мрачнымъ флеромъ. Ихъ объединяетъ общая черта: первобытная некультурность, говорящая о томъ, что ихъ психическіе корни зародились на одной и той же недоброкачественной, рыхлой, неблагонадежной почвѣ. Всѣ эти отечественные варвары настойчиво внушаютъ Бунину мысль объ общей незрѣлости и сомнительности нашей культуры.

Какъ крупный художникъ-реалистъ, Буниъ даетъ живыя, въ своей основѣ правдивыя, всегда стильно-русскія фигуры; но показываетъ онъ ихъ съ одной стороны, въ томъ освѣщеніи, какъ онѣ его поразили.

И. А. Бунинъ теоретически всегда оставался вѣренъ реализму и не искалъ для себя путей внѣ его. Тѣснѣйшія узы соединяютъ его со старыми «бытовыми» писателями. Но собственная писательская природа побуждала его, незамѣтно для себя, впитывать многое изъ новыхъ вѣяній; характеру его субъективнаго, подвижного дарованія мало соотвѣтствовали прежнія рамки. И вотъ, постепенно реалистическіе пріемы сильно преобразились подъ его перомъ. Самое понятіе реализма можно примѣнять теперь въ отношеніи къ Бунину только съ оговорками. Въ своемъ реализмѣ онъ является въ большой степени импрессіонистомъ.

Е. Колтоновская.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ФРЕЙСИНЭ.

(C. de Freycinet. Souvenirs. 1878—1893. Paris, 1913. Стр. 514).

Второй томъ воспоминаній Фрейсинэ [1]) обнимаетъ тотъ періодъ новѣйшей французской исторіи, когда республика окончательно утвердилась въ странѣ и управленіе ею перешло въ руки республиканцевъ. Авторъ разсказываетъ о событіяхъ, въ которыхъ онъ самъ игралъ видную, иногда руководящую роль, и его разсказъ даетъ любопытный матеріалъ для характеристики главныхъ политическихъ дѣятелей третьей республики во Франціи.

Республиканскому режиму обыкновенно ставятъ въ вину неустойчивость власти, частыя перемѣны правящихъ лицъ, отсутствіе единства и послѣдовательности въ планахъ и дѣйствіяхъ правительства. При чтеніи безхитростнаго разсказа Фрейсинэ получается совсѣмъ другое впечатлѣніе. Прежде всего бросается въ глаза обиліе талантливыхъ людей, выдвигаемыхъ свободою политической жизни; выше ихъ всѣхъ стоитъ Гамбетта, авторитетъ котораго признается огромнымъ большинствомъ не только республиканцевъ, но и всего населенія страны. Министры часто мѣнялись со времени вступленія во власть президента Греви—съ января 1879 года; но между ними,—если оставить въ сторонѣ ничтожныя случайныя исключенія,—не было ни одного, который не оправдывалъ бы своего возвышенія личными дарованіями и заслугами. Попасть въ депутаты могутъ и мелкіе честолюбцы, но не всякому удается выдѣлиться въ палатѣ настолько, чтобы попасть въ категорію возможныхъ кандидатовъ въ министры. Замѣчательно притомъ, что стремленіе къ власти и къ сопряженнымъ съ нею выгодамъ нигдѣ не выражается въ такихъ сдержанныхъ и замаскированныхъ формахъ, какъ въ республиканской Франціи. Почти при каждомъ министерскомъ кризисѣ наблюдается тамъ одно странное явленіе: лицо, которому президентъ республики поручилъ составить новое министерство, обращается къ цѣлому ряду парламентскихъ дѣятелей съ предложеніемъ занять министерскій постъ, но встрѣчаетъ отказъ со стороны отдѣльныхъ кандидатовъ и только послѣ долгихъ переговоровъ достигаетъ опредѣленнаго результата, или же въ случаѣ неудачи отказывается отъ даннаго порученія. Уклоненія кандидатовъ отъ дѣлаемыхъ имъ лестныхъ предложеній мотивируются большею частью соображеніями

[1]) О первомъ томѣ см. въ „Вѣстникѣ Европы“, 1912, апрѣль.

парламентской или партійной тактики, или разногласіями по какимъ-нибудь вопросамъ текущей политики, или, наконецъ, побужденіями чисто-личнаго свойства. Такъ, напр., въ декабрѣ 1897 года, послѣ паденія кабинета Ваддингтона, Фрейсинэ упорно не соглашался принять предложеніе Греви, ссылаясь на необходимость призвать къ власти Гамбетту, и только по совѣту послѣдняго взялъ на себя образованіе министерства. Съ своей стороны Ваддингтонъ рѣшительно отклонилъ дважды предложенный ему почетный и щедро оплачиваемый постъ посланника въ Лондонѣ. Въ ноябрѣ 1881 года Фрейсинэ отказался участвовать въ «великомъ министерствѣ» Гамбетты потому, что составъ этого министерства не соотвѣтствовалъ его взглядамъ и ожиданіямъ; въ февралѣ 1883 года онъ не принялъ власти, несмотря на настоянія Греви, такъ какъ считалъ болѣе правильнымъ обратиться къ Жюлю Ферри, что и было исполнено; въ апрѣлѣ 1885 года онъ и другія намѣченныя имъ лица отклонили предложенную имъ честь образованія министерства, не будучи увѣрены въ поддержкѣ одной изъ парламентскихъ группъ, и указали на Бриссона, какъ на болѣе подходящаго кандидата въ премьеры; въ маѣ 1887 года онъ опять отказался послѣ долгихъ настояній и переговоровъ; наконецъ, въ февралѣ 1892 года Фрейсинэ, Леонъ Буржуа и Рувье не нашли возможнымъ сдѣлаться предсѣдателями совѣта министровъ и предлагали обратиться къ Эмилю Лубе. Изъ этого видно, что высокіе правительственные посты въ современной Франціи предлагаются и принимаются не въ силу какихъ-нибудь искательствъ и интригъ, а по соображеніямъ политическаго и моральнаго свойства, помимо закулисныхъ воздѣйствій. Вмѣсто предполагаемой погони за портфелями замѣчается, напротивъ, большая разборчивость и щепетильность при замѣщеніи министерскихъ вакансій.

Невѣрнымъ оказывается также обычное представленіе о томъ, что при республикѣ невозможно твердое и систематическое проведеніе опредѣленныхъ государственныхъ цѣлей и программъ. Чтобы убѣдиться въ противномъ, достаточно вспомнить ту желѣзную настойчивость, послѣдовательность и выдержку, съ какими въ теченіе многихъ лѣтъ осуществлялись грандіозные планы публичныхъ работъ, широкія реформы школьнаго дѣла, отдѣленіе церкви отъ государства, усовершенствованіе и увеличеніе арміи, стремленіе къ союзу съ Россіею и Англіею. Крупнѣйшія политическія задачи, стоявшія на очереди, постепенно разрѣшались въ желательномъ для страны духѣ, соотвѣтственно общимъ національнымъ интересамъ, несмотря на частую смѣну кабинетовъ. Когда требовалось реформировать армію и улучшить ея вооруженіе, задумавшій эти преобра-

зованія Фрейсинэ оставался военнымъ министромъ безсмѣнно въ четырехъ кабинетахъ, въ продолженіе почти цѣлыхъ пяти лѣтъ, съ апрѣля 1888 до января 1893 года. Между прочимъ, Фрейсинэ былъ невольнымъ виновникомъ возвышенія генерала Буланже, назначивъ его военнымъ министромъ въ началѣ 1886 года, по совѣту генерала Кампенона. Онъ же, будучи главою кабинета и министромъ иностранныхъ дѣлъ, значительно способствовалъ сближенію и формальному союзу между Франціею и Россіею. Въ данномъ вопросѣ всѣ смѣнявшіеся руководители французской дипломатіи дѣйствовали въ одномъ направленіи.

Фактическія свѣдѣнія, сообщаемыя Фрейсинэ о франко-русскихъ отношеніяхъ и переговорахъ, представляютъ, конечно, большой интересъ. Въ январѣ 1880 года явился къ нему, какъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, русскій посолъ князь Орловъ и послѣ оффиціальной бесѣды предложилъ поговорить частнымъ образомъ, по душѣ, независимо отъ правительствъ обѣихъ странъ. «Меня всегда удивляло,—началъ онъ,—что вы пошли на конгрессъ въ Берлинъ, чтобы присоединиться къ тѣмъ, которые насъ обобрали. Не было ли въ вашемъ интересѣ сблизиться съ нами, вмѣсто того, чтобы оказывать поддержку интригамъ Бисмарка? Онъ одинаково не любитъ васъ, какъ и насъ, и потому онъ и тѣмъ и другимъ навязываетъ удобную для него политику». На вопросъ о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Франціи министръ отвѣтилъ, что надо заботливо пользоваться всѣми случаями для развитія и поддержанія симпатій между обоими правительствами. Князь Орловъ выразилъ свое удовольствіе по поводу такого мнѣнія Фрейсинэ, и на этомъ дружеская бесѣда прекратилась. Вскорѣ, однако, дружба отчасти разстроилась, благодаря извѣстному дѣлу Гартмана. Гамбетта, передъ образованіемъ своего министерства, говорилъ Фрейсинэ, которому предлагалъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ: «Германія желала бы втянуть насъ въ свою орбиту и отдалить насъ отъ Англіи и Россіи. Будемъ на-сторожѣ, сохранимъ въ резервѣ для будущаго союзъ съ этими двумя державами»... «Теперь союза быть не можетъ,—это было бы опасно. Бисмаркъ слѣдитъ за нами, и мы не должны давать ему предлогъ къ ссорѣ. Намъ слѣдуетъ пока не дѣлать никакого выбора въ европейскомъ концертѣ и поддерживать со всѣми одинаково хорошія отношенія». Этотъ тонъ, какъ замѣчаетъ Фрейсинэ, находился въ противорѣчіи съ тѣмъ, что высказывалъ Гамбетта раньше. По догадкѣ автора перемѣна могла произойти отъ того, что въ 1878 году предполагалось свиданіе Гамбетты съ Бисмаркомъ, и что въ послѣдній моментъ Гамбетта уклонился отъ условленной встрѣчи. Бисмаркъ, не привыкшій къ такимъ отказамъ, чувствовалъ себя лично задѣтымъ и, вѣроятно, выразилъ свое неудовольствіе, когда узналъ о

возможномъ образованіи министерства Гамбетты. Такъ какъ никто не хотѣлъ прямо порвать съ Германіею, то приходилось соблюдать большую осторожность во внѣшней политикѣ. Тѣмъ не менѣе французское правительство по разнымъ поводамъ заявляло свою готовность «быть пріятнымъ» Россіи и сблизиться съ нею; въ этомъ духѣ дѣйствовалъ Фрейсинэ и во время балканскаго кризиса 1885 года, за что онъ получилъ даже благодарственное письмо отъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, черезъ посредство русскаго посла въ Парижѣ, барона Моренгейма. Позднѣе, въ февралѣ 1888 года, для того, чтобы сдѣлать возможнымъ вступленіе во власть Флоке, который въ молодости прославился своимъ возгласомъ: «vive la Pologne!», устроено было оффиціальное примиреніе его съ Россіею: на одномъ министерскомъ вечерѣ онъ былъ представленъ барону Моренгейму, который затѣмъ, съ разрѣшенія своего правительства, присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ президентомъ палаты Флоке въ честь президента республики. Въ ноябрѣ того же года великій князь Владиміръ Александровичъ видѣлся съ Фрейсинэ, бывшимъ тогда военнымъ министромъ, и пожелалъ имѣть новое французское ружье, фабрикація котораго производилась въ то время съ особою поспѣшностью. Это желаніе, выраженное конфиденціально, могло быть удовлетворено только подъ условіемъ соблюденія извѣстныхъ формальностей и съ сохраненіемъ тайны, въ силу декрета президента республики, основаннаго на постановленіи совѣта министровъ. Два мѣсяца спустя былъ возбужденъ вопросъ о заказѣ ружей усовершенствованнаго русскаго образца, приближающагося къ французскому, для нуждъ русской арміи; заказъ былъ принятъ, но, какъ шутливо замѣтилъ Фрейсинэ нашему военному уполномоченному въ Парижѣ, барону Фредериксу,—нужно было бы предварительно удостовѣриться, что эти ружья никогда не будутъ направлены противъ французовъ. Баронъ Фредериксъ заявилъ, что въ этомъ отношеніи будутъ даны Россіею всякія гарантіи. То же самое высказалъ и баронъ Моренгеймъ въ разговорѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Спюллеромъ, въ февралѣ 1889 года.

Съ марта 1890 года Фрейсинэ былъ опять главою кабинета и въ этомъ качествѣ имѣлъ частыя свиданія съ германскимъ посломъ, графомъ Мюнстеромъ. Однажды посолъ неожиданно спросилъ его въ добродушномъ тонѣ: «Что заставляетъ васъ искать сближенія съ Россіею? Повѣрьте мнѣ, ничего хорошаго не можетъ придти съ востока». На замѣчаніе, что со стороны Франціи вполнѣ естественно стремиться къ созданію противовѣса тройственному союзу, графъ Мюнстеръ возразилъ обычною ссылкою на миролюбіе Германіи. «Нашъ тройственный союзъ,—продолжалъ онъ,—не угрожаетъ вамъ, тогда какъ вы воинственны, и какъ только вы сойдетесь съ Россіею,

вы на насъ нападете». Фрейсинэ напомнилъ, что новый германскій императоръ, будучи еще кронпринцемъ, высказывалъ воинственныя идеи, и что послѣ удаленія Бисмарка онъ легко можетъ вступить на путь опасной международной предпріимчивости. Графъ Мюнстеръ отрицалъ это, но безъ достаточной убѣдительности. Между тѣмъ франко-русское сближеніе стало совершившимся фактомъ. По иниціативѣ французскаго морского министра состоялось посѣщеніе Кронштадта броненосною эскадрою адмирала Жервэ въ іюлѣ 1891 года. Послѣ долгихъ обсужденій и совѣщаній между двумя министрами иностранныхъ дѣлъ, Рибо и Гирсомъ, при дѣятельномъ участіи обоихъ посланниковъ, Лабулэ и Моренгейма, подписано было окончательное соглашеніе 27 (15) августа. Это соглашеніе имѣло чисто-оборонительный характеръ и предусматривало совмѣстныя дѣйствія въ извѣстныхъ случаяхъ; но оно не опредѣляло практическихъ способовъ и условій исполненія. Необходимо было дополнить этотъ актъ заключеніемъ военной конвенціи, которая потребовала очень сложныхъ спеціальныхъ переговоровъ; кромѣ дипломатовъ и военныхъ уполномоченныхъ, были почему-то привлечены къ этому дѣлу, въ качествѣ посредниковъ, Юлій Ганзенъ, датчанинъ по происхожденію, натурализованный французъ, и Петръ Рачковскій, делегатъ русскаго министерства внутреннихъ дѣлъ за границей, начальникъ охраннаго агентства при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ. Въ ноябрѣ 1891 года Фрейсинэ и Рибо неоднократно совѣщались съ Моренгеймомъ и прибывшимъ въ Парижъ Гирсомъ. Когда произошелъ министерскій кризисъ въ февралѣ 1892 года, Фрейсинэ согласился сохранить постъ военнаго министра въ новомъ кабинетѣ Лубе только ради того, чтобы довести до конца заключеніе военной конвенціи съ Россіею. Въ августѣ генералъ Буадефръ былъ въ Петербургѣ и представилъ проектъ военной конвенціи нашему военному министру, генералу Ванновскому; окончательная редакція, утвержденная подписями Буадефра и генерала Обручева, была одобрена императоромъ Александромъ III «въ принципѣ», послѣ чего проектъ опять былъ направленъ къ больному Гирсу. Фрейсинэ такъ и не дождался формальнаго заключенія конвенціи до своего выхода въ отставку; позднѣе, въ октябрѣ 1893 года, эскадра адмирала Авелана совершила свой тріумфальный въѣздъ въ гавань Тулона, а въ началѣ 1894 года, при министерствѣ Казиміра Перье, состоялась наконецъ ратификація военнаго соглашенія, которымъ закрѣпленъ былъ союзный актъ, положившій начало новой группировкѣ великихъ державъ въ Европѣ. Замѣчаніями о мирной внѣшней политикѣ Франціи и о состояніи французской арміи заканчиваются интересныя воспоминанія Фрейсинэ.

Л. Слонимскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Памятники міровой литературы. Античные писатели. Маркъ Аврелій. Наединѣ съ собой. Размышленія. Переводъ съ греческаго и примѣчанія С. Роговина, вступительный очеркъ С. Котляровскаго. М. 1914.

«Книга Марка Аврелія, свободная отъ какихъ-либо догматическихъ основъ, навѣки сохранитъ свою свѣжесть. Всѣ, начиная съ атеиста или считающаго себя таковымъ, до человѣка вполнѣ предавшагося вѣрованіямъ того или другого культа, найдутъ въ ней нѣчто поучительное для себя. Это книга чистѣйшей человѣчности». Такъ одинъ изъ самыхъ большихъ знатоковъ античнаго міра — Эрнестъ Ренанъ — характеризуетъ «Размышленія», вышедшія изъ-подъ пера Цезаря, замкнувшаго собою золотой вѣкъ римской имперіи. И одно это, мы думаемъ, является достаточнымъ основаніемъ, чтобы привѣтствовать лежащій передъ нами переводъ «Размышленій», не говоря уже о томъ, что имѣвшіеся до сего времени переводы въ значительной своей части являются довольно слабыми.

Переводу предшествуетъ вступительная статья г. Котляровскаго. По самому существу памятника такая статья представляется почти необходимой. Маркъ Аврелій—натура глубоко индивидуальная и въ значительной степени драматичная. Высокіе нравственные принципы и личное стремленіе къ начертанному идеалу, сознаніе глубокой пропасти между идеальнымъ обществомъ и жизнью своей эпохи и возведенная почти въ принципъ невозможность противостоять неумолимой необходимости,—все это, въ соединеніи съ высокимъ положеніемъ, наложило на личность императора своеобразную печать, приведшую къ его философіи. Такимъ образомъ «Размышленія» становятся какъ бы неотдѣлимыми отъ ихъ автора, и хорошо понять ихъ въ ихъ исторической перспективѣ—значитъ прежде всего понять личность ихъ творца. Отсюда, вполнѣ естественно было разсчитывать, что на возможно детальной характеристикѣ преемника Антонина Пія и остановится, главнымъ обра-

зомъ, авторъ вступительной статьи. Но эта надежда остается обманутой. Въ своемъ введеніи, или вѣрнѣе первой его части, написанномъ въ извѣстной близости съ трудами Ревиля, и главнымъ образомъ, Ренана (ср. стр. XVI, XVII, XIX, XXI, XXV...), г. Котляревскій отвелъ указанной характеристикѣ весьма немного мѣста. Это, на нашъ взглядъ, слабый пунктъ первой части его очерка. Вторая часть имѣетъ своимъ предметомъ уже собственно философію царственнаго мыслителя, и потому этотъ упрекъ къ ней не примѣнимъ. Но, помимо сказаннаго, мы не можемъ сдѣлать автору упрека въ какомъ бы то ни было существенномъ недосмотрѣ. Статья отличается ясностью и съ небольшимъ объемомъ совмѣщаетъ богатство содержанія. Мы указали бы еще развѣ лишь на массу историческихъ параллелей, которая, какъ думается, для средняго читателя болѣе затемняетъ текстъ, чѣмъ служитъ къ его разъясненію. Къ числу недостатковъ можно отнести и пристрастіе автора къ иностраннымъ словамъ. Напримѣръ, слово «прекарный» въ томъ контекстѣ, въ какомъ ставитъ его авторъ (XXIII), могло быть съ успѣхомъ замѣнено другимъ, тѣмъ болѣе, что по существу это—техническій терминъ права.

Что касается самаго перевода, то, въ этомъ отношеніи, мы, конечно, прежде всего должны имѣть въ виду спеціальныя трудности данной работы. Текстъ «Размышленій» вообще отличается отсутствіемъ прочно установленной терминологіи и особенной манерой письма—сжатой и отрывистой. Не служитъ облегченіемъ и масса разночтеній, порожденныхъ самымъ текстомъ памятника. Поэтому весьма понятно, что,—выражаясь словами переводчика,—послѣднему «волей-неволею приходится лавировать между Сциллой буквализма, пренебрегающаго духомъ автора и литературной формой, и Харибдой свободнаго творчества, грозящаго перейти въ сочинительство». Нельзя, однако, не сознаться, что переводчикъ съ честью вышелъ изъ затрудненія, и если въ переводѣ встрѣчаются неловкіе обороты и нѣсколько тяжеловѣстные термины, то число ихъ во всякомъ случаѣ невелико и употребленіе ихъ находитъ свое оправданіе въ философскомъ характерѣ оригинала, при переводѣ котораго точность и изящество сочетать весьма не легко.

Б. П. Ивановъ.

— Полное собраніе сочиненій Е. А. Боратынскаго. Т. I. Подъ ред. и съ примѣч. М. Л. Гофмана. Изданіе Разряда изящной словесности Имп. Академіи Наукъ. Спб. 1914 г. Ц. 1 руб.

И въ отношеніи полноты текста, и въ смыслѣ тщательности редакціонной техники новое изданіе немного прибавляетъ къ тому,

которое выпустилъ въ 1884 г. сынъ поэта. Въ изданіи 1884 г., писалъ Н. Е. Боратынскій, «находится только то, что заключалось въ сборникахъ и изданіяхъ, сдѣланныхъ самимъ покойнымъ отцомъ моимъ; я считаю своимъ долгомъ не нарушать его волю, пока законъ даетъ мнѣ на это право». Но тутъ же Н. Е. Боратынскій привелъ довольно точный списокъ стихотвореній, не вошедшихъ въ это собраніе. Съ теченіемъ лѣтъ этотъ запретъ утратилъ свою формальную и нравственную силу, и явилась возможность и необходимость дать читателю полнаго Боратынскаго; къ тому же собраніе 1884 г. давно вышло изъ продажи, и публикѣ долго приходилось довольствоваться неисправными, на-спѣхъ сдѣланными рыночными изданіями. Существующая при академіи наукъ комиссія, издающая «Библіотеку русскихъ писателей», даетъ читателямъ въ двухъ томахъ новое, дешевое, хорошо напечатанное и, повидимому, безупречно полное собраніе всего написаннаго Боратынскимъ. Первый отведенъ стихотвореніямъ; во второмъ будутъ помѣщены поэмы, проза и письма.

Редакторская работа была облегчена семейными бумагами Боратынскихъ и матеріалами, извлеченными изъ нѣкоторыхъ родовыхъ и общественныхъ архивовъ. Они дали нѣсколько новыхъ, хотя малозначительныхъ, стихотвореній и много писемъ Боратынскаго и близкихъ къ нему. На основаніи послѣднихъ г. Гофманъ написалъ біографическій очеркъ, чисто-внѣшняго характера, совсѣмъ не обрисовывающій фигуру поэта въ литературѣ и общественной жизни и не опредѣляющій то «необщее выраженье» своеобразнаго поэтическаго облика, которымъ справедливо гордился Боратынскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ трудно назвать этотъ очеркъ и простыми «матеріалами для біографіи»,—такъ слабо использованы въ немъ существующія біографическія данныя. Что касается до комментаторской части работы, то редакторъ напрасно исключилъ изъ своей задачи «широкій историко-литературный комментарій»: въ подобныхъ изданіяхъ эта сторона редакторскаго дѣла очень важна. Въ примѣчаніяхъ своихъ г. Гофманъ обращаетъ вниманіе преимущественно на исторію текстовъ, ихъ источники и варіанты, но игнорируетъ критическіе отзывы о Боратынскомъ, сообщаетъ скудныя и случайныя свѣдѣнія о лицахъ, упомянутыхъ въ его произведеніяхъ и такъ или иначе соприкасавшихся съ нимъ, высказываетъ рѣшительныя, но не мотивированныя заключенія о хронологіи. Но въ другихъ случаяхъ онъ излишне подробенъ; напр., въ текстъ включены приписывавшіяся Боратынскому эпиграммы, непринадлежность которыхъ ему давно установлена, что редактору, какъ видно изъ его примѣчаній, хорошо извѣстно; тоже не для чего было говорить на цѣлой стра-

ницѣ о совмѣстномъ составленіи Боратынскимъ и Дельвигомъ шутки «Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ», неправильно приписывавшейся Пушкину, а достаточно было сослаться на спеціальную замѣтку объ этомъ въ «Русс. Старинѣ» 1911 г. Зато, безъ должной осторожности, внесенъ прямо въ текстъ,—даже не въ отдѣлъ приписываемыхъ,—сомнительнаго достоинства «Романсъ» только потому, что въ какомъ-то пѣсенникѣ онъ подписанъ именемъ Боратынскаго; между тѣмъ пѣсенники, ставившіе имена авторовъ подъ стихами наобумъ, источникъ не заслуживающій довѣрія. Одна эпиграмма (стр. 14, 217) дана въ текстѣ, опубликованномъ въ 1820 г., но въ изданіи 1835 г. Боратынскій напечаталъ ее совсѣмъ въ другой редакціи; г. Гофманъ эту редакцію, лучшую и во всякомъ случаѣ позднѣйшую, отвергъ и даже не внесъ ее, несмотря на существенныя отличія формы, въ отдѣлъ «Другія редакціи». Первый стихъ шутки «Къ дѣвушкѣ», которая на вопросъ, какъ ее зовутъ, отвѣчала: «не знаю», данъ въ такомъ видѣ:

Незнаю, милое *незнаю*...,

какъ напечатано въ журналѣ 1820 г., но въ собраніи 1835 г. Боратынскій его исправилъ, такъ что вышло остроумное:

Незнаю! милая Незнаю!

Съ этой поправкой редакторъ не пожелалъ считаться. Цитируя одно письмо Боратынскаго, редакторъ ссылается на его подлинникъ, «хранящійся въ Публ. Библіотекѣ» (стр. 248). Между тѣмъ это письмо напечатано въ «Русс. Старинѣ» 1908 г. (декабрь, стр. 756).

Но, при всѣхъ этихъ недостаткахъ работы, устраненіе которыхъ—дѣло будущихъ изданій, на ней лежитъ печать добросовѣстности, и она заслуживаетъ вниманія какъ обычнаго читателя, такъ и ученаго работника.

Н. Лернеръ.

—Георгій Гребенщиковъ. Въ просторахъ Сибири. Разсказы. Издательское Т-во Писателей. Сиб. 1913 ц. 1 р. 25 к.

Къ художественной литературѣ Сибири прибавилась книга разсказовъ Георгія Гребенщикова.

Художественное дарованіе г. Гребенщикова, несомнѣнно, скромныхъ размѣровъ. Но онъ любитъ изображаемую имъ среду и бытъ, онъ влюбленъ въ ширь и въ даль сѣдыхъ сибирскихъ просторовъ, ему мила и близка «печаль безлюдныхъ тундръ», вся эта «страна снѣговъ, страна нѣмыхъ изгнаній, юдоль глухихъ, запрятанныхъ страданій», какъ онъ называетъ ее въ стихотворномъ предпосланіи къ книгѣ. Все это онъ остро и тонко чувствуетъ, во всемъ этомъ

умѣетъ находить свою особую красоту и прелесть, всему этому придавать своеобразныя краски и очертанія,—и въ этомъ достоинство его простыхъ и безыскусственныхъ разсказовъ, лишенныхъ какой бы то ни было аффектаціи, какой бы то ни было нарочитой тенденціи и содержанія. Очутившись въ просторахъ Сибири, поставленный лицомъ къ лицу къ ея тамошнимъ обитателямъ, къ ихъ быту, жизни и нравамъ, понаблюдавъ въ этомъ бытѣ и жизни много скорбнаго и безрадостнаго, Георгій Гребенщиковъ повѣствуетъ въ своихъ разсказахъ о виданномъ и пережитомъ. И отъ всѣхъ его разсказовъ, за очень рѣдкими исключеніями, вѣетъ какой-то сплошною грустью. И что̀ всего цѣннѣе,—грусть эта не поддѣльная, не наигранная, а подсказанная подлиннымъ и впечатлѣніями суровой и печальной дѣйствительности.

Къ числу лучшихъ разсказовъ принадлежатъ: «Въ поляхъ», «Въ тиши степей», «Въ поселкѣ», «Отецъ Порфирій», «Въ тѣснинѣ», «Весною». И тамъ, гдѣ авторъ рисуетъ драму крестьянской семьи, лишающейся своего главнаго оплота, главы-кормильца («Въ поляхъ»), и тамъ, гдѣ онъ рисуетъ тихую и безмятежную жизнь киргизскаго аула, въ которую несомнѣнно вторгаются первые ростки земледѣльческой культуры на смѣну «умирающему царству степныхъ просторовъ» («Въ тиши степей»), гдѣ изображаетъ трагическое существованіе горемыки-казака, готоваго ежеминутно броситься въ прорубь («Въ поселкѣ»), либо жуткій, неудачливый образъ жизни отца Порфирія («Отецъ Порфирій»), либо жалкое, тоскливое прозябаніе въ заброшенной, глухой Сибири хорошихъ, чуткихъ душъ брата и сестры («Въ тѣснинѣ»), либо эпизодъ съ крестьянскими мальчиками, пасшими стада («Весною»),—вы видите, что онъ остается вездѣ вѣренъ своему основному настроенію: во всѣхъ его разсказахъ чувство грусти превалируетъ надъ всѣмъ остальнымъ.

Возьмемъ ли мы болѣе мелкіе разсказы, какъ «Представленіе», гдѣ онъ изображаетъ первое появленіе на сибирскомъ деревенскомъ горизонтѣ «движущейся машины»—синематографа, «Колдунья», гдѣ изображены дикія и безпросвѣтныя суевѣрія тамошней крестьянской среды, «По указу»—страничка изъ жизни бывшаго служаки, доживающаго свои одинокіе, старческіе дни въ горѣ и обидѣ, когда-то битаго шпицрутенами, а нынѣ забытаго и оставленнаго,—и вы услышите все тѣ же мотивы.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода однотонность въ разсказахъ принадлежитъ къ числу наиболѣе крупныхъ ихъ недостатковъ, отъ которыхъ можетъ спасти лишь большое, яркое дарованіе. Этого дарованія у г. Гребенщикова, повторяемъ, нѣтъ. И если разсказы его читаются все же съ интересомъ, то исключительно потому, что въ нихъ подкупаетъ, какъ уже было указано выше, искрен-

ность содержанія, чутье правды и горячая любовь къ сибирскимъ просторамъ, къ ихъ хмурымъ, затерянным обитателямъ, вызвавшимъ къ жизни эти простые и незатѣйливые разсказы.

М. К—кій.

— Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова. Т. I. Спб., 1914.

Въ теченіе всего XIX столѣтія, на фонѣ общерусской государственной и общественной жизни, періодически возникалъ украинскій національный вопросъ—то какъ отзвукъ славянскаго культурнаго возрожденія, то какъ органически связанное съ русскою дѣйствительностью, культурно-національное движеніе. Въ дореформенный періодъ движеніе это, въ числѣ другихъ прогрессивно-демократическихъ теченій общественной мысли, болѣе или менѣе успѣшно заглушалось; но съ новыми формами государственнаго строя, получивъ относительную свободу проявленія, украинское движеніе быстро выросло въ крупный вопросъ внутренней политики и въ наше время сосредоточиваетъ на себѣ пристальное вниманіе общества. Отсюда и ощущаемая потребность въ ознакомленіи съ фактическимъ матеріаломъ изъ области украиновѣдѣнія. Удовлетвореніе этой потребности имѣетъ въ виду изданіе, заглавіе котораго выписано выше. Судя по именамъ редакторовъ и распредѣленнымъ между ними отдѣламъ (антропологія, этнографія, искусство, исторія, географія, статистика, хозяйство, языкъ, литература), издатели поставили себѣ цѣлью освѣтить въ научно разработанныхъ монографіяхъ разнообразныя стороны жизни «украинскаго народа въ прошломъ и настоящемъ». Только-что вышедшій въ свѣтъ первый томъ изданія посвященъ исторической части. Вводная статья извѣстнаго украинскаго историка проф. Грушевскаго представляетъ цѣнный сводъ свѣдѣній о литературѣ украинскихъ изученій съ XVIII вѣка; за нею слѣдуетъ очеркъ исторіи украинскаго народа, принадлежащій тому же автору и въ сжатой обработкѣ дающій картину прошлаго запятыхъ украинскимъ населеніемъ земель, исторіи его экономическаго быта, его культурнаго развитія и эволюціи его національнаго самосознанія. Съ внѣшней стороны изданіе весьма изящно. Къ недостаткамъ его слѣдуетъ отнести отсутствіе подробнаго оглавленія и нѣсколько случайный подборъ украшающихъ изданіе иллюстрацій, но эти дефекты искупаются цѣнностью содержанія книги.

П. Ст.

Сѣровы, Александръ Николаевичъ и Валентинъ Александровичъ. Воспоминанія В. С. Сѣровой. Спб., 1914 г. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Книга эта займетъ выдающееся мѣсто въ литературѣ мемуаровъ. Написана она простымъ, живымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ красочнымъ, живописнымъ языкомъ; передаются въ ней воспоминанія такъ ясно и непосредственно, безъ слѣда какой-либо предна мѣренности и на думанности; читается она, какъ увлекательный романъ. И обращаетъ на себя вниманіе еще одна черта, рѣдкая у мемуаристовъ: читатель совершенно не видитъ, не знаетъ и не чувствуетъ автора; авторъ говоритъ о себѣ лишь постолько, посколько это необходимо для характеристики лицъ, которымъ посвящены воспоминанія,—не больше. И эта скромная сдержанность тѣмъ болѣе примѣчательна, что г-жа Сѣрова, какъ мы знаемъ изъ ея біографіи (не изъ воспоминаній, изъ которыхъ читатель не узнаетъ даже ея дѣвичьей фамиліи), была сама незаурядной личностью, жила своею, весьма интенсивной, личной жизнью, была даровитой музыкантшей, музыкальнымъ критикомъ, композиторомъ, издавала (вмѣстѣ съ мужемъ) музыкальную газету, пропагандировала музыку въ деревнѣ, и т. д.

Мужу своему, А. Н. Сѣрову, замѣчательному музыкальному критику и композитору, г-жа Сѣрова посвятила часть воспоминаній, озаглавленную: «Праздники и будни въ нашей совмѣстной жизни». Нельзя пересказать въ короткой замѣткѣ,—надо прочесть эту трогательную повѣсть о любви 48-лѣтняго композитора, находившагося тогда (вскорѣ послѣ постановки «Юдиѳи») въ зенитѣ своей славы, и 16-лѣтней восторженной ученицы консерваторіи, объ ихъ бракѣ и шестилѣтней совмѣстной жизни. Съ одной стороны, мужъ—баричъ и сибаритъ, закоренѣлый холостякъ, изъ богатой и разорившейся семьи, промѣнявшій блестящую чиновничью карьеру на свободную жизнь полу-богемы литератора и композитора, высоко-образованный человѣкъ, но лишенный какихъ-либо политическихъ взглядовъ, служившій одно время цензоромъ иностранныхъ газетъ и имѣвшій родного брата—чиновника III-го отдѣленія; съ другой стороны—молоденькая, неопытная дѣвушка, мечтавшая о трудѣ и о благѣ народномъ, воспитавшаяся въ бѣдной семьѣ, младшіе члены которой жили овѣянные всѣмъ общественнымъ радикализмомъ 60-хъ годовъ. Союзъ этихъ двухъ людей далъ моменты поэтической идилліи, но не лишенъ былъ и элементовъ жестокой драмы. И обо всемъ этомъ разсказала г-жа Сѣрова правдиво, искренно, тепло и художественно. Кромѣ самого А. Н. Сѣрова, обрисованнаго вполнѣ и всесторонне,

въ воспоминаніяхъ г-жи Сѣровой мелькаютъ эскизные портреты Вагнера, Листа, Тургенева и др. замѣчательныхъ людей того времени, съ которыми ей пришлось встрѣчаться. И въ каждомъ изъ нихъ замѣтила она нѣчто такое, что кажется новымъ и неожиданнымъ для этихъ людей, такихъ знакомыхъ и такихъ опредѣленныхъ. Первая часть воспоминаній написана въ 1883 году.

Вторая часть воспоминаній, написанныхъ тридцать лѣтъ спустя послѣ первой, посвящена сыну г-жи Сѣровой, извѣстному художнику В. А. Сѣрову, на нашихъ глазахъ пролагавшему новые пути въ русскомъ искусствѣ и такъ безвременно скончавшемуся; эта часть воспоминаній носитъ названіе: «Какъ росъ мой сынъ». Шагъ за шагомъ, любовно и терпѣливо слѣдитъ г-жа Сѣрова за физическимъ, умственнымъ и художественнымъ развитіемъ своего сына, начиная съ его ранняго дѣтства и кончая юностью. Ломанной и неровной кривою можетъ быть изображено это развитіе. Въ разсказѣ г-жи Сѣровой отмѣчены лишь точки паденія и возвышенія этой кривой, но сдѣлано это съ такой выразительностью, съ такой отчетливостью, что общая картина отъ этого только выигрываетъ. Многіе изъ приводимыхъ ею эпизодовъ просятся въ учебники экспериментальной психологіи въ качествѣ примѣровъ, иллюстрирующихъ ростъ творческаго сознанія одареннаго ребенка. Воспоминанія эти заканчиваются годами юности; о дальнѣйшей жизни художника г-жа Сѣрова даетъ лишь нѣсколько указаній, прерывающихся скорбью матери, потерявшей любимаго сына.

Къ книгѣ приложены восемь критическихъ статей А. Н. Сѣрова, текстъ иллюстрированъ превосходно исполненными портретами семьи Сѣровыхъ и другихъ лицъ, а также двумя дѣтскими рисунками В. А. Сѣрова.

М. Славинскій.

— Гр. Павелъ Толстой: Земская Россія о реформѣ продовольственнаго законодательства въ 1909—1910 г. Спб. 1914.

Эта объемистая книга заключаетъ матерьялы относительно новѣйшаго фазиса исторіи правительственнаго отношенія къ дѣлу продовольствія населенія во время неурожая, того періода этой исторіи, когда правительство, изъявъ въ 1900 г. продовольственное дѣло изъ рукъ земства, но, убѣдившись вслѣдъ за тѣмъ въ непригодности для его завѣдыванія органовъ администраціи, задумало было въ 1907 г. возвратиться къ прежнимъ порядкамъ, а затѣмъ рѣши-

лось, наконецъ, осуществить давно созрѣвшую задачу коренного преобразованія продовольственнаго устава, и составленный въ этомъ смыслѣ проектъ закона разослало въ 1909 г. на заключеніе губернскихъ земствъ. Отзывы сорока губернскихъ и сотни уѣздныхъ земствъ, точнѣе говоря, всѣ доклады, записки, журналы, отдѣльныя мнѣнія и т. п., вызванные проектомъ продовольственнаго устава, доставленные земствами Вольно-Экономическому Обществу, и послужили матерьяломъ для основной части работы гр. Павла Толстого. При разработкѣ этого матерьяла авторъ, впрочемъ, интересовался главнымъ образомъ не сужденіями земствъ о тѣхъ или другихъ частяхъ министерскаго проекта. Онъ придаетъ гораздо большее значеніе тому обстоятельству, что данныя, которыми онъ располагаетъ, выражаютъ «коллективную работу мысли земской среды» и имѣютъ значеніе не только въ качествѣ матерьяла при обсужденіи важнаго вопроса, но и какъ характеристика «общественной физіономіи земской среды въ годы общаго упадка общественнаго настроенія и особенно реакціоннаго настроенія помѣстнаго дворянства». Въ сводку даннаго матерьяла авторъ по возможности включилъ всѣ высказанныя мнѣнія, хотя бы таковыя были представлены однимъ лицомъ, и широко пользуется цитатами изъ источниковъ, не безъ основанія полагая, что, благодаря этому, его книга «можетъ сдѣлать въ значительной степени излишнимъ обращеніе къ подлиннымъ земскимъ матерьяламъ», доступнымъ, конечно, для очень немногихъ.

Разработалъ г. Толстой матерьялы по очень (быть можетъ, даже излишне) подробной программѣ, посвятивъ, напр., тридцать страницъ такому маловажному предмету, какъ внѣшняя сторона работы земствъ по обсужденію министерскаго законопроекта. Зато авторъ не ограничился размѣщеніемъ матерьяла по рубрикамъ, онъ еще дополнялъ его историческими справками и библіографическими указаніями, освѣщалъ и подводилъ ему, такъ сказать, итоги; а въ заключительной главѣ этой основной части своего труда представилъ «выводы объ эволюціи земской мысли» по различнымъ сторонамъ продовольственнаго дѣла и по вопросамъ о реформѣ земскаго представительства и мелкой земской единицѣ. Въ двухъ другихъ, второстепенныхъ, такъ сказать, частяхъ своего труда гр. Толстой даетъ подробный (не критическій) анализъ правительственнаго проекта продовольственнаго устава, находившагося на разсмотрѣніи земствъ, и излагаетъ дальнѣйшую судьбу въ министерскихъ канцеляріяхъ этого проекта, такъ еще и недошедшаго до канцеляріи Государственной Думы. Когда проектъ поступитъ на обсужденіе послѣдней,—въ книгѣ г. Толстого депутаты найдутъ полезный вспомогательный матерьялъ при оцѣнкѣ этого проекта.

В. В.

— Владиміръ Розенбергъ. Лѣтопись русской печати. (1907 — 1914). Москва, 1914.

Выдержка изъ письма М. М. Стасюлевича къ К. Д. Кавелину отъ 31 мая 1881 года: «Завтра, въ Духовъ день, «Порядокъ» не выходитъ, а третьяго дня № 146-й раздавали только вечеромъ: въ первый разъ отъ сотворенія міра у насъ былъ конфискованъ нумеръ газеты. Такая рѣдкость объясняется тѣмъ, что по закону арестовать можно только въ случаѣ напечатанія воззванія къ бунту или когда статья угрожаетъ непосредственно общественному спокойствію. Но не по закону можно арестовать безъ всякихъ причинъ; доказательствомъ тому служитъ, что этотъ же «ужасный» нумеръ былъ выпущенъ черезъ нѣсколько часовъ. Какъ видите, изъ меня жилы тянутъ и кровь сосутъ. Потерплю еще, пока терпится». Съ сотворенія міра,—комментируетъ авторъ «Лѣтописи русской печати» эту выдержку,—прошло еще четверть столѣтія, и неслыханная мѣра стала повседневнымъ явленіемъ русской жизни. Невозмутимый, уравновѣшенный М. М. Стасюлевичъ волновался изъ-за того, что «Порядокъ» разносился подписчикамъ не утромъ, а вечеромъ, а развѣ мы не получали іюльскіе номера на Рождество, и рождественскіе на Пасху?

Это сопоставленіе между «временами минувшими» и нынѣшнимъ днемъ не оставляетъ читателя на всемъ протяженіи книги г. Розенберга. Книга эта составилась изъ статей, разновременно помѣщенныхъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; собранныя вмѣстѣ, онѣ даютъ картину положенія русской печати въ многолѣтній и еще незаконченный періодъ дѣйствія временныхъ правилъ 24 ноября 1905 года и различнаго рода дополненій къ нимъ. Русскій читатель привыкъ къ репрессіямъ по адресу печати, но факты этихъ репрессій, сведенные вмѣстѣ за какой-нибудь даже небольшой періодъ, способны возбудить даже притупившееся вниманіе. Сводокъ этихъ много въ книгѣ г. Розенберга. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ. «Указатель» изданій, подвергшихся судебной конфискаціи, къ 1912 году разросся до 223 страницъ, изъ которыхъ 183 страницы заняты книгами и брошюрами и 43—періодическими изданіями. За шесть лѣтъ (1906—1911) число конфискованныхъ книгъ и брошюръ выразилось въ цифрѣ—1.821, а газетъ и журналовъ—1.160. А между тѣмъ изъ практики извѣстно, что на одну утвержденную судомъ конфискацію приходится не одна, отмѣняемая имъ. За тѣ же шесть лѣтъ, по далеко не полнымъ частнымъ свѣдѣніямъ, наложено было на повременныя изданія 973 штрафа, въ общемъ на сумму въ 383.700 р. Къ сожалѣнію, въ книгѣ, за невозможностью собрать эти свѣдѣнія, не имѣется подсчета количества

редакторовъ, подвергнутыхъ административному аресту безъ замѣны штрафомъ. За пять лѣтъ (1905—1910) въ административномъ порядкѣ было 1.046 случаевъ пріостановки періодическихъ изданій въ административномъ порядкѣ и 107 случаевъ прекращенія навсегда журналовъ и газетъ по приговору суда. Всѣ заплатили дань «Временнымъ правиламъ», начиная съ Пушкина, имя котораго тоже значится среди авторовъ, подвергшихся конфискаціи. Л. Н. Толстой въ этомъ спискѣ значится 43 раза. Нечего говорить, конечно, о Герценѣ, Бакунинѣ, Лавровѣ, Крапоткинѣ. Изъ современныхъ намъ авторовъ можно составить самое «разнообразное общество»: Бальмонтъ и Водовозовъ, Горькій и Мережковскій, Курочкинъ и Минскій, Муйжель и Тугановъ-Барановскій, Короленко, Пругавинъ, Мельшинъ, Елпатьевскій, Якушкинъ, Морозовъ, Чириковъ, и т. д., и т. д. Изъ иностранцевъ: Бебель, Марксъ, Лассаль, Гейне, Спенсеръ, Генри Джорджъ, Мирбо, Ожешко, Геккель, Шеффле, Нитше, Гюйо, Реклю, и т. д., и т. д.

Безполезно давать какіе-либо комментаріи къ приведеннымъ выше примѣрнымъ сводкамъ,—читатель сдѣлаетъ ихъ самъ. Нѣкогда «великій инквизиторъ» русской общественности К. П. Побѣдоносцевъ въ патетическомъ подъемѣ объявилъ прессу порожденіемъ «отца лжи», діавола, и находилъ, что всѣ средства хороши для борьбы съ печатью—этой «великой ложью нашего времени»; нынѣ,—въ развитіе этой мысли,—въ нѣдрахъ Гос. Думы готовится одно изъ такихъ средствъ въ видѣ законопроекта о печати,—окажется ли оно болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ тѣ бичи и скорпіоны, которымъ подвергалась книга и газета въ послѣдніе годы? Исторія прессы всѣхъ странъ и народовъ показала, какъ грубо ошибаются тѣ, кто думаетъ уловить слово и мысль на остріе судебной и административной репрессіи. О томъ же говорятъ всѣ «сводки» въ «Лѣтописи русской печати» г. Розенберга за послѣдніе годы.

М. Славинскій.

— Петръ Струве. Крѣпостное хозяйство. Изслѣдованіе по экономической исторіи Россіи въ XVIII и XIX вв. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1913.

Въ этой книгѣ собраны (и переработаны) напечатанныя въ журналахъ лѣтъ 15 тому назадъ статьи о предметѣ, очень мало еще разработанномъ въ наукѣ—о крѣпостномъ хозяйствѣ Россіи въ историческомъ его развитіи. О значеніи подобнаго рода работъ для

пониманія нашего прошлаго, и—по связи прошлаго и настоящаго—для лучшаго выясненія процесса хозяйственной эволюціи пореформенной Россіи можно судить уже потому, что изслѣдователи крѣпостныхъ порядковъ обращали до сихъ поръ главное вниманіе на крестьянъ, а не на помѣщичье хозяйство само по себѣ, касаясь послѣдняго преимущественно съ тѣхъ сторонъ, коими такъ или иначе оно отражалось на положеніи закрѣпощеннаго населенія. Не отрицая важности всѣхъ такихъ вопросовъ, авторъ настаиваетъ на необходимости изученія эпохи крѣпостного права и со стороны организаціи крѣпостного хозяйства, составляющаго, какъ онъ выражается, экономическое содержаніе того строя, юридической формой котораго былъ крѣпостной правопорядокъ. Такое изслѣдованіе, по мнѣнію автора, способно освѣтить не только содержаніе крѣпостного правопорядка, но и вопросъ о причинахъ ликвидаціи послѣдняго. Сборникъ г. Струве состоитъ изъ нѣсколькихъ небольшихъ статей чисто фактическаго характера и большой работы, въ которой фактическія данныя служатъ основаніемъ для опредѣленнаго историко-экономическаго построенія. Въ этой интересной работѣ, г. Струве развиваетъ мысль о томъ, что барщинное крѣпостное хозяйство, какъ форма производства, и какъ источникъ національной производительности, при общихъ хозяйственныхъ условіяхъ того времени, далеко еще не изжило самого себя и было главнымъ факторомъ развитія земледѣльческой производительности страны. Вѣра автора въ преимущества, при данныхъ условіяхъ, барщиннаго хозяйства даже надъ свободнымъ крестьянскимъ заходитъ такъ далеко, что за отмѣной принудительнаго труда онъ ожидалъ бы сокращенія добычи сел.-хоз. продуктовъ; и если освобожденіе крестьянъ не привело къ такому результату,—этимъ, по его мнѣнію, мы обязаны послѣдовавшему за освободительнымъ актомъ развитію денежнаго хозяйства.

Такія воззрѣнія на экономическія свойства крѣпостного хозяйства привели автора къ отрицанію того мнѣнія, что крѣпостное право пало вслѣдствіе слабой производительности подневольнаго труда. Оставаясь, тѣмъ не менѣе, въ объясненіи этого факта на экономической точкѣ зрѣнія и исходя изъ того, защищаемаго имъ положенія, что дальнѣйшее развитіе въ крѣпостныя времена сельскохозяйственнаго производства задерживалось недостаткомъ рынка для сбыта его продуктовъ,—каковой недостатокъ могъ быть устраненъ только проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ,—г. Струве приходитъ къ заключенію, что необходимость сооруженія рельсовой сѣти, невозможнаго будто-бы въ крѣпостномъ государствѣ, и была настоящей, хотя не сознаваемой современниками, причиной отмѣны крѣпостного

права. Такое толкованіе свидѣтельствуетъ, по меньшей мѣрѣ, о смѣшеніи понятій причины и почвы, на какой развивается данное явленіе. А если авторъ выставляетъ понятіе о томъ, что «въ человѣческихъ дѣлахъ есть не только необходимость настоящаго и прошлаго, но и необходимость будущаго», и эта послѣдняя необходимость въ прошлыя времена (сооруженіе желѣзныхъ дорогъ) вызвала отмѣну крѣпостныхъ порядковъ, то имѣлъ ли онъ право считать «смѣхотворнымъ преувеличеніемъ» приписываніе важнаго значенія въ данномъ дѣлѣ «сознательнымъ и стихійнымъ стремленіямъ къ свободѣ самихъ крестьянъ» только потому, что «этотъ фактъ имѣлъ значеніе скорѣе угрозы («необходимость будущаго» В.В.), чѣмъ реально наступившей опасности»? Г. Струве разбирается во всемъ этомъ вопросѣ не какъ историкъ; во всякомъ случаѣ извѣстные ученые-историки наши держатся другого мнѣнія. Покойный Ключевскій, напр., не только высказалъ, что «опасеніе, внушенное настроеніемъ крѣпостной среды («необходимость будущаго» г. Струве), подѣйствовало на ходъ освободительнаго движенія сильнѣе какихъ-либо соображеній высшаго порядка», но и протестами крестьянъ противъ крѣпостныхъ порядковъ въ болѣе отдаленномъ прошломъ объяснялъ то, что Россія не «выбыла изъ числа европейскихъ (въ цивилизаціонномъ смыслѣ—В. В.) странъ».

В. В.

Léon Duguit. Les transformations du droit public. Paris. 1913. стр. XIX+285. Ц. 3 фр. 50 с.

Парижская «Библіотека современнаго соціальнаго движенія", задавшаяся цѣлью знакомить публику съ современнымъ соціальнымъ движеніемъ путемъ пропаганды идей выдающихся французскихъ ученыхъ, выпустила предлагаемую вниманію читателей работу профессора Бордосскаго университета. Основная цѣль данной книги состоитъ въ томъ, чтобы истолковать, сдѣлать понятнымъ для публики то глубокое измѣненіе въ системѣ публичнаго права, которое совершается въ настоящее время во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ въ процессѣ общей соціальной эволюціи. «Однако,—замѣчаетъ авторъ,—во Франціи это измѣненіе проявляется съ особенной интенсивностью. Наша страна пользуется, впрочемъ, опасной привилегіей—быть всегда авангардомъ въ общей эволюціи учрежденій и идей; она открываетъ путь, по которому затѣмъ слѣдуютъ другіе народы». Отсюда, естественно, авторъ хочетъ показать, прежде всего, данную эволюцію именно во Франціи.

Свою основную мысль авторъ формулируетъ такъ: «Система права, метафизическаго и индивидуалистическаго порядка, на которой покоится современное общество, смѣняется нынѣ другою юридическою системою, реалистическаго и соціалистическаго порядка» (стр. XI). Это свое основное положеніе авторъ развиваетъ въ семи главахъ: I. Почему исчезла система публичнаго права, основанная на понятіи суверенной власти. II. Публичное служеніе. III. Законъ. IV. Законы особенные. V. Административный актъ. V. Административная юрисдикція. VII. Отвѣтственность государства.

Содержаніе этихъ главъ сводится къ слѣдующему. Въ основѣ государственнаго строя современныхъ народовъ лежатъ двѣ идеи, освященныя вѣковою традиціей и воплотившіяся въ соціально-правовой жизни со времени великой французской революціи 1789 г.: идея *суверенитета государства*, какъ персонифицированной націи съ особой суверенной народной волей, и идея *естественнаго права*, неотчуждаемаго и неотъемлемаго отъ индивида, присущаго ему въ силу его человѣческаго достоинства и, какъ таковое, противуполагаемаго суверенитету государства. Отсюда, публичное право есть право регулированія конфликтовъ между двумя сталкивающимися «субъективными правами», т. е. между суверереннымъ правомъ власти государства-личности и естественнымъ правомъ человѣка и гражданина. При этомъ, отношенія между государствомъ и гражданами являются отношеніями *власте-подчиненія*, отношеніями неравныхъ субъектовъ: одного—повелѣвающаго, другого—подчиняющагося. Такимъ образомъ, пріоритетъ, верховенство государства—власти (état-puissance) по отношенію къ подданнымъ (sujets) отчетливо проявляется въ традиціонномъ государственномъ строѣ и налагаетъ характерную печать на всю систему публичнаго права.

Увы! Нынѣ—говоритъ авторъ—произошло глубокое измѣненіе данной системы. По мѣрѣ развитія народнаго правосознанія, экономическаго оборота, международнаго общенія, самой юридической науки, по мѣрѣ роста соціальныхъ потребностей и усложненія самой государственной жизни и т. д. и т. под.,—расшатывалась бѣлая, непогрѣшимая «метафизическая» система публичнаго права съ ея «метафизической личностью» государства, обладающею особой «метафизической» единой «народной волей» и издающей суверенные законы повелѣнія, какъ выраженія этой воли-власти метафизическаго порядка. Вся система публичнаго права преобразуется нынѣ на новыхъ, принципіально иныхъ началахъ. На мѣсто идеи суверенитета государства-личности становится нынѣ идея «*публичнаго служенія*» service public). Публичное право не есть болѣе упражненіе суверe-

нитета государства, его субъективнаго права верховной власти; оно становится нынѣ *правомъ соціальнаго служенія* власти. Тѣ лица, въ чьихъ рукахъ фактически находится власть, не обладаютъ никакимъ субъективнымъ *правомъ* суверенной власти, но зато имѣютъ *обязанность* отправлять присущую имъ власть лишь для организаціи публичнаго служенія, какъ въ цѣломъ, такъ и въ его отдѣльныхъ отрасляхъ, въ сферѣ отдѣльныхъ «публичныхъ службъ» (services publics). «Въ наши дни—говоритъ авторъ—нѣтъ ни одного мыслящаго существа во всемъ цивилизованномъ мірѣ, которое не было бы глубоко проникнуто той идеей, что всѣ тѣ, кто обладаетъ властью подъ тѣмъ или инымъ титуломъ,—императоры, короли, президенты, министры, парламенты etc.,—всѣ они обладаютъ ею *не для ихъ личной выгоды и пользы*, но именно *для пользы управляемыхъ массъ*; и эта идея настолько уже сильна, что сами обладатели властью охотно повторяютъ её, хотя бы фактически они и старались извлечь наивозможно большую личную пользу изъ своего властнаго положенія». (стр. 46).

Самое понятіе «публичнаго служенія» авторъ формулируетъ такъ: это есть всякая дѣятельность, отправленіе которой должно быть резюмировано, обезпечено и контролируемо правительствомъ въ цѣляхъ реализаціи и развитія соціальной взаимозависимости или «солидарности», каковое отправленіе можетъ быть въ совершенствѣ обезпечено лишь при вмѣшательствѣ въ него правительства (стр. 51). Отсюда ясно, что съ развитіемъ соціальныхъ потребностей въ обществѣ развиваются и «соціальныя функціи государства, а тѣмъ самымъ расширяется и сфера соціальнаго служенія власти и возрастаетъ дробленіе различныхъ «публичныхъ службъ». Такъ что нынѣ не только военное дѣло, полиція безопасности и судъ составляютъ государственно-публичныя службы, но и всѣ иныя отрасли публичнаго служенія, какъ, напр., народное просвѣщеніе, публичныя работы, призрѣніе о бѣдныхъ, государственное страхованіе, почта, телеграфъ, телефонъ, желѣзныя дороги и проч., и проч. Всѣ эти дѣятельности требуютъ вмѣшательства государства и регулируются системою публичнаго права. Но система эта нынѣ не основана на идеѣ суверенитета, потому что она примѣняется къ такимъ актамъ, гдѣ нельзя найти никакихъ слѣдовъ повелѣвающей власти.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ, авторъ устанавливаетъ любопытное понятіе государства. «Государство есть совокупность публичныхъ службъ, функціонирующихъ подъ вліяніемъ и контролемъ правительства въ коллективномъ интересѣ; если отправленіе одной изъ этихъ службъ причиняетъ спеціальный вредъ и ущербъ частному лицу,

коллективная касса должна возмѣстить соотвѣтственные убытки (стр. 255). Отсюда рождается идея отвѣтственности государства передъ гражданами за вредныя дѣйствія должностныхъ лицъ, даже при правильномъ функціонированіи публичныхъ службъ. Ибо самъ административный актъ не есть нынѣ актъ повелѣвающей власти (acte d'autoritè),но исключительно актъ веденія данной отрасли публичной службы (acte de destion). Поэтому, если онъ вредитъ гражданамъ, то послѣдніе имѣютъ право требовать возмѣщенія за понесенный вредъ, если же административный актъ нарушаетъ законъ, то всякій гражданинъ можетъ требовать его отмѣны (annulacion). Для рѣшенія подлежащихъ дѣлъ и создается административная юрисдикція, которая въ настоящее врамя широко уже развита во Франціи, имѣя во главѣ, какъ высшую инстанцію, т. наз. «Conseil d'Etat», зорко слѣдящій за закономѣрностью дѣйствій администраціи и разрѣшающій жалобы и иски по поводу дѣйствій должностныхъ лицъ.

Такова новая конценція проф. Дюги относительно системы публичнаго права. Онъ ее называетъ концепціей «реалистической» и «соціалистической» въ противуположность прежней конценціи, «метафизической» и «индивидуалистической». Таково, слѣдовательно, новое истолкованіе того соціально-правового движенія, которое совершается въ современномъ публичномъ правѣ. «Является ли оно движеніемъ впередъ или движеніемъ назадъ?—мы объ этомъ ничего не знаемъ», говоритъ въ предисловіи авторъ.

Подводя итогъ данной работы автора, нельзя не сказать, однако, что его положенія относятся скорѣе къ разсужденіямъ de lege ferenda, т.-е. съ точки зрѣнія должнаго, желательнаго въ правѣ, нежели къ правовымъ нормамъ дѣйствующаго права, права de lege lata. Нѣсомнѣнно, что процессъ, изображаемый авторомъ, начался въ сферѣ публичнаго права, но онъ отнюдь еще не получилъ своего завершенія даже во Франціи, этомъ «авангардѣ» въ соціальной эволюціи цивилизованныхъ народовъ, какъ выражается самъ Дюги. Что публичное право есть право соціальнаго служенія, это, несомнѣнно, теоретически правильное положеніе, которое въ Россіи убѣжденно проводится Л. І. Петражицкимъ (Теорія права, т. II. 1910.) и его послѣдователями. Но не слѣдуетъ сводить публичнаго права къ праву административному, каковая тенденція, впрочемъ, присуща не одному Дюги, но вообще французской доктринѣ административнаго права. Не слѣдуетъ также думать, что «власть—это не право, а лишь фактическая возможность обладанія силой принужденія» (стр. 42), ибо иначе мы придемъ къ тожеству «власти» разбойника, грабителя и власти правительства, государства. Не слѣдуетъ также смѣшивать сферы частнаго и публичнаго права и

соотвѣтственныхъ властей, какъ это дѣлаетъ почтенный авторъ въ вопросѣ о «соціальной функціи», о «публичныхъ службахъ» объ искахъ къ казнѣ (caisse collective) и о жалобахъ на дѣйствія должностныхъ лицъ и т. под. Главное же, необходимо различать области соціологіи и юриспруденціи и не возводить *юридической системы на соціологическомъ* фундаментѣ» «солидарности» или «соціальной взаимозависимости» людей. Это—основной дефектъ всей концепціи Л. Дюги, сказавшійся и въ данной, вообще блестяще написанной, книгѣ. Пожелаемъ ей перевода на русскій языкъ.

П. Е. Михайловъ.

— Die wirtschaftlichen Kräfte Deutschlands. Herausgegeben von der Dresdner Bank 2 Ausgabe, Berlin 1914.

Одинъ изъ крупнѣйшихъ нѣмецкихъ банковъ, Дрезденскій банкъ выпустилъ недавно вторымъ изданіемъ брошюру, впервые появившуюся въ 1913 г. подъ заглавіемъ «Хозяйственныя силы Германіи». Собранныя въ брошюрѣ данныя и цифры заслуживаютъ вниманія, и съ нѣкоторыми изъ нихъ мы ознакомимъ въ дальнѣйшемъ читателя.

Сильный ростъ германскаго населенія вызванъ не иммиграціей, а простымъ избыткомъ рожденій надъ смертными случаями. Этотъ избытокъ рожденій значительнѣе въ Германіи, нежели во всѣхъ другихъ странахъ съ аналогичнымъ индустріальнымъ развитіемъ. Приростъ германскаго населенія за время 1872—1912 составлялъ 61,2%. Въ уменьшеніи числа смертныхъ случаевъ сказываются успѣхи гигіены и медицины; въ то время, какъ 20 лѣтъ тому назадъ въ Германіи умирало 24,3% населенія, въ 1910 г. лишь 16,2%, что составляетъ уменьшеніе смертности на 33,3%.

Государственное хозяйство обнимаетъ очень большую сферу въ Германіи. Не только почта, телеграфъ и телефонъ составляютъ монополію имперіи или союзныхъ государствъ, но около 95% широко-колейныхъ желѣзныхъ дорогъ составляютъ собственность государства и управляются государствомъ. Съ другой стороны, государственные расходы распространяются не только на оборону страны, управленіе, школьное дѣло и т. д., но и на страхованіе рабочихъ, улучшеніе сельскаго хозяйства и другія соціальныя и народно-хозяйственныя задачи. Германскій государственный доходъ составлялъ въ 1881 г. 2.860,4 милл. мар., а въ 1912 г. 9.280,0 милл. мар. Германскій государственный долгъ составлялъ въ 1912 г. 20.499 милл. мар. или

310,7 мар. на голову населенія. Германское народное имущество сильно увеличилось за послѣднія десятилѣтія и годовой приростъ его оцѣнивается въ 5 милліард. мар. Сберегательные вклады за послѣднія 35 лѣтъ увеличились въ 10 разъ. Въ непосредственной связи съ развитіемъ народнаго имущества находится ростъ потребленія. Въ области сельскаго хозяйства Германія является крестьянской страной, такъ какъ почти четыре пятыхъ всей поверхности занято крестьянскими хозяйствами меньше 100 гектаровъ. Благодаря парцеллированію болѣе крупныхъ владѣній число крестьянскихъ хозяйствъ постоянно увеличивается. Заслуживаетъ вниманія прекрасное состояніе лѣсоводства въ Германіи, такъ какъ уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій не только не уничтожается ни одна лѣсная область, но и покрывается лѣсомъ много пустопорожнихъ земель. Результаты урожаевъ показываютъ, что Германія, несмотря на свое сильное индустріальное развитіе, благодаря усиленной интенсивности сельскохозяйственнаго производства, все еще принадлежитъ къ важнѣйшимъ аграрнымъ странамъ. Преподаваніе сельско-хозяйственныхъ наукъ все болѣе и болѣе расширяется, искусственныя удобренія примѣняются все чаще (Германія потребляетъ больше калія, нежели всѣ остальныя государства, вмѣстѣ взятыя). Отмѣтимъ, наконецъ, разведеніе свекловицы, въ сферѣ котораго Германія занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ странъ земного шара.

Матеріальную основу, на которой зиждется германская индустрія, составляютъ уголь и желѣзо, имѣющіеся внутри страны въ большихъ количествахъ. Въ Германіи добывается около четверти всего добываемаго на земномъ шарѣ кокса и почти четверть сырого желѣза и стали. О развитіи горной промышленности въ Германіи можно лучше всего судить по тому, что за послѣднія 30 лѣтъ эта промышленность увеличилась въ 6 разъ. Въ 1885 г. добыча сырого желѣза въ Германіи вмѣстѣ съ Люксембургомъ равнялась 3,7 милліон. тоннъ, въ 1912 г. 17,9 милл. тоннъ, что составляетъ приростъ въ 384%. Далѣе, интересно отмѣтить, что въ Германіи насчитывается свыше 11 т. прядильныхъ станковъ и 12.000 пивоваренныхъ заводовъ. За время 1866—1887 въ Германіи существовало 2.143 акціонерныхъ общества съ 4.876 милл. мар. уплаченнаго капитала, а къ концу 1912 г. 5.340 акціон. обществъ съ 16.104 милліон. мар. номинальнаго акціонернаго капитала.

По обороту своей міровой торговли Германія уступаетъ лишь Великобританіи. Главная доля участія въ германской внѣшней торговлѣ приходится на индустрію: индустріальное сырье составляетъ больше половины ввоза, а фабричныя издѣлія двѣ трети вывоза. Но Германія является однимъ изъ значительнѣйшихъ покупателей

не только для странъ, доставляющихъ сырье, но и для государствъ, экспортирующихъ индустріальныя произведенія; такъ, Германія является самымъ большимъ покупателемъ Англіи. Росту внѣшней торговли соотвѣтствуетъ и участіе Германіи въ мореплаваніи, и Гамбургъ занимаетъ одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ среди міровыхъ портовъ. Общая сумма германскаго товарообмѣна составляла въ 1887 г. 6.046,8 милліон. мар., въ 1912 г. 19.652,3 милл. мар., что составляетъ приростъ въ 225,0%. Длина германскихъ городскихъ трамвайныхъ линій увеличилась за періодъ 1900—1911 гг. съ 2.920 килом. до 4.650 килом. Подспорьемъ для желѣзнодорожнаго движенія является обширная сѣть внутреннихъ водныхъ путей. Цѣлый рядъ рѣчныхъ портовъ отличается крупными оборотами. Общій тоннажъ германскихъ рѣчныхъ пароходовъ увеличился за послѣднія 30 лѣтъ почти въ пять разъ. Длина прусскихъ шоссейныхъ дорогъ за послѣднія 25 лѣтъ удвоилась. Въ центрѣ германскаго банковаго дѣла и денежнаго рынка стоитъ имперскій банкъ съ 180 милл. марокъ уплаченнаго акціонернаго капитала.

Кооперативовъ въ Германіи насчитывается около 33.600, обнимающихъ свыше 5 милліон. членовъ. Больше двухъ третей германскихъ кооперативовъ приходится на сельское хозяйство. Самое важное значеніе имѣютъ кредитные кооперативы, число которыхъ составляетъ свыше 18.000; кредитные кооперативы обнимаютъ около $2^1/_2$ милл. членовъ и ихъ ежегодный оборотъ составляетъ 27 милліардовъ марокъ; организованы они отчасти по райффайзеновской, отчасти по шульце-делической системѣ.

Въ области страхового дѣла соціальное страхованіе въ Германіи стало образцовымъ для всѣхъ культурныхъ странъ. Связанныя съ этимъ страхованіемъ тяготы падаютъ на работодателей въ размѣрѣ 50%, на рабочихъ въ размѣрѣ 43% и имперію въ размѣрѣ 7%. Эти тяготы покрываются, однако, увеличенной работоспособностью и усилившейся продуктивностью работы. Одно страхованіе отъ инвалидности собрало къ концу 1911 г. около 1,8 милліардовъ марокъ капитала.

Таковы наиболѣе характерныя данныя изъ полезной справочной книжки Дрезденскаго банка. Слѣдуетъ, однако, указать на то, что данныя собраны нѣсколько односторонне и рисуютъ лишь свѣтлыя стороны германской народно-хозяйственной жизни; о темныхъ же сторонахъ умалчивается.

— Dr. W. Preyer. Die Arbeits und Pachtgenossenschaften Italiens. Iena. Gust. Fischer. 1913.

Кооперативное движеніе, сдѣлавшись могучимъ факторомъ хозяйственной жизни многихъ странъ, все болѣе и болѣе усложняется и все больше и больше распространяется на новыя хозяйственныя области. Къ числу новѣйшихъ формъ кооперативнаго движенія принадлежатъ, несомнѣнно, такъ наз. арендныя товарищества. Родиной этого рода кооперативовъ является Италія. Прив.-доц. Прейеръ посвятилъ этимъ товариществамъ солидную работу, въ которой съ знаніемъ дѣла, обстоятельно рисуется организація и дѣятельность итальянскихъ арендныхъ кооперативовъ.

Товарищества по арендѣ дѣлятся на двѣ главныя категоріи: 1) Товарищества съ совмѣстнымъ веденіемъ хозяйства. Дѣла такого товарищества ведутся однимъ управленіемъ, независимо отъ числа членовъ товарищества и отъ числа арендуемыхъ товариществомъ участковъ. 2) Товарищества съ раздѣльнымъ веденіемъ хозяйства. При этомъ товарищество, какъ таковое, беретъ въ аренду недвижимость отъ третьяго лица и заключаетъ съ нимъ договоръ. Затѣмъ взятая въ аренду земля дѣлится на столько частей, сколько имѣется товарищей, изъ которыхъ каждый ведетъ хозяйство въ своемъ участкѣ за своей личною отвѣтственностью и является, такимъ образомъ, мелкимъ предпринимателемъ.

Возникновеніе итальянскихъ арендныхъ товариществъ вызвано стремленіемъ итальянскихъ сельскихъ рабочихъ къ освобожденію отъ притѣсненій посредниковъ между ними и землевладѣльцами. И дѣйствительно, съ образованіемъ товариществъ положеніе итальянскаго сельскаго рабочаго улучшилось, и товариществамъ мѣстами даже удалось поднять общій уровень сельско-хозяйственной промышленности. Успѣхи, достигнутые до настоящаго времени товариществами по арендѣ, вполнѣ удовлетворительны. Изъ всѣхъ товариществъ наибольшаго успѣха достигли товарищества съ раздѣльнымъ веденіемъ хозяйства. Размѣръ доходовъ отдѣльныхъ членовъ товариществъ трудно опредѣлить болѣе или менѣе точно. Во всякомъ случаѣ, сбереженія, достигаемыя кооперативнымъ хозяйствомъ, весьма значительны. Извѣстно, напр., что сбереженія самаго крупнаго итальянскаго арендnаго товарищества, достигаемыя имъ при закупкѣ и арендѣ, составляютъ около 100.000 лиръ ежегодно, по сравненію съ тѣми расходами, которые приходились бы на долю товарищей, если бы они вели хозяйство самостоятельно. Товарищества по

арендѣ имѣютъ большое значеніе не только для самихъ членовъ, но и для государства вообще, въ виду поднятія ими общаго уровня производства. Но чуть ли не самымъ важнымъ успѣхомъ товариществъ по арендѣ является достигнутый ими соціальный миръ. Наблюдавшаяся ранѣе въ Италіи ожесточенная, временами продолжительная борьба за увеличеніе заработной платы прекратилась. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ аредныя товарищества хорошо развились, сельскохозяйственные безпорядки и забастовки совершенно неизвѣстны. И это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что рабочій—членъ товарищества—получаетъ весь, или почти весь, приносимый его работой доходъ и не обремененъ чрезмѣрными налогами, какъ это имѣло мѣсто въ предыдущіе годы, преимущественно въ Сициліи. Г. Прейеръ, основательно изучившій дѣятельность итальянскихъ арендныхъ кооперативовъ, приходитъ къ тому выводу, что они принесли своимъ членамъ значительную пользу, какъ въ экономическомъ, такъ и въ соціальномъ отношеніяхъ. Замѣтную роль играли и играютъ арендные кооперативы и въ сферѣ внутренней колонизаціи.

Книга Прейера заслуживаетъ вниманія тѣмъ, что и въ нашемъ отечествѣ возникаютъ арендныя товарищества, а потому ознакомленіе съ организаціей и дѣятельностью итальянскихъ арендныхъ кооперативовъ представляетъ значительный интересъ.

К. Л.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Кооперація и многочисленныя надежды на нее.—Стремительный ростъ кооперації.—Роль кооперації въ Сибири.—Экономическія и просвѣтительныя функціи кооперації.—Громадное значеніе кооперації для деревни.—Изгнаніе народныхъ учителей изъ кооперативовъ.—Борьба циркуляра съ жизнью.—Неизбѣжная побѣда жизни.

Тихо и незамѣтно за послѣднія 15—20 лѣтъ выросло громадное всероссійское явленіе: кооперація. Внушительные размѣры этого новаго общественнаго и всенароднаго дѣла впервые явственно были сознаны на прошлогоднемъ всероссійскомъ кооперативномъ съѣздѣ въ Кіевѣ. И до

того, видимо, оказалось радостно и неожиданно среди россійскаго унынія, общественной вялости, испуга и застоя увидѣть живое, крѣпкое, органически выросшее изъ ничего и продолжающее развиваться со стихійной быстротой общественное дѣло, что многіе почтенные дѣятели на съѣздѣ и вокругъ съѣзда впали въ чрезвычайный энтузіазмъ, сразу возложивши на кооперацію многочисленныя, разнообразныя и даже явно преувеличенныя надежды.

Были, напримѣръ, стремительныя предложенія изъять отъ земства экономическія и нѣкоторыя просвѣтительныя функціи, чтобы переложить ихъ на молодыя плечи кооперацiи. Въ этихъ предложеніяхъ, ставившихся серьезно и доказательно и вызвавшихъ горячія пренія, одновременно сказалось, какъ разочарованіе нынѣшнимъ земствомъ, такъ и очарованіе новой общественной силой. Энтузіастамъ показалось (не совсѣмъ, впрочемъ, безосновательно), что та отвлеченная «мелкая земская единица», которая давно уже рѣетъ мечтой надъ страной, которая давно уже прошла чрезъ фильтры всякихъ комиссій и комитетовъ, которая давно уже теоретически отшлифовалась въ безчисленныхъ журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, въ земскихъ докладахъ и въ партійныхъ законопроектахъ и которая все же никакъ не можетъ воплотиться въ реальную реформу,—что эта «мелкая земская единица», какъ назрѣвшая органическая потребность, вдругъ сама народилась въ странѣ густой и повсемѣстной порослью въ видѣ кооперацiи.

Благоразумные люди возражали на съѣздѣ (и большинство склонилось на ихъ сторону), что кооперація прекрасное и многообѣщающее явленіе, но что, во-первыхъ, нельзя съ такой поспѣшностью зачеркивать земскую организацію, забывъ ея громадныя заслуги въ прошломъ и нынѣшнюю все еще достаточно стройную и плодотворную работу, а во-вторыхъ, не слѣдуетъ чрезмѣрно увлекаться кооперацiей, которая находится еще въ періодѣ броженія и строенія.

Тѣмъ не менѣе увлеченіе кооперацiей, ярко сказавшееся на кіевскомъ съѣздѣ, замѣтно отразилось на многихъ сторонахъ общественной жизни въ провинціи. Кооперація сразу оказалась, такъ сказать, на общественномъ виду. На нее стали смотрѣть со многими воспрянувшими надеждами и со многими ожиданьями. Провинціальныя газеты начали удѣлять кооперацiи все болѣе и болѣе мѣста и вниманія. Нѣкоторыя газеты (напримѣръ, ярославскій «Голосъ», «Вятская Рѣчь», «Смоленскій Вѣстникъ» и др.) завели большіе и постоянные отдѣлы для кооперацiи. И, если сравнивать рядомъ съ этимъ усохшіе отдѣлы, отражающіе земскую дѣятельность, то невольно начинаетъ казаться, что, дѣйствительно, живой пульсъ мѣстной обще-

ственности какъ будто перемѣщается отъ земства къ разростающейся кооперації.

Съ увлеченіемъ, прежде всего, газеты отмѣчаютъ именно этотъ стремительный ростъ кооперації. Ярославскій «Голосъ» говоритъ, напримѣръ, о развитіи учрежденій мелкаго кредита въ Рыбинскомъ районѣ: «Въ минувшемъ 1913 г. дѣйствовали 69 кредитныхъ товариществъ. Быстрый ростъ этихъ кооперативовъ показываютъ нижеслѣдующія цифры. На 1-ое января 1914 года 69 товариществъ имѣли собственныхъ капиталовъ 94.649 руб., занятыхъ 294.654, вкладовъ 1.580.492 руб., чистой прибыли 93.464 руб.; въ продолженіе 1913 г. денежныхъ ссудъ выдано 3.038.915 руб., разныхъ земледѣльческихъ машинъ, орудій и сѣмянъ отпущено въ кредитъ и разныхъ товаровъ продано на наличныя деньги всего на 17.391 руб.; разнаго инвентаря и недвижимаго имущества за годъ пріобрѣтено на 68.142 руб., а на 1-е января 1914 года разнаго имущества значилось на сумму 114.523 руб. Въ сравненіи съ предыдущимъ 1912 годомъ капиталовъ увеличилось: собственныхъ на 54.322 руб., занятыхъ на 48.587 руб., вкладовъ на 796.777 руб., прибылей на 29.350 руб., выданныхъ денежныхъ ссудъ на 1.171.076, проданныхъ машинъ, орудій, сѣмянъ и др. сельско-хозяйственныхъ продуктовъ на 92.054 руб., пріобрѣтеннаго имущества на 65.531 р., а всего увеличилось на сумму 2.257.700 руб. Оборотныя средства кредитныхъ кооперативовъ съ каждымъ годомъ растутъ все шире и шире. Число членовъ тоже увеличивается: на 1 января 1913 года ихъ было 34.989 съ кредитомъ на 2.997.795, а на 1 января 1914 г. ихъ стало 46.078 съ кредитомъ на 4.871.459 р.».

Въ Сибири, гдѣ, волею печальной русской судьбы, кооперації приходится замѣнять не только «мелкую», но и «крупную» земскую единицу, ростъ кооперативныхъ учрежденій совершался за послѣдніе годы и совершается сейчасъ съ особой быстротой. Молочныя и маслодѣльныя артели Сибири пріобрѣли не только всероссійскую извѣстность, но сумѣли дать о себѣ знать и за границей: кромѣ вывоза масла въ Москву и въ Петербургъ, сибирскія артели наладили правильный вывозъ своего товара на заграничные рынки въ солидной общей суммѣ на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей въ годъ. Растутъ въ Сибири кооперативныя учрежденія и другихъ видовъ. Корреспондентъ «Рѣчи» сообщаетъ, напримѣръ, о развитіи кооперації въ Иркутской губерніи. «Молодая кредитная кооперація въ губерніи,—говоритъ корреспондентъ,—растетъ не только количественно, но и качественно. Въ прижелѣзнодорожной полосѣ, охватывающей три наиболѣе культурныхъ уѣзда, давно развились при большинствѣ товариществъ разнообразныя посредническія операціи вплоть до такого труднаго дѣла, какъ сбытъ хлѣба. Среди кооператоровъ, естественно, возникла

мысль о союзѣ. Бывшій въ г. Нижнеудинскѣ въ концѣ прошлаго года (18—19 ноября) съѣздъ представителей кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ вынесъ постановленіе о необходимости ходатайствовать черезъ министерство финансовъ объ образованіи союза. Такъ какъ на ходатайство уходитъ много времени, а жизненное дѣло не ждетъ, то съѣздъ высказалъ пожеланіе о временномъ частномъ объединеніи въ порядкѣ матеріальнаго договора. Съѣздомъ была избрана особая комиссія для разработки и практическаго проведенія намѣченнаго объединенія. Комиссія работала очень энергично. Разработанъ былъ нормальный уставъ союза, выработаны текстъ прошенія, докладная записка и основы временнаго нотаріальнаго соглашенія. Роль центральнаго посредническаго бюро предположено было возложить на Подгородно-Нижнеудинское товарищество съ платой ему 2 проц. съ оборота. Главная же работа заключалась въ пропагандѣ этого плана на общихъ собраніяхъ кооператоровъ. Противниками проекта объединенія выступали инспектора мелкаго кредита. 10-го марта въ Заларяхъ съѣхались представители 8 товариществъ, подписали выработанный комиссіей уставъ и направили черезъ иркутское отдѣленіе государственнаго банка министру финансовъ. Отъ временнаго нотаріальнаго объединенія кооператоры *принуждены* были отказаться».

Вліяніе кооперації по Сибири распространяется до крайняго востока. «Пермская Земская Недѣля», давно уже посвятившая себя горячему содѣйствію кооперації, съ удовольствіемъ, между прочимъ, отмѣчаетъ: «Крестьяне Зейскаго округа Амурской области, организуютъ громадную кооперативную паровую мельницу, съ капиталомъ въ 1.000.000 руб. До настоящаго времени уже подписано волостями и отдѣльными крестьянами 400.000 р. Въ с. Шкотовѣ, Приморской области, организуется крестьянская кооперативная лавка для торговли земледѣльческими орудіями, рыболовными принадлежностями и предметами первой необходимости въ сельскомъ быту».

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири кооперація вноситъ почти волшебное измѣненіе быта. Недавно одинъ пріѣзжій сибирякъ изъ г. Бійска разсказалъ мнѣ, какъ около ихъ города одно село, объединившись въ артель, сумѣло использовать силу горной рѣчки, поставило турбину для громадной мельницы и маслодѣльни, а сверхъ того освѣтило электричествомъ улицы и дома своего села. И это въ дикой сибирской глуши, въ 500 верстахъ отъ желѣзной дороги и за нѣсколько тысячъ верстъ отъ центральной Россіи!

Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ о замѣтномъ развитіи кооперації въ Мелитопольскомъ уѣздѣ. «Молодыя силы деревни,—съ видимымъ сочувствіемъ пишетъ онъ,—организуются въ

мелитопольскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ, главнымъ образомъ, вокругъ кредитныхъ и потребительскихъ кооперативовъ. Наибольшее развитіе получили здѣсь, въ силу чисто-мѣстныхъ экономическихъ условій, кредитныя и ссудо-сберегательныя товарищества. Разбросанныя тутъ и тамъ товарищества десять лѣтъ тому назадъ объединились въ союзъ. Въ настоящее время союзъ уже объединяетъ 38 кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ, отвѣтственность его — не меньше 20.000.000 рублей. Союзъ имѣетъ своего инструктора-ревизора; союзъ регулируетъ кредиты товариществамъ; союзъ является своего рода «юрисконсультомъ» по товарищескимъ дѣламъ, оказываетъ содѣйствіе въ развитіи дѣла по снабженію населенія сельско-хозяйственными машинами и орудіями; онъ входитъ въ соглашеніе съ крупными фирмами, умѣряетъ аппетиты заводовладѣльцевъ и коммерсантовъ. Союзъ же приблизилъ моментъ практическаго осуществленія завѣтной мечты кооператоровъ—хлѣборобовъ, о совмѣстномъ сбытѣ хлѣба непосредственно на внѣшній рынокъ,—минуя скупщиковъ и комиссіонныя конторы. На экстренномъ собраніи уполномоченныхъ мелитопольскаго союза учрежденій мелкаго кредита, состоявшемся 29-го декабря, было между прочимъ постановлено издавать свой органъ, посвященный нуждамъ мѣстной кооперації. Посредническія операціи товариществами поставлены здѣсь очень широко. Цифры по отдѣльнымъ товариществамъ нерѣдко составляютъ сотни тысячъ рублей. Ворогачинское товарищество является иниціаторомъ въ Россіи по производству хлѣбозалоговыхъ операцій. Впервые хлѣбъ подъ залогъ началъ тамъ приниматься осенью 1893 года, когда цѣны на хлѣбъ страшно упали на мѣстномъ рынкѣ. Пшеница продавалась тогда по 35—40 к. за пудъ, ячмень и рожь—по 25—30 к. за пудъ. Въ настоящее время товарищества и союзъ хлопочутъ о сооруженіи элеваторовъ, вслѣдствіе отсутствія которыхъ до сихъ поръ не былъ организованъ совмѣстный сбытъ хлѣба на заграничные рынки. Минувшей осенью союзъ отказался отъ очень выгодной поставки нѣсколькихъ милліоновъ пудовъ германскимъ сельско-хозяйственнымъ кооперативамъ. На будущее время союзныя товарищества уже выработали условія, обезпечивающія возможность выполненія крупныхъ заказовъ. Руководители сельскаго кооперативнаго движенія, стоя въ самой гущѣ деревенской общественной жизни, не могли не замѣтить и новыхъ явленій, порожденныхъ землеустроительной кампаніей. Мы говоримъ о ростовщическомъ земельномъ кредитѣ. «Деревенскіе благодѣтели» всемѣрно стараются запутать мужичка въ свои сѣти, постепенно закабалить его такъ, чтобы должникъ волей-неволей передалъ свой жалкій надѣлъ. Б. знаменское районное совѣщаніе кооператоровъ постановило въ этихъ цѣляхъ ходатайствовать о разрѣшеніи выдавать ссуды подъ

залогъ надѣльной земли. Откликаются товарищества и на нужды сельскохозяйственныя. Помимо посредническихъ операцій они стремятся теперь организовать самостоятельную кооперативную помощь: по хлѣбопашеству, садоводству, огородничеству».

Однако, если бы кооперація преслѣдовала исключительно экономическія цѣли, если бы она только создавала дешевый кредитъ въ товариществахъ да подсчитывала барыши въ потребительныхъ лавкахъ, она не вызывала бы столько вниманія со стороны печати и общества, за ней не слѣдили бы съ такой нѣжностью и съ такими повышенными надеждами. Суть въ томъ, что кооперація, во-первыхъ, выявила въ деревнѣ широкую общественную иниціативу, а во-вторыхъ, эта иниціатива въ кооперації съ первыхъ же шаговъ обращается не только на барыши и дешевый кредитъ.

Обычно корреспонденціи объ отдѣльныхъ кооперативныхъ ячейахъ носятъ слѣдующій характеръ. «Состоялось» на дняхъ,—пишетъ корреспондентъ «Вятской Рѣчи» изъ Котельническаго уѣзда,—общее собраніе наиболѣе живого въ уѣздѣ, мѣстнаго с.-х. общества. Со дня открытія об-ва (2 сент. 1912 г.) это уже шестое общее собраніе. Открывшись при 20 только членахъ, общество насчитываетъ теперь въ своихъ рядахъ 125, изъ нихъ 7 почетныхъ, 116 дѣйствительныхъ и 2 члена-сотрудника. Показательно-посредническая дѣятельность об-ва выразилась въ суммѣ 1302 р. 37. (годовой оборотъ) и дала даже доходъ въ 57 р. 24 к. Вмѣстѣ съ земскимъ пособіемъ об-ву (въ 150 р.) и членскими взносами (265 р.) это дало ему возможность имѣть къ послѣднему собранію чистой наличности взносами 404 р. Ужъ эти цифры указываютъ на выдающуюся дѣятельность об-ва. Обзоръ экономическихъ мѣропріятій его и принятыхъ об-вомъ рѣшеній въ этой области, а также и въ культурно-просвѣтительной подтверждаетъ это еще болѣе. Оно взяло на себя посредничество по покупкѣ членами сел.-хоз. орудій и машинъ на льготныхъ условіяхъ и продало ихъ въ теченіе года на сумму 183 р. 80 к., искусственныхъ удобреній 306 пуд. на 179 р. 33 к. и разныхъ сѣмянъ на 290 р. Широко развило общество показательные опыты съ машинами: 2 куколеотборника отсортировали 2.350 пуд., льночисткой очищено 136 пуд. у 45 хозяевъ, 7 рядовыхъ сѣялокъ примѣнялись на земляхъ у 51-го хозяина. Затѣмъ об-во дѣлаетъ постановленія: устроить опытное поле, организовать показательные опыты съ сѣялкой и товарищество для выдѣлки кирпича, оказывать содѣйствіе по направленію ходатайствъ селеніямъ, которыя пожелаютъ использовать кредитъ на осушеніе болотъ (въ память дома Романовыхъ)».

Но это все еще пока экономическая сторона дѣятельности о-ва. А вотъ другая сторона. «Не менѣе энергично о-во и въ преслѣдованіи

культурно-просвѣтительныхъ задачъ не только въ интересахъ своихъ членовъ, но и всего мѣстнаго населенія. Кромѣ выписки 2-хъ с.-хоз. газетъ, оно ассигновало 50 р. на библіотеку по сел-хоз. вопросамъ и ходатайствовало предъ земствомъ объ открытіи въ селѣ библіотеки, а когда оно было удовлетворено, рекомендовало земству на должность библіотекаря подходящее лицо. Имъ возбуждено ходатайство предъ казанскимъ учебн. окр. м. н. пр. о введеніи дополнительнаго предмета преподаванія по сел. хоз-ву при мѣстномъ 2-хъ классномъ училищѣ. Особенно усердно оно занялось вопросомъ о постройкѣ народнаго дома. Ассигновавъ 200 р. изъ своихъ скудныхъ средствъ, оно обращалось къ земству съ просьбой объ отпускѣ средствъ на это изъ ассигновки на юбилейный народный домъ, предъ мин-вомъ земледѣлія и госуд. имуществъ—о безплатномъ отпускѣ строевого лѣса для него. Къ сожалѣнію, отвѣта отъ послѣдняго нѣтъ и до сихъ поръ, а котельническое земство не только не обратило вниманія на столь опредѣленно заявленное требованіе населенія, но и къ предложенію губернскаго земства о юбилейномъ народномъ домѣ отнеслось отрицательно: отказалось принять какое-либо участіе въ его устройствѣ».

Не очень давно, когда рѣчь заходила о школахъ, библіотекахъ для народа, книгахъ и народныхъ домахъ, то иниціатива обычно исходила сверху, отъ земства или интеллигенціи, а деревня представлялась инертной массой, упорной и недовѣрчивой, которую нужно было убѣждать, уговаривать, упрашивать, которой нужно было чуть-ли не угрожать, чтобы она повѣрила въ пользу для нея культуры и просвѣщенія. И вотъ теперь иниціатива идетъ снизу. Деревня сама, сознательно и самостоятельно созидаетъ библіотеки, стремится не только къ школѣ, но и къ усовершенствованію ея, тянется къ газетѣ, книгамъ и журналамъ, къ народнымъ домамъ. И уже коснымъ оказывается въ нѣкоторыхъ случаяхъ (какъ въ данномъ) земство, отъ котораго кооперація нетерпѣливо и тщетно требуетъ помощи для просвѣтительныхъ цѣлей.

Въ другой корреспонденціи той-же газеты изъ совсѣмъ маленькаго и глухого уголка изъ деревни Малые Патраченьи, Котельническаго уѣзда, дается интересное обобщеніе мѣстнаго настроенія. «Въ нашей деревнѣ,—говоритъ корреспондентъ,—народное пробужденіе, самосознаніе и самодѣятельность съ каждымъ годомъ растетъ. Крестьяне начинаютъ жить болѣе осмысленной жизнію. За послѣднее время здѣсь много стали читать книгъ: по кооперації, сельскому хозяйству, огородничеству, садоводству, полеводству, травосѣянію, лѣсоводству, пчеловодству. Интересуются также жизнью сельскихъ хозяевъ въ другихъ странахъ». Оживленіе, рѣшительный поворотъ къ новой жизни опять таки сочетаются съ кооперацією. Отъ кооперації, вокругъ ко-

операціи и во имя задачъ кооперації начинаетъ развертываться деревенская мысль.

Просвѣтительная струя въ дѣятельности кооперативовъ проявляется, судя по газетнымъ корреспонденціямъ, почти повсемѣстно. Такъ, напримѣръ, въ «Саратовскій Листокъ» пишутъ изъ г. Балашова: «Въ с. Котоврасинѣ, Балашовскаго уѣзда, около 5 лѣтъ существуетъ сельско-хозяйственное о-во, дѣятельность котораго можетъ служить примѣромъ такихъ кооперативовъ. Началось оно по иниціативѣ мѣстнаго учителя П. В. Юдина еще въ 1907 г., но открытіе дѣйствій о-ва могло состояться въ 1908 г. Теперь о-во извѣстно всему окружающему населенію, пользуется большимъ сочувствіемъ и вліяніемъ, въ него идутъ за помощью и совѣтомъ и интересуются его дѣятельностью. Это видно изъ роста числа его членовъ: въ 1908 г. ихъ было 14, въ 1913 году—118. Бюджетъ его выросъ съ 28 руб. до 3.690 р. Общество имѣетъ свою библіотеку-читальню, которая выписываетъ 10 журналовъ и имѣетъ 539 тт. книгъ. Кромѣ того, ею безплатно было роздано 2.200 экземпляровъ брошюръ и листковъ. Но большая польза приносилась тѣмъ, что въ читальню ежедневно собираются крестьяне и устраиваютъ совмѣстныя чтенія и бесѣды. Въ 1913 г. были устроены сел.-хозяйственныя чтенія, продолжавшіяся съ 12 ноября по 21 декабря въ зданіяхъ школы и с.-х. общества. Лекторами были агрономы: Юдинъ, Миловскій, Кохъ, ветеринарный врачъ Скалигеровъ, инструкторъ по садоводству Денисовъ. Слушателей было болѣе 60 человѣкъ. Затѣмъ обществомъ,—переходитъ дальше корреспондентъ къ экономической сторонѣ дѣятельности кооператива,—было организовано 6 показательныхъ полей, посылались на сельскохозяйственныя выставки члены и экспонаты. Мѣропріятія по развитію травосѣянія выразились въ томъ, что при содѣйствіи о-ва за 3 года было засѣяно травами 138 дес. При о-вѣ имѣется складъ сѣмянъ и строительныхъ матеріаловъ, дѣятельность котораго съ каждымъ годомъ развивается, затѣмъ прокатная станція с.-х. машинъ и зерноочистительные обозы. Число домохозяевъ, пользовавшихся орудіями съ прокатной станціи въ 1913 г., было 322, зерноочистительные обозы отсортировали 13.130 пуд. сѣмянъ. Приступая къ организаціи мѣропріятій и животноводству, о-во само произвело въ этомъ отношеніи изслѣдованіе, показавшее необходимость улучшенія породъ скота. Былъ устроенъ случный пунктъ и племянной разсадникъ куръ. Дѣятельность разсадника выражается въ слѣдующемъ: продано яицъ 220, пѣтуховъ и куръ 28, роздано безплатно 28 пѣтуховъ. Организована артель для сбыта продуктовъ птицеводства. Нельзя также не отмѣтить дѣятельность по распространенію огнестойкаго строительства. Въ 1912 г. о-во затратило 900 р. на устройство мастерской черепицы и

пустотѣлыхъ кирпичей; ему пришло на помощь губ. земство. За 2 г. мастерская выработала 153 тыс. черепицы, 19 дымовыхъ трубъ, 700 колодезныхъ круговъ и 3.540 пустотѣлыхъ кирпичей».

Слѣдующая маленькая корреспонденція «Вятской Рѣчи» изъ Уржумскаго уѣзда отмѣчаетъ упорство кооперації предъ административными препонами. «Въ февралѣ текущаго года,—говоритъ газета,—земская управа обратилась къ губернатору съ просьбой разрѣшить инструктору по кооперації К. Ф. Брейтовскому устраивать чтенія и бесѣды на кооперативныя темы въ уѣздѣ, а также разрѣшить прочитать нѣсколько лекцій по кооперації на сельско-хозяйственныхъ курсахъ, въ г. Уржумѣ. На то и другое ходатайство послѣдовалъ отрицательный отвѣтъ. Тогда правленіе кассы мелкаго кредита, считая необходимымъ нѣсколько познакомить населеніе съ теоріей и практикой кооперації, внесло докладъ въ экстренную сессію уѣзднаго земскаго собранія 27—28 февраля о спеціальныхъ курсахъ по кооперації въ г. Уржумѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ настоящаго года. И собраніе безъ возраженій приняло его».

Съ нарожденіемъ и расцвѣтомъ кооперації въ деревняхъ начинается большое влеченіе къ народнымъ домамъ. «Пермская Земская Недѣля» отмѣчаетъ: «Крестьянами села Верхъ Ницинскаго, Ирбитскаго у., подано въ губернскую управу черезъ земскаго начальника 1-го участка заявленіе о разрѣшеніи безвозвратнаго пособія на постройку въ с. Верхъ Ницинскомъ «Народнаго Дома», въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ. Смѣта на постройку этого зданія исчислена въ 9.586 руб., со стороны же губернскаго земства пособіе испрашивается въ размѣрѣ $^1/_3$ стоимости постройки. Въ проектируемомъ зданіи «Народнаго Дома» предположено устроить залъ для чтеній, лекцій и бесѣдъ съ крестьянами, а также оборудовать сцену для постановки народныхъ спектаклей. Помимо этого при «Народномъ Домѣ» будетъ находиться библіотека-читальня и будетъ отведено помѣщеніе подъ мѣстные кооперативы: кредитное товарищество и общество потребителей».

Знаменательно также, что кооперація пробуждаетъ въ населеніи потребность не только въ низшемъ, но и въ среднемъ образованіи. Съ видимымъ удовольствіемъ и гордостью «Пермская Земская Недѣля» сообщаетъ о такого рода успѣхахъ кооперації въ Оренбургскомъ районѣ. «Всѣ кредитные кооперативы Оренбургскаго района,—говоритъ газета,—рѣшили образовать особый денежный фондъ для обученія въ Оренбургской гимназіи дѣтей всѣхъ районныхъ кооперативовъ. Стремленіе кооперативовъ дать образованіе своимъ дѣтямъ носитъ массовый характеръ. На первыхъ же своихъ общихъ собраніяхъ 14 кредитныхъ товариществъ отчислили въ образовательный фондъ 980 руб. Въ этихъ товариществахъ есть и инородцы: чуваши, мордва, киргизы

и башкиры, которые точно такъ же хотятъ дать своимъ дѣтямъ образованіе. Нѣкоторыя кредитныя товарищества отчисляютъ въ образовательный фондъ деньги изъ своихъ скудныхъ средствъ и послѣ пережитыхъ въ 1911—1912 годахъ голодныхъ лѣтъ. Крестьяне-кооператоры говорятъ: «Если никто не хочетъ учить нашихъ дѣтей безплатно, то мы сами своими средствіями ихъ выучимъ».

Та же газета, любовно и тщательно отмѣчающая успѣхи кооперацiи, спѣшитъ привести подъ громкимъ заглавіемъ: «Идея женскаго равноправія среди крестьянъ-кооператоровъ» и слѣдующій небольшой, но характерный фактъ: «Погромнинское сельское потребительное об-во (Вэрхнеудинскаго у., Забайкальской обл.) на областной съѣздъ избрало своимъ представителемъ односельчанку Лукерью Павлову».

Даже изъ этихъ отрывистыхъ и немногихъ газетныхъ сообщеній чувствуется, какъ разнообразно развѣтвляется въ провинціи кооперація, пробуя пробуждать и удовлетворять различные запросы населенія. Естественно, такимъ образомъ, вниманіе печати и общества къ развитію кооперацiи. Но сюда же обратила свое вниманіе и высшая администрація, и это вниманіе оказалось довольно страннымъ и удивительнымъ. «Министерство народнаго просвѣщенія,—съ недоумѣніемъ пишетъ «Вятская Рѣчь»,—издало на-дняхъ циркуляръ, по которому учителямъ народныхъ училищъ запрещено вступать въ общественныя организацiи и союзы. Исключеніе составляютъ учительскія общества взаимопомощи, куда народнымъ учителямъ не возбраняется вступать. Циркуляръ министерства поставилъ въ затруднительное положеніе не только учителей, но и тѣ общества, въ которыхъ они принимали участіе. Цѣлый рядъ деревенскихъ кооперативныхъ обществъ лишился въ лицѣ народныхъ учителей своихъ руководителей. Даже министерство финансовъ признало полезнымъ участіе народнаго учителя въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ и кооперативныхъ обществахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ оно обратилось въ министерство народнаго просвѣщенія съ предложеніемъ привлечь народныхъ учителей къ дѣятельности въ деревенскихъ кооперативныхъ организацiяхъ, такъ какъ послѣднія нуждаются въ интеллигентныхъ работникахъ. Послѣ этого послѣдовалъ циркуляръ министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ народнымъ учителямъ предложено было своимъ участіемъ содѣйствовать процвѣтанію этихъ обществъ. Народные учителя горячо отозвались на это предложеніе. Въ настоящее время многочисленные деревенскіе кооперативы существуютъ исключительно благодаря народнымъ учителямъ, являющимся главными ихъ руководителями. У насъ въ Вятской губерніи пока еще не слышно о послѣдствіяхъ этого циркуляра, но въ скоромъ времени несомнѣнно они окажутся...»

Ждать пришлось недолго. «Русскія Вѣдомости» извлекаютъ изъ провинціальныхъ газетъ скорбныя и досадныя извѣстія. «Мѣстная екатеринославская газета «Южная Заря» сообщаетъ, что циркулярное предписаніе, полученное инспекторами, немедленно получило дальнѣйшее энергическое движеніе. Въ педагогическомъ обществѣ,—говоритъ газета,—получены свѣдѣнія о томъ, что въ провинціи инспектора народныхъ училищъ требуютъ строгаго исполненія циркуляра министерства народнаго просвѣщенія о запрещеніи народнымъ учителямъ вступать въ члены общественныхъ организацій, кооперативныхъ и кредитныхъ товариществъ. Этотъ циркуляръ ставитъ кооперативы въ самыя безвыходныя положенія, такъ какъ въ деревняхъ, кромѣ учителей, нѣтъ другихъ лицъ, которыя могли бы руководить этими организаціями». Такія же извѣстія имѣются и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ: изъ Черкасскаго уѣзда, Кіевской губ., гдѣ учащимъ разосланъ запросъ, «принимаетъ ли кто изъ нихъ участіе въ мѣстныхъ кооперативныхъ организаціяхъ»; Пирятинскаго у. (Полтавской губ.), гдѣ учителямъ, занимающимъ какую-либо кооперативную «должность» безъ разрѣшенія инспекціи, предлагается «немедленно оставить ее...». Эти распоряженія вызываютъ въ провинціи весьма понятную тревогу».

Основательную статью посвятилъ странному циркуляру харьковскій «Южный Край». Газета говоритъ: «Долгое время народные учителя почти не принимали никакого участія въ общественной жизни деревни, не сходились и не имѣли возможности со своими селянами толковать о мѣстныхъ народныхъ нуждахъ. Стѣнами школы и жалкими школьными учебниками ограничивалась дѣятельность сельскихъ учителей. Учитель поневолѣ былъ далекъ отъ интересовъ своей деревни, хотя и проживалъ въ ней подолгу, иногда цѣлыми годами. Но вотъ выявилось въ деревенской жизни новое движеніе — кооперативное, которое все ширится, растетъ, захватываетъ новыя села, хутора, привлекаетъ вниманіе крестьянъ. Сейчасъ, напримѣръ, въ Харьковской губерніи болѣе 200 кредитныхъ товариществъ, имѣющихъ около 200.000 членовъ, до 100 сельско-хозяйственныхъ о-въ, болѣе 50 потребительскихъ о-въ,—все это выросло за послѣднія 5—7 лѣтъ. Ежегодно появляются въ деревняхъ десятки новыхъ такихъ же учрежденій. Всѣмъ хорошо извѣстно, насколько наша деревня бѣдна культурными силами, а новыя учрежденія требовали обязательнаго въ нихъ участія мѣстныхъ культурныхъ силъ—и народному учительству открылся прямой путь къ участію въ сельско-хозяйственной экономической жизни деревни. Сейчасъ въ Харьковской губерніи болѣе 4.000 народныхъ учителей и учительницъ (къ 1 января 1913 г. въ свѣтскихъ школахъ — 2.855 учащихъ, въ церковныхъ — 993, — по свѣдѣ-

ніямъ губ. управы). Теперь вы не встрѣтите въ губерніи ни одного кооператива, въ которомъ не участвовали бы сельскіе учителя: одни изъ нихъ состоятъ просто членами этихъ о-въ, другіе — предсѣдателями правленій, счетоводами, иные выступали докладчиками и вообще вносятъ своимъ участіемъ живую струю въ дѣятельность кооперативовъ, составляютъ необходимый цементъ, связующій народъ и деревенскую интеллигенцію. Благодаря народнымъ учителямъ, многими кооперативами заведены образцовыя пасѣки, питомники плодовыхъ деревьевъ, организованы зерноочистительные и прокатные пункты с.-х. машинъ и орудій, открыты сѣмянныя торговли, продажа желѣза, веревокъ, красокъ, гвоздей и прочаго с.-х. инвентаря. Нѣкоторые изъ учителей организовали отъ имени кооперативовъ въ прошломъ году экскурсіи крестьянъ въ Кіевъ на всероссійскую выставку, ѣздили съ ними въ качествѣ руководителей. Вообще въ жизни сельскихъ учителей съ участіемъ ихъ въ кооперативахъ, открылась новая интересная страница, полезная для обѣихъ сторонъ—для учащихъ и для народа. И вдругъ министерство народнаго просвѣщенія издаетъ удивительный циркуляръ! Запрещаетъ народнымъ учителямъ вступать въ члены общественныхъ организацій кооперативныхъ и кредитныхъ т-въ!»

Циркуляръ министерства былъ бы не удивителенъ, если бы въ кооперацiи замѣшался тотъ «жупелъ», который вызываетъ содроганіе въ бюрократіи, т. е. «политика». Но именно политики-то и не подмѣчается въ кооперацiи. Оттого ли, что кооперація, зародившись въ реакціонные годы, изъ чувства самосохраненія оберегала себя отъ политики, или оттого, что разнообразныя задачи кооперацiи бытового характера ставили ее внѣ политики, но только въ этомъ «грѣхѣ» трудно обвинить кооперацію. И въ отдѣльныхъ организаціяхъ, и въ союзахъ, и въ малыхъ съѣздахъ, и въ большихъ всероссійскихъ съѣздахъ кооператоры, увлеченные своимъ разнообразнымъ сложнымъ дѣломъ, проявляли значительное равнодушіе къ политикѣ.

Конечно, проницательный взглядъ администрацiи можетъ усмотрѣть, что все же экономическая и просвѣтительная дѣятельность кооперативовъ ведетъ къ укрѣпленію, просвѣщенію и оздоровленію быта, и что вслѣдъ затѣмъ съ естественной послѣдовательностью водворится здоровая, свѣтлая политика, которая заставитъ отодвинуться нынѣшнюю нездоровую, жестокую и вредную политику. Но та же глубокая проницательность должна подсказать, что къ одинаковому результату ведетъ, въ концѣ концовъ, не одна кооперація, а многое въ Россіи. И если стремиться къ «обузданію» кооперацiи, то, по той же логикѣ, слѣдуетъ закрыть всѣ школы, уничтожить въ Россіи книгопечатаніе и принять другія столь же рѣшительныя и

мудрыя мѣры, т. е., иными словами, зачеркнуть всю жизнь страны сверху до низу. А такъ какъ на подобный размахъ неспособна никакая реакція, то, негодуя на отдѣльныя препятствія, можно не бояться за постепенное вызрѣваніе новой Россіи. Въ частности же можно не опасаться и за судьбу кооперації. Съ народными учителями или безъ народныхъ учителей (вѣрнѣе, съ учителями, потому что циркуляръ едва-ли окажетъ радикальное пресѣченіе), но развитіе кооперації, очевидно, пойдетъ своимъ путемъ.

Между прочимъ, надо полагать, кооперація сыграетъ значительную роль въ смыслѣ общественной подготовки населенія. Когда начинались въ былое время усиленныя рѣчи о мелкой земской единицѣ, консервативные дѣятели съ большимъ упорствомъ и, можетъ быть, довольно искренне утверждали, что земская реформа преждевременна, такъ какъ крестьянское населеніе совершенно не подготовлено къ земской дѣятельности. Хотя этотъ доводъ тогда же разбивался естественнымъ отвѣтомъ: «Если населеніе неподготовлено, то оно быстро подготовится именно въ этой мелкой земской единицѣ. Иначе когда же и гдѣ оно подготовится?»—но все же этотъ доводъ имѣлъ какъ будто нѣкоторую внѣшнюю убѣдительность. Кооперація заставила отпасть и это возраженіе. Она, во-первыхъ, доказала, какъ много крылось въ крестьянскомъ населеніи общественной иниціативы, а во-вторыхъ, кооперація выдвинула изъ деревенской среды армію общественныхъ работниковъ, давъ и давая имъ широкую подготовку.

Въ виду этого, если нѣсколько странны были на кіевскомъ кооперативномъ съѣздѣ предложенія о передачѣ кооперативамъ нѣкоторыхъ земскихъ функцій, то, вѣроятно, будетъ болѣе естественно, когда кооперація передастъ нѣкоторыя свои функціи и отряды подготовленныхъ работниковъ мелкой земской единицѣ, которая явится, наконецъ, въ видѣ запоздалой, но желанной и долгожданной реформы. Кооперація и мелкая земская единица сумѣютъ тогда размежеваться въ своихъ работахъ. А дѣла окажется, конечно, въ изобиліи для той и другой организаціи.

И. Жилкинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Франко-британская дружба и тройственное согласіе.—Письмо Лависса и вопросъ о союзѣ.—Парламентскіе выборы во Франціи.—Внѣшнія и внутреннія дѣла Австро-Венгріи.—Политическій кризисъ въ Англіи.—Политика Соединенныхъ Штатовъ и мексиканскія дѣла.

Парижскія празднества по случаю пріѣзда англійской королевской четы, 21 (8) апрѣля, дали поводъ французской печати поднять вопросъ о болѣе тѣсномъ формальномъ соглашеніи съ Англіею, соотвѣтствующемъ тому, которое уже связываетъ Францію съ Россіею. Не слѣдуетъ ли, въ видахъ обезпеченія общаго мира, превратить тройственное согласіе въ настоящій тройственный союзъ? На эту тему извѣстный историкъ Эрнестъ Лависсъ напечаталъ, за нѣсколько дней до англійскаго визита, нѣчто въ родѣ манифеста или воззванія, обращеннаго къ общественному мнѣнію Англіи.

Письмо Лависса появилось одновременно въ лондонскомъ «Times» на англійскомъ языкѣ и въ парижскомъ «Temps» отъ 17 апрѣля во французскомъ переводѣ. Сама газета «Temps» признавала себя вполнѣ солидарною съ академикомъ Лависсомъ и поддерживала его взгляды съ замѣчательною усердіемъ, а такъ какъ всѣмъ извѣстны министерскія связи этой газеты, то не трудно было заключить, что за нею въ данномъ случаѣ стоитъ французское правительство. Оффиціально, разумѣется, Франція не могла требовать отъ своихъ гостей скорѣйшаго заключенія союза, о которомъ пока не думали англичане; нельзя было предлагать Англіи внезапно отречься отъ традиціонной политики, допускающей лишь временныя соглашенія съ отдѣльными континентальными державами, и возбуждать подобный вопросъ въ печати было не совсѣмъ тактично со стороны оффиціальныхъ французскихъ публицистовъ. Но заявленіе такого авторитетнаго ученаго, какъ Лависсъ, заслуживаетъ вниманія независимо отъ тѣхъ практическихъ цѣлей, ради которыхъ оно написано; оно имѣетъ значеніе документа, предназначеннаго для иностранныхъ друзей и составленнаго съ дипломатическою осторожностью, и оно тѣмъ болѣе характерно по своему содержанію.

«Ни Англія, ни Франція,—говоритъ Лависсъ,—не смотрятъ на войну, какъ на главную функцію государства. По самой природѣ нашихъ свободныхъ учрежденій мы не можемъ подготовлять войну, затѣвать ее въ тиши и устраивать неожиданный взрывъ. Въ качествѣ свободныхъ и демократическихъ націй, занятыхъ великими и трудными задачами, въ которыхъ мы видимъ свою главнѣйшую обязанность, мы не находимся подъ гипнозомъ постоянной заботы о войнѣ. Англія и Франція суть двѣ миролюбивыя націи». Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ даетъ понять, что Германія, въ противоположность двумъ названнымъ странамъ, отличается воинственностью и представляетъ постоянную угрозу для другихъ государствъ. Справедливо ли, однако, приписывать германскому народу воинственные порывы, свойственные лишь незначительной части его правящаго класса? Германская нація не менѣе миролюбива, чѣмъ англійская и французская; только правители ея опираются на черезчуръ могущественную армію и невольно соблазняются перспективами побѣдоносной войны. При имперіи Франція была несравненно болѣе воинственна, чѣмъ нынѣшняя Германія, и нѣтъ сомнѣнія, что нѣмцы при демократическомъ режимѣ безусловно стояли бы за сокращеніе постоянныхъ армій и за соблюденіе всеобщаго мира.

Съ точки зрѣнія Лависса, только французамъ присущи передовыя идеи, благотворныя для всего человѣчества. «Мы имѣемъ—говоритъ онъ,—свой особый идеалъ международнаго мира. Мы хотимъ, чтобы народы были свободны, какъ мы, и чтобы они жили сообразно своимъ традиціямъ и наклонностямъ. Вдохновляемые чувствомъ соціальной справедливости и свободы, мы желали бы видѣть господство справедливости и свободы среди всѣхъ вообще націй. Мы были друзьями всѣхъ угнетенныхъ маленькихъ народовъ, подвергшихся насиліямъ; мы въ теченіе послѣдняго столѣтія способствовали рожденію новыхъ національностей и стояли у ихъ колыбели; наконецъ, никто такъ не страдалъ, какъ французы и англичане, отъ посягательствъ противъ человѣчности, гдѣ бы они ни совершались; и къ нашей чести мы вѣримъ, что существуетъ человѣчество, или по крайней мѣрѣ желаемъ, чтобы оно существовало. Въ дѣйствительности, конечно, французы всего менѣе думали о свободѣ маленькихъ угнетенныхъ народовъ, о процвѣтаніи вновь народившихся національностей и о защитѣ человѣчности, когда снабжали капиталами правительство Абдулъ-Гамида и отстаивали, до недавняго времени, цѣлость и неприкосновенность Турціи.

Тѣ благородныя нравственныя чувства, которыя, по словамъ Лависса, лежатъ въ основѣ сознанія самыхъ реальныхъ политиковъ Англіи и Франціи, не мѣшали этимъ странамъ предпринимать же-

стокія и явно несправедливыя войны для пріобрѣтенія чужихъ земель и для подавленія другихъ народовъ. Кромѣ высокихъ идеаловъ человѣчности и соціальной правды, существовали для французовъ еще другіе идеалы, болѣе яркіе и близкіе,—идеалы военной славы и могущества; они вызывали у нихъ культъ Наполеона, сохранившій до сихъ поръ всю свою силу, и создавали почву для такихъ странныхъ явленій, какъ буланжизмъ. Точно такъ же и англичане въ своихъ внѣшнихъ предпріятіяхъ руководствовались скорѣе коммерческими расчетами, чѣмъ высокими идеями человѣчности и справедливости; достаточно вспомнить захватъ Египта и бурскую войну.

Впрочемъ, указаніе на возвышенныя чувства понадобилось Лависсу только какъ предисловіе къ весьма реальному предложенію совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій на случай конфликта съ Германіею. Наше соглашеніе,—разсуждаетъ онъ,—не можетъ быть чисто сентиментальнымъ; оно должно быть и практически полезнымъ для обѣихъ участвующихъ сторонъ. Польза для Франціи не нуждается въ доказательствахъ; но и для Англіи она очевидна. «Предположимъ, что Франція вновь побѣждена и низведена, какъ ей угрожаютъ, на степень второстепенной, подчиненной націи, и что въ то же время, какъ это несомнѣнно случилось бы, Германія наложила бы свою руку на Голландію и Бельгію; и тогда Амстердамъ, Антверпенъ, Дюнкирхенъ, Гавръ, Бордо, Марсель, Оранъ, Алжиръ, Тунисъ будутъ охвачены германскимъ таможеннымъ союзомъ. Кое-что измѣнилось бы тогда въ настоящемъ и будущемъ Англіи,—не правда ли?»—заключаетъ авторъ. Но не слишкомъ ли грубо и аляповато изображены здѣсь результаты возможной новой побѣды Германіи надъ Франціею? Если послѣ колоссальнаго разгрома 1870—71 годовъ нѣмцы не могли подумать ни о захватѣ Бельгіи и Голландіи, ни о присвоеніи какихъ-либо правъ на французскіе, алжирскіе и тунисскіе порты, то почему окажутся возможными и даже несомнѣнными эти фантастическія послѣдствія нѣмецкаго торжества въ случаѣ новой франко-германской войны? Вѣдь и тогда Германія будетъ не одна въ Европѣ: по предположенію самого Лависса, она будетъ дѣйствовать въ составѣ тройственнаго союза и, слѣдовательно, обязана будетъ считаться съ интересами и требованіями Италіи и Австро-Венгріи, которыя едва-ли согласятся предоставить нѣмцамъ одностороннее владычество надъ территоріями не только Франціи съ Алжиромъ и Тунисомъ, но Голландіи и Бельгіи; притомъ посягательство на эти послѣднія государства было бы немыслимо безъ войны съ Англіею. Вообще при современныхъ условіяхъ нельзя представлять себѣ Европу въ видѣ пустого мѣста, гдѣ могутъ свободно распоряжаться новые культурные Атиллы; такія наивныя картины будущихъ германскихъ завоеваній не испугаютъ англичанъ. Подобные «страш-

ные» доводы и не нужны для выясненія того, что Англія заинтересована въ защитѣ безопасности Франціи отъ германскаго нападенія.

Говоря объ единеніи, вытекающемъ изъ общности интересовъ и чувствъ, Лависсъ сообщаетъ англійской публикѣ свой взглядъ на различіе темпераментовъ обѣихъ націй. «Мы, французы, — заявляетъ онъ,—руководимся простыми и ясными идеями, часто слишкомъ простыми и слишкомъ ясными; вы, англичане, какъ намъ кажется, прежде всего находитесь подъ властью инстинктовъ, отчасти смутныхъ и неопредѣленныхъ. Мы склонны къ скорымъ рѣшеніямъ, а вы медлительны по натурѣ. Въ извѣстные моменты мы удивляемся, что вы какъ-будто забываете свой долгъ передъ самими собою и Европою, и намъ хочется кричать вамъ: «о чемъ же вы думаете?» Но нашему лихорадочному возбужденію вы противопоставляете ваше спокойствіе. Благоразуміе предписывало бы, очевидно, дѣйствовать ни слишкомъ медленно, ни слишкомъ быстро. Поэтому не соединить ли намъ вмѣстѣ наши достоинства и недостатки? Вы заимствовали бы нѣчто изъ нашей рѣшительности и сохранили бы изъ своего хладнокровія то, что необходимо для противодѣйствія нашимъ необдуманнымъ увлеченіямъ. Съ нашей стороны мы производили бы надъ собою ту же работу въ обратномъ направленіи. Это взаимное усиліе завершило бы наше соглашеніе». Приведенная характеристика едва-ли могла понравиться англичанамъ, да и по существу она несправедлива. Въ политикѣ французы гораздо чаще и сильнѣе поддаются вліянію «неопредѣленныхъ инстинктовъ», чѣмъ англичане; никакихъ ясныхъ и простыхъ идей не было ни въ буланжистскомъ движеніи, ни въ агитаціи по дѣлу Дрейфуса. «Необдуманныя увлеченія», о которыхъ упоминаетъ самъ же авторъ, вызываются именно «смутными инстинктами», а вовсе не простыми и ясными идеями. Зато яснымъ и простымъ слѣдуетъ признать выводъ о превращеніи неопредѣленнаго сердечнаго согласія въ точный формальный союзъ. «Нѣтъ тройственнаго согласія, если участвующія въ немъ державы не сговорились о возможныхъ совмѣстныхъ оборонительныхъ дѣйствіяхъ». Въ тройственномъ союзѣ все заранѣе разсчитано, предусмотрѣно и подготовлено, и въ нужный моментъ соединенныя силы союзниковъ двинутся по предписанному направленію. Ничего такого не устроено между державами тройственнаго согласія, и когда возникнетъ опасный кризисъ, будутъ еще рѣшаться тѣ предварительныя задачи, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ предстоящей борьбы. Быть-можетъ, руководители армій и флотовъ Англіи и Франціи успѣли уже условиться насчетъ совмѣстныхъ операцій, но неизвѣстно еще, столковалась ли Англія съ Россіею. Лависсъ, конечно, надѣется, что войны не будетъ и что со временемъ культурные народы откажутся отъ пагубныхъ и разорительныхъ вооруженій. «Кто

знаетъ? Наступитъ когда-нибудь день, когда явится возможность, не нарушая международнаго мира, обсуждать самые серьезные и важные вопросы, даже тотъ, котораго два непосредственно заинтересованныя правительства избѣгаютъ касаться въ своихъ разговорахъ, вопросъ, служащій главнымъ источникомъ тревоги въ Европѣ, вопросъ франко-германскій и вмѣстѣ съ тѣмъ европейскій и міровой,—вопросъ объ Эльзасѣ!» Но, вопреки мнѣнію Лависса, ни въ Англіи, ни въ Россіи вопросъ о судьбѣ Эльзаса не считается кореннымъ вопросомъ европейской и міровой политики, и нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Франціи и отчасти лишь Германіи, этотъ вопросъ не въ состояніи волновать общественное мнѣніе. Наконецъ, въ чемъ заключается его сущность? Въ томъ ли, что Эльзасъ неправильно отнятъ отъ Франціи и долженъ быть возвращенъ ей въ силу высшей справедливости, какъ полагаютъ французскіе патріоты? Или же въ томъ, что Эльзасъ долженъ составлять самостоятельную автономную область, на которую ни нѣмцы, ни французы не имѣютъ никакихъ особыхъ правъ? Если бъ эльзасская проблема понималась во второмъ смыслѣ, то она не могла бы служить предметомъ спеціальнаго спора между Франціею и Германіею и не была бы причиною хроническаго безпокойства въ Европѣ; она не задѣвала бы военнаго самолюбія отдѣльныхъ державъ, не возбуждала бы острыхъ политическихъ пререканій и, въ концѣ концовъ, дѣйствительно нашла бы мирное, безобидное для обѣихъ сторонъ рѣшеніе. Къ сожалѣнію, о такой постановкѣ эльзасскаго вопроса думаютъ лишь очень немногіе во Франціи, и къ ихъ числу не принадлежитъ Лависсъ.

Воззваніе Лависса, какъ и слѣдовало ожидать, не встрѣтило сочувствія въ англійской печати. Главныя лондонскія газеты, начиная съ «Times», отнеслись къ его мысли уклончиво или даже отрицательно, указывая на ненужность и неудобство прямого союза, который означалъ бы для Англіи отреченіе отъ традиціонной свободы дѣйствій въ международныхъ дѣлахъ безъ видимой къ тому надобности. Тройственное согласіе, какъ оно выработалось и установилось до сихъ поръ, признается достаточнымъ обезпеченіемъ солидарности участвующихъ въ немъ державъ, и если обстоятельства потребуютъ закрѣпленія и дополненія его особыми военными конвенціями, то это будетъ, конечно, сдѣлано въ свое время и въ надлежащей формѣ. Наиболѣе непріятно было для англичанъ рѣзкое подчеркиваніе того факта, что франко-британское сближеніе направлено противъ Германіи, которая въ письмѣ Лависса выставляется главнѣйшимъ врагомъ общаго европейскаго мира. Общественное мнѣніе въ Англіи рѣшительно не раздѣляетъ такого односторонняго взгляда. Тройственное согласіе, по мысли англичанъ, вовсе не имѣетъ и не должно имѣть враждебнаго характера по отношенію къ Германіи; близкая политическая дружба съ Франціей и

Россіею нисколько не исключаетъ дружескихъ соглашеній и съ германскимъ правительствомъ.

Выясненіе этой широкой англійской точки зрѣнія на новую группировку державъ является единственнымъ и весьма существеннымъ результатомъ самоувѣренной попытки Лависса и его французскихъ единомышленниковъ. Восторженный пріемъ, оказанный во Франціи Георгу V и его супругѣ, и краснорѣчивые тосты, которыми обмѣнялись король и президентъ Пуанкаре на банкетѣ 21 апрѣля, ни въ чемъ не измѣнятъ этого положенія дѣлъ.

Парламентскіе выборы во Франціи происходили на этотъ разъ въ атмосферѣ значительнаго возбужденія и сопровождались горячею газетною полемикою между органами главныхъ республиканскихъ группъ. Всего предстояло избрать 602 депутатовъ; окончательно избрано 26 (13) апрѣля 344 человѣка, и въ 258 округахъ ожидается перебаллотировка. Нечего и говорить, что правые и націоналисты, несмотря на поднятую ими шумную агитацію, не играли въ избирательной борьбѣ никакой самостоятельной роли и въ большинствѣ случаевъ довольствовались поддержкою болѣе умѣренныхъ республиканскихъ кандидатовъ, такъ называемыхъ прогрессистовъ и либераловъ; въ послѣдней палатѣ различныя группы правыхъ имѣли всего 51 представителя, а теперь избрано ихъ пока 19.

Споры между «объединенными радикалами», «союзомъ лѣвыхъ», «демократическою лѣвою» и «объединенными соціалистами» касались главнымъ образомъ подоходнаго налога и вопроса о трехлѣтнемъ или двухлѣтнемъ срокѣ военной службы. Передовые радикалы и соціалисты стоятъ за возстановленіе двухлѣтняго срока воинской повинности и за обязательную провѣрку заявленій о цифрахъ годового дохода, подлежащаго налогу, безъ всякихъ изъятій для государственной ренты; болѣе умѣренные высказываются за трехлѣтнюю военную службу и за устраненіе всякихъ инквизиціонныхъ пріемовъ при взиманіи подоходнаго налога. Изъ числа избранныхъ до сихъ поръ депутатовъ 217 включили въ свои программы сохраненіе трехлѣтняго срока, а 124 высказались за двухлѣтній срокъ; противъ провѣрки декларацій о цифрахъ дохода—208 вновь избранныхъ депутатовъ, а за провѣрку—134; требованіе избирательной реформы на основѣ пропорціональнаго представительства меньшинства формулировано 228 депутатами и отвергнуто 107. Главные представители партій: Бріанъ, Барту, Мильеранъ, Жоресъ, Жюль Гедъ, какъ и всѣ члены кабинета Думерга, избраны вновь; безпощадная кампанія, которая велась противъ Кальо, не помѣшая его успѣху въ его провинціальномъ избирательномъ округѣ; въ палату попалъ и извѣстный журналистъ, авторъ ежедневныхъ политическихъ обозрѣній въ газетѣ «Temps», Андріе

Тардье. Поэтъ Ришпэнъ, выступавшій съ туманными консервативно-патріотическими заявленіями, потерпѣлъ неудачу, и счастливымъ соперникомъ его былъ одинъ изъ ближайшихъ друзей Кальо, Чекальди. Соціалистовъ «объединенныхъ» и независимыхъ избрано пока 52, но число ихъ должно значительно увеличиться сравнительно съ прежнимъ, такъ какъ передовые радикалы рѣшили отдавать свои голоса соціалистамъ при перебаллотировкахъ, если они сами не будутъ имѣть шансовъ успѣха, а соціалисты въ свою очередь обязались при подобныхъ обстоятельствахъ отдавать свои голоса радикаламъ. Этотъ «блокъ» соціалистовъ-радикаловъ съ «революціонерами» чрезвычайно волнуетъ умѣренную республиканскую прессу. «Temps» старается доказать, что монархисты и реакціонеры, не имѣющіе возможности провести своихъ собственныхъ кандидатовъ, вотируютъ обыкновенно за сектантовъ-революціонеровъ изъ ненависти къ существующему политическому строю; поэтому искренніе республиканцы, какими признаютъ себя радикалы-соціалисты, не должны были бы пользоваться голосами столь сомнительнаго происхожденія. Само собою разумѣется, что эти лицемѣрныя заботы о чистотѣ источника того или другого количества голосовъ не производятъ замѣтнаго впечатлѣнія на противниковъ, и раздраженіе благонамѣренныхъ либеральныхъ публицистовъ принимается лишь за доказательство ихъ безсилія. Вообще надо сказать, что пріемы газетной полемики такихъ солидныхъ органовъ, какъ «Temps», рѣзко измѣнились за послѣднее время и давно уже утратили тотъ оттѣнокъ корректности, который поддерживался хорошими традиціями старой журналистики.

Въ Австро-Венгріи открылась сессія делегацій обоихъ парламентовъ при совершенно исключительныхъ условіяхъ. Въ одной половинѣ имперіи парламентъ закрытъ, и правительство временно дѣйствуетъ на основаніи пресловутой 14-ой статьи австрійской конституціи; въ другой половинѣ — венгерской — сохраняется нормальный порядокъ вещей. Въ первомъ засѣданіи австрійской делегаціи, въ Будапештѣ, 28 (15) апрѣля, депутатъ Элленбогенъ предложилъ отложить занятія до возстановленія правильной конституціонной жизни въ Австріи, т. е. до созыва австрійскаго парламента; другой делегатъ, Нѣмецъ, напомнилъ, что послѣдняя сессія австрійской делегаціи была въ свое время объявлена законченной ея президентомъ и что новый созывъ ея не имѣетъ законнаго основанія. Министръ-президентъ графъ Штюргкъ представилъ подробныя объясненія, съ указаніемъ на соотвѣтственные прецеденты, и высказалъ искреннее пожеланіе, чтобы нормальная парламентская дѣятельность, оказавшаяся невозможною

вслѣдствіе непримиримой обструкціи нѣкоторыхъ партій, возстановилась въ ближайшемъ будущемъ. Въ этомъ направленіи начаты уже переговоры по почину президіума палаты депутатовъ, при сочувственномъ участіи правительства. По словамъ графа Штюргка, министерство всего менѣе считаетъ себя отвѣтственнымъ за положеніе дѣлъ, зависящее отъ антагонизма національныхъ и партійныхъ интересовъ; «я лично—заявилъ онъ между прочимъ—всегда стремился и буду стремиться поддерживать все то, что оживляетъ конституціонную жизнь въ Австріи», и съ этой точки зрѣнія онъ протестуетъ противъ попытки обречь делегацію на ту же судьбу, которая выпала на долю палаты депутатовъ. Делегаціи, по мнѣнію министра, составляютъ самостоятельное учрежденіе, обладающее полною жизненностью, и онѣ могутъ законно исполнять свои функціи и при временномъ отсутствіи или бездѣйствіи парламента. При голосованіи предложеніе делегата Элленбогена было отвергнуто большинствомъ, и собраніе приступило къ избранію комиссій для разсмотрѣнія вопросовъ и проектовъ по разнымъ отдѣламъ государственнаго бюджета и хозяйства. Въ томъ же порядкѣ и съ соблюденіемъ тѣхъ же формальностей открылась въ тотъ же день, 28 апрѣля, сессія венгерской делегаціи, при чемъ никакихъ политическихъ преній не возникало.

На слѣдующій день, 29 апрѣля, министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Берхтольдъ, прочелъ въ комиссіяхъ обѣихъ делегацій обычный обзоръ австрійской политики за отчетный годъ. Разсказавъ вкратцѣ объ извѣстныхъ всѣмъ балканскихъ событіяхъ, объ успѣшномъ образованіи новаго албанскаго государства съ княземъ Вильгельмомъ во главѣ, о затрудненіяхъ съ Греціею при проведеніи границъ и объ общемъ возстановленіи мира и спокойствія на Балканахъ, министръ подтвердилъ всегдашнее «благоволеніе» и величайшую доброжелательность австрійскаго правительства къ «свободному и самостоятельному развитію сосѣднихъ государствъ», пережившихъ недавно тяжкія испытанія. Сербія, по мнѣнію графа Берхтольда, имѣла возможность убѣдиться во время послѣдняго кризиса, что вѣнскій кабинетъ всегда готовъ итти навстрѣчу ея законнымъ стремленіямъ, и «если это сознаніе до сихъ поръ еще не могло проникнуть въ умы (сербовъ), то такое обстоятельство не должно вліять на направленіе австрійской политики, которая будетъ по-прежнему поддерживать возможно дружескія отношенія съ сосѣднимъ королевствомъ, подъ условіемъ обязательнаго соблюденія своихъ собственныхъ интересовъ». Эти дипломатическія оговорки показываютъ, что Сербія не имѣла случая увѣровать въ безкорыстное «благоволеніе» Австріи и вынуждена до сихъ поръ ограждать свои жизненные экономическіе интересы отъ настойчивыхъ австрійскихъ притязаній. Въ данный моментъ предметомъ спора

является вопросъ о судьбѣ тѣхъ линій восточныхъ желѣзныхъ дорогъ, которыя заняты были во время войны сербскими войсками; желѣзнодорожное общество, въ которомъ главное участіе принимаютъ австрійцы, требуетъ возврата захваченныхъ линій, противъ чего возражаютъ сербы, и вѣнскій кабинетъ не могъ еще пока добиться желательнаго ему результата. Съ Черногоріею вѣнскій кабинетъ «надѣется» соблюдать дружественныя отношенія, несмотря на «неоднократно возникавшія разногласія»; съ Болгаріею предполагается оживить торгово-промышленныя связи, но болгарское правительство, озабоченное происходившими два раза выборами въ народное собраніе и поглощенное серьезными внутренними задачами, не успѣло еще вступить въ надлежащіе переговоры съ Австро-Венгріею.

Совершенно другой тонъ замѣчается у графа Берхтольда, когда онъ переходитъ къ характеристикѣ отношеній съ великими державами. О тройственномъ союзѣ, объ императорѣ Вильгельмѣ онъ говоритъ съ почтительнымъ умиленіемъ; онъ крайне доволенъ, конечно, и Италіею, и Англіею, и Франціею. «Наши отношенія съ Россіею,—продолжаетъ онъ,—носятъ постоянно дружественный характеръ. При установившихся мирныхъ тенденціяхъ русской политики и при тѣхъ крупныхъ культурныхъ задачахъ, которыя ставитъ себѣ русское государственное хозяйство, можно ожидать дальнѣйшаго развитія взаимныхъ довѣрчивыхъ отношеній». Въ заключеніе министръ въ напыщенныхъ выраженіяхъ обрисовалъ почетную роль монархіи, какъ могущественнаго оплота прочнаго мира и порядка на ближнемъ Востокѣ; эта роль требуетъ жертвъ, которыя «съ готовностью приносятся народами Австро-Венгріи, желающими сохранить свое положеніе среди вооруженной Европы».

Оптимизмъ графа Берхтольда мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Народы Австро-Венгріи не проявляютъ никакого удовольствія по поводу требуемыхъ съ нихъ непосильныхъ жертвъ на безконечныя и безплодныя вооруженія; частые государственные займы и усиленные налоги разстраиваютъ народное хозяйство, создаютъ промышленные кризисы и поддерживаютъ въ населеніи неопредѣленное чувство тревоги, въ виду ожидаемыхъ внѣшнихъ замѣшательствъ и конфликтовъ. Властная и авторитетная международная политика, унаслѣдованная отъ прошлаго, обходится слишкомъ дорого Австро-Венгріи и не даетъ ей въ сущности никакихъ реальныхъ выгодъ. Это сознаніе все болѣе распространяется въ народныхъ массахъ и не можетъ пройти безслѣдно для устарѣлаго государственнаго строя австрійской имперіи.

И внутреннія, какъ и внѣшнія дѣла, повидимому, не особенно утѣшительны съ точки зрѣнія австрійскихъ обывателей. Обострив-

шаяся борьба національностей и политическихъ партій приводитъ часто къ непріятнымъ и тягостнымъ инцидентамъ; нерѣдко разбираются въ судахъ политическіе процессы, затѣянные безъ достаточнаго основанія и свидѣтельствующіе о чрезмѣрной подозрительности австрійскихъ или венгерскихъ властей; иногда замѣчается несправедливое, придирчивое отношеніе къ отдѣльнымъ народностямъ, преимущественно славянскимъ,—но все-таки въ странѣ господствуетъ чувство законности; оппозиція не стѣснена въ своихъ правахъ, и установленныя конституціонныя гарантіи соблюдаются правительствомъ болѣе или менѣе добросовѣстно, безъ явныхъ и рѣзкихъ отступленій. Правительство остается по существу благожелательнымъ къ общественному мнѣнію и старается вообще дѣйствовать справедливо и разумно; оно не вызываетъ противъ себя вражды, потому что само не относится враждебно къ существующимъ общественнымъ теченіямъ, хотя бы и ярко оппозиціоннымъ. Глава австрійскаго правительства, графъ Штюргкъ, отвѣчая въ делегаціи на рѣзкую рѣчь соціалъ-демократа Элленбогена, внимательно, въ изысканныхъ выраженіяхъ, разбиралъ доводы своего «достопочтеннаго» оппонента и ни однимъ словомъ не обнаружилъ своего отрицательнаго или осудительнаго отношенія къ соціалъ-демократіи вообще, ибо, въ качествѣ культурнаго политическаго дѣятеля, онъ твердо сознаетъ, что представители соціалъ-демократіи имѣютъ такое же право высказывать и защищать свои убѣжденія, какъ и онъ, графъ Штюргкъ. Въ Австріи нѣтъ такихъ основныхъ законовъ, которые оставались бы мертвою буквою; тамъ не примѣняются въ мирное время исключительныя административныя полномочія, и тѣ гражданскія права, которыя въ конституціи 1867 года объявлены незыблемыми, остаются, дѣйствительно, неприкосновенными; дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ путемъ печати, разбираются судомъ присяжныхъ. Оттого и вся атмосфера общественной и политической жизни представляется нормальною и спокойною.

Въ Англіи общественное мнѣніе поглощено острымъ военно-политическимъ кризисомъ, все болѣе разростающимся на почвѣ ирландскаго вопроса. Организаторы возстанія въ Ольстерѣ зашли такъ далеко въ своихъ приготовленіяхъ, что не могутъ уже остановиться; часть арміи поколебалась въ своемъ чувствѣ долга, имѣя предъ собою перспективу прямого вооруженнаго столкновенія съ соотечественниками; попытки уніонистовъ запугать правительство неизбѣжностью кроваваго междоусобія не имѣли успѣха, и самъ премьеръ Асквитъ, принялъ на себя обязанности военнаго министра для поддержанія

авторитера военной власти. Признанный вождь ольстерскаго движенія сэръ Эдуардъ Кэрсонъ, допускаетъ уже въ принципѣ возможность компромисса и произноситъ въ парламентѣ примирительныя рѣчи, а тѣмъ временемъ въ Ольстерѣ устраиваются предпріятія, далеко выходящія за предѣлы легальнаго протеста.

Уніонистскія газеты съ восторгомъ описываютъ замѣчательныя событія, совершившіяся 25 (12) апрѣля въ недалекомъ разстояніи отъ Бельфаста, въ гавани небольшого города Лэрна. Ночью прибылъ туда таинственный корабль, нагруженный ящиками съ ружьями и штыками, съ соотвѣтственнымъ количествомъ аммуниціи; отряды волонтеровъ заняли наблюдательные посты, не пропуская посторонникъ къ мѣсту стоянки судна; пятьсотъ моторовъ потянулись изъ Бельфаста, составивъ процессію длиною въ три мили, по направленію къ гавани Лэрна; въ теченіе нѣсколькихъ часовъ выгружено было съ парохода тридцать тысячъ ружей и сорокъ тоннъ аммуниціи и развезено моторами въ назначенные заранѣе пункты; сверхъ того, десять тысячъ ружей съ аммуниціею передано двумъ небольшимъ пароходамъ для доставки къ юго-восточному берегу Ольстера. Таможенные и полицейскіе чины были задержаны въ Лэрнѣ волонтерами, подъ угрозою насилій; вниманіе прочихъ жителей было отвлечено военными парадами, устроенными на улицахъ города. Мѣстные обыватели и чиновники видѣли, что затѣвается и происходитъ что-то особенное, но не могли догадаться, что и гдѣ именно. Словомъ, дѣло было сдѣлано удивительно «чисто», безъ малѣйшей задержки или заминки, какъ на отлично задуманныхъ маневрахъ; начальствующія лица ничего не знали объ этой затѣѣ и прозѣвали ее позорнѣйшимъ образомъ, чѣмъ наглядно доказана была внутренняя сила организаціи и солидарности ольстерскаго населенія. Но это предпріятіе выдвинуло уже на сцену вопросъ, который до сихъ поръ какъ-то искусственно замалчивался или стушевывался въ министерскихъ и оппозиціонныхъ заявленіяхъ. Доставка оружія въ Ольстеръ, съ употребленіемъ насильственныхъ мѣръ противъ таможенныхъ и полицейскихъ чиновъ, есть уже преступленіе, несомнѣнно предусмотрѣнное англійскими законами, и оно не можетъ остаться безнаказаннымъ.

Въ засѣданіи парламента, 27 апрѣля, въ отвѣтъ на запросъ о намѣреніяхъ правительства по поводу «тяжкаго и небывалаго нарушенія законовъ» въ Ольстерѣ, премьеръ заявилъ, что «правительство безъ замедленія приметъ нужныя мѣры для возстановленія авторитета законовъ и для защиты чиновниковъ и подданыхъ короля въ исполненіи ихъ обязанностей и въ пользованіи принадлежащими имъ правами». Газеты отмѣчаютъ, что послѣ этого заявленія Асквитъ отправился на аудіенцію къ королю и созвалъ министровъ на совѣщаніе,

результаты котораго еще неизвѣстны. Ольстерское движеніе, очевидно, достигло того критическаго момента, когда выборъ между протестомъ и прямымъ возстаніемъ не можетъ быть болѣе откладываемъ. Настроеніе предводителей оппозиціи сразу стало болѣе примирительнымъ. Морской министръ Черчилль, 28 апрѣля, воспользовался этою перемѣною настроенія, чтобы обратиться въ палатѣ къ сэру Кэрсону съ предложеніемъ употребить свое вліяніе для «сохраненія единства Ирландіи на федеративной основѣ», т. е. съ предоставленіемъ Ольстеру нѣкоторой доли автономіи. Сэръ Кэрсонъ съ своей стороны объяснилъ, что при разумномъ и сдержанномъ способѣ дѣйствій ирландскаго парламента самъ Ольстеръ будетъ заинтересованъ въ присоединеніи къ остальной Ирландіи и въ возстановленіи ея единства. Столь же примирительнымъ духомъ проникнуты были рѣчи Бальфура и Бонаръ-Лоу. Желанный компромиссъ становится все болѣе близкимъ и возможнымъ: все зависитъ теперь отъ нѣсколькихъ выдающихся дѣятелей, воплощающихъ собою политическое сознаніе и общественную совѣсть Англіи.

Политика Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ Мексикѣ не отличается ни принципіальною опредѣленностью, ни практическою послѣдовательностью. Президентъ Вильсонъ не желалъ вмѣшиваться въ мексиканскія дѣла и въ то же время не признавалъ законнымъ правительство Хуэрты, которому подчинялась значительная часть населенія страны; онъ считалъ неудобнымъ прибѣгать къ содѣйствію арміи и флота для защиты американскихъ гражданъ, проживающихъ въ Мексикѣ, и совѣтовалъ имъ по возможности скорѣе выѣхать обратно въ Соединенные Штаты; онъ видимо поощрялъ вождей такъ называемой конституціонной партіи, генераловъ Карранца и Вилла, которые разоряли занимаемыя области своими грабежами и всего менѣе думали о какой бы то ни было конституціи; онъ ничего не предпринималъ противъ нихъ и тогда, когда Карранца безцеремонно арестовывалъ и изгонялъ американцевъ, а Вилла разстрѣлялъ англичанина Бентона. По примѣру своихъ противниковъ, президентъ Хуэрта также не стѣснялся относительно американскихъ гражданъ; его военные отряды захватили въ плѣнъ американскихъ матросовъ, высадившихся въ гавани Тампико, и Хуэрта не соглашался предоставить Соединеннымъ Штатамъ даже такое незначительное, чисто-формальное удовлетвореніе, какъ салютованіе американскому флагу со стороны мексиканскихъ военныхъ кораблей. Хуэрта требовалъ, чтобы американцы отвѣтили на мексиканскій салютъ немедленно такимъ же салютомъ, на равныхъ правахъ. Президентъ Вильсонъ

справедливо находилъ, что такое взаимное равноправное салютованіе не будетъ имѣть характера извиненія передъ американцами и окажется, напротивъ, неумѣстнымъ и унизительнымъ съ точки зрѣнія достоинства Соединенныхъ Штатовъ. Хуэрта упорно стоялъ на своемъ и оставилъ безъ отвѣта грозный ультиматумъ, предъявленный ему отъ имени правительства президента Вильсона.

На почвѣ этого страннаго вопроса о салютѣ совершился давно ожидаемый разрывъ, и 14 апрѣля могущественная американская эскадра двинулась къ гавани Тампико. Вскорѣ американцы заняли Вера-Круцъ, и это событіе послужило сигналомъ для прекращенія междоусобія въ Мексикѣ во имя борьбы противъ общаго врага. Отряды Карранцы и Виллы готовы были соединиться съ войсками Хуэрты для совмѣстныхъ дѣйствій, и война казалась уже неминуемою, когда въ дѣло вмѣшались южно-американскія республики,—Бразилія, Аргентина и Чили, предложившія обѣимъ сторонамъ свое посредничество. Посредничество принято президентомъ Вильсономъ и Хуэртою, и, по всей вѣроятности, опасный конфликтъ разрѣшится благополучно. Соединенные Штаты избавятся, такимъ образомъ, отъ ненужнаго и тяжелаго предпріятія, которое могло бы надолго подорвать жизненные интересы великой американской республики, безъ всякой пользы для заинтересованныхъ націй.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Привлеченіе къ судебной отвѣтственности члена Госуд. Думы Н. С. Чхеидзе.—Чего „не понимаетъ“ князь Мещерскій?—Звенья одной цѣпи и ея концы.—Моральная и финансовая стороны въ вопросѣ о пьянствѣ. — Опредѣлившіяся „серьезныя мѣропріятія“.—Безпримѣрное особое мнѣніе.— † К. П. Михальчукъ.

14 апрѣля въ вечернемъ изданіи «Биржевыхъ Вѣдомостей» появилось извѣстіе, всполошившее парламентскіе круги. Газета сообщила, что въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій совѣта министровъ возбужденъ былъ вопросъ о преданіи суду члена Государственной Думы Н. С. Чхеидзе за рѣчь, сказанную имъ 11 марта, и что вопросъ переданъ на разсмотрѣніе перваго департамента Государственнаго Совѣта. «Во время этой рѣчи, — гласило сообщеніе,—Н. С. Чхеидзе

упомянулъ о преимуществахъ республиканской формы правленія, что, по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, подходитъ подъ преступленіе, предусмотрѣнное ст. 129 уг. улож.». Въ концѣ замѣтки были приведены «успокоительныя» слова: «По толкованію высшихъ правительственныхъ сферъ, было бы ошибочно придавать этому случаю значеніе прецендента». На другой день утреннія газеты добавили, что, по ихъ свѣдѣніямъ, вопросъ о преданіи суду возбужденъ не въ отношеніи одного Н. С. Чхеидзе, а также и въ отношеніи А. Ф. Керенскаго, но по ст. 1034 улож. о нак., т.-е. за возбужденіе противъ правительственныхъ властей въ рѣчи, сказанной при обсужденіи запроса о запрещеніи чествованія памяти Шевченка.

16 марта издатель «Гражданина», въ своемъ очередномъ дневникѣ, писалъ: «Только сегодня узналъ, что, говоря о нашей четвертой злополучной Государственной Думѣ, я пропустилъ одинъ изъ эпизодовъ скандальнаго свойства, заслуживающій размышленія. Эпизодъ этотъ исходитъ отъ двухъ членовъ Гос. Думы—Керенскаго и Чхеидзе. Оба заявили въ открытомъ засѣданіи Гос. Думы о необходимости республики въ Россіи для счастья русскаго народа». И далѣе, послѣ потуговъ посмѣяться надъ «анархистами» Чхеидзе и Керенскимъ, князь Мещерскій всѣ свои «серьезныя» разсужденія заканчивалъ словами: «не понимаю». Разсужденія состояли въ сопоставленіяхъ. Во-первыхъ, онъ сопоставлялъ семнадцатилѣтняго юношу, который, вслѣдствіе намѣреннаго увлеченія его пропагандистомъ, «скажетъ политически нецензурное слово», съ «зрѣлымъ врагомъ государственнаго строя», который «сознательно, обдуманно и хладнокровно взываетъ къ республикѣ, храбро разсчитывая на свою безотвѣтственность и на неприкосновенность члена Гос. Думы». Во-вторыхъ,—кражу изъ кармана, совершенную членомъ Думы во время думскаго засѣданія, съ преступленіемъ «по другому отдѣлу уголовнаго уложенія». «Не понимаю, не понимаю, не понимаю,—повторялъ престарѣлый князь,—такъ какъ не нахожу въ сводѣ законовъ и въ уголовномъ уложеніи статьи закона, которая бы гласила, что члены Гос. Думы во время отправленія своей служебной дѣятельности имѣютъ право совершать государственныя преступленія».

Никому и въ голову не могло придти, конечно, вразумлять князя Мещерскаго. Непониманіе—основное его свойство, и онъ самъ объ этомъ постоянно пишетъ, ссылаясь то на свои 75 лѣтъ, то на разговоры съ такими же, какъ онъ, хронически непонимающими сановниками не у дѣлъ. Десятки лѣтъ уже онъ твердитъ, что не понимаетъ, какъ можно не одобрять розгу. Понять разницу между

анархистами, соціалъ-демократами и трудовиками—выше его силъ. Манифестъ 17 октября онъ понялъ было сначала и объявилъ, что прекращаетъ изданіе «Гражданина». Но чуть только обозначились первые признаки реакціи, «Гражданинъ», возродился и вмѣстѣ съ нимъ возродилось непониманіе его издателя. Каждую недѣлю и въ дневникахъ, и устами «тайновѣда», онъ заявляетъ, что не понимаетъ, не только, почему Государственная Дума пользуется законодательными правами, но и—какъ законодательныя права могутъ ей принадлежать. Можно ли требовать отъ него, чтобы онъ уразумѣлъ разницу между семнадцатилѣтними юношами и членами Госуд. Думы и между кражей и преступленіями «по другому отдѣлу уголовнаго уложенія» при условіи совершенія ихъ членами Думы внутри стѣнъ Таврическаго дворца?

Но «непониманіе» князя Мещерскаго нашло, оказывается, живой и властный откликъ. Откликнулся министръ внутреннихъ дѣлъ, а за нимъ и совѣтъ министровъ. И чѣмъ бы «вопросъ» ни разрѣшился, — этотъ откликъ и самъ по себѣ достаточно знаменателенъ для новаго нравительственнаго курса. Н. А. Маклаковъ—«молодой министръ», о которомъ съ такой отеческой заботливостью пишетъ кн. Мещерскій, не останавливался даже передъ вмѣшательствомъ въ то, что составляетъ прерогативу И. Г. Щегловитова, которому издатель «Гражданина», не взирая ни на что, не можетъ простить отнятія судебной власти отъ Ленскихъ начальниковъ. И. Л. Горемыкинъ тоже пользуется особенно благорасположеннымъ вниманіемъ кн. Мещерскаго, и подъ его предсѣдательствомъ совѣтъ министровъ сдѣлалъ тотъ первый шагъ, послѣ котораго, если за привлеченіемъ къ суду послѣдуетъ приговоръ, никакого второго дѣлать, въ сущности говоря, и не нужно, и не придется. Одинъ изъ членовъ Государственной Думы, спрошенный газетнымъ интервьюеромъ въ тотъ день, когда было напечатано извѣстіе о привлеченіи Н. С. Чхеидзе, сказалъ, что это привлеченіе до конца полномочій четвертой Думы «останется висѣть въ воздухѣ», такъ какъ для лишенія депутата свободы нужно согласіе Государственной Думы, а она, «конечно, никогда не согласится съ установленіемъ отвѣтственности депутатовъ за произносимыя ими съ думской трибуны рѣчи». Съ готовностью вѣримъ, что Государственная Дума приложитъ всѣ усилія лично оградить г.г. Чхеидзе и Керенскаго, но развѣ суть вопроса въ ихъ личной отвѣтственности? Разъ они будутъ осуждены, «повиснетъ въ воздухѣ» то, что неизмѣримо важнѣе.

Мотивы совѣта министровъ, насколько они извѣстны изъ газетъ, свидѣтельствуютъ о полномъ тождествѣ воззрѣній министерской коллегіи съ воззрѣніями издателя «Гражданина».

Совѣтъ министровъ также точно въ основу своихъ сужденій положилъ обывательскій поводъ: нельзя допустить, чтобы депутаты, опираясь на свою, якобы, безнаказанность, вмѣсто обсужденія того или иного вопроса, произносили рѣчи, призывающія населеніе къ бунтовщическимъ дѣяніямъ, къ неповиновенію властямъ и т. п. Юридическимъ же фундаментомъ послужилъ выводъ изъ «разъясненія» сената по дѣлу о привлеченіи 33-хъ членовъ третьей Государственной Думы, подписавшихъ запросъ объ убійствѣ члена второй Думы А. Л. Караваева,—а именно, что безусловной свободы по нашему закону для членовъ Думы нѣтъ и что они безотвѣтственны за свои рѣчи лишь постольку, поскольку ихъ выступленія съ думской трибуны не нарушаютъ статей уголовнаго уложенія.

Это послѣднее соображеніе низводитъ членовъ Государственной Думы, по мѣткому замѣчанію «Дня», на «газетное положеніе». Дѣйствительно, 79 статья основныхъ законовъ гласитъ: «Каждый можетъ, въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять ихъ путемъ печати или иными способами». Насколько эта формула проблематична,—вопросъ другой. Принципъ, хотя бы голый, во всякомъ случаѣ, въ ней выраженъ совершенно опредѣленно: «каждый» имѣетъ свободу слова, поскольку свободное слово не воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, т.-е. поскольку говорившій не нарушилъ той или другой статьи уголовнаго уложенія. Въ чемъ же, по разсужденію совѣта министровъ, окажется разница между членами Государственной Думы и ораторами на митингахъ,—если свобода слова съ думской каѳедры принадлежитъ первымъ въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, въ какихъ она принадлежитъ «каждому»? Князю Мещерскому позволительно не понимать, о какой разницѣ между членами Государственной Думы и «каждымъ» можетъ быть разговоръ. Совѣтъ же министровъ не можетъ не знать статьи 14 Учрежд. Госуд. Думы и того, что, въ порядкѣ толкованія, не допустимо лишать смысла какое бы то ни было опредѣленіе закона. Въ ст. 14 говорится: «Члены Государственной Думы пользуются полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы». Если бы здѣсь шла рѣчь о той свободѣ высказывать свои мысли, о которой трактуется въ ст. 79 Основныхъ законовъ, т.-е. о свободѣ, ограниченной карательными правилами уголовнаго уложенія, то, очевидно, ст. 14-ая была бы не нужна и не имѣла бы юридическаго значенія. Но она существуетъ, — слѣдовательно, имѣетъ и значеніе, и смыслъ. И этотъ ея смыслъ исчерпывающе ясенъ: «каждому» принадлежитъ ограниченная, условная свобода высказывать свои мысли, а членамъ Государственной Думы «по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы, принадлежитъ свобода слова «*поляна*».

Юридическая логика, впрочемъ, для правительства неубѣдительна, какъ многократно заявлялъ И. Г. Щегловитовъ, подчеркивая, что авторитетъ сената для него выше аргументовъ В. А. Маклакова. Правда, послѣ того, какъ М. Г. Щегловитовъ развивалъ теорію подчиненія разъяснительнаго правотворчества сената интересамъ управленія, ссылаться правительству на авторитетъ сената стало нѣсколько рискованно. Но допустимъ, что «разъясненіе» по дѣлу 33-хъ членовъ третьей Думы не нарушаетъ смысла 14-й и слѣдующихъ статей Учреж. Гос. Думы; и, все-таки, изъ него нельзя дѣлать того вывода, который сдѣлалъ совѣтъ министровъ. Предметомъ жалобы г. Гололобова и другихъ было обвиненіе въ клеветѣ, т.-е. въ частно-правовомъ посягательствѣ. Для упрощенія вопроса, возьмемъ даже не этотъ казусъ, ибо противъ права г. Гололобова привлекать къ отвѣтственности членовъ Государственной Думы говоритъ то, что, какъ членъ Думы, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ тѣ средства опроверженія сообщенныхъ о немъ свѣдѣній, какими пользовались привлеченные. Возьмемъ самый простой случай, который имѣлъ мѣсто еще въ началѣ дѣятельности третьей Думы. Членъ Думы, отличающійся особенной склонностью ни съ чѣмъ не считаться, бросилъ клеветническій извѣтъ по адресу жены бывшаго министра. Потерпѣвшая реагировала презрѣніемъ. Но неужели можно считать нормальной безотвѣтственность въ такомъ примѣрѣ? Конечно, нѣтъ.

Посягательства публично-правовыя имѣютъ совершенно другую природу. Высказывая свое мнѣніе о преимуществахъ республиканскаго образа правленія, Н. С. Чхеидзе ничьего реальнаго интереса, ни частнаго, ни публичнаго не нарушилъ. И законъ конструируетъ отвѣтственность по 129 ст. угол. улож. не по признаку вреда причиненнаго, а по признаку вреда возможнаго. Если кто запрется въ своей комнатѣ и станетъ самому себѣ проповѣдывать архи-революціонныя идеи, то для уголовнаго закона онъ окажется недосягаемымъ. Н. С. Чхеидзе говорилъ публинно; но онъ говорилъ въ Думѣ. И это второе условіе для него погашаетъ полностью значеніе перваго. Съ обывательской точки зрѣнія въ такой двойственности есть неустранимое противорѣчіе; съ точки же зрѣнія государственной, безотвѣтственность членовъ Государственной Думы за публично-правовые эксцессы слова находитъ абсолютное оправданіе: высшему государственному интересу—возможности для представителей народа по долгу совѣсти и убѣжденію исполнять обязанности званія—приносится въ жертву опасность вреда, который при этомъ можетъ произойти.

Чтобы до конца оцѣнить значеніе привлеченія Н. С. Чхеидзе,—по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ отъ привлеченія А. Ф. Керенскаго

совѣтъ министровъ отказался, нельзя забывать, что если его будутъ судить, то—по закону, написанному тогда, когда самыя слова о представительствѣ считались преступленіемъ. 129-я статья «прикончила» свободную печать; она «прикончитъ» съ тѣмъ же успѣхомъ свободу сужденій членовъ Государственной Думы, какъ только они окажутся «на газетномъ положеніи». Обѣщаютъ, что примѣръ г. Чхеидзе не будетъ служить прецедентомъ. Да, для гг. Пуришкевича, Маркова и Замысловскаго, чуть не ежедневно взывающихъ къ лишенію Госуд. Думы законодательныхъ правъ и къ обостренію вражды между кореннымъ населеніемъ и инородцами, онъ прецедентомъ не будетъ. Они могутъ быть такъ же спокойны, какъ спокойны «Земщина», «Колоколъ» и т. д. для которыхъ преслѣдованія лѣвыхъ газетъ еще ни разу прецедентомъ не были.

Кромѣ авторитета сената, совѣтъ министровъ, по словамъ И. Л. Горемыкина, заручился предварительно и мнѣніемъ «компетентныхъ» юристовъ. Кто эти юристы,—именъ мы не знаемъ. Но дѣло, конечно, не въ именахъ. Рѣчь М. Г. Щегловитова по поводу реформы сената особенно поразила не содержаніемъ высказанныхъ имъ мыслей, а тѣмъ, что мысли, лежащія въ основѣ современной практики управленія, получили въ его словахъ теоретическую формулировку. «Интересы управленія», возведенные въ догматы, подчинили себѣ отнюдь не только органъ надзора за законностью. Они проникли въ университеты, гдѣ имѣется уже кадръ назначенныхъ правыхъ профессоровъ, выдающихъ за выводы науки то, что соотвѣтствуетъ злободневнымъ «интересамъ управленія». Они проникли въ печать—правда, въ субсидируемую, но всѣ ли и всегда ли могутъ сохранять въ памяти, когда и гдѣ они прочли запавшія въ голову сужденія и утвержденія? Нѣтъ ничего страннаго и въ томъ, что народилось множество «компетентныхъ» юристовъ, всегда готовыхъ склонить доводы юридическаго мышленія къ услугамъ тѣхъ же «интересовъ управленія».

Рѣшеніе совѣта министровъ привлечь къ судебной отвѣтственности Н. С. Чхеидзе есть одно изъ звеньевъ цѣлой цѣпи фактовъ, раскрывающихъ «новый курсъ». Въ цѣпь, какъ звенья, входятъ и отказъ И. Л. Горемыкина отвѣчать на обращаемые къ нему запросы Государственной Думы, и рѣчь М. Г. Щегловитова о допустимыхъ предѣлахъ самостоятельности сената, призваннаго «свободно» толковать законъ, «восполняя его недостатки», и заявленіе, сдѣланное Государственной Думѣ отъ лица правительства товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, барономъ Таубе. Сюда же входятъ награды чинами и орденами, которыя, въ ознаменованіе земскаго юбилея, щедро даны, черезъ три мѣсяца послѣ юбилея, членамъ Государ-

ственной Думы, принадлежащимъ къ правительственнымъ фракціямъ. На одномъ концѣ цѣпи манифестъ 17 октября и первая Дума, на другомъ—то, къ чему во имя своего «непониманія» взываетъ кн. Мещерскій и чего прямо безъ всякихъ ссылокъ на «непониманіе» или «пониманіе» требуютъ «Русское Знамя» и «Земщина»: измѣненіе основныхъ законовъ и возвратъ къ старому государственному строю. Смыслъ цѣпи заключается въ томъ, чтобы возвратъ произошелъ безъ шума, самъ собою,—безъ формальнаго законодательнаго акта.

Бар. Таубе именемъ правительства объявилъ Государственной Думѣ, что разъ ею возбужденъ вопросъ въ порядкѣ законодательной иниціативы, и разъ правительство выразило согласіе разработать соотвѣтственный законопроектъ, то иначе, какъ въ общемъ порядкѣ разсмотрѣнія вносимыхъ министрами законопроектовъ, вопросъ не можетъ получить дальнѣйшаго движенія. Объявилъ—и ушелъ. Трудно сказать, что было характернѣе въ этомъ выступленіи: содержаніе ли декларації бар. Таубе, или его немедленный уходъ послѣ произнесенія ея. Своимъ уходомъ бар. Таубе яснѣе яснаго подчеркнулъ, что онъ вовсе не собирался въ чемъ-либо убѣждать Государственную Думу или ей что-либо доказывать. Онъ объявилъ, а дальнѣйшее его не касается. Такъ полицеймейстеръ объявляетъ обывателямъ волю губернатора. Такъ властный говоритъ подвластнымъ. Дума отвѣтила *единогласнымъ* принятіемъ выработаннаго ею законопроекта, отъ участія въ разсмотрѣніи котораго бар. Таубе отказался. Но что же дальше?.. Ничего другого, кромѣ того, что это право думской иниціативы «ликвидировано». Больше его уже фактически не существуетъ. Право иниціативы законодательнаго учрежденія сведено къ праву земскаго собранія ходатайствовать о законодательныхъ реформахъ. Своимъ согласіемъ разработать законопроектъ министръ можетъ похоронить всякій вопросъ, возникшій по иниціативѣ тѣхъ, кто призваны къ творческой работѣ въ законодательствѣ.

Еще въ январѣ, когда чествовался пятидесятилѣтній юбилей земства, нельзя было не обратить вниманія, что въ спискѣ удостоенныхъ наградами было не мало именъ, передъ которыми, въ обозначеніи служебнаго положенія награжденныхъ, стояло слово «бывшій». Знающимъ составъ думскихъ октябристовъ, націоналистовъ и крайнихъ правыхъ, и безъ особаго упоминанія о «настоящемъ» положеніи и званіи всѣхъ этихъ «бывшихъ» предсѣдателей управъ, земскихъ начальниковъ, гласныхъ земскихъ собраній и т. д., тогда же бросилось въ глаза, что всѣ эти «бывшіе», за самыми немногими исключеніями, суть члены Государственной Думы. Но тогда моментъ чествованія юбилея заслонилъ собою необычный до сихъ поръ фактъ

примѣненія къ членамъ Думы мѣры служебнаго поощренія. Теперь, ко дню Пасхи, снова, въ ознаменованіе земскаго юбилея, награждены «бывшіе» чиновники,—они же «нынѣшніе» члены Государственной Думы. Досужіе люди подсчитали, что всего удостоено наградъ 76 членовъ Думы. И насколько поводъ къ наградѣ имѣлъ при этомъ условное значеніе, свидѣтельствуетъ то, что, въ числѣ другихъ, получилъ награжденіе чиномъ даже одинъ «бывшій» губернаторъ.—Земскія юбилейныя празднества были вѣдомственнымъ дѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ вѣдомствѣ того же министерства состояли, по ихъ прошлой дѣятельности, «бывшіе» земскіе начальники, предсѣдатели и члены управъ, земскіе гласные и губернаторы. Въ награжденіи членовъ Госуд. Думы, слѣдовательно, долженъ былъ участвовать актомъ представленія министръ внутреннихъ дѣлъ. Его иниціативѣ принадлежало выдѣлить изъ всей массы «бывшихъ» земцевъ тѣхъ, чья дѣятельность заслужила быть особенно отмѣченной. И руководствовался ли онъ, при этомъ, въ отношеніи членовъ Государственной Думы только ихъ прошлой дѣятельностью или учелъ и дѣятельность настоящую?—Для отвѣта на этотъ вопросъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ объективныхъ данныхъ.

Составители судебныхъ уставовъ проектировали, что судьи, во время нахожденія въ должности, не будутъ получать ни чиновъ, ни орденовъ. Въ этомъ, какъ и въ несмѣняемости судей, они усматривали залогъ независимости и самостоятельности суда. И въ первое время по введеніи судебной реформы завѣтъ ея авторовъ соблюдался. Потомъ онъ былъ оставленъ. Теперь о его возстановленіи, само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи: не только судъ низшій, но и сенатъ правительство органически связало съ собой, и мысль «оторвать сенатъ отъ правительства» министръ юстиціи считаетъ политической ересью. Когда создавалась Государственная Дума, ни кому и въ голову не приходило, что члены Думы будутъ подвергаться уголовнымъ карамъ за «мнѣнія и сужденія», высказываемыя съ думской каѳедры, и что въ порядкѣ суда и наказанія за «преступныя» рѣчи они будутъ досрочно лишаться данныхъ имъ избирателями полномочій. Тѣмъ менѣе могло тогда придти кому-либо въ голову, что министры будутъ представлять членовъ Государственной Думы къ наградамъ. Награды, съ одной стороны, и уголовныя кары,—съ другой, безъ труда и хлопотъ вводятъ законодательную Думу въ формулы государственнаго строя, которому органически чуждо представительство народа.

Какъ отвѣтитъ Государственная Дума на привлеченіе Н. С. Чхеидзе? Кадеты, прогрессисты и лѣвые октябристы ведутъ перего-

воры, какъ использовать, въ пѣляхъ протеста, бюджетныя права Думы. Въ засѣданіи 24 Апрѣля постановлено поручить судебной комиссіи доложить Госуд. Думѣ по прошествіи недѣли разсматриваемое комиссіей законодательное предположеніе прогрессистовъ о безотвѣтственности депутатовъ.

Новый управляющій министерствомъ финансовъ по двумъ основаніямъ не страшится уменьшенія доходовъ казны вслѣдствіе «упроченія трезвости». Во-первыхъ, онъ убѣжденъ, «что сбереженныя на потребленіи крѣпкихъ напитковъ народныя средства, оставаясь въ оборотѣ трудовой жизни и создавая новыя цѣнности, откроютъ иные, вполнѣ надежные источники для покрытія возрастающихъ государственныхъ расходовъ». Такъ гласилъ его циркуляръ. А, во-вторыхъ, онъ «имѣетъ полное основаніе предполагать, что, несмотря на принятіе правительствомъ серьезныхъ мѣропріятій по борьбѣ съ пьянствомъ, доходы отъ казенной продажи питей все-така будутъ прогрессивно увеличиваться въ размѣрѣ, приблизительно, до 50 милліоновъ рублей въ годъ». Такъ изъ «вполнѣ авторитетнаго источника» сообщала одна изъ конкуррирующихъ освѣдомленностью газетъ.

Не трудно догадаться, которое изъ этихъ двухъ основаній даетъ П. Л. Барку спокойствіе. Созданіе въ народномъ хозяйствѣ «новыхъ цѣнностей» дѣло далекаго будущаго. Да и весьма сомнительно, чтобы «новыя цѣнности» могли явиться слѣдствіемъ того «упроченія трезвости», которое къ милліарду нынѣшнихъ расходовъ населенія на водку будетъ давать ежегодное увеличеніе въ 50 милліоновъ рублей. Что и какъ окажется въ такомъ случаѣ «сбереженнымъ» и что останется «въ оборотѣ трудовой жизни»?...

«Пьяный бюджетъ» сейчасъ вызываетъ всеобщее осужденіе съ моральной стороны; а между тѣмъ еще большой вопросъ, лежитъ ли его главнѣйшій грѣхъ въ сторонѣ моральной, или въ финансовой. Государство въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ жило за счетъ развитія въ населеніи порочной привычки къ пьянству. Преслѣдуя интересы фиска, государство оставалось глухо къ приговорамъ сельскихъ обществъ о закрытіи винныхъ лавокъ. Оно не случайно, само собою разумѣется, и не по отсутствію средствъ противодѣйствія смотрѣло сквозь пальцы на чудовищный ростъ шинкарства. Не одни соображенія «охраннаго» свойства руководили имъ, когда оно устраняло земство и органы городского самоуправленія отъ попеченія о народной трезвости и поручало это дѣло безжизненнымъ и завѣдомо неопаснымъ для «пьянаго бюджета» казеннымъ попечительствамъ. Конечно, во всемъ

этомъ былъ и продолжаетъ оставаться великій грѣхъ. Но грѣхъ неменьшій былъ и есть въ томъ, что «пьяный бюджетъ» выкачивалъ и продолжаетъ выкачивать изъ крестьянской деревни милліардъ рублей, возвращая изъ него народу жалкіе гроши. Городское уличное пьянство назойливо бьетъ въ глаза. Суть, однако, не въ немъ, а въ той «послѣдней мужицкой копѣйкѣ», которая въ обмѣнъ на алкоголь безвозвратно изъемлется изъ «оборота трудовой жизни» и превращается въ безудержно растущій лѣсъ штыковъ.

Моральная точка зрѣнія на вопросъ о пьянствѣ имѣетъ несомнѣнныя удобства, ибо, оставаясь на ней, такъ легко и просто перейти отъ осужденія продающихъ водку къ осужденію покупающихъ. И если, даже не касаясь существа поставленныхъ на ближайшую очередь «серьезныхъ» правительственныхъ мѣропріятій по борьбѣ съ пьянствомъ, ограничиться приведенными двумя основаніями спокойнаго оптимизма П. Л. Барка,—то нельзя не признать, что въ сознаніи руководителя финансоваго вѣдомства такой переходъ уже совершился. Съ какой безнадежностью смотритъ онъ на проектируемыя „серьезныя мѣропріятія», если ожидаетъ, что, несмотря на ихъ «серьезность», доходы отъ народнаго пьянства, все-таки, будутъ прогрессивно увеличиваться на 50 милліоновъ рублей въ годъ? Какой ироніей звучитъ слово «серьезныя» въ приложеніи къ такимъ мѣропріятіямъ! Но П. Л. Баркъ, само собою разумѣется, безконечно далекъ отъ пронизированія. Отправное положеніе его безнадежнаго взгляда, очевидно, лежитъ въ моральной развращенности тѣхъ, кто пьетъ водку,—а изъ нихъ, тѣ кто пьетъ на «послѣднюю копѣйку», ибо милліардъ пьянаго бюджета слагается не изъ сотенъ рублей, пропиваемыхъ у «Кюба» или въ «Ярѣ», а изъ грошей, которые несетъ въ «казенки» кормилица казны—стомилліонная мужицкая деревня. Если же такъ, то что новаго обѣщаетъ новая политика въ вопросѣ о пьянствѣ? Былъ ли и при откупахъ, и при акцизной системѣ, и при казенной винной монополіи, хоть день, хоть часъ, въ который бы не раздавалось отовсюду: «деревня спилась»? Были ли хоть день, хоть часъ, когда замолкали разговоры о «серьезныхъ» мѣропріятіяхъ по борьбѣ съ пьянствомъ?

Вся разница въ этихъ дняхъ и часахъ была лишь въ томъ, что вопли и разговоры то слышались сильнѣе, то ослабѣвали. Въ своей дѣйствительно «серьезной» постановкѣ вопросъ о пьянствѣ всегда неизмѣнно оставался достояніемъ теоретической мысли изслѣдователей народной жизни и пламенныхъ мечтаній моралистовъ. Изъ выси ему не давалъ спуститься на землю «пьяный бюджетъ». И если въ настоящій моментъ глава финансоваго вѣдомства не

страшится уменьшенія доходовъ казны вслѣдствіе «упроченія трезвости», то это ярко свидѣтельствуетъ, что даже вдали не обозначаются контуры его разрѣшенія. Въ Россіи всѣ больные и роковые вопросы суть элементы всепокрывающаго крестьянскаго вопроса. «О деревнѣ говорятъ, что она хулиганская, развратная и пьяная. Я скажу, что деревня чиста, но она голодна. Мы участвуемъ здѣсь въ крупныхъ ассигновкахъ на оклады чиновникамъ, но ничего не даемъ на нужды крестьянъ»... Эти слова праваго депутата-крестьянина были нами приведены въ прошломъ мѣсяцѣ. Въ нихъ та единственная программа коренного разрѣшенія вопроса о пьянствѣ, которая намѣчена не годъ и не десять лѣтъ тому назадъ. «Деревня голодна», а государство выкачиваетъ изъ деревни силы и соки на нужды управленія; государство не вливаетъ въ деревню живительной влаги для ея правового, культурнаго и экономическаго подъема; деревня пьетъ отъ безысходной нужды, отъ бѣдности. Безъ полнаго отказа отъ пьянаго бюджета нѣтъ и не можетъ быть дѣйствительныхъ мѣропріятій по борьбѣ съ пьянствомъ. Если же перенесеніе налогового бремени на состоятельные классы населенія, при господствѣ тенденціи «объединеннаго» дворянства, невозможно; если сокращеніе потребленія вина «недопустимо», ибо оно нарушило бы интересы винокуренныхъ заводчиковъ; если ростъ милліарднаго расхода на вооруженныя силы не устранимъ,—то откуда и какъ придетъ «упроченіе трезвости»?

Изъ всѣхъ пока опредѣлившихся мѣропріятій нѣкоторое значеніе можетъ имѣть одно,—и то вѣрнѣе сказать, не мѣропріятіе, а обращеніе воздерживаться впредь отъ широко практиковавшагося правительственнаго мѣропріятія. П. Л. Баркъ рекомендовалъ не препятствовать удовлетворенію ходатайствъ сельскихъ обществъ о закрытіи винныхъ лавокъ. И ходатайства посыпались. Эта примитивная форма народной иниціативы въ дѣлѣ борьбы съ пьянствомъ сразу проявилась въ безчисленныхъ крестьянскихъ приговорахъ, изъ которыхъ большая часть не встрѣчаетъ, пока что, неизмѣннаго, какъ было до сихъ поръ, отказа. Удаленіе отъ населенія мѣстъ открытой продажи водки можетъ, однако, оказать дѣйствіе лишь при условіи сокращенія шинкарства,—т. е. при условіи не одного воздержанія правительства отъ мѣропріятій. Въ данномъ направленіи и со стороны управляющаго министерствомъ финансовъ, и со стороны министра внутреннихъ дѣлъ уже послѣдовали распоряженія о «бдительномъ» надзорѣ «за недопущеніемъ тайной продажи вина». Предположено, кромѣ того, привлечь самихъ крестьянъ къ участію въ изловленіи шинкарей путемъ выдачи денежнаго вознагражденія «открывателямъ».

Что касается «бдительнаго надзора», то опять нельзя отрѣшиться отъ вопроса: былъ ли хоть однажды изданъ циркуляръ о томъ, чтобы чины акцизнаго вѣдомства и полиціи не имѣли «бдительнаго надзора за недопущеніемъ тайной продажи вина»? И, однако, тайная продажа, какъ только прежняго кабатчика замѣнила не выбирающая патентовъ казна, расцвѣла. Слѣдовательно, корень вопроса о шинкарствѣ не въ распоряженіяхъ о «бдительномъ надзорѣ», а въ томъ другомъ, что неустрашимо диктуетъ «пьяный бюджетъ» Что кажется системы поощренія добровольныхъ открывателей шинкарства, то едва-ли можно привѣтствовать этотъ новый поводъ внутреннаго разлада, и безъ того обильно внесеннаго въ крестьянскую среду. Если бы стражники были не воинскими командами, разъѣзжающими по уѣзду и усиленно обучаемыми верховой ѣздѣ, и если бы они несли нормальныя полицейскія обязанности, то прибѣгать къ такой сомнительной системѣ не было бы никакой надобности. Уже десять лѣтъ нельзя говорить, что въ уѣздахъ полиціи нѣтъ; она есть, но только не тѣмъ занята, что составляетъ ея элементарную задачу.

Министерство юстиціи вноситъ законопроектъ объ усиленіи отвѣтственности за шинкарство и за совершеніе преступныхъ дѣяній въ состояніи опьяненія. Усиленіе уголовныхъ каръ—излюбленная современностью форма борьбы съ отрицательными фактами жизни. И можно сказать съ увѣренностью, что новый уголовный законъ не заставитъ себя ждать; но приведетъ ли онъ къ «упроченію трезвости»? А главное, будетъ ли онъ соотвѣтствовать тому, что прежде всего требуется отъ уголовнаго закона,—справедливости въ соотношеніи между содѣяннымъ и наказаніемъ, равно между индивидуальной виновностью лица и уголовными послѣдствіями дѣянія.

Будутъ ли шинкари подвергаться аресту или тюремному заключенію, разницы въ отношеніи шинкарства,—если «бдительный надзоръ» станетъ дѣйствительностью или, наоборотъ, если интересы бюджета пересилятъ благія намѣренія,—не произойдетъ. Шинкари повѣсятъ расцѣнку продаваемой ими водки, сообразно большему риску «предпріятія», — и только. Законопроектъ, впрочемъ, не въ отношеніи усиленія каръ за шинкарство останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе. Главное, что заставляетъ возражать,—это вторая его часть. Какъ ни относиться къ пьянству, въ смыслѣ общественнаго явленія и народнаго порока, состояніе опьяненія есть, во всякомъ случаѣ, состояніе, затемняющее сознаніе. Затемненіе сознанія можетъ быть полнымъ, и тогда человѣкъ, совершившій въ состояніи опьяненія преступное дѣяніе, ничѣмъ не отличается отъ

душевно-больного. Оно можетъ быть неполнымъ,—и тогда самъ собою возникаетъ вопросъ о неполной отвѣтственности, т. е. о наличности уменьшающаго вину обстоятельства. Еще въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича предписывалось назначать уменьшенныя наказанія за преступленія, совершенныя «по пьяному дѣлу». Въ артикулахъ Петра Великаго содержалось противоположное начало о наказаніи виновныхъ въ «смертномъ убійствѣ», учиненномъ въ состояніи опьяненіи, съ «вящшею жестокостью», ибо «пьянство никого не извиняетъ, понеже онъ уже въ пьянствѣ непристойное дѣло учинилъ». Дѣйствующій законъ устанавливаетъ, какъ общее правило, что состояніе опьяненія, при опредѣленіи размѣра наказанія, не принимается во вниманіе ни въ ту, ни въ другую сторону, если только виновный не привелъ себя въ это состояніе именно для того, чтобы совершить преступленіе. Но въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ состояніе опьяненія влечетъ значительное смягченіе наказанія. Такъ, напримѣръ, при оскорбленіи величества и богохуленіи, наказаніе котораго при условіи совершенія преступленія «по неразумію, невѣжеству или въ состояніи опьяненія», понижается до ареста. Очевидно, эти случаи и предположено наказывать сильнѣе.

Второй и третій дни Пасхи были объявлены днями трезвости. По улицамъ Петербурга торжественно проходили крестные ходы, въ церквахъ служились молебны, казенныя винныя лавки, частные винные погреба и трактиры, кромѣ самыхъ дорогихъ ресторановъ, были закрыты, на борьбу съ пьянствомъ производился кружечный сборъ, въ различныхъ учрежденіяхъ происходили соотвѣтственныя чтенія. Итогъ, однако, получился весьма, чтобы не сказать болѣе, скромный. Въ крестныхъ ходахъ была масса участниковъ, а тѣхъ, кто сопровождали крестные ходы, нельзя было назвать даже толпой. Любыя «пышныя» похороны сопровождаетъ гораздо больше народа. Пьяныхъ за эти дни было доставлено въ больницы и полицейскіе участки ничуть не меньше обычнаго. Сборъ далъ гроши. Мѣста у буфетныхъ стоекъ на вокзалахъ, гдѣ торговля водкой не была прекращена, брались съ бою. На четвертый день Пасхи рабочіе многихъ заводовъ и фабрикъ объявили забастовку, мотивируя отказъ отъ работы тѣмъ, что вслѣдствіе закрытія мѣстъ продажи спиртныхъ напитковъ въ предшествующіе два дня, они лишены были возможности привычнымъ образомъ провести праздничные дни.

Этотъ итогъ попытки демонстрировать борьбу съ пьянствомъ наводитъ на сложныя размышленія; и прежде всего онъ говоритъ о томъ, что по нашимъ условіямъ, власти нельзя браться за мѣры моральнаго воздѣйствія. Въ нашей жизни создалось глубокое различіе между тѣмъ, что можетъ и не можетъ быть предметомъ пра-

вительственныхъ мѣропріятій. Все, что демонстрировалось 7 и 8 апрѣля, имѣло ясно выраженный казенный характеръ, и это опредѣлило собой неудачу дней трезвости. Въ Петербургѣ есть исключительно популярный проповѣдникъ трезвости—Іоаннъ Чуриковъ. Его послѣдователей и почитателей десятки тысячъ. И легко представить себѣ, какое количество народа сопровождало бы уличное шествіе въ честь трезвости, если бы онъ шелъ во главѣ. Но какъ разъ съ днями Пасхи совпало усиленное гоненіе на него. Онъ былъ лишенъ права принимать приходившихъ къ нему христосоваться.

Особымъ присутствіемъ петербургской судебной палаты осужденъ пользующійся широкой извѣстностью ученый, проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ. Палата признала его виновнымъ по 129-й ст. уголовн. улож. за изданіе и распространеніе брошюры «Національные и территоріальные признаки автономіи» и приговорила къ заключенію въ крѣпости на два года. Тѣмъ же приговоромъ судебная палата оправдала его въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1034[4] ст. улож о нак., т. е. въ распространеніи ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ, возбуждающихъ въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе.

Практическаго значенія оправдательная часть приговора не имѣла и не имѣетъ, ибо если бы проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ и былъ признанъ виновнымъ по ст. 1034[4], то наказаніе за это дѣяніе, какъ меньшее, было бы поглощено наказаніемъ по ст. 129-ой. Несмотря на это, старшій предсѣдатель палаты г. Крашенинниковъ приложилъ къ приговору безпримѣрное по содержанію и по включеннымъ въ него выраженіямъ особое мнѣніе. Срывая завѣсу съ того, что происходило въ совѣщательной комнатѣ, онъ воспроизводитъ аргументы, которыхъ не раздѣлило большинство состава присутствія, и въ доказательство завѣдомой лживости свѣдѣній, сообщенныхъ проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ о дѣйствіяхъ представителей правительства,—по сообщенію «Права»,—пишетъ, между прочимъ: «что они завѣдомо ложныя, не должно быть сомнѣнія при условіи, что авторомъ брошюры является чуть ли не 70-ти лѣтній старецъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ русской службы, профессоръ русскаго университета, а не полутемный рабочій и не пылкій юноша, способный вѣрить революціоннымъ листкамъ и временнымъ изданіямъ 1906 и 1907 гг., съ такой настойчивостью и ненавистью кричавшимъ, что еврейскіе погромы—дѣло рукъ русскаго правительства». Далѣе г. Крашенинниковъ называетъ проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ «этимъ инородцемъ», «ослѣпленнымъ ненавистью» къ Россіи, хотя и «все отъ нея получившимъ».

Столь же рѣшительны и рѣзки выраженія г. Крашенинникова по адресу большинства особаго присутствія палаты. Онъ детально разбираетъ мысли и доводы, которыми руководилось большинство, и заявляетъ: «По всѣмъ этимъ соображеніямъ, я съ оправданіемъ Бодуэнъ-де-Куртенэ по 3 п. 1034[4] ст. согласиться не могу, и вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая такое оправданіе за актъ неправосудный, а доводы, положенные въ его основу, за примитивно-неправильные, считаю нужнымъ подать особое мнѣніе, чтобы обѣлить себя отъ всякаго участія въ означенномъ актѣ, покоящемся, съ моей точки (зрѣнія, на недомысліи, для суда совершенно недопустимомъ» «Право» № 16).

Въ совѣщательной комнатѣ каждаго судебнаго мѣста ежедневно происходятъ споры. Но можетъ ли тотъ судья, чье мнѣніе не восторжествовало, называть приговоръ, постановленный вопреки его мнѣнію, актомъ «неправосуднымъ» и покоющемся на «недомысліи»? Неправосудіе есть терминъ уголовнаго закона, обозначающій опредѣленную разновидность преступнаго дѣянія по службѣ. Если приговоръ названъ «неправосуднымъ» актомъ, то тѣмъ самымъ постановившимъ его судьямъ предъявлено обвиненіе въ «неправосудіи». Въ порядкѣ сообщенія подлежащей власти о преступномъ дѣяніи лицъ, входившихъ въ составъ большинства особаго присутствія палаты, г. Крашенинниковъ имѣлъ формальное право донести о совершенномъ ими неправосудіи. Но форма такого донесенія— отнюдь не особое мнѣніе, ибо ни приговоръ, ни приложенное къ нему особое мнѣніе, безъ жалобы или протеста, высшей власти на ревизію не представляются. Да и не съ этой цѣлью писалъ особое мнѣніе г. Крашенинниковъ. Онъ его написалъ, дабы «обѣлить себя», — значитъ, заботился о себѣ, а не объ уголовномъ преслѣдованіи не раздѣлившихъ его мнѣнія членовъ палаты и сословныхъ представителей. Но если такъ, то онъ, очевидно, не имѣлъ права именовать приговоръ актомъ «неправосуднымъ», и слова «актъ неправосудный», равно «недомысліе», являются въ его особомъ мнѣніи ничѣмъ инымъ, какъ тѣми «укорительными» выраженіями, при наличности которыхъ законъ возбраняетъ давать ходъ даже исковому прошенію.

Съ точки зрѣнія судебной этики, особое мнѣніе г. Крашенинникова наиболѣе обращаетъ вниманіе тѣмъ, что оно представляетъ собою документальное изложеніе опроверженія соображеній, не зафиксированныхъ ни въ какомъ документѣ. Существуютъ два типа уголовныхъ приговоровъ: приговоры неокончательные и окончательные. Первые постановляются по дѣламъ, подлежащимъ апелляціонному пересмотру, и потому содержатъ въ себѣ подробное раз-

витіе мотивовъ. Вторые постановляются по дѣламъ, неподлежащимъ пересмотру по существу, и потому, въ отношеніи признанія подсудимаго виновнымъ или не виновнымъ, не мотивируемы. Особое присутствіе судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, подобно суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, постановляетъ окончательные, и потому немотивированные, приговоры. Слѣдовательно, г. Крашенинниковъ извлекъ соображенія, которыми руководствовалось большинство особаго присутствія, не изъ приговора, а изъ своей памяти. Насколько онъ точно и вѣрно ихъ воспроизвелъ,—неизвѣстно; насколько отразился на ихъ формулировкѣ его субъективизмъ,—тоже. Слѣдовательно, съ другой стороны, г. Крашенинниковъ вскрылъ тайну тѣхъ сужденій, которыя должны были остаться за дверями совѣщательной комнаты.

В. Кузьминъ-Караваевъ.

---

7 апрѣля въ Кіевѣ, 73 лѣтъ, скончался извѣстный ученый—филологъ и выдающійся украинскій общественный дѣятель, членъ-корреспондентъ Академіи наукъ К. П. Михальчукъ. Поучительна судьба этого человѣка, имя котораго ставится рядомъ съ именами Житецкаго, Потебни, Миклошича и другими свѣтилами въ области славянскаго языкознанія. К. П. Михальчукъ—уроженецъ Кіевской губ. Этапы его образованія—сельская школа, гимназія, университетъ. Впереди—профессура, кабинетный спокойный трудъ въ любимой области изслѣдованія древнихъ и современныхъ южно-русскихъ говоровъ и нарѣчій. Но у К. П. Михальчука было «но», которое, по русскимъ условіямъ, коверкало жизнь многихъ выдающихся людей. Это «но» выразилось въ томъ, что ему мало было кабинетной науки, а нужна была еще общественная дѣятельность. Онъ примкнулъ къ украинскому народничеству 60-хъ годовъ, и этотъ фактъ уничтожилъ для него возможность отдать всѣ свои силы научной работѣ. Ярлыкъ неблагонадежности сдѣлалъ то, что первоклассный ученый, для того чтобы не остаться безъ средствъ къ существованію, вынужденъ былъ принять мѣсто бухгалтера на одномъ изъ кіевскихъ пивоваренныхъ заводовъ. Въ этомъ званіи Михальчукъ пробылъ свыше сорока лѣтъ, посвящая научнымъ трудамъ лишь небольшіе досуги, остававшіеся отъ бухгалтерскихъ занятій. Но и то, что имъ сдѣлано въ эти досуги, оказалось достаточнымъ, чтобъ имя его вошло въ исторію русской, въ частности, украинской науки. Главной научной заслугой К. П. Михальчука были его многочисленные, разсыпанные въ различныхъ

спеціальныхъ изданіяхъ, работы по исторіи украинскаго языка и народа. Извѣстна его полемика со взглядами Погодина и Соболевскаго, а также его «Открытое письмо къ А. Н. Пыпину». Изъ трудовъ по статикѣ украинской діактологіи упомянемъ работу: «Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины». Авторитетъ К. П. Михальчука, какъ знатока украинскаго языка, стоялъ въ ученыхъ кругахъ такъ высоко, что академія наукъ поручила ему написаніе «Программы для собиранія особенностей украинскихъ говоровъ», изданной потомъ отъ имени академіи. Какъ общественный дѣятель, онъ являлся носителемъ чистаго народничества 60-хъ годовъ, представителями котораго въ тогдашнемъ украинскомъ обществѣ были Антоновичъ и болѣе молодой Драгомановъ—до его эмигрированія за границу. Кстати упомянуть: самый вопросъ объ эмиграціи Драгоманова рѣшенъ былъ въ собраніи кіевской «Громады» на квартирѣ Михальчука. Въ личныхъ отношеніяхъ К. П. Михальчукъ былъ обаятельный человѣкъ, до самой смерти сохранившій ту кристальную чистоту сердца и ясную свѣжесть ума, которая такъ характерна для лучшихъ представителей 60-хъ годовъ.

М. Сл.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Борисъ Садовской. Самоваръ. Москва. Кн-ство „Альціона“. 1914 г. Ц. 75 к.

Сборникъ стиховъ, посвященныхъ русскому самовару. Надъ стихами вьется улыбка автора, но явно теплится и благодарное, искреннее чувство, которое нашло гибкую музыку и привлекательные образы, чтобы воспѣть уютный, интимный „гулъ и шопотъ“ самовара. На „Самоварѣ“ г. Садовского явственны блики солнца русской поэзіи—Пушкина.

Михаилъ Пришвинъ. Славны бубны и др. разсказы. Изданіе т-ва „Знаніе“. Спб., 1914 г. Ц. 1 р. 25 к.

Немножко досадно, когда читаешь въ первомъ разсказѣ, что авторъ въ черноморскомъ экспрессѣ пріѣхалъ въ Симферополь. Но потомъ эта беззаботность къ точности вещей начинаетъ казаться привлекательной. Авторъ любитъ сочныя словечки изъ гущи природы и быта,—однако, еще больше любитъ онъ свое настроеніе, свои плывучія чувства, которыя при каждомъ впечатлѣніи спѣшатъ подняться надъ предметами и создать изъ словъ и звуковъ, закипающихъ въ воображеніи, свое, нѣсколько капризное, кокетливое и своеобразное отраженіе жизни. Это—не плоская фотографія и это не спокойное творчество, которое высоко поднимается надъ жизнью. Это близкое, поэтическое, торопливое преломленіе красокъ и звуковъ земли. Очерки Крыма въ этомъ смыслѣ интересны, привлекательны своей свѣжестью, чуточку напоминая Гамсуна и чуточку вызывая досаду нѣкоторой изломанностью стиля.

И. Ж-нъ.

А. Купринъ. Дѣтскіе разсказы. Москва, 1914 г. Ц. 2 р. 25 к.

Русскіе писатели почти не пишутъ разсказовъ для дѣтей, и А. И. Купринъ является рѣдкимъ исключеніемъ среди нихъ. Въ книгу вошло семь разсказовъ, изъ которыхъ самый большой и самый „по-дѣтски“ трогательно написанный—„Бѣлый пудель“, въ которомъ разсказаны приключенія бродячей „труппы“, состоящей изъ старика-шарманщика, мальчика-акробата и собаки-актера. Изъ другихъ разсказовъ отмѣтимъ очеркъ „Въ нѣдрахъ земли“, гдѣ описывается жизнь горнорабочихъ юга Россіи, а также разсказъ „Чудесный докторъ“, въ которомъ въ беллетристической формѣ переданъ трогательный эпизодъ изъ врачебной практики Н. И. Пирогова. Книга издана хорошо и украшена многочисленными отличными иллюстраціями художника М. Соломонова.

М. Сл.

Толстовскій ежегодникъ. 1913 года. Спб., 1914 г. Стр. 30+152++79+80+104. Ц. 3 р.

Третій, по счету, ежегодникъ, издаваемый совмѣстно двумя Толстовскими обществами — петербургскимъ и московскимъ, отличается богатствомъ и разнообразіемъ содержанія. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены писанія Льва Толстого, нигдѣ еще не напечатанныя, и въ томъ числѣ любопытный варіантъ къ „Крейцеровой сонатѣ“; второй отдѣлъ содержитъ письма къ гг. Черткову и Бирюкову о „Посредникѣ“ и литературѣ для народа, съ предисловіемъ А. М. Хирьякова и съ примѣчаніями А. К. Чертковой, а также письма къ разнымъ лицамъ; затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ воспоминаній о

Толстомъ—отрывки изъ записокъ графини С. А. Толстой, изъ дневника В. Г. Черткова, воспоминанія Ю. О. Якубовскаго, Н. А. Морозова, В. Ѳ. Булгакова и А. П. Сергѣенко; въ пятомъ отдѣлѣ—статьи гг. Шохоръ-Троцкаго („Сютаевъ и Бондаревъ"), А. М. Хирьякова („О вліяніи Л. Н. Толстого"), проф. И. Оршанскаго (по поводу „Крейцеровой сонаты"), В. Ѳ. Булгакова (о библіотекѣ Толстого) и письмо Толстого къ Бондареву. Въ концѣ книги, кромѣ хроники (съ октября 1912 г. по октябрь 1913 г.) и отчета Толстовскаго музея за 1912—13 годъ, обращаетъ на себя вниманіе подробная библіографія за 1912 годъ, составленная подъ редакціею А. Л. Бема и занимающая болѣе 60 печатныхъ страницъ.

Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ. Подъ редакціей проф. А. С. Венгерова. I. Спб., 1914 г. Стр. 24+239. Ц. 1 р. 25 к.

Новое литературное начинаніе С. А. Венгерова связано съ дѣятельностью организованныхъ имъ трехъ Пушкинскихъ семинаріевъ въ петербургскомъ университетѣ, на высшихъ курсахъ и въ психоневрологическомъ институтѣ. Первый выпускъ этого интереснаго сборника заключаетъ въ себѣ, кромѣ весьма содержательной вступительной статьи редактора, четыре реферата: А. Л. Бема о вліяніи Шатобріана на Пушкина, А. С. Долинина-Искоза—о „Цыганахъ", Н. М. Колобовой—о природѣ въ поэзіи Пушкина и В. А. Краснова—объ отношеніи Пушкина къ Байрону. Остальная часть сборника посвящена обзору занятій университетскаго семинарія за пятилѣтіе съ 1908 года, а также изложенію темъ и программъ дальнѣйшихъ работъ, изъ которыхъ наибольшее значеніе имѣетъ планъ составленія словаря пушкинскаго языка. По словамъ проф. Венгерова, у него имѣется уже готовый матеріалъ для четырехъ выпусковъ, и въ виду прочно установившагося и все больше возрастающаго у насъ интереса къ Пушкину, можно надѣяться, что изданіе не ограничится предположеннымъ количествомъ сборниковъ.

Л. С.

Сочиненія Н. И. Пирогова. Томъ I. 2-ое юбилейное изданіе. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 2 р.

Первое юбилейное изданіе (3-ье посмертное) педагогическихъ и публицистическихъ статей Пирогова вышло въ 1910 г. И то, что въ 1914 г. понадобилось уже второе ихъ изданіе, указываетъ, насколько цѣнны и своевременны онѣ и нынѣ, насколько онѣ не потеряли не только историко-общественнаго, но и прямо актуальнаго характера. Въ особенности это живо чувствуется при чтеніи нѣкоторыхъ статей педагогическаго характера, какъ, напримѣръ, статьи по университетскимъ вопросамъ, о воскресныхъ школахъ и др. Второе изданіе значительно отличается отъ перваго и много полнѣе его: въ немъ 28 новыхъ статей и замѣтокъ; кромѣ того, объединены вмѣстѣ и расположены хронологически всѣ педагогическія статьи выдѣлены въ особый подъотдѣлъ докладныя записки и оффиціальныя письма, сведены въ одну статью административно педагогическіе циркуляры и т. д. Переработаны также и примѣчанія редактора изданія. Редакція какъ перваго, такъ и второго юбилейнаго изданія принадлежитъ С. Штрайху, любовно и добросовѣстно исполнившему свою задачу. Къ книгѣ приложены два превосходныхъ портрета великаго врача и замѣчательнаго общественнаго дѣятеля своего времени. Цѣну книги (1010 страницъ большого формата въ два столбца четкаго, хорошаго текста) надо признать весьма дешевой.

М. Сл.

Н. Карѣевъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Изд. 2-ое, съ добавленіями. Спб., 1914 г. Стр. XI+574. Ц. 3 р.

Извѣстный трактатъ проф. Н. И. Карѣева, вышедшій первымъ изданіемъ въ 1890 году, былъ задуманъ первоначально въ видѣ третьяго тома его „Основныхъ вопросовъ философіи исторіи", но составилъ въ дѣйствительности самостоятельное сочиненіе, которое и перепечатано теперь съ незначительными добавленіями (стр. 554 — 574). Огромный литературно-философскій матеріалъ, разработанный авторомъ

придаетъ его книгѣ прочную цѣнность, но не можетъ, конечно, считаться исчерпывающимъ крайне сложный вопросъ о роли личности въ исторіи въ связи съ сущностью историческаго процесса. Это сознавалъ и самъ авторъ, который, упомянувъ объ общихъ теченіяхъ исторической жизни и о „духѣ времени“, закончилъ свое изслѣдованіе словами: „Я полагаю, кромѣ того, что и самая роль личности въ исторіи можетъ быть понята наилучшимъ образомъ именно при изслѣдованіи вопроса о томъ, какъ создается „духъ времени“ и отчего происходятъ переломы въ общихъ теченіяхъ исторической жизни. Указывая на это, я только намѣчаю вопросъ, который мнѣ хотѣлось бы разработать въ отдѣльномъ сочиненіи“. Книга распадается на двѣ части, — въ первой говорится о личности въ прагматической исторіи, а во второй, — о личности въ культурной исторіи; въ двухъ заключительныхъ главахъ разсматривается взаимодѣйствіе прагматизма и культуры; сверхъ того, въ концѣ каждой части дѣлается краткій общій обзоръ ея содержанія, чѣмъ значительно облегчается усвоеніе читателемъ излагаемыхъ идей.

А. И. Елистратовъ. Основныя начала административнаго права. Москва, 1914. Стр. 332. Ц. 2 р. 50 к.

Въ краткомъ и весьма содержательномъ предисловіи профессоръ Елистратовъ объясняетъ причины, препятствующія у насъ догматической разработкѣ русскаго административнаго права. Дѣло въ томъ, что самаго этого права въ западно-европейскомъ смыслѣ слова у насъ почти не существуетъ. Трудно предпринимать „построеніе публично-правовыхъ институтовъ на почвѣ законодательства страны, гдѣ нѣтъ еще цѣльной и правильно функціонирующей системы административной юстиціи и гдѣ немногіе разрозненные элементы новаго правопорядка теряются въ вѣковыхъ наслоеніяхъ стараго полицейскаго права“. Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, административное право еще не находитъ въ Россіи нормальныхъ условій для своего развитія, несмотря на провозглашеніе конституціоннаго начала и на функціонированіе вновь образованныхъ законодательныхъ учрежденій. Поэтому въ своемъ университетскомъ курсѣ проф. Елистратовъ выдвигаетъ на первый планъ „изученіе основныхъ началъ административнаго права на основаніи болѣе развитыхъ законодательствъ нашего времени“, въ связи съ посильною разработкою соотвѣтственныхъ матеріаловъ русскаго положительнаго законодательства и частью практики“. Книга заключаетъ въ себѣ много свѣдѣній и указаній, которыя были бы весьма полезны и поучительны для руководителей нашей администраціи, если бы послѣдніе интересовались общими вопросами и задачами государственнаго управленія.

С. А. Алексѣевъ (Аскольдовъ). Мысль и дѣйствительность. Москва, 1914 г. Стр. 387. Ц. 1 р. 80 к.

Изслѣдованіе г. Алексѣева посвящено основнымъ вопросамъ философіи или, вѣрнѣе, метафизики въ современномъ ея видѣ. Авторъ горячо полемизируетъ противъ направленій, опирающихся на Канта, и рѣшительно отвергаетъ ихъ „чрезмѣрныя притязанія“, которыя находятъ благопріятную почву и въ нашей философской литературѣ; „по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи,—говоритъ онъ,—особенно среди начинающихъ философовъ весьма распространено убѣжденіе, что высшія и окончательныя рѣшенія по философскимъ вопросамъ исходятъ именно изъ Марбурга и Фрейбурга“. Г. Алексѣевъ предпочитаетъ вернуться къ „категорическому признанію принципа матеріи въ аристотелевскомъ смыслѣ“ и усматриваетъ въ этомъ „не отказъ отъ спиритизма, какъ общаго направленія, а скорѣе его углубленіе и расширеніе“. Впрочемъ, въ первыхъ же словахъ своего „введенія“ онъ констатируетъ тотъ безспорный фактъ, что „философія за все время своего существованія не пришла ни къ чему общепризнанному, не установила ни одного общеобязательнаго положенія“. Съ этой точки зрѣнія и спеціальные взгляды г. Аскольдова имѣютъ право на существованіе и могутъ заинтересовать читателей, склонныхъ къ обсужденію метафизическихъ проблемъ.

Л. С.

Исторія латинской литературы отъ ея начала до VI вѣка нашей эры, написанная Е. Нажоттомъ. Пер. З. Н. Шамониной. Съ предисловіемъ академика Ѳ. Е. Корша. Москва, 1914 г. Ц. 2 р.

Книга Е. Нажотта написана спеціально для французскихъ читателей; изложеніе латинской литературы онъ уясняетъ параллельными явленіями французской; пріемы и методы его приспособлены къ таковымъ же въ области преподаванія и изученія

древнихъ языковъ и литературы во французской школѣ. Тѣмъ не менѣе авторъ предисловія къ переводу, вслѣдъ за проф. Г. А. Ивановымъ, справедливо полагаетъ, что, при скудости русской филологической литературы, книга Нажотта является хорошимъ руководствомъ къ изученію латинской литературы для начинающихъ. Единственный хорошій учебникъ римской литературы на русскомъ языкѣ проф. Модестова не можетъ служить этой цѣли, какъ разсчитанный на читателей съ болѣе или менѣе спеціальной подготовкой, въ чемъ не нуждается читатель книги Нажотта. Книга эта написана яснымъ, популярнымъ языкомъ; въ переводѣ сдѣлано все, чтобы приблизиться къ подлиннику. Книга иллюстрирована многочисленными бюстами авторовъ, сценами изъ ихъ произведеній и пр.

М. Сл.

С. Первушинъ. Пониженіе курсовъ государственныхъ и гарантированныхъ фондовъ на Западѣ и повышеніе ихъ въ Россіи (1903—12 г.). Ярославль, 1913 г.

Эта небольшая статистическая работа имѣетъ задачей объяснить, почему въ Россіи, въ противоположность тому, что наблюдается на Западѣ, курсы государственныхъ бумагъ въ теченіе послѣднихъ 12—15-ти лѣтъ не падаютъ, а возвышаются. Сопоставляя различныя цифровыя данныя, авторъ приходитъ къ заключенію, что непосредственной причиною указаннаго явленія (равно какъ и еще болѣе выраженнаго факта повышенія курса дивидендныхъ бумагъ) было повышеніе спроса на всякаго рода фонды вслѣдствіе быстраго накопленія въ Россіи свободныхъ капиталовъ, и сокращеніе предложенія государственныхъ бумагъ путемъ помѣщенія въ послѣднія вкладовъ сберегательныхъ кассъ. Причины же быстраго накопленія (и обращенія) капиталовъ авторъ, съ большею или меньшею доказательностью, усматриваетъ въ хорошихъ урожаяхъ, высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, разслоеніи среднихъ крестьянскихъ группъ и въ растущемъ вовлеченіи деревни въ денежный оборотъ, между прочимъ, путемъ распространенія въ сельскихъ мѣстностяхъ кредитныхъ учрежденій разнаго рода.

В. В.

Украинскій вопросъ. Изд. редакціи журнала „Украинская Жизнь“. Спб., 1914 г. Цѣна 75 к.

Цѣль книжки—дать русскому обществу матеріалъ для установленія правильнаго принципіальнаго отношенія къ украинскому вопросу. Задача ея—разсѣять скопившіяся около украинскаго вопроса предубѣжденія и недоразумѣнія, раскрыть тѣсную связь украинскаго движенія съ глубокими корнями народной жизни и доказать совмѣстимость удовлетворенія украинскихъ стремленій съ общегосударственными интересами. Въ книжкѣ данъ точный анализъ и полный учетъ особности украинскаго народа въ области антропологической, этнографической, языковой и исторической; приведены данныя развитія украинскаго національнаго движенія въ прошломъ и настоящемъ, дана сводка національныхъ пріобрѣтеній украинскаго народа, опредѣлена структура украинскаго движенія и его политическія и культурныя перспективы. Въ послѣднемъ раздѣлѣ книжки говорится объ отношеніи украинства къ русской государственности и культурѣ, констатируется неудача вѣковой политики насильственной ассимиляціи, дается реестръ тяжелыхъ, вредныхъ послѣдствій этой политики для дѣла просвѣщенія и экономическаго благосостоянія украинскихъ народныхъ массъ, составляющихъ около одной пятой населенія всего русскаго государства. Книжка написана въ спокойномъ тонѣ, лишена запальчивости и полемическихъ эксцесовъ; доказательства подобраны изъ области фактовъ и цифръ, сужденія подкрѣплены ссылками на авторитеты, стоящіе внѣ сомнѣній. Такая книжка давно уже нужна была, какъ противовѣсъ, съ одной стороны, злостнымъ выдумкамъ и грубому нападенію со стороны націоналистическихъ политическихъ дѣятелей и публицистовъ; съ другой—какъ отвѣтъ на нѣкоторыя выступленія изъ прогрессивнаго лагеря, порожденныя глубокимъ непониманіемъ и прямымъ незнаніемъ реальныхъ условій и цѣлей украинскаго движенія.

Къ книгѣ, задача которой служить введеніемъ въ изученіе украинскаго вопроса, приложенъ краткій списокъ сочиненій и работъ на русскомъ (частью и на украинскомъ) языкѣ, могущихъ служить источниками для болѣе серьезнаго ознакомленія съ движеніемъ, поставившимъ своею цѣлью національное возрожденіе украинскаго народа.

М. Сл.

В а с. С. Г о л у б е в ъ. По земскимъ вопросамъ. 1901—1911. Посмертное изданіе. Томъ II. Спб., 1914 г. Цѣна за два тома 5 р.

Во второй томъ посмертнаго изданія статей В. С. Голубева включены его статьи по земскимъ вопросамъ, помѣщенныя въ „Вопросахъ Жизни“ въ „Беззаглавіи“, въ „Московскомъ Еженедѣльникѣ“ и въ „Русской Мысли“. Самыя разнообразныя „земскія“ темы затронуты покойнымъ авторомъ, начиная съ вопроса о соотношеніи общегосударственнаго строительства и земскаго самоуправленія и оканчивая вопросомъ о земскихъ телефонахъ. Но вездѣ и во всемъ красной нитью проходитъ мысль о „первостепенной важности“ широкаго, демократическаго самоуправленія „для воспитанія въ народѣ чувства независимости, самостоятельности, пониманія и интереса къ политической и общественной жизни“; кромѣ того, „въ Россіи,—по убѣжденію автора,—массовая культура творится по преимуществу черезъ земство“. Поднятые В. С. Голубевымъ теоретическіе, а въ особенности практическіе вопросы земской жизни, не потеряли своей злободневности и нынѣ, и друзья автора, по иниціативѣ которыхъ, собраны и изданы „земскія“ статьи В. С. Голубева, соорудили прекрасный памятникъ безвременно скончавшемуся ихъ автору.

М. Сл.

Э к с к у р с і я н а У р а л ъ. Подъ редакціей В. Е. Герневича. Съ иллюстраціями. Харьковъ, 1914 г. Стр. 103. Ц. 80 к.

Въ этомъ сборникѣ помѣщены статьи учениковъ и преподавателей Харьковскаго коммерческаго училища, участвовавшихъ въ лѣтней экскурсіи на Уралъ въ 1913 г. Число участниковъ было весьма ограниченное,—всего восемь учениковъ старшихъ классовъ, при трехъ руководителяхъ и двухъ операторахъ, завѣдывавшихъ кинематографической съемкою. Такая малолюдность экскурсіи зависѣла не отъ недостатка желающихъ, а вызывалась, по словамъ руководителей, „во-первыхъ, длиннымъ маршрутомъ, и во-вторыхъ, чисто-техническими трудностями во время сплава по-Чусовой“. Весь маршрутъ (около 6.500 верстъ) былъ выполненъ въ мѣсяцъ и одиннадцать дней, и каждому участнику путешествіе обошлось въ 72 рубля (включая расходы на проѣздъ, продовольствіе и пріобрѣтеніе предметовъ общаго пользованія). Объ успѣхѣ и плодотворности этого симпатичнаго предпріятія свидѣтельствуетъ все фактическое содержаніе сборника.

Проф. А. Н. С ѣ в е р ц о в ъ. Современныя задачи эволюціонной теоріи. Съ 41 рисункомъ въ текстѣ. Москва, 1914 г. Стр. 155. Ц. 80 к.

Въ своихъ интересныхъ очеркахъ авторъ останавливается, главнымъ образомъ на морфологическихъ вопросахъ, обыкновенно мало затрагиваемыхъ въ популярной литературѣ, и освѣщаетъ ихъ отчасти результатами своихъ личныхъ изслѣдованій. Въ книгу вошли и доклады, читанные профессоромъ Сѣверцовымъ въ общемъ собраніи съѣзда естествоиспытателей и врачей въ Тифлисѣ и въ зоологической секціи того же съѣзда.

Л. С.

Семинарій В. О. Тотоміанца по политической экономіи (кооперація) при Императорскомъ Московскомъ университетѣ Москва, 1914 г.

Въ этой книгѣ помѣщено пять статей, изъ коихъ болѣе цѣнными являются статьи П. И. Шелкова „Маслодѣльныя артели Вологодской губерніи“ и Г. А. Герсони „Лиги покупателей за границей», какъ сводящіе не всѣмъ доступные факты о трактуемыхъ ими явленіяхъ, изъ коихъ лиги покупателей, задающіяся цѣлями путемъ давленія на предпринимателей и торговцевъ добиться лучшихъ условій для рабочихъ и приказчиковъ, къ тому же, мало извѣстны въ Россіи. Остальныя статьи сборника: „Торговое посредничество и кооперація“ (Н. С. Медвѣдева), „Мелкое

крестьянскою и хозяйство „кооперація (А. П. Савича) и „Фальсификація пищевыхъ продуктовъ и мѣры борьбы съ ней“ (С. П. Павскаго).

Кн. Г. Е. Львовъ и Т. И. Полиръ. Наше земство и 50-лѣтіе работы. Москва, 1914 г.

Эта, кажется, первая популярная книжка о земствѣ, изданная по случаю земскаго юбилея. На протяженіи 60 небольшихъ страницъ въ ней излагается исторія земскаго положенія, дѣятельности земства въ различныхъ областяхъ съ нѣкоторыми цифровыми ея итогами, и условій, въ коихъ протекала работа земства, благодаря, главнымъ образомъ, недовѣрію къ земству со стороны власти. О борьбѣ интересовъ и направленій въ средѣ самаго земства говорится, напротивъ того, очень мало и мягко. Книжка пригодна всякому для первоначальнаго ознакомленія съ исторіей земства.

В. В.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Авербахъ, Ліонъ. Реальное міровоззрѣніе. Одесса, 1914 г. Цѣна 30 к.

Алексѣевъ, А. А. Финансовыя полномочія англійскаго парламента. Спб., 1914 г.

Алексѣевъ, С. А. (Аскольдовъ). Мысль и дѣйствительность. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 80 коп.

Амфитеатровъ, Александръ. Забытый смѣхъ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Аничковъ, Е. В. Язычество и древняя Русь Спб., 1914 г. Цѣна 2 р.

Арепьевъ, Н. Ф. Островъ Вормсъ и его шведское населеніе. Спб., 1914 г.

Артурова, Г. Въ странѣ хризантемъ. Повѣсть. Москва, 1914 года. Цѣна 1 руб.

Ашуковъ, Николай. Осенній цвѣтникъ. Москва, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Бернштейнъ, Р. и Марквальдъ, В. Видимые и невидимые лучи. Москва, 1914 г. Цѣна 80 коп.

Брюссовъ, Валерій Собраніе сочиненій. Т. II и XXI. Москва, 1914 г. Цѣна каждаго тома 1 р. 75 коп.

Будищевъ, Ал. Охотница за скальпами. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Хата съ краю. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Вальми, Полина. Погоня за любовью. Романъ. Москва, 1914 года. Цѣна 1 р.

Викламъ, Луи и Дегрэ, Пон. Радій. Его примѣненіе при леченіи рака. Парижъ, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Волинъ, Ю. Лицо человѣка. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Гамма, Александръ. Листки блокънота. Стихи. Спб., 1914 г.

Гиженъ, Ант. О чтеніи и книгахъ. Вып. III. Спб., 1914 г. Цѣна 80 коп.

Гольдштейнъ, М. Л. Дѣло графа Роникеръ. Рѣчъ. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Городецкій, Сергѣй. Цвѣтущій посохъ. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р,

Горскій, Владиміръ. Танго. Поэты. Москва, 1914 г. Цѣна 25 коп.

Готанъ, д-ръ. Ископаемыя растенія. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Григорьевъ, В. Ю. Современныя экономическаго развитія Сибири. Красноярскъ, 1914 г.

Гурко, В. А. Бѣлая опасность. Востокъ и Западъ. Москва, 1914 г. Цѣна 60 коп.

Давыдовъ, А. Научныя доказательства нашего личнаго безсмертія. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Евдокимовъ, А. Возрожденіе села и кооперація. Москва, 1914 г. Цѣна 10 коп.

Евлаховъ, А. Русская литература о западныхъ писателяхъ. Варшава, 1913 г. Цѣна 30 коп.

— Гдѣ дѣйствительный субъективизмъ и дилетантство? Варшава, 1914 г. Цѣна 20 коп.

Жаковъ, К. Ѳ. Какъ жить на свѣтѣ. Спб., 1914 г. Цѣна 10 коп.

— Сквозь строй жизни. Т. III. Вып. I. Спб., 1914 г. Цѣна 60 коп.

Загорскій, К. Я. Желѣзнодорожные тарифы въ Россіи и Германіи въ связи съ экономическою политикою этихъ странъ. Спб., 1914 г.

Зайцевъ, Борисъ. Разсказы. Книга 4-ая. Москва, 1914 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Зомъ, Рудольфъ. Очерки исторіи церкви. Пер. под. ред. П. В. Верховскаго. Варшава, 1914 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Ишханянъ, Б. Экономическія и общественныя основы армяно-грузинскаго антагонизма. Тифлисъ. 1914 г. Цѣна 40 коп.

Каменскій, П. В. О разрушеніи Александровскаго хутора для глухонѣмыхъ. Москва, 1914 г.

Карамзинъ, Н. М. Записка о древней и новой Россіи Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Карѣевъ, Н. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Изд. 2-ое Спб., 1914 г. Цѣна 3 р.

Качіони, С. А. Райскія ягоды. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Кечеджи-Шаповаловъ, М. В. Шульце-Деличъ. Жизнь и дѣятельность. Изд. 2-ое. Спб., 1914 г. Цѣна 40 коп.

Климентовъ, А. Романтизмъ и декадентство. Одесса, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Князевъ, А. М. В. Ломоносовъ, первый русскій естествоиспытатель. Спб., 1914 г. Цѣна 60 коп.

Крючковъ, Димитрій Цвѣты ледяные. Вторая книга стиховъ. Спб., 1914 г. Цѣна 35 коп.

Кузнецовъ К. А. Къ характеристикѣ исторической школы юристовъ. Одесса, 1914 г. Цѣна 25 коп.

Купринъ А. Бѣлый пудель. Москва, 1914 г. Цѣна 40 коп.

— Дѣтскіе разсказы. Москва, 9114 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

— Анри Рошфоръ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Спб., 1914 г. Цѣна 60 коп.

Кутнеръ, Борисъ. Семафоры. Москва, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Лаврскій Н. Указатель книгъ и статей по вопросамъ искусства. Москва, 1914 г. Цѣна 25 коп.

Ленскій Вл. Счастье. Спб., 1914 г. Цѣна. 1 р. 25 коп.

Лобачевъ, Леонидъ. Подорожникъ. Москва, 1914 г. Цѣна. 40 коп.

Львовъ, Т. Въ часы досуга. Стихи. Москва, 1914 г. Цѣна. 60 коп.

Любовичъ, Н. Н. Нѣсколько документовъ по исторіи реформаціи въ Литвѣ изъ Ватиканской библіотеки. Варшава, 1914 г. Цѣна 15 коп.

— Иностранные историческіе институты въ Римѣ. Варшава, 1914 г. Цѣна 25 коп.

Мендринъ, В. М. Исторія сіогуната въ Японіи. Нихонъ-Гайси. Сочиненіе Рай Дзіо Сисей. въ XXII книгахъ Пер. съ японскаго. Кн. III. Минамото. Цѣна 1 р. Кн. IV. Ходзіо. Цѣна 1 р. 50 коп. Владивостокъ, 1914 г.

Нажоттъ, Е. Исторія латинской литературы отъ ея начала до VI вѣка нашей эры. Пер. З. Н. Шамониной, съ пред. акад. Ѳ. Е. Корша. Москва, 1914 г. Цѣна 2 р.

Наумовъ Г. Бюджеты рабочихъ г. Кіева, Кіевъ, 1914 г. Цѣна 60 коп.

Падалка, Л. В. Происхожденіе и значеніе имени «Русь». Москва, 1914 г,

Панюринъ, Г. Для дѣтей. Вып. 6-й. Харьковъ, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Партраджъ, З. Н. и Дж. Э. Какъ и что разсказывать дѣтямъ въ школѣ и дома. Пер. Л. Б. Хавкиной-Гамбургеръ. Вступительная статья А. М. Калмыковой. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Паскаль П. Магнето-химія. Пер. Н. А. Колосовскій. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Пироговъ, Н. И. Сочиненія. Т. I. 2-ое изд. Кіевъ, 1914 г. Цѣна 2 р.

Покровскій, С. Среди природы. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Пришвинъ, Михаилъ. Славны бубны и др. разсказы. Т. III. Спб., 1914 г Цѣна 1 р. 25 коп.

Родимовъ, Павелъ. Земная риза. Вторая книга стиховъ. Казань, 1914 г. Цѣна 1 р.

Радинъ, Е. П. Футуризмъ и безуміе. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Rank, Otto und, Sachs Hanns. Значеніе психолиза въ наукахъ о духѣ. Пер. М. Кобылинской. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Рахмановъ, В. В. Психологія, какъ наука о личности. Спб., 1914 г. Цѣна 80 коп.

Рождественскій, Н. Два Рождества.

и двѣ Пасхи. Спб., 1914 г. Цѣна 20 коп.

Розенберъ, Владиміръ. Лѣтопись русской печати (1907—1914 г.) Москва, 1914 г. Цѣна 70 коп.

Россиковъ К. Н. Простѣйшій способъ уничтоженія озимого червя. Спб., 1914 г.

— Занятый паръ. Спб., 1914 г.

Руффини, Франческо. Религіозная свобода. Исторія идеи. Вып. I Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Сажинъ, И. В. Вліяніе спиртныхъ напитковъ на нервную систему, Спб., 1914 г. Цѣна 30 коп.

Семенова - Танъ - Шанская, О. П. Жизнь «Ивана». Очерки изъ быта крестьянъ одной изъ черноземныхъ губерній. Спб., 1914 г.

Соловьева, П. (*Allegro*). Вечеръ. Стихи. Спб., 1914 г. Цѣна 50 коп.

Соломинъ, Г. К. Джіотро ди Бондоне. Спб., 1914 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Сѣрова, В. С. Сѣровы Александръ Николаевичъ и Валентинъ Александровичъ. Спб., 1914 г. Цѣна 2 р. 25 коп.

Сухотинъ, Павелъ. Стихотворенія. Москва, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Тельбергъ, Георгій. Прав. Сената и самодержавная власть въ началѣ XIX вѣка. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Филиповичъ, П. Два неизвѣстныхъ стихотворенія Е. А Боратынскаго. Кіевъ, 1914 г.

Хавкинъ, Л. Б. Нью-Іоркская публичная библіотека Москва, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Цаликовъ, Ахметъ. Въ горахъ Кавказа. Москва, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Чаадаевъ, П. Я. Сочиненія и письма. Подъ ред. М. Гершензона. Т. II. Спб., 1914 г.

Чапыгинъ, А. лѣнивый Лоседо Каррики, В. Щенокъ. Горбуновъ, К. Сватовство гордаго мышенка. Спб., 1914 г. Цѣна 40 коп.

Чириковъ, Евгеній. Марька изъ Ямъ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Шиловъ, А. XIV Международный антиалкогольный конгрессъ въ Миланѣ. Москва, 1914 г. Цѣна 10 коп.

Э. Р. Въ походъ за живущаго (или въ защиту скорой помощи). Спб., 1914 г.

Ященко, Л. Открытое письмо гг. членамъ гос. думы. Спб., 1914 г.

Австрійскій проэктъ закона о промышленныхъ и хозяйственыхъ товариществахъ. Пер. Н. И. Ржонковскаго, предисловіе. В. А. Краснокутскаго. Москва, 1914 г. Цѣна 75 коп.

Архивъ Царства Польскаго. Часть I Внутреннія дѣла Польши. Описалъ И. С. Рябининъ. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р.

Библіотека народной школы, Ив. Жирковъ. Избранныя русскія сказки. Кн. I и II. Для маленькихъ дѣтей. Кн. III. Для младшаго возраста. Кн. IV и V. Для средняго возраста. Цѣна каждой книжки 20 коп.—Ѳ. О. Тютчевъ. Одинъ день на полѣ сраженія. Цѣна 5 коп.—В. В. Селивановъ. Годъ русскаго землевладѣльца. Цѣна 40 коп. Москва, 1914 г.

Врачебно-санитарная организація среди еврейскаго населенія (по даннымъ анкеты 1913 г. Вып. I и II. Спб., 1914 г. Цѣна двухъ вып. 75 к.

Дневникъ писателей. № 1 и 2. Спб., 1914 г. Цѣна каждаго номера 20 коп.

Дѣло. прис. пов. А. Д. Марголина. Спб., 1914 г. Цѣна 80 коп.

Еврейское студенчество. № 1 и 2. Москва, 1914 г. Цѣна 15 коп.

„Записка о ритуальныхъ убійствахъ" (приписываемая В. И. Далю) и ея источники. Спб., 1914 г. Цѣна 40 коп.

Земля. Сборникъ 14-ый. Москва, 1914 г. Цѣна 1. р. 50 коп.

Избранные стихи русскихъ поэтовъ. Періодъ второй (Н. Огаревъ—Д. Мережковскій). Спб., 1914 г. Цѣна 1 руб.

Извѣстія по организаціи экскурсіи 1913—1914 гг. Вып. I. Рождественская экскурсія въ Москву. Тула, 1914 г. Цѣна 40 коп.

Изданія „Посредника". № XCVII. Т. Л. Сухотина—Марія Монтессари и новое воспитаніе. № 29, Маленькіе голландцы № 218, 299 и 300. Искусство для дѣтей (для семьи и школы) Составили Р. Фрелихъ и Б Сноу Книга 1-ая, 2-ая и 3-я. № 303. Мальчики въ Метсолѣ. Москва, 1914 г..

Исторія западной литературы (1800—1910). Подъ ред. Ѳ. Д. Батюшкова. Книга 6-ая.

Московскій Художественный Театръ. Т. I и 1i. Москва, 1914 г. Цѣна 1-го т. 2 р., 2-го—2 р. 50 коп.

Народное образованіе въ земствахъ. Подъ ред. Е. А. Звягинцева, А. М. Обухова, С. О. Чехова. Москва, 1914 г. Цѣна 3 р.

Отчетъ комиссіи пом. прис. повѣренныхъ Округа Спб. Судебной Па-

латы за 1913 годъ. Спб., 1914 г.

Отчеты санитарныхъ врачей Спб. губ. земства за 1911 годъ. Спб., 1913 г.

Подворная перепись Симбирской губ. 1910—11 гг. Вып. 6-ой Курмышскій уѣздъ. Симбирскъ, 1914 г.

Пушкинистъ. Истор.-литературный сборникъ. Подъ ред. С. А. Венгерова. Спб., 1914 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Изд. 2-ое. Подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Въ 3-хъ томахъ. Москва, 1914 г. Цѣна за три тома 6 р. 50 коп.

Сиринъ. Сборникъ третій. Спб., 1914 г. Цѣна 2 р.

Слово. Сборникъ третій. Москва, 1914 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Труды санитарнаго съѣзда земскихъ врачей Спб. губ. Т. I и II. Спб., 1913 г.

Украинскій вопросъ. Спб., 1914 г. Цѣна 75 коп.

Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. проф. Ф. К. Волкова, порф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. Туганъ-Барановскаго и акад. А. Я. Шахматова. Т. I Спб., 1914 г.

Толстовскій Ежегодникъ 1913 года. Спб., 1914 г. Цѣна 3 р.

Толстовскій Музей. Т. II. Переписка Л. Н. Тостого съ Н. Н. Страховымъ 1870—1894. Спб., 1914 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Универсальная библіотека. № 687. Е. О'Нейль. Марія Стюартъ № 688. Сказаніе о Гераклѣ. № 925. Альмквистъ. Мельница въ Шельнурѣ. № 929—931. В. Реймонтъ. Мечтатель № 933—935. Арнольдъ Бенетъ. Святая любовь. № 936—938. Кнутъ Гамсунъ. Послѣдняя отрада. № 939. Джэкъ Лондонъ. Красавица Ли Вонъ. № 940—941 Джэкъ Лондонъ. Дѣти снѣговъ. Москва, 1914 г. Цѣна каждаго №-ра 10 коп.

Христіанство въ освѣщеніи протестанскихъ теологовъ Пер. Ф. Д. Капельюма, под. ред. Кайгена Спб., 1914 г. Цѣна 1 р.

Алчевська, Христя. Пісні серця і просторів. Харьків, 1914 г. Цѣна 50 коп.

Ефремов, Сергій. Шевченко. Збірка. Київ, 1914 г. Ціна 1 корб.

Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святославля. внука Ольгова. Дума про військо Ігореве. Переспів Панаса Мирного Київ. 1914 г. 1914 г. Ціна 18 коп.

Україна. Науковий трйохмісячник українознавства. Під загальнимъ проводомъ Михайла Грушевського, при близшій участі Федора Корша, Ореста Левицького і Олексія Шахматова. Кн. I. Київ 1914.

Ischanian, B. Nationales Bestand, berufmässige Gruppierung und soziale Gliederung der Kaukasischen Völker. Berlin 1914.

Zaurent, Morel; Notard, Philippe; Mercereau Alexandre. La paix armée et le problême d'Alsace dons l'opinion des nouvelles generations françaises. Paris, 1914. Prix 2 fr. 50 c.

La vie des lettres. Volume 5. Paris, 1914.

Preyer, W. D. Die russische Agrarreform. Iena, 1914.

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. С. Посниковъ.

„Я никого не ѣмъ!“

III изданіе, 13-ая тысяча экземпляровъ.

1500 вегетаріанскихъ кушаній, 365 меню

(по временамъ года), подъ редакціей д-ра мед. Зеленкова. Авторъ (жена д-ра медиц. О. К. Зеленкова: С.П.Б. Суворовскій пр., 39, кв. 40), высыл. нал. платежемъ. Цѣна 2 руб. въ переплетѣ. Пересылка: 35 коп., иногороднимъ 55 к.

Продается и въ книж. магаз. „Новаго Времени“.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ“

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:
Москва, Новинскій бул., д. 103.

Ближайшее участіе принимаютъ:
С. Н. Булгаковъ, Г. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

С. А. АЛЕКСѢЕВЪ (Аскольдовъ).—Мысль и дѣйствительность. Ц. 1 р. 80 к.

А. ВОЛЖСКІЙ.—Въ обители преподобнаго Серафима. Ц. 35 к.

С. ДУРЫЛИНЪ. — Церковь невидимаго града. Сказаніе о градѣ Китежѣ. Ц. 50 к.

Л. ДЮШЕНЪ.—Исторія древней церкви. Т. I и II. Переводъ съ пятаго франц. изд. подъ ред. проф. И. Попова и профес. А. Орлова. Ц. каждаго тома 2 р.

С. КЕЧЕКЬЯНЪ.—Этическое міросозерцаніе Спинозы. Ц. 1 р.

Н. ЛОССКІЙ.—Интуитивная философія Бергсона. Ц. 70 к.

Свящ. П. ФЛОРЕНСКІЙ.—Столпъ и утвержденіе истины. (Опытъ православной Ѳеодосіи въ двѣнадцати письмахъ). Ц. 3 р. 50 к.

П. Я. ЧААДАЕВЪ.—Собраніе сочиненій и писемъ въ 2-хъ т. Цѣна за оба тома 5 р.

Продаются во всѣхъ извѣстн. кн. маг. Высылаются нал. плат. Проспектъ по требованію безплатно.

ВЫШЛО ИЗЪ ПЕЧАТИ новое изданіе на 1914 годъ

ПУТЕВОДИТЕЛЕЙ МИШЛЕНЪ

по Испаніи и Южнымъ странамъ,

содержащихъ всѣ интересныя свѣдѣнія для автомобилистовъ объ Испаніи, Ривьерѣ, Италіи, Алжирѣ, Тунисѣ и Египтѣ.

Русское Генеральное Агентство Шинъ МИШЛЕНЪ,

Москва, Архангельскій пер. № 7,

высылаетъ путеводители по полученіи 40 коп. почтовыми марками за каждый.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

К. Ф. НЕКРАСОВА.

Москва, Тверская, 29, кв. 46.

Мемуары г-жи де Ремюза. Переводъ О. И. Рудченко. Редакція и вступительная статья С. Ф. Фортунатова. Томъ I Цѣна 2 р.

Московское книгоиздательство К. Ф. Некрасова обогатило въ текущемъ году нашу историческую литературу цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ книгъ. Къ числу послѣднихъ надо отнести и только что появившіеся мемуары г-жи де Ремюза, бывшей придворной дамы императрицы Жозефины . . . . . .

. . . . . .

„Рѣчь“ № 332. 3 дек. 1912 г.

. . . . . .

. . . . . .

Въ безконечной серіи современныхъ мемуаровъ, посвященныхъ Наполеону, его родинѣ, его близкимъ, мало можно найти такихъ увлекательныхъ, какъ мемуары г-жи Ремюза. Читатель не будетъ жалѣть времени, которое уйдетъ у него на знакомство съ ними.

Обѣ книги переведены и изданы очень опрятно. Мемуары Ремюза снабжены, кромѣ того, все болѣе и болѣе рѣдкимъ въ послѣднее время приложеніемъ: предисловіемъ проф. С. Ф. Фортунатова. Оно очень коротенькое, какъ все, что выходитъ изъ подъ пера почтеннаго историка, но, какъ всѣ его писанія, содержательнои интересно. А. Дживелеговъ.

„Русск. Вѣд.“ № 286. 13 дек. 1912 г.

Полный каталогъ издательства высылается по требованію безплатно.

Выписывающіе непосредственно изъ склада на сумму отъ 3 р. за пересылку не платятъ.

КНИГИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ТАКЖЕ И СЪ НАЛОЖЕННЫМЪ ПЛАТЕЖОМЪ.

Складъ высылаетъ также и всѣ другія книги, вышедшія въ Россіи.

Красоту

придаетъ нѣжное, чистое лицо, розовый юный видъ, бѣлая, бархатная кожа и ослѣпительно красивый цвѣтъ лица
Все это достигается настоящимъ

Мыло „Конекъ"

Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ.
Требуйте только красную упаковку.
Кусокъ 50 К. Можно получать вездѣ.
Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ,
Малая Конюшенная № 10.

Музыкальная Торговля

В. БЕССЕЛЬ и К°.

Поставщики Двора Его ИМПЕРАТОРСКАГО Величества

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 54. **Телефонъ 53—61.**
МОСКВА, Петровка, 12. **Телефонъ 32—27.**

Большой выборъ нотъ всевозможныхъ изданій какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ.

Дешевыя изданія.

Требованія г.г. иногородныхъ исполняются **аккуратно** и съ **первой** отходящей почтой. По желанію съ налож. платежомъ.
Каталоги собственныхъ изданій высылаются **безплатно.**

КАЖДЫЙ ПЛАВАЕТЪ СРАЗУ.

АМЕРИКАНСКІЯ ПЛАВАТЕЛЬНЫЯ КРЫЛЬЯ
АЙВАДА (Aywad's Water Wings)
ВСЕГДА ГОТОВЫ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ.

СЪ НИМИ СРАЗУ ЛЕГКО ПЛАВАТЬ и ЛЕЖАТЬ на ВОДѢ.
СЛОЖЕННЫЯ ЗАНИМАЮТЪ МѢСТА НЕ БОЛѢЕ НОСОВОГО ПЛАТКА.
ПОДДЕРЖИВАЮТЪ НА ПОВЕРХНОСТИ ДО 9 ПУДОВЪ.

Цѣна 1 р. 70 к., пересылка 35 к., въ Сибирь 65 к.
СКЛАДЪ У **Москва,**
И. ГЛАЗУНОВА, Столешниковъ, № 8.

Торговый знакъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ МАГАЗИНЪ
спеціально РЫБОЛОВНЫХЪ принадлежностей.
ТОРГОВАГО ДОМА
„С. А. Малиновскій“,
МОСКВА, РОЖДЕСТВЕНКА, 8.

Роскошно иллюстрированный, ясно и толково составленный **ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ** съ объясненіемъ всѣхъ способовъ уженья и примѣненія снастей высылается **БЕЗПЛАТНО.**

НОВЫЯ КНИГИ собственнаго изданія:

1) **„УЖЕНЬЕ РЫБЫ“**, И. Комарова. Цѣна безъ пересылки 1 р.
2) **„ЛОВЛЯ СОМОВЪ НА КВОКЪ“**, М. Ушакова. Цѣна безъ пересылки 35 к.
3) Брошюра бр. Гарди, катушки Silex и англійск. **„МЕТОДЫ УЖЕНЬЯ СПИННИНГЪ“** (переводъ съ англійск.). Цѣна безъ пересылки 35 к.

НОТНЫЕ МАГАЗИНЫ
Россійскаго Музыкальнаго Издательства.

МОСКВА,
Кузнецкій мостъ, 6.
Тел. 217—07.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Морская, 11.
Тел. 178—53.

Ноты и книги по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго знанія всѣхъ русскихъ и иностранныхъ издательствъ.

Складъ собственныхъ изданій.

Постоянный складъ для Россіи изданій Брейткопфъ и Гертель.
Оптовые склады изданій: Н. Зимрокъ, Шлезингеръ (Р. Линау), Эристъ Эйленбургъ (карманныя партитуры).
Складъ духовно-музыкальныхъ сочиненій изданій Придворно-пѣвческой капеллы.
Оперы и либретто.—Постоянно всѣ новости.—Открытыя письма съ портретами выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.—Свѣжія струны.—Нотная бумага.
Комиссіонерство для г.г. иногородныхъ.

Заказы г.г. иногородныхъ покупателей исполняются быстро и аккуратно.

Отправка съ наложеннымъ платежемъ.

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и Ко представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

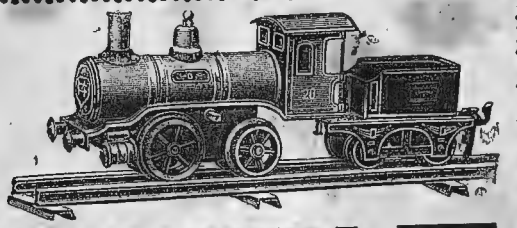
Заѣдывающій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

МАГАЗИНЪ

ИНЖЕНЕРА



С. И. ЗВѢРЕВА

МОСКВА, Петровскія линіи.

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ.

Наборы жел. д. зав.	отъ	2 р.	до	80 р.
„ „ „ пар.	отъ	10 р.	до	180 р.
Паровозы заводные	отъ	3 р.	до	45 р.
„ паровые	отъ	5 р.	до	80 р.
Вагоны тов. и пасс.	отъ	50 к.	до	20 р.
Станціи	отъ	1 р. 50 к.	до	35 р.
Перетз., мосты, тон. и депо	отъ	2 р.	до	50 р.
Паровыя машины	отъ	2 р.	до	50 р.
Разные приводы	отъ	50 к.	до	30 р.
Электрическія станціи для добыванія тока	отъ	8 р.	до	500 р.
Электрическія ж. д.	отъ	3 р.	до	100 р.
Электродвигатели	отъ	4 р.	до	25 р.
Динамо	отъ	4 р.	до	12 р.

Безпроволочный телеграфъ				20 р.
Телеграфъ „Морзе“				30 р.
Микроскопы		8 р.	и	10 р.
Статическія машины		10 р.	и	15 р.
Аппараты для выжиганія	отъ	5 р.	50 к.	
Устройство домашняго электрическ. освѣщенія	отъ	3 р.	50 к.	до 6 р.
Кукольн. ком. съ меб. и электр. осв.				15 р.
Электроотвѣты для изучен. географ.				6 р. 50 к.
Полн. наборъ для постр. аэроплана				6 р.
Синем. и волшебн. фон.	отъ	12 р.	до	60 р.
Разныя игрушки, игры, постройки	отъ			50 к.

Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ.

Москва, Тверская улица, близъ Газетнаго, домъ № 15.

ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ◘ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ◘ Шомпольныя двухствол. отъ 12 р. ◘ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ◘ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ◘ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ◘ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ◘ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патронъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности по ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно,—на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к. 1—1

МАРКУСЪ ЗАКСЪ

КОРСЕТЫ

НАБРЮШНИКИ и ГРУДОДЕРЖАТЕЛИ.

ВСЕГДА ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ. МОДЫ ТРЕБУЙТЕ ИЛЛЮСТРИРОВ. ПРЕЙСКУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

С.П.Б. ТЕЛ. 438-40

ЛИТЕЙНЫЙ. 45.

VIS-A-VIS БАССЕЙНОЙ УЛ.

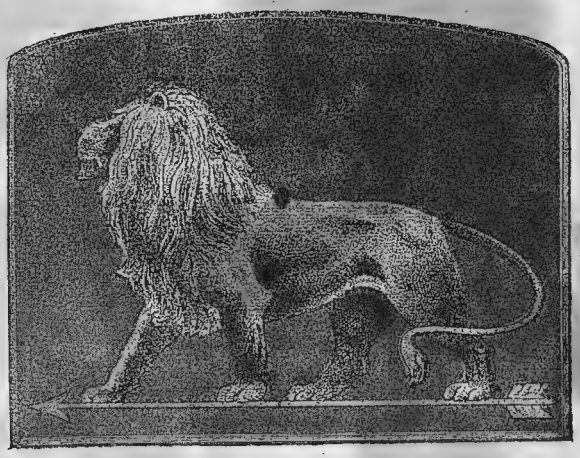
Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

АНОНИМНОЕ ОБЩЕСТВО

АВТОМОБИЛЕЙ, МОТОЦИКЛОВЪ и ВЕЛОСИПЕДОВЪ

ПЕЖО

Капиталъ 30.000.000 франковъ.



Лучшее, что можетъ дать современная техника.
Автомобили легкіе для туризма и городской ѣзды.
Вуатюретки („Бебе-Пежо“). Грузовики и автобусы для всевозможныхъ промышленныхъ цѣлей.
Военные и санитарные автомобили.

Смѣты, каталоги и отзывы по первому требованію.

Контора для всей Россіи:

С.-Петербургъ, Каменноостровскій, уг. Кронверкскаго пр. № 13—2.
Телефонъ 225—60 и 99—79.

ФАБРИЧНЫЕ СКЛАДЫ:

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Каменноостровскій, уг. Кронверкскаго № 13—2, тел. 225—60 и 99—79.

МОСКВА, Мясницкая, № 45. ВАРШАВА, Новый Свѣтъ № 72. КІЕВЪ, Крещатикъ № 22. ХАРЬКОВЪ, Торговая пл. № 16.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ, Проспектъ № 116. ОДЕССА, Греческая уг. Ришельевской. РОСТОВЪ на ДОНУ, Большая Садовая № 83.

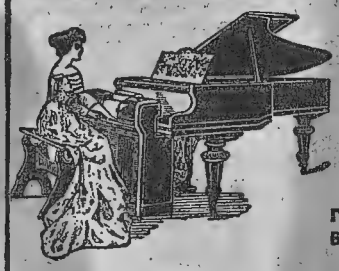
СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЪ, АГРАМАНТЪ

ФАБРИК.
БР. БАЛАКИНЫ

МОСКВА, ИЛЬИНКА, ПРОТ. ГОСУДАРСКАЯ
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЪ
БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ И СТИЛЕЙ
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ФОНОЛА



КАКЪ БЫТЬ ПІАНИСТОМЪ, НЕ ЗНАЯ НОТЪ?

ФОНОЛА—самый выдающійся изъ всѣхъ аппаратовъ, объемомъ въ 73 и 88 клавиша, для художественной игры на роялѣ или піанино.

Только ФОНОЛА имѣетъ, помимо нотъ художественной аранжировки, еще и артистическія ноты, наигранныя извѣстными піанистами и воспроизводящія въ точности ихъ исполненія, сохраняя не только всѣ мельчайшіе оттѣнки, но даже и ритмическія особенности, присущія тому или другому піанисту.

Ноты имѣются въ записи: І. Гофманъ, Сливинскій, Бакгаузъ, Годовскій, Венявскій, Бузони, Григъ, Шарвенка, Габриловичъ, Грюнфельдъ, Зауэръ, Бауэръ, Фридгеймъ и много др. знаменитостей.

Весь рапертуаръ для ФОНОЛЫ состоитъ изъ болѣе чѣмъ 20,000 пьесъ.

ФОНОЛА-ПІАНО. ФОНОЛА-РОЯЛЬ.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ МОСКВА, ПЕТРОВКА, 16.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ИЛЛЮСТРИРОВАННУЮ БРОШЮРУ О „ФОНОЛѢ"

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

СЕДЬМОЕ СОВЕРШЕННО ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ЗНАЧИТЕЛЬНО РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціей профессоровъ Ю. С. ГАМБАРОВА, В. Я. ЖЕЛѢЗНОВА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, С. А. МУРОМЦЕВА (†) и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Изъ содержанія XXI—XXIII томовъ: Звукъ (20 стб.)—**проф. О. Д. Хвольсона**. Земельный вопросъ (99 стб.)—**проф. М. И. Туганъ-Барзновскаго**. Землеустройство (съ прилож., 20 стб.)—**проф. А. А. Кауфмана**. Земская статистика (14 стб.)—**проф. А. Ѳ. Фортунатова**. Земскіе соборы (11 стб.)—**В. А. Мякотина**. Земскія учрежденія (съ прилож., 56 стб.)—**С. М. Блеклова**. Золотопромышленность (съ прил. 18 стб.)—**проф. А. Н. Митинскаго**. Извученіе (16 стб.)—**прив.-доц. А. К. Тимирязева**. Изменчивость (10 стб.)—**проф. К. А. Тимирязева**. Иммунитетъ (21 стб.)—**проф. И. И. Мечникова**. Инстинктъ (6 стб.)—**проф. М. А. Мензбира**. Испанія (90 стб.)—**А. Дерепталя**. Исторія (съ прилож., 42 стб.)—**А. К. Дживелегова**. Исчисленіе безконечно малыхъ (прил., 28 стб.)—**проф. Б. К. Млодзѣевскаго**. Италія: географія (20 стб.)—**проф. А. Гислери**. (Бергамо), исторія (124 стб.)—**А. К. Дживелегова, И. И. Шитца** и **Г. И. Шрейдера**, статистико-экономич. обзоръ (прил., 20 стб.)—**Г. И. Шрейдера**, литература (26 стб.)—**В. М. Фриче**, искусство (56 стб.)—**проф. А. Вентури** (Римъ). Іерингъ (10 стб.)—**проф. Ю. С. Гамбарова**. Кавказскія войны (14 стб.)—**М. Н. Покровскаго**. Кавказъ (31 стб.)—**проф. Д. Н. Анучина**. Кальвинизмъ (12 стб.)—**проф. И. В. Лучицкаго**. Кантъ (27 стб.)—**проф. Н. Н. Ланге**. Капитализмъ (33 стб.)—**проф. В. Я. Желѣзнова**. Картографія (11 стб.)—**проф. Д. Н. Анучина**.

Изъ отзывовъ столичной печати: „Большинство статей, входящихъ въ словарь, представляетъ вполнѣ оригинальныя работы, написанныя лучшими спеціалистами, и отличаются строгой научностью изложенія. Нѣкоторыя изъ этихъ статей разрослись въ обширныя монографіи. Такъ, въ восьмомъ томѣ начато печатаніе статьи М. М. Ковалевскаго объ исторіи Великобританіи, занявшей уже 468 столбцовъ и доведенной пока только до реставраціи Стюартовъ. Нужно ли говорить о томъ, насколько цѣнными являются подобныя статьи, высоко поднимающія настоящій словарь надъ уровнемъ изданій справочнаго характера и превращающія его въ своего рода библіотеку для самообразованія“ (Русск. Вѣд.“, 1911, № 227). „Характеръ основныхъ статей Словаря отличается во вновь вышедшихъ томахъ такими же высокими достоинствами, какъ и въ предыдущихъ.. Превосходныя статьи К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, М. М. Ковалевскаго и многихъ другихъ авторовъ по своей содержательности далеко превосходятъ статьи на аналогичныя темы даже въ лучшихъ западно-европейскихъ энциклопедіяхъ“ (тамъ же, 1913, № 66). „Словарь т-ва Гранатъ является необходимой и прекрасной настольной книгой“ (Вѣст. Воспит.“, 1911, № 8). „Статьи... зачастую представляютъ собою обширныя монографіи, отличающіяся живостью и яркостью изложенія и читающіяся съ захватывающимъ интересомъ“ („Сѣв. Зап.“, 1914, № 1): „Его научно-объективное изложеніе не походитъ на формальный перечень данныхъ, принятый обыкновенно въ нѣмецкихъ энциклопедіяхъ .. Эти условія выдѣляютъ „Словарь“ изъ ряда многочисленныхъ энциклопедическихъ изданій и дѣлаютъ его не только справочнымъ пособіемъ, но и собраніемъ чрезвычайно интересныхъ статей по всѣмъ отраслямъ знанія“ („День“, 1913, № 47). „Историко-литературныя статьи.., написаны наиболѣе авторитетными спеціалистами“ („Гол. Минувш.“, 1913, № 11). „...цѣлый рядъ статей крупной цѣнности, использовавшихъ всѣ матеріалы данной области и въ полной мѣрѣ удовлетворяющихъ и богатствомъ свѣдѣній, и мастерствомъ изложенія, руководимаго принципомъ, „чтобы словамъ было тѣсно, а мыслямъ (тутъ надо прибавить—и фактамъ)—просторно“ („Рѣчь“, 1912, № 49). „Изданіе ведется съ любовью, со знаніемъ дѣла, поставило себѣ прекрасныя цѣли, даетъ богатый матеріалъ“ („Современный Міръ“, 1913, №). „Совершенно исключительной особенностью этого изданія, выдѣляющей его изъ всѣхъ другихъ ему подобныхъ изданій у насъ, является поистинѣ роскошная внѣшность“ („Голосъ Современника“, 1912, № 5). „Иллюстративная часть далеко оставляетъ за собою все, что до сихъ поръ давалось подобными изданіями не только въ Россіи, но и за границей“ („Утро Россіи“, 1910, № 317). „Словарь вполнѣ заслужилъ тотъ широкій успѣхъ, который онъ встрѣтилъ“ (Современное Слово“, 1913, № 1996).

Въ первыхъ **22-хъ** томахъ **помѣщено: 76 текстовыхъ приложеній** (1,344 стб.) и **437 художественныхъ приложеній** въ цѣлую страницу въ т. ч. **разборныя модели тѣла человѣка, головы и глаза и двигателя Дизеля**, 376 репродукцій въ краскахъ и 71 англійскихъ геліогравюры—REMBRANDT INTAGLIO. **Географическія карты составятъ** особый **томъ-атласъ**, который будетъ снабженъ *подробнымъ указателемъ географическихъ мѣстъ* и ихъ расположенія.

Цѣна тома (при подпискѣ на все изданіе): удешевленнаго изд.—2 р. 30 к.; полнаго иллюстрир. изд. 3 р. 30 к. За пересылку (и рис. ак. жив. Л. О. Пастернака) 50 к. За пересылку по дѣйствит. стоимости. По соглашенію съ конторой допускается разсрочка платежа. **Первые 10 томовъ вышли двумя повторными, стереотип. изданіями** (8-мъ и 9-мъ), подготовляется новое (10-е) стереотипное изданіе ихъ. По желанію тома Словаря высыл. **для ознакомленія** (съ правомъ возврата).

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ высылаются по требованію **БЕЗПЛАТНО.**

Т-во „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“ Москва, Тверской б., 15-Е.

, С.-Петербургъ, Моховая, 37.

Вы не знаете что такое

ХОРОШАЯ ШИНА

если не ѣздите на

ШИНАХЪ МИШЛЕНЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 12.

ДЕКАБРЬ, 1914.

ПЕТРОГРАДЪ

КНИГА 12-я.—ДЕКАБРЬ, 1914.

	стран.
I.—ПЕПИТО ИЗЪ ГВАДАЛАХАРЫ.—**А. Деренталя**	5
II.—ПѢСНЯ БРЮССЕЛЬСКИХЪ КРУЖЕВНИЦЪ.—Стихотвореніе.—**Т. Щепкиной-Куперникъ**	58
III.—КАМЕННЫЙ ЛИКЪ.—(Городскіе очерки).—**Вл. Ладыженскаго**	61
IV.—ИНДУССКАЯ ПѢСНЯ.—Стихотвореніе.—**А. Ѳедорова**	85
V.—ИЗБРАНІЕ РИМСКАГО ПЕРВОСВЯЩЕННИКА.—(Конклавъ).—**А. Рубецъ**	87
VI.—ВЪ ДЕКАБРѢ.—Стихотвореніе.—**Г. Вяткина**	118
VII.—МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.—**Д. Тальниковой**	119
VIII.—ВЪ СТРАНУ ЛИХОРАДОКЪ.—Разсказъ Юргенса Юргенсона.—Перев. съ датскаго **З. Журавской**	161
IX.—БѢЛАЯ БАКТЕРІЯ.—Разсказъ Юргенса Юргенсона.—Перев. съ датскаго **З. Журавской**	170
X.—БОЛЬШОЙ КРЕСТЪ ПОЛУМѢСЯЦА. — Разсказъ Ричарда Хардингъ Дэвиса—Перев. съ англ. **З. Журавской**	195
XI.—ГУБЕРНАТОРЪ-ОРИГИНАЛЪ.—(Страничка изъ воспоминаній 1861—1863 г.г.)—**Л. Хитрово**	221
XII.—ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ.—(Окончаніе).—**Нестора Котляревскаго**	238
XIII.—ХРОНИКА.—ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.—**Діонео**	250
XIV.—ВЪ КОЛЬЦѢ ОГНЯ.—(Письмо изъ Швейцаріи).—**А. Дивильковскаго**	263
XV.—КАКЪ ВОЙНА ОТОЗВАЛАСЬ ВЪ АМЕРИКѢ.—**П. А. Тверского**	280
XVI.—ЧТО НУЖНО БЫЛО ГЕРМАНІИ?—**Л. Слонимскаго**	287
XVII.—АНТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ РУБИНШТЕЙНЪ. — Къ 25-лѣтію со дня его смерти.—**Виктора Вальтера**	294
XVIII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Русская литература XX вѣка (1890 — 1910) подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. — **Е. Як—ъ.** — С. П. Сингалевичъ. Составъ населенія г. Оксиринха въ первые три вѣка римскаго господства въ Египтѣ (30 г. до Р. Хр.—284 по Р. Хр.). — Его же.—Совѣтъ г. Оксиринха III вѣка по Р. Хр.—**Б. П. Иванова.** — Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Архивъ Царства Польскаго. Ч. I. Внутреннія дѣла Польши. Описалъ И. С. Рябининъ.—**С. Г.**—Феликсъ Шенвицъ. Власть римскаго домовладыки.—**Б. П. Иванова.**—Jules Amar. Le moteur humain et les bases scientifiques du travail professionel.—**Р.**—Высшія начальныя училища. Сборникъ законовъ, распоряженій, статистическихъ свѣдѣній и пр. о городскихъ и высшихъ начальныхъ училищахъ. Составилъ А. Меленевскій.—**С. Г.**—К. С. Лейтесъ. Германскіе комми-вояжеры. — Е. А. Олонина. Портновскій промыселъ въ Москвѣ и въ деревняхъ Московской и Рязанской губ.	304
XIX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Общее политическое положеніе. — Безпокойство нейтральныхъ державъ и толки о посредничествѣ.—Рѣчь германскаго канцлера.—Министерскія рѣчи въ Англіи.—Политика балканскихъ государствъ и македонская распря.—Неопредѣленное положеніе нейтральныхъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ	318
XX.—СЪ ВОЙНЫ.—**И. Жилкина**	334
XXI.—НА ТЕМЫ ДНЯ.—**К. Арсеньева**	372
XXII.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Отвѣтъ на воззваніе нѣмецкихъ ученыхъ.—Резолюція русской группы международнаго союза криминалистовъ.—„Новый“ судъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его созданія.—Судъ, для всѣхъ равный и неравный.—Подсудность.—Довѣріе и недовѣріе къ суду.—Независимость суда.—Ликвидація нѣмецкаго землевладѣнія. — **В. Кузьмина-Караваева.**—Повышеніе нѣкоторыхъ существующихъ и установленіе новыхъ налоговъ—В. Е. Строгановъ †	385
XXIII.—ПАМЯТИ В. И. ЛАМАНСКАГО.—Д. О. К.	404
XXIV.—ОБЗОРЪ ВОЕННЫХЪ СОБЫТІЙ.—**А. Оглина**	405
XXV.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ	422
XXVI.—НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ	425
XXVII.—АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	427
XXVIII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ	437

При этой книгѣ всѣмъ подписчикамъ разсылаются слѣдующія приложенія:

1. Переводный бланкъ журнала „Вѣстникъ Европы“.
2. Объявленіе о подпискѣ на журналъ „Нива“ 1915 г. Не получившіе означеннаго объявленія благоволятъ заявить о томъ въ контору журн. „Нива“—Петроградъ, ул. Гоголя, 22, откуда объявленіе будетъ выслано имъ немедленно.
3. Объявленіе кн. маг. т./д. „Трудъ“ Скирмунта.
4. Переводъ—объявленіе о подпискѣ въ 1915 г. на журналъ „Вокругъ Свѣта“. Не получавшимъ перевода высылается по первому требованію подробный проспектъ изъ конторы журн. „Вокругъ Свѣта“. Москва, Тверская, д. 48.